

ВЕСТНИК

**КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени Н.А. НЕКРАСОВА**

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2014   Том 20

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 6

Ноябрь – Декабрь

VESTNIK

**OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY**

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2014   Volume 20

BASIC ISSUE

№ 6

November – December

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе
КГУ им. Н.А. Некрасова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БАСОВ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

БЕЛКИН ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ
доктор технических наук, профессор

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор

БУЛДАКОВ СЕРГЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

ДЕНИСОВ АРТЕМ РУФИМОВИЧ
доктор технических наук, доцент

ЕДОШИНА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА
доктор культурологии, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

ЗАХАРОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ
профессор, заслуженный деятель искусств РФ

ИСАЕВ ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ
доктор химических наук, профессор

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор

ЛЕБЕДЕВ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ
доктор биологических наук, профессор

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

МУРАТКИНА ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА
доктор филологических наук, профессор

НАУМОВ АЛЕКСАНДР РУДОЛЬФОВИЧ
кандидат химических наук, доцент

РАССАДИН НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
кандидат педагогических наук, профессор

РУМЯНЦЕВА ЗОЯ ВАСИЛЬЕВНА
доктор психологических наук, профессор

СИРОТИНА МАРИНА ВАЛЕРЬЕВНА
доктор биологических наук, доцент

СУБЕТТО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор экономических наук, доктор философских наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV
KOSTROMA STATE UNIVERSITY”
(GENERAL ISSUE)**

EDITOR IN CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of juridical sciences,
Nekrasov Kostroma State University
prorector of science, associate professor

DEPUTY EDITOR IN CHIEF

ANATOLIY GRIGOR'YEVICH KIRPICHNIK
Candidate of psychological sciences, professor

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNAD'YEVNA ANDREYEVA
Candidate of philological sciences

THE EDITORIAL BOARD

NIKOLAY FYODOROVICH BASOV
Doctor of pedagogic sciences, Professor,
Russian higher school honoured worker

PAVEL NIKOLAYEVICH BELKIN
Doctor of technical sciences, Professor

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor historical of sciences, Professor

SERGEY KONSTANTINOVICH BULDAKOV
Doctor of philosophic sciences, Professor,
Russian higher school honoured worker

ARTYOM RUFIMOVICH DENISOV
Doctor of technical sciences, associate professor

IRINA ANATOL'YEVNA YEDOSHINA
Doctor of Culture, Professor,
Russian higher school honoured worker

ANDREY IVANOVICH ZAKHAROV
Professor, honoured art worker of Russia

PAVEL PAVLOVICH ISAYEV
Doctor of chemical sciences, professor

NATALIYA GENNAD'YEVNA KOPTELOVA
Doctor of philological sciences, professor

VLADIMIR PAVLOVICH LEBEDEV
Doctor of biological sciences, Professor

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of philological sciences, Professor,
honoured scientist of Russia

YEKATERINA LEONIDOVNA MURATKINA
Doctor of philological sciences, Professor

ALEKSANDR RUDOL'FOVICH NAUMOV
Candidate of chemical sciences, associate professor

NIKOLAY MIKHAYLOVICH RASSADIN
Candidate of pedagogic sciences, professor

ZOYA VASIL'YEVNA RUMYANTSEVA
Doctor of psychological sciences, professor

MARINA VALER'YEVNA SIROTINA
Doctor of biological sciences, associate professor

ALEKSANDR IVANOVICH SUBETTO
Doctor of economic sciences, Doctor of philosophic
sciences, Professor, honoured scientist of Russia

ТИМОНИН АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

ТРАВИН ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор технических наук, профессор

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, доцент

ФЕТИСКИН НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ
доктор психологических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

ЧЕКМАРЕВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

АЛИЕВ УРАК ЖОЛМУРЗАЕВИЧ
доктор экономических наук, профессор,
действительный член (академик)
Академии философии хозяйства,
г. Астана, Казахстан

ДИКУСАР АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор химических наук, профессор,
член-корреспондент АН Молдовы,
г. Кишинёв, Молдова

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор, доцент, руководитель кафедры
«Частно-правовые науки»
Университета национального и мирового хозяйства,
г. София, Болгария

КВЯТКОВСКА АННА
доктор психологических наук,
Институт психологии польской Академии наук,
г. Варшава, Польша

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка
и литературы Парижский университет,
Сорбонна, г. Париж, Франция

КУМБРУК КРИСТЕЛЬ
доктор психологии, профессор
Высшей школы г. Оснабрюк, Германия

ЛЕМЕЩЕНКО ПЁТР СЕРГЕЕВИЧ
доктор экономических наук, профессор,
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь

НАЗАРИ ФАТЕМЕ ТОРАБ
кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой русского языка
Университета им. Шахида Бехешти, г. Тегеран, Иран

САВИЦКИ КШИШТОФ
кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой ресоциализации
факультета педагогики и психологии
Университета в Белостоке, Польша

ШТРАССЕР ГЕРТ
кандидат философских наук, профессор
Высшей школы г. Дармштадт, Германия

ANDREY IVANOVICH TIMONIN
Doctor of pedagogic sciences, Professor,
Russian higher school honoured worker

GEORGIY MIKHAYLOVICH TRAVIN
Doctor of technical sciences, Professor

IRINA YUR'YEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of philological sciences, associate professor

NIKOLAY PETROVICH FETISKIN
Doctor of psychological sciences, Professor,
Russian higher school honoured worker

VASILIIY VLADIMIROVICH CHEKMARYOV
Doctor of economic sciences, Professor,
honoured scientist of Russia

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of juridical sciences, Professor

**THE EDITORIAL BOARD
FOREIGN MEMBERS**

URAK ZHOLMURZAYEVICH ALIYEV
Doctor of economic sciences, Professor,
full member (academician)
of Management Philosophy Academy,
City of Astana, Kazakhstan

ALEXANDRU DICUSAR
Doctor of chemical sciences, Professor,
corresponding member of Academy
of Sciences of Moldova, City of Chişinău, Moldova

TANYA NIKOLOVA YOSIFOVA
Associate professor,
Doctor University of National
and World Economy,
City of Sofia, Bulgaria

ANNA KWIATKOWSKA
Doctor of psychological sciences,
Psychology Institute of Academy of Sciences of Poland,
City of Warsaw, Poland

PHILIPPE COMTE
Professor, expert in modern Russian language
and culture among the foreigners, Pantheon Sorbonne,
City of Paris, France

KRISTELL KUMBRUCK
Doctor of Psychology, Professor of Higher School,
City of Osnabrück, Germany

PYOTR SYARGEYEVICH LYAMESHCHANKA
Doctor of economic sciences, Professor,
Belarusian State University,
City of Minsk, Belarus

FATEMA NAZARIY TORAB
Candidate of philological sciences,
Head of the Russian language department,
Shahid Beheshti University, Tehran, Iran

KRZYSZTOF SAWICKI
Candidate of pedagogic sciences,
head of Department of Rehabilitation,
Faculty of Pedagogy and Psychology,
University of Białystok, Poland

GERT STRASSER
Candidate of philosophic sciences, Professor
of Higher School, City of Darmstadt, Germany

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

- 8 Ширяев К.Е., Марголина Н.Л., Матыцина Т.Н., Черников А.М., Копыл О.В., Исакова Е.В., Розова В.А.**
Хроника семинара по качественной теории обыкновенных дифференциальных уравнений в Костромском государственном университете имени Н. А. Некрасова
- 14 Моисеев Б.М.**
О подтверждении второго постулата специальной теории относительности
- 19 Сухов А.К.**
Двумерное моделирование формирования тлеющего разряда в аргоне. Часть 1. Модель и расчетная схема
- 24 Морoshкина Е.Б., Седова О.Б.**
Взаимодействие ДНК с производным актиноцина, содержащим в амидных группах радикал – (бензо-15-краун-5), в присутствии ионов K^+ в растворе
- 28 Артеменко В.Г.**
Влияние концентрации кислоты на процесс серно-кислотного разложения фосфоритов кинешемского месторождения
- 31 Кузьмичев В.В., Кузьмин А.Ф., Михина Н.В.**
Эпизоотологические особенности паразитарных заболеваний сельскохозяйственных животных в Костромской области
- 36 Прохорова И.А., Остапчук О.В.**
Эпидемиологическое значение блох, вшей и власоедов на территории Костромской области
- 38 Исаев В.А.**
Биология и экология мокрецов рода *Culicoides* и их потенциальное значение в передаче вируса Шмалленберга в восточном Верхневолжье
- 41 Крючкова Е.Н., Абаляхин Б.Г., Егоров С.В., Соколов Е.А., Баландина В.Н., Егоров Д.С.**
Паразитозы домашних хищников городских популяций Ивановской области
- 45 Ащеулов В.И., Пономарев В.А.**
Инвазионные болезни, вредители запасов, хищники и разрушители гнезд шмелей в условиях теплиц
- 49 Левит Р.М., Спивак Е.М., Аккуратова И.С., Давыдова В.П.**
Изменения слизистой оболочки двенадцатиперстной кишки при лямблиозе у детей и подростков
- 51 Бекмансуров М.В.**
Биоразнообразие лесных фитоценозов Марийского Присурья

СИСТЕМОТЕХНИКА

- 55 Травин Г.М., Кулемкин Ю.В., Привалов А.В.**
Прогнозирование и моделирование надежности игольно-планочной гарнитуры для чесания волокон технической конопля
- 59 Галиновский А.Л., Зосимов М.В., Моисеев В.А., Хафизов М.В.**
Повышение эффективности гидрорезания средствами акустической эмиссии

ИСТОРИЯ

- 63 Панкратова О.Б., Турыгин А.А.**
Теоретико-методологические аспекты теории модернизации в научном исследовании
- 70 Шипилов А.Д.**
Проблемы регионоведения в отечественной историографии
- 75 Голубева И.В.**
Формирование либеральной бюрократии как субъективный фактор российской модернизации (на примере крестьянской реформы 1861 года)

CONTENTS

NATURAL SCIENCE

- 8 K.Ye. Shiryayev, N.L. Margolina, T.N. Matytsina, A.M. Chernikov, O.V. Kopyl, Ye.V. Isakova, V.A. Rozova**
The chronicle of ordinary differential expressions' qualitative theory workshop at Nekrasov Kostroma State University
- 14 B.M. Moiseyev**
On special relativity theory second postulate's corroboration
- 19 A.K. Sukhov**
In-argon glow discharge formation two-dimensional modeling. Part 1. The model and design diagram
- 24 Ye.B. Moroshkina, O.B. Sedova**
Interaction of DNA with actinocin derivative containing benzo-15-crown-5 radical into amide groups, with K^+ ions in solution
- 28 V.G. Artyomenko**
Action of acid concentration on the process of sulphuric decomposition of phosphorites of Kineshma occurrence
- 31 V.V. Kuz'michyov, A.F. Kuz'min, N.V. Mihina**
Epizootological peculiarities of invasion diseases of agricultural animals in Kostroma Region
- 36 I.A. Prokhorova, O.V. Ostapchuk**
Fleas', lice's, and biting lice's epidemiological significance on Kostroma Region's territory
- 38 V.A. Isayev**
Biology and ecology of punkies of genus *Culicoides* and their potential significance in transmitting Schmallenberg virus in the eastern Upper Volga region
- 41 Ye.N. Kryuchkova, B.G. Abalihin, S.V. Yegorov, Ye.A. Sokolov, V.N. Balandina, D.S. Yegorov**
Parasitiases of carnivorous pets of Ivanovo Region's urban populations
- 45 V.I. Ashcheulov, V.A. Ponomaryov**
Bumblebees' invasion diseases, inquilines, predators and nest-destroyers under conditions of greenhouses
- 49 R.M. Levit, Ye.M. Spivak, I.S. Akkuratova, V.P. Davydova**
Duodenum mucosa changes at giardiasis in children and adolescents
- 51 M.V. Bekmansurov**
Biodiversity of forest phytocenoses in the vicinity of the Sura river, Mari El autonomy, Russia

SYSTEM ENGINEERING

- 55 G.M. Travin, Yu.V. Kulyomkin, A.V. Privalov**
Forecasting and reliability modeling of needle-bladed tacking for combing industrial hemp fibre
- 59 A.L. Galinovskiy, M.V. Zosimov, V.A. Moiseyev, M.V. Khafizov**
Improving the efficiency of waterjet cutting tools acoustic emission method

HISTORY

- 63 O.B. Pankratova, A.A. Turygin**
Theoretical and methodological aspects of the theory of modernization in scientific research
- 70 A.D. Shipilov**
Problems of regional studies in Russian historiography
- 75 I.V. Golubeva**
Formation of the liberal bureaucracy as a subjective factor of Russian modernization (in example of the peasant reform of 1861)

- 80 Новиков А.В.**
Рабочая история периода промышленной модернизации дореволюционной России в современной отечественной историографии
- 88 Белов А.М.**
Проявление революционных и антиреволюционных настроений в условиях модернизации России в начале XX века
- 91 Сулоев И.Н.**
Отечественная историография деятельности политических партий среди крестьян в 1905–1907 годах
- 97 Кидяров А.Е.**
Повседневная жизнь Костромской и Ярославской губерний в годы Гражданской войны в историографии
- 100 Волков Д.А.**
Путь провинциального рабочего и крестьянина во власть в годы Гражданской войны (на материалах губерний Верхнего Поволжья)
- 104 Миловидова Н.В.**
Нэповская модель российской модернизации 1920-х годов: историографический аспект

ЭКОНОМИКА

- 108 Генералова Г.Г., Паньшин И.В., Чекмарев В.В.**
Ресурсное обеспечение экономического роста в регионах
- 112 Дадалко С.В.**
Оценка эффективности инновационной политики республики Беларусь с использованием международных индикаторов
- 115 Смирнова О.А., Барышев Д.А.**
Альтернативная модель налогообложения хозяйствующих субъектов
- 119 Дадалко В.А., Протасов К.А., Чекмарев В.В.**
Экономическая преступность и ее влияние на экономическую безопасность государства
- 122 Чекмарев В.В.**
Гармонизация промышленной политики и процессов реиндустриализации
- 130 Иванов М.Ю., Гуреева Е.Г.**
Практика построения мониторинга эффективности органов исполнительной власти региона. Часть 1
- 135 Роднина А.Ю., Бабаев Б.Д.**
Кредит: взаимосвязь теории и практики

ФИЛОСОФИЯ

- 140 Самойлов С.Ф.**
Постмодерн как парадигма социального познания
- 144 Рудницкая Т.Ю.**
Проблема семьи: историко-философский дискурс

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 149 Лебедев Ю.В.**
Русская литература о святости труда писателя
- 153 Романова А.Н.**
Конструктивные противоречия в образе Татьяны Лариной
- 157 Коптелова Н.Г.**
Апокалиптические мотивы в книге Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский»
- 162 Белякова Е.Н.**
Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» в критике Серебряного века (В. Розанов, И. Анненский, Л. Шестов)
- 167 Молчанова Н.А.**
А. Блок на страницах воронежской «Сирены»: текстологические аспекты
- 170 Холодова З.Я.**
Русская революция в художественном сознании М. Пришвина

- 80 A.V. Novikov**
Labour history of the period of industrial modernization of pre-revolutionary Russia in a modern Russian historiography
- 88 A.M. Belov**
The manifestation of revolutionary and anti-revolutionary sentiment under conditions of modernization of Russia in the early 20th century
- 91 I.N. Suloyev**
Russian historiography of the activities of political parties among the peasants in 1905–1907
- 97 A.Ye. Kidyarov**
The everyday life of Kostroma and Yaroslavl provinces during the Russian Civil War in historiography
- 100 D.A. Volkov**
Road of a provincial worker or peasant to power during the Russian Civil War (on the material of the Upper Povolzhye provinces)
- 104 N.V. Milovidova**
NEP Model of Russian modernization of 1920s, the so-called New economic policy: historiographical aspect

ECONOMY

- 108 G.G. Generalova, I.V. Pan'shin, V.V. Chekmayrov**
Supply of resources for regional economic upturn
- 112 S.V. Dadalko**
Evaluation of innovative policy of Belarus using international indicators
- 115 O.A. Smirnova, D.A. Baryshev**
An alternative model of taxation of business entities
- 119 V.A. Dadalko, K.A. Protasov, V.V. Chekmayrov**
Economic crime and its influence on state economic security
- 122 V.V. Chekmayrov**
Industrial policy harmonization and re-industrialization processes
- 130 M.Yu. Ivanov, Ye.G. Gureyeva**
Practices of monitoring performance efficiency of the regional executive authorities
- 135 A.Yu. Rodnina, B.D. Babayev**
Credit: theory and practice relationship

PHILOSOPHY

- 140 S.F. Samoylov**
Postmodern as paradigm of social knowledge
- 144 T.Yu. Rudnitskaya**
The family question: historical and philosophical discourse

SCIENCE OF LITERATURE

- 149 Yu.V. Lebedev**
Russian literature of writer's labour sacredness
- 153 A.N. Romanova**
Constructive contradictions in Tatyana Larina's image
- 157 N.G. Koptelova**
Apocalyptic motifs in Dmitry Merezhkovsky's book «L. Tolstoy and Dostoyevsky»
- 162 Ye.N. Belyakova**
The novel "The Idiot" by Fyodor Dostoyevsky in the criticism of the Fin de siècle (Vasily Rozanov, Innokenti Annensky, Lev Shestov)
- 167 N.A. Molchanova**
Alexander Blok on the pages of «Siren» of the city of Voronezh: textological aspects
- 170 Z.Ya. Kholodova**
The Russian revolution in Mikhail Prishvin's artistic outlook

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

174 Токарев Г.В.

Вопросы категоризации знаний

178 Лагузова Е.Н.

О термине *описательный глагольно-именной оборот*

182 Климова Л.А.

Лингвокраеведческая работа: состояние, динамика, перспективы

186 Гусева Е.Р.

Союзы с *l-* и *n-* частицами в севернорусских говорах (инициаль *a*)¹

192 Третьякова И.Ю.

Культурные смыслы фразеологических компонентов-зооморфизмов *медведь* и *волк* (к вопросу о национально-культурных особенностях русских фразеологизмов)

197 Богатырева Е.Н.

Окказиональные преобразования структурно-семантических моделей с компонентом *вода* в современном русском языке

200 Иваненко Г.С.

Судебная лингвистическая экспертиза: специфика анализа художественного текста в аспекте законодательства об экстремизме

203 Колышкина Т.Б., Шустина И.В.

Языковые средства реализации позитивной базовой мотивации потребителей в рекламном тексте

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

208 Кондратьева А.Н.

Соотношение понятий «грех» и «преступление» в средневековом каноническом праве Западной Европы

211 Минеева Т.Г., Романовская В.Б., Цыганов В.И.

Феномен самозванства в истории Российского государства

214 Рошин Б.Е.

Юридическое образование в советской России (октябрь 1917 – март 1921 гг.): организационно-правовой аспект

219 Арзамасов Ю.Г.

Особенности оценки законов в условиях конвергенции

224 Мамонова Ю.А.

Криминальная угроза как элемент механизма преступления против неприкосновенности частной жизни

228 Туленев А.И.

О криминалистических учетах в таможенном деле

233 Макаренко В.Г.

Особенности осуществления экспертно-криминалистического сопровождения процессов расследования таможенных преступлений

236 Иосифова Тая Николава

Принцип договорной справедливости

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

241 Коряковцев С.П.

Роль дистанционного образования в активизации самостоятельной работы студентов технического вуза

245 Остренкова М.А.

Лингвокультуроведческий проектно-исследовательский модуль как единица культуроориентированного обучения школьников русскому языку

249 Гуро-Фролова Ю.Р., Соловьева О.Б.

Учебно-методическое пособие по иностранному языку для студентов нелингвистических высших учебных заведений в условиях перехода на новые образовательные стандарты

254 Майорова Н.С., Шигарева А.Н.

Преподавание вузовского курса «История Нового времени»: проблемы и перспективы

257 Лагутина О.Р.

Передача объема предметов в сюжетном рисовании

SCIENCE OF LANGUAGE

174 G.V. Tokarev

Questions of a categorization of knowledge

178 Ye.N. Laguzova

About the *descriptive verbal-nominal phrase* term

182 L.A. Klimkova

Work of lingual local history: status, dynamics, perspectives

186 Ye.R. Guseva

The conjunctions with *l-*, *n-*particles in the Russian northern patois (initial *a*)

192 I.Yu. Tret'yakova

Cultural meaning of the phraseological zoomorphism components *bear* and *wolf* (touching the cultural features of the Russian phraseological units)

197 Ye.N. Bogatyryova

Occasional transformations of structural-semantic models of phraseological units with *water*-component in modern Russian

200 G.S. Ivanenko

Linguistic expertise: specificity of the expert study of at artistic text for signs of extremism

203 T.B. Kolyshkina, I.V. Shustina

Language tools for the implementation of positive underlying motivation of consumers in the advertising text

JURISPRUDENCE

208 A.N. Kondrat'yeva

Correspondence of the notions «sin» and «crime» in medieval canon law of Western Europe

211 T.G. Mineyeva, V.B. Romanovskaya, V.I. Tsyganov

Imposture phenomenon in the Russian state history

214 B.Ye. Roshchin

Legal education in Soviet Russia (October 1917 — March 1921): organizational legal aspect

219 Yu.G. Arzamasov

Legal appraisal peculiarities under conditions of convergence

224 Yu.A. Mamonova

Criminal threat as an element of mechanism of crime against privacy

228 A.I. Tulenev

About forensic accounting in customs affairs

233 V.G. Makarenko

Customs offenses investigation processes forensic tracking features implementation

236 Tanya Nikolova Yosifova

Contractual reasonableness principle

PEDAGOGIC SCIENCES

241 S.P. Koryakovtsev

Distant education role in activization of free work in students of a technical higher education institution

245 M.A. Ostrenkova

Development module of lingual culture competence as a unit of culture-oriented teaching Russian language among schoolchildren

249 Yu.R. Guro-Frolova, O.B. Solov'yova

Foreign language educational handbook for non-linguistic higher educative institution students under conditions of passing on new educational standards

254 N.S. Mayorova, A.N. Shigareva

Teaching Modern History higher school course: problems and perspectives

257 O.R. Lagutina

Doing justice to volume of objects in drawing with a plot

261 Седова Е.А.

Комплекс коммуникативных упражнений к аутентичной песне как способ формирования социокультурной компетенции у девушек и юношей – студентов технического вуза в процессе обучения иностранному языку

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

265 Ри Шин Хян

Особенности понимания счастья у людей с разным уровнем психологического благополучия

268 Гибадуллин Н.В.

Проблемы формирования семейных ценностей у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях замещающей семьи

271 Григорова Т.П.

Совладание с деструктивной привязанностью в романтических отношениях взрослых

278 Екимчик О.А., Григорова Т.П., Смирнова Н.С.

Динамические аспекты близких (романтических) отношений и совладающее поведение партнеров

СОЦИОЛОГИЯ

284 Попова И.В., Котлярова Л.Д., Котлярова О.А.

Здоровье работников как фактор производительности труда. Проблемы измерения.

ПОЛИТОЛОГИЯ

290 Караткевич А.Г., Головин Ю.А.

Процесс интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках Союзного государства

297 Нарыкова С.П.

К вопросу о типологии форм осуществления политической власти

301 Соколов А.В.

Субъекты публичной политики в Ярославской области

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

306 Едошина И.А.

Феномен слова: философский, лингвистический, культурологический аспекты

313 Громова А.Е.

Проблема хронотопа в философской мысли рубежа XIX–XX веков (П.А. Флоренский)

318 Ирхен И.И.

Региональная культурная политика в параметрах современной динамики России

324 Дудолодова М.М.

Эвристические возможности концепции фоновых практик: к постановке вопроса

328 Волкова П.С., Горбатова О.В.

Музыка в контексте риторического канона: к постановке проблемы

333 SUMMARY

**360 СПИСОК МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА» В 2014 ГОДУ**

374 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

261 Ye.A. Sedova

The complex of communicative exercises with an authentic song as a way of forming male and female technical higher educational establishment students' sociocultural competence in the process of learning a foreign language

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

265 Shin Khyan Ri

Particularities of happiness understanding in people with different levels of psychological well-being

268 N.V. Gibadullin

The problems of family values organization of the orphans left without parents supervision in a foster family surrounding

271 T.P. Grigorova

Coping with destructive attachment in adult romantic relationships

278 O.A. Yekimchik, T.P. Grigorova, N.S. Smirnova

Close (romantic) relations dynamic aspects and partners' coping behaviour

SOCIOLOGY

284 I.V. Popova, L.D. Kotlyarova, O.A. Kotlyarova

Health of labourers as the factor of the labour efficiency. Problems of measuring

POLITIC SCIENCE

290 A.G. Karatkevich, Yu.A. Golovin

The integration process of the Russian Federation and the Republic of Belarus within the Union State

297 S.P. Narykova

On the question of typology of politic power accomplishment forms

301 A.V. Sokolov

Actors of public policy in Yaroslavl Region

SCIENCE OF CULTURE. SCIENCE OF ART

306 I.A. Yedoshina

Phenomenon of word: philosophical, linguistic, culturological aspects

313 A.Ye. Gromova

Chronotope problem in philosophic thought of the turn of 19th and 20th centuries (Pavel Florensky)

318 I.I. Irkhen

Regional cultural policy in the parameters of the contemporary dynamics of Russia

324 M.M. Dudoladova

Heuristic capability of the concept background practices: to the question

328 P.S. Volkova, O.V. Gorbatova

Music in the context of rhetorical canon: on the problem statement

333 SUMMARY

**360 THE LIST OF MATERIALS
PUBLISHED IN THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV KOSTROMA
STATE UNIVERSITY”
IN 2014**

374 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

Ширяев Кирилл Евгеньевич

кандидат физико-математических наук
Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
Shiryayev4yandex.ru

Марголина Наталия Львовна

кандидат физико-математических наук
Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
nmargolina@mail.ru

Матыцина Татьяна Николаевна

кандидат физико-математических наук
Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
tatinja@yandex.ru

Черников Алексей Михайлович

Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
algebra.kgu@yandex.ru

Копыл Олег Валерьевич

Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
algebra.kgu@yandex.ru

Исакова Екатерина Валерьевна

Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
algebra.kgu@yandex.ru

Розова Виктория Андреевна

Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
algebra.kgu@yandex.ru

ХРОНИКА СЕМИНАРА ПО КАЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ОБЫКНОВЕННЫХ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ УРАВНЕНИЙ В КОСТРОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ Н. А. НЕКРАСОВА

Работа состоит из тезисов докладов за зимне-весенний семестр 2014 года участников семинара по качественной теории обыкновенных дифференциальных уравнений в Костромском государственном университете имени Н. А. Некрасова.

Доклады содержат весьма много нерешенных научных задач различного уровня сложности, а также как фундаментальные научные факты, так и малоизвестные теоремы. Целью семинара является не только публикация новых результатов, постановка новых и поиск старых нерешенных задач, но и, главным образом, стимуляция интереса к качественной теории обыкновенных дифференциальных уравнений. Качественная теория дифференциальных уравнений применяется там, где вычислительные методы бессильны из-за невозможности просчитать бесчисленное множество решений или найти решение на бесконечном интервале, выяснить его поведение вблизи особой точки.

Семинар создавался по образцу аналогичного семинара, функционирующего при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова при кафедре дифференциальных уравнений. В свое время руководителями этого семинара были выдающиеся математики Н. Х. Розов, В. А. Кондратьев и, конечно, В. М. Миллиончиков. Владимир Михайлович Миллиончиков являлся идейным вдохновителем создания Костромской школы по качественной теории, при его активном участии была открыта аспирантура по этому направлению в Костромском государственном университете им. Н. А. Некрасова.

Хроники семинара могут быть полезны как специалистам в области качественной теории дифференциальных уравнений, так и начинающим изучение этого интересного направления теории дифференциальных уравнений. Хочется верить, что в хрониках каждый найдет для себя ту область и ту задачу, которая окажется ему по силам.

Ключевые слова: дифференциальное уравнение, матричная функция, экспоненциал матрицы, показатели Ляпунова, генеральный показатель, показатель Боля, условная устойчивость.

Ширяев К. Е.

О центральном показателе неограниченных систем (19 февраля 2014 г.)

Рассматривается линейная система $x' = A(t)x$, где $x \in \mathbb{R}^n$; $A(t) : \mathbb{R} \rightarrow \text{End } \mathbb{R}^n$ – непрерывная матричная функция.

Центральным показателем системы [7, с. 116] называется величина $\Omega = \inf_{T>0} \lim_{s \rightarrow +\infty} \frac{1}{sT} \sum_{k=1}^s \ln \|X(kT, (k-1)T)\|$; старшим пока-

зателем Ляпунова той же системы [1, с. 71] называется величина $\lambda_1 = \overline{\lim}_{t \rightarrow +\infty} \frac{1}{t} \ln \|X(t, 0)\|$. Здесь $X(\alpha, \beta)$ – оператор Коши системы.

В [1, с. 118] доказано, что в случае ограниченности матрицы $A(t)$ выполняется неравенство $\Omega \geq \lambda_1$.

Утверждение. Для любого $n \geq 1$ существуют системы с неограниченной матрицей $A(t)$, такие, что $\Omega < \lambda_1$.

Матыцина Т. Н.

Об экспоненте матрицы

(19 февраля 2014 г.)

Введем необходимые понятия, связанные с экспонентой матрицы. Пусть $X = (x_{ij})$ – квадратная матрица порядка n . Под экспоненциалом квадратной матрицы $X = (x_{ij})$ понимается матричная функция [1, с. 54]:

$$e^X = \sum_{p=0}^{\infty} \frac{X^p}{p!} = E + \frac{X^1}{1!} + \frac{X^2}{2!} + \frac{X^3}{3!} + \dots + \frac{X^p}{p!} + \dots, \quad (1)$$

где $X^0 = E$, E – единичная матрица того же порядка, что и матрица X . Можно показать, что матричный ряд (1) сходится для любой квадратной матрицы X и притом абсолютно.

Утверждение 1: Если квадратные матрицы X и Y – перестановочны (т. е. $XY = YX$), то

$$e^X \cdot e^Y = e^{X+Y}. \quad (2)$$

Следствие. Из формулы (2) следует, что $(e^X)^{-1} = e^{-X}$, где $-X = (-x_{ij})$ – матрица, противоположная к матрице $X = (x_{ij})$.

Утверждение 2. Если матрица X_1 – квадратная матрица, подобная матрице X (т. е. $X_1 \sim X \Leftrightarrow \exists S : |S| \neq 0 \text{ и } X_1 = S \cdot X \cdot S^{-1}$), тогда $e^{X_1} = S \cdot e^X \cdot S^{-1}$.

Приведем примеры экспоненциалов некоторых матриц:

$$1. \text{ Если } A_1 = \begin{pmatrix} 0 & 1 \\ -1 & 0 \end{pmatrix}, \text{ то } e^{A_1} = \begin{pmatrix} \cos 1 & \sin 1 \\ -\sin 1 & \cos 1 \end{pmatrix}.$$

$$2. \text{ Если } A_2 = \begin{pmatrix} 0 & a \\ -a & 0 \end{pmatrix}, \text{ то } e^{A_2} = \begin{pmatrix} \cos a & \sin a \\ -\sin a & \cos a \end{pmatrix}.$$

$$3. \text{ Если } A_3 = \begin{pmatrix} \lambda_1 & 0 & \dots & 0 \\ 0 & \lambda_2 & \dots & 0 \\ \vdots & \vdots & \ddots & \vdots \\ 0 & 0 & \dots & \lambda_n \end{pmatrix} - \text{диагональная}$$

$$\text{матрица порядка } n, \text{ то } e^{A_3} = \begin{pmatrix} e^{\lambda_1} & 0 & \dots & 0 \\ 0 & e^{\lambda_2} & \dots & 0 \\ \vdots & \vdots & \ddots & \vdots \\ 0 & 0 & \dots & e^{\lambda_n} \end{pmatrix}.$$

Черников А. М.

Обобщение задачи

о квазипериодической системе

(19 февраля 2014 г.)

Рассматривается уравнение $x'' + (\sin t + \sin \sqrt{2}(t + \alpha))x = 0$. Характеристическим показателем решения $x(t)$ назовем величину

$$\lambda(x) = \lim_{t \rightarrow +\infty} \frac{1}{t} \ln \|x(t)\|.$$

В работе [1, с. 232] рассмотрена система $\dot{x} = a(t, \alpha)x + b(t, \alpha)y$, $\dot{y} = c(t, \alpha)x + d(t, \alpha)y$ с вещественными коэффициентами вида $a, b, c, d = f_i(\varphi_1(t), \varphi_2(t + \alpha_2), \dots, \varphi_m(t + \alpha_m))$, ($i = 1, 2, 3, 4$), где функции f_i и φ_j – непрерывные, φ_j – возможно комплексные, периодические с несоизмеримыми частотами; $\alpha = (\alpha_2, \dots, \alpha_m)$ – векторный параметр.

Данная система заменой $x = r \cos u$, $y = r \sin u$ сводится к следующей: $\dot{u} = U(t, \alpha, u)$, $\dot{r} = W(t, \alpha)r$, где $U = c \cos^2 u + (d - a) \sin u \cos u - b \sin^2 u$,

$$W(t, \alpha) = [V(t, \alpha, u(t, \alpha)) + a(t, \alpha) + d(t, \alpha)]/2,$$

$$V(t, \alpha, u) = (b + c) \sin 2u + (a - d) \cos 2u.$$

Для полученной системы в [6, с. 235] доказано существование предела λ и получена формула:

$$\lambda = \frac{1}{T_1 \dots T_m} \int_0^{T_1} \dots \int_0^{T_m} W(t, \alpha) dt d\alpha_2 \dots d\alpha_m.$$

Для уравнения $x'' + (\sin t + \sin \sqrt{2}(t + \alpha))x = 0$ в [1, с. 239] с помощью данной формулы в результате численного эксперимента приближенно вычислено значение характеристического показателя: $\lambda_1 \approx 0,481$.

Там же ([5, с. 242]) получена строгая оценка характеристических показателей решений системы: $0,444 < \lambda < 0,514$.

Задача [4, с. 198]. Для всякого целого $k > 2$ выяснить, устойчиво ли нулевое решение уравнения $x^{(k)} + (\sin t + \sin \sqrt{2}(t + \alpha))x = 0$.

Марголина Н.Л.

О видах равномерной устойчивости

(5 марта 2014 г.)

Рассмотрим систему

$$x' = A(t)x, \quad (1)$$

$A(t) : \mathbb{R}^+ \rightarrow \text{End } \mathbb{R}^n$ непрерывна или кусочно непрерывна, $x(t) : \mathbb{R}^+ \rightarrow \mathbb{R}^n$ неизвестный вектор-столбец. $X(t, \tau)$ – оператор Коши системы (1).

Определение 1 [1, с. 67]. Система (1) называется равномерно устойчивой при $t \rightarrow +\infty$, если для любого $\varepsilon > 0$ существует $\delta(\varepsilon) > 0$ такое, что для любого $t_0 \geq 0$, любых решений $x(t)$, $y(t)$ этой системы выполняется $\|x(t_0) - y(t_0)\| < \delta \Rightarrow \|x(t) - y(t)\| < \varepsilon$ при $t \geq t_0$.

Теорема 1 [1, с. 80]. Система (1) равномерно устойчива тогда и только тогда, когда ее нулевое решение равномерно устойчиво, т. е. для любого $\varepsilon > 0$ существует $\delta(\varepsilon) > 0$ такое, что для любого $t_0 \geq 0$, любого решения $x(t)$ системы (1) верно $\|x(t_0)\| < \delta \Rightarrow \|x(t)\| < \varepsilon$ при всех $t \geq t_0$.

Определение 2 [2, с. 6]. Система (1) называется остаточно равномерно устойчивой при $t \rightarrow +\infty$, если существует положительная константа H , такая, что для любого положительного ε существует $\delta(\varepsilon) > 0$ такое, что для любого $t_0 \geq 0$, любых решений $x(t)$, $y(t)$ этой системы выполняется $\|x(t_0) - y(t_0)\| < \delta \Rightarrow \|x(t) - y(t)\| < \varepsilon$ при всех $t \geq t_0 + H$.

Теорема 2 [2, с. 13]. Система (1) остаточно равномерно устойчива тогда и только тогда, когда остаточно равномерно устойчиво ее нулевое решение, т. е. существует $H > 0$ такое, что для любого $\varepsilon > 0$ существует $\delta(\varepsilon) > 0$ такое, что для любого $t_0 \geq 0$, любого решения $x(t)$ системы (1) верно $\|x(t_0)\| < \delta \Rightarrow \|x(t)\| < \varepsilon$ при $t \geq t_0 + H$.

Определение 3 [2, с. 6]. Система (1) обладает совокупностью решений, ограниченных равномерно по начальному отрезку, если существуют $H > 0$, $N > 0$ такие, что для любого решения $x(t)$ этой системы и любого $t \geq 0$ верно $\sup_{m \in \mathbb{N}} \|x(t + mH)\| \leq N \|x(t)\|$.

Теорема 3 [7, с. 32]. Для равномерной устойчивости системы (1) необходима неположительность ее верхнего генерального показателя $\chi_g(A) = \inf\{\rho \mid \exists N_\rho > 0 : \|x(t)\| \leq N_\rho e^{\rho(t-\tau)} \|x(\tau)\|, t \geq \tau \geq 0\}$ и достаточно его отрицательности.

Теорема 4 [2, с. 178]. Для остаточной равномерной устойчивости системы (1) необходима неположительность ее показателя Боля $\beta(A) = \overline{\lim}_{H \rightarrow +\infty} \left(\frac{1}{H} \ln(\sup_{t \geq 0} \|X_A(t+H, t)\|) \right)$ и достаточно его отрицательности.

Теорема 5 [2, с. 3]. Для того чтобы система (1) обладала совокупностью решений, ограниченных равномерно по начальному отрезку, необходима неположительность ее верхнего особого показателя $\Omega^0(A) = \inf_{H > 0} \left(\frac{1}{H} \ln(\sup_{t \geq 0} \|X_A(t+H, t)\|) \right)$ и достаточно его отрицательности.

Ширяев К.Е.

Условная равномерная устойчивость

(5 марта 2014 г.)

В работе [2, с. 6–13] введены виды равномерной устойчивости линейной системы с неограниченными, вообще говоря, коэффициентами.

Задача 1. Дать определения асимптотичных видов условной устойчивости, т. е. сохранения указанных свойств решений на некотором k -мерном подпространстве начальных условий.

Задача 2. Определить величины, отрицательность которых достаточна, а неположительность необходима для соответствующего вида устойчивости.

Задача 3. Выяснить соотношения между собой разных видов показателей условной равномерной устойчивости.

Матыцина Т. Н.

Об экспоненте жордановых клеток

(26 марта 2014 г.)

Можно вычислить экспоненциал [1, с. 54] некоторых жордановых клеток.

1. Для $J_0 = \begin{pmatrix} 0 & 1 \\ 1 & 0 \end{pmatrix}$ – жорданова клетка порядка два относительно числа $\lambda = 0$ имеем $e^{J_0} = \begin{pmatrix} 1 & 1 \\ 0 & 1 \end{pmatrix}$ – это жорданова клетка порядка два для числа $\lambda = 1$.

2. Для $J_1 = \begin{pmatrix} 1 & 1 \\ 0 & 1 \end{pmatrix}$ – жорданова клетка порядка два для числа $\lambda = 1$ имеем $e^{J_1} = \begin{pmatrix} e & e \\ 0 & e \end{pmatrix}$.

3. Для $J_\lambda = \begin{pmatrix} \lambda & 1 \\ 0 & \lambda \end{pmatrix}$ – жорданова клетка порядка два относительно числа λ имеем $e^{J_\lambda} = \begin{pmatrix} e^\lambda & e^\lambda \\ 0 & e^\lambda \end{pmatrix}$.

4. Для $J_3 = \begin{pmatrix} \lambda & 1 & 0 \\ 0 & \lambda & 1 \\ 0 & 0 & \lambda \end{pmatrix}$ – жорданова клетка порядка три для числа λ , то ее экспоненциалом будет

$$\text{матрица } e^{J_3} = \begin{pmatrix} e^\lambda & e^\lambda & \frac{e^\lambda}{2!} \\ 0 & e^\lambda & e^\lambda \\ 0 & 0 & e^\lambda \end{pmatrix}.$$

5. Для $J_4 = \begin{pmatrix} \lambda & 1 & 0 & 0 \\ 0 & \lambda & 1 & 0 \\ 0 & 0 & \lambda & 1 \\ 0 & 0 & 0 & \lambda \end{pmatrix}$ – жорданова

клетка порядка четыре для числа λ , то

$$e^{J_4} = \begin{pmatrix} e^\lambda & e^\lambda & \frac{e^\lambda}{2!} & \frac{e^\lambda}{3!} \\ 0 & e^\lambda & e^\lambda & \frac{e^\lambda}{2!} \\ 0 & 0 & e^\lambda & e^\lambda \\ 0 & 0 & 0 & e^\lambda \end{pmatrix}.$$

Таким образом, можно показать, что для жордановой клетки J порядка n , относящейся к числу λ , экспоненциалом будет следующая матрица:

$$e^J = \begin{pmatrix} e^\lambda & \frac{e^\lambda}{1!} & \frac{e^\lambda}{2!} & \frac{e^\lambda}{3!} & \dots & \frac{e^\lambda}{n!} \\ 0 & e^\lambda & \frac{e^\lambda}{1!} & \frac{e^\lambda}{2!} & \dots & \frac{e^\lambda}{(n-1)!} \\ 0 & 0 & e^\lambda & \frac{e^\lambda}{1!} & \dots & \frac{e^\lambda}{(n-2)!} \\ 0 & 0 & 0 & e^\lambda & \ddots & \frac{e^\lambda}{(n-3)!} \\ \vdots & \vdots & \vdots & \vdots & \ddots & \vdots \\ 0 & 0 & 0 & 0 & \dots & e^\lambda \end{pmatrix}.$$

Марголина Н. Л.

О показателях равномерной устойчивости

(26 марта 2014 г.)

Рассмотрим систему вида

$$x' = A(t)x, \quad (1)$$

где $A(t) : \mathbb{R}^+ \rightarrow \text{End } \mathbb{R}^n$ непрерывна или кусочно непрерывна, $x(t) : \mathbb{R}^+ \rightarrow \mathbb{R}^n$ неизвестный вектор-столбец. Оператор Коши системы (1) будем обозначать $X(t, \tau)$.

Определение 1 [7, с. 172]. Верхним генеральным показателем $\kappa_g(A)$ системы (1) назовем точную нижнюю грань чисел ρ , для которых существует $N_\rho > 0$ такие, что для любого решения $x(t)$ системы (1) выполняется $\|x(t)\| \leq N_\rho \cdot e^{\rho(t-\tau)} \cdot \|X(\tau)\|$, при любых $t \geq \tau \geq 0$.

В книге [1, с. 117] верхний генеральный показатель назван верхним особым числом и определяется тремя способами для систем вида (1) с интегрально ограниченной матрицей коэффициентов

$$A(t), \text{ т. е. такой, что } \sup_{t \geq 0} \int_t^{t+1} \|A(\tau)\| d\tau < +\infty.$$

1. Способ верхних функций.

$$\Omega^0(A) = \inf\{\rho \mid \exists N_{\rho} > 0 : \|X_A(t, \tau)\| \leq N_{\rho, \varepsilon} e^{(\rho + \varepsilon)(t - \tau)}, N_{\rho, \varepsilon} > 0, t \geq \tau \geq 0\}.$$

Учитывая, что для оператора Коши системы (1) при фиксированных произвольных t и τ справедливо $\|X_A(t, \tau)\| = \frac{\|x(t)\|}{\|x(\tau)\|}$, где $\max$ берется по всем решениям $x(t)$ системы (1), способом верхних функций определяется в точности $\kappa_g(A)$.

2. Способ стекловских усреднений.

$$\begin{aligned} \Omega^0(A) &= \inf_{H > 0} \left(\frac{1}{H} \ln(\sup_{t \geq 0} \|X_A(t + H, t)\|) \right) = \\ &= \lim_{H \rightarrow +\infty} \left(\frac{1}{H} \ln(\sup_{t \geq 0} \|X_A(t + H, t)\|) \right). \end{aligned}$$

3. Дискретный способ.

$$\begin{aligned} \Omega^0(A) &= \inf_{H > 0} \left(\frac{1}{H} \ln(\sup_{t \geq 1} \|X_A(iH, (i-1)H)\|) \right) = \\ &= \lim_{H \rightarrow +\infty} \left(\frac{1}{H} \ln(\sup_{t \geq 1} \|X_A(iH, (i-1)H)\|) \right). \end{aligned}$$

Авторами [1, с. 117] доказана эквивалентность этих определений и возможность замены $\inf$ на $\lim$.

Для систем с интегрально неограниченной матрицей коэффициентов указанные выше эквивалентности могут нарушаться, поэтому становится необходимым закрепить за конкретными формулами старые обозначения либо вводить новые.

Определение 2 [2, с. 4]. Показателем Боля системы (1) назовем $\beta(A) = \overline{\lim}_{H \rightarrow +\infty} \left(\frac{1}{H} \ln(\sup_{t \geq 0} \int_t^{t+1} \|X_A(t + H, t)\| dt) \right)$.

Определение 3 [2, с. 4]. Верхним особым показателем системы (1) назовем

$$\Omega^0(A) = \inf_{H > 0} \left(\frac{1}{H} \ln(\sup_{t \geq 0} \int_t^{t+1} \|X_A(t + H, t)\| dt) \right).$$

Для систем вида (1) всегда верно очевидное неравенство $\Omega^0(A) \leq \beta(A) \leq \kappa_g(A)$.

Ширяев К. Е.

О нерешенной задаче теории устойчивости

(26 марта 2014 г.)

В работе [2, с. 6–13] даны определения остаточной равномерной устойчивости и обладания совокупностью решений, ограниченных равномерно по начальному отрезку.

Эти понятия являются неким ослаблением понятия равномерной устойчивости [1, с. 67] и, в случае ограниченности матрицы системы, совпадают с ней.

Задача. Дать определения просто (неравномерной) остаточной устойчивости и обладания совокупностью решений, ограниченных по начальному отрезку.

Замечание. Автор склонен полагать, что в случае неограниченной системы эти определения можно попытаться дать как ослабление определения устойчивости по Ляпунову.

Ширяев К. Е.

Метод оценки сверху минимального класса Бэра

(9 апреля 2014 г.)

Рассматривается функция $f: R \rightarrow R$, где R – произвольное топологическое пространство.

Определение [1, с. 8–9]. Функция f принадлежит нулевому классу Бэра ($f \in Cl_0 B$), если она непрерывна.

Функция f принадлежит первому классу Бэра ($f \in Cl_1 B$), если она представима в виде предела (поточечного) последовательности функций нулевого класса.

Вообще, функция f принадлежит $(k+1)$ -му классу Бэра ($f \in Cl$), если она представима в виде предела последовательности функций k -го класса Бэра.

Поскольку каждая функция представима в виде предела последовательности из себя самой, то любая функция k -го класса является и функцией класса $(k+1)$ -го, $(k+2)$ -го и т. д., т. е. любого большего.

Таким образом, возникает задача об оценке именно минимального класса Бэра, так как принадлежность функции к минимальному классу гарантирует и принадлежность ко всем большим.

Суть метода оценки сверху минимального класса Бэра состоит в представлении функции в виде k -кратного предела последовательности непрерывных функций. Примером таких рассуждений может служить следующее.

Рассматривается линейная система $x' = A(t)x$ с ограниченной и непрерывной на R^+ матрицей $A(t)$.

Назовем k -м обобщенным логарифмическим показателем [8, с. 60] величину

$$alh_k = \overline{\lim}_{s \rightarrow +\infty} \frac{1}{h(s)} \sum_{r=1}^s \ln d_k X(h(r), h(r-1)). \quad \text{Здесь}$$

$X(\alpha, \beta)$ – оператор Коши системы, $h(r): N \rightarrow R^+$ – некая растущая быстрее логарифма функция, d_k – k -ое сингулярное число оператора X .

Утверждение.

$$alh_k(A) = \lim_{l \rightarrow +\infty} \lim_{m \rightarrow +\infty} \sup_{j \in [l, m]} \frac{1}{h(j)} \sum_{r=1}^j \ln d_k X(h(r), h(r-1)),$$

что доказывает его принадлежность второму классу Бэра.

Марголина Н. Л.

Нерешенная задача о показателе Боля

(9 апреля 2014 г.)

Определение 1. Функция $f \in Cl_0 B$ – принадлежит нулевому классу Бэра тогда и только тогда, когда f непрерывна.

Определение 2. Функция $f \in Cl_{k-1} B$ – принадлежит $k+1$ классу Бэра тогда и только тогда, когда она является поточечным пределом последовательности функций, принадлежащих k -му классу Бэра: $f(x) = \lim_{n \rightarrow \infty} f_n(x)$, $f_n \in Cl_k B$.

Рассмотрим множество систем вида

$$x' = A(t)x, \quad (1)$$

где $A(t): \mathbb{R}^+ \rightarrow \text{End } \mathbb{R}^n$, $x(t): \mathbb{R}^+ \rightarrow \mathbb{R}^n$ наделенных равномерной топологией системы $x' = A(t)x$ и $x' = B(t)x$ близки в смысле равномерной топологии, если $\sup_{m \in \mathbb{N}} \|A(t) - B(t)\| < \varepsilon$.

Любой показатель системы вида (1) может быть рассмотрен как функция правой части этой системы, следовательно, может быть отнесен к тому или иному классу Бэра.

Задача об оценке минимального класса Бэра показателей системы (1) была впервые сформулирована В. М. Миллионщиковым.

Если система (1) имеет интегрально неограниченную матрицу коэффициентов, т. е.

$$\sup_{t \geq 0} \int_t^{t+1} \|A(\tau)\| d\tau = +\infty, \text{ то ее показатели}$$

$$\beta(A) = \overline{\lim}_{H \rightarrow +\infty} \left(\frac{1}{H} \ln \left(\sup_{t \geq 0} \int_t^{t+1} \|X_A(t+H, t)\| dt \right) \right) \text{ и}$$

$$\Omega^0(A) = \inf_{H > 0} \left(\frac{1}{H} \ln \left(\sup_{t \geq 0} \int_t^{t+1} \|X_A(t+H, t)\| dt \right) \right)$$

могут быть различны и отличаться от верхнего генерального показателя $\kappa_g(A)$ этой системы.

Известно [7, с. 157], что $\kappa_g(A)$ является полунепрерывным сверху, как функция правой части систем, подчиненных равномерной топологии. Следовательно $\kappa_g(A) \in Cl_1 B$.

Для систем с интегрально ограниченной матрицей коэффициентов $\Omega^0(A) = \beta(A) = \kappa_g(A)$.

Вопрос об оценке минимального класса Бэра показателей $\Omega^0(A)$ и $\beta(A)$ систем вида (1) с неограниченной $A(t)$ до сих пор не решен.

Матыцина Т. Н.

Логарифмический показатель линейной системы

(30 апреля 2014 г.)

Рассмотрим систему

$$x' = A(t)x, \quad (1)$$

где x – n -мерный вектор-столбец, $A(t)$ – квадратная матрица порядка n .

Можно показать, что множество решений этой системы (1) образует n -мерное линейное пространство. Показатель $\lambda(x)$ [7, с. 21] решения $x(t)$ можно рассматривать как действительную функ-

цию, определенную на элементах этого пространства. Ее значения на нулевом элементе равно $-\infty$, остальные значения конечны (при условии, что матрица $A(t)$ ограничена).

Пусть M – множество, не ограниченное справа, и пусть $h(l): N \rightarrow M$ – положительная и неубывающая функция. Пусть $h(l)$ удовлетворяет условиям:

1. $h(l+1) - h(l) > h(l) - h(l-1)$ для $\forall l \in N$;
2. $h(l) - h(l-1) \rightarrow +\infty$, при $l \rightarrow +\infty$.

Тогда k -ым обобщенным логарифмическим показателем линейной системы (1) называется величина [5, с. 60]

$$alh_k = \overline{\lim}_{m \rightarrow +\infty} \frac{1}{h(m)} \sum_{i=1}^m \ln d_k X(h(i), h(i-1)),$$

где $X(t, \tau)$ – оператор Коши системы (1), d_k – сингулярные числа оператора X , занумерованные в порядке невозрастания.

Можно доказать следующие теоремы.

Теорема 1. Пусть R – множество систем вида (1), тогда функция $alh_k: R \rightarrow \mathbf{R}$ (где $\mathbf{R}$ – множество действительных чисел) принадлежит второму классу Бэра.

Теорема 2. Пусть размерность системы (1) $n = 1$, тогда функция $alh_k: R \rightarrow \mathbf{R}$ непрерывна, следовательно, принадлежит нулевому классу Бэра.

Теорема 3. Для $\forall n \in N, n \geq 2$ обобщенный логарифмический показатель $alh_k: R \rightarrow \mathbf{R}$ не принадлежит первому классу Бэра для всех $k \in \{1, \dots, n\}$ одновременно.

Теорема 4. Пусть R – множество систем вида (1). Тогда при $n \geq 2$ функция $alh_k: R \rightarrow \mathbf{R}$ принадлежит в точности второму классу Бэра.

Копыл О. В.

О функции роста в формуле обобщенного логарифмического показателя

(30 апреля 2014 г.)

Одним из направлений теории дифференциальных уравнений является та область этой теории, которая занимается вопросами, связанными с показателями Ляпунова линейных систем.

Развитие теории линейных систем привело к созданию целого ряда различных показателей. Все они являются модификациями показателей, введенных Ляпуновым, и поэтому, в широком смысле, могут называться ляпуновскими, однако, во избежание путаницы, для них существуют особые названия. Одним из таких показателей является обобщенный логарифмический [6, с. 60].

Определение. Рассмотрим линейную систему обыкновенных дифференциальных уравнений

$$\frac{d\bar{x}(t)}{dt} = A(t)\bar{x}(t), \quad (1)$$

где $A(t)$ – непрерывная ограниченная матричная функция, $\bar{x}(t)$ – n -мерная вектор-функция. Пусть дана неотрицательная неубывающая функция $h(\cdot): N \rightarrow R$ и $h(l) - h(l-1) \rightarrow \infty$, при $l \rightarrow \infty$. k -ым обобщенным логарифмическим показателем си-

стемы (1) называется величина

$$alh_k = \overline{\lim}_{m \rightarrow +\infty} \frac{1}{h(m)} \sum_{l=1}^m \ln d_k X(h(l), h(l-1)), \quad (2)$$

где $X(\alpha, \beta)$ – оператор Коши системы (1), d_k – занумерованные в порядке невозрастания сингулярные числа оператора.

Утверждение. В случае матрицы с постоянными коэффициентами $A(t) \equiv A$ значение alh_k не зависит от $h(l)$ и совпадает с k -м показателем Ляпунова.

Задача. Останется ли справедливым этот результат для периодической матрицы?

Исакова Е. В.

Об одном показателе линейной системы

(14 мая 2014 г.)

Рассматривается линейная система

$$x' = A(t)x, \quad (1)$$

где $x(t) : \mathbb{R}^+ \rightarrow \mathbb{R}^n$, $A(t)$ – непрерывна на $\mathbb{R}^+$.

Определение. Для системы (1) k -м верхним вспомогательным Болевским степенным показателем называется величина

$$\overline{\alpha\delta\beta}_k = \overline{\lim}_{T \rightarrow +\infty} \sup_{j \in \mathbb{N}} \frac{1}{T^j - T^{j-1}} \ln d_k X(T^j, T^{j-1}), \quad \text{где}$$

$X(\alpha, \beta)$ – оператор Коши системы (1), $d_k X$ – сингулярные числа оператора X , занумерованные в порядке невозрастания.

Заметим, что данный показатель является модификацией показателя, введенного в работе [3, с. 1089].

Утверждение. Пусть R – множество систем вида (1), наделенное равномерной топологией. Тогда функции $\overline{\alpha\delta\beta}_k : R \rightarrow \mathbb{R}$ являются функциями третьего класса Бэра.

Розова В. А.

Нерешенная задача

об обобщенном логарифмическом показателе

(14 мая 2014 г.)

Рассмотрим линейную систему обыкновенных дифференциальных уравнений

$$\frac{d\bar{x}(t)}{dt} = A(t)\bar{x}(t), \quad (1)$$

и её k -ый обобщенный логарифмический показатель [8, с. 10]

$$alh_k = \overline{\lim}_{m \rightarrow +\infty} \frac{1}{h(m)} \sum_{l=1}^m \ln d_k X(h(l), h(l-1)), \quad (2)$$

где $X(\alpha, \beta)$ – оператор Коши системы (1), d_k – сингулярное число оператора, $h(s) : \mathbb{N} \rightarrow \mathbb{R}^+$ – произвольная функция, растущая быстрее логарифма.

Задача. Найти ту разновидность устойчивости, для которой необходима неположительность и достаточно отрицательность alh_k при фиксированном h .

Библиографический список

1. Демидович Б.П. Лекции по математической теории устойчивости. – СПб.: Издательство «Лань», 2008. – 480 с.
2. Марголина Н.Л. Некоторые виды устойчивости в линейных системах с неограниченными коэффициентами: дисс. ... канд. физ.-мат. наук. – Кострома, 2009. – 68 с.
3. Миллионщиков В.М. Вспомогательные показатели во временных шкалах, растущих быстрее логарифма // Дифференциальные уравнения. – 1994. – Т. 30. – № 6. – С. 1098.
4. Некоторые нерешенные задачи теории дифференциальных уравнений и математической физики / Арнольд В.И., Вишик М.И., Ильяшенко Ю.С., Калашников А.С., Кондратьев В.А., Кружков С.Н., Ландис Е.М., Миллионщиков В.М., Олейник О.А., Филиппов А.Ф., Шубин М. А. // Математические заметки. – 1989. – Т. 44. – Вып. 4. – С. 198.
5. Филиппов А.Ф. Отыскание характеристических показателей линейных систем с квазипериодическими коэффициентами // Математические заметки. – 1988. – Т. 44. – Вып. 2. – С. 231–243.
6. Теория показателей Ляпунова и ее приложения к вопросам устойчивости / Былов Б.Ф., Виноград Р.Э., Гробман Д.М., Немыцкий В.В. – М.: Наука, 1966. – 576 с.
7. Устойчивость решений дифференциальных уравнений в банаховом пространстве / Далецкий Ю.Л., Крейн М.Г. – М.: Наука, 1970. – 536 с.
8. Ширяева К.Е. Некоторые показатели Ляпунова и их классификация по Бэру: дисс. ... канд. физ.-мат. наук. – М., 1996. – 99 с.

О ПОДТВЕРЖДЕНИИ ВТОРОГО ПОСТУЛАТА СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

В журнале «Успехи физических наук» была опубликована статья, в которой описан эксперимент по проверке независимости скорости света от скорости источника света. Такое утверждение – фрагмент второго постулата специальной теории относительности Эйнштейна. Авторы эксперимента проверили указанную выше зависимость, используя современные технические возможности. Результаты эксперимента убедительно подтверждают независимость скорости света от скорости излучателя.

Однако в выводе, приведенном в цитируемой статье, авторы утверждают, что подтвержден второй постулат. Можно предположить, что подтвержден второй постулат в целом: такой вывод выходит за границы полученных результатов. Современная формулировка второго постулата специальной теории относительности шире той, которая приведена в первой статье Эйнштейна по теории относительности.

Ввиду исключительно высокой значимости специальной теории относительности для формирования основ современной физики интерпретация экспериментов в этом разделе физики обязана быть предельно корректной. Выводы по эксперименту, выходящие за пределы полученных результатов, в методологическом плане недопустимы. Это правило относится ко всей физической науке, но в отношении релятивистской физики, в которой дискуссии не утихают в течение столетия, требование корректности выводов по результатам экспериментов обретает особую значимость.

В данной статье проанализировано содержание второго постулата специальной теории относительности и показано, что вывод об экспериментальном подтверждении второго постулата верен лишь частично. Все когда-либо проведенные эксперименты подтверждают лишь независимость скорости света от скорости движения источника света. Зависимость скорости света от скорости движения приемника света никем не исследовалась. Численное равенство скорости света для любого наблюдателя при распространении света в одном направлении никем не подтверждалось.

Ключевые слова: теория относительности, второй постулат, экспериментальное подтверждение.

Введение

И одна из физических теорий современности не вызвала такого количества и накала споров, как специальная теория относительности (СТО). Дискуссии продолжаются до сих пор, и подтверждением тому является недавно опубликованная статья [1]. Вековая живучесть и оппонентов, и защитников СТО говорит о том, что споры об основах теории вызваны объективной причиной. Понять причину, вызывающую споры, – значит перевести лишенную эстетической привлекательности борьбу в конструктивное русло плодотворной дискуссии. Наука питается противоречиями, а истина рождается в столкновении мнений. Уход от дискуссии уничтожает основы самой науки.

В работе [1] описан эксперимент, подтверждающий независимость скорости света от скорости движения источника света. Этот эксперимент, как и ранее проведенный другими авторами [2], убедительно опровергает гипотезу Ритца о сложении скорости света со скоростью источника. Однако выводы, сделанные авторами статьи и эксперимента, шире полученных результатов и потому неубедительны. В статье [1] делается вывод: «Результаты измерений могут рассматриваться в качестве наиболее прямого доказательства справедливости второго постулата СТО» [1, с. 1351]. Это утверждение содержится даже в названии статьи, во фразе «...демонстрация справедливости второго постулата специальной теории относительности Эйнштейна».

Если выводы по эксперименту выходят за пределы полученных результатов, то это никак не способствует затиханию дискуссии. Второй постулат СТО в теории Эйнштейна содержит больше, чем утверждение об отсутствии сложения скорости света со скоростью источника. Рассмотрим это детально.

Содержание второго постулата

В первой статье Эйнштейна по СТО второй постулат, на первый взгляд, не вызывает разночтений: «...свет в пустоте всегда распространяется с определенной скоростью V , не зависящей от состояния движения излучающего тела» [12, т. 1, с. 7–8]. В рамках дорелятивистской классической физики, не отрицающей существование светоносной среды, свет – это свойство эфирной среды, и скорость света – также свойство среды, не зависящее от состояния движения излучателя. Именно это свойство света было положено в основу теории эксперимента Майкельсона [5]. Здесь полная аналогия со звуком, скорость которого есть свойство материальной среды и не зависит от скорости источника звука относительно этой среды.

Однако второй постулат Эйнштейна имеет логическое продолжение: скорость определяется как результат деления пути луча света на промежуток времени, который, в свою очередь, определяется по синхронизованным по Эйнштейну часам. При определении синхронизации часов Эйнштейн ввел

универсальную константу – скорость света в пустоте V – так была обозначена скорость света в статье Эйнштейна. Скорость света стала свойством «пустоты», и если не принимать во внимание, что понятие *пустоты* тоже требует определения, то ход построения теории все еще не вызывает логического протеста. По Эйнштейну, часы в точках A и B идут синхронно, если $t_B - t_A = t'_A - t'_B$, где t_A – момент испускания света из точки A , t_B – момент прихода света в точку B и отражения его обратно, t'_A – момент возвращения отраженного света в точку A .

При эйнштейновском определении синхронизации часов часы идут синхронно только для неподвижного наблюдателя. Наблюдатель, движущийся вместе со стержнем r_{AB} , получает несинхронность хода часов: $t_B - t_A \neq t'_A - t'_B$, так как в движущейся системе отсчета время движения светового сигнала *туда* и *обратно* будет разным:

$$t_B - t_A = \frac{r_{AB}}{V - v}, \quad t'_A - t'_B = \frac{r_{AB}}{V + v}. \quad (1)$$

Здесь v – это предполагаемая скорость движения инерциальной системы отсчета (ИСО) относительно светоносной среды.

Эйнштейн делает естественный вывод о том, что «не следует придавать абсолютного значения понятию одновременности» [12, т. 1, с. 13]. Заметим, что все это совершенно понятно в рамках дорелятивистской физики, и скорости $V - v$ и $V + v$ свидетельствуют о том, что в рассуждениях Эйнштейна скорость света хотя и не зависит от скорости излучателя, но различна для различных приемников света, то есть наблюдателей.

Переход к неаргументированному абстрагированию начинается в третьем параграфе первой статьи Эйнштейна по СТО [12, т. 1, с. 13]. Пусть свет в момент времени t_0 посылается вдоль некоторого направления, отражается назад из некоторой точки в момент t_1 и возвращается в исходную точку в момент t_2 . По Эйнштейну, в этом случае $t_1 = \frac{1}{2}(t_0 + t_2)$. Так может быть только в одном случае: свет и туда, и обратно движется с численно одинаковой скоростью, не зависящей от скорости наблюдателя относительно светоносной среды. В рамках классической физики, не отрицающей *здравый смысл*, это соотношение было бы возможно только в *абсолютной* системе отсчета – той, которая неподвижна относительно светоносной среды.

С этого момента СТО в построении Эйнштейна становится непонимаемой физически. В данном случае термин *непонимание* – не характеристика отдельных личностей, а синоним отсутствия ясной физической модели. Именно этот момент теории вызывает наибольшее количество возражений, и именно это место СТО – источник вековой незапускающей дискуссии.

В данном случае не важно, свет – это частица или фронт волны; в любой модели распространение света – это материальный процесс, и скорость

распространения материального объекта не может быть одновременно численно одинаковой относительно наблюдателей, которые сами движутся относительно волнового фронта (или кванта света), приближаясь к нему или удаляясь от него. Отрицание этого утверждения равносильно отрицанию рациональной науки.

Однако формулы СТО работают; пусть и не с абсолютной точностью, но они позволяют делать количественные предсказания точнее, чем предсказания дорелятивистской физики. Это дает право ее сторонникам ссылаться на предсказательную силу теории. Кроме того, как может количественно адекватная модель быть качественно неадекватной? Сама постановка этого вопроса уже несет в себе эвристическое начало.

Скорость света в эксперименте Майкельсона

Рассмотрим среднюю скорость света *туда и обратно* в эксперименте Майкельсона, то есть при движении света в двух взаимно перпендикулярных направлениях, одно из которых, как предполагается, совпадает с направлением движения Земли в светоносной среде, а другое перпендикулярно ему. Как и в теории Майкельсона [5], будем считать справедливой теорию неподвижного эфира.

По определению, средняя скорость V_{cp} – это результат деления пути *туда и обратно* на время *туда и обратно*. Если L – расстояние от источника света до зеркала, то при движении света в направлении, совпадающем с направлением движения Земли, имеющей скорость v в светоносной среде, получаем:

$$V_{cp} = \frac{(L + vt_1) + (L - vt_2)}{t_1 + t_2}. \quad (2)$$

Время движения *туда* t_1 и *обратно* t_2 можно получить из выражений

$$t_1 = \frac{L + vt_1}{c}, \quad t_2 = \frac{L}{c + v}. \quad (3)$$

Здесь c – общепринятое сегодня обозначение для скорости света. Алгебраическими преобразованиями получаем:

$$t_1 = \frac{L}{c - v}, \quad t_2 = \frac{L}{c + v}. \quad (4)$$

Подставив (4) в (2), получаем $V_{cp} \equiv c$.

Рассматривая движение света в направлении, перпендикулярном направлению движения Земли в светоносной среде, легко видеть, что в этом случае траектория движения света – стороны равнобедренного треугольника, вдоль которых свет движется со скоростью c (в теории опыта Майкельсона это учтено). Впрочем, для получения выражения для средней скорости это не имеет принципиального значения, так как расчет в этом случае предельно прост:

$$V_{cp} = \frac{ct_1 + ct_2}{t_1 + t_2} \equiv c. \quad (5)$$

Рассматривая любое направление света в светоносной среде, мы получим для средней скорости такой же результат. Следовательно, в любой ИСО в любом направлении средняя скорость света *туда и обратно*, то есть по замкнутому контуру, равна константе c . Но в этом случае возникает вопрос: что мог доказать *отрицательный результат* эксперимента Майкельсона (отсутствие интерференционного сдвига), если в рамках теории неподвижного эфира отрицательный результат ожидается теоретически, как говорится – *по определению*? Только то, что теория неподвижного эфира верна. А что мог доказать положительный результат – сдвиг интерференционной картины? Только то, что теория неподвижного эфира не верна, то есть эфир увлекается Землей – частично или полностью, в зависимости от условий эксперимента и полученного в этом эксперименте результата [6, с. 15].

В работе Эйнштейна скорость света принята равной c и *туда*, и *обратно* – в любом направлении. Но у Пуанкаре, например, чьи труды на эту тему были опубликованы раньше, – утверждение о постоянстве скорости света было своеобразным соглашением, *конвенцией*. Из анализа многочисленных публикаций Эйнштейна можно видеть, что он также считал утверждение о постоянстве скорости света условным, но считал такое соглашение возможным. С современной точки зрения СТО – это результат некоторого соглашения, и потому теория приближенная, которая никак не может быть *методологическим эталоном на все времена*. Но именно такую идею настойчиво внедряют в сознание читателей некоторые эмоциональные авторы популярных, учебных и даже научных изданий. Именно методологический аспект СТО – источник незатухающей вековой дискуссии, которая не прекращалась даже при воздействии административного и политического ресурсов.

Если бы содержанием второго постулата СТО было утверждение о равенстве средней скорости света *туда и обратно* во всех направлениях для любого инерциального наблюдателя, против такого постулата трудно было бы выдвинуть какое-либо возражение. *Предсказательная и объяснительная* функции теории в этом случае находились бы в полном согласии друг с другом, так как в формулах СТО, позволяющих делать расчеты и экспериментальные предсказания, одно из основных количественных соотношений – выражение $\sqrt{c^2 - v^2} = \sqrt{(c - v)(c + v)}$, имеющее смысл *средней геометрической скорости света в светоносной среде* в двух взаимно перпендикулярных направлениях. Вышеприведенный квадратный корень в модифицированном виде $\sqrt{1 - v^2/c^2}$ входит в *лоренц-фактор* и фигурирует в электродинамике движущихся тел. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать цепочку математических

преобразований, в которых получены наиболее известные формулы релятивистской теории.

Следовательно, в своем позитивном содержании СТО – это по-прежнему классическая теория, в которую заложено распространение света в светоносной среде с постоянной относительно среды скоростью. Свидетельство тому – сохранившиеся в СТО скорости $c + v$ и $c - v$. Результаты релятивистских расчетов, – разумеется, с некоторой точностью, – получаются количественно корректными, соответствуя в первом приближении ряду экспериментов.

Анализ второго постулата

Второй постулат СТО базируется на философских убеждениях Эйнштейна. Его система рассуждений, на первый взгляд, проста и в методологическом смысле допустима: если скорость, в частности скорость света, принципиально невозможно измерить без произвольных допущений, то мы имеем право делать произвольные предположения и о скорости света. Следовательно, не только Пуанкаре и некоторые другие физики, например Эддингтон, понимали условность второго постулата, но и Эйнштейн это понимал. Понимал, но строил теорию на условном базисе, так как не видел возможности сделать иначе. Это, хотя и своеобразный, но все-таки физический подход.

У последователей Эйнштейна физический анализ не просматривается совсем. Формально-математическая обработка СТО, начатая Минковским, изъела из этой теории физический смысл, и СТО превратилась в формальную расчетную схему. В частной переписке с друзьями Эйнштейн однажды признался, что с тех пор, как за его теорию взялись математики, он сам перестал что-либо в ней понимать. В дальнейшем в трудах теоретиков-позитивистов отсутствие *здравого смысла* стало синонимом научности, а *релятивистское мышление* – единственно возможным способом познания мира.

Постулат СТО о постоянстве скорости света нельзя назвать абсолютно абсурдным, так как в нем можно выделить три составляющие – три независимые утверждения:

1. Независимость скорости света от состояния движения источника света.
2. Независимость скорости света от состояния движения приемника света, то есть численное равенство скорости света для всех наблюдателей.
3. Связь скорости света с абстрактной системой координат, а не с системой отсчета (физической средой).

По крайней мере, первые два из выше обозначенных структурных элементов второго постулата признает большинство современных авторов. Первое утверждение логически легко моделируется и подтверждено экспериментально, в частности авторами цитируемой выше статьи [1]. Эйнштейн

изложил эту мысль в своей первой статье [12] по СТО (цитата приведена выше), и сегодня многие принимают данное утверждение за второй постулат в целом. Но в современном изложении, например в учебнике по СТО Угарова, приводится более подробная версия второго постулата: «Скорость света в вакууме одинакова по всем направлениям и в любой области данной инерциальной системы отсчета и одинакова во всех инерциальных системах отсчета» [10, с. 34]. Эта формулировка более сильная. Речь идет уже о численном равенстве скорости света относительно любого наблюдателя. Другими словами, утверждается независимость скорости света от состояния движения приемника света. Эйнштейн в работе [12] не говорит об этом явно, но логически это следует из предложенного им способа синхронизации часов.

Второе из вышеприведенных составляющих второго постулата логически не моделируется, и в ортодоксальных изложениях СТО нет никаких упоминаний об экспериментальном подтверждении независимости скорости света от скорости приемника света. Более того, есть сообщения о *зависимости* скорости электромагнитного сигнала от скорости наблюдателя. В частности, таковым можно считать сообщение о радарных наблюдениях Венеры [13].

Третья составляющая второго постулата – это логический абсурд. Скорость – понятие относительное, так как всегда определяется по отношению к некоторому физическому объекту. Абстрактное понятие *система координат* лишь после привязки к некоторому физическому объекту становится физической системой отсчета. Каким же образом скорость физического процесса – например движущегося в пространстве фронта светового импульса – может быть количественно одинаковой по отношению к двум разным физическим объектам, которые движутся относительно друг друга с некоторой конечной скоростью? Для *понимания* этого нужна не та логика, которая отшлифована эволюционно при взаимодействии человека и его биологических предшественников с физическим окружением, а та логика, «при помощи которой можно самого себя водить за нос» [3, с. 217], – логика математических абстракций.

В современных ортодоксальных изложениях физической науки утверждается, что «скорость света в вакууме $c = 3 \cdot 10^{10}$ см/с является предельной, самой большой скоростью, встречающейся в природе» [4, с. 212]. А по отношению к чему, по отношению к какой физической системе отсчета? Не указать это непозволительно при формировании физических основ теории. Когда, например, Мариотт предложил различать *относительную* скорость и *истинную*, или *собственную* скорость (то есть абсолютную скорость. – Б.М.), Гюйгенс выступил с возражением, что есть только *относи-*

тельная скорость [11, с. 48]. Гюйгенс это понимал. Понимают ли это релятивисты-ортодоксы, не допускающие никаких сомнений в абсолютной физической и методологической истинности СТО?

Из трех вышеуказанных составляющих второго постулата надежно экспериментально установлено только то, что *скорость света не зависит от скорости источника* [8]. Авторы статьи [1] убедительно подтвердили это на современной экспериментальной базе. Любые другие утверждения, исходящие от апологетов СТО или критиков-фантазеров, пытающихся реанимировать баллистическую гипотезу Ритца, не имеют экспериментального подтверждения.

По поводу численного равенства скорости света для любого наблюдателя можно сказать лишь то, что это утверждение целенаправленными экспериментами не подтверждено. В настоящее время в масштабе лаборатории невозможно измерить скорость света в каком-то одном направлении, поэтому измеряют усредненную скорость света в двух взаимно противоположных направлениях, то есть скорость света по замкнутому контуру. Эйнштейн в 1912 году писал: «...Я ввел принцип постоянства скорости света, заимствованный из теории покоящегося эфира» [9, с. 307]. В то время, на уровне науки начала XX века, конвенции давали возможность продвигаться вперед в математическом описании физических явлений. Осознанное соглашение не опасно, с ним всегда можно расстаться под давлением фактов. Опасно и чревато негативными последствиями для развития науки раздувание конвенций в «идеалистическую дурь» [9, с. 325], когда отрицается объективное содержание науки.

Сейчас, практически век спустя, стало ясно, что эксперименты Майкельсона и его многочисленных последователей не могут служить основой – ни для отрицания светоносной среды, ни для объявления скорости света постоянной величиной для всех наблюдателей. Но факт *непостоянства скорости света относительно наблюдателя* косвенно усматривается в современной ортодоксальной теории. Как уже было отмечено, в формулах СТО, позволяющих делать количественные расчеты и экспериментальные предсказания, кроме константы c , фигурирует выражение, имеющее смысл *средней геометрической скорости* света в светоносной среде. Именно поэтому, несмотря на логические проколы при построении теории, связанные с явно приближенным (имеющим ограниченную точность) методом синхронизации часов, количественные результаты, – разумеется, с некоторой точностью, – получаются корректными.

В университетском 5-томном курсе общей физики есть замечание: «Отрицательный результат опыта Майкельсона доказывает, что в земной системе отсчета скорость света в вакууме *изотропна*, то есть не зависит от направлений его распро-

странения. Под скоростью света здесь понимается *средняя скорость* в двух прямо противоположных направлениях – она и только она определяет результат опыта...» [7, с. 628].

Таким образом, изотропность скорости света не следует интерпретировать так, будто это численно одинаковое значение скорости во всех направлениях, относительно любого наблюдателя. Постоянна (численно равна) лишь средняя скорость света по замкнутому контуру. Понятие о численном равенстве скорости света всегда и для всех – всего лишь теоретическое обобщение, не проявляющее себя негативно на практике только потому, что сегодня, в быту и в инженерии, мы имеем дело со скоростями, намного меньшими c .

Классики физической науки прекрасно понимали различие между утверждениями, имеющими абсолютный характер, и утверждениями, принимаемыми условно, в качестве соглашения. Например, Паули был против того, чтобы второй постулат СТО называли *постулатом постоянства скорости света*; он считал, что такое название может привести к недоразумениям [7]. Какие это могут быть недоразумения, сегодня можно видеть не только в популярных и учебных, но также и в некоторых научных публикациях.

Заключение

Эволюция СТО в течение столетия, многократные попытки многих авторов *усовершенствовать* изложение этой теории привели к тому, что в теорию вносились искажения и ошибки, чаще всего мировоззренческого характера. В итоге эти попытки привели к тому, что современное канонизированное изложение СТО содержит логические противоречия (парадоксы) и не соответствует результатам некоторых экспериментов. Невозможность исправить это состояние усугубляется тем, что СТО нельзя обсуждать публично – ортодоксальной научной общественностью она принята в качестве эталона построения физических теорий. Но если запрещены дискуссии, если студентам и, в целом, близкому к науке сообществу не разъяснять основные и, на первый взгляд, противоречивые положения физической науки, то искажения будут многократно тиражироваться в издаваемых трудах, а дискуссии не приведут к пониманию истины.

Ввиду исключительной методологической значимости теории относительности для современной физики в целом основные положения этой теории должны быть не только подтверждены экспериментально, но и четко интерпретированы. По ре-

зультатам любого эксперимента недопустимо делать выводы обобщающего характера, выходящие за пределы полученных результатов. Не вызывает сомнения, что результатом эксперимента, изложенного в [1], является лишь *подтверждение независимости скорости света от скорости источника света*. Содержание второго постулата СТО шире, и в описанном в [1] эксперименте *заявленного подтверждения второго постулата в целом нет*.

Библиографический список

1. Александров Е.Б., Александров П.А., Запасский В.С. и др. Эксперименты по прямой демонстрации независимости скорости света от скорости движения источника (демонстрация справедливости второго постулата специальной теории относительности Эйнштейна) // Успехи физических наук. – 2011. – № 12. – С. 1345–1351.
2. Баллистический эксперимент с фотонами синхротронного излучения / П.И. Гладких, А.С. Мазманишвили, Л.В. Репринцев, П.И. Филиппов. – Харьков: ХФТИ, 1977. – 18 с.
3. Бернштейн М. А. Эйнштейн о научном творчестве // Эйнштейновский сборник, 1968 / сост. У.И. Франкфурт; ред. И.Е. Тамм, Г.И. Наан. – М.: Наука, 1968. – С. 187–218.
4. Гинзбург В.Л. О теории относительности. – М.: Наука, 1979. – 240 с.
5. Майкельсон А. Относительное движение Земли и светонесущий эфир // Эфирный ветер: сб. статей / под ред. В.А. Ацюковского. – М.: Энергоатомиздат, 1993. – С. 6–17.
6. Моисеев Б.М., Яковлев В.Ю. Эпистемологические проблемы второго постулата специальной теории относительности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – № 5. – С. 14–18.
7. Сивухин Д.В. Оптика. – М.: Наука, 1985. – 752 с.
8. Степанов Б.И. Введение в современную оптику: Поглощение и испускание света квантовыми системами. – Мн.: Навука і тэхніка, 1991. – 480 с.
9. Тяпкин А.А., Шибанов А.С. Пуанкаре. – М.: Мол. гвардия, 1979. – 415 с.
10. Угаров В.А. Специальная теория относительности. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 384 с.
11. Франкфурт У.И. Очерки по истории специальной теории относительности. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 196 с.
12. Эйнштейн А. Собр. науч. трудов: в 4 т. – М.: Наука, 1965–1967.
13. Wallace B.G. Radar Testing of the Relative Velocity of Light in Space // Spectr. Lett. – 1969. – № 2 (12). – P. 361–367.

ДВУМЕРНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТЛЕЮЩЕГО РАЗРЯДА В АРГОНЕ.

Часть 1. Модель и расчетная схема

Для компьютерного моделирования двумерного распределения параметров плазмы в тлеющем разряде в аргоне использовалась модель плазмы газового разряда в двумерных декартовых координатах. Система уравнений двухжидкостной гидродинамики содержала два уравнения непрерывности для электронной и ионной компонент плазмы и уравнение электростатики в виде уравнения Пуассона для вектора напряженности электрического поля E .

Заданы начальные и граничные условия с учетом параметров реальных разрядов. Плотности электронов и ионов в начальный момент времени во всей расчетной области считали неизменными и равными фоновой концентрации. Градиент потенциала в осевом направлении в начальный момент времени считали постоянным, а в радиальном – равным нулю. Потенциал на катоде считали равным нулю, а на аноде – приложенному напряжению. Граничные условия на электродах задавали исходя из того, что электроны испускаются катодом под действием падающего потока ионов с коэффициентом ион-электронной эмиссии γ , а анод ионы не испускает. На оси трубки плотность зарядов считалась непрерывной, а на стенке – фоновой.

Дискретизация проводилась с помощью двумерной равномерной декартовой разностной сетки, с представлением производных, входящих в уравнение через конечно-разностные соотношения. Разработана схема вычислительного алгоритма, в которой для численного решения уравнения Пуассона предложено использовать метод верхней релаксации. Показано, что подбором ускоряющего параметра ω можно сократить время расчета в сотни раз.

Ключевые слова: плазма, тлеющий разряд, численное моделирование, уравнение непрерывности заряженных частиц, двумерное распределение параметров.

Газовые разряды широко применяются на практике в плазмохимических реакторах, резке металлов, мощных источниках света, для накачки лазеров, в ионных двигателях космических аппаратов и т.п. Однако степень изученности всего многообразия газовых разрядов не является достаточной. Например, слабо изучены униполярные формы разряда при низком давлении с асимметричной конфигурацией электродов [1–5]. Важным инструментом исследования процессов в газовых разрядах является их моделирование. Хотя модель использует некоторые упрощения реальных процессов, моделирование позволяет выявить определенные особенности и эффекты, проявляющиеся в реальных разрядах [6–7].

В настоящее время для моделирования газовых разрядов широко используются двумерные и трехмерные модели [8–9]. Они позволяют получать не только общие характеристики разрядов: ток, падение напряжения, распределения плотности зарядов вдоль оси, и т.п., но и пространственные конфигурации параметров разряда, учитывать краевые и локальные эффекты в задаваемой модели, рассматривать разряды с асимметричной конфигурацией электродов и многое другое.

Так, в работе [10] двумерное моделирование использовали для расчета тлеющего разряда постоянного тока в условиях существования нескольких токопроводящих столбов. Посредством численных экспериментов исследован процесс объединения двух столбов непрерывного тлеющего разряда. В работе [11] трехмерная модель применялась для расчета пространственной конфигурации химически активного тлеющего разряда в воздухе с бес-

конечными плоскопараллельными электродами. Получены пространственные поля распределения электронной температуры и заселенностей колебательных уровней азота. Двумерное моделирование тлеющего разряда в аргоне сложной формы проведено в работе [12]. Расчеты показали, что сходжение решения системы исходных уравнений к стационарному состоянию очень чувствительно к первоначальной оценке для значений неизвестных параметров. Поэтому для обеспечения сходимости подбирали начальные условия. Показано хорошее согласие расчетов с экспериментальными результатами.

В вышеупомянутых и многих других аналогичных работах для моделирования газовых разрядов использовалась двух- или трехмерная система уравнений двухжидкостной гидродинамики, дополненная уравнением электростатики и, в зависимости от задачи, уравнениями химической или колебательной кинетики. При этом для получения численного решения сначала задавалось начальное приближенное распределение плазменных параметров, которое было близко к стационарному состоянию. Затем путем последовательных итераций получали искомое стационарное пространственное распределение параметров плазмы. Таким образом, в процессе моделирования не рассматривалось поведение пространственного распределения параметров разряда в ходе его формирования.

Задачей данной работы, которая является логическим продолжением исследований [6–7], ставится двумерное моделирование поведения пространственного распределения параметров тлеющего разряда в аргоне в ходе его формирования.

Описание модели

Модель разряда задана системой дифференциальных уравнений двухжидкостной гидродинамики в двумерной декартовой геометрии, описывающих поведение параметров плазмы с учётом граничных условий в приэлектродных слоях и на стенках [11–13].

Разряд описывали системой векторных уравнений непрерывности для электронной и ионной компонент и уравнением Пуассона для вектора напряженности электрического поля E :

$$\begin{cases} \frac{\partial n_e}{\partial t} + \operatorname{div} \vec{\Gamma}_e = \alpha |\vec{\Gamma}_e| - \beta n_e n_p, \\ \vec{\Gamma}_e = -n_e \mu_e \vec{E} - D_e \operatorname{grad} n_e, \\ \frac{\partial n_p}{\partial t} + \operatorname{div} \vec{\Gamma}_p = \alpha |\vec{\Gamma}_e| - \beta n_e n_p, \\ \vec{\Gamma}_p = n_p \mu_p \vec{E} - D_p \operatorname{grad} n_p, \\ \operatorname{div} \vec{E} = 4\pi e(n_p - n_e), \\ \vec{E} = -\operatorname{grad} \varphi \end{cases} \quad (1),$$

где n_e и n_p – концентрации, Γ_e и Γ_p – потоки, μ_e и μ_p – подвижности, D_e и D_p – коэффициенты диффузии, соответственно, электронов и ионов, E – напряженность электрического поля, α – первый ионизационный коэффициент Таунсенда, β – коэффициент объемной рекомбинации, φ – потенциал, e – заряд электрона. $D_e = \mu_e \cdot T_e$ и $D_p = \mu_p \cdot T_p$ – коэффициенты диффузии, соответственно, электронов и ионов.

В двумерном случае декартовых координат система (1) принимала следующий вид:

$$\begin{cases} \frac{\partial n_e}{\partial t} + \frac{\partial \Gamma_{ex}}{\partial x} + \frac{\partial \Gamma_{ey}}{\partial y} = \alpha |\Gamma_e| - \beta n_e n_p, \\ \Gamma_{ex} = -\mu_e \left(n_e E_x + T_e \frac{\partial n_e}{\partial x} \right), \\ \Gamma_{ey} = -\mu_e \left(n_e E_y + T_e \frac{\partial n_e}{\partial y} \right), \\ \frac{\partial n_p}{\partial t} + \frac{\partial \Gamma_{px}}{\partial x} + \frac{\partial \Gamma_{py}}{\partial y} = \alpha |\Gamma_e| - \beta n_e n_p, \\ \Gamma_{px} = \mu_p \left(n_p E_x - T_p \frac{\partial n_p}{\partial x} \right), \\ \Gamma_{py} = \mu_p \left(n_p E_y - T_p \frac{\partial n_p}{\partial y} \right), \\ \frac{\partial E_x}{\partial x} + \frac{\partial E_y}{\partial y} = 4\pi e(n_p - n_e), \\ E_x = -\frac{\partial \varphi}{\partial x}, E_y = -\frac{\partial \varphi}{\partial y}. \end{cases} \quad (2).$$

Подставив в исходные уравнения выражения для напряженности электрического поля и потоков, получали систему уравнений относительно плотностей зарядов и потенциала:

$$\begin{cases} \frac{\partial n_e}{\partial t} + \mu_e \left[n_e \frac{\partial^2 \varphi}{\partial x^2} + \frac{\partial \varphi}{\partial x} \frac{\partial n_e}{\partial x} - T_e \frac{\partial^2 n_e}{\partial x^2} + \right. \\ \left. + n_e \frac{\partial^2 \varphi}{\partial y^2} + \frac{\partial \varphi}{\partial y} \frac{\partial n_e}{\partial y} - T_e \frac{\partial^2 n_e}{\partial y^2} \right] = \\ = \alpha |\Gamma_e| - \beta n_e n_p, \\ \frac{\partial n_p}{\partial t} - \mu_p \left[n_p \frac{\partial^2 \varphi}{\partial x^2} + \frac{\partial \varphi}{\partial x} \frac{\partial n_p}{\partial x} + T_p \frac{\partial^2 n_p}{\partial x^2} + \right. \\ \left. + n_p \frac{\partial^2 \varphi}{\partial y^2} + \frac{\partial \varphi}{\partial y} \frac{\partial n_p}{\partial y} + T_p \frac{\partial^2 n_p}{\partial y^2} \right] = \\ = \alpha |\Gamma_e| - \beta n_e n_p, \\ \frac{\partial^2 \varphi}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 \varphi}{\partial y^2} = -4\pi e(n_p - n_e), \end{cases} \quad (3);$$

здесь модуль потока электронов равен:

$$\begin{aligned} \Gamma_{ex} &= \mu_e \left(n_e \frac{\partial \varphi}{\partial x} - T_e \frac{\partial n_e}{\partial x} \right), \\ \Gamma_{ey} &= \mu_e \left(n_e \frac{\partial \varphi}{\partial y} - T_e \frac{\partial n_e}{\partial y} \right) \\ \Gamma_e &= \sqrt{\Gamma_{ex}^2 + \Gamma_{ey}^2}. \end{aligned}$$

Начальные условия

Концентрации электронов и ионов в начальный момент времени во всей расчетной области считали неизменными и равными фоновой концентрации n_0 :

$$n_e(x, y, 0) = n_p(x, y, 0) = n_0.$$

Градиент потенциала в направлении оси $0x$ в начальный момент времени считали постоянным, в направлении оси $0y$ – равным нулю:

$$\frac{\partial \varphi}{\partial x}(x, y, 0) = \text{const}; \quad \frac{\partial \varphi}{\partial y}(x, y, 0) = 0.$$

Граничные условия

Потенциал на катоде 1 считали равным нулю, а на аноде 2 – приложенному напряжению V , здесь d – длина разрядного промежутка:

$$\varphi(0, y, t) = 0, \quad \varphi(d, y, t) = V.$$

Градиент потенциала в центре и у стенок считали нулевым, а у катода 1 и анода 2 – постоянным, здесь r_0 – размер разрядного промежутка по оси $0y$:

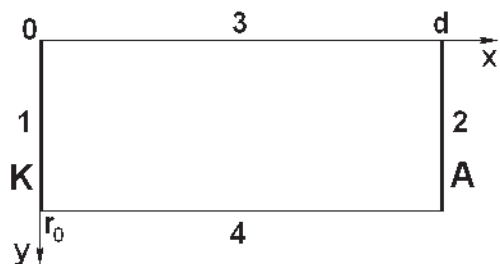

Рис. 1. Расчетная область
(K – катод, A – анод, $0x$ – ось разряда)

$$\begin{aligned}\frac{\partial \varphi}{\partial y}(x, 0, t) = 0, \quad \frac{\partial \varphi}{\partial y}(x, r_0, t) = 0, \\ \frac{\partial \varphi}{\partial x}(x, 0, t) = const; \quad \frac{\partial \varphi}{\partial x}(x, d, t) = const.\end{aligned}$$

Граничные условия на электродах задавали исходя из того, что электроны испускаются катодом под действием падающего потока ионов $\Gamma_{px}(0, y, t)$ с коэффициентом ион-электронной эмиссии γ , а анод ионы не испускает:

$$\begin{aligned}\Gamma_{ex}(0, y, t) = -\gamma \Gamma_{px}(0, y, t); \\ \Gamma_{px}(d, y, t) = 0.\end{aligned}$$

В этом случае краевые условия для плотностей зарядов на катоде 1 и аноде 2 записывались в виде:

$$\begin{aligned}n_e(0, y, t) = \gamma n_p(0, y, t) \mu_p / \mu_e; \\ n_p(d, y, t) = n_0.\end{aligned}$$

На оси трубки 3 плотность зарядов считалась непрерывной, а на стенке 4 – фоновой:

$$\frac{\partial n_e}{\partial y}(x, 0, t) = 0; \quad \frac{\partial n_p}{\partial y}(x, 0, t) = 0;$$

$$n_e(x, r_0, t) = n_0; \quad n_p(x, r_0, t) = n_0.$$

Для решения заданной системы уравнений использовали численные методы. В расчетной пространственно-временной области $0 \leq x \leq d$, $0 \leq y \leq r_0$, $0 \leq t \leq \tau \cdot nk$ вводили конечно-разностную сетку: $\omega_{ht} = \{x_i = i \cdot hi, i = 0 \dots ni; y_j = j \cdot hj, j = 0 \dots nj; t^k = k \cdot \tau, k = 0 \dots nk\}$ с пространственными шагами по координатам $hi = d/ni$ и $hj = r_0/nj$ и шагом по времени τ . Здесь, $i = 0 \dots ni$; $j = 0 \dots nj$ – индексы по координатам, а $k = 0 \dots nk$ – индекс по времени.

Рассматривали два временных слоя: нижний $t^k = k \cdot \tau$, на котором распределение искоемых функций известно и верхний временной слой $t^{k+1} = (k+1)\tau$, на котором распределение искоемых функций подлежит определению. Непрерывные функции потенциала, потока, концентраций и поля заменяли сеточными: $\varphi(x_i, y_j, t^k) = \varphi_{ij}^k$, $\Gamma_{ex}(x_i, y_j, t^k) = \Gamma_{exij}^k$, $\Gamma_{ey}(x_i, y_j, t^k) = \Gamma_{eyij}^k$, $\Gamma_{px}(x_i, y_j, t^k) = \Gamma_{pxij}^k$, $\Gamma_{py}(x_i, y_j, t^k) = \Gamma_{pyij}^k$, $n_e(x_i, y_j, t^k) = n_{eij}^k$, $n_p(x_i, y_j, t^k) = n_{pij}^k$, $E_x(x_i, y_j, t^k) = E_{xij}^k$, $E_y(x_i, y_j, t^k) = E_{yij}^k$. Частные производные, входящие в уравнения, заменяли конечно-разностными соотношениями. Для временных производных использовали правые, а для пространственных – центральные разности:

Полученная система уравнений в конечных разностях записывалась в виде:

$$\begin{aligned}\left\{ \begin{aligned} & \frac{n_{ei,j}^{k+1} - n_{ei,j}^k}{\tau} + \mu_e \left[n_{ei,j}^k \frac{\varphi_{i+1,j}^k - 2\varphi_{i,j}^k + \varphi_{i-1,j}^k}{hi^2} + \right. \\ & + n_{ei,j}^k \frac{\varphi_{i,j+1}^k - 2\varphi_{i,j}^k + \varphi_{i,j-1}^k}{hj^2} + \\ & + \frac{(\varphi_{i+1,j}^k - \varphi_{i-1,j}^k) \cdot (n_{ei,j}^k - n_{ei-1,j}^k)}{4hi^2} + \\ & + \frac{(\varphi_{i,j+1}^k - \varphi_{i,j-1}^k) \cdot (n_{ei,j}^k - n_{ei,j-1}^k)}{4hj^2} - \\ & - T_e \frac{n_{ei+1,j}^k - 2n_{ei,j}^k + n_{ei-1,j}^k}{hi^2} - \\ & \left. - T_e \frac{n_{ei,j+1}^k - 2n_{ei,j}^k + n_{ei,j-1}^k}{hj^2} \right] = \\ & = \alpha_{ei,j}^k |\Gamma_{ei,j}^k| - \beta n_{ei,j}^k n_{pi,j}^k, \\ & \frac{n_{pi,j}^{k+1} - n_{pi,j}^k}{\tau} - \mu_p \left[n_{pi,j}^k \frac{\varphi_{i+1,j}^k - 2\varphi_{i,j}^k + \varphi_{i-1,j}^k}{hi^2} + \right. \\ & + n_{pi,j}^k \frac{\varphi_{i,j+1}^k - 2\varphi_{i,j}^k + \varphi_{i,j-1}^k}{hj^2} + \\ & + \frac{(\varphi_{i+1,j}^k - \varphi_{i-1,j}^k) \cdot (n_{pi,j}^k - n_{pi-1,j}^k)}{4hi^2} + \\ & + \frac{(\varphi_{i,j+1}^k - \varphi_{i,j-1}^k) \cdot (n_{pi,j}^k - n_{pi,j-1}^k)}{4hj^2} + \\ & + T_p \frac{n_{pi+1,j}^k - 2n_{pi,j}^k + n_{pi-1,j}^k}{hi^2} + \\ & \left. + T_p \frac{n_{pi,j+1}^k - 2n_{pi,j}^k + n_{pi,j-1}^k}{hj^2} \right] = \\ & = \alpha_{pi,j}^k |\Gamma_{pi,j}^k| - \beta n_{pi,j}^k n_{ei,j}^k, \\ & \frac{\varphi_{i+1,j}^k - 2\varphi_{i,j}^k + \varphi_{i-1,j}^k}{hi^2} + \\ & + \frac{\varphi_{i,j+1}^k - 2\varphi_{i,j}^k + \varphi_{i,j-1}^k}{hj^2} = 4\pi e(n_{ei,j}^k - n_{pi,j}^k), \\ & i = 1 \dots ni - 1, \quad j = 1 \dots nj - 1, \quad k = 0 \dots nk - 1. \end{aligned} \right\} \quad (4).$$

После ее упрощения получили систему следующего вида:

$$\begin{aligned}\left\{ \begin{aligned} & n_{ei,j}^{k+1} = n_{ei,j}^k + \tau \left[dn_{ei,j}^k - dn\beta_{ei,j}^k - \right. \\ & - \mu_e (dn_{exij}^k + dn_{eyij}^k) \left. \right] \\ & n_{pi,j}^{k+1} = n_{pi,j}^k + \tau \left[dn_{pi,j}^k - dn\beta_{pi,j}^k + \right. \\ & + \mu_p (dn_{pxij}^k + dn_{pyij}^k) \left. \right] \\ & \frac{\varphi_{i+1,j}^k - 2\varphi_{i,j}^k + \varphi_{i-1,j}^k}{hi^2} + \frac{\varphi_{i,j+1}^k - 2\varphi_{i,j}^k + \varphi_{i,j-1}^k}{hj^2} = \\ & = 4\pi e(n_{ei,j}^k - n_{pi,j}^k), \\ & i = 1 \dots ni - 1, \quad j = 1 \dots nj - 1, \quad k = 0 \dots nk - 1. \end{aligned} \right\} \quad (5),$$

где:

$$\begin{aligned}
 dn\alpha_{i,j}^k &= \alpha_{i,j}^k \left| \Gamma_{e,i,j}^k \right|, \quad dn\beta_{i,j}^k = \beta_{i,j}^k n_{p,i,j}^k, \\
 dn_{ex,i,j}^k &= \left[n_{e,i,j}^k (\varphi_{i+1,j}^k - 2\varphi_{i,j}^k + \varphi_{i-1,j}^k) + \right. \\
 &\quad \left. + 0,25(\varphi_{i+1,j}^k - \varphi_{i-1,j}^k) \cdot (n_{e,i+1,j}^k - n_{e,i-1,j}^k) - \right. \\
 &\quad \left. - T_e (n_{e,i+1,j}^k - 2n_{e,i,j}^k + n_{e,i-1,j}^k) \right] / h i^2, \\
 dn_{ey,i,j}^k &= \left[n_{e,i,j}^k (\varphi_{i,j+1}^k - 2\varphi_{i,j}^k + \varphi_{i,j-1}^k) + \right. \\
 &\quad \left. + 0,25(\varphi_{i,j+1}^k - \varphi_{i,j-1}^k) \cdot (n_{e,i,j+1}^k - n_{e,i,j-1}^k) - \right. \\
 &\quad \left. - T_e (n_{e,i,j+1}^k - 2n_{e,i,j}^k + n_{e,i,j-1}^k) \right] / h j^2, \\
 dn_{px,i,j}^k &= \left[n_{p,i,j}^k (\varphi_{i+1,j}^k - 2\varphi_{i,j}^k + \varphi_{i-1,j}^k) + \right. \\
 &\quad \left. + 0,25(\varphi_{i+1,j}^k - \varphi_{i-1,j}^k) \cdot (n_{p,i+1,j}^k - n_{p,i-1,j}^k) + \right. \\
 &\quad \left. + T_p (n_{p,i+1,j}^k - 2n_{p,i,j}^k + n_{p,i-1,j}^k) \right] / h i^2, \\
 dn_{py,i,j}^k &= \left[n_{p,i,j}^k (\varphi_{i,j+1}^k - 2\varphi_{i,j}^k + \varphi_{i,j-1}^k) + \right. \\
 &\quad \left. + 0,25(\varphi_{i,j+1}^k - \varphi_{i,j-1}^k) \cdot (n_{p,i,j+1}^k - n_{p,i,j-1}^k) + \right. \\
 &\quad \left. + T_p (n_{p,i,j+1}^k - 2n_{p,i,j}^k + n_{p,i,j-1}^k) \right] / h j^2,
 \end{aligned} \quad (6)$$

Для вычисления модуля потока электронов использовали соотношения:

$$\begin{aligned}
 \Gamma_{ex,i,j}^k &= \frac{\mu_e}{2hi} \left[n_{e,i,j}^k (\varphi_{i+1,j}^k - \varphi_{i-1,j}^k) - \right. \\
 &\quad \left. - T_e (n_{e,i+1,j}^k - n_{e,i-1,j}^k) \right] \\
 \Gamma_{ey,i,j}^k &= \frac{\mu_e}{2hj} \left[n_{e,i,j}^k (\varphi_{i,j+1}^k - \varphi_{i,j-1}^k) - \right. \\
 &\quad \left. - T_e (n_{e,i,j+1}^k - n_{e,i,j-1}^k) \right] \\
 \left| \Gamma_{e,i,j}^k \right| &= \sqrt{\Gamma_{ex,i,j}^k{}^2 + \Gamma_{ey,i,j}^k{}^2}.
 \end{aligned} \quad (7)$$

Первый ионизационный коэффициент Таунсенда $\alpha_{i,j}^k$, зависящий от модуля напряженности электрического поля $|E_{i,j}^k|$ и давления аргона p (при $T = const$), аппроксимировали следующим выражением [13], в котором коэффициенты подобраны по данным работы [14]:

$$\alpha_{i,j}^k = 28,5 \cdot p \cdot \exp \left(-25,9 \sqrt{\frac{p}{|E_{i,j}^k|}} \right), \quad (8)$$

здесь модуль электрического поля:

$$\begin{aligned}
 E_{xi,j}^k &= -\frac{\varphi_{i+1,j}^k - \varphi_{i-1,j}^k}{2hi}, \quad E_{yi,j}^k = -\frac{\varphi_{i,j+1}^k - \varphi_{i,j-1}^k}{2hj}, \\
 \left| E_{i,j}^k \right| &= \sqrt{E_{xi,j}^k{}^2 + E_{yi,j}^k{}^2}.
 \end{aligned} \quad (9)$$

Коэффициент объемной рекомбинации $\beta = 6,5 \cdot 10^{-7} \text{ см}^3/\text{с}$, коэффициент ион-электронной эмиссии $\gamma = 0,07$. Подвижности электронов $\mu_e = 3,3 \cdot 10^5/p \text{ (см}^2 \cdot \text{Тор)}/(\text{В} \cdot \text{с})$ и ионов $\mu_p = 2,0 \cdot 10^3/p \text{ (см}^2 \cdot \text{Тор)}/(\text{В} \cdot \text{с})$.

Блок-схема программы

Алгоритм проведения вычислений представлен на блок-схеме (см.: рис. 2). В программе предусмотрено сохранение промежуточных результатов

Рис. 2. Вычислительная блок-схема расчетов

расчета во временных файлах, используя которые можно продолжить расчет с сохраненных моментов времени.

Метод верхней релаксации

Для расчета распределения потенциала в разрядном промежутке использовали метод верхней релаксации [15], который в данных условиях давал наибольшее быстрое действие. Двумерное уравнение Пуассона в декартовых координатах для конечных разностей имело вид:

$$\begin{aligned}
 &\frac{\varphi_{i+1,j}^k - 2\varphi_{i,j}^k + \varphi_{i-1,j}^k}{hi^2} + \\
 &+ \frac{\varphi_{i,j+1}^k - 2\varphi_{i,j}^k + \varphi_{i,j-1}^k}{hj^2} = 4\pi e (n_{e,i,j}^k - n_{p,i,j}^k),
 \end{aligned} \quad (10)$$

$$i = 1 \dots ni - 1, \quad j = 1 \dots nj - 1,$$

На границах расчетной области задавали следующие краевые условия. Потенциалы на электродах полагали равными 0 и V :

$$\varphi_{0,j}^k = 0, \quad \varphi_{ni,j}^k = V, \quad j = 0 \dots nj.$$

Градиент потенциала у стенок считали нулевым:

$$\varphi_{i,0}^k = \varphi_{i,nj}^k, \quad \varphi_{i,nj}^k = \varphi_{i,nj-1}^k, \quad i = 0 \dots ni.$$

Перепишем уравнение Пуассона в виде:

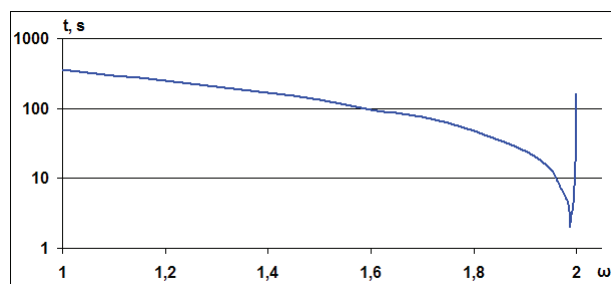

Рис. 3. График зависимости времени расчетов от параметра ω .
Параметры расчета: $n_i = 600$, $n_j = 100$

$$a \cdot \varphi_{i,j}^{k+1} = \frac{1}{hi^2} \varphi_{i-1,j}^{k+1} + \frac{1}{hj^2} \varphi_{i,j-1}^{k+1} + \frac{1}{hi^2} \varphi_{i+1,j}^k + \frac{1}{hj^2} \varphi_{i,j+1}^k - 4\pi e(n_{ei,j}^k - n_{pi,j}^k), \quad \text{где } a = 2 \left(\frac{1}{hi^2} + \frac{1}{hj^2} \right),$$

здесь значения $\varphi_{i-1,j}$ и $\varphi_{i,j-1}$ встречаются в расчете раньше, поэтому берутся из следующего $(k+1)$ -го слоя, а $\varphi_{i+1,j}$ и $\varphi_{i,j+1}$ — позже и берутся из текущего k -го слоя.

Умножив все слагаемые в правой части на параметр ω и добавив в правую часть слагаемое вида $(1-\omega) \cdot a \cdot \varphi_{i,j}^k$, согласно общей формуле метода верхней релаксации, получили следующую расчетную формулу:

$$a \cdot \varphi_{i,j}^{k+1} = \frac{\omega}{hi^2} \varphi_{i-1,j}^{k+1} + \frac{\omega}{hj^2} \varphi_{i,j-1}^{k+1} + \frac{\omega}{hi^2} \varphi_{i+1,j}^k + \frac{\omega}{hj^2} \varphi_{i,j+1}^k + (1-\omega) \cdot a \cdot \varphi_{i,j}^k - \omega 4\pi e(n_{ei,j}^k - n_{pi,j}^k), \quad (11).$$

При программной реализации данной формулы применяли внешний цикл по j от 1 до $n_j - 1$ и внутренний по i от 1 до $n_i - 1$. Параметр $\omega \in [1, 2)$ выбирался так, чтобы время расчетов было минимальным. Чем больше было количество разбиений по координатам, тем сильнее оптимальное значение ω сдвигалось к его верхней границе.

При соответствующем подборе ускоряющего параметра ω можно было сократить время расчета в сотни раз. Для заданных параметров модели и разбиении сетки оптимальное значение было близко к $\omega = 1,99$.

Библиографический список

1. Герасимов И.В., Сухов А.К. Исследование распространения разряда униполярного пробоя газа // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. — 2005. — № 11. — С. 5–10.
2. Герасимов А.И., Герасимов И.В., Сухов А.К., Якунина Л.В. Исследование спектра излучения разряда униполярного пробоя газа в воздухе при изменении давления // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. — 2005. — № 3. — С. 10–14.
3. Герасимов И.В., Сухов А.К., Копейкина Т.П. Влияние частоты следования импульсов высоко-

вольтного потенциала на параметры разряда униполярного пробоя газа // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. — 2009. — № 3. — С. 30–34.

4. Савинов В.П., Сухов А.К., Копейкина Т.П. Изменение функции распределения электронов по энергиям в плазме разряда униполярного пробоя газа // Вестник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Сер. 3: Физика. Астрономия. — 2009. — № 5. — С. 56–59.

5. Сухов А.К. Две формы существования разряда униполярного пробоя газа // Вестник Московского государственного университета М.В. Ломоносова. Серия 3: Физика. Астрономия. — 2013. — № 2. — С. 56–60.

6. Сухов А.К. Моделирование радиального профиля свечения по длине разряда униполярного пробоя газа // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. — 2010. — № 2. — С. 12–17.

7. Сухов А.К. Моделирование импульсного разряда в азоте // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. — 2013. — Т. 19. — № 2. — С. 15–24.

8. Райзер Ю. П. Физика газового разряда: науч. изд. — 3е изд., перераб. и доп. — Долгопрудный: Изд. дом «Интеллект», 2009. — 736 с.

9. Суржиков С.Т. Физическая механика газовых разрядов. — М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2006. — 639 с.

10. Суржиков С.Т. Численный анализ структуры двух типов тлеющих разрядов. // Физико-химическая кинетика в газовой динамике. — 2008. — Т. 7. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://chemphys.edu.ru/article/112/>.

11. Петрусов А.С. Трехмерная численная модель для химически активного тлеющего разряда в воздухе // Труды МФТИ. — 2009. — Т. 1. — № 1. — С. 90–93.

12. Rafatov I.R., Akbar D., Bilikmen S. Modelling of non-uniform DC driven glow discharge in argon gas // Physics Letters A. — 2007. — Vol. 367. — P. 114–119.

13. Ward A.L. Calculations of cathode-fall characteristics // J. Appl. Phys. — 1962. — Vol. 33. — P.2789–2794.

14. Smirnov B.M. Reference Data on Atomic Physics and Atomic Processes. — NY.: Springer, 2008. — 173 p.

15. Самарский А.А., Николаев Е.С. Методы решения сеточных уравнений. — М.: Наука, 1978. — 592 с.

Морошкина Евгения Борисовна

кандидат физико-математических наук
Санкт-Петербургский государственный университет
evmorosh@mail.ru

Седова Ольга Борисовна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
sedova_olga_fm@mail.ru**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДНК С ПРОИЗВОДНЫМ АКТИНОЦИНА,
СОДЕРЖАЩИМ В АМИДНЫХ ГРУППАХ РАДИКАЛ – (БЕНЗО-15-КРАУН-5),
В ПРИСУТСТВИИ ИОНОВ K⁺ В РАСТВОРЕ**

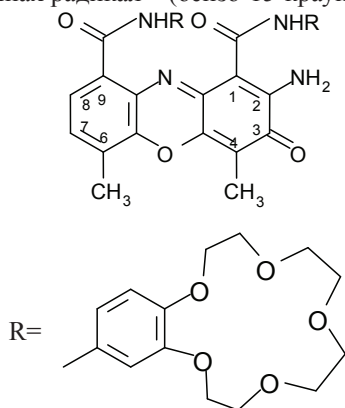
Методами спектрофотометрического и спектрополяриметрического титрования исследовано взаимодействие производного актиноцина, содержащего радикалы (бензо-15-краун-5) в амидных группах, с молекулой ДНК в водно-солевых растворах KCl. Исследуемое соединение образует три спектрально различимые агрегационные формы: димеры и агрегаты Н- и J-типа. Последние обладают оптической активностью. В растворах KCl в присутствии ДНК независимо от её концентрации и ионной силы раствора не происходит образования агрегационных форм исследованного производного актиноцина. Н- и J-форма не только не образуются в присутствии ДНК, но и разрушаются в случае их предварительного образования. Данное соединение взаимодействует с ДНК в виде димеров или мономеров в зависимости от соотношения молярных концентраций лиганда и ДНК, что свидетельствует о большом сродстве соединения ДНК в растворах KCl.

Ключевые слова: спектрофотометрия, спектрополяриметрия, производные актиноцина, краун-группа, ДНК.

Введение

Антибиотик актиномицин D является одним из первых антибиотиков, у которых была обнаружена противоопухолевая активность [13]. Однако наличие побочных эффектов у этого препарата стимулирует поиск эффективных соединений среди его аналогов. Ряд таких аналогов был синтезирован в Санкт-Петербургском государственном техническом университете сотрудниками кафедры органической химии [9].

Одним из синтезированных соединений является производное актиноцина, содержащее в амидных группах радикал – (бензо-15-краун-5) [1]:

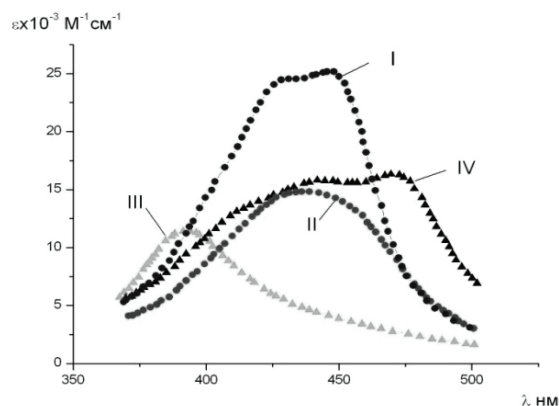

Его особенность заключается в том, что пептидлактонные группировки актиномицина D, способные связывать катионы металлов [10], были заменены на краун-эфир, обладающие аналогичными свойствами [11; 8].

Ранее было показано, что изучаемое соединение может находиться в водно-солевых растворах, содержащих ионы K⁺ или Na⁺, в различных формах: в виде мономеров, димеров, агрегатов Н-типа и агрегатов J-типа. В случае Н-агрегатов плоскости хромофоров молекул располагаются друг

над другом, их центры находятся на одной оси, перпендикулярной плоскости хромофора, образуя агрегат в виде «стопки». В случае J-агрегатов плоскости хромофоров молекул сдвинуты относительно друг друга, образуя агрегат в виде «кирпичной кладки» [5]. Спектры поглощения этих форм соединения представлены на рис. 1. С течением времени форма агрегата соединения может меняться в зависимости от условий окружающей среды [5].

Ранее было проведено спектральное исследование взаимодействия данного соединения с молекулой ДНК в растворе 0,1М KCl [4]. Было показано, что соединение, находящееся в этих условиях в димерной форме, имеет большое сродство с молекулой ДНК и взаимодействует с ней, образуя комплекс лиганд-ДНК в виде мономеров, димеров или агрегатов на поверхности двойной спирали в зависимости от соотношения молярных концен-

Рис. 1. Форма спектров поглощения исследуемого соединения.

Кривая I – мономерная форма, II – димерная форма, III – Н-агрегаты, IV – J-агрегаты [4]

траций лиганда и пар азотистых оснований ДНК в растворе, $C_{\text{лиг}}/C_{\text{ДНК}}$.

Поскольку данное производное актиноцина образует в зависимости от ионной силы среды агрегационные формы различной структуры, что может повлиять на его способность взаимодействовать с молекулой ДНК, мы провели исследование взаимодействия этого соединения с ДНК в растворах 0,01M KCl и 0,001M KCl.

Материалы и методы

Для эксперимента была использована ДНК из тимуса телят фирмы «Sigma» с молекулярной массой $M = 10^7$ Да. Молекулярная масса ДНК была определена по величине ее характеристической вязкости в 0,15 M NaCl [7]. Концентрация ДНК определялась по поглощению ее гидролизата [6]. Коэффициент экстинкции ДНК $\varepsilon_{258} = 6400\text{--}6700 \text{ M}^{-1}\text{cm}^{-1}$.

Исследуемое производное актиноцина растворяли в этиловом спирте, насыщенном KCl. Его концентрацию в исходных спиртовых растворах определяли по коэффициенту экстинкции $\varepsilon_{450} = 25000 \text{ M}^{-1}\text{cm}^{-1}$.

Спектрофотометрическое титрование (СФТ) и спектрополяризметрическое титрование (СПТ) двух типов проводили параллельно с использованием одних и тех же растворов. При титровании первого типа концентрированный спиртовой раствор соединения в мономерной форме добавляли в ДНК-содержащие водно-солевые растворы KCl различной ионной силы (μ). Содержание спирта в конечных растворах не превышало 1% (по объему). При титровании второго типа смешивали водно-солевые растворы соединения и ДНК одинаковой ионной силы. В этом случае в зависимости от ионной силы раствора исходное состояние соединения соответствовало Н- или J-форме.

Для регистрации спектров поглощения использовали спектрофотометр «Specord UV-Vis». Спектры кругового дихроизма были получены на дихрографе «Jobin-Ivon Mark 5».

Результаты и их обсуждение

СФТ и СПТ I типа, $\mu=0,01$, $\mu=0,001$

При титровании I типа исходное состояние соединения в растворе является мономерным. В присутствии ДНК в растворе спектры поглощения лиганда имеют форму, соответствующую форме спектров поглощения связанных с ДНК мономеров или димеров актиноцина, в зависимости от величины $C_{\text{лиг}}/C_{\text{ДНК}}$ [2] (рис. 2, а). Изменений спектров поглощения во времени не наблюдается.

Мономерная форма соединения оптически не активна. В присутствии ДНК наблюдается индуцированный круговой дихроизм (ИКД), сопряженный с длинноволновой полосой поглощения соединения, вызванный его взаимодействием

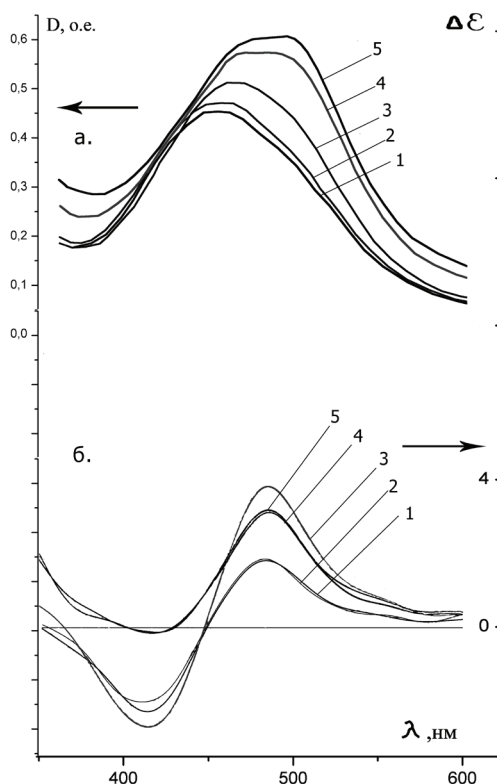
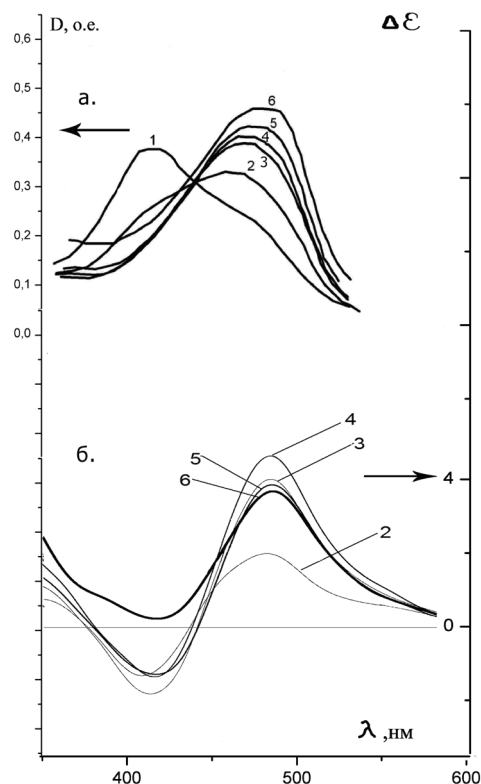

Рис. 2. Спектры поглощения (а) и ИКД (б) лиганда при $\mu=0,001$ при титровании I типа: $C_{\text{лиг}}/C_{\text{ДНК}} = 1,5(1); 1,0(2); 0,5(3); 0,1(4); 0,05(5)$. $C_{\text{лиг}} = 10^{-5} \text{ M}$.

ем с ДНК (рис. 2, б). При изменении отношения $C_{\text{лиг}}/C_{\text{ДНК}}$ в диапазоне 0,5–1,5 спектры ИКД имеют экситонный вид с изоэллиптической точкой при $\lambda=450 \text{ nm}$, что характерно для спектров ИКД связанных с ДНК димеров производных актиноцина [3]. С дальнейшим увеличением концентрации ДНК интенсивность отрицательной полосы уменьшается, и при $C_{\text{лиг}}/C_{\text{ДНК}} < 0,1$ наблюдается предельный спектр ИКД, соответствующий изолированно связанной с ДНК молекуле лиганда. Следует отметить, что этот предельный ИКД имеет положительный знак, в отличие от соответствующего ИКД производных актиноцина, не имеющих краун-группировки в амидных группах и взаимодействующих с двойной спиралью ДНК интеркаляционным способом [3]. Это может свидетельствовать либо о разной ориентации актиноцинового хромофора в интеркаляционном сайте, либо вообще о другом способе связывания данного производного актиноцина с ДНК.

Отсутствие процесса образования агрегационных форм соединения в присутствии ДНК свидетельствует о том, что в растворах практически отсутствует свободный лиганд. Следовательно, в данных ионных условиях сродство исследуемого соединения к ДНК ($K_{\text{связ}}$) достаточно велико, учитывая использованную для титрования концентрацию соединения, $K_{\text{связ}} > 10^7 \text{ M}^{-1}$.

Рис. 3. Спектры поглощения (а) и ИКД (б) лиганда при $\mu=0,01$ при титровании II типа: без ДНК (1), $C_{\text{лиг}}/C_{\text{ДНК}} = 1,1$ (2); 0,5 (3); 0,4 (4); 0,2 (5); 0,1 (6). $C_{\text{лиг}} = 10^{-5}$ М.

СФТ и СПТ II типа, $\mu=0,01$

При титровании II типа при $\mu = 0,01$ исходное состояние соединения является Н-агрегатом, о чем свидетельствует кривая 1 (рис. 3, а).

Изменение спектров поглощения актиноцина в присутствии ДНК и при увеличении ее концентрации в растворе свидетельствует об образовании комплекса ДНК-лиганд (рис. 3, а).

Кривые СФТ и СПТ этого типа аналогичны кривым титрования I типа. Это означает, что Н-агрегаты быстро распадаются в результате взаимодействия лиганда с ДНК. Следовательно, в исходном растворе соединения при $\mu=0,01$ имеет место динамическое равновесие между его мономерной и агрегационной Н-формой. В присутствии ДНК это равновесие нарушается в результате связывания мономеров с ДНК, что и приводит к быстрому разрушению Н-агрегата и образованию комплекса ДНК-лиганд.

СФТ и СПТ II типа, $\mu=0,001$

При титровании J-формы соединения растворами ДНК в 0,001М КСl при изменении $C_{\text{лиг}}/C_{\text{ДНК}}$ в диапазоне 0,1–1,4 значительных изменений в спектрах поглощения не было в течение всего времени наблюдения. Форма спектров имеет вид, характерный для J-формы соединения, что может свидетельствовать об отсутствии взаимодействия J-агрегатов с ДНК. Однако при большом избытке

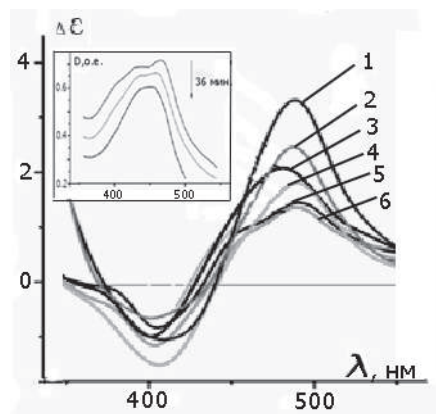
ДНК в растворе ($C_{\text{лиг}}/C_{\text{ДНК}} = 0,05$) наблюдались значительные изменения спектра поглощения во времени. Сразу после приготовления раствора спектр поглощения также имеет вид J-формы, но в течение 36 минут происходят изменения в интенсивности и форме спектра, свидетельствующие о разрушении J-агрегатов (рис. 4, врезка).

Поскольку, в отличие от мономеров, димеров и агрегатов Н-формы, начальная J-форма соединения имеет собственный круговой дихроизм [5], изменение в спектрах КД в присутствии ДНК и во времени носит в этих условиях сложный характер. Тем не менее, при избытке ДНК в растворе конечный спектр КД имеет вид, аналогичный наблюдаемому в условиях взаимодействия изолированной молекулы соединения с ДНК (рис. 4, кривая 6).

Таким образом, при $\mu = 0,001$ также наблюдается разрушение исходной агрегационной формы актиноцина в процессе его взаимодействия с ДНК. Однако этот процесс идет гораздо медленнее, чем разрушение Н-агрегатов. Возможно, это связано со структурной перестройкой J-агрегатов, предшествующей образованию комплекса.

Сопоставляя полученные данные с ранее опубликованными [4], можно сделать вывод, что в присутствии ДНК в растворах КСl независимо от концентрации ДНК и ионной силы раствора не происходит образования агрегационных форм исследованного производного актиноцина. Данное соединение взаимодействует с ДНК в виде димеров или мономеров в зависимости от соотношения молярных концентраций лиганда и ДНК. Такое поведение исследованного соединения свидетельствует об отсутствии свободного лиганда в растворе во всем исследованном диапазоне $C_{\text{лиг}}/C_{\text{ДНК}}$ и, следовательно, о большом сродстве соединения с ДНК в растворах КСl.

Результаты СФТ и СПТ Н-формы и димерной формы соединения аналогичны результатам ти-

Рис. 4. Спектры КД лиганда при $\mu=0,001$ при титровании II типа: без ДНК (1); $C_{\text{лиг}}/C_{\text{ДНК}} = 1,4$ (2); 1,1 (3); 0,5 (4); 0,1 (5); 0,01 (6). $C_{\text{лиг}} = 10^{-5}$ М.

Врезка: изменение во времени спектра поглощения лиганда при $C_{\text{лиг}}/C_{\text{ДНК}} = 0,05$.

трования мономерной формы. Это означает, что димеры и Н-форма не только не образуется в присутствии ДНК, но и разрушаются в случае их предварительного образования. При титровании J-формы соединения в 0,001 М KCl процесс образования комплекса ДНК-лиганд идет гораздо медленнее и наблюдается только в присутствии большого избытка ДНК. При этом спектральные характеристики образовавшегося комплекса аналогичны наблюдаемым в других ионных условиях. Это означает, что J-форма соединения является более устойчивым агрегатом, чем димер или Н-агрегат, но также разрушается в присутствии ДНК, а структура образовавшегося комплекса аналогична наблюдаемой в условиях большей ионной силы.

Таким образом, можно сделать вывод, что условия, при которых происходит образование комплекса данного краун-содержащего производного актиноцина с ДНК, влияют только на динамику образования этого комплекса, но не на его структуру.

Библиографический список

1. Глибин Е.Н., Овчинников Д.В., Плеханова Н.Г. Синтез аналогов актиномина. XXI. Бензокраун-4'-илкарбамоилалкиламида // Журнал органической химии. – 1997. – № 33. – С. 1573–1576.
2. Кривцова М.А., Морошкина Е.Б., Глибин Е.Н., Фрисман Э.В. Молекулярная биология. – М., 1982. – Т. 34. – С. 149–155.
3. Морошкина Е.Б., Кузьменко Е.В., Кривцова М.А., Глибин Е.Н. Молекулярная биология. – М., 2000. – Т. 34. – С. 448–455.
4. Морошкина Е.Б., Седова О.Б. Взаимодействие ДНК с производным актиноцина, содержащим в амидных группах радикал – (бензо-15-краун-5) в растворе с ионной силой 0,1 // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2010. – Т. 16. – № 4. – С. 11–14.
5. Морошкина Е.Б., Седова О.Б., Урусова Т.А. Формирование агрегатов производного актиноцина, содержащего в амидных группах радикалы 4'-бензо-15-краун-5, и их взаимодействие с молекулой ДНК // Журнал структурной химии. – 2011. – Т. 52. – № 6. – С. 1252–1258.
6. Спирин А.С. Спектрофотометрическое определение суммарного количества нуклеиновых кислот // Биохимия. – 1958. – Т. 23. – С. 656.
7. Eigner J., Doty P. // J. Mol. Biol. – 1965. – Vol. 12. – P. 549–580.
8. Fery-Forgues S., Al-Ali F. // J. Photochem. Photobiol. C: Photochem. Rev. – 2004. – № 5. – P. 139–153.
9. Glibin E.N. Synthesis of Phenoxazone Drugs with Different Functional Groups in the Side Chains // Anti-Cancer Drug Design: Biological and Biophysical Aspects of Synthetic Phenoxazone Derivatives. – Sevastopol: Sevntu Press, 2002. – С. 23–31.
10. Khorti A.G., Glibin E.N., Korshunova Z.I. Influence of Complexation by Metal Cations on Solvophobic Retention of Crown Compounds in Reverse-phase High-performance Liquid Chromatography // Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Division of Chemical Sciences. – 1991. – October. – V. 40. – № 10. – P. 1983–1986.
11. Kimura K., Shono T. In: Cation Binding by Macrocycles / eds. Y. Inoue, G.W. Gokel. – NY.: Marcel Dekker, 1990. – P. 429–463.
12. McRae E.G., Kasha M. Enhancement of phosphorescence ability upon aggregation of dye molecules // J. Chem. Phys. – 1958. – № 28. – P. 721–722.
13. Sengupta S.K. In Cancer Chemotherapeutic Agents, Foye, W. O., ed.; American Chemical Society. – Washington: D. C., 1995. – P. 270–292.

ВЛИЯНИЕ КОНЦЕНТРАЦИИ КИСЛОТЫ НА ПРОЦЕСС СЕРНОКИСЛОТНОГО РАЗЛОЖЕНИЯ ФОСФОРИТОВ КИНЕШЕМСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ

Приведены результаты исследований по определению химического состава и выбору оптимальных условий разложения фосфоритов кинешемского месторождения серной кислотой. Высокое содержание фосфора (около 19%) свидетельствует о возможности использования этого фосфатного сырья для получения фосфоритной муки, удобрений и фосфорной кислоты.

Для определения влияния концентрации серной кислоты процесс разложения фосфоритов проводили 50%, 60%, 75% и 80% H_2SO_4 и 100% от стехиометрического количества. Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что с повышением концентрации кислоты от 50 до 75% содержание P_2O_5 в растворе увеличивается более, чем на 2,5%, а при дальнейшем повышении концентрации до 80% – всего на 0,1%.

На основании полученных результатов были рассчитаны основные показатели процесса – коэффициенты разложения фосфорита, извлечения (перехода P_2O_5 в раствор), эффективность отмывки фосфогипса и технологический выход. Максимальный выход продукта и извлечения достигается с применением 75–80% раствора H_2SO_4 .

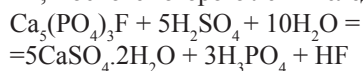
Для изучения влияния стехиометрического количества серной кислоты на извлечение фосфора из руды процесс разложения проводили при следующих условиях: концентрация кислоты 75%; температура 80°C; стехиометрическое количество кислоты 100, 110 и 120%. По результатам эксперимента были рассчитаны основные показатели процесса и определено оптимальное стехиометрическое количество H_2SO_4 – 110%.

Таким образом, определена оптимальная концентрация серной кислоты (75%) и стехиометрическое количество (110%) для разложения фосфоритов кинешемского месторождения и сделан вывод о целесообразности их дальнейшего использования.

Ключевые слова: природные фосфориты, сернокислотное разложение, фосфогипс, простой суперфосфат, химический состав фосфоритов.

Фосфатные руды (фосфориты и апатиты) – основное сырьё для производства фосфорсодержащих удобрений. Мировые суммарные запасы фосфора в пересчете на P_2O_5 составляют 12,4 млрд. т. Более 90% из них приходится на фосфориты. В связи со значительным уменьшением запасов апатитов Кольского полуострова актуальным вопросом химической технологии является использование низкосортных фосфоритовых концентратов, разработка резервных месторождений фосфатного сырья, в частности кинешемского и андреевского месторождений Ивановской и Костромской областей [1–4].

Для получения удобрений на основе фосфоритов широко используется сернокислотный метод разложения, в основе которого лежит следующая реакция:

При этом разлагаются и другие минералы, входящие в состав сырья. Вредными примесями, обуславливающими потери P_2O_5 , являются полторные окислы.

Целью настоящей работы является изучение влияния концентрации и стехиометрического количества серной кислоты на процесс разложения фосфоритов.

Результаты химического анализа фосфоритов кинешемского месторождения после первичного обогащения приведены в таблице 1.

Анализ сырья показал достаточно высокое содержание фосфора, поэтому фосфориты кинешемского месторождения можно использовать для

получения фосфоритной муки, удобрений и фосфорной кислоты.

Разложение фосфоритов серной кислотой проводили в реакционном сосуде, снабжённом мешалкой и отводом для отбора проб пульпы в течение 2,5 часов. Для поддержания постоянной температуры процесса сосуд подключили к термостату, отрегулированному на заданную температуру. Навеску фосфоритов заливали раствором серной кислоты заданной концентрации и раствором разбавления (16% фосфорная кислота). Для сырья, содержащего большое количество полторных окислов, какими являются фосфориты кинешемского месторождения, применяют повышенную норму серной кислоты (105–110% от стехиометрического количества).

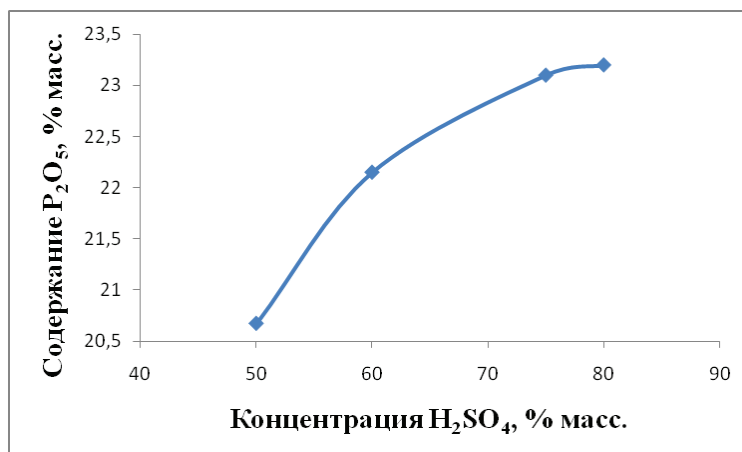
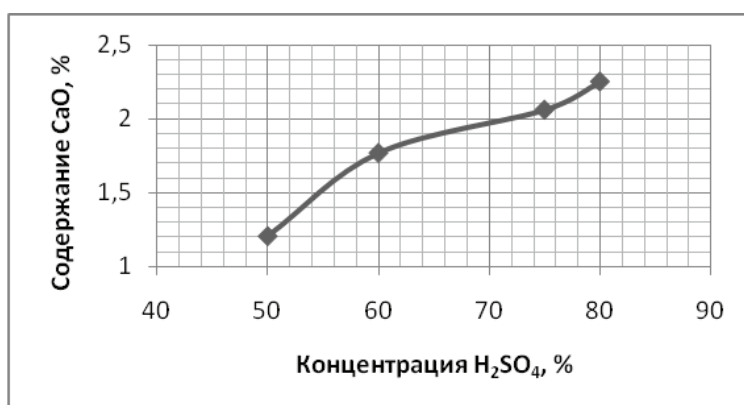
Таблица 1
Химический состав фосфоритов
кинешемского месторождения

Компонент	Содержание, % масс.
P_2O_5	18,96
CaO	25,48
MgO	4,91
Fe_2O_3	7,21
Al_2O_3	2,97
CO_2	8,42
H_2O	2,00
н.о.	17,30
Остальные компоненты	12,75

Химический состав жидкой фазы

Концентрация H_2SO_4 , %	Содержание компонентов в растворе, масс. %			
	P_2O_5	CaO	H_3PO_4	H_2SO_4
50	20,67	1,21	28,52	5,72
60	22,15	1,77	30,57	3,90
75	23,10	2,06	31,85	3,40
80	23,20	2,25	32,04	3,11

Рис. 1. График зависимости содержания P_2O_5 в вытяжке от концентрации серной кислотыРис. 2. График зависимости содержания CaO в вытяжке от концентрации серной кислоты

Жидкую фазу анализировали на содержание P_2O_5 , CaO , MgO , H_3PO_4 , H_2SO_4 , Fe_2O_3 , Al_2O_3 ; твердую – на P_2O_5 , CaO , MgO , SO_3 , полутормные оксиды.

Полученные данные использовали для расчёта основных показателей процесса – коэффициента разложения фосфата, извлечения P_2O_5 в раствор, эффективности отмывки фосфогипса и выхода P_2O_5 .

Для выбора оптимальной концентрации серной кислоты при разложении использовали 50, 60, 75 и 80% H_2SO_4 и 100% от стехиометрического количества. Процесс разложения проводили при температуре 80°C.

Результаты анализа жидкой фазы сведены в таблице 2, по ним построены графики зависимости содержания различных компонентов в кислотной вытяжке от концентрации серной кислоты (рис. 1, 2).

Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что с повышением концентрации кислоты от 50 до 75% содержание P_2O_5 в растворе увеличивается более, чем на 2,5%, а при дальнейшем повышении концентрации до 80% увеличивается незначительно – всего на 0,1%.

На основании результатов эксперимента были рассчитаны основные показатели процесса – коэффициенты разложения фосфорита, извлечения (перехода P_2O_5 в раствор), эффективности отмывки фосфогипса и технологического выхода, которые представлены в таблице 3.

Как видно из полученных экспериментальных данных, наибольший выход продукта и максимальное извлечение фосфора достигается с применением 75–80% раствора серной кислоты.

Таблица 3

Основные показатели процесса

Концентрация H_2SO_4 , % масс.	Коэффициент разложения $K_{разл}$, %	Коэффициент извлечения P_2O_5 , $K_{извл}$, %	Коэффициент эффективности отмывки фосфогипса $K_{эф.отм}$, %	Коэффициент технологического выхода $K_{вых}$, %
50	86,42	83,06	99,18	82,38
60	89,90	92,01	99,42	91,48
75	91,04	93,91	99,59	93,52
80	91,17	93,67	99,64	93,33

Таблица 4

Химический состав жидкой фазы

Количество кислоты от стехиометрии, %	Содержание компонентов в растворе, %			
	P_2O_5	CaO	H_3PO_4	H_2SO_4
100	23,1	2,06	31,85	3,4
110	23,76	2,77	32,78	3,28
120	23,94	2,84	33,04	3,02

Таблица 5

Основные показатели процесса

Количество кислоты от стехиометрии, %	Коэффициент разложения $K_{разл}$, %	Коэффициент извлечения P_2O_5 , $K_{извл}$, %	Коэффициент эффективности отмывки фосфогипса $K_{эф.отм}$, %	Коэффициент технологического выхода $K_{вых}$, %
100	91,04	93,91	99,59	93,52
110	93,15	96,22	99,64	95,87
120	93,47	96,17	99,69	95,87

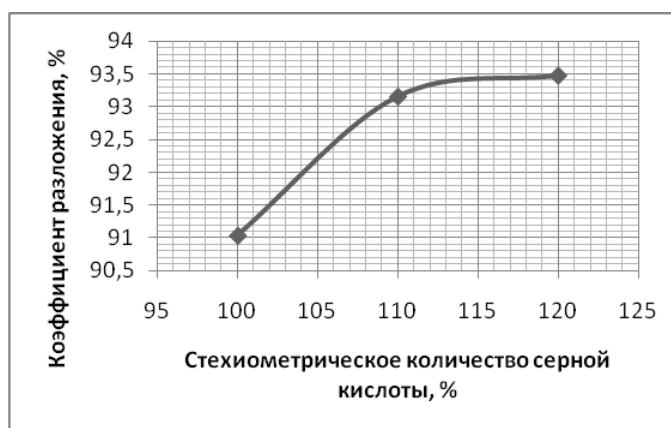

Рис. 3. График зависимости коэффициента разложения фосфорита от стехиометрического количества серной кислоты

Для изучения влияния стехиометрического количества серной кислоты на извлечение фосфора из руды процесс разложения проводили при следующих условиях: концентрация кислоты – 75%; 100, 110 и 120% от стехиометрии; температура 80°C.

Результаты анализа жидкой фазы приведены в таблице 4.

Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что с повышением стехиометрического количества серной кислоты повышается содержание фосфора в жидкой фазе.

По результатам химического анализа рассчитаны основные показатели процесса и представлены в таблице 5 и на рис. 3.

Как видно из данных таблицы 5, оптимальное количество серной кислоты составляет 110% от стехиометрии. Дальнейшее повышение нормы кислоты практически не влияет на разложение фосфорита.

Таким образом, был изучен химический состав фосфоритов кинешемского месторождения и определены наиболее оптимальные условия сернокислотного разложения: концентрация серной кислоты – 75%

и стехиометрическое количество – 110%. Достаточно высокое содержание фосфора делает целесообразным использование этих фосфоритов для получения фосфорной кислоты или удобрений на их основе.

Библиографический список

1. *Коришунов В.В.* Эффективность использования низкосортного фосфатного сырья в производстве фосфорных удобрений // Химическая промышленность. – 2001. – № 5. – С. 10–17.
2. *Левин Б.В., Давыденко В.В. и др.* Актуальность и практические шаги по вовлечению низ-

косортного фосфатного сырья в переработку на сложные удобрения // Химическая промышленность сегодня. – 2006. – № 11. – С. 11–18.

3. *Мирзакулов Х.Ч.* Физико-химические исследования нерастворимой части продуктов разложения фосфоритов Центральных Кызылкумов при неполной норме азотной кислоты // Узбекский химический журнал. – 2006. – № 1. – С. 6–11.

4. *Артемченко В.Г.* О возможности использования кинешемских фосфоритов для производства фосфорных удобрений // Химическая технология. – 2012. – № 9. – С. 525–527.

УДК 576.89; 636.09

Кузьмичев Василий Витальевич

доктор ветеринарных наук

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
kvitab @list.ru

Кузьмин Андрей Федорович

кандидат медицинских наук

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
kuzminmedico@yandex.ru

Михина Наталья Владимировна

кандидат ветеринарных наук

Костромская областная ветеринарная лаборатория
kvitab @list.ru

ЭПИЗООТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРАЗИТАРНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЖИВОТНЫХ В КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются вопросы изучения эпизоотологической ситуации паразитарных болезней Костромской области в разрезе районов за период 2011–2013 гг. Проводится оценка распространенности гельминтозов и протозоозов крупного рогатого скота и свиней за установленный период.

В последние годы в Российской Федерации достигнуты значительные успехи в терапии и профилактике инвазионных болезней. Однако ущерб, наносимый животным гельминтозами и протозоозами, продолжает оставаться значительным, так как нередко они вызывают в организме животных ассоциативные инвазионные болезни. В ходе исследований установлено, что на территории города Костромы и Костромской области регистрируются следующие гельминтозы и протозоозы крупного рогатого скота и свиней.

У крупного рогатого скота встречаются нематодозы – диктиокаулез, стронгилятозы, нематодироз, неоаскаридоз; трематодозы – фасциолез, парамфистоматоз, дикроцелиоз; цестодозы – мониезиоз, из протозоозов – саркоцистоз. У свиней регистрируются только нематодозы – трихоцефалез, аскаридоз и протозооз – саркоцистоз.

Таким образом, авторами установлено, что на территории районов Костромской области среди животных регистрируются гельминтозы и протозойные болезни. В целом за период исследования (2011–2013 гг.) установлено незначительное снижение количества зараженных животных с 20 до 17,7%. Самыми распространенными являются такие гельминтозы, как фасциолез (5,8–9,8%), мониезиоз (3,6–6,1%) и диктиокаулез (4,8–7,6%), из протозоозов – саркоцистоз крупного рогатого скота (52,7%), преимущественно в Костромском и Солигаличском районах (55,3 и 40,9% соответственно). У свиней Костромской области паразитарные болезни встречаются крайне редко.

Ключевые слова: фасциолез, мониезиоз, диктиокаулез, гельминтозы КРС, протозоозы, саркоцистоз.

В последние годы в Российской Федерации достигнуты значительные успехи в терапии и профилактике инвазионных болезней. Однако ущерб, наносимый животным паразитами, продолжает оставаться значительным [3, с. 176; 1, с. 30–31; 5, с. 176].

Высокая концентрация животных на ограниченных площадях, использование пастбищ на низменных, болотистых участках создают оптимальные условия для интенсивного заражения крупного рогатого скота и свиней различными паразитами – фасциолами, мониезиями, стронгилятами пищеварительного тракта и др. Нередко они

вызывают в организме животных ассоциативные инвазионные болезни [2, с. 27–49; 4, с. 41].

Целью нашей работы явилось изучение распространения и особенностей эпизоотологии паразитарных болезней крупного рогатого скота и свиней в районах Костромской области в период 2011–2013 годов.

На территории г. Костромы и Костромской области регистрируются следующие гельминтозы и протозоозы крупного рогатого скота и свиней.

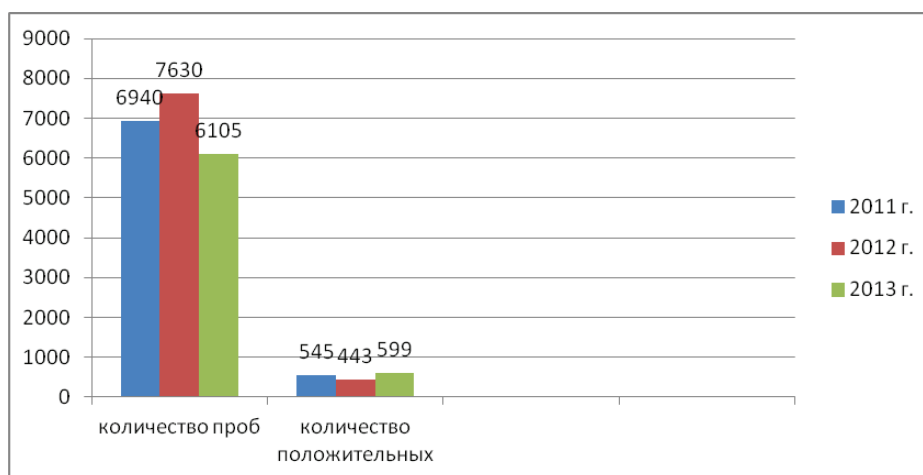
У крупного рогатого скота встречаются нематодозы – диктиокаулез, стронгилятозы, нематодироз, неоаскаридоз; трематодозы – фасциолез, парамфи-

**Сведения о проведенных исследованиях на паразитарные болезни животных
за 2011–2013 гг. по Костромской области**

Наименование исследований	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Поступило материалов	11973	16563	11632
Проведено исследований, в т.ч.;	45625	34089	24724
Патологоанатомических	1009	637	352
Микроскопических	5007	4067	3633
Копрологических	38882	28370	20073
Бактериологических	727	1015	666
Получено положительных результатов	2480	2614	2060

Рис. 1. Сведения о проведенных исследованиях на паразитарные болезни животных за 2011–2013 гг. по Костромской области

Рис. 2. Неблагополучные пункты по фасциолёзу крупного рогатого скота в Костромской области в 2011–2013 гг.

стоматоз, дикроцелиоз; цестодозы – мониезиоз, из протозоозов – саркоцистоз. У свиней регистрируются только нематодозы – трихоцефалез, аскаридоз и протозооз – саркоцистоз. Сведения о количестве проведенных исследований на паразитарные болезни животных в период 2011–2013 годов отражены в таблице 1.

Процент зараженности по гельминтозам животных в 2011 г. составил 5,4%, в 2012 – 7,6%, в 2013 – 8,3%.

В Костромской области чаще всего среди болезней КРС встречаются фасциолёз, мониезиоз, диктиокаулез.

Фасциолёз – трематодозное заболевание, зооноз, характеризуется снижением продуктивности, отеками, анемией, нарушением работы органов пищеварительного тракта. Болеет крупный и мелкий рогатый скот, дикие жвачные, лошади, свиньи и другие животные.

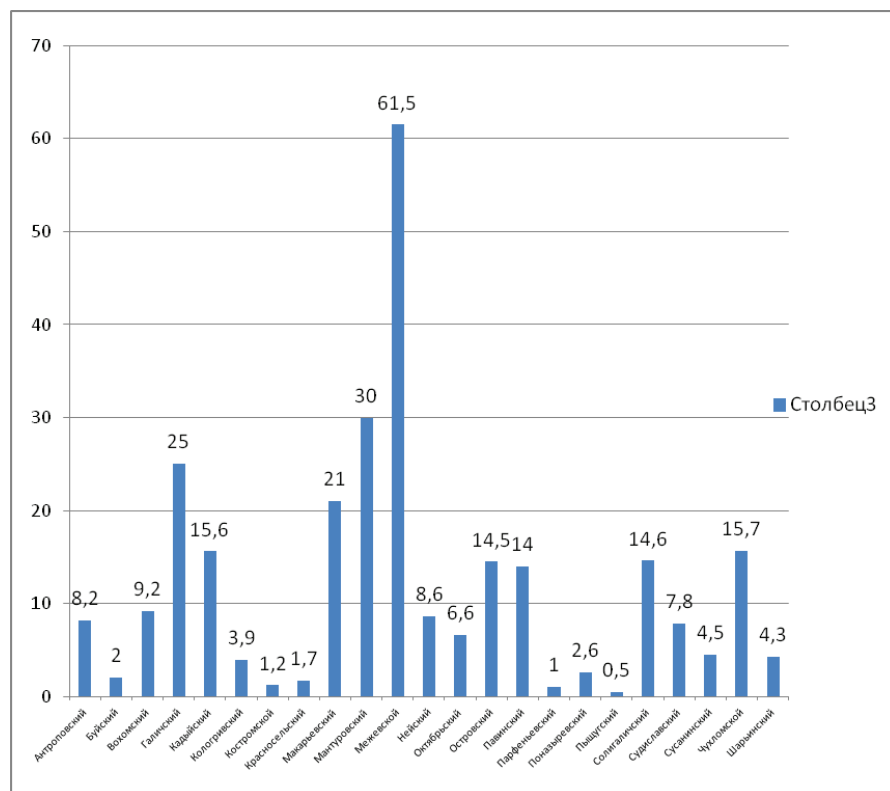

Рис. 3. Процент зараженности фасциозом КРС в разрезе районов Костромской области

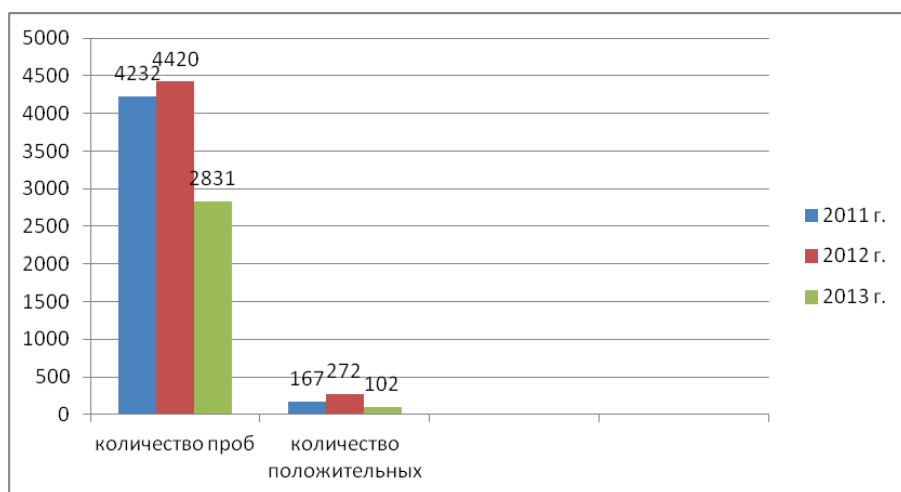

Рис. 4. Неблагополучные пункты по мониезиозу крупного рогатого скота в Костромской области в 2011–2013 гг.

Возбудитель на территории Центрального района РФ – фасциола обыкновенная – *Fasciola hepatica*. Паразитирует в желчных протоках (иногда обнаруживают в тканях легких, сердца, поджелудочной железы), питаясь кровью и тканями. Фасциолы – биогельминты, промежуточным хозяином которых является пресноводный моллюск (малый прудовик) – *L. truncatula*.

В Костромской области экстенсивность инвазии в среднем по области невысока и составляет 9,5% в 2011, 5,8% – в 2012 и 9,8% – в 2013 годах (см.: рис. 2, 3).

Максимальные показатели экстенсивности инвазии установлены в Мантуровском (30–33,7%)

Межевском (19,6–61,5%), Островском (6,1–17,6%) районах, минимальные показатели зарегистрированы в Костромском (от 1,2 до 4,2%), Красносельском (от 1,2 до 3,4%), Поназыревском (2,4–4%), Парфеньевском (0,9–6%), Шарьинском (2,7–4,3%) районах.

Мониезиоз – цестодозное заболевание жвачных (преимущественно молодняка), протекающее остро или хронически с признаками снижения аппетита, исхудания, поноса и нервных явлений.

Возбудители – цестоды семейства Anoplocephalidae, рода *Moniezia* (*M. expansa*, *M. benedeni*). Длина паразита до 1 м и более. Членики короткие, но широкие. Гермафродитные членики

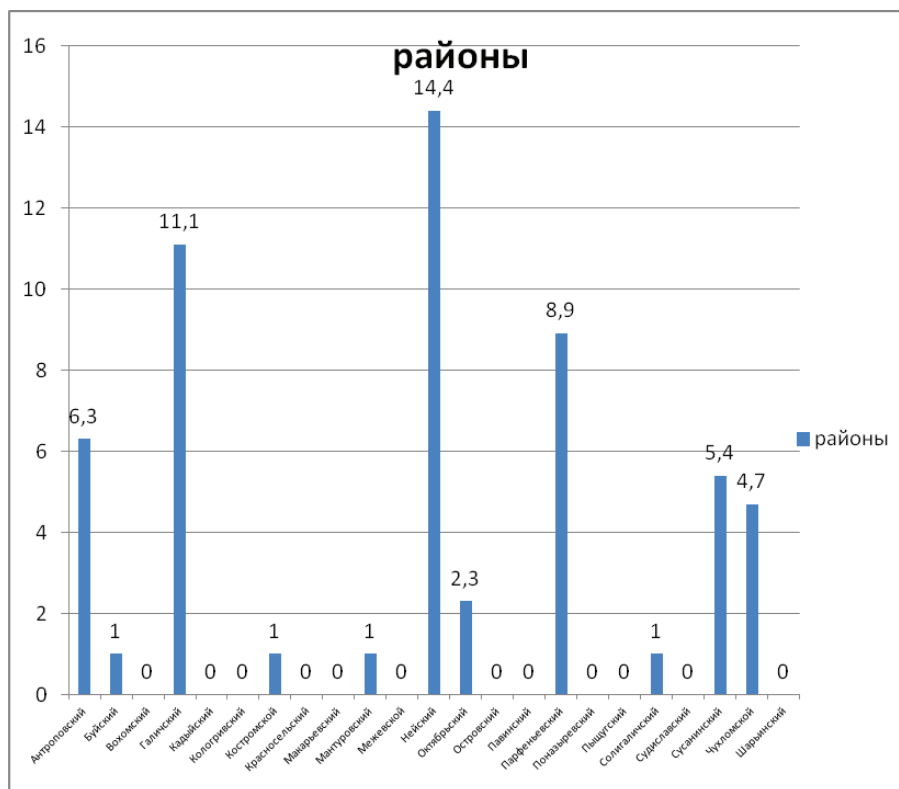

Рис. 5. Процент зараженности мониезиезом КРС в разрезе районов Костромской области

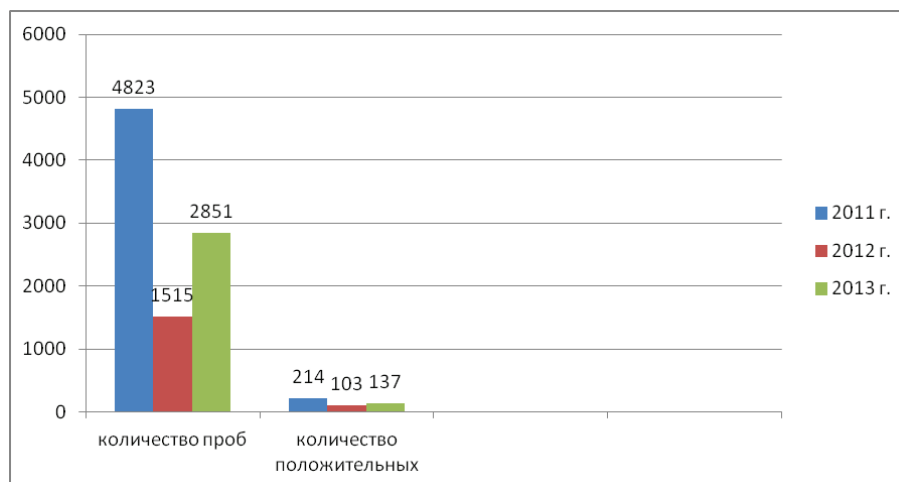

Рис. 6. Неблагополучные пункты по диктиокаулезу крупного рогатого скота в Костромской области в 2011–2013 гг.

имеют по два набора мужских и женских половых органов. Половые отверстия открываются с каждой стороны членика.

В Костромской области мониезиез крупного рогатого скота распространен повсеместно (см.: рис. 4, 5).

Экстенсивность инвазии в целом по области составляет 3,9% в 2011, 6,1% – в 2012 и 3,6% – в 2013 годах. Максимальные показатели экстенсивности инвазии мониезиеза установлены в следующих районах: Чухломском (4,7–13%), Нейском (13,9–14,4%) и Галичском (6,2–11,2%), минимальные показатели – в Буйском, Костромском, Красносельском, Октябрьском и Островском: 1%, 0,5–1,1%, 0,7%, 2,3%, 2,4% соответственно.

Диктиокаулез – нематодозное заболевание животных, протекающее остро или хронически с признаками снижения аппетита, кашля и исхудания.

Возбудителями болезни являются гельминты из рода *Dictyocaulus* (*D. filaria*, *D. viviparus*). Первый вид длиной 30–100 мм паразитирует в легких овец, второй – 20–70 мм – в легких телят.

В Костромской области диктиокаулез крупного рогатого скота регистрируется практически во всех районах (см.: рис. 6, 7).

Зараженность в среднем по области составляет 4,9% в 2011, 6,7% – в 2012 и 4,8% – в 2013 годах. Максимальные показатели экстенсивности инвазии установлены в Островском, Красносельском, Ма-

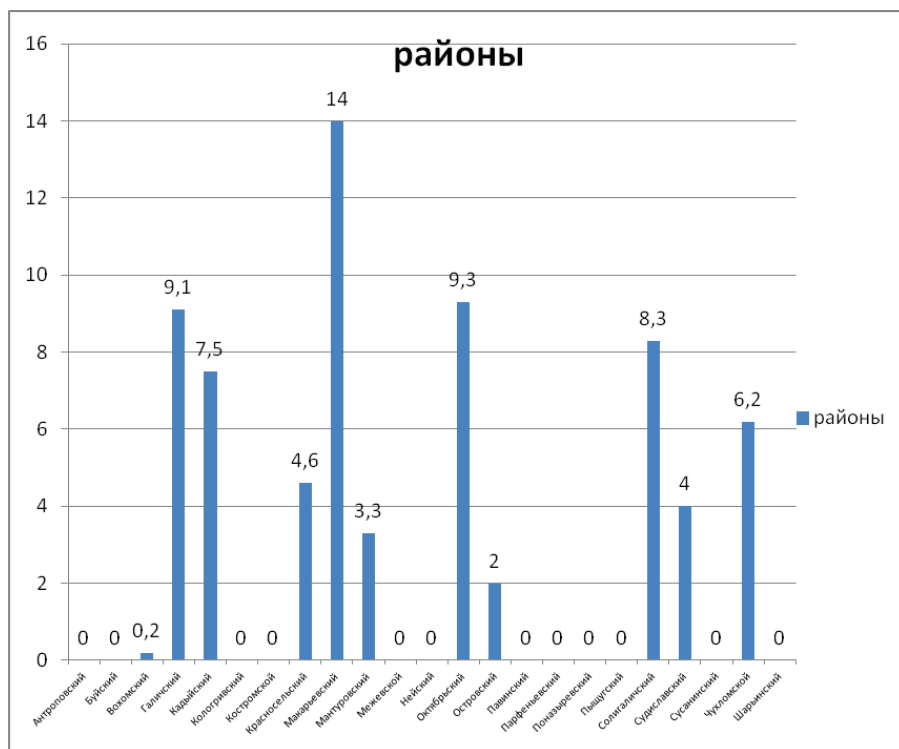

Рис. 7. Процент зараженности диктиокаулёзом КРС в разрезе районов Костромской области

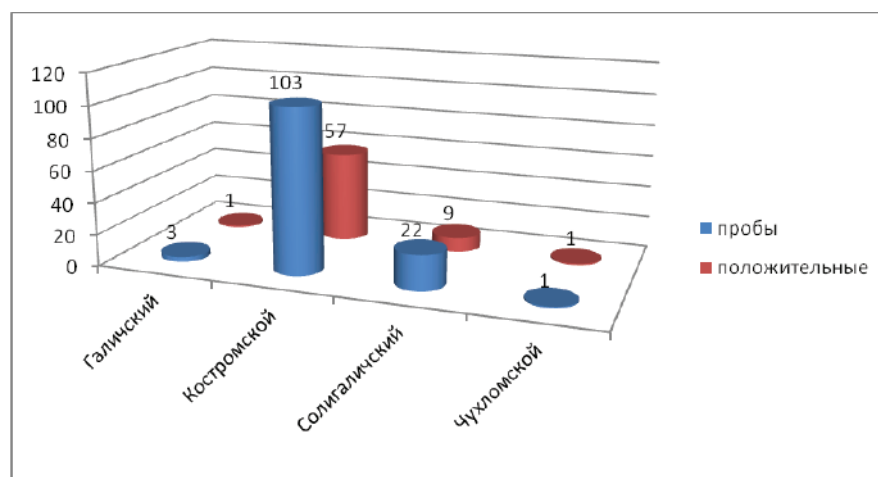

Рис. 8. Неблагополучные районы по саркоцистозу крупного рогатого скота за 2011–2013 гг.

карьевском, Судиславском, Солигаличском районах и составляют 9,2%, 9,5%, 14–14,8%, 4–12,7% и 15% соответственно. Тогда как в 2013 г. в Островском районе этот показатель снижается до минимального и составляет 2%, а в Красносельском до 4,6%.

В Мантуровском районе зараженность составляет 8% и снижается в 2013 г. до 3,3%.

Саркоцистоз – протозойная зоонозная болезнь многих видов животных, а также человека, сопровождающаяся поражением мышечной ткани и внутренних органов.

Возбудителями саркоцистоза являются паразиты, которые относятся к роду *Sarcocystis*. У крупного рогатого скота паразитируют *S. bovicanis*, *S. bovifelis* и *S. bovi hominis*; у свиней – *S. suicanis*, *S. suifelis*, *S. sui hominis*.

В организме крупного рогатого скота, овец и свиней паразиты встречаются в виде цист исключительно в мышечной ткани. Их часто называют «мишеровыми мешочками».

Саркоцистоз животных распространен повсеместно. Заражение происходит алиментарно – при заглатывании ооцист вместе с кормом и водой.

Основным источником заражения животных являются собаки, кошки, дикие хищники и человек.

В Костромском и Солигаличском районах постоянно регистрируются случаи заболевания КРС саркоцистозом (см.: рис. 8). При исследовании 230 проб мяса говядины – в 68 пробах были обнаружены цисты саркоцист.

На территории районов Костромской области среди животных регистрируются гельминтозы и

протозойные болезни. В целом за период исследования с 2011–2013 гг. установлено незначительное снижение количества зараженных животных с 20 до 17,7%. Самыми распространенными являются такие гельминтозы, как фасциолез (5,8–9,8%), мониезиоз (3,6–6,1%) и диктиокаулез (4,8–7,6%), из протозоозов – саркоцистоз крупного рогатого скота (52,7%), преимущественно в Костромском и Солигаличском районах (55,3 и 40,9% соответственно). У свиней Костромской области паразитарные болезни встречаются крайне редко.

Библиографический список

1. *Архипов И.А.* Химиотерапия гельминтозов животных: успехи, проблемы, перспективы // Ос-

новные достижения и перспективы развития паразитологии. – М., 2004. – С. 30–31.

2. *Даугалиева Э.Х.* Иммуитет при гельминтозах // Тр. Всерос. ин-та гельминтол. – М., 2000. – Т. 36. – С. 27–49.

3. *Петров Ю.Ф.* Паразитоценозы и ассоциативные болезни сельскохозяйственных животных. – Л.: Агропромиздат, 1988. – 176 с.

4. *Муромцев А.Б.* Основные гельминтозы жвачных животных в Калининградской области (эпизоотология, патогенез, лечебно-профилактические мероприятия): автореф. дис. ... докт. вет. наук. – СПб., 2008. – 41 с.

5. *Сафиуллин Р.Т.* Паразитарные болезни их распространение и экономический ущерб // Ветеринарный врач. – Казань, 2004. – №2. – С. 69–70.

УДК 576.89

Прохорова Ирина Анатольевна

доктор ветеринарных наук

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
prokhorova@rosvet.ru

Остапчук Ольга Васильевна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
rosvet80@mail.ru

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ БЛОХ, ВШЕЙ И ВЛАСОЕДОВ НА ТЕРРИТОРИИ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В данной статье представлены данные о морфологии, особенностях биологии, эпидемиологическом значении блох, вшей и власоедов на территории Костромской области. Эктопаразиты в норме не являются летальными паразитами. Однако раздражение, вызывающее беспокойство и расчесывания, приводит к снижению общей жизне- способности.

Среди эктопаразитов наибольшую опасность представляют блохи, которые являются переносчиками возбудителя чумы (*Yersinia pestis*). Как известно, на территории России находятся постоянно действующие природные очаги чумы. В настоящее время активно работает противочумная система страны. Блохи крыс, домовый мыши, кошек, собак являются также переносчиками риккетсий – возбудителей крысиного сыпного тифа, бартонелл, бактерий туляремии, псевдотуберкулеза, бруцеллеза. Блохи кошек и собак служат промежуточными хозяевами гельминтов. Укусы блох вызывают аллергические реакции и дерматиты.

Вши, власоеды тоже являются переносчиками возбудителей опасных болезней хозяев. К этим возбудителям относятся бактерии, круглые и плоские черви, грибы.

Несмотря на то что на территории Костромской области за последние три года отмечено уменьшение поголовья собак, количество животных, зараженных эктопаразитами, все так же велико. Таким образом, увеличение численности блох в населенных пунктах и городах, глобальное потепление климата будут способствовать активизации блох в природных очагах чумы и в населенных пунктах, что требует особого внимания к эктопаразитам, надзора за их численностью и разработки новых средств борьбы с ними, не имеющих привыкания.

Ключевые слова: эктопаразиты, природные очаги чумы, эпидемиологическое значение.

Эктопаразиты доставляют немало хлопот нашим питомцам. Само название их говорит о том, что они обитают снаружи – на поверхности тела животного.

Блохи отряда Siphonaptera – целиком паразитическая группа, насчитывающая около 2 тыс. видов, относимых к 14 семействам, из них более 500 видов распространены в нашей стране [1]. Блохи – мелкие (0,5–5,0 мм), бескрылые насекомые, паразитирующие на млекопитающих и птицах. Самки и самцы питаются только кровью теплокровных животных и имеют ротовые органы колюще-сосущего типа. Блохи – насекомые с полным превращением и проходят в развитии стадии яйца, личинок (3 возраста), куколок, имаго. Самки от-

кладывают яйца в отходы и пыль, скапливающиеся в норах и гнездах животных и птиц, иногда слегка приклеивая их на шерсть хозяина. Продолжительность всего цикла развития блохи в оптимальных условиях занимает 16–49 суток, продолжительность жизни имаго блох составляет от трех месяцев до 1,5 лет [5].

Вши отряда Anoplura являются кровососущими эктопаразитами. Вши – небогатый видами отряд, всего известно немногим более 150 видов. Большинство видов вшей приспособились к паразитированию на определенных хозяевах и являются монофагами (вши человека, свиней, крыс, полевок и т. д.). Вши – постоянные паразиты, во всех стадиях постэмбрионального развития являются ге-

матофагами. В цикле развития вши проходят стадии яйца (гниды), личинки, нимфы I и II, имаго. При откладывании яиц из полового отверстия самки выходит капля прозрачного секрета клеевых желез, которая прикрепляет яйцо к волосу. Продолжительность жизни вшей в среднем составляет 30–40 дней и может достигать 60 дней [5].

Власоеды (*Trichodectidae*) – семейство паразитических насекомых из отряда пухоедов (*Phthiraptera*). В России и Ближнем Зарубежье описано более 100 видов. На собаках и кошках паразитируют власоеды *Trichodectes canis* и *Felicola subrostratus*. Это мелкие бескрылые насекомые с уплощенным телом длиной 1–2 мм. Голова у них шире груди, плоская, четырехугольной формы. Ротовой аппарат грызущего типа, питаются они волосом и чешуйками эпидермиса. Самки откладывают яйца, приклеивая их к шерсти животных. Из яиц выходят личинки, которые после трех линек превращаются во взрослое насекомое (имаго). Весь цикл завершается за 3–4 недели. Срок жизни имаго власоеда 1–2 месяца [5].

Эктопаразиты в норме не являются летальными паразитами. Однако раздражение, вызывающее беспокойство и расчесывания, приводит к снижению общей жизнеспособности. Среди эктопаразитов наибольшую опасность представляют блохи, которые являются переносчиками возбудителя чумы (*Yersinia pestis*). Блоха заражается бактериями чумы в момент кровососания на больном животном незадолго до его смерти. Чумной микроб размножается в пищеварительном канале блохи и образует блок в просвете желудка блохи. Именно блокообразование рассматривается как эволюционно сложившийся механизм, обеспечивающий трансмиссивную передачу возбудителя чумы [2]. По мнению других исследователей, основной путь передачи *Y. pestis* в природных очагах при укусе блохи – механический [6]. В организме блохи чумные микробы сохраняют вирулентность более года. Бактерии чумы в организме блох размножаются и выделяются с фекалиями. Заражение человека происходит при кровососании, а также при контакте с испражнениями инфицированных блох.

Как известно, на территории России находятся постоянно действующие природные очаги чумы: это южные регионы России, включая Северный Кавказ, Калмыкия, Тува, Дальний Восток. На территории стран СНГ находятся 42 природных очага чумы различных типов. В настоящее время активно работает противочумная система страны [4].

Блохи крыс, домовый мыши, кошек, собак являются также переносчиками риккетсий – возбудителей крысиного сыпного тифа. Риккетсии сохраняются в организме блох в течение 40 суток, размножаются и выделяются с фекалиями. Заражение человека происходит при кровососании, а также при контакте с испражнениями инфицированных блох. Эктопаразиты являются переносчиками и бартонелл – возбудителей болезни кошачьих царапин. В организме блох длительное время сохраняются, не теряя вирулентности, бактерии туляремии, псевдотуберкулеза, бруцеллеза. Блохи кошек и собак служат промежуточными хозяевами гельминтов – цестод собак и крыс *Dipylidium caninum* и *Hymenolepis diminuta* [2; 7]. Укусы блох вызывают аллергические реакции и дерматиты. Вши, власоеды также являются переносчиками возбудителей опасных болезней хозяев. К этим возбудителям относятся бактерии, круглые и плоские черви, грибы.

На территории Костромской области за последние три года отмечено уменьшение поголовья собак на 4,36%, а поголовья кошек – на 15,6% (см.: табл. 1). Однако количество животных, зараженных эктопаразитами, все так же велико.

По данным статистического ежегодника Костромской области, заболеваемость людей в Костромской области педикулезом велика, хотя в период с 2008 г. по 2012 г. она снизилась в 2 раза (см.: табл. 2), в то же время смертность от инфекционных и паразитарных болезней занимает 6 место среди основных причин смерти населения Костромской области [3].

Заключение

Таким образом, увеличение численности блох в населенных пунктах и городах, появление в на-

Таблица 1

Поголовье собак и кошек за 2011–2013 гг. в Костромской области

Количество, голов	2011	2012	2013	% к 2011г.
собаки	31323	30181	29956	-4,36%
кошки	54131	55783	45687	-15,6%
всего	85454	85964	75643	-11,48%

Таблица 2

Заболеваемость педикулезом среди населения Костромской области, (чел.)

	2008	2009	2010	2011	2012
Педикулез	942	877	584	449	465

селенных пунктах блох – переносчиков возбудителя чумы, в последнее время не отлавливаемых, глобальное потепление климата будут способствовать активизации блох в природных очагах чумы и в населенных пунктах, что требует особого внимания к эктопаразитам, надзора за их численностью и разработки новых средств борьбы с ними, не имеющих привыкания.

Библиографический список

1. Балашов Ю.С. Паразитизм клещей и насекомых на наземных позвоночных. – СПб.: Наука, 2009. – 357 с.
2. Кутырев В.В., Конов Н.П., Волков Ю.П. Возбудитель чумы: ультраструктура и локализация в переносчике. – М.: Медицина, 2007. – 222 с.

3. Костромская область. Статистический ежегодник: стат.сб. // Костромастат. – Кострома, 2013. – 468 с.

4. Онищенко Г.Г., Кутырев В.В., Попов Н.В. и др. Природные очаги чумы Кавказа, Прикаспия, Средней Азии и Сибири / под ред. Г.Г. Онищенко и В.В. Кутырева. – М.: Медицина, 2004. – 192 с.

5. Паразитология и инвазионные болезни животных / М.Ш. Акбаев, Ф.И. Василевич, Т.В. Балагула, Н.К. Коновалов. – М.: Колос, 2001. – 528 с.

6. Рославцева С.А. Эпидемиологическое значение блох и дезинсектицидные мероприятия в борьбе с ними // Эпидемиология и санитария. – 2001. – № 1. – С. 56–61.

7. Тарасов В.В. Медицинская энтомология. – М.: Издательство МГУ, 1996. – 350 с.

УДК 576.895.771

Исаев Владимир Анатольевич

доктор биологических наук

Ивановский государственный университет

viam_e@mail.ru

БИОЛОГИЯ И ЭКОЛОГИЯ МОКРЕЦОВ РОДА *CULICOIDES* И ИХ ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ПЕРЕДАЧЕ ВИРУСА ШМАЛЛЕНБЕРГА В ВОСТОЧНОМ ВЕРХНЕВОЛЖЬЕ

В статье разными методами анализируются вопросы биологии и экологии кровососущих мокрецов рода *Culicoides* в Восточном Верхневолжье и их связь с потенциальным распространением вируса Шмалленберга.

Численность, сезонная активность, трофическая специализация имаго, а также ландшафтная приуроченность и распространение в регионе преимагинальных стадий и имаго изучены в популяциях мокрецов некоторых подвидов рода *Culicoides*.

Установлено, что имеются неодинаковые тенденции в биологических адаптациях разных видов мокрецов и экологических изменениях в биоценозах. Обращается внимание на реакцию групп *obsoletus*, *pulicaris* и *nubeculosus* (потенциальных векторов) на антропогенные воздействия.

Степень связи потенциальных переносчиков с разными ландшафтами и населенными пунктами была различна. В среднем по региону доля в сборах *C. obsoletus* была невелика: вне населенных пунктов – 5,1%, в населенных пунктах – 3,4%, такая же тенденция отмечалась и у *C. nubeculosus* (4,5% и 2,0%). У *C. punctatus*, напротив, происходило возрастание этого показателя с 30,5% до 62,9%.

Установленная связь трех изучавшихся массовых видов (*C. obsoletus*, *C. punctatus* и *C. nubeculosus*) с ландшафтами, в неодинаковой степени измененными человеком, позволяет предположить, что их эпизоотологическое значение может быть различным. Одни популяции этих видов могут чаще быть потенциальными переносчиками заболевания в лесном ландшафте и на пастбищах, другие – поддерживать циркуляцию заболевания внутри населенного пункта между сельскохозяйственными животными, а также, вероятно, и между сельскохозяйственными и домашними животными.

Ключевые слова: кровососущие мокрецы, *Culicoides*, сезонная активность, трофическая специализация, экосистемы, переносчики, вирус Шмалленберга (SBV).

Регистрация в 2011 г. новой блутангоподобной болезни животных, вызываемой вирусом Шмалленберга, ее быстрое распространение в Европе и выделение в ряде европейских стран из мокрецов *Culicoides* возбудителя этой болезни, ввоз в 2012–2013 гг. инфицированных вирусом Шмалленберга жвачных животных в ряд регионов России, в том числе в Верхневолжье, требует определения на этой территории комплекса видов – потенциальных переносчиков блутангоподобных заболеваний, анализа их биологии и экологии [4; 5].

Верхневолжье включает Тверскую, Ярославскую, Костромскую и Ивановскую области.

В Тверской области исследования мокрецов не проводились. О мокрецах *Culicoides* в Ярославской и Костромской областях имеются лишь отрывочные сведения [3; 4 и др.].

В район Восточного Верхневолжья практически целиком входит Ивановская область. Ландшафты ее разнообразны и неоднородны, ряд районов, особенно в центре области, подвергается сильному антропогенному прессу. Энтомологические и эпизоотологические исследования могут способствовать пониманию путей распространения блутангоподобных заболеваний и их профилактике не только в нашем регионе, но и в других районах Нечерноземной зоны РФ [4]. Нами, начиная с 60-х гг. XX в.,

мокрецы исследовались в большинстве районов Восточного Верхневолжья [2–4 и др.].

Среди потенциальных переносчиков болезни Шмалленберга, как и для блютанга, рассматриваются виды из групп *obsoletus*, *pulicaris* и *nubeculosus* [4–6]. В связи с этим в работе была поставлена цель – провести изучение биологии и экологии некоторых массовых видов *Culicoides* в Восточном Верхневолжье. В задачи входили сравнительные исследования этих кровососов в разных типах стадий.

Материал и методы

В работе использовали сборы мокрецов (имаго и преимагинальных стадий) в природе в разных типах стадий. Для анализа активности имаго мокрецов проанализировали материалы 363 сборов (30 тыс. 344 экз. *Culicoides*), проведенных в местах нахождения человека, сельскохозяйственных и домашних животных. Анализ распределения преимагинальных стадий вне и внутри населенных пунктов провели по данным сборов личинок и куколок, а также выведения из собранных биотопов имаго (5 тыс. 353 экз.). Места сборов и методики исследований описаны ранее [2–4].

Результаты и обсуждение

Всего в Восточном Верхневолжье в результате изучения имаго и преимагинальных стадий обнаружено 26 видов мокрецов рода *Culicoides*: *C. punctatus* (Mg.), *C. pulicaris* (L.), *C. delta* Edw., *C. impunctatus* Goet., *C. grisescens* Edw., *C. obsoletus* (Mg.), *C. chiopterus* (Mg.), *C. reconditus* Campb. et Pelh.-Clint., *C. segnis* Campb. et Pelh.-Clint., *C. fascipennis* (Staeg.), *C. subfascipennis* Kieff., *C. achrayi* Kettl. et Laws., *C. pallidicornis* Kieff., *C. pictipennis* Staeg., *C. simulator* Edw., *C. festivipennis* Kieff. [syn. *C. odibilis* Aust.], *C. kibunensis* Tok. [syn. *C. cubitalis* Edw.], *C. albicans* Winn., *C. vexans* Staeg., *C. salinarius* Kieff., *C. circumscriptus* Kieff., *C. manchuriensis* Tok., *C. nubeculosus* (Mg.), *C. riethi* Kieff., *C. stigma* Mg., *C. parroti* Kieff. Видовой состав их относится в основном к комплексу, характерному для смешанных лесов [1, с. 39].

Из группы *obsoletus* подрода *Avaritia* Fox в фауне региона представлены два вида: *C. obsoletus* и *C. chiopterus* (последний в области редок).

Группа *pulicaris* из подрода *Culicoides* Latr. в современном ее объеме, после исключения ряда видов и образования подрода *Silvicola* Mirs. et Is., представлена всего тремя видами, один из которых по имаго преобладает (*C. punctatus*), а два другие (*C. pulicaris* и *C. delta*) малочисленны.

Группа *nubeculosus* из подрода *Monoculicoides* Khal. в современном ее объеме, после выделения группы *stigma* в подрод *Stigmoculicoides* Is., включает в регионе два вида, из которых по имаго преобладает *C. nubeculosus*, а *C. riethi* – вид немногочисленный.

Численность имаго мокрецов рода *Culicoides* в местах нахождения животных и человека вне населенных пунктов составляла в среднем 114,8 экз. на сбор (77 сборов), в населенных пунктах (в основном поселках с животноводческими помещениями) – в среднем 75,2 экз. на сбор (286 сборов).

Степень связи потенциальных переносчиков с населенными пунктами была различна. В среднем по региону доля в сборах *C. obsoletus* была невелика: вне населенных пунктов – 5,1%, в населенных пунктах – 3,4%, такая же тенденция отмечалась и у *C. nubeculosus* (4,5% и 2,0%). У *C. punctatus*, напротив, происходило возрастание этого показателя с 30,5% до 62,9%.

Продолжительность сезонов активности мокрецов за годы наблюдений колебалась от 4 до 5,5 месяцев, однако у *C. punctatus* максимальные сроки лета в регионе – с мая по октябрь – были более продолжительными, чем у *C. obsoletus* и *C. nubeculosus* – с мая по сентябрь.

C. punctatus встречался в заметном числе практически во всех районах сборов, *C. obsoletus* и *C. nubeculosus* в 3–4 районах области. Основными хозяевами-прокормителями всех трех видов были человек, крупный рогатый скот (КРС) и лошадь, *C. obsoletus* встречался на овцах. На домашних животных (собаках), сборы на которых ранее в регионе не проводились, в небольшом числе были найдены *C. punctatus* и *C. obsoletus*.

Доля имаго *C. obsoletus* на основном прокормителе (КРС) была низкой (менее 2,0%) в центре региона (в условиях антропогенных изменений лесного ландшафта) в непосредственной близости от г. Иваново, но возрастала в условиях, мало измененных вмешательством человека на северо-востоке и юго-западе области.

У *C. nubeculosus* доля в сборах на КРС была максимальной для этого вида по области в окрестностях г. Иваново (но не превышала 8,0%), к юго-западу от областного центра по мере удаления на 15–20 км эта доля быстро уменьшалась (менее 0,5%), а на северо-востоке области этот вид не обнаруживался.

C. punctatus преобладал на КРС (доля в сборах более 32%) в разных ландшафтах в большинстве районов области, что соответствовало представлениям о его высокой экологической пластичности [1, с. 39].

При изучении данных видового состава имаго, выведенных из личинок и куколок, было установлено, что из биотопов водной группы вне и внутри населенных пунктов выведены *C. punctatus* и *C. nubeculosus*, в то время как имаго *C. obsoletus* выплывали в лаборатории только из биотопов вне населенных пунктов. Среди выведенных имаго *Culicoides* доля *C. nubeculosus* составляла более 3%, а доля двух других видов была менее 1%. При этом места выплода *C. obsoletus* в основном были при-

урочены к лесным ландшафтам, *C. nubeculosus* – к луговым, а *C. punctatus* – к населенным пунктам. Невысокая средняя численность (менее одной личинки на сбор) в биотопах водной группы преимагинальных стадий *C. obsoletus*, *C. punctatus* и *C. nubeculosus* по сборам и идентификации личинок отмечалась и ранее [3]. В то же время личинки этих видов встречались и в других типах биотопов, в частности: *C. obsoletus* – во влажной почве в лесу, *C. nubeculosus* – в илистом грунте, загрязненном навозом в разных ландшафтах, *C. punctatus* – во влажном грунте у фермы, смешанном с коровьим навозом [2, с. 49]. Эти факты указывали на развитие личинок данных видов в регионе в таких субстратах, как влажная почва или навоз, вне и внутри населенных пунктов.

Полученные данные по популяционной активности видов – потенциальных переносчиков болезни Шмалленберга и их связях с населенными пунктами в Восточном Верхневолжье, наряду с другими сведениями по их биологии и экологии [2–4], могут помочь теоретическому обоснованию быстрого распространения этого заболевания в разных ландшафтах [6] и послужить отправной точкой для развития энтомологических исследований, способствующих профилактике укоренения новых, не встречавшихся ранее заболеваний в Нечерноземной зоне РФ.

Выводы

1. Численность мокрецов в периоды их активности в местах нахождения животных и человека как вне населенных пунктов, так и внутри населенных пунктов (в основном поселках с животноводческими помещениями) достаточно высока (соответственно в среднем 114,8 экз. и 75,2 экз. на сбор).
2. Во внепоселковых стациях и населенных пунктах в среднем доля в сборах имаго *C. obsoletus* (5,1% и 3,4%) и *C. nubeculosus* (4,5% и 2,0%) была невелика, а *C. punctatus* наблюдалось значительное возрастание доли в сборах в населенных пунктах – с 30,5% до 62,9%.

3. Установленная связь трех изучавшихся массовых видов (*C. obsoletus*, *C. punctatus* и *C. nubeculosus*) с ландшафтами, в неодинаковой степени измененными человеком, позволяет предположить, что их эпизоотологическое значение может быть различным. Одни популяции этих видов могут чаще быть потенциальными переносчиками заболевания в лесном ландшафте и на пастбищах, другие поддерживать циркуляцию заболевания внутри населенного пункта между сельскохозяйственными животными, а также, вероятно, и между сельскохозяйственными и домашними животными.

Библиографический список

1. Гуцевич А.В. Кровососущие мокрецы (Ceratopogonidae). – Л.: Наука, 1973. – 269 с. (Фауна СССР. Насекомые двукрылые, т. 3, вып. 5).
2. Исаев В.А. Кровососущие мокрецы (Diptera, Heleidae) // Двукрылые – переносчики заразных заболеваний. – Иваново: Иван. гос. мед. ин-т, 1970. – С. 30–49.
3. Исаев В.А. Семейство мокрецов (Diptera, Ceratopogonidae): сравнительный анализ кариотипов, морфологии, экологии и филогенетических отношений: дис. ... д-ра биол. наук. – СПб., 1993. – 537 с.
4. Исаев В. А. Кровососущие мокрецы рода *Culicoides* Нечерноземной зоны России как потенциальные переносчики вируса Шмалленберга // Вестник Ивановского государственного университета. Естественные, общественные науки. – 2013. – №2. – С. 14–21.
5. Макаров В.В., Василевич Ф.И., Сухарев О.И. Мокрецы рода *Culicoides* – эмерджентные векторы блютанга в Европе // Российский ветеринарный журнал. Сельскохозяйственные животные. – 2014. – №2. – С.29–35.
6. Rasmussen L.D., Kirkeby C., Bodker R. et al. Rapid Spread of Schmallenberg Virus-infected Biting Midges (*Culicoides* spp.) across Denmark in 2012 // Transboundary and Emerging Diseases. – 2014. – Vol. 61. – № 1. – P. 12–16.

Крючкова Елена Николаевна

доктор ветеринарных наук
Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. акад. Д.К. Беляева
krjuchkova@mail.ru

Абалихин Борис Георгиевич

доктор ветеринарных наук
Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. акад. Д.К. Беляева
abalikhinBG@ivgsha.ru

Егоров Сергей Владимирович

доктор биологических наук
Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. акад. Д.К. Беляева
yegorovs@list.ru

Соколов Евгений Александрович

кандидат ветеринарных наук
Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. акад. Д.К. Беляева
e.sokolov@bk.ru

Баландина Валентина Николаевна

Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. акад. Д.К. Беляева
valentina_90_@bk.ru

Егоров Дмитрий Сергеевич

Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. акад. Д.К. Беляева
yegorov.91@mail.ru

ПАРАЗИТОЗЫ ДОМАШНИХ ХИЩНИКОВ ГОРОДСКИХ ПОПУЛЯЦИЙ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В работе определен видовой состав экто- и эндопаразитов квартирных, бродячих и тех домашних плотоядных, которые никогда не покидали пределов квартиры в городах Ивановской области. В результате исследований установлена зараженность собак и кошек паразитами классов Trematoda, Cestoda, Nematoda, Piroplasma, Conoidasida, Insecta.

Квартирные собаки заражены 13-ю видами паразитов: из Trematoda обнаружили *Alaria alata*; из Cestoda – *Dipylidium caninum* и *Diphyllobothrium latum*; Nematoda представлены *Toxocara canis*, *Toxascaris leonina*, *Uncinaria stenocephala*, *Ancylostoma caninum*, *Crenosoma vulpis*, *Thominx aerophilus*, *Dirofilaria repens*, *Strongyloides vulpis*; Piroplasma – *Babesia canis*; Insecta представлены *Ctenocephalides felis*. У кошек квартирного содержания паразитируют 4 класса: Cestoda представлены *Dipylidium caninum* и *Taenia spp.*; Nematoda – *Toxocara mystax*, *Toxascaris leonina*, *Uncinaria stenocephala*, *Strongyloides vulpis*; Conoidasida – *Cystoisospora felis*; Insecta – *Ctenocephalides felis*. Паразитофауна у бродячих собак представлена 13-ю видами. Из Trematoda обнаружили *Alaria alata*; Cestoda – *Mesocestoides lineatus*, *Dipylidium caninum*, *Taenia hydatigena* и *Taenia pisiformis*; Nematoda представлены *Toxocara canis*, *Toxascaris leonina*, *Uncinaria stenocephala*, *Ancylostoma caninum*, *Crenosoma vulpis*, *Thominx aerophilus*, *Dirofilaria repens*, *Strongyloides vulpis*, *Trichinella spiralis*; Piroplasma – *Babesia canis*; Insecta – *Ctenocephalides felis*.

Кошки с постоянным доступом на улицу заражены 9-ю видами паразитов. Из класса Trematoda – *Alaria alata*; Cestoda – *Dipylidium caninum* и *Taenia spp.* Из класса Nematoda – *Toxocara mystax*, *Toxascaris leonina*, *Uncinaria stenocephala*, *Strongyloides vulpis*. Из класса Conoidasida – *Cystoisospora felis*. Класс Insecta представлен *Ctenocephalides felis*.

Ключевые слова: эктопаразиты, эндопаразиты, домашние животные, бродячие животные, собаки, кошки.

Введение

Несмотря на высокий уровень ветеринарной медицины, проблема паразитарных заболеваний вызывает интерес многих исследователей. Из года в год растет численность домашних плотоядных в крупных и малых городах, в сельской местности, что способствует интенсивному контакту их с человеком, повышая опасность заражения людей паразитами.

Одной из проблем городов в настоящее время является рост количества бездомных, бродячих животных, среди которых преобладают собаки, являющиеся разносчиками возбудителей различных заболеваний. Распределение их в городах крайне неравномерно и зависит от состояния кормовой базы и укрытий [1–5].

Целью работы являлось определить видовой состав экто- и эндопаразитов квартирных, бродя-

чих и тех домашних плотоядных, которые никогда не покидали пределов квартиры в городах Ивановской области.

Материалы и методы

Работа проводилась в 2000–2014 годах в «Ивановской государственной сельскохозяйственной академии имени академика Д.К. Беляева» на кафедре инфекционных и паразитарных болезней имени академика РАСХН Ю.Ф. Петрова, в ветеринарных клиниках г. Иваново и области в разные сезоны года. Для изучения паразитофауны домашних хищников полному гельминтологическому вскрытию по И.К. Скрыбину подвергли 78 квартирных, 95 бродячих собак. Фекалии от 300 кошек исследовали методом нативного мазка и флотационным методом по Фюллеборну. Кровь от 160 собак ис-

Таблица 1

Паразитофауна у квартирных собак в городах Ивановской области

Вид гельминта	Исследовано, голов	ЭИ, %	ИИ, экз.
Класс Trematoda Rudolphi, 1808			
1. <i>Alaria alata</i> (Goeze, 1782)	78	10,3	5,6
Класс Cestoda Rudolphi, 1808			
2. <i>Dipylidium caninum</i> (L., 1758)	78	60,3	8,4
3. <i>Diphyllobothrium latum</i> (L., 1758)	78	2,6	2,5
Класс Nematoda Rudolphi, 1808			
4. <i>Toxocara canis</i> (Werner, 1782) Stiles, 1905	78	37,2	5,6
5. <i>Toxascaris leonina</i> (Linstow, 1902) Leiper, 1907	78	14,1	4,3
6. <i>Uncinaria stenocephala</i> (Railliet, 1854) Railliet, 1885	78	19,2	10,3
7. <i>Ancylostoma caninum</i> (Ercolani, 1859) Linstow, 1889	78	5,1	5,8
8. <i>Crenosoma vulpis</i> (Rudolphi, 1819)	78	7,7	8,5
9. <i>Thominx aerophilus</i> (Creplin, 1839)	78	5,1	3,5
10. <i>Dirofilaria repens</i> (Railliet et Henry, 1911)	78	2,6	2,5
11. <i>Strongyloides vulpis</i> (Petrow, 1941)	78	2,6	4,5
Класс Insecta (Linnaeus, 1758)			
12. <i>Ctenocephalides felis</i> (Bouche, 1835)	238	47,5	14,2
Класс Piroplasma (Wenyon, 1926)			
13. <i>Babesia canis</i> Starcovici, 1893	160	12,5	-

Таблица 2

Паразитофауна у квартирных кошек в городах Ивановской области

Вид гельминта	Исследовано, голов	ЭИ, %	ИИ, экз.
Класс Cestoda Rudolphi, 1808			
1. <i>Dipylidium caninum</i> (L., 1758)	200	29,6	6,1
2. <i>Taenia</i> spp. (L., 1758)	200	1,8	1,5
Класс Nematoda Rudolphi, 1808			
3. <i>Toxocara mystax</i> (Werner, 1782) Stiles, 1905	200	8,0	4,7
4. <i>Toxascaris leonina</i> (Linstow, 1902) Leiper, 1907	200	2,0	1,6
5. <i>Uncinaria stenocephala</i> (Railliet, 1854) Railliet, 1885	200	1,0	0,1
6. <i>Strongyloides vulpis</i> (Petrow, 1941)	200	0,3	0,1
Класс Conoidasida Levine, 1988			
7. <i>Cystoisospora felis</i> Wenyon 1923	200	16,3	19,3
Класс Insecta (Linnaeus, 1758)			
8. <i>Ctenocephalides felis</i> (Bouche, 1835)	200	24,0	15,0

следовали методом микроскопии мазков периферической крови, окрашенных по методу Романовского-Гимза. Также проводился наружный осмотр всех исследуемых животных.

Результаты

На территории г. Иваново и области зарегистрировано более 4 тыс. породистых собак и 2 тыс. кошек (по данным городской и районных СББЖ и ветеринарных клиник).

Квартирные собаки заражены 13 видами паразитов (см.: табл. 1), относящихся к следующим классам: Trematoda, Cestoda, Nematoda, Piroplasma, Insecta. Плотоядные, которые постоянно содержались в городских условиях, практически свободны от трематод.

Собаки, находившиеся с мая по август на дачных участках хозяев, заражены *Alaria alata* на 10,3% при средней ИИ=5,6 экз.

Класс Cestoda представлен двумя видами паразитов: *Dipylidium caninum* (60,3%, средняя ИИ=8,4

экз.) и *Diphyllobothrium latum* (2,6%, средняя ИИ=2,5 экз.).

Из класса Nematoda обнаружили 8 видов гельминтов: *Toxocara canis* (37,2%, 5,6 экз.), *Toxascaris leonina* (14,1%, 4,3 экз.), *Uncinaria stenocephala* (19,2%, 10,3 экз.), *Ancylostoma caninum* (5,1%, 5,8 экз.), *Crenosoma vulpis* (7,7%, 8,5 экз.), *Thominx aerophilus* (5,1%, 3,5 экз.), *Dirofilaria repens* (2,6%, 2,5 экз.), *Strongyloides vulpis* (2,6%, 4,5 экз.).

Заражённость квартирных собак блохами составила 47,5%. При этом у квартирных собак встречались блохи вида *Ctenocephalides felis* – специфическим хозяином которого являются кошки, хотя в фауне Ивановской области вид *Ctenocephalides canis* присутствует и отмечался нами у барсука [4].

В весенне-летний период квартирные собаки, выезжающие с хозяевами на дачи или выгуливаемые в городских парках и лесопарках, заражены *Babesia canis* на 12,5%. В осенний период также отмечены собаки, зараженные этим видом паразита.

Таблица 3

Паразитофауна у бродячих собак в городах Ивановской области

Вид гельминта	Исследовано, голов	ЭИ, %	ИИ, экз.
Класс Trematoda Rudolphi, 1808			
1. <i>Alaria alata</i> (Goeze, 1782)	95	28,4	18,4
Класс Cestoda Rudolphi, 1808			
2. <i>Mesocestoides lineatus</i> (Goeze, 1782)	95	3,2	4,7
3. <i>Dipylidium caninum</i> (L., 1758)	95	74,7	12,6
4. <i>Taenia hydatigena</i> Pallas, 1766	95	9,5	2,4
5. <i>Taenia pisiformis</i> (Bloch, 1780) Gmelin, 1790	95	5,3	1,8
Класс Nematoda Rudolphi, 1808			
6. <i>Toxocara canis</i> (Werner, 1782) Stiles, 1905	95	67,4	8,6
7. <i>Toxascaris leonina</i> (Linstow, 1902) Leiper, 1907	95	29,5	5,4
8. <i>Uncinaria stenocephala</i> (Railliet, 1854) Railliet, 1885	95	51,6	12,7
9. <i>Ancylostoma caninum</i> (Ercolani, 1859) Linstow, 1889	95	18,9	4,3
10. <i>Crenosoma vulpis</i> (Rudolphi, 1819)	95	17,9	6,8
11. <i>Thominx aerophilus</i> (Creplin, 1839)	95	23,2	4,2
12. <i>Dirofilaria repens</i> (Railliet et Henry, 1911)	95	5,3	1,6
13. <i>Strongyloides vulpis</i> (Petrov, 1941)	95	9,5	5,2
14. <i>Trichinella spiralis</i> (Owen, 1835)	95	2,1	-
Класс Insecta (Linnaeus, 1758)			
15. <i>Ctenocephalides felis</i> (Bouche, 1835)	115	100,0	14,2
Класс Piroplasma			
16. <i>Babesia canis</i> Starcovici, 1893	20	75,0	-

Таблица 4

Паразитофауна у кошек с постоянным доступом на улицу в городах Ивановской области

Вид гельминта	Исследовано, голов	ЭИ, %	ИИ, экз.
Класс Trematoda Rudolphi, 1808			
1. <i>Alaria alata</i> (Goeze, 1782)	100	5,0	2,4
Класс Cestoda Rudolphi, 1808			
2. <i>Dipylidium caninum</i> (L., 1758)	100	40,0	8,7
3. <i>Taenia</i> spp. (L., 1758)	100	9,0	2,5
Класс Nematoda Rudolphi, 1808			
4. <i>Toxocara mystax</i> (Werner, 1782) Stiles, 1905	100	15,0	5,7
5. <i>Toxascaris leonina</i> (Linstow, 1902) Leiper, 1907	100	20,0	5,6
6. <i>Uncinaria stenocephala</i> (Railliet, 1854) Railliet, 1885	100	10,0	1,0
7. <i>Strongyloides vulpes</i> (Petrov, 1941)	100	3,0	1,0
Класс Conoidasida Levine, 1988			
8. <i>Cystoisospora felis</i> (Wenyon 1923)	100	30,0	23,9
Класс Insecta (Linnaeus, 1758)			
9. <i>Ctenocephalides felis</i> (Bouche, 1835)	100	100	20,0

У кошек квартирного содержания паразитофауна представлена четырьмя классами (см.: табл. 2): Cestoda и Nematoda, Conoidasida, Insecta. Из класса Cestoda обнаружили два вида гельминтов: *Dipylidium caninum* (ЭИ = 29,6%, средняя ИИ = 6,1 экз.) и *Taenia* spp. (1,8%, 1,5 экз.). Из класса Nematoda – 4 вида: *Toxocara mystax* (8%, 4,7 экз.), *Toxascaris leonina* (2%, 1,6 экз.), *Uncinaria stenocephala* (1%, 0,1 экз.), *Strongyloides vulpis* (0,3%, 0,1 экз.).

Из простейших у кошек встречается *Cystoisospora felis* (ЭИ – 16,3%, средняя ИИ = 19,3 экз.).

Эктопаразиты представлены одним видом – кошачья блоха *Ctenocephalides felis* (ЭИ – 24% при средней ИИ = 15 экз. на животное).

Низкая зараженность паразитами квартирных домашних хищников связана с тем, что животных большую часть суток содержат в ограничен-

ном пространстве и только в течение 2–4 часов их выгуливают на территории парков, пустырей, детских площадок, ЖЭК и т.д. В этот период они в основном лишены широкого контакта с другими плотоядными. В летний период хозяева вывозят их на свои дачные участки, где плотоядные могут поедать в достаточном количестве наземных, водных беспозвоночных, амфибий, а также мелких млекопитающих, птиц, иногда и рыб, являющихся промежуточными хозяевами гельминтов.

Основным источником пищи бродячих плотоядных животных в городах служат мусорные баки с пищевыми отходами. Кроме этого, важным источником питания является подкормка их населением. Бездомные животные, живущие на окраинах города, часто выходят в поля, луга, где охотятся на мышевидных грызунов, зайцев, птиц.

Паразитофауна у бродячих собак на территории городов Ивановской области представлена 13 видами (см.: табл. 3), относящихся к 5 классам: Trematoda, Cestoda, Nematoda, Insecta и Piroplasmae.

Из класса Trematoda обнаружили *Alaria alata* (ЭИ=28,4%, средняя ИИ=18,4 экз.); Cestoda – *Mesocestoides lineatus* (3,2%, 4,7 экз.), *Dipylidium caninum* (74,7%, 12,6 экз.), *Taenia hydatigena* (9,5%, 2,4 экз.), *Taenia pisiformis* (5,3%, 1,8 экз.); Nematoda – *Toxocara canis* (67,4%, 8,6 экз.), *Toxascaris leonina* (29,5%, 5,4 экз.), *Uncinaria stenocephala* (51,6%, 12,7 экз.), *Ancylostoma caninum* (18,9%, 4,3 экз.), *Crenosoma vulpis* (17,9%, 6,8 экз.), *Thomlinx aerophilus* (23,2%, 4,2 экз.), *Dirofilaria repens* (5,3%, 1,6 экз.), *Strongyloides vulpis* (9,5%, 5,2 экз.), *Trichinella spiralis* (2,1%).

Заражённость бродячих собак блохами составила 100,0%. Экстенсивность инвазии их *Babesia canis* составила 75%.

У кошек с постоянным доступом на улицу паразитофауна представлена 9 видами (см.: табл. 4). Из класса Trematoda находили *Alaria alata* (ЭИ=5%, средняя ИИ=2,4 экз.); Cestoda – *Dipylidium caninum* (40%, 8,7 экз.) и *Taenia* spp. (9%, 2,5 экз.). Из класса Nematoda – *Toxocara mystax* (15%, 5,7 экз.), *Toxascaris leonina* (20%, 5,6 экз.), *Uncinaria stenocephala* (10%, 1 экз.), *Strongyloides vulpis* (3%, 1 экз.). Из класса Conoidasida – *Cystoisospora felis* (30%, 23,9 экз.). Класс Insecta представлен *Ctenocephalides felis* (100%, 20,0 экз.).

Таким образом, у квартирных собак городских популяций в Ивановской области паразитирует 11 видов гельминтов, в том числе 1 вид трематод, 2 вида цестод и 8 видов нематод, 1 вид простейших и 1 вид насекомых. У бродячих собак в городах паразитирует 14 видов гельминтов, в том числе 1 вид

трематод, 4 видов цестод, 9 видов нематод, 1 вид простейших и 1 вид насекомых.

У кошек квартирного содержания паразитирует 6 видов гельминтов, в том числе 2 вида цестод, 4 вида нематод, 1 вид простейших и 1 вид насекомых. У кошек, имеющих постоянный доступ на улицу, паразитирует 7 видов гельминтов: 1 вид трематод, 2 вида цестод, 4 вида нематод, 1 вид простейших и 1 вид насекомых.

Библиографический список

1. Абалихин Б.Г., Крючкова Е.Н., Егоров С.В. Аспекты экологии и паразитофауны волка в условиях Ивановской области // Российский паразитологический журнал. – М., 2013. – № 3. – С. 41–44.
2. Андреев О.Н., Сафиуллин Р.Т., Горохов В.В., Абалихин Б.Г., Крючкова Е.Н., Бусдаев С.В. Заражённость хищников семейства псовых в различных эколого-географических зонах Центрального Нечерноземья России // Матер. докл. науч. конф. «Теория и практика борьбы с паразитарными болезнями». – М., 2009. – Вып. 10. – С. 17–20.
3. Андреев О.Н., Сафиуллин Р.Т., Горохов В.В., Крючкова Е.Н., Абалихин Б.Г., Буслаев С.В. Паразитофауна семейства псовых в Центральном Нечерноземье России // Ветеринария. – М., 2009. – № 6. – С. 37–40.
4. Крючкова Е.Н., Абалихин Б.Г., Егоров С.В., Сафиуллин Р.Т. Паразитофауна семейства куньих в Центральном Нечерноземье России // Ветеринария. – М., 2008. – № 9. – С. 34–36.
5. Крючкова Е.Н., Петров Ю.Ф., Шахбиев Х.Х. Гельминтофауна у домашних и диких плотоядных животных в европейской части Российской Федерации // Ветеринария Кубани. – Краснодар, 2011. – № 5. – С. 7–8.

Ащеулов Василий Иванович

доктор биологических наук

Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. акад. Д.К. Беляева

avasiliy2011@yandex.ru

Пономарев Всеволод Алексеевич

доктор биологических наук

Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. акад. Д.К. Беляева

corvus-37@yandex.ru

ИНВАЗИОННЫЕ БОЛЕЗНИ, ВРЕДИТЕЛИ ЗАПАСОВ, ХИЩНИКИ И РАЗРУШИТЕЛИ ГНЕЗД ШМЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ТЕПЛИЦ

В статье приведены результаты исследования инвазионных болезней семей шмелей в условиях теплиц. Обобщены многолетние данные по инвазионным болезням и вредителям шмелей. Приведен обзор паразитов, хищников и вредителей семей шмелей. Наиболее опасными являются инвазионные болезни семей шмелей. *Nosema apis* вызывает нозематоз пчел и шмелей. Нозематоз у шмелей сопровождается поносом, прекращением маткой яйцекладки, потерей способности рабочих особей к опылительной деятельности, а самцов – к оплодотворению. *Sphaerularia bombi* – нематода, паразитирующий в полости тела шмелей. В естественных условиях *Sphaerularia bombi* приводит весной к гибели значительного числа самок-основательниц. *Locustacarus buchneri* паразитирует внутри воздухоносных мешков взрослых особей и преимагинальных фаз ряда видов шмелей. В условиях искусственного разведения шмелей, если не принимаются меры для предотвращения распространения болезни, поражение маток и расплода может достигать 100%. Конопидоз – заболевание, вызываемое личинками мух семейства *Conopidae*. Конопиды являются паразитами имаго жалающих перепончатокрылых. Сенотайниоз – поражение взрослых шмелей личинками мух рода *Senotainia*. Мелиттобиоз. *Melittobia acasta* – мелкий наездник, паразитирующий на личинках, куколках шмелей. Среди вредителей семей шмелей отмечены представители следующих семейств, родов и видов: *Psithyrus*, *Formicidae*, *Vespidae*, *Plodia interpunctella*, *Galleria mellonella*, *Achroea grisella*, *Blattella germanica*. В природе на шмелей могут нападать насекомоядные птицы и мышевидные грызуны. При массовой гибели шмелей погибших насекомых собирают и подвергают вскрытию, бактериологическому и паразитологическому исследованию.

Ключевые слова: инвазионные болезни, шмели *Bombus terrestris*, защита семей шмелей, паразитология.

К инвазионным относятся болезни, вызываемые паразитами, принадлежащими к различным систематическим группам животных: простейшими (протозоозы), червями (гельминтозы), клещами (арахнозы), насекомыми (энтомозы).

Нозематоз. Микроспоридия *Nosema apis* вызывает нозематоз пчел, *N. bombi* поражает маток, рабочих особей и самцов естественных популяций шмелей. Инвазионной стадией является спора, которая попадает в организм шмелей либо из внешней среды, либо из разрушившихся клеток организма. Нозематоз у шмелей сопровождается поносом, прекращением маткой яйцекладки, потерей способности рабочих особей к опылительной деятельности, а самцов – к оплодотворению. При сильном заражении нозема, кроме кишечника, может распространяться в других органах и тканях: яичниках и челюстных железах, гемолимфе, эпителиальных клетках тонкой кишки и ректальных железах. Больные семьи шмелей погибают (Ащеулов, 2001). На течение болезни влияют другие патогенные микроорганизмы, поражающие насекомое совместно с ноземой. У больных нозематозом пчел и шмелей значительно выше количество и разнообразнее качественный состав микрофлоры средней кишки, чем у здоровых особей. В кишечнике инвазированных шмелей преобладают патогенные штаммы нескольких видов *Staphylococcus*, *Streptococcus*, *Bac. alvei*, *E. coli*. Следует отметить, что большинство культур патогенных микробов,

изолированных из кишечника инвазированных *N. bombi* шмелей, вызывали гибель белых мышей при значительно меньшей дозе микробных тел, чем культуры микробов из свободных от нозематоза особей. Маток шмелей, в помете которых обнаружены споры ноземы, желательно браковать. В борьбе с нозематозом хорошие результаты получены от применения сахарного сиропа с добавлением фумагиллина, фумидила, нозедина и ноземата. Поскольку в литературе имеются указания, что матки шмелей поражаются как специфическим видом ноземы (*N. bombi*), так и нозематозом медоносных пчел, необходимо своевременно выявлять и не использовать для кормления шмелей цветочную пыльцу, содержащую *N. apis* [2, с.128–134; 4, с. 10–13].

Сферуляриоз. *Sphaerularia bombi* – круглый червь (нематода), паразитирующий в полости тела шмелей. В естественных условиях сферуляриоз приводит весной к гибели значительного числа самок-основательниц. В некоторых районах поражение этой болезнью почти на 50% сокращает численность популяций *B. terrestris*. У маток, вылетевших после зимовки, признаки заболевания слабо выражены. Инвазированные матки шмелей активно летают и питаются на цветках. В конце мая – начале июня в гемоцеле хозяев, кроме половозрелых самок нематод, появляются яйца и личинки. Внутренняя полость шмеля приобретает молочно-белый цвет. У больных насекомых нарушается обмен веществ, происходит деформация

внутренних органов и нарушение функций кишечника, брюшко растянато, яичники дегенерируют. Пораженные сферуляриозом шмели ползают по земле, забираясь в различные углубления почвы, мало питаются и гибнут. Наряду с *B. terrestris* сферуляриозом часто поражаются и другие виды шмелей. Прижизненная диагностика поражения маток шмелей сферуляриями основана на исследовании гемолимфы маток шмелей под микроскопом, что позволяет увидеть яйца и личинки сферулярии. Перезаражение шмелей в условиях искусственного разведения невозможно. Лечение до настоящего времени не разработано [3, с. 65–76; 6, с. 11–12].

Локустакароз. Клещ *Locustacarus buchneri* паразитирует внутри воздухоносных мешков взрослых особей и преимагинальных фаз ряда видов шмелей (в том числе шмелей-кукушек). Клещи питаются гемолимфой хозяина. Встречается в естественных условиях и при искусственном разведении *B. terrestris*. Клещи мелкие, бесцветные, реже сероватые или коричневатые. Взрослые самки наиболее крупные, неподвижные, их тело шаровидной формы с едва заметным ротовым аппаратом. Самки откладывают внутри воздухоносного мешка до 50 яиц. Отродившиеся из яиц самцы и молодые, сохранившие форму личинок самки имеют три пары конечностей, подвижны. Оплодотворенные и неоплодотворенные самки постепенно выползают на поверхность тела шмеля и затем распространяются по гнезду при контакте с неинвазированными шмелями и куколками. Они проникают в дыхальца взрослых шмелей и куколок, питаются, линяют и превращаются во взрослых самок. Цикл развития клеща составляет 8 недель. При сильной зараженности количество паразитов в одном воздухоносном мешке может достигать 25 экз. Клещ продолжает интенсивно размножаться в условиях теплиц. В результате питания паразита стенки воздухоносных мешков приобретают коричневый цвет и деформируются. Характер нарушений у пораженных клещом шмелей вызван структурными изменениями ткани воздухоносного мешка и снижением поступления кислорода в организм. При поражении наблюдается медленное развитие гнезда, гибель маток, снижение активности взрослых шмелей, потеря способности к полету, понос, выбрасывание расплода, появление шмелей с култеподобными крыльями. У менее пораженных особей сокращается срок жизни и опылительная активность. В условиях искусственного разведения шмелей, если не принимаются меры для предотвращения распространения болезни, поражение маток и расплода может достигать 100%. Своевременное обнаружение болезни позволяет выделять и выбраковывать пораженные гнезда, что предотвращает распространение клещей. Регулярные проверки на локустакароз – обязательная составляющая технологии выращивания шмелей. Для ранней прижиз-

ненной диагностики локустакароза маток шмелей был разработан и внедрен в производство патент № 2140148 (1999 г.). Зараженные семьи шмелей непригодны для отправки в теплицы. Семьи шмелей, пораженные локустакарозом, подлежат немедленному уничтожению [3, с. 76–86; 6, с. 12–13].

Наружные клещи. Клещи, обитающие на поверхности тела шмелей, обнаруживаются при осмотре невооруженным глазом или под бинокулярным микроскопом. При обнаружении в улье большого количества клещей его следует срочно изолировать и обследовать. При низкой степени заселенности клещами улей может быть на некоторое время сохранен. Для сокращения риска распространения клещей следует исключить перемещение зараженного улья и максимально ограничить контакты этой семьи с другими шмелями. Новые ульи размещаются на удалении от зараженных, а последние при первой возможности уничтожают. Подставку моют горячей водой с кальцинированной содой [6, с. 14–15].

Конопидоз. Заболевание, вызываемое личинками мух семейства *Conopidae*. Конопиды являются паразитами имаго жалающих перепончатокрылых. Среди конопидозов шмелей наиболее часто встречается физоцефалез, вызываемый паразитированием личинок мух рода *Physocephala*. Физоцефалы способны поражать все виды шмелей. В естественных условиях зараженность шмелей разными видами конопид составляет 8–64%. Мухи поджидают хозяев на цветках, нападают на хозяина и в воздухе и откладывают яйцо на тело. Личинка физоцефалы грушевидной формы, молочно-белого цвета. Развивается в брюшке хозяина и постепенно заполняет его полностью, питается гемолимфой и по мере роста повреждает внутренние органы. У инвазированных шмелей отмечают увеличенное, неестественно выпрямленное, твердое на ощупь брюшко. Матки шмелей, поражённые физоцефалёзом, не основывают гнёзд, проявляют беспокойство и повышенную агрессивность. Лечение не разработано. Инвазированные личинками физоцефал шмели и трупы погибших особей уничтожаются [1, с. 20–21; 2, с. 167].

Сенотаниоз. Поражение взрослых шмелей личинками мух рода *Senotainia*. Мухи пепельного цвета длиной 5–8 мм летают вблизи гнезд шмелей и откладывают личинок на взрослых насекомых. Одна самка мухи способна отложить 200–300 личинок и за 1–2 дня уничтожить до 5–10 колоний шмелей. Личинки питаются мышцами в груди хозяина, в результате чего последний теряет способность к полету и гибнет [2, с. 169].

Мелиттобиоз. *Melittobia acasta* – мелкий наездник, паразитирующий на преимагинальных фазах (личинках, предкуколках и куколках) мух, перепончатокрылых и других отрядов насекомых. Размер – 1,2–2,3 мм. Самки – крылатые, темного цвета,

самцы – светлые, без крыльев и глаз, с клешнеподобными антеннами. В гнездах шмелей встречается сравнительно редко. Зараженные мелиттобией куколки погибают [2, с.164; 5, с.29–35]. Наездник, как правило, не встречается на шмелеводческих предприятиях т. к. быстро уничтожает шмелей, что приводит к прекращению производства.

Шмели-кукушки. Шмели подрода *Psithyrus* – социальные паразиты гнездостроящих видов шмелей. Самка шмеля-кукушки замещает матку хозяина, и оставшиеся в гнезде рабочие особи выращивают самок и самцов паразита. В настоящее время шмели-кукушки редки в природе, а в условиях искусственного разведения и в теплицах опасности для гнездостроящих шмелей не представляют [5, с. 29–35].

Муравьи (*Formicidae*) – наиболее опасные хищники, нападающие на шмелей и медоносных пчел в условиях теплиц. Они поедают сахарный сироп из кормушек и ячеек гнезд, а при большой численности – расплод и взрослых шмелей. Оборонительное поведение шмелей малоэффективно против этих мелких социальных насекомых, которые могут мобилизовать для нападения на улей до нескольких тысяч рабочих особей. Если места размещения ульев заселены муравьями, в обязательном порядке принимаются меры по защите шмелей. Все опоры или подвесы подставок изолируются ловчими поясами из консистентной смазки, минеральных масел или энтомологического клея. Для того чтобы своевременно спасти семьи шмелей, к которым проникли муравьи, регулярно проводится осмотр ульев [2, с. 219].

Складчатокрылые осы. Социальные осы сем. *Vespidae*, подсем. *Vespinae* строят бумажные гнезда из измельченной древесины. В конце лета они часто нападают на ульи с медоносными пчелами и шмелями, размещенными под открытым небом и в небольших теплицах. Как и муравьи, они поедают или уносят в свое гнездо запасы корма и расплод шмелей. От единичных ос шмели достаточно эффективно обороняются самостоятельно, но при массовом нападении осы способны полностью уничтожить семьи шмелей и медоносных пчел. В условиях защищенного грунта при нападении ос на насекомых-опылителей форточки закрываются сеткой [2, с. 216].

Огневки. Огневка амбарная южная (*Plodia interpunctella* Нб.) является одним из опасных вредителей в шмелеводстве. Бабочки – длиной 7–10 мм, гусеницы – до 10–13 мм. Взрослые бабочки проникают внутрь садков со шмелями и откладывают яйца. Гусеницы огневки поедают, а также загрязняют экскрементами и шелком запасы корма в садках, повреждают расплод [2, с.225]. Эффективно сдерживает численность огневки биологический метод борьбы с использованием наездника *Bracon* (*Habrobracon*) *hebetor* Say – паразитоида

крупных гусениц огневки. Для борьбы с огневкой применяются также клеевые ловушки «Клей-Кун», содержащие половой феромон самок мельничной и южной огневки. Ловушки удаляют самцов из популяции бабочек, что способствует поддержанию численности вредителей на экономически безопасном уровне. Огневка *Aphomia cociella* откладывает яйца в гнездах шмелей. Гусеницы поедают кормовые запасы и повреждают расплод. Они живут в длинных шелковых трубках, которыми оплетают шмелиное гнездо. Колония шмелей может быть полностью уничтожена еще до вылета репродуктивных особей.

Самки большой восковой моли (*Galleria mellonella*) имеют длину 1,3–3,5 см, самцы мельче. Населяют ульи медоносных пчел и шмелей. Гусеницы питаются медом, пыльцой и воском. Ходы выстланы паутиной. При массовом размножении сильно вредят насекомым-опылителям. Бабочки и гусеницы способны мигрировать в другие ульи. Самки малой восковой моли (*Achroea grisella*) имеют среднюю длину 11,3 мм, самцы – 9 мм. Характер питания сходен с большой восковой молью. Для борьбы с гусеницами бабочек, населяющих ульи шмелей, используются биологические бактериальные препараты. Содержащиеся в пыльце личинки и яйца огневки погибают при замораживании обножки и приготовлении белкового корма. Для предотвращения распространения бабочек старые ульи с погибшими семьями шмелей сжигают [2, с. 220].

Тараканы. Рыжий таракан (*Blattella germanica*) может заселять ульи со шмелями в период их выращивания на шмелеводческих предприятиях и при транспортировке. Тараканы питаются органическими остатками и запасами корма в гнезде шмелей. Они загрязняют экскрементами гнездовые постройки, беспокоят шмелей и являются переносчиками возбудителей болезней. Для борьбы с тараканами используют малотоксичные для шмелей препараты, например Тарол Волкова [5, с. 29–35].

Птицы. При использовании насекомых-опылителей в открытом грунте, значительный урон может нанести щурка золотистая (*Merops apiaster*). Щурки ловят на лету относительно крупных насекомых, в том числе шмелей и медоносных пчел. Вблизи гнезд щурки отмечалось огромное количество хитиновых остатков шмелей. Проникшие в теплицу синицы и другие мелкие насекомоядные птицы питаются шмелями. Прежде всего, они поедают репродуктивных особей, которые летают у крыши теплицы, поэтому ущерб от них обычно невелик [2, с. 228].

Мышевидные грызуны. Различные виды крыс и мышей способны нанести значительный урон шмелям и медоносным пчелам. Они повреждают ульи, кормушки с сиропом, гнездовые постройки, поедают запасы меда, пыльцу, взрослых

насекомых и расплод. Поэтому в местах установки ульев при необходимости должны проводиться дератизационные мероприятия [2, с. 231].

Меры по профилактике распространения инвазионных болезней семей шмелей. При массовой гибели шмелей погибших насекомых собирают и подвергают вскрытию, бактериологическому и паразитологическому исследованию. При этом необходимо руководствоваться правилами сбора и хранения патологического материала. В тепле внутренние органы погибших шмелей разлагаются в течение нескольких часов. С учетом этого на вскрытие отбирается проба объемом не менее 20–30 экземпляров. Для хранения погибших шмелей используется морозильная камера.

Многие мероприятия по борьбе с болезнями медоносных пчел, подробно описанные в работе О.Ф. Грובה, А.К. Лихотина (1988), могут использоваться также для профилактики болезней шмелей.

Из-за наличия общих патогенов одновременное содержание шмелей и медоносных пчел в теплицах крайне нежелательно. Микроорганизмы, патогенные для медоносных пчел, также вызывают гибель шмелей. При гибели семьи пчёл принимают все меры к недопущению распространения возбудителя.

Библиографический список

1. *Ащеулов В.И.* Профилактика инвазионных и инфекционных болезней шмелей *Bombus terrestris* (L.) при круглогодичном лабораторном разведении их для опыления сельскохозяйственных культур закрытого грунта: автореф. дис. ... д-ра биолог. наук. – Иваново, 2002. – 36 с.
2. *Грובה О.Ф., Лихотин А.К.* Болезни и вредители пчел. – М.: Агропромиздат, 1988. – 239 с.
3. *Гудкова А.Ю., Петров Ю.Ф., Ащеулов В.И.* Болезни шмелей. – Иваново, 2003. – 106 с.
4. *Емарова Е.Е.* Динамика формирования паразитоценозов в кишечнике шмелей *Bombus terrestris* при нозематозе и коррекция их биологически активными препаратами: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Иваново, 2004. – 15 с.
5. *Лопатин А.В., Пономарев В.А., Солдатова Н.В.* Критерии оценки качества шмелиных семей, используемых при опылении энтомофильных растений // Гавриш. – 2010. – № 6. – С. 29–35.
6. *Мунтян Е.О.* Фауна шмелей и основные паразитарные заболевания их в Центральном районе Нечерноземной зоны Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. биолог. наук. – Иваново, 1999. – 18 с.

Левит Рита Моисеевна

кандидат медицинских наук

Детская клиническая больница № 1 г. Ярославля

rlevit@mail.ru

Спивак Евгений Маркович

доктор медицинских наук

Ярославская государственная медицинская академия

spivak58@mail.ru

Аккуратова Ирина Сергеевна

Ярославская государственная медицинская академия

akkiren@gmail.com

Давыдова Вера Павловна

кандидат медицинских наук

Ярославская государственная медицинская академия

akkiren@gmail.com

ИЗМЕНЕНИЯ СЛИЗИСТОЙ ОБОЛОЧКИ ДВЕНАДЦАТИПЕРСТНОЙ КИШКИ ПРИ ЛЯМБЛИОЗЕ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Обследовано 233 пациента в возрасте от 6 до 17 лет с хроническим гастродуоденитом, верифицированным по результатам эндоскопического и морфологического обследования. С целью выявления лямблиоза проводили микроскопическое исследование каловых масс, дуоденального содержимого и биоптатов слизистой оболочки двенадцатиперстной кишки, а также определение суммарного титра антител классов А, G и М к антигенам паразита в сыворотке крови с применением иммуноферментного анализа. У всех больных выявлен умеренный или выраженный хронический дуоденит с умеренной и высокой активностью воспаления. Процесс ограничивался только двенадцатиперстной кишкой в единичных наблюдениях (6,4%), у остальных пациентов он сочетался с воспалением слизистой оболочки желудка различной степени выраженности. Диагноз лямблиоза установлен у 68% больных; случаев бессимптомного лямблионосительства не зарегистрировано. По результатам эндоскопии наиболее характерными для этого паразитоза признаком является появление фолликулярного дуоденита, который макроскопически представляет собой выбухания слизистой оболочки полусферической формы размерами от 3 до 5 мм, не отличающихся по цвету от окружающих участков. Микроскопически в этих зонах выявляется лимфоцитарная инфильтрация с примесью эозинофилов. Данный симптом имеет чувствительность 89%, а специфичность – 95%. Другие признаки лямблиоза в виде снижения высоты складок, нарушения их циркулярности с увеличением расстояния между ними встречаются реже.

Ключевые слова: лямблиоз, двенадцатиперстная кишка, дети и подростки.

Лямблиоз (жиардиаз) весьма широко распространен в современной детской популяции. Так, среди воспитанников организованных дошкольных коллективов и младших школьников его частота может достигать 30–35%, что в несколько раз превышает таковую у взрослых лиц [2].

Основная среда обитания лямблий в организме ребенка – щеточная кайма слизистой оболочки двенадцатиперстной (ДПК) и начальные отделы тощей кишки [1; 3; 5].

Сведения о том, что у пациентов с лямблиозом развиваются дуодениты различной степени выраженности, встречаются в специальной литературе с 50-х годов прошлого столетия. Однако до настоящего времени остается дискуссионным вопрос о патоморфологических изменениях в ДПК, характерных для этого состояния [4; 6].

Цель работы – установить характер изменений слизистой оболочки двенадцатиперстной кишки при лямблиозе у детей и подростков для совершенствования диагностики этого заболевания.

диагнозом «хронический гастродуоденит». Всем больным проведено стандартное клинико-эндоскопическое и лабораторное обследование.

Выявление жиардиаза базировалось на визуализации паразитов при микроскопии каловых масс, дуоденального содержимого, биоптатов слизистой оболочки ДПК, а также регистрации суммарного диагностического титра антител классов А, G и М к лямблиозным антигенам в сыворотке крови методом иммуноферментного анализа (ИФА, наборы «Вектор-Бест»). В тех случаях, когда у больного имелся положительный результат только по данным ИФА, а остальные тесты давали отрицательный результат, диагноз лямблиоза считали недостоверным.

Кроме лабораторного обследования, обязательно принимали во внимание наличие характерных признаков: симптомов «грязной кожи», «бабочки», фолликулярного кератоза, участков гиперпигментации, эозинофилии, лимфоцитоза, повышения уровня непрямого билирубина, данных ультразвукового исследования (реактивные изменения печени и мезентериальных лимфатических узлов).

Материал и методы

Под нашим наблюдением находилось 233 пациента в возрасте от 6 до 17 лет с верифицированным

Результаты и их обсуждение

Независимо от наличия или отсутствия воспалительного процесса в слизистой оболочке желуд-

ка по данным эндоскопии, у всех обследованных детей и подростков выявлен хронический дуоденит умеренный или выраженный с умеренной или высокой активностью.

Изолированный дуоденит встречался достаточно редко (15 случаев из 233, то есть 6,4%). Практически у трети больных (30,5%) воспаление в ДПК сочетается с незначительным процессом в желудке. Так как в данной ситуации клиническая картина, течение и прогноз заболевания определяются именно воспалением ДПК, мы считаем, что такой вариант хронического гастродуоденита целесообразно именовать дуоденогастритом. В остальных случаях (63,1%) эндоскопически и морфологически обнаруживали изменения в ДПК, антральной области и теле желудка (антрум-гастрит или пангастрит).

Случаев бессимптомного лямблионосительства среди обследованных нами пациентов не зарегистрировано; у всех больных, которые имели положительные результаты прямых диагностических тестов, зафиксировано сочетание перечисленных выше клинических, лабораторных и инструментальных симптомов жиардиаза. Общая частота жиардиаза у детей и подростков с хроническим гастродуоденитом составила 68%.

При эндоскопическом исследовании нами выявлен ряд макроскопических изменений в ДПК, характерных для лямблиозной инвазии. В постбульбарных отделах ДПК определяли фолликулярный дуоденит, представляющий собой «выбухания» слизистой оболочки полусферической формы, размерами 3–5 мм, не отличающиеся по цвету. Морфологически они представляют собой зоны лимфоплазмочитарной инфильтрации с примесью эозинофилов. Данный симптом можно считать патогномоничным для лямблиозного дуоденита, поскольку не встречается при других состояниях, но при верифицированном диагнозе «жиардиаз» наблюдается в 89% случаев.

Описанные нодулярные изменения постбульбарного отдела не соответствуют таковым в луковице ДПК, трактуемые как «фолликулярный бульбит». Он является следствием пилорической метаплазии на фоне Нр-ассоциированного гастрита. Наличие Нр в метаплазированном эпителии способствует развитию активного воспаления, что проявляется инфильтрацией собственной пластин-

ки полиморфноядерными нейтрофилами. Инфильтрация плазмочитами, образование лимфоидных фолликулов характеризуют хронический воспалительный процесс, связанный с Нр-инфекцией. Таким образом, лимфоидная гиперплазия в луковице ДПК аналогична таковой в слизистой оболочке желудка, а нодулярные изменения в постбульбарном отделе рассматриваются нами как реализация иммунного воспаления при контакте с антигенами лямблий.

Более редко встречающимися эндоскопическими симптомами, сопутствующими длительно текущему хроническому дуодениту, ассоциированному с жиардиазом, являются снижение высоты складок, нарушение их циркулярности с увеличением расстояния между ними.

Выводы

1. Лямблиоз обнаруживается у абсолютного большинства детей и подростков с хронической гастроэнтерологической патологией (68%).
2. Описанные выше макроскопические изменения слизистой оболочки двенадцатиперстной кишки являются высокоспецифичными и могут быть рекомендованы в качестве эндоскопических маркеров лямблиоза.

Библиографический список

1. Бельмер С.В. Лямблиоз у детей // Детская гастроэнтерология и нутрициология. – 2004. – Т. 12. – № 3. – С. 141–143.
2. Корниенко Е.А., Минина С.Н., Факина С.А., Лобода Т.Б. Клиника, диагностика и лечение лямблиоза у детей // Педиатрическая фармакология – 2009. – Т. 6. – № 4. – С. 2–7.
3. Коровина Н.А., Захарова И.Н., Авдюхина Т.И. и др. Лямблиоз у детей. – М., 2008. – 32 с.
4. Кучеря Т.В. Клинико-эпидемиологические аспекты лямблиоза у детей: автореф. дисс. ... канд. мед. наук. – М., 2008. – 25 с.
5. Поляков В.Е., Иванова И.А., Казакова С.И. Лямблиоз у детей и подростков // Российский медицинский журнал. – 2004. – № 6. – С. 47–50.
6. Muhsen K., Levine M.M. A systematic review and meta-analysis of the association between *Giardia lamblia* and endemic pediatric diarrhea in developing countries // Clin. Infect. Dis. – 2012. – V. 55 (Suppl. 4). – P. 271–293.

БИОРАЗНООБРАЗИЕ ЛЕСНЫХ ФИТОЦЕНОЗОВ МАРИЙСКОГО ПРИСУРЬЯ*

Проведена оценка биоразнообразия водораздельных и долинных лесов в нижнем течении р. Суры, где расположен один из наиболее крупных массивов водораздельных широколиственных лесов Республики Марий Эл.

В процессе исследований выделено 3 группы фитоценозов (кластера): широколиственные леса и их производные, искусственные насаждения дуба черешчатого, черно- и сероольшаники. Исследованные лесные сообщества характеризуются высоким уровнем таксономического разнообразия. Обнаружено 202 вида сосудистых растений 59 семейств, из них 6 видов включены в Красную книгу Республики Марий Эл. Доминантами древесного яруса широколиственных лесов в порядке убывания являются липа сердцевидная (*Tilia cordata* Mill.), клен платановидный (*Acer platanoides* L.), ясень обыкновенный (*Fraxinus excelsior* L.), дуб черешчатый (*Quercus robur* L.), береза повислая (*Betula pendula* Roth). В подросте преобладают клен платановидный, вяз шершавый (*Ulmus glabra* Huds.). Встречающийся и в древостое, и в подросте ясень обыкновенный включен в красную книгу Республики Марий Эл, где проходит северо-восточная граница сплошного ареала распространения данного вида. Видовое богатство сообществ этой группы образуют 125 видов сосудистых растений при средней видовой насыщенности 20 видов на 400 м². В посадках дуба произрастает 68 видов при средней видовой насыщенности 33 вида на 400 м². В черно- и сероольшаниках обнаружено 130 видов. Средняя видовая насыщенность низкая – 16 видов на 400 м². В сообществах первого и третьего кластеров преобладают виды неморальной группы, за ними следуют нитрофильные и луговые виды. В сообществах второго кластера доля неморальных и нитрофильных видов практически одинакова.

Ключевые слова: биоразнообразие, широколиственные леса, черноольшаники, сероольшаники, таксономическое разнообразие, структурное разнообразие, эколого-ценотические группы.

Республика Марий Эл расположена в подзоне подтаежных смешанных (хвойно-широколиственных) лесов. При этом западная часть республики захватывает восточноевропейский, центральная и восточная – приуральский вариант подтайги [1]. В растительном покрове в настоящее время преобладают хвойные и мелколиственные леса. Зональная растительность представлена незначительными по площади хвойно-широколиственными и широколиственными лесами (ассоциации *Rhodobrya rosei* – *Piceetum abietis*, *Quercus-Tilietum cordatae*), расположенными на водоразделах и склонах с близким залеганием пермских карбонатных пород, а также долинах рек – притоков Волги.

Один из наиболее крупных массивов водораздельных широколиственных лесов площадью более 10 тыс. га сохранился в юго-западной части республики в правобережье Волги, где в 2014 г. организован государственный природный заказник республиканского значения «Марийское Присурье». Произрастающие здесь хвойные леса имеют искусственное происхождение и представлены насаждениями сосны обыкновенной и сибирской, а также ели обыкновенной.

В 2012–2013 гг. в рамках комплексного исследования территории будущего заказника нами проведено детальное изучение растительного покрова лесных фитоценозов в нижнем течении р. Суры в пределах границ Республики Марий Эл.

Исследуемая территория является уникальной для республики, как в отношении геологического строения, так и почвенного покрова, что в свою очередь определяет особенности растительного

покрова. В ее сложении принимают участие породы пермского, юрского третичного и четвертичного возраста. Коренные породы выходят на поверхность или залегают неглубоко от нее. Марийское Присурье расположено в пределах Чувашского плато, изрезано густой сетью активных оврагов, балок и долинами мелких рек. Плато сложено с поверхности лессовидными суглинками мощностью от 1 до 6–10 м. Суглинки подстилаются пермскими породами: мергелями, песчаниками, доломитами, или юрскими глинами с линзами песков. По склонам долин рек и оврагам коренные породы выходят на поверхность. Рельеф сильно расчлененный, холмисто-увалистый. Распространены дерново-подзолистые легкосуглинистые почвы, отличающиеся светло-серой окраской и хорошо развитым подзолистым горизонтом, ниже которого залегает желтовато-бурый горизонт вымывания и материнская порода – лессовидный суглинок [2–4].

Пойма Суры здесь полностью залита Чебоксарским водохранилищем, первая надпойменная терраса простирается от нескольких десятков метров до 1 км. Склон коренной террасы крутой, местами осыпающийся. На исследуемой территории произрастают главным образом широколиственные леса и их производные. Все они относятся к категории защитных.

Лесорастительные условия территории соответствуют дубравному комплексу типов леса, и относятся к группе свежих дубрав. В этих условиях сформировались типы леса – дубняк лещинный, дубняк снытевый, дубняк папоротниковый и производные первых двух типов – осинники, березняки и липняки широколиственные и дубово-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Департамента экологической безопасности, природопользования и защиты населения Республики Марий Эл (х/д №34).

лещиновые [5]. Здесь расположен памятник природы «Нагорные дубравы». В настоящее время, вследствие хозяйственной деятельности, дубравы занимают здесь очень незначительные площади и замещены липняками и производными послерубочными мелколиственными лесами.

Цель исследования – оценить параметры таксономического и структурного биоразнообразия лесных фитоценозов.

Методика исследований

Для оценки параметров биоразнообразия растительного покрова выполнено 51 геоботаническое описание лесных фитоценозов на временных пробных площадях размером 400 м² (20х20 м) по стандартной методике [6]. Массив описаний обработан с использованием пакета программ Pc-Ord for Windows. При выделении групп описаний, сходных по составу и структуре растительности использованы методы многомерной статистики – метод непрямой ординации описаний в абстрактных осях варьирования с использованием соответствий с удаленным трендом (Detrended Correspondence Analysis, DCA) и метод кластеризации описаний на основе алгоритма Варда [7].

В ходе ранжировки по классам константности выявлялись виды, специфичные для каждого кластера (дифференцирующие), а также общие для их совокупности и сформированы блоки сходных геоботанических описаний. Класс константности определяли в зависимости от встречаемости вида: I – от 0 до 20%, II – от 21 до 40%, III – от 41 до 60%, IV – от 61 до 80%, V – от 81 до 100%.

Для оценки биологического разнообразия использовали показатель видовой насыщенности – число видов сосудистых растений на единицу пробной площади (400 м²). Таксономическое разнообразие оценивали по спектрам семейств сосудистых растений.

Структурное разнообразие растительных сообществ характеризовали с использованием спектров эколого-ценотических групп сосудистых растений Европейской России [8].

Результаты и их обсуждение

Типологическое разнообразие. В ходе анализа геоботанических описаний лесных сообществ с использованием методов кластеризации и ординации выделено 3 группы (кластера). Класс константности и обилие видов, дифференцирующих видов приведены в таблице 1.

Широколиственные леса образуют большинство описаний (кластер 1), выполненных в липняках, дубняках, кленовниках, и ясеневниках. В подлеске, подросте и травяно-кустарничковом ярусе всех этих фитоценозов преобладают одни и те же виды растений, главным образом неморальной эколого-ценотической группы.

Доминантами древесного яруса в порядке убывания являются липа сердцевидная (*Tilia cordata*

Mill.), клен платанолистный (*Acer platanoides* L.), ясень обыкновенный (*Fraxinus excelsior* L.), дуб черешчатый (*Quercus robur* L.), береза повислая (*Betula pendula* Roth). В подросте преобладают клен платанолистный, вяз шершавый (*Ulmus glabra* Huds.). И в древостое, и подросте фитоценозов этой группы произрастает ясень обыкновенный, включенный в Красную книгу Республики Марий Эл. В районе нашего исследования проходит северо-восточная граница ареала сплошного распространения этого вида. В левобережной части Марий Эл он встречается крайне редко. В районе исследования встречаются небольшие по площади монодоминантные древостои ясеня. Здесь его ценопопуляции нормальные неполноценные, спектр правосторонний и фрагментарный. Ценопопуляции с левосторонним спектром, включающие проростки, ювенильные и виргинильные растения, а также генеративные особи, характеризующиеся нормальным уровнем жизненности, встречаются в производных послерубочных березняках и осинниках, а также в насаждениях сосны обыкновенной и сосны сибирской [9].

Таким образом, несмотря на то, что изученная популяция ясеня обыкновенного располагается на северо-восточном пределе ареала, ее состояние можно оценить как удовлетворительное.

В подлеске преобладают лещина (*Corylus avellana* L.), рябина обыкновенная (*Sorbus aucuparia* L.), черемуха птичья (*Padus avium* Mill.). Менее распространены бересклет бородавчатый (*Euonymus verrucosa* Scop.) и жимолость обыкновенная (*Lonicera xylosteum* L.). В травяно-кустарничковом ярусе обычными видами являются сныть обыкновенная (*Aegopodium podagraria* L.), пролесник многолетний (*Mercurialis perennis* L.), медуница неясная (*Pulmonaria obscura* Dumort.). Практически повсеместно распространены дубравные эфемероиды, также дифференцирующие данный кластер – зубянка пятилистная (*Dentaria quinquefolia* M. Bieb.), ветреничник лютичный (*Anemonoides ranunculoides* (L.) Holub.), хохлатка плотная (*Corydalis solida* (L.) Clairv.) и хохлатка Маршалла (*Corydalis marschalliana* (Pall. Ex Willd.) Pers.). Зубянка пятилистная и хохлатка Маршалла включены в Красную книгу Республики Марий Эл [10]. Весьма обычным в широколиственных лесах является еще один краснокнижный вид – лунник оживающий (*Lunaria rediviva* L.).

Фитоценозы данного кластера мы относим к ассоциации *Quercus roboris* – *Tilietum cordatae* Laivinsh 1986 ex Laivinsh in Solomesc et al. 1993. Видовое богатство сообществ данной группы образуют 125 видов сосудистых растений при средней видовой насыщенности 20 видов на 400 м².

Второй кластер включает в себя описания, выполненные в серо- и черноольшаниках (табл. 1) и ивняках долины Суры.

В древесном ярусе наряду с ольхой встречаются вяз гладкий (*Ulmus laevis* Pall.) и береза пушистая (*Betula pubescens* Ehrh.). Черноольшаники

Константность и обилие дифференцирующих видов*

Научное название	Ярус	Кластеры		
		1	2	3
Виды, дифференцирующие кластер 1				
Tilia cordata Mill.	A1	V ²		
	A2	IV ¹	I ^r	
Acer platanoides L.	A2	V ¹	I ^r	
Fraxinus excelsior L.	A1	III ¹		
Ulmus laevis Pall.	A2	II ⁺	I ^r	
Corylus avellana L.	B1	V ²	I ^r	IV ⁺
Fraxinus excelsior L.	B2	III ⁺	I ^r	II ⁺
Milium effusum L.	C	V ⁺		
Aconitum septentrionale Koelle	C	IV ¹	I ^r	
Pulmonaria obscura Dumort.	C	V ¹		II ^r
Anemonoides ranunculoides (L.) Holub	C	IV ¹	I ^r	II
Geum urbanum L.	C	IV ^r	I ⁺	II ⁺
Lathyrus vernus (L.) Bernh.	C	III ⁺		
Dentaria quinquefolia M. Bieb.	C	III ⁺		
Виды, дифференцирующие кластер 2				
Alnus glutinosa L.	A1	I ^r	II ¹	
Alnus incana (L.) Moench	A1	I ^r	II ¹	
Salix alba L.	A2		II ⁺	
Padus avium Mill.	B1	I ^r	IV ¹	II ^r
	B2	II ⁺	IV ⁺	
Alnus incana (L.) Moench	B2	I ⁺	II ⁺	
Humulus lupulus L.	C		III ¹	
Lycopus europaeus L.	C		III ⁺	
Calystegia sepium (L.) R. Br.	C		II ⁺	
Stachys palustris L.	C		II ⁺	
Galium palustre L.	C		II ⁺	
Виды, дифференцирующие кластер 3				
Quercus robur L.	A1	II ⁺		V ³
	A2	I ^r		IV ¹
Malus sylvestris Mill.	B2	I ^r	I ^r	IV ^r
Salix cinerea L.	B2		I ^r	IV ^r
Ficaria verna Huds.	C	II ⁺	I ⁺	V ²
Fragaria vesca L.	C	I ^r	I ^r	V ¹
Ranunculus repens L.	C	I ^r	I ^r	V ^r
Vicia sepium L.	C	I ^r	I ^r	V ⁺
Scrophularia nodosa L.	C	I ^r	II ^r	V ^r
Carex sylvatica Huds.	C	II ^r		V ¹
Coccyganthe flos-cuculi (L.) Fourr.	C			V ^r
Veronica chamaedrys L.	C	I ^r	II ^r	IV ^r
Dactylis glomerata L.	C		I ^r	IV ⁺
Deschampsia cespitosa (L.) P. Beauv.	C		I ^r	IV ^r
Leucanthemum vulgare Lam.	C		I ^r	IV ^r
Stachys sylvatica L.	C	II ^r	I ⁺	IV ^r
Geranium robertianum L.	C	I ^r		IV ^r

* I–V – классы константности. Надстрочным шрифтом обозначено обилие видов по шкале Браун-Бланке.

произрастают в условиях застойного увлажнения, а сероольшаники в достаточно хорошо дренированных оврагах и балках.

В подлеске доминирует черемуха птичья. Реже встречаются лещина обыкновенная и яблоня лесная. В подросте преобладают вяз гладкий, клен платанолистный. В травяно-кустарничковом ярусе наиболее распространена крапива двудомная (*Urtica dioica* L.). Дифференцирующими видами кластера являются гигрофиты: хмель обыкновенный (*Humulus lupulus* L.), зюзник европейский (*Lycopus europaeus* L.), чистец болотный (*Stachys palustris* L.) и подмаренник болотный (*Galium palustre* L.).

Сообщества черноольховых лесов отнесены нами к ассоциации *Urtico - Alnetum glutinosae* Bulokhov et Solom. 2003, сероольховых – *Alnetum incanae* Lüdi 1921. Фиторазнообразие сообществ данного кластера характеризуют 130 видов сосудистых растений. Средняя видовая насыщенность низкая, всего 16 видов на 400 м².

Третий кластер включает в себя описания дубняков, являющихся искусственными насаждениями и располагающихся на водораздельных территориях. Дуб черешчатый является абсолютным доминантом древостоя (табл. 1). Ярус подлеска сообществ этого кластера образуют лещина обыкновенная

Спектры эколого-ценотических групп в лесных сообществах

Кластеры	Число видов разных эколого-ценотических групп					
	Неморальная	Нитрофильная	Бореальная	Луговая	Аллювиальная	Болотная
I	50*	20	7	6	1	
II	28	25	4	11	1	2
III	29	14	2	9	-	-

* – из расчетов исключены виды встречаемостью менее 5%.

новенная, черемуха птичья, рябина обыкновенная, калина обыкновенная (*Viburnum opulus* L.), яблоня лесная (*Malus sylvestris* Mill.). В подросте с незначительным обилием, присутствуют клен платанолистный и липа сердцелистная. В травяно-кустарничковом ярусе доминирует сныть обыкновенная. Также здесь произрастают чистяк весенний (*Ficaria verna* Huds.), земляника обыкновенная (*Fragaria vesca* L.), лютик ползучий (*Ranunculus repens* L.), горошек заборный (*Vicia sepium* L.), норичник узловатый (*Scrophularia nodosa* L.), осока лесная (*Carex sylvatica* Huds.), горицвет кукушкин (*Coccyganthe flos-cuculi* (L.) Fourg.), ежа сборная (*Dactylis glomerata* L.), луговик дернистый (*Deschampsia cespitosa* (L.) P. Beauv.), душистый колосок обыкновенный (*Anthoxanthum odoratum* L.). Обращает на себя внимание большое количество луговых видов, что связано с расположением посадок на опушках.

Классификация этих дубняков пока невозможна, в связи с их несформированностью. Фиторазнообразие сообществ данного кластера характеризуют 68 видов сосудистых растений при средней видовой насыщенности 33 вида на 400 м².

Анализ структурного разнообразия исследованных фитоценозов с использованием классификации эколого-ценотических групп сосудистых растений Европейской России показал, что в сообществах первого и третьего кластеров преобладают виды неморальной группы, за ними следуют нитрофильные и луговые виды (табл. 2). В сообществах второго кластера доля неморальных и нитрофильных видов практически одинакова. Доля видов бореальной эколого-ценотической группы на исследованной территории существенно ниже, чем в широколиственных лесах левобережной части Республики Марий Эл [11].

В целом лесные фитоценозы Марийского Присурия характеризуются высоким уровнем фиторазнообразия. Нами обнаружено 202 вида сосудистых растений 59 семейств, из них 6 видов включены в Красную книгу Республики Марий Эл. Лидирующее положение в составе флоры исследованной территории занимают семейства розовые – 17, мятликовые – 15, астровые – 13, лютиковые – 11.

Результаты проведенного исследования будут служить основой для мониторинга экосистем вновь созданного комплексного заказника.

Библиографический список

1. Агроклиматические ресурсы Марийской АССР. – Л.: Гидрометеиздат, 1972. – 108 с.
2. Бекмансуров М.В., Соловьева М.Н. Онтогенетическая и виталитетная структура ценопопуляций ясеня обыкновенного на границе ареала // Принципы и способы сохранения биоразнообразия: мат-лы V Междунар. науч. конф. – Йошкар-Ола, 2013. – Ч. 1. – С. 230–233.
3. Биологическое разнообразие растительного покрова национального парка «Марий Чодра». Ч. 1 / Л.Б. Заугольнова, Л.А. Жукова, М.В. Бекмансуров и др. – Йошкар-Ола, 2003. – 136 с.
4. Восточноевропейские леса: история в голоцене и современность. – М.: Наука, 2004. Ч. 2. – С. 125–131.
5. Джонгман Р.Г.Г. Анализ данных в экологии сообществ и ландшафтов / Р.Г.Г. Джонгман, С.Дж.Ф. Тер Браак, О.Ф.Р. Ван Тонгерен. – М.: РАСХН, 1999. – 306 с.
6. Зоны и типы поясности растительности России и сопредельных территорий. Пояснительный текст и легенда к карте. – М.: МГУ, 1999. – 64 с.
7. Красная книга Республики Марий Эл. Том «Растения. Грибы». – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2013. – 324 с.
8. Методические подходы к экологической оценке лесного покрова в бассейне малой реки / Л.Б. Заугольнова, Т.Ю. Браславская (отв. ред.). – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. – 383 с.
9. Схема территориального планирования муниципального образования «Горномарийский муниципальный район» Республики Марий Эл. Т. № ГД. 1-09. – 140 с.
10. Столяров А.А., Горинов А.Т. География Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2012. – 208 с.
11. Чистяков А.Р. Типы лесов Марийской АССР (и сопредельных районов). – Йошкар-Ола, 1959. – 72 с.

Благодарности. Автор выражает глубокую признательность Богданову Геннадию Алексеевичу, старшему научному сотруднику ГПЗ «Большая Кокшага» и студентам биолого-химического факультета МарГУ Рыбаковой Марии, Соловьевой Марии, Ивлевой Екатерине за помощь в проведении полевых исследований.

Травин Георгий Михайлович

доктор технических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ops@ksu.edu.ru

Кулемкин Юрий Васильевич

доктор технических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ops@ksu.edu.ru

Привалов Александр Васильевич

ОАО «Московский экспериментальный завод №1» (г. Москва)
ops@ksu.edu.ru

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И МОДЕЛИРОВАНИЕ НАДЕЖНОСТИ ИГОЛЬНО-ПЛАНОЧНОЙ ГАРНИТУРЫ ДЛЯ ЧЕСАНИЯ ВОЛОКОН ТЕХНИЧЕСКОЙ КОНОПЛИ

При подготовке волокон конопля к прядению целесообразно использовать адаптированное льноперерабатывающее оборудование. Для процесса чесания основным методом адаптации выступает модернизация гребенных полей с использованием специальной игольно-планочной гарнитуры. Вследствие отсутствия опыта эксплуатации такой гарнитуры на волокнах конопля прогнозирование ее отказов, оценку свойств надежности можно осуществить на основе информации об аналогах, используя в качестве которых гарнитуру для чесания длинного трепаного льна. Современные конструкции такой гарнитуры включают алюминиевый профиль в сочетании со сменной полимерной игольной вставкой, что обеспечивает ремонтпригодность гарнитуры. Статистические наблюдения за работой этой гарнитуры с круглой иглой на последних переходах чесания показывают, что средний срок ее службы при плотности посадки 80 игл на 10 см длины составляет 930 часов, а при плотности посадки 64 иглы – 2550 часов. Отказ планок связан с поломкой игл у основания и в вершинной части, образованием загибов, разрушением соединения со вставкой, отклонением положения и расшатыванием. При создании игольно-планочной гарнитуры для чесания конопля необходимо стремиться к поддержанию ее долговечности на уровне не ниже гарнитуры для переработки льна. При этом требуется сокращение издержек на ремонт гарнитуры за счет снижения его трудоемкости и повышения эластичности спроса на элементы ее конструкции. С этих позиций наиболее перспективными являются конструкции с секционными вставками, закрепляемыми разъемным кленовым зажимом. Прогнозируются возможные виды отказов гарнитуры, ведущих к усложнению ее конструкций и использованию новых материалов. На основе диагностической матрицы построены вероятностные модели отказов планок, а также их диагностические модели в совершенной конъюнктивной нормальной форме алгебры логики.

Ключевые слова: чесание конопля, гребенная планка, отказы, срок службы, диагностические модели.

В[5] доказана возможность и целесообразность адаптации льноперерабатывающего оборудования под воссоздаваемые на новом уровне технологии производства бытовых тканей из волокон технической ненарко-содержащей конопля. В технологической цепочке подготовки такого волокна к прядению одним из эффективных методов адаптации льняного оборудования рассматривается модернизация гребенных полей на основе использования специально создаваемой под это волокно гребенной игольно-планочной гарнитуры [3].

В приложении к процессу чесания на машинах Ч-302-Л такая технологическая оснастка должна создаваться для начальных, средних и последних переходов чесания. Поскольку полностью отсутствует опыт эксплуатации таких дополняющих средств технологического оснащения на волокнах конопля, прогнозирование их отказов, оценку свойств надежности можно осуществить, используя сведения об аналогах или прототипах.

К настоящему времени накопился значительный опыт эксплуатации различных видов и типов игольно-планочной гарнитуры при чесании длин-

ного трепаного льна. Ретроспективный анализ изменения конструкций такой гарнитуры за последние 30 лет показывает, что основная тенденция в создании планок для средних и последних переходов это использование основания из алюминиевого профиля в сочетании со сменной полимерной игольной вставкой, что обеспечивает такой гарнитуры свойство ремонтпригодности за счет приобретенных в этом случае, главным образом, первичных свойств блочности и взаимозаменяемости. Необходимость обеспечения ремонтпригодности обусловлена низким сроком службы планок, их повышенным расходом, вследствие многообразия видов и значительного количества отказов элементов.

Выполненные нами наблюдения за отказами игольно-планочной гарнитуры свидетельствуют о том, что наибольшее их количество приходится на планки средних и последних переходов, как наиболее ответственных при чесании трепаного льна. При проведении наблюдений отказы фиксировались во время ежемесячных чисток машин Ч-302-Л по количеству снятых для замены или ремонта планок. По результатам наблюдений произведен расчет срока службы планок с плотностью

Таблица 1

Результаты наблюдений за отказами гарнитуры

Параметры наблюдений	Плотность посадки игл на 10 см	Время наблюдения (час)				
		400	768	1072	1456	1744
Количество отказов планок (n)	64	3	5	8	13	23
	72	13	18	20	32	56
	80	38	46	53	72	91
Вероятность отказа $Q_i(t)$	64	0,031	0,052	0,083	0,135	0,24
	72	0,035	0,188	0,208	0,333	0,58
	80	0,396	0,479	0,552	0,752	0,948
Квантиль нормального распределения U_{pi}	64	-1,86	-1,63	-1,38	-1,1	-0,7
	72	-1,1	-0,89	-0,81	-0,43	0,2
	80	-0,26	-0,05	0,13	0,67	1,63

Таблица 2

Сроки службы планочной гарнитуры

Тип планки по плотности посадки игл	Показатели срока службы		
	Средний срок службы t (час)	Среднее квадратическое отклонение σ (час)	Коэффициент вариации v
64	2500	1050	0,42
72	1550	750	0,48
80	930	380	0,41

посадки игл диаметрами 0,9; 0,8; 0,7 мм соответственно 64; 72; 80 игл на 10 см планки. При расчетах принималось условие подчинения срока службы планок закону нормального распределения. Параметры закона рассчитывались методом квантилей из уравнений вида $t_i = \bar{t} + U_{pi} \cdot \sigma$, где U_{pi} – квантиль нормального распределения, σ – среднее квадратическое отклонение срока службы от его среднего значения $\bar{t}$. Составлялась система уравнений по зарегистрированным временам наблюдений, которые решались методом наименьших квадратов.

Исходные данные наблюдений за эксплуатацией чесальной гарнитуры при двухсменной работе в течение 5 месяцев в количестве 96 планок каждого типа и предварительная обработка результатов приведены в таблице 1.

Окончательные результаты расчетов срока службы планок отражены в таблице 2.

Анализ основных причин отказов гарнитуры на средних и последних переходах чесания волокон льна показывает, что отказ планок связан с деформацией игл, их поломкой у основания и в вершинной части, образованием загибов и подсечек, разрушением соединения игл с полимерной вставкой, отклонением положения игл и их расшатыванием. Все эти причины обусловлены наличием сил, действующих вдоль оси иглы при прокалывании волокна, изгибающих сил при его чесании, а также потерей местной устойчивости передней полки основания из-за ее недостаточной жесткости. Кроме того, срок службы планок существенным образом зависит от количества игл на единицу длины планки. Очевидно, что при большей частоте посадки игл все усилия на каждую иглу возрастают пропорционально уменьшению расстояния между ними. При этом следует иметь в виду и уменьшение сечения игл при большей плотности посадки,

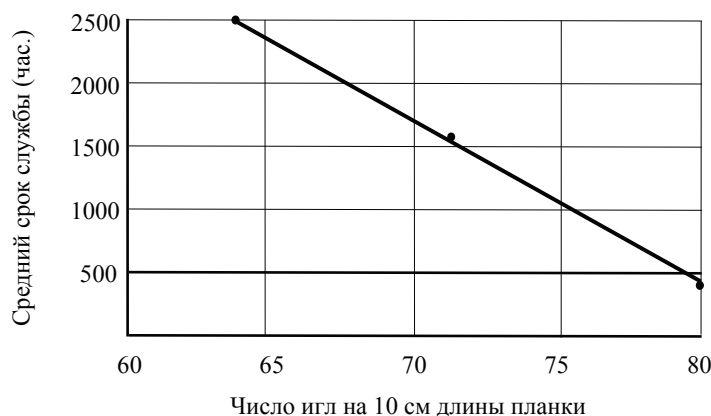

Рис. 1. Зависимость срока службы планок от частоты посадки игл

что, естественно, снижает их прочность, жесткость и устойчивость. На рис. 1 построена зависимость срока службы планок от частоты посадки игл.

В исследованном диапазоне частот посадок зависимость носит линейный характер. В соответствии с [4] для таких планок установлены нормы расхода на 1 тыс. час. работы одного перехода 16 шт. Следует заметить, что представленные результаты касаются планок с круглой иглой. Согласно исследованиям [1], при применении плоской иглы на соответствующих переходах чесания срок службы планок существенно возрастает, что обусловлено возрастанием момента сопротивления иглы при изгибе в 2–4 раза, а жесткости ее сечения при изгибе в 4–10 раз.

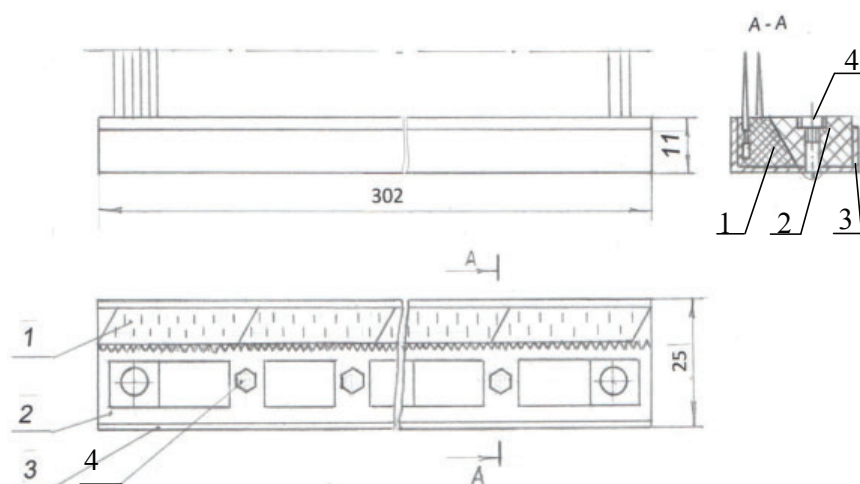
Все вышеизложенное свидетельствует о том, что при создании (проектировании) игольно-планочной гарнитуры для переработки волокон конопли необходимо стремиться к поддержанию ее долговечности на уровне не ниже гарнитуры для переработки льна. Решение этой задачи осложняется возникновением больших сил в гребенном поле вследствие более высоких механических характеристик волокон конопли.

Даже при сохранении долговечности такой гарнитуры на уровне льняной настоятельно требуется сокращение издержек на восстановление работоспособности планочной гарнитуры за счет снижения трудоемкости сборно-разборных работ (повышения легкосъемности как свойства ремонтпригодности) и повышения эластичности спроса на элементы конструкции гарнитуры. Наиболее распространенные виды такой гарнитуры со сменной вклеиваемой игольной вставкой требуют следующих операций при ее замене: нагрев основания для размягчения клеевого компаунда, демонтаж игольной вставки, очистка и обезжиривание паза под полимерную сменную вставку, вклеивание новой вставки. В такой ситуации более перспективной для чесания конопли следует рас-

сматривать конструкцию планки с секционными вставками, закрепляемыми разъемным клиновым зажимом, когда ремонт включает только ослабление резьбового соединения, разборку клинового зажима, замену отказавшей секции игольной вставки и ее закрепление. Пример конструкции такой планки представлен на рис. 2.

Сравнение описания операций ремонта двух типов планок показывает явное сокращение трудозатрат на замену секционной вставки за счет снижения объема сборно-разборных работ (усиления свойства легкосъемности). Кроме того, использование такой конструкции снижает с экономических позиций эластичность спроса на планки в сборе и планки с цельной вставкой и повышает ее на секции вставок, что ведет к дополнительному снижению затрат на восстановление работоспособности игольно-планочной гарнитуры.

Попытаемся спрогнозировать все возможные варианты разновидностей отказов элементов игольно-планочной гарнитуры для чесания волокон конопли, отталкиваясь от существующих ее конструкций для чесания длинного трепаного льна и предусматривая появление новых элементов в связи с усложнением конструкций и использованием новых материалов. Очевидно, что в любом случае сохранится тенденция принципиального отличия конструкций планок для первых и последующих переходов чесания. Планки первых переходов являются малоэлементными, включающими из алюминиевого профиля, залитого полимером и запрессованные в него иглы или другие расправляющие элементы, например скобы. Планки для средних и последних переходов чесания будут усложняться и должны включать: основание (как правило, из алюминиевого профиля), игольную вставку (цельную или секционную), зажимной элемент и крепежное соединение (например, как на рис. 2). Очевидно, что причины отказов будут различными для этих 2-х групп планок. Возможные прогнозируемые

Рис. 2. Конструкция игольной планки со сменными секционными вставками и клиновым зажимом (1 – вставка игольная, 2 – зажимной элемент, 3 – основание (профиль), 4 – резьбовое соединение)

Матрица отказов игольно-планочной гарнитуры

Элементы гарнитуры E_i	Причины отказов элементов O_j										
	Планок начальных переходов			Планок средних и конечных переходов							
	Поломка θ_1	Расшатывание игл θ_2	Выпадение игл θ_3	Деформация θ_4	Поломка у основания θ_5	Поломка вершины θ_6	Загиб и подсежки θ_7	Отклонение положения θ_8	Разрушение соед. иглы с полимерной вставкой θ_9	Смятие θ_{10}	Ослабление θ_{11}
Основание планки E_1	+			+							
Игла (скоба) E_2					+	+	+				
Соед. иглы с планкой (вставкой) E_3		+	+					+	+		
Вставка игольная E_4										+	
Зажимной элемент E_5										+	
Крепежное соединение E_6											+

виды отказов каждого элемента отразим в виде диагностической матрицы (таблица 3).

Исходя из матрицы, используя формулу полной вероятности [2], составим вероятностные модели отказов планок первых (А) и последующих (В) переходов на основе отказов их элементов как событий случайных и независимых.

$$P(A) = \sum_{i=1}^n P(E_i) \cdot P(A | E_i) = P(E_1)P(A | E_1) + P(E_3)P(A | E_3) = 0,5P(A | O_1) + 0,5P(A | O_2)P(A | O_3),$$

где $P(E_i)$ – вероятность отказа i -го элемента планки, $P(A | E_i)$ – вероятность отказа планки при отказе i -го элемента, $P(E_1) = P(E_3) = 0,5$ – равная вероятность отказа основания планки и соединения иглы с основанием.

$$P(B) = \sum_{i=1}^m P(E_i) \cdot P(B | E_i) = P(E_1)P(B | E_1) + P(E_2)P(B | E_2) + P(E_3)P(B | E_3) + P(E_4)P(B | E_4) + P(E_5)P(B | E_5) + P(E_6)P(B | E_6) = P(E_1)P(B | O_4) + P(E_2)P(B | O_5)P(B | O_6)P(B | O_7) + P(E_3)P(B | O_8)P(B | O_9) + P(E_4)P(B | O_{10}) + P(E_5)P(B | O_{10}) + P(E_6)P(B | O_{11}),$$

$$\text{где } \sum_{i=1}^m P(E_i) = 1.$$

На основе матрицы построим диагностическую модель отказов планок в аналитической форме с использованием обозначений, принятых в буле-

вой алгебре [6]. Диагностическая функция для планок начальных переходов:

$F_A(O_j, E_i) = (O_1 \rightarrow E_1)(O_2 \rightarrow E_2)(O_3 \rightarrow E_3)$, или в совершенной конъюнктивной нормальной форме

$$F_A(O_j, E_i) = (\bar{O}_1 \vee E_1)(\bar{O}_2 \vee E_2)(\bar{O}_3 \vee E_3).$$

Для планок последующих переходов:

$$F_B(O_j, E_i) = (\bar{O}_4 \vee E_1)(\bar{O}_5 \vee \bar{O}_6 \vee \bar{O}_7 \vee E_2)(\bar{O}_8 \vee \bar{O}_9 \vee E_3)(\bar{O}_{10} \vee E_4 \vee E_5)(\bar{O}_{11} \vee E_6).$$

Библиографический список

1. Балобина А.А. Исследование и совершенствование технологии чесания трепаного льна на машине Ч-302 Л: дис. ... канд. техн. наук. – Кострома, 1977. – 208 с.
2. Венцель Е.С. Теория вероятностей: учеб. для вузов. – М.: Высш. шк., 1999. – 576 с.
3. Кулемкин Ю.В. Определение путей адаптации льночесальных машин для переработки волокон конопли / Ю.В. Кулемкин, А.В. Привалов, Г.М. Травин // Инновационные аспекты бизнес-процессов в производстве и сервисе: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2013. – С. 100–105.
4. Отраслевые нормы расхода технологической оснастки для текстильного оборудования. – М.: ЦНИИТЭИлегпрома, 1985. – 97 с.
5. Привалов А.В. Методы и модели адаптации льноперерабатывающего оборудования под производство тканей из конопли / А.В. Привалов, А.А. Коврижных, Г.М. Травин // Вестник Костром-

ского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – №1. – С. 29–31.

6. Сигорский В.П. Математический аппарат инженера. – Киев: Техника, 1977. – 765 с.

УДК 621.9

Галиновский Андрей Леонидович

доктор педагогических наук

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
galcomputer@yandex.ru

Зосимов Матвей Владимирович

кандидат технических наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
zosimov@inbox.ru

Моисеев Валерий Александрович

кандидат технических наук

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
moiseev56@mail.ru

Хафизов Максим Васильевич

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
m-khafizov@mail.ru

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГИДРОРЕЗАНИЯ СРЕДСТВАМИ АКУСТИЧЕСКОЙ ЭМИССИИ

В статье рассматриваются вопросы повышения эффективности гидрорезания за счет управления качеством обработки с применением метода акустической эмиссии (АЭ), который хорошо зарекомендовал себя при выборе рациональных режимов токарной и ультразвуковой обработки материалов. Опытным путем установлено, что мощность АЭ отражает характер изменения производительности гидрорезания. Эксперименты проведены при варьировании угла взаимодействия ультразвука с поверхностью материала и расстояния от среза фокусирующей трубки до поверхности образца. Рассмотрено влияние спреобразования на интенсивность акустического излучения, пропорционально увеличивающегося с ростом расстояния от среза фокусирующего сопла до поверхности образца. Установлено, что применение данного метода может быть целесообразно с практической точки зрения для оперативного выбора рациональных режимов гидрообработки, в особенности когда осуществляется переход на резание новых материалов. Показана необходимость дальнейших исследований по уточнению влияния спреа ультразвука на мощность акустического излучения в целях повышения точности определения оптимальных режимов ультразвуковой обработки. Утверждается, что аналогичные результаты могут быть получены при решении вопросов оптимизации гидроабразивной резки материалов.

Ключевые слова: ультразвуковая обработка, гидрорезание, технологические режимы, акустическое излучение.

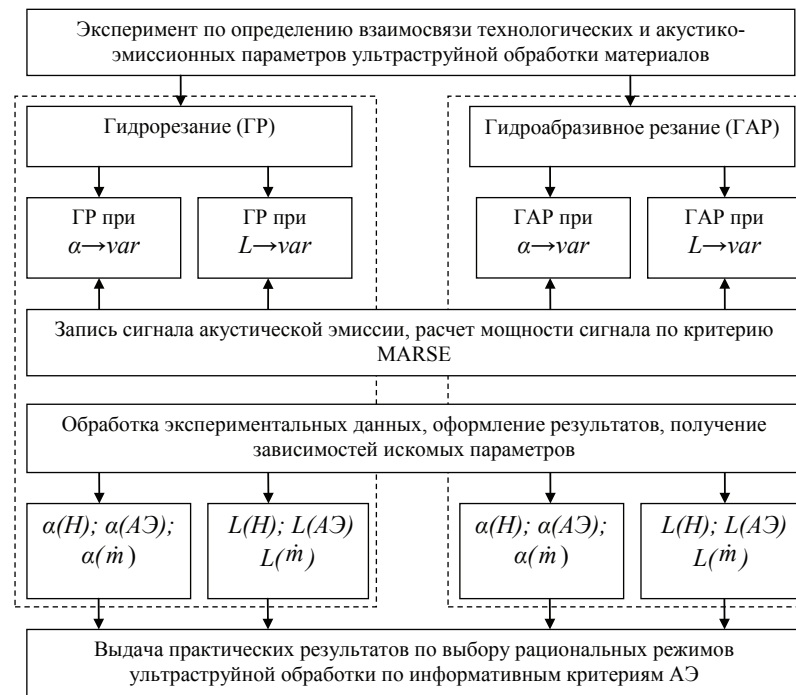
Ультразвуковая технология имеет заметное число варьируемых технологических параметров, причем как очевидных, так и латентных. К параметрам ультразвуковой обработки материалов и жидкостей относятся: скорость подачи гидро-, гидроабразивной струи (S , мм/с); твердость обрабатываемого материала (HRC); толщина обрабатываемого материала (h , мм); шероховатость поверхности (Rz , мкм); температура ультразвука (T , °C); глубина гидрокаверны (H , мм); расход абразива (c , г/мин); унос массы материала вследствие эрозии (Δm , мг); величина валика пластического оттеснения материала (b , мкм); давление жидкости, создаваемое насосом высокого давления (P , МПа); АЭ – акустическая эмиссия; газонасыщение струи жидкости / суспензии (G , отн.ед.).

Многие из перечисленных параметров являются малоизученными, в особенности их взаимного влияния и взаимосвязи. Опираясь на многолетний опыт освоения ультразвуковых технологий и системный анализ результатов исследований [3; 4; 6–8], мы получили свои качественно-количественные результаты числа взаимосвязей для параметров гидроабразив-

ной обработки материалов и жидкостей. Определено, что в настоящее время установлено только около 40% возможных взаимосвязей параметров. Также отмечается недостаточная изученность их влияния на уровень акустического излучения.

Наряду с расходом абразива и варьированием давления в гидросистеме, для которых во многом уже решены вопросы выбора рациональных режимов, в частности по критерию обеспечения максимальной производительности и минимальной себестоимости реза [9], существует группа других оптимизируемых параметров, имеющих важное значение для обеспечения повышения эффективности ультразвуковой обработки. В [2; 5] показано, что изменение угла взаимодействия ультразвука и поверхности образца α , а также варьирование расстояния от среза фокусирующего сопла до него L позволяет повысить производительность резания. Вместе с тем в настоящее время отсутствуют необходимые для реализации этих идей методики выбора данных параметров.

В контексте решаемой задачи по разработке экспресс-метода определения рациональных режимов ультразвуковой обработки материалов опыт-

Рис. 1. Этапы проведения экспериментов по определению взаимосвязи технологических и акустико-эмиссионных параметров ультразвуковой обработки материалов

ным путем установим связь между отдельными технологическими и акустико-эмиссионными параметрами. Основные этапы эксперимента приведены на рис. 1.

К ультразвуковой обработке относится гидро- и гидроабразивное резание. В обстановке масштабности исследований, из двух обозначенных способов далее более подробно остановимся на изучении гидрорезания.

Эксперимент проводился на установке FLOW (США) в Центре гидрофизических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова. Были выбраны следующие параметры технологических режимов:

- давление рабочей жидкости, $P = 410$ МПа;
- скорость подачи сопловой головки, $S = 2$ мм/с.

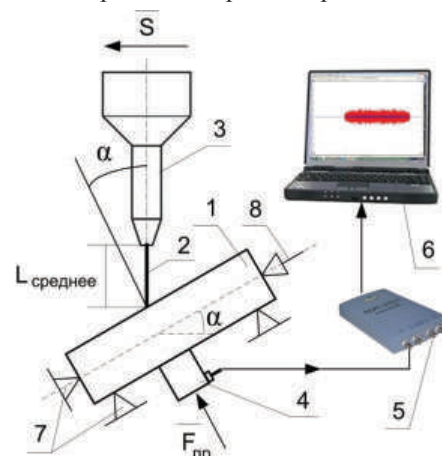
В качестве материала мишени выступал алюминиевый сплав Д16Т, выбранный по причине невысоких физико-механических характеристик и хорошей обрабатываемости.

Вопрос варьирования расстояния от среза фокусирующего сопла до поверхности образца легко решаем за счет технических возможностей используемого оборудования. Для рассматриваемого случая применима разработанная в [1] схема проведения эксперимента. Для обеспечения изменения угла взаимодействия ультразвуки и поверхности преграды образец закреплялся в специальных поворотных синусных лекальных тисках, что показано на рис. 2. Показания акустической эмиссии снимались с помощью осциллографа АКИП с широкополосным акустическим датчиком (частотный диапазон 1–500 КГц). Мощность сигнала оценивалась по критерию MARSE (*Measured Area of the Rectified Signal Envelope* – измеренная площадь под

огнивающей сигнала). Измерение проводилось на центральном участке гидрокаверны.

В первой части экспериментов проводилась ультразвуковая обработка поверхности образцов при углах взаимодействия от -60° до $+60^\circ$ (рис. 3а). Для каждого случая измерялась глубина образовавшихся гидрокаверн и акустическая эмиссия, рассчитывался параметр MARSE. После этого данные заносились в таблицу и по ним строились экспериментальные зависимости.

В результате ультразвукового воздействия жидкости на поверхности образца образовались гидро-

Рис. 2. Схема экспериментальной установки.

- 1 – исследуемый образец; 2 – высокоскоростная струя жидкости; 3 – струйная головка; 4 – датчик АЭ; 5 – осциллограф; 6 – компьютер; 7 – опоры; 8 – прижим; S – подача режущей головки; $L_{\text{среднее}}$ – расстояние, принимаемое за неизменное; α – угол наклона образца; $F_{\text{пр}}$ – усилие прижима датчика АЭ к образцу

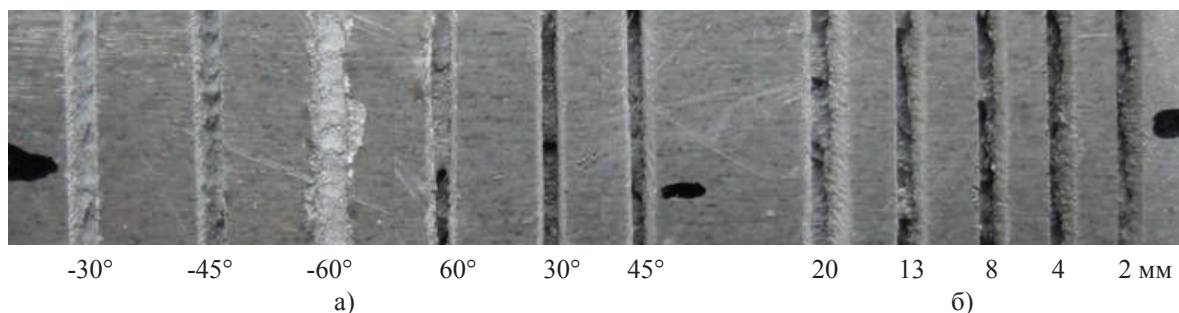

Рис. 3. Участки гидрокаверн в центральной части образцов, полученные на различных режимах обработки (а – при различном угле α ; б – при различном расстоянии до поверхности образца)

каверны различной глубины и ширины (рис. 3). Из схемы эксперимента видно, что, кроме угла взаимодействия α , также изменяется и расстояние L , и для измерений глубины гидрокаверны было установлено фиксированное значение $L_{\text{среднее}}$, равное 12 мм. С целью исключения влияния краевых эффектов, связанных с неустановившимся режимом работы гидрооборудования, измерения производились на центральной части образца.

Глубины гидрокаверн H измерялись при помощи металлографического микроскопа МИМ-1600Б, макро- и микрометрические винты которого обладают шкалами, отображающими изменение расстояния. Учитывая наличие шероховатости поверхности на дне гидрокаверны, измерения глубины проводились по 10 точкам с последующим расчетом их среднего значения.

Во второй части эксперимента проводилась ультразвуковая обработка поверхности образцов для расстояний от среза фокусирующего сопла до поверхности образца в диапазоне от 2 до 20 мм (рис. 3б). Аналогичным образом были измерены глубины образовавшихся гидрокаверн и значения акустической эмиссии.

Получив в результате эксперимента значения глубин гидрокаверн, нами была рассчитана производительность обработки $\dot{m}$ (мм/с) для обозначенных случаев. Для оценки геометрических характеристик площади сечения гидрокаверн образцы были разрезаны перпендикулярно рассматриваемым трассам (рис. 3).

Из полученных данных для гидрорезания при переменном угле α следует, что в целом мощность АЭ отражает характер изменения производительности гидрорезания как для отрицательных, так и для положительных углов взаимодействия ультразвука с поверхностью материала (рис. 4). С практической точки зрения по максимальному значению мощности АЭ можно говорить о рациональном режиме обработки по критерию максимальной производительности. Однако в данном случае было отмечено увеличение ширины гидрокаверны вблизи поверхности, что связано с увеличением площади ультразвука и ее спреобразованием. Такое поведение отражено перегибом графиков $\alpha(h)$ и $\alpha(\dot{m})$. Следовательно, если технологическая задача требует обеспечения высокого качества реза, следует по данным АЭ-анализа провести дополнительные эксперименты на углах, близ-

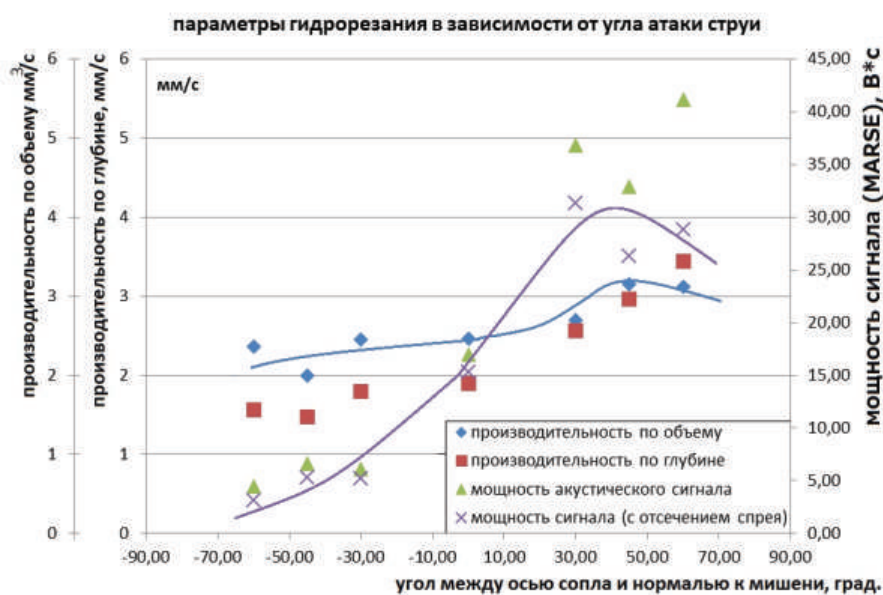

Рис. 4. График изменения параметров гидрорезания в зависимости от угла между осью фокусирующего сопла и нормалью к мишени

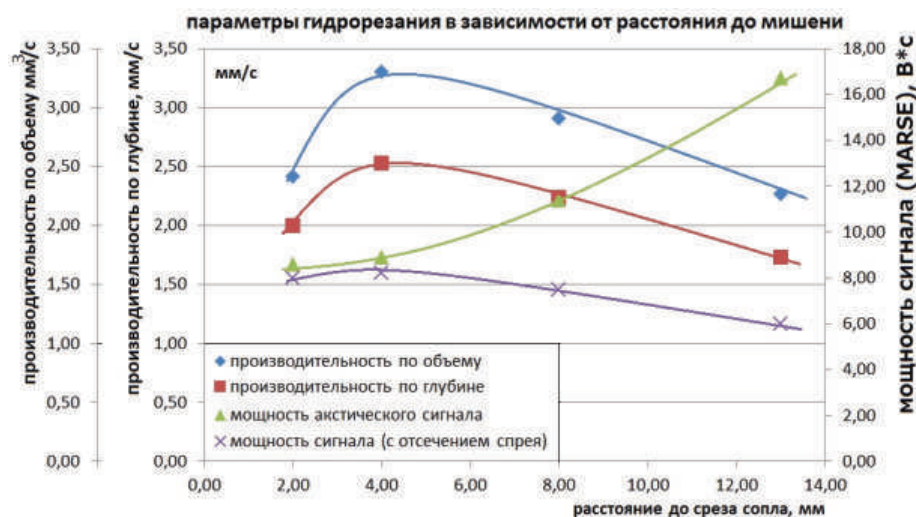

Рис. 5. График изменения параметров гидрорезания в зависимости от расстояния между фокусирующим соплом и обрабатываемым материалом

ких к рациональным. Это также позволит сократить безвозвратный унос материала и повысит экономическую эффективность обработки.

Из рис. 5 видно, что для различного расстояния L изменение значения мощности сигнала $AЭ$ имеет два характерных участка. Первый характеризуется пропорциональным увеличением мощности в диапазоне варьируемого расстояния L от 2 до 4 мм. Это объясняется ростом производительности в связи с минимизацией тормозного обратного действия ультразвука, характерного для малых расстояний L . Второй участок отличается разнонаправленностью производительности гидрорезания и изменением мощности $AЭ$. В данном случае рост $AЭ$ связан с интенсивным спреобразованием ультразвука и заметным увеличением пятна контакта. Следует отметить, что влияние спрея на акустическую картину в зоне взаимодействия ультразвука и преграды можно оценить путем проведения дополнительного эксперимента с отсечением юбки спрея на участке выхода ультразвука из сопла.

Учитывая, что оптимальное значение расстояния L лежит в довольно узких границах и зависит от обрабатываемого материала в незначительной степени, нами предлагается значение, равное 4 мм, принять за эталон. Причем это наше предложение хорошо согласуется с экспериментальными данными других исследователей [2 и др.] и рекомендациями производителей гидроабразивного оборудования.

Примечание

¹ Работа выполнялась в соответствии с грантом РФФИ № 12-08-33022 мол_а_вед «Разработка теоретических основ гибридной диагностики материалов и технологических покрытий».

Библиографический список

1. Абашиин М.И. Ускоренное определение параметров качества поверхностного слоя материала

изделий по результатам воздействия на него сверхзвуковой струи жидкости: автореф. ... дис. канд. техн. наук. – М., 2013. – 17 с.

2. Авакян В.А., Агасарян Р.Р., Дохинян Р.Т. Технологии и конструкции станков для струйно-абразивной обработки: метод. рекомендации НПСО «Армстанок». – М.: ВНИИТЭМР, 1990. – 40 с.

3. Барзов А.А., Галиновский А.Л., Пузаков В.С. Ультразвуковые технологии жидкостей и суспензий. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. – 250 с.

4. Барсуков Г.В., Алюшин Е.Г., Шоркин В.С. Совершенствование технологии гидроабразивного резания на основе направленных вибраций материала // Научные технологии в машиностроении. – М., 2012. – № 5. – С. 3–6.

5. Галиновский А.Л., Сальников С.К. Анализ влияния и оптимизации кинематического фактора на повышение эффективности ультразвуковой обработки // Проблемы качества машин и их конкурентоспособности: материалы 6-й международной научно-технической конференции. – Брянск: БГТУ, 2008. – С. 285–286.

6. Гидроабразивное резание горных пород / В.А. Бреннер, А.Б. Жабин, А.Е. Пушкарев, М.М. Щеголевский. – М.: Изд-во Московского государственного горного университета, 2003. – 279 с.

7. Ерухимович Ю.Э. Математическое моделирование и совершенствование метода расчета эффективности процесса резания горных пород гидроабразивным инструментом: автореф. ... дис. канд. техн. наук. – Тула, 1999. – 16 с.

8. Степанов Ю.С., Барсуков Г.В., Алюшин Е.Г. Современные технологии гидро- и гидроабразивной обработки заготовок // Научные технологии в машиностроении. – М., 2012. – № 6 – С. 15–20.

9. Тарасов В.А., Галиновский А.Л., Елфимов В.М. Эрозионное изнашивание обрабатываемой поверхности при циклическом нагружении потоком абразивных частиц // Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. – 2008. – Спец. вып. – С. 163–174.

Панкратова Ольга Борисовна

кандидат исторических наук
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
godunova_olga@mail.ru

Турыгин Александр Александрович

кандидат исторических наук
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
aturigin@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

В статье идет речь о содержании и специфике модернизационного подхода к изучению исторической действительности. Анализируются сущность модернизации, а также основные подходы, раскрывающие ее характер и внешние проявления при исследовании разных сфер общественной жизни: экономики, политики, социальной структуры и культуры. Акцент поставлен на традиции и наследии отечественных историков и философов в изучении модернизации. В статье проанализированы основные вехи дискуссий на эту тему в отечественной историографии. Кроме того, сделана попытка проанализировать опыт изучения модернизации в контексте подходов, развиваемых западными гуманитарными науками. Рассматриваются идеи западных философов Макса Вебера и Карла Маркса, а также анализируются попытки ревизии их взглядов в современной науке. Акцент поставлен на дискуссиях вокруг проблем теории модернизации именно на современном этапе. Хотя большинство историков сходятся во мнении, что модернизация общества – это процесс, который по-прежнему продолжается, сама теория модернизации подвергалась неоднократной критике. Особенно сильна критика модернизации постструктуралистами и представителями постмодернистской философии. Они отвергают саму идею «прогресса», или идею поступательного развития, лежащую в основе модернизации. Критике за излишний структурный редукционизм и нарратив подвергается не только общая теория модернизационного развития, но и ее частные проявления – теории модернизации. В статье речь идет также о компромиссах в интерпретации модернизации, которых удалось достичь в отечественной историографии, как и в современном (специфическом) ее рассмотрении в западной гуманитарной науке.

Ключевые слова: модернизация, теории модернизации, история, эволюционизм, историческое исследование.

Актуальность исторического изучения проблемы «модернизации» характеризовала, прежде всего, состояние западной гуманитарной науки в середине XX века и была связана с необходимостью осмысления опыта революций, диктатур, войн, характеризовавших первую половину минувшего столетия, а также с поиском новых ориентиров и прогнозов развития общества. Обращение к теории «модернизации» связывалось с попыткой осознать негативный опыт и кризисы развития западного общества в новых, изменившихся после Второй мировой войны условиях, а также с прогнозами его будущего развития. Поскольку политических интерпретаций для объяснения тенденций общественного развития было явно недостаточно, требовался целостный подход, учитывающий изменения в других, неполитических сферах: экономической, социальной, культурной, правовой и т.д.

Наиболее остро проблема выработки новой, эксплицитной теории общественного развития коснулась историографии, для которой 1960-е – 1970-е гг. стали, по словам авторитетного специалиста в области теории и методологии истории Й. Рюзена, временем смены парадигм, или «дисциплинарной матрицы» [59, s. 3].

Историки, долгое время концентрировавшиеся на политической истории, идее государства, переходящей в культ последнего, примате внешней

политики над внутренней, политики над экономической, признании решающей роли идей в истории и отрицании каких-либо закономерностей исторического развития, выглядели «классическими апологетами» традиционализма, оказавшись неспособными делать прогнозы. Они отказывались признавать необходимость какой бы то ни было преемственности в истории, полагаясь на формулу Л. фон Ранке – «писать историю так, как это собственно было» (*«wie es eigentlich gewesen»*), делая объектами своего преимущественного интереса события из Античности и Средневековья.

Мотив к разработке целостной исторической концепции дала набиравшая силу социальная история, возникшая в качестве целостного направления исторических исследований в середине прошлого века во Франции, Великобритании, США и Западной Германии. В этих странах возникли школы социальной истории, ориентированные на модернизационный подход к ее изучению (У. Ростоу, Ш. Эйзенштадт, Г. Беккер, Т. Парсонс и др.). В российской и западной историографии имеется большое количество работ по изучению их идей. Целое поколение социальных историков отказалось следовать «примату политического», оставаясь убежденным в том, что политика представляет лишь сферу социального, общественного и может быть осознана только в комплексе каузальных связей (Э. Хобсбаум, Ф. Бродель, Г.-У. Велер, Б. Кокка и др.).

Методологическую основу подобным рассуждениям дала рецепция наследия М. Вебера и «раннего К. Маркса». Влияние М. Вебера ощущалось гораздо сильнее. В его концепции основным критерием исторического движения общества являлась его постепенная рационализация во всех сферах и областях (экономике, политике, культуре, социальной структуре). В идеях «раннего Маркса» (1840-е гг. XIX в.) интерес стала представлять та, которая связывала общественное бытие с сознанием человека и его действиями, с определяющим влиянием первого и тем, что сам человек не является творцом истории, а действует в определенных условиях.

Первые попытки систематизировать учение М. Вебера делались еще в первую половину XX в. Так, ученик М. Вебера немецкий историк О. Хинце доказал, что средневековый «феод» в равной степени можно понимать не только как инструмент господства, но и как экономическую или культурную единицу [55].

Пример Хинце демонстрирует возможность целостного подхода к интерпретации исторического явления, но не дает представления о последовательности и движении, что представляется необходимым, если следовать замыслу модернизации. Необходимость обобщений, свойственная социальным историкам второй половины прошлого века, требовала теории, с помощью которой можно было связать исторические явления, прослеживая их преемственность, чтобы на этом основании обозначить контуры современного общества и определить перспективы его развития.

Особенностью становления социальной истории на протяжении второй половины XX в. стала ее зависимость от социальной теории и связанных с ней методов исследования социальных отношений [13, с. 164]. Эта особенность подчеркивала необходимость связи истории с социологией. Ее интересы первоначально не ограничивались современностью, а включали также исследования истории и развития общества. При этом социология, в отличие от исторических наук XIX в., притязала на разработку четких теорий общественного развития. Первые социологи (Спенсер, Конт, Морган и др.) начертали схемы эволюции и разработали социальные теории стадий (например, трех стадий развития общества – «дикости», «варварства», «цивилизации»), оказав влияние и на историков. С другой стороны, теоретические обобщения ранней социологии, как эволюционистские, так и зачастую недостаточно обоснованные эмпирические, вызывали критику со стороны ученых-историков, которые считали недостижимой цель разработки общей теории. Базируясь на своем филологическом методе, они неоднократно подчеркивали идею «неповторимости» исторических явлений.

Социальные историки придерживались мнения, что окружающая действительность многомер-

на и многообразна, поэтому необходимо не только отказаться от однолинейных интерпретаций такой действительности, но и признать существование различных путей её осмысления и понимания [60, s. 7].

Так, в русле теории Вебера, процесс осмысления действительности понимался во взаимосвязи с возможными путями ее рационализации в рамках определенного действия. Пути рационализации зависели от тех его областей и сфер действительности, в которых она, собственно, происходила. К ним относились экономика, политическое господство, социальная структура и культура. Это совпадало с взглядами известного философа Юргена Хабермаса, относившего к таким областям работу, господство и язык [60, s. 7].

Исходя из идеи Вебера о двойном строении действительности, – объективно существующего «огромного, хаотического потока случайностей, который, благодаря потоку времени течёт дальше» [56, s. 17], и определенным образом структурированного мира, создаваемого учёным в процессе его осмысления, – предмет познания гуманитарных наук «возникал и мог быть структурирован в определенной плоскости» [56, s. 17]. Так историки пришли к выводу, что «человеческое знание в гуманитарных науках является частичным знанием», которое может быть адекватно и наилучшим образом интерпретировано в рамках отдельной науки – экономики, социологии, политологии и др. Именно в контексте частных гуманитарных наук позже возникнут отдельные «теории модернизации».

Перспектива использования в исследованиях разнообразных теорий, взятых из гуманитарных наук, аргументировалась историками в связи с важностью исторического сравнения. Если отдельная теория содержит определенную модель интерпретации в одной или сразу нескольких областях исторической действительности, то она не может предоставить знание сразу обо всей действительности. Любая теория должна сравниваться с другими, аналогично ориентированными теориями. Это было необходимо, так как интерпретация модели действительности посредством «её собственных понятий и категорий», как в случае с теорией экономических формаций, не могла быть достаточно результативной.

Структурный подход позволял видеть связи между историческими фактами, событиями и явлениями, объясняя причины и перспективы развития современного западного общества, зачатки которого были обнаружены в эпоху раннего нового времени. Однако рамками комплексной теории модернизации было сложно охватить отдельные сферы жизни общества, интерпретация которых требовала специальной подготовки и профессиональной компетентности.

Для интерпретации поступательного развития общества были взяты отдельные теории, которые получили название «теорий модернизации». Отдельная теория содержит определенную модель интерпретации в одной или сразу нескольких областях исторической действительности, но она не может предоставить знание сразу обо всей действительности. Отдельно взятая теория обладает потенциалом интерпретировать определенный объект, сферу действительности посредством «её собственных понятий и категорий» [57, s. 18].

Подчеркивая преимущества применения теорий в историческом исследовании, можно указать на два способа действия профессионального историка с историческим материалом: «Можно наглядно описать индустриализацию (дымовые трубы, возвращение вспотевших рабочих, холодные и расчетливые предприниматели), но, при помощи теоретического инструментария, как, например, поток капитала, чистые инвестиции, ценные бумаги и т.д., можно сделать это описание более точным» [61, s. 215].

Можно предположить, что увеличение теоретического инструментария (элементы теории), как, например, в случае с теорией индустриализации, позволяет понять историческое явление с еще большей точностью. Как замечает по этому поводу Ю. Кокка, важно было проанализировать процесс индустриализации, а не описывать возникновение предприятий, дымовые трубы и т.д. [58].

Предложения западных социальных историков в рамках требования «больше теорий» можно свести: к необходимости разработки и использования теорий в отдельных сферах действительности, а не теорий, охватывающих всю действительность сразу; повышению эффективности теорий посредством их эмпирической проверки (верификации), важности междисциплинарной интеграции.

Совершенно очевидно, что понятие «модернизация» является междисциплинарным. С начала 1990-х гг. оно уже активно используется в отечественной историографии – для объяснения проблем развития российского общества в посткоммунистическую эпоху. Императивом его применения является потребность в освобождении от моноидеологических стереотипов в условиях поиска новых подходов к интерпретации иной, некоммунистической действительности [1; 2; 6; 10; 12; 15; 19–21; 24; 25; 29–34; 37; 39; 40; 42; 43; 45; 46; 49; 53].

Если в 1990-е гг. в западной историографии уже наблюдается отход от любых нарративных методик в сторону постмодернистских, то в российской гуманитарной науке начинаются дискуссии об общих проблемах модернизации. Первая такая попытка была сделана на «круглом столе» в форуме журнала «Вопросы философии» [45]. Ее результатом стало «многоцветье» и обилие мнений, а самое главное – понимание междисциплинарности и противоречивости применения этого термина.

Первые серьезные, строго научные попытки анализа «модернизации», как междисциплинарного термина, сделаны в диссертациях 1990-х гг. О.В. Кишенковой [18], С.М. Поздяевой [41], В.Н. Зосимчука [14], Л.А. Беляевой [5], Г.Н. Ланского [23]. В них ученые рассуждают об интеграции в гуманитарное исследование модернизационной теории, пытаются структурировать действительность в плоскости новой парадигмы, в том числе и российского общества, используя конкретные исторические факты (в связи с применением идей модернизации идет рассуждение о социальной идентичности как ключевом звене трансформации любого общества, об уровнях, сферах, типах, путях и специфике модернизации). Вопросы модернизации поднимаются и в последующих диссертациях историков, социологов, политологов, философов [38; 47; 48].

В работах российских ученых (А.С. Ахиезер, Б.С. Ерасов, А.И. Кравченко, Н.И. Лапин, В.Г. Хорос и др.) [1–4; 10; 11; 19; 26–28; 53; 54] к изучению проблем модернизационного процесса в разных странах применяется стадийный подход. К стадиям (фазам) относят раннеиндустриальный, позднеиндустриальный и постиндустриальный периоды в развитии общества, где критерием является уровень индустриализации. Страны, в которых была проведена индустриализация, по мнению исследователей, завершили первую стадию (фазу) модернизации.

Другой вариант подобного подхода к исследованию проблем модернизации предлагает следующие фазы: «традиционную – переходную – современную». Модернизация здесь понимается как трансформация традиционного общества в современное, которое существует длительный период как общество промежуточного (переходного) типа [1; 19; 28; 53].

По мнению А.С. Ахiezера, модернизация – это явление цивилизационного масштаба, так как она является переходом от «традиционной цивилизации к либеральной», от человеческого коллектива, работавшего на постоянное и статичное воспроизводство, к обществу с саморазвивающейся личностью [45, с. 4].

Историк В.Г. Хорос, специалист по методологии исторического познания и истории общественной мысли, определяет модернизацию как переход от традиционного общества к современному, от аграрного – к индустриальному [45, с. 12].

Социолог А.И. Кравченко соглашается с таким объяснением сути модернизации, считая ее процессом перехода доиндустриальных обществ к индустриальным через медленные и продуманные реформы [19, с. 92]. Главным результатом модернизации, по мнению социолога, является изменение общества в смысле образа жизни во всех сферах.

Философ Б.С. Ерасов отмечает, что модернизацией можно считать движение обществ доиндустриальных, традиционных, к тем экономическим и политическим социальным системам, а также массовой культуре, которые характерны для развитых капиталистических стран [12, с. 458]. При этом тип социальности при смене одного типа общества другим глубоко меняется, но страна, переживающая модернизацию, не может стать копией развитых капиталистических стран, так как эти общества также продолжают развиваться, а поэтому достичь их уровня невозможно.

Отечественные исследователи, работающие в стадильной парадигме, выделяют также различные модели модернизации. Самым известным подходом в этом смысле в российских гуманитарных науках является представление моделей модернизации как неких эшелонов развития – первом, втором, третьем (Хорос). В трактовке западных ученых, это «первый», «второй» и «третий мир». Запад, по мнению В.Г. Хороса, является инициатором [45, с. 13].

С точки зрения социолога А.И. Кравченко, модель модернизации может определяться как органическая и неорганическая: если всё предшествующее развитие страны подводит ее общество к модернизации и обновление становится очередным шагом развития – такие изменения необходимо определить как органическую цивилизацию. Скорее всего, такого рода модернизация будет начинаться с изменения сознания, общественного разума, новых проявлений культуры, а не с экономических показателей. По логике рассуждения ученого, неорганическая модернизация, конечно, будет инициирована или объективными условиями или политическим руководством для решения конкретных задач [19, с. 92].

Понятно, что органическая модернизация происходит «снизу» и органично, а несвойственная, «чужая», вводимая чьей-то рукой «сверху» модернизация таковой остается и по сути. Поэтому, при такой модернизации, «модернити» не успевают проникнуть в общественное сознание и поэтому не получают социальной поддержки. Лишь наиболее подготовленная часть общества принимает такие изменения. Такая точка зрения предполагает, что есть общества, готовые к органической модернизации, и есть такие, которые по традиции и по природе своей запрограммированно подчинены «догоняющему» развитию.

С.Я. Матвеева вводит понятия естественной и искусственной модернизации, которые, на наш взгляд, очень похожи на понятия органической и неорганической модернизации. Искусственный характер преобразований в России сопровождает почти всю ее историю, которая подтверждает вывод о том, что насильственно вводимые «модернити» оборачиваются негативными последствиями и для

России, и для других стран – извращением традиций и нарушением эволюции развития [22, с. 45].

Существующим до сегодняшнего времени подходом к рассмотрению модернизационных проявлений является цивилизационный. В этой парадигме работали и работают А.А. Кара-Мурза, А.С. Панарин, В.Г. Федотова, Л.В. Поляков, Л.С. Васильев и др. [6; 7; 16; 17; 35; 36; 42–44; 49–52]. У этих исследователей модернизация анализируется в цивилизационном аспекте: Запад – Восток.

Ученый А.А. Кара-Мурза подходит к пониманию проблемы модернизации с философской точки зрения. Каким быть «русскому обществу»: традиционным или современным, восточным или западным? Исследователь задает этот вопрос еще более конкретно – «быть или не быть» России? [45, с. 20]. Модернизация, по его мнению, является путем потери собственной идентичности и погружения в «ничто», что характерно для большинства стран, вынужденных приноравливаться к цивилизационному вызову исторического авангарда.

Интересным является тот факт, что многие из представленных современных мнений и точек зрения не являются абсолютно новыми. Первые концептуальные попытки систематизировать соотношение уровней и этапов развития России в соответствии с западным и восточным миром делались еще в XIX в. «западниками» и «славянофилами», Н.Я. Данилевским (посл. четверть XIX в.), «евразийцами» (20-е годы XX века). Идея о привычности понимания Запада и Востока как двух полюсов принадлежит Н.Я. Данилевскому (Запад, Европа составляют полюс прогресса, неустанного совершенствования, непрерывного движения вперед; Восток, Азия – полюс застоя и косности, столь ненавистные современному человеку, желающему присоединиться к прогрессивному) [9, с. 59]. Поэтому и Россия должна была обращаться к Западу, к цивилизации, как считали в то время многие. «Конечно, можно попытаться “войти в круг цивилизованных народов”, то есть чужой суперэтнос. Но, к сожалению, ничто не дается даром. Надо осознавать, что ценой присоединения в любом случае будет полный отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция» [8, с. 256].

Исследователи не только определяют сущность понятия модернизации, но и рассуждают о способах ее описания и изучения.

Культуролог Л.С. Васильев считает, что «модернизация» является практическим синонимом понятия «революция» [45, с. 22]. Согласно этой точке зрения, модернизация рассматривается как качественный скачок в развитии производительных сил. Конечно, отличия традиционного и современного обществ существенны, но с трактовкой модернизации как революции вряд ли можно согласиться, так как этот процесс скорее является накопительным и эволюционным.

Исследователь В.Г. Федотова выделяет западную цивилизацию как некий образец – модель для других стран, что не является новой идеей в изучении модернизации, а для А.А. Кара-Мурзы в цивилизационном подходе речь идет скорее о мировом процессе модернизации, который становится созданной конструкцией для перехода к «индивидуально-собственнической модели развития» – западной и в, конечном итоге, к смещению всех цивилизационных «лучей» к этому полюсу [45, с. 20]. Социолог В.А. Ядов, признавая единство общецивилизационного процесса и не отрицая особенностей восточной и западной культуры, убежден, что российская модернизация не может изучаться вне общемирового процесса [45, с. 38].

Таким образом, развитие модернизационных идей в России происходит в основном вокруг соотношения процессов социокультурной модернизации (академик РАН Н.И. Лапин заключение коллективной монографии называет: «Из кризиса – к социокультурной реформации?») [22, с. 236] и цивилизационной специфики России как общества и как государства (А.А. Кара-Мурза назвал свою статью: «Общее и особенное в цивилизационно-формационном развитии человечества (проблемы методологии)» [16, с. 176]. Эти идеи демонстрируют взаимосвязь и взаимопроникновение идей русских мыслителей XIX века и западной теории модернизации.

Культуролог Б.С. Ерасов, стремясь сделать некоторые обобщения, определяет противоречия модернизации, считая, что они основываются на «наложении» друг на друга абсолютно разных или частично разных социокультурных систем. Это проявляется в «тройном» противостоянии, которое проявляется в разных степенях, но постоянно: противоречие традиции и современности; противоречие между новым привносимыми социокультурными и политическими явлениями и собственной исторической памятью; противоречие между желанием перемен, без которых невозможно современное международное состояние, и стабильностью уклада жизни [10, с. 462–463]. Таким образом, по-видимому, модернизацией можно называть сложную систему политических, экономических, культурных, социальных изменений, происходящих в обществах различного типа, по пути развития от традиции к осовремениванию. Очень важно разобратся в уровнях этих изменений.

Во-первых, модернизацию можно считать комплексным процессом, так как почти всегда она пронизывает все стороны жизни общества – социальную, культурную, правовую, экономическую, – это макроуровень. Эти изменения взаимообуславливают друг друга, поэтому если между ними проявляются противоречия, то модернизация оказывается ограниченной, неполной.

Во-вторых, модернизация формирует изменение положения и престижа различных социальных

пластов общества, различного отношения этих групп (общностей, слоев) к изменениям – это мезоуровень.

В-третьих, модернизация – это организация, становление и развитие новой личности в смысле возможностей проявления ее свободы, удовлетворения ее потребностей, восприятие ею модернизационных процессов, – это микроуровень.

Таким образом, модернизационная концепция стала одной из наиболее востребованных в настоящее время научных теорий, так как является многосторонним и многовариантным способом изучения обществ, в которых взаимодействуют внутренние и внешние факторы. Теория модернизации снимает преобладание политической или экономической основы изучения истории, при этом оставляя комплексность в изучении, связывая исторические явления, прослеживая их преемственность, определяя перспективы развития. Применение данной концепции позволяет «структурировать» «хаос случайностей», что собственно и является предметом познания гуманитарных наук.

Библиографический список

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: в 3 т. – М.: Филос. общ-во, 1991. – Т. 1. – 318 с.; Т. 2. – 378 с.; Т. 3. – 470 с.
2. Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. – М.: МГУ, 1996. – 400 с.
3. Ахиезер А.С. Между циклами мышления и циклами истории // Общественные науки и современность. – 2002. – № 3. – С. 122–132.
4. Ахиезер А.С. Миграция в российской истории // Полития. – 2004. – № 4. – С. 69–76.
5. Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века: дис. ... д-ра социол. наук / Институт философии. – М., 1997 – 242 с.
6. Васильев Л.С. Генеральные очертания исторического процесса. Ч. 8. Триумф Запада и вестернизация Востока в XIX в. // Философия и общество. – 1998. – № 3. – С. 113–134.
7. Васильев Л.С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути цивилизации. – М.: Логос, 2000. – С. 96–114.
8. Гумилев Л.Н. От Руси до России. – СПб.: ЮНА, 1992. – 272 с.
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 576 с.
10. Ерасов Б.С. Социальная культурология: изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 591 с.
11. Ерасов Б.С. Цивилизационное устройство общества: универсалии и самобытность. – М.: ИФРАН, 2013. – 210 с.
12. Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. – СПб.: Нестор, 1998. – 167 с.

13. *Зидер Р.* Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // *Thesis*. – 1993. – Вып. 1. – С. 32.
14. *Зосимчук В.Н.* С.Ю. Витте и модернизация России, 1892–1903: дис. ... канд. ист. наук / Ярославский государственный университет. – Ярославль, 1998. – 295 с.
15. *Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С.* Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. – М.: МГУ, 1996. – 400 с.
16. *Кара-Мурза А.А.* Общее и особенное в цивилизационно-формационном развитии человечества (проблемы методологии) // *Цивилизация: теория, история и современность* / отв. ред. Л.И. Новикова. – М.: ИФ АН СССР, 1989. – 176 с.
17. *Кара-Мурза А.А.* Кризисы национальной идентичности в истории России // *Проблемы российского самосознания: эволюционное становление и революционные ломки: материалы III Всерос. конф., 22–24 мая 2008 г., Москва – Пенза*. – М., 2009. – С. 10–14.
18. *Кишенкова О.В.* Концепции общественной модернизации в политической доктрине российской консервативной мысли XIX – нач. XX в.: дис. ... канд. полит. наук / Российская академия гос. службы при Президенте РФ. – М., 1996. – 192 с.
19. *Кравченко А.И.* Социология. Словарь: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Изд. центр Академия, 1997. – 240 с.
20. *Красильщиков В.А.* Вдогонку за прошедшим веком (развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций). – М.: РОССПЭН, 1998. – 262 с.
21. *Красильщиков В.А.* Модернизация и Россия на пороге XXI века // *Вопросы философии*. – 1993. – № 7. – С. 40–56.
22. *Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях* / отв. ред. Н.И. Лапин. – М.: ИФ РАН, 1994. – С. 45.
23. *Ланской Г.Н.* Социально-политическое развитие России в конце XIX – нач. XX вв. в английской и американской историографии кон. 60 – нач. 90-х гг.: дис. ... канд. ист. наук / Российский государственный гуманитарный университет. – М., 1998. – 168 с.
24. *Лапин С.И.* Проблема социокультурной реформации в России: тенденции и препятствия // *Вопросы философии*. – 1996. – № 5. – С. 21–31.
25. *Лапин С.И.* Модернизация базовых ценностей россиян // *Социологические исследования*. – 1996. – № 5. – С. 3–19.
26. *Лапин Н.И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // *Социологические исследования*. – 2011. – № 9. – С. 3.
27. *Лапин Н.И.* Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // *Социологические исследования*. – 2012. – № 9. – С. 4.
28. *Лапин Н.И.* Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов // *Социологические исследования*. – 2014. – № 7. – С. 8–19.
29. *Милецкий В.П.* Российская модернизация. Предпосылки и перспективы эволюции социального государства. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1997. – 128 с.
30. *Модернизация: зарубежный опыт и Россия*. – М.: Агентство Информат, 1994. – 115 с.
31. *Модернизация в России и конфликт ценностей* / отв. ред. С.Я. Матвеева. – М.: ИФ РАН, 1994. – 250 с.
32. *Модернизация и национальная культура: материалы теоретического семинара*. – М.: Изд-во Апрель-85, 1995. – 127 с.
33. *Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений*. – Екатеринбург: Академкнига, 2000. – 444 с.
34. *Ольшанский Д.В., Харитонова О.Г.* Перестройка как неудавшаяся попытка политической модернизации // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки*. – 1995. – № 6. – С. 28–36.
35. *Панарин А.С.* «Вторая Европа» или «третий Рим» (парадоксы европеизма в современной России) // *Вопросы философии*. – 1996. – № 10. – С. 19–31.
36. *Панарин А.С.* Политология. Западная и восточная традиции: учеб. для вузов. – М.: Книжный Дом «Университет», 2000. – 320 с.
37. *Панкратов С.А.* Модернизация как исторический феномен. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. – 64 с.
38. *Панкратов С.А.* Политическая модернизация России в контексте устойчивого развития: дис. ... д-ра полит. наук / Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2006. – 395 с.
39. *Пантин И.К., Плимак Е.Г.* Россия XVIII–XX вв. Тип «запоздавшего» исторического развития // *Коммунист*. – 1991. – № 11. – С. 54–68.
40. *Поздеева С.М.* Эволюционистский подход и теория модернизации // *Типы философствования: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Духовность и культура философствования на рубеже XX–XXI вв.»* – Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та, 1998. – С. 19–22.
41. *Поздеева С.М.* Модернизация России: социально-философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук / Башкирский государственный университет. – Уфа, 1999. – 344 с.
42. *Поляков Л.В.* Модернизационный процесс в России (Социальные сдвиги и кризисы идентичности): дис. в форме научного доклада ... д-ра философ. наук. – М.: ИФ РАН, 1994.
43. *Поляков Л.В.* Российская модернизация: социо-психоаналитический подход // *Коллаж: Социально-философский и философско-антропологический альманах*. – М.: ИФ РАН, 1997. – С. 55–75.

44. Поляков Л.В. Осмысливая модернизацию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2011. – № 1. – С. 180–191.
45. Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 3–39.
46. Семенникова Л.И. Цивилизационные парадигмы в истории России // Общественные науки и современность. – 1996. – № 5. – С. 107–119; № 6. – С. 44–57.
47. Славина-Шкретова Н.Б. Политическая модернизация: теоретико-методологический аспект: дис. ... канд. полит. наук / Московский педагогический государственный университет. – М., 2001. – 222 с.
48. Сони́на Е.О. Концепт «модернизация» в политическом дискурсе современной России: проблема идеологизации: дис. ... канд. полит. наук / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. – М., 2013. – 178 с.
49. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. – М.: ИФ РАН, 1997. – 255 с.
50. Федотова В.Г. Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса. – М.: ИФРАН, 2010. – 274 с.
51. Федотова В.Г. Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт. – М.: ИФРАН, 2013. – 221 с.
52. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотов Н.Н. Какая модернизация и какой капитализм нужны России? // Вопросы философии. – 2013. – №10. – С. 3–12.
53. Хорос В.Г. В поисках ключа к прошлому и будущему // Вопросы философии. – 1993. – № 5. – С. 99–110.
54. Хорос В.Г. Модернизация, авторитаризм и демократия в посттрадиционных обществах // Модернизация, авторитаризм и демократия: сб. матер. конференции. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – С. 6–10.
55. Hintze O. Wesen und Verbreitung des Feudalismus. – Sonderdruck, 1929.
56. Kocka J. Sozialgeschichte. – Göttingen, 1986.
57. Kocka J. Theorien in der Sozial- und Gesellschaftsgeschichte. Vorschläge zur historischen Schichtungsanalyse // Geschichte und Gesellschaft. – Göttingen, 1975.
58. Kocka J. Zurück zur Erzählung? Plädoyer für historische Argumentation // Geschichte und Gesellschaft. – Göttingen, 1981.
59. Rüsen J. Der Strukturwandel der Geschichtswissenschaft und die Aufgabe der Historik, in: Seminar: Geschichte und Theorie. Umriss einer Historik / Hrsg. von J. Rüsen und H.M. Baumgartner. – Frankfurt, 1976.
60. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 1. Vom Feudalismus des Alten Reiches bis zur Defensiven Modernisierung der Reformära 1700–1815. – München, 1987.
61. Wehler H.-U. Historische Sozialwissenschaft und Geschichtsschreibung. Studien zu Aufgaben und Traditionen deutscher Geschichtswissenschaft. – Göttingen, 1980.

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируется комплекс трудов по проблемам регионоведения в отечественной дореволюционной, советской и современной историографии. Рассмотрены труды российских учёных XVIII–XX вв. по истории науки в России: история русской культуры в целом, история Академии наук, история науки в целом, история отдельных научных дисциплин, история обществ и учреждений, биографии исследователей, изучение Костромского края в научном отношении. При характеристике развития отдельных научных дисциплин особое внимание обращено на труды отечественных историков по истории географии, исторической науки, статистики, экономики, этнографии, исторического краеведения и др. Особое внимание обращено на работы, посвященные отдельным социальным группам Российской империи, принимавшим активное участие в регионоведческих исследованиях, в первую очередь интеллигенции. Проанализированы работы по становлению и развитию в XVIII–XX вв. провинциальной историографии в России: труды о научно-исторической деятельности отдельных историков-любителей, губернских статистических комитетов, губернских учёных архивных комиссий, научно-исторических обществ, редакций губернских газет и т.д. Акцент при этом сделан на региональные исследования, анализ костромской историографии, в которой выделены наиболее значительные фигуры местных историков.

Ключевые слова: регионоведение, историография, провинция, история науки, культура.

Изучение традиций регионоведческих исследований в целом в России, и в Костромском крае в частности, не сложилось в историографическую традицию. Фактически единственным трудом, ставящим перед собой аналогичные исследовательские задачи, является докторская диссертация С.С. Илизарова «Москва в науке и культуре России XVIII века» [10]. Автор изучает сочинения о Москве, созданные в XVIII в., как направление, комплексно исследующее регион (в данном случае – Москву) со всех возможных сторон (история, география, экономика, естественные науки и т.д.). Илизаров отмечает цельность и единство раннего этапа науки, нерасчлененность многих сочинений периода, сочетавших (иногда умело, иногда нет) сведения из разных научных дисциплин, говорит о своего рода программах изучения региона, появившихся в XVIII в., взаимодействии профессиональных ученых и любителей, определяет первенствующую роль Академии наук в исследованиях, в побудительных мотивах изучения Москвы находит не только исполнение фискально-регулятивных запросов государства, но и своего рода социальный заказ со стороны образованных слоев Москвы. Илизаров отмечает отдельные характеристики Москвы как города, как региона, которые были сформулированы в XVIII в., и с тех пор стали неотъемлемой чертой московской идентичности.

Специализация научных дисциплин в XIX в. привела к формированию традиции рассмотрения развития отдельных дисциплин (в рамках истории географии, истории исторической науки, истории статистики, истории экономики, истории этнографии и др.), хотя для ранних этапов функционирования науки изучение разграничения знаний не всегда бывает оправдано. Междисциплинарный характер нашего исследования обнаруживает массу пересекающихся линий с предшествующей специ-

альной литературой. Не ставя себе целью обозреть весь комплекс сочинений о развитии наук в России в XVIII – начале XX в., что ввиду ее изобилия могло бы заслонить собственное исследование, выделим те направления и те группы работ, в которых отразилась специфика упомянутого процесса и которые подготовили базу для настоящего исследования.

Представляется, что труды по истории науки в России в XVIII – начале XX в. могут быть рассмотрены по следующим группам: история русской культуры в целом, история Академии наук, история науки в целом, история отдельных научных дисциплин, история обществ и учреждений, биографии исследователей, изучение Костромского края в научном отношении.

Изучение в целом культуры России и науки как составной ее части было начато в конце XIX в. Здесь необходимо упомянуть работы П.Н. Милокова, М.Н. Покровского, заложившие основы направления [18]. Вместе с тем необходимо отметить, что оба автора делали упор на общих чертах истории культуры, в результате чего многие вопросы развития культуры и науки, в том числе соотношение «центр-регион», регионоведческие изыскания, провинциальная культура и др., не получили должного освещения. Качественно иной уровень демонстрируют коллективные монографии по истории культуры России XVIII и XIX в. [28]. В монографиях уделено серьезное внимание развитию науки в исследуемый период. Правда, подход разнится. В очерках по истории культуры XVIII в. развитие науки детально рассматривается по разделам (естественные, исторические), тогда как в очерках XIX в. детальный разбор отдельных научных дисциплин заменен обобщающими очерками об отношениях науки и власти и потенциале научных сил России. Регионоведческие исследования изредка упоминаются, но в целую картину не складываются.

К исследованиям по истории культуры России примыкают работы, посвященные отдельным социальным группам Российской империи, принимавшим активное участие в регионоведческих исследованиях. Традиционно велик объем исследований, посвященный интеллигенции, в том числе провинциальной. Как справедливо указывает один из признанных специалистов, В.С. Меметов, развитие и оформление интеллигенции в провинции шло в непосредственной связи с познанием родного края. Воспринимаемое как одно из возможных «малых дел», изучение края позволяло части аполитичной интеллигенции чувствовать свою полезность, играть роль в деле просвещения народа [8]. Участие чиновничества в культурном развитии региона, в том числе в его изучении, только в последнее время стало предметом исследования. В этом отношении диссертация А.А. Кузнецова – одна из первых работ, формирующих стандарт и устанавливающих научную планку для будущих исследований [12].

Доминирующему научному центру России, Академии наук, посвящена огромная литература, берущая свое начало еще в XVIII столетии. Начиная с труда Г.-Ф. Миллера [17], история Академии наук приобрела усердных исследователей и публикаторов в лице А.А. Куника, П.П. Пекарского, М.И. Сухомлинова [22]. Устойчивая традиция изучения, активная издательская деятельность позволили создать оснополагающие труды по истории Академии наук (преимущественно XVIII в.), ввести в оборот основной корпус источников. В советское и постсоветское время деятельность исследователей по изучению истории Академии наук, ее роли в развитии отечественной и мировой культуры, просвещения была продолжена (работы и публикации В.Ф. Гнучевой, А.И. Андреева, И.И. Любименко, Т.В. Станюкович, М.И. Радовского, Н.М. Раскина, Г.Е. Павловой, А.П. Юшкевича, Ю.Х. Копелевич, Н.И. Невской, Г.И. Смагиной, Е.В. Соболевой; М.Ш. Файнштейна и многих других) [16]. В указанных исследованиях и публикациях преобладают вопросы, преимущественно относящиеся к развитию собственно Академии наук. Наряду с этим в трудах по истории Академии наук, особенно XVIII в., содержатся весьма ценные данные о связях академиков и местных деятелей (как правило, членов-корреспондентов), об академических экспедициях в разные районы России, научных проектах, охватывавших несколько дисциплин и призванных изучить тот или иной регион страны. Особую исследовательскую проблему составляют биографии академиков и лиц, прикосновенных к деятельности Академии наук.

Изучение состояния и развития наук в России в целом также зародилось в XIX в. в трудах уже упоминавшегося П.П. Пекарского [23]. Пекарскому удалось собрать уникальные материалы о раз-

витии наук в первой четверти XVIII в., связи науки с государственными интересами, общих достижениях науки в указанную эпоху. Не превзойденный до сих пор труд Пекарского зачастую используется как источник, ввиду того что многие из введенных в научный оборот материалов не сохранились до наших дней. Более общий характер носил очерк М.М. Богословского, посвященный тому же вопросу [4].

Изучение состояния науки в целом в России XIX века нашло место в трудах Г.Е. Павловой. Исследовательница довольно подробно изложила организацию и функционирование научных учреждений (прежде всего Академии наук) и разного рода научных съездов, правительственную политику в отношении науки и ее работников, коснулась вопроса о соотношении правительственной и частной инициативы в развитии науки. Вместе с разделами, посвященными отношениям науки и власти, науки и общества, помещенными в «Очерках русской культуры», монография Павловой составила ценный вклад в историю науки в России [21]. Отметим, что регионоведческим исследованиям в указанных произведениях посвящены считанные страницы, так как основной интерес исследователей сосредоточен на Академии наук и университетских центрах.

История развития отдельных научных дисциплин изучена в России неравномерно. Весьма впечатляющих успехов достигло исследование истории исторической науки (мысли, знания). Первые случаи рефлексии по поводу развития исторической науки ученые фиксируют уже в начале XVIII в. [25]. В XIX веке, веке Истории, изучение развития исторической науки в России достигло серьезных результатов. От классического труда С.М. Соловьева середины века, рассмотревшего развитие исторических знаний в XVIII в. [29], до обобщающих трудов М.О. Кояловича, П.Н. Милюкова, В.С. Иконникова в конце столетия [11]. Начало XX в. оказалось богато уже не только на труды, но и на учебные пособия по русской историографии [13]. К достижениям дореволюционной историографии можно отнести постановку проблемы возникновения и развития исторического знания, его периодизацию, деление на направления и течения, рассмотрение трудов конкретных представителей науки. Основной интерес дореволюционных историографов сосредоточен на общероссийской проблематике. Интересующий нас аспект – регионоведческие штудии – получил в дореволюционных работах слабое отражение. Как правило, все сводилось к изложению частных сюжетов: связи В.Н. Татищева и П.И. Рычкова, корреспонденция между В.В. Крестининым и Академией наук. Изредка упоминались провинциальные труды, преимущественно XVIII в., но, как правило, в качестве курьезов.

Развитие советской историографии шло неравномерно. Первые труды 1920-х гг. носили характер кратких очерков, построенных, в основном, на изложении дореволюционных работ. Усвоение марксизма как единственно верной идеологии стало причиной формирования негативного отношения к предшествующей буржуазной науке. О серьезных трудах того периода говорить, увы, не приходится [5]. Ни о каких местных сюжетах речь не шла. Дальнейшее развитие историографии в СССР шло, преимущественно, по пути создания обобщающих трудов (курсов лекций), рассматривающих историю исторической науки в целом. Появление на страницах пособий местных историков было эпизодическим и оказалось связанным с попыткой советских ученых обнаружить в XVIII в. представителей зарождающейся буржуазной науки. Участие немецких ученых в развитии истории всячески принижалось, связь Академии наук с любителями в регионах практически не рассматривалась [33]. Особняком стоит труд С.Л. Пештича, попытавшегося исследовать русскую историографию XVIII века комплексно. Исследователь значительно расширил круг рассматриваемых персонажей, выявил неизвестные ранее исторические сочинения, рассмотрел ряд провинциальных историков, проблематику их работ, их связи со столичными исследователями [24].

Феномен «провинциальной историографии» впервые в полной мере описала А.А. Севастьянова, обнаружившая более 100 работ разных жанров (от подражаний летописям до авторских произведений), созданных в российской глубинке во второй половине XVIII в. Исследовательница верно связала появление провинциальной историографии с государственными мероприятиями (описаниями, анкетами, межеванием), выявила разные формы взаимодействия провинциальных и столичных ученых [26]. Своего рода продолжением исследований Севастьяновой можно считать работы вятского историка В.А. Бердинских [2]. Основное внимание уделено автором деятельности губернских статистических комитетов (ГСК) и их роли в развитии провинциальной историографии. С этой целью Бердинских подробно проанализировал направления работы ГСК – историческую, этнографическую, археологическую и издательскую деятельность – на примере Вятского и Пермского регионов, а также некоторых других губерний. Автор, как и Севастьянова, рассматривал провинциальную историографию как особое направление исторической мысли России XIX в., призывая не отрывать ее от контекста развития истории исторической науки в России в целом. Но вызывает возражение один из основополагающих выводов автора: «Организационными центрами, объединяющими историков-любителей каждой (подчеркнуто нами. – А.Ш.) губернии, стали реформированные в

1860 г. губернские статистические комитеты», без которых «провинциальная историография не смогла бы стать таким широким массовым явлением огромной культурной значимости» [3]. Во многих губерниях центральной России, в том числе Костромской, роль подобных организационных центров выполняли в 60–80-е гг. XIX в. не ГСК, а «Губернские ведомости».

Проблемам провинциальной историографии посвящен второй том книги «Журналистика и историографическая традиция в России 30-70-х гг. XIX в.» М.П. Мохначевой, специальный раздел которого характеризует изучение в контексте источниковедения историографии самого массового в русской провинции печатного органа – «Губернских ведомостей» [19]. Выполненная на материалах Европейской России, работа детально анализирует процесс зарождения и развития провинциального историописания на страницах неофициальной части «Губернских ведомостей». Автор приходит к обоснованному выводу, что «именно газета стала фактическим организатором, координатором и накопителем научно-исторического знания в виде публиковавшихся здесь разнообразнейших в жанровом отношении исторических материалов не только регионального и местного, но и общероссийского значения» [20]. Интересны и важны рассуждения автора о роли «Губернских ведомостей» в изучении процесса «вовлечения личности в наукотворчество», в «проблемно-тематическом расширении предметной области науки истории», в «формировании исторического самосознания профессионального и массового читателя» [20]. Отражает реалии и основополагающий вывод М.П. Мохначевой о том, что «на основе газетной историографии развивалась местная историографическая традиция, создавались крупные, обобщающего характера труды по историческому краеведению и именно ГВ пробуждали и развивали интерес к историческому знанию как таковому» [20]. Изучение истории исторической науки в последние годы сосредоточилось, преимущественно, на биографиях ученых, реже – изучении их взглядов. В этой связи фигура А.П. Щапова, впервые предложившего региональную концепцию развития России, отличную от центростремительной, привлекает постоянный интерес. В второй половине XIX в. некоторые из положений его теории были востребованы в политическом смысле сибирскими областниками. XX век дал научное объяснение феномена А.П. Щапова. Иркутский историк А.С. Маджаров сделал упор на революционно-демократических взглядах Щапова, оставив в стороне его земско-областную теорию [15]. На концепции «местной истории» в русской историографии 1820–1870-х гг. сосредоточил свое внимание В.В. Боярченков, которому удалось показать общероссийский контекст формирования, развития и угасания указанной идеи [7].

Отдельный блок исследований – работы, посвященные развитию истории на местах [27]. Как правило, подобного рода работы рассматривают развитие исторической мысли в провинции на широком временном отрезке (от XVIII в. до 1917 г.), касаясь всех возможных форм провинциального наукотворчества: индивидуального, коллективного, в рамках обществ и учреждений и т.д. Заметим, что только в последнее время наметилась тенденция выйти из узких рамок, навязанных изучением исключительно местных деятелей, и обратить внимание на творческие контакты их со столичными учеными, разные формы взаимодействия и взаимовлияния [31].

Изучение истории археологии началось, в основном в виде биографических очерков, еще в XIX в. Формирование такого направления, как историография археологии, связана с именем А.А. Формозова, который в своих новаторских работах 1960-х гг. попытался показать процесс развития археологии, начиная со средневековья. Им впервые была дана периодизация развития археологии, рассмотрены основные тенденции и главные деятели археологии, охарактеризованы издания по археологии [32]. Развитием идей Формозова стала монография Г.С. Лебедева, попытавшегося рассмотреть развитие русской археологии на протяжении XVIII – начала XX в. В работе уделено внимание взаимодействию местных и столичных археологов, институализация археологии (возникновение обществ, появление курсов археологии в учебных заведениях, проведение археологических съездов и т.д.) [14]. В рамках общего очерка истории археологии в России автору не удалось уделить достаточно внимания многим сюжетам, как общероссийским, так и местным.

Работы Формозова и Лебедева вдохновили исследователей на изучение развития археологии в рамках одного региона. Таковы работы С.П. Щавелева о первооткрывателях курских древностей [34], И.В. Тункиной – о развитии археологии на Юге России [30], А.Ю. Борисенко и Ю.С. Чудакова – об изучении древностей Сибири немецкими учеными [6]. Представляется, что в отдельных регионах со временем будут созданы работы о развитии археологии. В качестве одной из попыток связать развитие археологии и провинциальной исторической мысли можно указать на диссертацию В.А. Антонова [1].

Библиографический список

1. Антонов В.А. Археологические древности в провинциальной исторической мысли Европейской России второй половины XVIII – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2005. – 312 с.
2. Бердинских В.А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историогра-

фия 1860-х – 1890-х годов: дисс. ... д-ра ист. наук. – Киров, 1994. – 564 с.

3. Бердинских В.А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860-х – 1890-х годов: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1994.

4. Богословский М.М. Русское общество и наука при Петре Великом. – Л.: Б.и., 1925. – 318 с.

5. Большаков А.М. Лекции по русской истории: введение в изучение истории. – М.; Пг., 1923. – 212 с.

6. Борисенко А.Ю., Чудаков Ю.С. Изучение древностей Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2005. – 315 с.

7. Боярченко В.В. Историки-федералисты: концепция местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – 401 с.

8. Данилов А.А., Меметов В.С. Интеллигенция в истории и культуре России. – Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 1997. – 218 с.

9. Иванов П.Н. Обзорение геодезических работ в России со времени Петра Великого до сочинения генеральной ландкарты Российской империи в 1796 г. // Записки имп. Русского географического общества. – 1853. – Кн. IX. – С. 425–479.

10. Илизаров С.С. Москва в науке и культуре России XVIII века: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2004. – 582 с.

11. Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. – СПб.: Б.и., 1884. – 326 с.

12. Кузнецов А.А. Чиновничество и развитие культуры губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2002. – 260 с.

13. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. – 1920. – № 6. – С. 5–29.

14. Лебедев Г.С. История отечественной археологии, 1700–1917. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. – 311 с.

15. Маджаров А.С. Афанасий Щапов. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1992. – 334 с.

16. Материалы для истории экспедиций Академии наук XVIII и XIX вв. Хронологические обзоры и описание архивных материалов / сост. В.Ф. Гнучева; под общ. ред. В.Л. Комарова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. (Тр. Архива АН СССР. Вып. 4.)

17. Миллер Г.-Ф. История Академии наук Г.-Ф. Миллера с продолжениями И.-Г. Штриттера. – СПб.: Б.и., 1890. (Материалы для истории имп. Академии наук. Т. 6.) – 218 с.

18. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. – СПб.: Изд-во журнала «Мир Божий», 1896–1903. – Ч. 1–3.

19. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. – М.: РГГУ, 1998. – Кн. 1; 1999. – Кн. 2. – 391 с.
20. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. – М.: РГГУ, 1999. – Кн. 2. – С. 30.
21. Павлова Г.Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. – М.: Наука, 1990. – 318 с.
22. Пекарский П.П. История Академии наук в Петербурге. – СПб.: Б.и., 1870–1873. – Т. 1–2.
23. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. – СПб.: Т-во «Общественная польза», 1862. – Т. 1–2.
24. Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961–1971. – Ч. 1–3.
25. Колесник И.И. История русской историографии XVIII – первой половины XIX века. – Днепропетровск: ДГУ, 1987. – 321 с.
26. Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века: дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1993. – 573 с.
27. Дорошин Б.А. Организация и деятельность Пензенской губернской ученой архивной комиссии: дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1997. – 272 с.
28. Очерки русской культуры XVIII века / гл. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: Изд-во МГУ, 1985–1990. – Ч. 1–4.
29. Соловьев С.М. Писатели русской истории XVIII в. // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. – М.: Б.и., 1855. – Кн. 2, половина первая. – С. 3–82.
30. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России: (XVIII – середина XIX в.). – СПб.: Наука, СПб. отд., 2002. – 189 с.
31. Филатова Ю.В. Взаимодействие Нижегородской губернской ученой архивной комиссии со столичными учеными, научно-историческими обществами и организациями (1887–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 1999. – 291 с.
32. Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 301 с.
33. Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века: курс лекций. – М.: Изд-во МГУ, 1957. – 326 с.
34. Щавелев С.П. Первооткрыватели Курских древностей: Очерки истории археол. изучения Южнорусского края. – Курск: Изд-во Курского мед. ун-та, 1997–2002. – Вып. 1–3.

Голубева Ирина Владимировна

кандидат исторических наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

May11599@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ БЮРОКРАТИИ КАК СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (на примере крестьянской реформы 1861 года)

В советской исторической литературе в трактовке причин крестьянской реформы доминировала так называемая концепция «революционной ситуации», выдвинутая В.И. Лениным. В соответствии с ней реформы, осуществляемые царизмом, не могли быть не чем иным, как «побочным» продуктом классовой борьбы. Роль субъективного фактора игнорировалась. Оставалось неясным, откуда взялись кадры реформаторов, взявшие на себя грандиозный труд преобразования России и за короткий срок создавшие сложное и взвешенное законодательство, которое требовало глубоких экономических, юридических и политических знаний. В первую очередь, это стало возможным в результате качественного сдвига в процессе формирования бюрократии как особого слоя в составе высшего правительственного чиновничества – появления либерального чиновничества, выступавшего за преобразование общественных отношений и административного аппарата России путём реформ, проводимых самодержавной властью.

В статье сделана попытка раскрыть факторы формирования либеральной бюрократии, в том числе значение реформы высшей школы на основе устава 1835 г., огромное влияние профессора Т.Н. Грановского на появление «людей сороковых годов» – той части «образованного общества», для которой было характерно неприятие крепостничества, подавления личности, желание видеть свою страну великой и процветающей. Показано, что либеральная бюрократия в полной мере воплощала в себе эти черты. Раскрывается роль Министерства государственных имуществ и Министерства внутренних дел как «очагов» формирования бюрократии, выявлен круг их представителей, сыгравших главную роль в подготовке крестьянской реформы, даны их портретные характеристики. Показана значимость Русского географического общества в сплочении либерального чиновничества и представителей интеллигенции, в овладении необходимым теоретическим потенциалом и опытом практической совместной работы. Раскрыты особенности общественно-политической позиции либеральной бюрократии, сущность либеральной альтернативы решения крестьянского вопроса в стране.

Ключевые слова: либеральная бюрократия, отмена крепостного права, А.Н. Милютин, К.Д. Кавелин, Русское географическое общество.

Появление либеральной бюрократии в высших эшелонах власти было обусловлено действием целого ряда факторов. Предпосылкой ее появления, в первую очередь, были усиление функциональной роли чиновничества в политической системе российского самодержавия в 1-й половине XIX в. и рационализация бюрократии как административного механизма. В начале века бюрократия получает функционально обусловленную структуру. В 1802–1811 гг. в два этапа была проведена министерская реформа.

Особую роль сыграли перемены, произошедшие в деятельности высшей школы, реорганизованной по новому уставу 1835 г. Образование стало носить более конкретный национальный характер, в большей степени ориентированный на решение практических общегосударственных задач. Произошло омоложение профессорско-преподавательского состава, в котором уменьшилась доля иностранцев; для получения профессорского звания было необходимо пройти обязательные стажировки за границей, имевшие не столько научный, сколько просветительский характер. В итоге появилась целая плеяда профессоров новой формации, владевших новыми достижениями западноевропейской мысли, ведущих активную научную и просветительскую деятельность, являвшихся носителями гуманистических идей. Лучшие из них

трудились в Московском государственном университете.

Эталоном профессора-просветителя 1840-х гг. справедливо считается Тимофей Николаевич Грановский. Действительно, за всю историю российских университетов не было профессора, имя которого так соответствовало бы эпохе. 1840-е гг. называли «временем Грановского» или даже «эпохой Грановского».

По словам видного общественного деятеля той эпохи, профессора, либерала Б.Н. Чичерина, «для него свобода была целью человеческого развития, а не непреложною меркою, с которой все должно сообразоваться. Грановский радостно приветствовал всякий успех ее в истории и в современной жизни» [13, с. 77]. Он был кумиром московского студенчества. Тимофей Николаевич воспитывал в своих студентах неприятие крепостничества, он считал что монархия в России не исчерпала свой потенциал и способна стать двигателем реформ [10, с. 215]. Именно эта идея станет «плотью и кровью», ядром позиции либеральных чиновников-реформаторов, чьи студенческие годы пришлись на 1830-е – 1840-е гг. Можно согласиться с мнением видного российского ученого Ф.А. Петрова о том, что именно российские университеты 30-х – 40-х гг. во многом подготовили кадры реформаторов 60-х – 70-х гг. XIX в. «Реформы 60-х

годов, – писал исследователь, – обдумывались и облюбовались не в палатах тогдашних государственных мужей, а... в бедных студенческих квартирах и по скромным гостиним литераторов и ученых [10, с. 217].

На формирование будущих реформаторов, несомненно, влияла общественная атмосфера 30-х – 40-х гг. XIX в. – время, по словам А.И. Герцена, «наружного рабства и внутреннего освобождения», ознаменованного напряженными интеллектуальными исканиями, когда в спорах славянофилов и западников осуществлялась попытка определить место России в мировом историческом процессе. И те, и другие видели в самодержавии ту силу, которая и должна явиться главной силой преобразований. Реалии российской действительности соотносились с идейным наследием Эпохи просвещения, немецкого идеализма и французского социализма.

Видный деятель крестьянской реформы Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский в своих воспоминаниях отмечал, что «наибольший контингент лиц, способных для служения великому делу освобождения крестьян, приготовило из всех государственных учреждений то министерство, которое император Николай I называл своим “главным штабом” по крестьянскому делу, а именно Министерство государственных имуществ» [11, с. 118]. По закону 26 декабря 1837 года оно было создано «для управления государственными имуществами», «попечения над свободными сельскими обывателями и для заведования сельским хозяйством». Его важнейшей функцией являлось управление государственными крестьянами на основе принципов феодальной зависимости от государства [3, с. 33].

С января 1838 г. до своей отставки в 1856 г. Министерство государственных имуществ возглавлял граф Павел Дмитриевич Киселев (1788–1872). «Уже в середине 30-х гг. XIX в. Киселев выработал свою программу решения крестьянского вопроса. В этом ему помогал М.М. Сперанский. Программа предусматривала инвентаризацию помещичьих деревень – регулирование феодальных отношений между помещиками и крестьянами определенными нормами наделов и повинностей. Для государственной деревни Киселев предлагал ликвидацию крестьянского малоземелья, введение семейно-наследственного землепользования, организацию сельского и волостного крестьянского самоуправления. Этот план двуединой реформы не был осуществлен. Реформа Киселева 1837–1841 гг. проводилась только для государственной деревни, причем центр тяжести в ней был перенесен с вопросов экономических на административные. Именно последние, и прежде всего опыт организации крестьянского самоуправления (сельского и волостного), будут использованы при подготовке реформы отмены крепостного права. Вторая часть реформы – попытка инвентаризации

помещичьей деревни как повсеместная и обязательная мера – не была реализована; она воплотилась лишь локально – в Киевской, Волынской, Подольской губерниях в 1847–1848 гг.» [4, с. 40–41].

Киселев стремился укомплектовать свое министерство образованными чиновниками, способными к проявлению инициативы и независимым суждениям. Он пытался «переманить их из других учреждений обещаниями продвижений, высоких окладов и возможностью участия в принятии решений, хотя эти решения и были, по необходимости, сведены к административным вопросам» [2, с. 8]. В первые же годы работы благодаря Киселеву в МГИ сосредоточились крупные силы: будущие академики П.И. Кеппен и К.С. Веселовский, А.И. Левшин, Я.А. Соловьев, К.И. Домонтович, И.А. Арапетов, А.К. Гирс, К.К. Грот.

«Самым талантливым и самым опытным», по мнению Семенова-Тянь-Шанского, сподвижником Киселева, фактически его правой рукой, по мнению мемуариста, был А.П. Заблоцкий-Десятовский.

В 1841 г., по секретному поручению графа Киселева, Заблоцкий-Десятовский совершил инспекционную поездку по центральным губерниям России под предлогом «обозрения управления государственными имуществами», но на деле – для изучения положения помещичьих крестьян. Результатом этой поездки явилась записка Заблоцкого-Десятовского «О крепостном состоянии в России», в которой этот вопрос рассматривался с хозяйственной, нравственной и политической точек зрения, и «разрешение его ставилось на ту именно почву, на которой оно и разрешилось в 1861 г.» [14, т. 23, с. 86].

В 40-е гг. XIX в. основные силы реформаторски настроенных чиновников стали постепенно сосредотачиваться в Министерстве внутренних дел, которое с 1841 по 1852 г. возглавлял Лев Алексеевич Перовский. Как пишет американский историк Д. Орловски [2, с. 13], Перовский был одним из самых энергичных и дальновидных чиновников XIX в., который в течение своего одиннадцатилетнего министерства придал МВД тот реформаторский курс, которому оно следовало вплоть до середины 1860-х гг. Как и граф Киселев, он брал на службу образованных молодых чиновников, причем из гораздо большего круга, включая университетских профессоров, политических ссыльных и людей с утвердившейся литературной репутацией. Как и в Министерстве государственных имуществ, молодые чиновники группировались в одном коллективе – в данном случае это был хозяйственный департамент. Именно здесь развертывалась деятельность будущего лидера либеральной бюрократии – Николая Алексеевича Милютина. В 1841 г. Милютин принял негласное участие в экспедиции Заблоцкого-Десятовского. Эта первая поездка по России окончательно сдела-

ла Николая Алексеевича, по словам Семенова-Тян-Шанского, «страстным сторонником высокой идеи об освобождении крестьян» [11, с. 118].

Став начальником городского отделения, Милютин в течение 1842–1846 гг. разработал новое Городовое положение для Петербурга, основной идеей которого было общественное самоуправление городским хозяйством, которое в феврале 1846 г. получило силу закона. В 1852 г. Милютин стал директором хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, приобрел уже такой опыт, что новый министр Бибииков, находившийся на этом посту в 1852–1855 гг., на вопрос Киселева о племяннике ответил: «Лучше его спросите, доволен ли он мною; я же только могу сказать, что, если бы государь мне велел уйти из Министерства и самому назначить себе приемника, я без всякого колебания указал бы ему на Милютина» [8, с. 84].

В 1859–1860 гг. Милютин будет исполнять обязанности товарища министра внутренних дел, станет признанным лидером Редакционных комиссий, подготовивших крестьянское законодательство 1861 г.

Яркий портрет Милютина дает в своих воспоминаниях «Москва 40-х» Б.Н. Чичерин: «Это был человек совершенно из ряда вон выходящий. ... Характер у него был прямой, возвышенный, благородный... Широкая его душа не терпела ни рутины, ни формализма... Одним словом, это был государственный человек в истинном смысле этого слова, такой, какой был нужен России на том новом пути, который ей предстояло совершить» [13, с. 94].

Не случайно, что вокруг Николая Алексеевича и его брата, будущего военного министра и автора военной реформы 60-х – 70-х гг. XIX в. Дмитрия Алексеевича Милютина, сложился определенный круг реформаторски настроенных представителей правительственной бюрократии и интеллигенции. Именно воспоминания Дмитрия Алексеевича о данном этапе своей жизни позволяют выявить тот круг людей, которые были близки Милютину. Ближайшими приятелями братьев, по словам Дмитрия Алексеевича, являлись: уже упомянутый выше Андрей Порфирьевич Заблоцкий-Десятовский; Иван Павлович Арапетов (1811–1887) – чиновник 2-го отделения с. е. в. канцелярии; впоследствии – директор канцелярии Министерства императорского двора и уделов, член редакционных комиссий 1859–1860 гг.); сослуживец Милютина Константин Карлович Грот (1815–1897) – в 1853 г. [9, с. 136–137].

Отличительной особенностью кружка Милютиных была тесная связь с представителями петербургской интеллигенции, учеными, литераторами. В своих воспоминаниях Д.А. Милютин пишет, что к их «интимному кружку» наиболее близких людей «примыкали некоторые другие лица. В числе наиболее выдающихся был Николай Иванович Надеждин, с которым, по словам мемуариста, брат Нико-

лай сошелся по редакции “Журнала Министерства внутренних дел”». Дмитрий Алексеевич называет и ряд других крупных представителей научного мира, с которыми общались братья Милютины, например ученого-юриста Константина Алексеевича Неволлина, Владимира Ивановича Даля (писателя, лексикографа, член-корреспондента Петербургской Академии Наук), Валерия Валерьевича Скрипицына, Ивана Петровича Сахарова (этнографа, палеографа, члена-корреспондента Петербургской Академии Наук), академика П.И. Кеппена, профессора права Петра Григорьевича Редкина, статистика Григория Павловича Небольсина, Константина Степановича Веселовского (известного экономиста-статистика, непрямого секретаря Академии Наук с 1857 по 1890 г.), братьев Якова и Николая Ханыховых (последний – русский востоковед, историк, этнограф, географ, дипломат), профессора статистики Порошина, Андрея Александровича Краевского (издателя «Отечественных записок» (1839–1867) и газеты «Голос» (1863–1883)) и др. «Несколько позже, – пишет Д.А. Милютин, – к тому же кружку присоединился Константин Дмитриевич Кавелин, оставивший кафедру в Московском университете» [9, с. 136–137].

«Особую роль в жизни Кавелина сыграли студенческие годы, обучение на историко-филологическом, а затем на юридическом факультете Московского университета, куда он поступил в 1853 г. Посещая «литературные салоны» тех лет, и прежде всего салон А.П. Елагиной, Кавелин сблизился с корифеями славянофильства – А.С. Хомяковым, К.С. Аксаковым, братьями П.В. и И.В. Киреевскими, Ю.Ф. Самариным. В 40-е г. сильное влияние на Кавелина оказали салоны П.А. Чаадаева и А.С. Хомякова, сближение с известным профессором всеобщей истории Т.Н. Грановским, перешедшее со временем в тесную дружбу, со стороны Кавелина доходившую почти до культа» [7, с. 2].

В 1841 г. Кавелин сдал магистерские экзамены, но по настоянию родителей переехал в Петербург и поступил на службу в Министерство юстиции; в это время посещал кружок Белинского, вошел в круг петербургских литераторов и ученых. После защиты в 1844 г. магистерской диссертации «Основные начала русского судопроизводства и гражданского судопроизводства от Уложения до Учреждения о губерниях» он до 1848 г. преподавал историю русского права в Московском университете. Профессор по кафедре русского права, участник кружка Т.Н. Грановского, автор известной работы «Взгляд на юридический быт древней Руси», Кавелин уже в московский период своей деятельности занял видное место в русском общественном движении. В 1848 г. Кавелин вместе с группой профессоров вышел в отставку в знак протеста против неблагоприятной деятельности профессора Московского университета Крылова и переселил-

ся в Петербург, где в 1848–1857 гг. служил в разных ведомствах: первоначально – в хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел, где сблизился с Н.А. Милютиным, затем в штабе военно-учебных заведений под начальством Я.И. Ростовцева, в канцелярии Комитета министров» [7, с. 3].

Формы неформального общения «милютинского круга» были весьма традиционны для светского уклада жизни той эпохи. Д.А. Милютин рассказывает о «вечерних сборищах кружка», на которых велась обыкновенно занимательная беседа о вопросах науки и искусства, всегда оживленная, часто с примесью шуток и забавных рассказов.

Братья Милютины являлись одними из самых ранних членов Русского географического общества, основанного в 1845 г. под председательством великого князя Константина Николаевича, который активно поддерживал либеральную бюрократию.

Первый секретарь Русского географического общества А.В. Головин, избранный на эту должность в возрасте 24 лет, в своих воспоминаниях указывает на то, что именно он привлек братьев Милютиных к работе общества [1, с. 112]. «Наш кружок почти весь находился тут в сборе», – писал Д.А. Милютин в своих воспоминаниях [9, с. 139].

«Обладая необыкновенной живостью и общительностью», Николай Алексеевич, по свидетельству Семенова-Тян-Шанского, «очень скоро успел сгруппировать вокруг себя юных деятелей российской науки, которые уже начинали тяготиться зависимостью от своих немецких учителей, стоявших в это время во главе общества» [11, с. 119].

Речь шла о направленности научной работы общества, всецело определяемой группой его 17-ти учредителей, представленных именами академиков К.М. Бэра, В.Я. Струве, Г.П. Гельмерсена, адмиралом, бароном Ф.М. Врангелем и другими весьма крупными учеными, мореплавателями во главе с вице-председателем общества адмиралом Ф.П. Литке. На первый план ими выдвигалось развитие географической науки в целом, при очевидном акценте на исследованиях азиатской части Российской империи и сопредельных ей частей азиатского материка [12, с. 3–4].

Необходимость утверждения постоянного взамен временному Устава общества, принятого 6 августа 1845 г., создавала возможность исправить это положение и создать такой механизм работы, который позволял бы максимально связать научные исследования с потребностями социально-экономического развития страны.

Результаты борьбы, предпринятой братьями Милютиными с «немецкой партией» по изменению устава общества, были очевидны: состоялся пересмотр состава Совета общества, расширены права отделений, общего собрания. В состав Совета вошел Д.А. Милютин. Работу статистического комите-

та в 1847 г. возглавил А.П. Заблоцкий-Десятовский. И тому и другому было в дальнейшем присвоено звание Почетных членов общества [12, с. 158].

В центре всей работы был поставлен крестьянский вопрос.

Особую активность развернули этнографический отдел (во главе с Н.И. Надеждиным и при активном участии К.Д. Кавелина) и статистический под руководством А.П. Заблоцкого-Десятовского. Был собран обширный экономико-статистический материал о положении крестьян в России [12, с. 154].

Под непосредственным руководством Н.А. Милютина в начале 50-х гг. XIX в. вышло двухтомное исследование «Общественное устройство и хозяйство городов». В 1850 г. в хозяйственном департаменте был подготовлен обширный свод материалов – «Правительственная статистика России»; в 1851 г. Н.А. Милютиным был составлен «Статистический атлас России», включавший карты, содержащие статистику народонаселения, хлебных урожаев, цен на хлеб, ярмарках, сведения о развитии различных отраслей промышленности губерний России и др. [14, т. 37, с. 322].

В научной литературе неоднократно подчеркивалась роль Русского географического общества как своеобразной «кузницы кадров» будущих Редакционных комиссий, разрабатывавших в 1859–1860 гг. законодательство об отмене крепостного права в России. Из числа членов и экспертов Редакционных комиссий – 12 принадлежали к географическому обществу: Н.А. Милютин, И.П. Арапетов, Ю.А. Гагемейстер, А.К. Гирс, Е.И. Ламанский, Ю.Ф. Самарин, П.П. Семенов, Я.А. Соловьев и др. [4, с. 139–140].

Позицию либеральной бюрократии по решению крестьянского вопроса отразила «Записка об отмене крепостного права в России» (1855), над которой несколько лет трудился К.Д. Кавелин. Крепостное право определяется Кавелиным как главная причина отсталости России. Одно из принципиальных утверждений автора записки – «частная поземельная собственность и существование рядом с малыми и большими хозяйствами суть совершенно необходимые условия процветания сельской промышленности» [5, т. 2, с. 28–29, 35, 44].

Кавелин формулирует три главных основания освобождения помещичьих крестьян: «1. Крепостных следовало бы освободить вполне, из-под зависимости их господ. 2. Их надлежало бы освободить не только со всем принадлежащим им имуществом, но и непременно с землею, и 3. Освобождение может совершиться во всяком случае не иначе, как с вознаграждением владельцев». «Коренная ошибка, – как пишет Кавелин, – есть освобождение без земли или не со всею землею, ими владеемой» [5, т. 2, с. 73]. Выкуп, по мнению Кавелина, должен был включать стоимость не только земли, но и личности крестьянина. «Освобождение

крестьян без вознаграждения помещиков, – писал Кавелин, – было бы весьма опасным примером нарушения права собственности, которого никакое правительство нарушить не может, не поколебав гражданского порядка и общежития в самых основаниях» [5, т. 2, с. 41]. В осуществлении выкупной операции большая роль отводилась государству. Оно выплатит помещикам единовременно всю сумму выкупа, а крестьяне постепенно погасят ее государству. Предусматривалось сохранение общины и создание при осуществлении выкупа общинной земельной собственности крестьян. Предполагалось запретить продажу и залог выкупленных крестьянами земель «по крайней мере на 50 лет, ибо иначе эти земли могли бы быть скуплены у крестьян, на первых же порах, прежними их владельцами и другими за бесценок, как отчасти и случилось в Пруссии» [5, т. 2, с. 41].

Семенов-Тянь-Шанский отмечал, что в кругу «лучших людей столичной интеллигенции», сочувствовавших делу крестьянского освобождения, «Кавелину бесспорно принадлежит первенство в установлении принципа земельного, а не безземельного освобождения крестьян. Указание на то, что это может быть достигнуто только путем правительственного выкупа крестьянских наделов, принадлежит К.Д. Кавелину и составляет его бессмертную заслугу в истории великой эпохи» [11, с. 121].

По всей видимости, именно это время имел в виду Семенов-Тянь-Шанский, когда писал: «После сближения Кавелина с Милютиным, и в особенности после Крымской войны, все помыслы обоих были направлены на дело освобождения крестьян, которое они оба считали первою и самою необходимою реформою при обновлении русского государственного строя... В эту-то эпоху Н.А. Милютину, при его государственном уме и обаятельных общественных качествах, нетрудно было сделаться настоящим лидером собиравшейся около него партии, которая стремилась к освобождению крестьян и состояла не только из лучших деятелей географического общества, но и из лиц, бывших на службе в Министерстве внутренних дел и в разных других министерствах и государственных учреждениях, а также при двух великокняжеских дворах (великой княгини Елены Павловны и великого князя Константина Николаевича)» [11, с. 119].

Итак, в последнее десятилетие царствования Николая I в правительственных кругах России сформировалось новое поколение реформаторски настроенных чиновников, имевших тесные связи с передовыми общественными деятелями, учеными, публицистами. Они еще «не определяли состав правительственных сфер, но уже уверенно себя чувствовали на ближайших подступах к высшему государственному руководству» [6, с. 199].

В центре этого круга, несомненно, были Николай Алексеевич Милютин и Константин Дмитриевич Кавелин. Это была та «команда», которая обладала необходимым потенциалом, чтобы стать опорой в подготовке и реализации правительственных реформ, ставших неизбежными после поражения в Крымской войне.

Библиографический список

1. Головин А.В. Записки для немногих // Вопросы истории. – 1996. – № 2. – С. 3–21.
2. Бюрократия и Великие реформы в России. Современная англо-американская историография / сост. О.В. Большакова. – М.: ИНИОН, 1996. – 53 с.
3. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М.: Учпедгиз, 1954. – 367 с.
4. Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 256 с.
5. Кавелин К.Д. «Записка об освобождении крестьян в России» // Кавелин К.Д. Собр. соч. – Т. II. – СПб., 1898. – С. 9–87.
6. Карпачев М.Д. Общественно-политическая жизнь в пореформенную эпоху // Очерки русской культуры XIX в. – Т. 4. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 198–326.
7. Корсаков Д.А. К.Д. Кавелин. Очерк жизни и деятельности. – СПб., 1896. – С. 1–13.
8. Литвак Б.Г. Переворот 1861 г.: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. – М.: Политиздат, 1991. – 302 с.
9. Милютин Д.А. Воспоминания. 1843–1856 / под ред. Л.Г. Захаровой. – М.: Росархив, 2000. – 495 с.
10. Петров Ф.А. Российские университеты 40-х гг. XIX в. и деятели Великих реформ; Он же. Российские университеты 40-х гг. XIX в. и деятели Великих реформ // Зайончковский П.А. 1904–1983 гг.: статьи, публикации и воспоминания о нем. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 205–218.
11. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Начало эпохи освобождения крестьян от крепостной зависимости. Из воспоминаний последнего оставшегося в живых участника законодательных работ этой эпохи // Конец крепостничества в России: документы, письма, мемуары, статьи / сост., общ. ред., вст. ст. и коммент. В.А. Федорова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 44–55.
12. Семенов П.П. История полувековой деятельности Русского географического общества. – Ч. 1. – СПб., 1896. – 523 с.
13. Чичерин Б.Н. Москва сороковых годов // Русское общество 40-х – 50-х годов XIX в. – Ч. II. Воспоминания Чичерина Б.Н. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 256 с.
14. Энциклопедический словарь: в 82 тт. / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. (Репринт. изд.). – СПб., 1890. – Т. 23; 37.

РАБОЧАЯ ИСТОРИЯ ПЕРИОДА ПРОМЫШЛЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В 1990-е – 2000-е гг. начался новый этап в изучении рабочих дореволюционной России. Исследователи сосредоточили внимание на следующих проблемах: составление обширной базы данных путем создания «Хроники рабочего движения в России в 1895–1917 гг.» и на ее основе изучение всего многообразия форм трудовых конфликтов; интегрированное изучение разнообразных показателей рабочего протеста, факторов социального, политического, экономического развития России с применением количественных методов исследования; изучение структурных, качественных сдвигов в составе рабочего класса; возвращение внимания к вопросам материально-бытового положения рабочих; анализ многообразия условий жизни рабочих сквозь призму создания стимулов к труду; пристальное изучение законодательного регулирования трудовых отношений в дореволюционной России; анализ психологии, массового сознания рабочих, исследование сложной системы их взаимоотношений с предпринимателями; рабочие стали рассматриваться и как субъект многопартийной политической и общественной жизни в дореволюционной России.

Ключевые слова: рабочие, хроника рабочего движения, условия труда, положение рабочих, фабрично-заводское законодательство, фабричная инспекция, политика патернализма, облик рабочих.

Изучение рабочего вопроса из приоритетного в советской исторической науке, в последние два десятилетия стало «непопулярным» [78]: резко сократилось количество исследований, прекратилось проведение традиционных зональных конференций по истории рабочих Центрального промышленного района. Несмотря на эти неблагоприятные факторы, разработка рабочей истории продолжалась весьма плодотворно. Большую роль сыграли научные конференции, проходившие в Саранске, Орехово-Зуеве, Костроме, Москве. Организационным ядром стали Институт Российской истории РАН, кафедра исторической информатики МГУ, кафедра истории России Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Значительно расширена проблематика исследований, развивается комплексный подход к изучению эволюции и социальной активности рабочего класса. Произошел отказ от стереотипных оценок, выход за рамки схоластических споров о гегемонии пролетариата. Исследования, вышедшие в последние годы, отличаются глубиной анализа, новизной методик, опорой на обширный круг источников. Новые тенденции в изучении рабочего класса и революционной тематики коренятся в наработках советской историографии и начали проявляться еще в 1980-е гг.

Начало новому подходу к изучению рабочего движения положила работа по созданию «Хроники рабочего движения 1895–1917 гг.». Такие попытки предпринимались и раньше. Однако единая методика составления хроники отсутствовала, ввиду чего значительная часть информации источников не фиксировалась, а данные различных хроник были несопоставимы. Изучались преимущественно стачечные выступления, без учета всего многообразия форм рабочего движения. Работа по созданию единой методики составления «Хрони-

ки» проходила на протяжении 80-х [69]. Методика предполагала учет стачек, волнений, демонстраций, митингов, сходов, вооруженных восстаний, профсоюзных, партийных организаций, обществ взаимопомощи, Советов и листковой печати. Для всестороннего описания указанных форм движения и организаций были предложены формуляры карточек с подробными инструкциями к их заполнению. Дан обзор и классификация архивных источников, содержащих информацию для составления «Хроники» [26; 57].

Одновременно с разработкой методики, исследователи приступили к осуществлению проекта и изданию региональных хроник. При этом ярославские исследователи охватили весь пореформенный период. Это позволяет проследить становление и эволюцию рабочего движения на материалах одной из наиболее промышленно развитых губерний Центральной России. В то же время ими допущен ряд отступлений от принятой методики. Не полностью учтены митинги, демонстрации, волнения. Коллективным стачкам даны лишь обобщенные описания без росписи хода выступления по отдельным предприятиям. Это затрудняет статистическую обработку материала. Исследования А.С. Касимова и Л.С. Юдиной полностью соответствуют предложенной методике. Однако хроника рабочего движения на Урале включает лишь стачечные выступления рабочих [33; 48; 87–89]. По Костромской губернии хроники охватывают 1895–1907 и 1914 – февраль 1917 гг. По Новгородской и Псковской губерниям хроника составлена лишь за 1895–1905 г. П.Н. Романовым подготовлена хроника рабочего движения на Южном Урале, П.Е. Любаровым – систематизированы данные о выступлениях торговых служащих в России за 1895–1904 гг., а Ю.И. Кириянов составил хронику уличных демонстраций в России в 1895–1904

и 1914–1917 гг. [7; 54; 71; 72; 76]. Указанными авторами рассмотрены различные формы рабочего движения на соответствующих этапах его развития. Переходу от изучения исключительно стачечного движения к анализу различных форм борьбы способствовало исследование Ю.И. Кирьяновым демонстрационного движения в России, а М.Г. Лecomцевым – всей совокупности форм борьбы рабочих Центрально-промышленного района в годы Первой мировой войны [44]. К сожалению, в целом по стране хроника рабочего движения за 1905–1917 гг. представлена фрагментарно.

В общероссийском масштабе хроника рабочего движения за апрель – декабрь 1912 г. подготовлена В.П. Желтовой, а Г.Г. Касаровым составлена хроника стачечного движения рабочих периода Первой мировой войны. С 1992 по 2006 год проводилась работа по составлению общероссийской «Хроники рабочего движения в России в 1895 – феврале 1917 года». Издано 10 выпусков за 1895–1904 гг. [73; 79; 84]. Хроника включает три раздела. В первом «Массовые выступления рабочих» за 10 лет учтено 7 тыс. 097 стачек с участием 1 млн. 343 тыс. 712 рабочих в 5 тыс. 883 выступлениях. Эти данные более чем в 4 раза превышают число стачек и в 3 раза – количество стачечников, учтенных фабричной инспекцией [17]. Кроме стачечных выступлений, учтена 1 тыс. 035 волнений, случаев предъявления жалоб, требований и прошений с участием 210 тыс. 660 рабочих. Во втором разделе фиксируется деятельность партийных организаций. Третий содержит описание листковой печати. Первичный анализ полученных данных содержится в обширных предисловиях к выпускам «Хроники», а также представлен в журнальных публикациях и материалах научных конференций [65; 66].

Проведенная работа по составлению «Хроники» открыла возможности применения статистических методов изучения рабочего движения. Под руководством Л.И. Бородкина интенсивно развивается новое направление в историографии – изучение взаимосвязи внутренней структуры протестных выступлений рабочих с факторами социально-экономического и политического развития дореволюционной России и экономическим положением рабочих на основе применения методов статистического анализа динамических рядов [10; 15; 39]. В.В. Керов на основе применения методов корреляционного и факторного анализа исследовал связь стачечного движения рабочих в годы первой русской революции со структурными характеристиками российского промышленного капитализма [34]. Исследователи приступили к обработке данных «Хроники» рабочего движения за 1895–1904 гг. в составе базы данных «Трудовые конфликты в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.» [14; 27]. Составление «Хроники» сыграло не только важную методологическую

и источниковедческую роль в изучении трудовых конфликтов в дореволюционной России, но и позволяет по-новому взглянуть на развитие рабочего протеста в ходе первой российской революции. Так, И.М. Пушкарева убедительно показала, что всеобщая стачка рабочих в Петербурге в январе 1905 года явилась, с одной стороны, логическим продолжением нараставшего в стране на протяжении многих лет рабочего движения, с другой – стала детонатором перехода страны к революции [67]. Значительное внимание стали уделять исследователи нестачечным формам трудовых конфликтов и рабочего протеста, таким как жалобы, демонстрации, погромы, продовольственные волнения [18; 19; 37; 53]. Весь спектр проблем, изучение которых открывает работа над «Хроникой», раскрыт в обобщающей монографии коллектива авторов, посвященной предреволюционным процессам в рабочей среде [70]. Представленный в статистических исследованиях интегративный подход к изучению рабочего движения требует уточнения данных о структуре и положении рабочих.

Динамика развития промышленности, ее отраслевая структура, территориальное размещение и вопросы районирования представлены в работах С.В. Воронковой, И.Д. Ковальченко и Л.И. Бородкина [13; 22]. Непосредственно динамика численности, отраслевая структура, вопросы концентрации и территориального размещения рабочих в Центрально-промышленном районе представлены в монографиях Н.А. Ивановой и Е.А. Егорова [28; 29]. Достоинством работы Е.А. Егорова является внимание к горнозаводским, транспортным рабочим, работникам лесной и сельской промышленности, ремесленных предприятий. Н.А. Иванова изучала в основном фабрично-заводскую промышленность. В ее работе подробно рассмотрены вопросы оплаты труда, половозрастного состава рабочих, концентрации рабочей силы. Определено влияние столыпинской аграрной реформы на качественный состав рабочих. Констатируется сохранение связей рабочих региона с деревней. Предпринята попытка систематизировать данные о социальном происхождении, соотношении местных и пришлых рабочих на предприятиях региона. Численность, состав и положение рабочих Сибири проанализированы в монографии В.А. Скубневского. Впервые в работе акцентировано внимание на положительных последствиях сохранения связей рабочих с землей, способствовавших смягчению социальных противоречий, обеспечивавших дополнительную статью дохода рабочего бюджета [77]. В новейших исследованиях отмечается переходный характер социально-классовой структуры российского общества, рассмотрены различные пути формирования рабочего класса, влияние на этот процесс сословно-крестьянского статуса основной массы рабочих [30]. Л.С. Тихобаева на

примере конкретной фабрики применила генеалогический подход в изучении рабочих [82].

Значительный шаг вперёд сделан в изучении материально-бытового положения рабочих. М.Г. Лекомцевым, Т.В. Беловой, В.Г. Касаровой дан анализ изменений жизненного уровня рабочих ЦПР в годы Первой мировой войны. Т.В. Беловой рассчитано изменение стоимости жизни рабочего-текстильщика Верхневолжских губерний в 1914–1916 гг., а М.Г. Лекомцевы – изменение нормы эксплуатации рабочих. Сделаны выводы, что норма эксплуатации в ЦПР была выше, чем по стране в целом. Существенный рост номинальной заработной платы не покрывал инфляции в годы войны [7, гл. 1; 32; 44, гл. 1]. Динамика реальной заработной платы строительных рабочих С.-Петербурга с учетом профессионально-квалификационной характеристики оплаты труда рассчитана Л.И. Бородинским. Отмечен рост реальной заработной платы за 25 лет (1885–1910 гг.) для чернорабочих на 10,5%, для квалифицированных рабочих – на 25–36 % [11]. В докторской диссертации Л.И. Галлямовой рассмотрено положение рабочих Дальнего Востока в пореформенный период. Ю.В. Посвятенко на материалах отдельных промышленных предприятий рассмотрела условия труда и быта рабочих хлопчатобумажной промышленности Верхневолжья во второй половине XIX – начале XX вв. Е.А. Чугуновым выявлены факторы, определявшие бытовые и производственные условия на предприятиях Верхневолжья. Представлены подсчеты доли потомственных рабочих по отраслям и губерниям региона [23; 61; 85].

В ряде современных исследований проблема условий труда и быта рабочих рассматривается через призму мотивации и стимулов к труду (Б.Н. Миронов, С.П. Постников, М.А. Фельдман). В данном контексте изучается состояние жилищно-бытовой сферы (Н.С. Полищук) и развитие системы социального обеспечения на отдельных фабриках (Т.Я. Валетов) [16; 49; 60; 62]. Анализируя социальные мероприятия на фабрике, И.Н. Коншина, Т.Я. Валетов установили, что они, вопреки культивируемому ныне мнению, не имели ничего общего с благотворительностью. Динамично развивались лишь сферы, приносившие прибыль, – харчевая лавка и профессиональное обучение в фабричной школе. Медицинская помощь, пособия предоставлялись лишь во исполнение законодательства и предписаний фабричной инспекции. Качество этих услуг оставляло желать лучшего. А.В. Новиковым установлено, что накануне первой русской революции в материальном положении рабочих не произошло существенных изменений, способных спровоцировать социальный взрыв. Поэтому причины революционной активности рабочих следует искать в комплексе изменений, охватывавших ломку традиционного семейного уклада, отношений с предпринимателя-

ми, широких связей рабочих с деревней, в кризисе авторитета власти [32].

Накопленные материалы и новые подходы к изучению условий жизни и труда дореволюционных рабочих обобщены и представлены в коллективной монографии, авторы которой рассмотрели названные проблемы сквозь призму изучения механизмов стимулирования труда [12].

В связи с оценкой положения рабочих, возрос интерес к изучению развития фабрично-заводского законодательства. В центре внимания оказались вопросы государственного социального страхования рабочих. Рассматривается влияние зарубежного опыта, деятельность правительственных учреждений и предпринимательских обществ по разработке страхового законодательства, практическое применение законов 1903 и 1912 годов [42; 80]. Развитие рабочего законодательства на протяжении всего пореформенного периода и в начале XX века рассмотрено в очерке Л.В. Куприяновой и диссертации И.А. Куриновой, включивших широкий круг вопросов, касавшихся условий найма, продолжительности рабочего времени, применения женского и детского труда, социального страхования, попытки введения фабричных старост. Большое внимание уделено самой законодательной работе, анализу законопроектов, позиций предпринимательских организаций, затягивавших принятие законодательных актов. Предложена периодизация развития рабочего законодательства [41; 43]. Проблемы разработки страхового законодательства в России в конце XIX – начале XX вв. и его реализации на промышленных предприятиях рассматривает С.В. Ашмарина. В целом, положительно оценивая страховые законы 1903 и 1912 гг., она отмечает затягивание процесса их применения ввиду уклонения владельцев и длительности процедуры организации новых страховых структур [1; 2]. Работы Л.В. Куприяновой, С.В. Ашмариной не ограничиваются изучением фабричного законодательства, но и реконструируют баланс интересов предпринимателей и правительства в процессе разработки законодательства. Однако открытыми остаются вопросы: насколько уровень развития рабочего законодательства соответствовал потребностям рабочих, насколько эффективно местная власть реагировала на многообразные формы производственных конфликтов, выходивших за рамки законодательного регулирования.

Контроль за реализацией рабочего законодательства и посредничество в трудовых конфликтах были возложены на фабричную инспекцию. В новейших исследованиях разрабатываются вопросы развития структуры и состава, полномочий инспекции. Для нас особый интерес представляет статистический анализ посреднической деятельности фабричных инспекторов, её роль в урегулировании трудовых конфликтов [20; 21; 24; 25].

Историки всегда интересовались процессом перехода от пассивности к активному социальному протесту. В центре внимания оказалось не классовое пролетарское, а массовое сознание, которое «отражало противоречивое положение рабочих, как конгломерата, включающего представителей почти всех социальных групп общества» [83]. В основе психологических процессов в революционный период лежат особенности менталитета рабочих, реконструируемые в исследованиях Ю.И. Кирьянова, Ю.Т. Трифанкова, других историков [35]. Л.И. Бородкиным поставлен вопрос о влиянии процесса передачи и распространения информации на характер и динамику социальных конфликтов [9; 55].

На конкретном материале изучается облик, культурный уровень рабочих. Ю.И. Кирьяновым рассмотрены стереотипы представлений и поведения различных пролетарских слоев, их отношение к самодержавию, царю, к частной собственности, профессиональным и политическим организациям, к проблемам повседневной жизни, их представления об идеальном обществе [36]. На систему взглядов пролетариата влияли консервативные, патриархально-крестьянские черты в облике рабочих, обусловленные сохранением их связей с деревней, крестьянским происхождением, широким применением женского труда и патерналистскими мероприятиями предпринимателей. Сказывались на поведении рабочих религиозно-мессианские, богоскандальские настроения [6; 75]. Все это обуславливало неоднозначное отношение рабочих к политической агитации и партийным организаторам в эпоху революций, о чем сохранились многочисленные свидетельства источников. В исследованиях Е.А. Чугунова и Е.Р. Ольховского на обширном материале прослежены изменения образовательного и культурного уровня рабочих [50; 56; 85].

В советской историографии традиционно сильной была историко-партийная тематика. В новейших работах сменилась исследовательская парадигма. Рабочий рассматривается не как объект партийного влияния, а как активный субъект, взаимодействовавший с различными политическими организациями, обладавший свободой выбора на политическом поле России. Благодаря исследованиям С.А. Степанова, Ю.И. Кирьянова, А.М. Белова, доказано, что право-монархические организации пользовались значительным влиянием в рабочей среде, причем пик этого влияния приходится на 1905–1907 гг. [38; 81]. М.И. Леоновым показаны масштабы влияния эсеров в рабочей среде. По его подсчетам, доля рабочих в партии колебалась в пределах 35–41%. Существенно меняются представления о роли эсеров в организации Советов, революционной борьбы, о результатах выборов в Государственную думу. А.М. Белов проследил деятельность в рабочей среде в ЦПР социал-демократических, эсеровских, монархических,

октябристских организаций, кадетов, местных, региональных партий (в частности, Иваново-Вознесенской самодержавно-монархической партии). Взаимодействие политических партий и рабочего движения на Дону и Кубани рассмотрено в диссертации К.В. Кудряшова. Ю.Ю. Иерусалимский провел большую работу по изучению листковой и периодической революционной печати в ЦПР в период первой российской революции. Применяя методы исторической антропологии, Е.А. Беседина исследовала практики повседневного взаимодействия партийных активистов и рабочих [5; 8; 31; 40; 45]. И.М. Пушкарева на основе анализа данных «Хроники» рабочего движения в предреволюционный период доказала взаимозависимость роста рабочего движения и политических партий, представила обзор деятельности партийных и профессиональных рабочих организаций [68]. Историкам удалось воссоздать обстановку межпартийной конкуренции за влияние на рабочую массу, неоднородность и непостоянство симпатий рабочих, политический выбор которых определялся множеством факторов, порой происходил интуитивно или на эмоциональном уровне.

Рабочие в ходе революционной борьбы обнаруживали высокую степень самоорганизации. Организационное творчество рабочих, их способность к самостоятельности проявлялись в создании Советов, а также многочисленных легальных и полуполитических рабочих организаций: кооперативов, потребительских обществ, профсоюзов. В соответствии с методикой разработки «Хроники», И.С. Розенталем и К.Е. Балдиным предпринято изучение профсоюзных организаций, рабочих потребительских обществ и кооперативов. Дана типология профсоюзных и кооперативных организаций, эволюция их функционального характера и состава, показаны их взаимоотношения с политическими партиями и фабрикантами [3; 4; 51; 64; 74].

В современной историографии определился значительный интерес к истории предпринимательства, в том числе к изучению попечительства фабрикантов в отношении рабочих. Проблема их взаимодействия впервые была поставлена на XIX зональной межвузовской конференции 1993 г. М.Г. Мейерович предложил рассматривать благотворительность фабрикантов в контексте патерналистской политики буржуазии. Обратной стороной попечительских мероприятий предпринимателей являлось стремление консервировать патриархальные отношения с рабочими. С этой целью благотворительные мероприятия подкреплялись методами семейственности, землячества, экономического «прикрепления» рабочих к предприятию [47]. В 1995 и 1996 гг. проблема взаимоотношений предпринимателей и рабочих обсуждалась в ходе Морозовских чтений. Тема предпринимательской благотворительности, попе-

чительства, выработки рабочей политики раскрыта в трудах И.В. Поткиной, Ю.А. Петрова и других исследователей [46; 59; 63]. И.В. Шильниковой предложен «пошаговый» анализ развития трудового конфликта, как со стороны фабричной администрации, так и со стороны рабочих [86]. Однако в большинстве работ действия предпринимателей во время производственных конфликтов либо характеризуются излишне обобщенно, либо авторы апеллируют к частным примерам предпринимательской нетерпимости или, напротив, нетерпимости в отношении рабочих. Целостная картина политики предпринимателей по предотвращению и урегулированию трудовых конфликтов отсутствует.

Совокупность проблем, связанных с изучением рабочего движения в период первой российской революции, получила отражение в коллективной монографии «Первая революция в России: взгляд через столетие». Причины революции анализируются через призму модернизации российского общества, определено место рабочего протеста в контексте широкого общенационального революционного движения [58].

Итак, в 1990–2000-е гг. начался новый этап в изучении рабочего протеста и рабочих дореволюционной России. Для него характерно продвижение исследовательской работы по следующим направлениям.

1. Составление обширной базы данных путем создания «Хроники рабочего движения в России в 1895–1917 гг.» и на ее основе изучение всего многообразия форм трудовых конфликтов.

2. Интегрированное изучение разнообразных показателей рабочего протеста, факторов социального, политического, экономического развития России с применением количественных методов исследования.

3. Изучение структурных, качественных сдвигов в составе рабочего класса.

4. Возвращение внимания к вопросам материально-бытового положения рабочих. Анализ многообразия условий жизни и труда рабочих сквозь призму создания стимулов к труду.

5. Пристальное изучение законодательного регулирования трудовых отношений в дореволюционной России.

6. Анализ психологии, массового сознания рабочих, исследование сложной системы их взаимоотношений с предпринимателями.

7. Рабочие стали рассматриваться как субъект многопартийной политической и общественной жизни в дореволюционной России.

Библиографический список

1. *Ашмарина С.В.* Социальное обеспечение горнозаводских рабочих предпринимателями на Урале в конце XIX – начале XX века // Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX века: материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора М.Н. Белова: в 2 ч. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001. – Ч. 2. – С. 93–99.

2. *Ашмарина С.В.* Социальное страхование Рабочих в конце XIX – начале XX вв. (на материалах горнозаводских предприятий Урала): дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002. – 24 с.

3. *Балдин К.Е.* Рабочее кооперативное движение в России во второй половине XIX – начале XX века. – Иваново: ИвГУ, 2006. – 312 с.

4. *Балдин К.Е., Кашаева О.Е.* Легальные рабочие организации Ивановского края в начале XX века. – Иваново: ИвГУ, 2006. – 319 с.

5. *Белов А.М.* Политические партии и рабочие Центрального промышленного района в революции 1905–1907 гг. – Кострома: КГПУ им. Н.А. Некрасова, 1997. – 192 с.

6. *Белов М.Н.* О формировании облика рабочих Центральной России // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. – Иваново, 1994. – С. 65–69.

7. *Белова Т.В.* Стачечное движение в губерниях Верхнего Поволжья в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, ЯрГУ, 1993. – 300 с.

8. *Беседина Е.А.* Российская социал-демократия в 1905–1907 гг.: историко-антропологический анализ повседневной революционной практики: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2008. – 259 с.

9. *Бородкин Л.И.* Волны стачечного движения в России конца XIX – начала XX вв.: о роли информационных факторов // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение / под ред. Д.О. Чумакова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 165–181.

10. *Бородкин Л.И.* Квантитативные исследования стачечного движения и факторов его развития в дореволюционной России (Из опыта творческого содружества) // Россия на рубеже XIX–XX веков: материалы научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 93–111.

11. *Бородкин Л.И.* О динамике реальной заработной платы рабочих в период дореволюционной индустриализации // Рабочие – предприниматели – власть в XX веке: материалы III Международной науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред. А.М. Белов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – Ч. 1. – С. 75–84.

12. *Бородкин Л.И., Валетов Т.Я., Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В.* «Не рублём единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. – М.: РОССПЭН, 2010. – 535 с.

13. *Бородкин Л.И., Ковальченко И.Д.* Промышленная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв. // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. – М.: Наука, 1981. – С. 102–127.

14. *Бородкин Л.И., Пушкирёва И.М., Шильникова И.В.* База данных о рабочем движении в России конца XIX – начала XX вв. // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы: материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред. А.М. Белов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – Ч. 1. – С. 23–39.
15. *Бородкин Л.И., Пушкирёва И.М., Шильникова И.В.* Структура и динамика протестного движения рабочих России (1895–1904 гг.): анализ базы данных // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы: материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред. А.М. Белов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010 – Ч. 1. – С. 39–60.
16. *Валетов Т.Я.* Система социального обеспечения как фактор мотивации труда на фабриках товарищества мануфактур Н.Н. Коншина в начале XX в. // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность / под ред. А.В. Бузгалина, Д.О. Чуракова, П. Шульце. – М.: Слово, 2002. – С. 123–139.
17. *Варзар В.Е.* Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895–1904 гг. – СПб., 1905. – 80 с., 38 л.
18. *Володин А.Ю.* «Жалобу Доносить Вашему Всоко Родю Господину Инспектору» (жалобы рабочих участковому фабричному инспектору на рубеже XIX–XX веков) // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л.И. Бородкина. – М.: МГУ, 2001. – Вып. 6. – С. 26–35.
19. *Володин А.Ю.* Жалоба рабочего как явление фабричной жизни // Рабочие – предприниматели – власть в XX веке: в 2 ч. / отв. ред. А.М. Белов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – Ч. II. – С. 97–105.
20. *Володин А.Ю.* История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг. – М.: РОССПЭН, 2009. – 207 с.
21. *Володин А.Ю.* Фабричная инспекция в России (1882–1912): институциональное решение трудовых конфликтов // Индустриальное наследие. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. – С. 368–370.
22. *Воронкова С.В.* Российская промышленность начала XX века: источники и методы изучения. – М.: Мосгорархив, 1996. – 244 с.
23. *Галлямова Л.И.* Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. – Владивосток, 1998. – 481 с.
24. *Глазунов С.Р.* Фабричная инспекция в России (1882–1903): власть – предприниматели – рабочие // Рабочие – предприниматели – власть в XX в.: социальные аспекты проблемы: материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред. А.М. Белов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – Ч. 1. – С. 206–214.
25. *Глазунов С.Р.* Фабричная инспекция и механизм регулирования трудовых отношений в индустриальной России // Индустриальное наследие. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. – С. 370–377.
26. *Додонов Б.Ф., Кирьянов Ю.И.* Обзор архивных источников об основных формах массового рабочего движения в России (1895 – февраль 1917 гг.): метод. пособие для составителей «Хроник рабочего и социал-демократического движения. – М.: Главное архивное управление, 1990. – 117 с.
27. *Дорофенюк М.А., Шильникова И.В.* База данных «Трудовые конфликты в Российской Империи в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы методологии, историографии, источниковедения истории предпринимателей и рабочих России в XX веке: материалы IV Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред. А.М. Белов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – Ч. 1. – С. 248–255.
28. *Егоров Е.А.* Творцы революции (рабочие Центрально-промышленного района России 1900 – февраль 1917 г.). Динамика численности и изменение состава. – Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд., 1990. – 191 с.
29. *Иванова Н.А.* Промышленный центр России 1907–1914 гг. Статистико-экономическое исследование. – М.: ИРИ РАН, 1995. – 284 с.
30. *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М.: Наука, 2004. – 574 с.
31. *Иерусалимский Ю.Ю.* Революционная печать Центрального промышленного района в период первой российской революции: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М.: МГУ, 1995. – 39 с.
32. *Касарова В.Г.* Рабочие Владимирской губернии в годы первой мировой войны, июль 1914 – февраль 1917: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1999. – 225 с.
33. *Касимов А.С.* Хроника рабочего движения в Центрально-Черноземном районе (1895 – февраль 1917 г.). – Пенза: Пенз. гос. пед. ин-т им. В.Г. Белинского, 1993. – 196 с.
34. *Керов В.В.* Воздействие промышленной структуры на стачечное движение рабочих в первой российской революции 1905–1907 гг. и мексиканской революции 1910–1917 гг. (Опыт сопоставительного анализа): дис. ... канд. ист. наук. – М.: УДН, 1990. – 216 с.
35. *Кирьянов Ю.И.* Менталитет рабочих на рубеже XIX–XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917 г.: сб. статей / под ред. С.И. Потолова. – СПб.: Санкт-Петербургский филиал ИРИ РАН, 1997. – С. 55–76.
36. *Кирьянов Ю.И.* Рабочие в России на рубеже XIX–XX веков // Отечественная история. – 1997. – № 4. – С. 40–53.
37. *Кирьянов Ю.И.* Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). – М.: ИРИ РАН, 2005. – 220 с.

38. *Кирьянов Ю.И.* Численность и состав крайних правых партий в России (1905–1907 гг.): тенденции и причины изменений // Отечественная история. – 1999. – № 5. – С. 29–43.
39. *Кирьянов Ю.И., Бородин Л.И.* Влияние различных факторов социального, экономического и политического характера на рабочее движение в России в конце XIX – начале XX вв. // Россия и США на рубеже XIX–XX столетий (Математические методы в исторических исследованиях) / ред. Л.В. Милов. – М.: Наука, 1992. – С. 40–78.
40. *Кудряшова К.В.* Проблемы взаимодействия рабочего движения и политических партий на Дону, Кубани и Ставрополье в начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 1994. – 213 с.
41. *Куприянова Л.В.* «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX в. // История предпринимательства в России. – Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 343–337.
42. *Куприянова Л.В.* Российские предприниматели и проблемы социального страхования. 1880–1905 годы // Отечественная история. – 1996. – № 5. – С. 50–76.
43. *Куринова И.А.* Рабочий вопрос и разработка фабричного законодательства в России в середине XIX – начале XX веков: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997. – 195 с.
44. *Лекомцев М.Г.* Формы борьбы рабочих Центрального промышленного района в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917): дис. ... канд. ист. наук. – М.: ИРИ РАН, 1991. – 263 с.
45. *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. – М.: РОССПЭН, 1997. – 512 с.
46. *Малышев А.П.* Социально-экономические и политические взгляды и деятельность А.И. Коновалова: дис. ... канд. ист. наук. – Кострома, 2004. – 194 с.
47. *Мейерович М.Г.* Патерналистская политика буржуазии (На материалах Ярославской губернии) // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX – начале XX века: материалы XIX зональной межвузовской конференции Центрального промышленного района России / отв. ред. И.М. Пушкарёва. – Иваново: ИвГУ, 1994. – С. 44–48.
48. *Мейерович М.Г.* Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 – феврале 1917 г.: хроника. – Ярославль: ЯрГУ, 1995. – 120 с.
49. *Миронов Б.Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник: РОССПЭН, 1998/99. – М., 1999. – С. 243–286.
50. *Михайлов Н.В.* Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г.: сб. статей / под ред. С.И. Потолова. – СПб.: Санкт-Петербургский филиал ИРИ РАН, 1997. – С. 149–165.
51. *Михайлов Н.В.* Совет безработных и рабочие Петербурга в 1906–1907 гг. – М.; СПб.: Санкт-Петербургский филиал ИРИ РАН, 1998. – 298 с.
52. *Новиков А.В.* К вопросу о причинах активизации рабочего движения в России в начале XX века // Новый исторический вестник. – 2005. – № 13. – С. 22–49.
53. *Новиков А.В.* Погромные выступления в Верхневолжье в 1905 году // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия «Исторические науки». – 2005. – № 3. – С. 11–18.
54. *Новиков А.В.* Рабочее движение в Костромской губернии в 1895 – феврале 1917 гг.: хроника. – Вып. 1. 1895–1905 гг. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003. – 122 с.; Вып. 2. 1906 – 3 июня 1907 г. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – 80 с.
55. *Новиков А.В.* Современники в потоке информации о революционных событиях в 1905–1907 гг. // Проблемы методологии, историографии, источниковедения истории предпринимателей и рабочих России в XX веке: материалы IV Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред. А.М. Белов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – Ч. 1. – С. 87–95.
56. *Ольховский Е.Р.* Формирование рабочей интеллигенции в России в конце XIX – начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г.: сб. статей / под ред. С.И. Потолова. – СПб.: Санкт-Петербургский филиал ИРИ РАН, 1997. – С. 77–95.
57. Организационные и методические принципы подготовки хроник рабочего и социал-демократического движения в России (1895 – февраль 1917 гг.) / отв. ред. В.И. Бовыкин. – М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1990. – 182 с.
58. Первая революция в России. Взгляд через столетие / отв. ред. А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 602 с.
59. *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. – М.: Мосгорархив, 2002. – 440 с.
60. *Полищук Н.С.* Производственные помещения как жилище фабричных рабочих ЦПР (вторая половина XIX века) // Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность / под ред. А.В. Бузгалина, Д.О. Чуракова, П. Шульце. – М.: Слово, 2002. – С. 148–153.
61. *Посвятенко Ю.В.* Рабочие хлопчатобумажной промышленности Верхнего Поволжья: численность, состав, положение (1861–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Иваново: ИвГУ, 1999. – 228 с.
62. *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. – М.: РОССПЭН, 2009. – 368 с.

63. *Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. – М.: Главархив Москвы, 2004. – 384 с.
64. Профессиональные союзы рабочих России. 1905 – февраль 1917 г. Перечень организаций / сост. И.С. Розенталь. – М.: Институт истории СССР РАН СССР, 1985. – Т. 1–2. – 421 с.
65. *Пушкарёва И.М.* Возвращение к забытой теме: массовое рабочее движение в начале XX века // Отечественная история. – 2007. – № 2. – С. 101–120.
66. *Пушкарёва И.М.* Информационные ресурсы нового массового источника по истории дореволюционного рабочего движения в России // Проблемы методологии, историографии, источниковедения истории предпринимателей и рабочих России в XX веке: материалы IV Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред., сост. А.М. Белов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – Ч. 1. – С. 8–28.
67. *Пушкарёва И.М.* Массовое рабочее движение и начало революционных событий 1905 года // Первая русская революция: взгляд через столетие: материалы науч. конф. – М.: МГОУ, 2006. – С. 12–27.
68. *Пушкарёва И.М.* Рабочие и партии России в канун революции 1905–1907 годов // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г.Н. Севостьянова. – М.: Наука, 2005. – С. 146–164.
69. *Пушкарёва И.М.* Роль В.И. Бовыкина в создании корпуса источников по истории рабочего движения в России // Россия на рубеже XIX–XX веков: материалы научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина. – М.: РРОССПЭН, 1999. – С. 81–92.
70. *Пушкарёва И.М.* Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. / И.М. Пушкарёва, Л.И. Бородин, С.В. Глазунов, А.В. Новиков, С.И. Потолов, И.В. Шильникова. – СПб.: Алетей, 2011. – 476 с.
71. Рабочее движение в России 1895–1904 гг.: сб. статей и материалов для «Хроники рабочего движения в России в 1895 – феврале 1917 г.». – М.: Ин-т истории СССР РАН СССР, 1988. – 232 с.
72. Рабочее движение в России в период революции 1905–1907 гг. (Материалы для «Хроники рабочего движения»). – М.: Главное архивное управление при каб. мин. СССР, 1991. – 298 с.
73. Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. – Вып. I. 1895 год. – М.: ИРИ РАН, 1992. – 176 с.; Вып. II. 1896 год. – М., СПб.: Блиц, 1993. – 247 с.; Вып. III. 1897 год. – М.; СПб.: Блиц, 1995. – 351 с.; Вып. IV. 1898 год. – М., СПб.: Блиц, 1997. – 352 с.; Вып. V. 1899 год. – М.: ИРИ РАН, 1998. – 391 с.; Вып. VI. 1900 год. – М.: ИРИ РАН, 1999. – 411 с.; Вып. VII. 1901 год. – СПб.: Блиц, 2000. – 607 с.; Вып. VIII. 1902 год: в 2 т. – М.: ИРИ РАН, 2002. – 838 с.; Вып. IX. 1903 год: в 4 т. – М.: ИРИ РАН, 2005. – 1304 с.; Вып. X. 1904 год: в 3 т. – М.: ИРИ РАН, 2006. – 810 с.
74. Рабочие потребительские кооперативы в России. 1861 – февраль 1917 г. Перечень организаций / сост. К.Е. Балдин. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1990. – Т. 1–2. – 336 с.
75. *Розенталь И.С.* Духовный мир рабочих в изображении А.К. Гастева // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. – Иваново, 1994. – С. 73–77.
76. *Романов П.Н.* Основные формы борьбы и компромиссы рабочего класса Южного Урала в 1900 – феврале 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 1997. – 282 с.
77. *Скубневский В.А.* Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). – Томск: изд. том. ун-та, 1991 – 239 с.
78. *Соколов А.К.* Драма рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России // Социальная история. Ежегодник, 2004. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 17 (с. 7–52).
79. Стачки в России в 1914 – феврале 1917 гг.: хроника / сост. Г.Г. Касаров. – М.: МАДИ, 1989. – Вып. 1. – С. 32–39.
80. *Степанов В.Л.* Социальное законодательство О. Фон Бисмарка и законы о страховании рабочих в России // Отечественная история. – 1997. – № 2. – С. 59–73.
81. *Степанов С.А.* Рабочие и черносотенные организации. 1905–1907 гг. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917 г.: сб. статей / под ред. С.И. Потолова. – СПб.: Санкт-Петербургский филиал ИРИ РАН, 1997. – С. 367–378.
82. *Тихобаева Л.С.* Рабочие Колыванской шифовальной фабрики в XIX веке. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2006. – 126 с.
83. *Трифанков Ю.Т.* Формирование массового сознания рабочих Центрального Промышленного района России (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1999. – 418 с. – С. 47, 51.
84. Хроника рабочего движения в России. Апрель – декабрь 1912 г. / сост. В.П. Желтова: в 2 ч. – М.: ИРИ РАН, 1991, 1995. – 318 с.
85. *Чугунов Е.А.* Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья. Конец XIX в. – 1913 г. (По материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний). – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001. – 217 с.
86. *Шильникова И.В.* К вопросу о механизмах трудовых конфликтов на российских предприятиях в начале XX в. // Проблемы методологии, историографии, источниковедения истории предпринимателей и рабочих России в XX веке: материалы IV Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред. А.М. Белов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – Ч. 1. – С. 208–215.

87. Юдина Л.С. Стачечное движение на Урале в 1895–1904 гг. – Челябинск: ЧелГУ, 1993. – 133 с.

88. Юдина Л.С. Стачечное движение на Урале в 1905–1907 годах: хроника. – Челябинск: ЧелГУ,

1995. – 159 с.

89. Юдина Л.С. Стачечное движение на Урале в июне 1907 – октябре 1917 гг.: хроника. – М.: МАДИ(ТУ), 1997. – 165 с.

УДК 94(470+571)"17/1917"

Белов Андрей Михайлович

доктор исторических наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

istclass@ksu.edu.ru

ПРОЯВЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ И АНТИРЕВОЛЮЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Модернизация России по европейскому образцу, стремление к демократии, политическим свободам прорываются в начале XX века первой российской революцией. Революционным выступлениям, митингам, забастовкам, терактам предшествовали соответствующие настроения, активно поддерживаемые либеральной и революционной печатью. Носители этих идей – либеральная и революционная интеллигенция, учащиеся высших и средних учебных заведений – пытались активно их донести до рабочих фабрик и заводов, крестьян, многочисленных бедных слоёв городов и посёлков. Забастовки, митинги сопровождались многочисленными актами насилия со стороны революционеров. Определённую поддержку в России в 1905 г. революционеры получили от либералов, часть из которых рассчитывала свергнуть монархию и установить республиканский строй. Но разрушение привычного мира, налаженных отношений, лишения, которые принесла забастовочная борьба, создавали благоприятную почву для антиреволюционных настроений, которые получают массовое распространение в провинции в конце 1905 г. Они облекались в привычную, зачастую немирную форму сочувствия царствующему монарху. Под антиреволюционные настроения попадают пострадавшие от форм массовой борьбы многочисленные представители городской бедноты, рабочие, крестьяне близлежащих деревень. В итоге патриотические, консервативные настроения выливаются в бунты, черносотенные погромы.

Ключевые слова: революционные и антиреволюционные настроения, общество, модернизация, социальные группы.

Одним из факторов, активно воздействовавших на развитие событий в 1905 г., были перепады настроений различных социальных групп и сословий, вызванные общественным противостоянием в связи со стачечной и вооруженной борьбой, демонстрациями, манифестациями, другими проявлениями активности. До недавнего времени они изучались с позиции роста, подъема революционной активности масс. Между тем проявление иных настроений трактовалось как реакционное, достойное осуждения или, как минимум, недостойное внимания исследователей. В последнее время происходит отход от одномерного видения истории, активно изучается весь спектр общественных настроений. Но появляющиеся труды страдают излишней специализацией, выделением отдельных проблем общественного движения начала XX в. в ущерб целостному видению происходивших социально-исторических процессов.

В данной статье хотелось бы показать источники формирования революционных и антиреволюционных настроений, их воздействие на власть и общество в период бурных событий 1905 г. в России. Отметим, что динамику настроений в революции чутко улавливали ее участники. Поэтому источники, исходящие от современников первой российской революции, – письма, информация газет, статьи в периодической печати, написанные вслед за событиями, а также ряд исследований, опубликованных по «горячим следам», – дают представление о господствовавших в российском обществе в 1905 г. эмоциях и чувствах [1, с. 16–52].

Прежде всего, хотелось бы коснуться источников формирования революционного настроения. В науке сложилось довольно устойчивое представление о начальной дате первой революции – 9 января 1905 г. Но уже в дореволюционной историографии вполне обоснованно начало массового движения датируется 1904 г. – правительственной «весной», «эпохой банкетов». И действительно, состоявшийся, хотя и официально не разрешенный земский съезд, как отмечают современники, произвел огромное впечатление на все русское общество, прежде всего тем, что был запрещен, однако «состоялся на глазах правительства, вынес конституционные резолюции, – и никто не был ни арестован, ни сослан, ни побит...» [9, с. 38]. Вполне естественно, явное неповиновение властям способствовало тому, что подобное стало повторяться в провинции. Стремительно распространялась по России «банкетная кампания», принимались петиции с требованием конституции и учредительного собрания. Это выливается в разнообразные совещания, собрания, устраиваемые городской интеллигенцией, в стремлении организовать. «Банкетная эпоха» способствует и распространению практики захватного права [9, с. 59]. Либеральная и демократическая интеллигенция прививает новые стереотипы поведения рабочих. По свидетельству Гапона, петиция рабочих царю, которую намеревались подать 9 января 1905 г., была задумана советчиками из «Союза освобождения» – как часть кампании торжественных обедов и профессиональных съездов [11, с. 33]. Следовательно, пети-

ционные требования в сочетании с религиозным возбуждением, инициированными священником Гапоном, выливаются в крестный ход к царю в поисках «правды». Расстрел безоружных рабочих 9 января 1905 г. был катастрофическим для авторитета самодержавия, объединив в общем натиске на власть различные революционные и либеральные силы. В общественном мнении был как бы узаконен народный протест, который обретал крайние, террористические формы. Сложилось представление о «революционном правосудии», характерное для периодов острой политической борьбы, когда общество оправдывает, а то и одобряет разные формы протеста, включая теракты [10, с. 205]. Убийство эсерами 4 февраля в Москве великого князя Сергея Александровича, пропаганда теракта в многочисленных листовках способствовали внедрению в массовое сознание террористических форм борьбы с самодержавием. Откликом на этот призыв только за апрель и май 1905 г., по данным периодической печати, были 116 покушений на различных представителей власти, причем 42 человека было убито, а 62 – ранено [9, с. 34–35].

Теракт в Москве против ближайшего родственника царя оказал воздействие на самодержавие. 18 февраля 1905 г. царь утвердил три документа – высочайший манифест, рескрипт и указ сенату. Манифестом Николай II призывал население к борьбе с «крамолой». Высочайшим рескриптом объявлял, что правительство вознамерилось привлечь «доверием народа обремененных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предположений» [12, с. 134]. А указ сенату возлагал на министров рассмотрение поступающих от частных лиц и учреждений заявлений и ходатайств, «касающихся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения благосостояния» [12, с. 133]. «Белый флаг... символ трусости и слабости, – отзывалось на эти акты “Освобождение”. – Нужно только навалиться всей силой на колеблющееся самодержавие, и оно рухнет...» [10, с. 272].

Весной – летом 1905 г. динамика революционных настроений в российском обществе вступает в новый этап. В стране ширилось движение по организации профессионально-политических объединений. Второй майский съезд «Союза союзов» принимает решение явочным путем осуществлять организацию союзов, собраний, свободу слова и печати.

Вступает в новый этап и стачечное движение рабочих. Так, Иваново-Вознесенская стачка показала «неожиданно высокую политическую зрелость» даже для лидеров наиболее революционных течений [7, с. 314]. Вместе с тем массовое движение порождает не менее сильные антиреволюционные настроения. Длительная, малорезультативная 72-дневная борьба рабочих и вызванные

ее лишения способствовали распространению антизабастовочных настроений. Все это приводит по окончании стачки в июле – августе к росту лояльных администрации и местной власти настроений, проведению благодарственных молебнов на фабриках и изгнанию депутатов Совета уполномоченных. Например, осенью 1905 г. в период все-российской Октябрьской стачки в Иваново-Вознесенске забастовали на один день лишь отдельные предприятия. В то же время значительная масса рабочих идет за черносотенцами [8, с. 124].

К росту антиреволюционных настроений среди части городских жителей приводят непрерывные революционные митинги с середины мая до начала июля в Нижнем Новгороде. Здесь социал-демократы и либералы превратили организованную властями панихиду по жертвам цусимской трагедии в демонстрацию протеста. После этого вплоть до 9–10 июля 1905 г. полиция не препятствовала проведению революционных сходок.

9 июля организации нижегородских революционных партий и либеральных союзов отметили полугодие со дня кровавых событий в Санкт-Петербурге массовыми митингами, демонстрациями и забастовками протеста. На следующий день, в ответ на попытку революционно настроенной демократической интеллигенции, учащихся, рабочих продолжать митинг, а также оказать вооруженное сопротивление, большая толпа черносотенцев, состоявшая из грузчиков, извозчиков, строительных рабочих, набросилась на демонстрантов. В результате были убитые, много раненых и покалеченных. Вооруженные столкновения, во время которых погибли члены боевой дружины социал-демократов, продолжались до 11 июля [6, с. 127–128].

Погром привел к дезорганизации деятельности наиболее влиятельной в распространении революционных настроений местной социал-демократической организации. На этой почве возник конфликт с периферией, которая обвинила социал-демократический комитет в бездеятельности. В свою очередь моментом воспользовалась Сормовская заводская администрация, добившаяся увольнения передовых рабочих, а 1 августа предприятие и вовсе было закрыто на две недели.

Новый импульс революционные настроения получают в конце лета 1905 г. Законом 27 августа была дарована широкая автономия высшим учебным заведениям. Весь внутренний распорядок передавался в руки коллегии профессоров и выборных ими ректоров. Студенты стали беспрепятственно устраивать сходки о том, стоит ли начинать учиться, так как раньше, в феврале, было решено бастовать «до учредительного собрания». Этим обстоятельством воспользовались революционные партии, которые превратили студенческие сходки в революционные митинги [10, с. 305].

Гражданским противостоянием отмечают и события Октябрьской политической стачки 1905 г. В литературе советского периода, кроме руководящего влияния большевиков, отмечается стачечное движение, мирная борьба рабочих, которой противодействовали черносотенно настроенные, люмпенизированные низы городского населения, а также крестьяне близлежащих деревень.

Обращение к источникам показывает, что картина была более сложной. 12 октября кровавые столкновения произошли между пытавшимися остановить работы забастовщиками нескольких предприятий Рогожского района Москвы и рабочими завода Гужона. В результате обстрела революционерами гужоновцев, по свидетельству социал-демократической печати, было убито 5 гужоновцев, а 12 – ранено. Завод так и не присоединился к забастовке [3, №8564]. Как сообщал прокурор рязанского окружного суда, во время забастовки 11 октября «служащие железной дороги принудили закрыть железнодорожные мастерские», силой остановили работы на заводах Ажина и Левонтиных, а также Рязанского механического. В прокламации руководящих движением эсеров содержалась угроза убийством всякому, кто будет препятствовать намеченному ими ходу событий [4, л. 1–4]. Насилие к не желающим бастовать применялось не только на предприятиях Москвы, но и во многих фабричных заведениях, на станциях и в депо железных дорог России.

Перелом в движении вносит манифест 17 октября. Следует признать, что прокатившиеся черносотенные погромы и, прежде всего, поведение погромщиков зачастую были зеркальным отражением поведения революционеров. В некоторых местах они были поддержаны местными властями (Иваново-Вознесенск, Ярославль, Кострома, Тула, Москва и др.), а в Москве – связаны с растерянностью, неготовностью противостоять «страстям» в условиях неожиданно провозглашенных свобод. Отсутствие явных революционных и антиреволюционных настроений и связанных с ними эксцессов в С.-Петербурге, наводненном верными престолу войсками гвардии, показало, что фактор стойкости армии будет решающим для исхода борьбы между властью и революционерами в ходе дальнейшего нагнетания и распространения крайних форм борьбы в российском обществе.

И еще один аспект, частично нами обозначенный, хотелось бы затронуть в этой статье. События первой революции показывают, что революционными настроениями в течение всего периода, а также в октябре и – позднее – в декабре 1905 г. были охвачены представители либеральной интеллигенции и буржуазии. В советский период о революционной деятельности буржуазии было фактически невозможно говорить. Но внимательный исследователь все же мог в примечаниях к многотомному

сборнику документов [13] прочитать информацию о деятельности Стаечного комитета Москвы [2, с. 680], фактически осуществлявшего руководство движением в этом крупнейшем центре России после ареста большевиков в октябре. Впоследствии, уже в ноябре, когда социал-демократы Москвы принимают решение образовать совет рабочих депутатов, московский стачечный комитет самораспускается. Таким образом, под воздействием разных потоков революционного движения происходит дифференциация революционных настроений. Несомненно, что в этом спектре мысль об образовании совета в Москве представляла наиболее крайнее проявление эмоций и чувств, выразив стремление революционеров организовать вокруг лозунга вооруженного восстания наиболее радикальные слои городского населения. Впрочем, по признанию одного из лидеров кадетов, в их рядах в декабрьских вооруженных столкновениях были также сильны республиканские настроения [5, с. 120].

Динамика развития революционных настроений в 1905 г. показывает, что их носителями были представители не только демократической, но и либеральной интеллигенции. Земские съезды, принимаемые ими решения, установившиеся с весны 1905 г. во многих регионах фактические свободы печатного и устного слова широко разносили по стране освободительные, а во многих случаях революционные идеи. Объектом критики, а также нападок либеральной и демократической печати становилось царское самодержавие и бюрократический строй. Это приводит к деформации общественной морали, которая начинает оправдывать многочисленные протестные, забастовочные выступления и теракты. Но широкое распространение забастовочных форм борьбы во второй половине 1905 г. приводит к расширению числа недовольных насильственным поведением революционеров и забастовщиков. В их число попадают пострадавшие от этих форм массовой борьбы многочисленные представители городской бедноты, рабочие, крестьяне близлежащих деревень. Разрушение привычного мира, налаженных отношений, лишения, которые приносила забастовочная борьба, создавали благоприятную почву для антиреволюционных настроений. Они облекались в привычную, зачастую немирную форму сочувствия царствующему монарху.

Библиографический список

1. Воробьев Н. Из жизни иваново-вознесенских рабочих (Этюды по материалам о стачке 1905 г.) // Образование. – 1906. – № 3. – Отд. II. – С. 16–52.
2. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. – М: АН СССР, 1955. – 609 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1741. – Оп. 1. – Д. 8564.

4. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 124. – Оп. 43. 1905. – Д. 737.
5. Корнилов А.А. Воспоминания // Вопросы истории. – 1994. – № 5. – С. 143–159.
6. Лебедев П. Красные дни в Нижнем Новгороде // Былое. – 1907. – № 5. – С. 124–148.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М.: Политическая литература, 1979. – Т. 14. – 380 с.
8. Листовки иваново-вознесенской большевистской организации 1900–1912 гг. – Иваново: Верхне-Волжское издательство, 1957. – 203 с.
9. Маевский Е. Массовое движение с 1904 по

- 1907 гг. // Общественное движение в России в начале XX века. – СПб.: Общественная польза, 1910. – Т. II. – С. 34–184.
10. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. – СПб.: Петрополь, 1991. – 672 с.
11. Пайнс Р. Русская революция. – М.: Захаров, 1994. – Т. I. – 480 с.
12. Полный свод законов Российской империи. Собр. третье. 1905. – СПб.: Государственная типография, 1908. – Т. 25. – 1118 с.
13. Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. – М., 1955–1965.

УДК 94(470+571)"17/1917"

Сулоев Иван Николаевич

Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
iwdoroga@mail.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СРЕДИ КРЕСТЬЯН В 1905–1907 ГОДАХ

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. стали доступны ранее закрытые от исследователей источники, что позволило глубже изучать непролетарские партии. В связи с этим становится актуальным анализ исследований отечественных историков, посвящённых деятельности политических партий среди сельского населения в 1905–1907 гг. Усиливает актуальность статьи и приближающееся 90-летие со дня начала первой российской революции.

Отечественную историографию влияния политических партий на крестьян в 1905–1907 гг. можно разделить на три периода. Основанием периодизации являются политические и социально-экономические условия, формирующие определённую историографическую ситуацию.

I период: 1905–1917 гг. – дореволюционный. Исследователи поднимали отдельные проблемы проявления социально-политической активности крестьян: участие в выборах в Государственные думы, «приговорное движение».

II период: 1917–1991 гг. – советский. В течение всего периода историки собрали значительный фактический материал, продолжили изучение социально-политической активности крестьян, стало возможным изучение крестьянских общественно-политических организаций, а также психологии сельского населения.

III период: после 1991 г. – современный. Историки обратились к рассмотрению деятельности Всероссийского Крестьянского союза и Трудовой группы. Началось комплексное изучение приговоров и наказов крестьян. Исследователи приступили к изучению участия крестьян в выборах в I и II Государственные думы. В контексте данной проблемы рассматривалась стратегия и тактика политических партий в период предвыборных кампаний. Данная проблема в отечественной историографии не являлась предметом специального изучения. В течение всех трёх периодов поднимались лишь отдельные проблемы деятельности политических партий среди сельского населения.

Ключевые слова: политические партии, крестьяне, статьи, монографии.

В первую российскую революцию политические партии уделяли особое внимание крестьянству, так как от его взглядов и позиции зависел исход начавшейся в стране модернизации. Поэтому усилия политических партий были направлены на завоевание симпатий сельского населения.

В конце 90-х гг. прошлого века – начале 2000-х гг. стали доступны ранее закрытые от исследователей источники, что позволило изучать непролетарские партии. В связи с этим становится актуальным анализ исследований отечественных историков, посвящённых деятельности политических партий среди сельского населения в 1905–1907 гг. Усиливает актуальность статьи и приближающееся 90-летие со дня начала первой российской революции.

Изучение деятельности политических партий среди сельского населения началось ещё до революции. На данном этапе работы носят как краеведческий, публицистический, так и научный характер и содержат много интересной информации.

В работах историки отмечают изменение характера крестьянского вопроса: «Теперь вопрос этот (аграрный. – И.С.) стал в истинном смысле слова крестьянским вопросом: теперь ставят его сами крестьяне и пытаются разрешить его собственными силами» [37, с. 30]. В то же время появляются работы, рассматривающие крестьянское движение как «малосознательное, импульсивное» [7, с. 3]. К концу революции, в связи с ретроспективной переоценкой крестьянского движения, исследователи отмечают, что в «миросозерцании крестьян, в их отношении к вопросам права и силы происходят и произошли глубокие перемены. Нет уже наивной веры в силу собственной правоты, но в то же время не окрепло ещё и сознание своей силы» [6, с. 10]. Таким образом, авторами затрагиваются и вопросы социально-политической деятельности крестьянства. В то же время исследователи уже отмечают перемены в политической активности сельского населения. В 1906 г. выходят работы о запросах крестьян к I Думе. Участвовавшие в составлении

сборника авторы давали оценку приговорам и наказаниям, считая, что последние выражают «волю народа» [33; 50].

Интересовала историков и политическая активность крестьян в период выборов в Государственную думу. Так, часть исследователей считала, что «Дума сыграла огромную роль в развитии политического сознания крестьян... выборы во вторую Государственную думу показали, что крестьянство политически более самоопределилось, а его сочувствие больше склонилось к левым партиям» [24, с. 289]. Меньшевики отмечали, что «крестьянская беднота и молодежь, которая, главным образом, участвует в революционном движении, «и в массе тянется за ними. Но это тяготение к революционным партиям никак еще нельзя назвать сознательным и тем более устойчивым» [20, с. 119]. Историки указывают и на отсутствие среди крестьян монархически настроенной прослойки, считая, что «почти полное отсутствие крестьян-монархистов свидетельствует о том, насколько события последних лет подвинули влево деревню. Но, с другой стороны, мы видим, что к моменту выборов крестьянство... было ещё чуждо революционных лозунгов крайних левых» [8, с. 216].

Таким образом, в дореволюционной историографии исследователи поднимали отдельные проблемы проявления социально-политической активности крестьян: участие в выборах в I и II Думу, в «приговорном движении». В своих выводах авторы приходят к выводу о «полевлении» сельского населения под воздействием агитации политических партий. Несмотря на это, комплексного и многостороннего анализа деятельности политических партий среди крестьян в 1905–1907 гг. ещё не сделано.

В советский период продолжилось изучение деятельности политических партий среди сельского населения. Это была эпоха утверждения однопартийной системы и коммунистической идеологии. В связи с этим, при изучении революции 1905–1907 гг. заявляется о ведущей роли рабочего класса в общественных событиях.

Однако в начале 1920-х гг. ещё возможно было изучение влияния либеральных, монархических и других революционных партий. Существовала возможность исследования различных форм проявления социально-политической активности сельского населения («приговорное движение», участие в выборах в Думу) [21; 54]. Авторы работ оценивали события с точки зрения правящей большевистской партии и, как следствие, видели проявление отсталости крестьян в «приговорном движении». Одновременно начинает изучаться влияние социал-демократов на крестьян [26] – с точки зрения влияния РСДРП на социально-политическую активность сельского населения.

Таким образом, в данный период авторы изучают отдельные формы социально-политической

активности крестьян, а именно – «приговорное» движение. Появляется стремление показать подавляющее влияние социал-демократов на крестьян.

В 1930-х – начале 1940-х гг., в связи с укреплением тоталитарного режима и Великой Отечественной войной, деятельность политических партий среди крестьян фактически не изучалась. Тем не менее активное участие крестьян в войне и, как следствие, победа в ней вызвали интерес историков к изучению деятельности политических партий среди сельского населения и реакции на неё. Поэтому новое обращение к теме происходит после Великой Отечественной войны. В вышедшей вскоре после войны статье рассматривалась роль крестьянства в революции. Несмотря на идеологические установки, П. Першин приходил к выводу, что «в огне революционных выступлений крестьянство освобождалось от многих иллюзий, оно всё более теряло веру в “престол” и в начальство: в крестьянских массах выковывалась новая общественно-политическая идеология» [36, с. 30]. В то же время автором рассматривается исключительно 1905 г.

Политическая «оттепель» 1950-х гг. вновь обращает исследователей к крестьянству. Появляются работы, посвящённые Всероссийскому Крестьянскому союзу (ВКС) [13; 14]. Е.И. Кирюхиной впервые исследовалась история возникновения и деятельность ВКС в 1905 г. Автором проанализированы программные документы съездов, установлена численность ВКС в 1905 г. (около 200 тыс.), количество провинциальных организаций (около 500). В то же время в работе не отражено влияние различных политических партий на крестьянство. Недостатком работы является и то, что исследовательница характеризовала ВКС с позиции преобладающего влияния РСДРП на политические взгляды крестьян.

Определённую актуальность изучению крестьянского движения придавало 50-летие первой российской революции. Кроме того, преодоление «культы личности» обращает правящую партию, а за ней и исследователей к работам В.И. Ленина, в том числе к его идее связи рабочего класса и крестьянства в революции 1905–1907 гг. Выходит ряд общероссийских обобщающих исследований. В одной из работ С.М. Дубровский, характеризуя приговоры и наказания крестьян в ноябре – декабре 1905 г., отмечал, что «при наличии отдельных утопических и даже реакционных черт в требованиях крестьян... эти требования отражали объективную революционность всего крестьянского движения...» [10, с. 114]. Появляются также исследования, посвящённые союзу рабочего класса и крестьянства в 1905–1907 гг. В основе исследований лежат все те же идеи В.И. Ленина о союзе рабочего класса и крестьян.

В начале 1970-х гг. появляется монография В.И. Тропина по проблеме взаимоотношений рабо-

чего класса и крестьян. Автор отмечает, что на всём протяжении революции большевики стремились изолировать либеральную буржуазию от сельского населения с целью «превратить крестьянство на этапе буржуазно-демократической революции в резерв и союзника пролетариата» [49, с. 165].

Таким образом, очевидно, что крестьянство по-прежнему рассматривалось историками не как самостоятельная, ориентированная на собственные интересы сила, а только как «ведомая», второстепенная и, в лучшем случае, «союзная» рабочему классу сила. Так, в 1963 г. появляется работа И.Т. Оленина, в которой автор пришёл к выводу, что революция «целиком и полностью подтвердила правильность и жизненность аграрной программы большевиков» [32, с. 79]. Однако подобные работы сводятся к преобладающему влиянию среди крестьян большевиков. В то же время роль других партий во влиянии на сельское население практически отрицалась.

Тем не менее эпоха «оттепели» внесла новые штрихи в развитие исторической науки. После значительного перерыва исследователи возвращаются к истории первой Государственной думы. Рассматривая уполномоченных от крестьян, С.М. Сидельников отмечает крайне пёстрый, неоднородный, как и само крестьянство, состав уполномоченных, «а отсюда и выборщиков по крестьянской курии. В одних волостях избирали лишь крестьян малоземельных, не занимающих общественных должностей, демократически настроенных, в других – преимущественно зажиточных... по взглядам своим правых и черносотенцев» [44, с. 143]. Однако автор не затрагивал мотивы политических симпатий крестьян. Тем не менее возрождается изучение политических предпочтений сельского населения в период выборов в Государственную думу, выявляются различные политические взгляды крестьян в уездах и деревнях Костромской и Ярославской губерний.

В 1970-е гг. исследователи вновь возвращаются к изучению «приговорного движения» крестьян. Впервые после значительного перерыва историками анализируются приговоры и наказания, отправленные во вторую Государственную думу, в том числе от крестьян Костромской и Ярославской губерний. Вместе с тем по-прежнему сказывалось влияние идеологии. Анализируя приговоры и наказания крестьян периода II Думы, А.И. Нильве пришёл к выводу о том, что «передовое крестьянство поддерживало аграрный проект большевиков о национализации земли в стране» [27; 28, с. 110]. При этом автор не приводит каких-либо конкретных фактов.

В 1979 г. появляется методика изучения «приговорного движения», заключающаяся в сравнительном анализе отправки крестьянами приговоров и наказов с другими формами борьбы крестьянства. Исследователь на основе комплексного сравнительно-статистического анализа пришёл

к выводу о том, что «крестьяне, участвовавшие в “приговорном движении”, представляли собой наиболее активную часть крестьянского движения в губернии». Тем не менее крестьянство по-прежнему рассматривалось исключительно с точки зрения союза с рабочим классом [5, с. 112].

В 1980-е гг. появились важные исследования по истории Трудовой группы в период революции 1905–1907 гг. В 1985 г. вышла монография Д.А. Колесниченко. Анализируя деятельность Трудовой группы, автор отмечает, что Трудовая группа – зачаток крестьянской демократической партии. Образование и деятельность группы отразили процесс осознания «крестьянами общекрестьянских требований» [17, с. 227]. В 1988 г. появляется новая книга, в которой в первые представлен поимённый состав Трудовой группы в I и II Государственной думе [45]. В этот период происходит качественный сдвиг в изучении истории политических партий. Появились работы по истории либеральных партий [52; 53]. В монографиях В.В. Шелохаева рассматриваются программные документы и деятельность октябристов и кадетов в период революции. В приложении перечисляются губернские и уездные организации, в том числе и сельской местности. Предпринимается попытка комплексного подхода к изучению крестьянского движения, а именно развития крестьянской борьбы, революционно-демократических организаций и проявления социально-политической активности крестьян [42, с. 252]. Тем не менее по-прежнему приоритет в рассмотрении деятельности среди крестьян отдаётся социал-демократическим организациям, хотя исследователь и признаёт наличие определенной самостоятельности в крестьянском движении.

Таким образом, в течение всего советского периода историки собрали значительный фактический материал. Исследователи обратились к изучению приговоров и наказов крестьян в период I и II Государственной думы. Вырабатываются методики исследования «приговорного движения». В этот период начинается изучение крестьянских общественно-политических организаций. В то же время на всех этапах в советской историографии проблема изучалась в ракурсе ленинских оценок, делался уклон на влияния социал-демократических организаций на крестьян, в свою очередь агитация эсеров, либеральных и черносотенных организаций не изучалась. Несмотря на достигнутые результаты, оставался до конца не изученным целый ряд проблем: деятельность либеральных и правых партий среди крестьян, мотивы выдвижения собственных представителей на выборах в I и II Государственную думу, эволюция политических взглядов крестьян в период революции, мотивы вступления в политические партии.

В 1990-е гг. происходят кардинальные перемены в общественной жизни, с чем и связаны новые

возможности исследователей изучать проблемы деятельности политических партий среди крестьян. Отмена цензуры, отказ от коммунистической идеологии, открытие спецхранов позволили историкам обратиться к новым фактам крестьянского движения. В 1991 г. публикуются материалы советско-американских симпозиумов. В сборнике проводится сравнительный анализ аграрной эволюции России и США в XIX – начале XX века [1]. В середине 1990-х гг. появляются первые монографии, посвящённые социальным представлениям крестьянства в период революционных потрясений. В исследовании анализируются многочисленные приговоры и наказания крестьян центральных губерний [43]. Так, в монографии О.Г. Буховца рассматриваются новые методы изучения влияния социальных конфликтов на крестьянскую ментальность [4].

В 1994 г. в Москве прошла международная конференция «Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)». Участники конференции обсуждали проблему воздействия различных факторов на крестьянский менталитет: природно-географических условий, общины, революции [25, с. 5]. В 1996 г. выходит сборник, посвящённый судьбе крестьянства в XX веке. Авторы исследуют отношение сельского населения к аграрным преобразованиям в XX веке [48].

В этот период активно проходят исследования по смежным проблемам. В начале 1990-х гг. для углублённого изучения рабочего движения конца XIX – начала XX века возникла необходимость создания базы данных форм борьбы и организации рабочих в России. Под воздействием остаточного влияния советской идеологии публикуются «Хроники» общественно-политического движения [38–40]. А.В. Новиков составляет хронику Рабочего движения в Костромской губернии в 1895–1917 гг. [30; 31]. А.М. Белов в своей монографии раскрывает деятельность политических партий среди рабочих в 1905–1907 гг. [2]. В то же время подвергаются изучению причины активизации рабочего движения в России [29]. Таким образом, в 1990-х гг. в отечественной историографии поднимаются проблемы трансформации менталитета крестьян, влияния различных факторов на психологию сельского населения в переломное время. В 1990-х гг. появилась возможность по-новому взглянуть на деятельность непролетарских политических партий. В работах исследователи приводят данные о губернских и уездных политических организациях [18; 19; 34; 46].

В середине 1990-х – начале 2000-х гг. возобновляется интерес к крестьянским общественно-политическим организациям. В этом направлении определённым вкладом стала монография Д.А. Колесниченко, посвящённая Всероссийскому Крестьянскому союзу. Автор подчёркивает, что «ВКС

принадлежал к широкому народническому или “трудовическому” политическому течению» [16, с. 299]. В начале 2000-х гг. историки вновь обращаются к деятельности Трудовой группы [15]. Исследователи на основе данных отдельных губерний заключают, что крестьянство к 1906 г. стало важным участником политических событий и объектом борьбы партий [11, с. 22].

В 2005 г. к 100-летию революции выходит коллективная монография Института Истории РАН, авторы которой отмечают, что «годы революции стали временем политизации крестьянства, которое потянулось к газетам и с интересом слушало приезжих агитаторов, представлявших самые различные политические партии» [35].

В начале нового века исследователи продолжают изучать выборные компании в провинции [9; 47]. Авторы изучают стратегию и тактику политических партий, методы борьбы за голоса сельских избирателей, а также роль несоциалистической периодической печати в предвыборной кампании.

В 2011 г. состоялось первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Участники семинара рассматривали различные модели решения аграрного вопроса, его место в истории. В то же время в стороне анализа осталась проблема деятельности политических партий среди крестьян 1905–1907 гг. [22; 23].

Следовательно, на современном этапе продолжается изучение отдельных сторон деятельности политических партий среди крестьян. Историки обратились к рассмотрению деятельности Всероссийского Крестьянского союза и Трудовой группы. Началось комплексное изучение приговоров и наказов крестьян. Исследователи приступили к изучению участия крестьян в выборах в I и II Государственную думу. В контексте данной проблемы рассматривалась стратегия и тактика политических партий в период предвыборных кампаний. Важным моментом в современной историографии стало изучение социальной психологии крестьянства, сельской повседневности. Несмотря на достигнутое, деятельность политических партий среди крестьян в период 1905–1907 гг. остаётся слабоизученной.

Таким образом, деятельность политических партий среди крестьян в 1905–1907 гг. в отечественной историографии не являлась предметом специального изучения, что связано с господством долгое время в историографии ленинской концепции гегемонии пролетариата и большевиков. В связи с этим деятельность непролетарских партий среди сельского населения не изучалась. Само же крестьянство не рассматривалось как самостоятельная сила. Поэтому после распада СССР и снятия ограничений на изучение непролетарских партий возникли условия для изучения деятельно-

сти политических партий среди крестьян в период первой российской революции.

Библиографический список

1. Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века. Материалы советско-американских симпозиумов / отв. ред. И.Д. Ковальченко, В.А. Тишков. – М.: Наука, 1991. – 360 с.
2. Белов А.М. Политические партии и рабочие Центрального промышленного района в революции 1905–1907 гг. – Кострома: КГПИ, 1997. – 192 с.
3. Богораз В.Г. Мужики в Государственной думе. Очерк. – М.: Изд-во В.М. Саблина, 1907. – 164 с.
4. Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в российской истории начала XX века: новые материалы, методы, результаты. – М.: Мосгорархив, 1996. – 399 с.
5. Буховец О.Г. К методике изучения «приговорного» движения и его роли в борьбе крестьянства в 1905–1907 годах (По материалам Самарской губернии) // История СССР. – 1979. – № 3. – С. 96–112.
6. Веселовский Б. Аграрное движение в 1907 г. // Образование. – 1907. – № 8. – С. 1–10.
7. Веселовский Б. Итоги и перспективы крестьянского движения // Образование. – 1906. – № 7. – С. 3–15.
8. Воровский В.В. Избранные произведения о первой русской революции (издание к 50-летию первой русской революции). – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 401.
9. Дмитриенко А.А. Крестьяне Вятской губернии и выборы в I и II Государственные думы: дис. ... канд. ист. наук. – Пермь, 2006. – 222 с.
10. Дубровский С.М. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. – М.: МГУ, 1956. – С. 112.
11. Жидков С.В. Деятельность депутатов Трудовой группы в 1906 г. в контексте отражения интересов крестьянства (по материалам Пензенского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2011. – С. 23.
12. Караваяев А.Л. Партия и крестьянство в Государственной думе. – Ростов/на/Д., 1906.
13. Кирюхина Е.И. Местные организации ВКС в 1905 г. // Учёные записки Кировского государственного педагогического института. – Киров, 1956. – Вып. 10. – С. 83–157.
14. Кирюхина Е.И. Всероссийский Крестьянский союз в 1905 г. // Исторические записки. – М., 1955. – Т. 50. – С. 95–141.
15. Кияшко О.Л. Трудовая группа в Государственной думе в 1906–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Волгоград, 1999. – 190 с.
16. Колесниченко Д.А. Всероссийский Крестьянский союз в 1905–1907 гг. – М.: ИРИ РАН, 2006. – 312 с.
17. Колесниченко Д.А. Трудовики в период первой российской революции. – М.: Наука, 1985. – 320 с.
18. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. – М.: РОССПЭН, 1997. – 1512 с.
19. Леонов М.И. Эсэры в революции 1905–1907 гг. – Самара: СамГУ, 1992. – 154 с.
20. Маевский Е. Общая картина движения // Общественное движение в России в начале XX века. – СПб.: Общественная польза, 1912. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 35–184.
21. Мазуренко С. Крестьяне в 1905 г. – М.: Новая деревня, 1925. – 86 с.
22. Марченя П.П. Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Российская история. – 2012. – № 5. – С. 217–219.
23. Марченя П.П., Разин С.Ю. Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»: материалы первого заседания // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. – М., 2012. – Вып. 7. – С. 375–416.
24. Маслов П. Аграрный вопрос в России. – СПб.: Общественное движение, 1908. – Т. 2. – 135 с.
25. Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы международной конференции. Москва. 14–15 июня 1994 г. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 22–39.
26. Мороховец Е.А. Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой революции. – М.; Л.: Госиздат, 1926. – 240 с.
27. Нильве А.И. К методике изучения приговоров и наказов крестьян, посланных во II Государственную думу // Археографический ежегодник за 1970 г. – М., 1971. – С. 174–179.
28. Нильве А.И. Приговоры и наказания крестьян во II Государственную думу // История СССР. – 1975. – № 5. – С. 99–111.
29. Новиков А.В. К вопросу о причинах активизации рабочего движения в России в начале XX в. // Новый исторический вестник. – 2005. – № 13. – С. 15–34.
30. Новиков А.В. Рабочее движение в Костромской губернии в 1895 – феврале 1917 гг.: хроника. 1905 – 3 июня 1907 г. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – Вып. 2. – 80 с.
31. Новиков А.В. Рабочее движение в Костромской губернии в 1895 – феврале 1917 гг.: хроника. 1895–1905 г. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003. – Вып. 1. – 122 с.
32. Оленин И.Т. Борьба большевиков за аграрную программу в годы первой русской революции. – М.: Московский университет, 1963. – 87 с.
33. Ольгович С.В. (Волькенштейн О.А.) Что сказала деревня Первой Государственной думе (25 апреля – 9 июля 1906). – М., 1906. – 42 с.
34. Омелянчук И.В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.). – Киев: МАУП, 2007. – 744 с.

35. Первая революция в России. Взгляд через столетие. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 602 с.
36. *Першин П.* Крестьянство в революции 1905 г. // Вопросы истории. – 1946. – № 11. – С. 12–30.
37. *Прокопович С.* Аграрный вопрос и аграрное движение. – Ростов-на-Дону: Донская речь, 1905. – 34 с.
38. Рабочее движение в России. 1895–1917 гг. 1895 г. Хроника. – М., 1992. – Вып. I. – 175 с.
39. Рабочее движение в России. 1895–1917 гг. 1902 г. Хроника. – М., 2002. – Вып. VIII. – Ч. 2. – С. 406–836.
40. Рабочее движение в России. 1895–1917 гг. 1903 г. Хроника. – М., 2005. – Вып. IX. – Ч. 1. – 420 с.
41. *Седугин В.И.* Либералы центральной России в начале XX века (1905 – март 1917 г.). – Новомосковск: Новомосковский институт (фил.), 2008. – 185 с.
42. *Сенчакова Л.Т.* Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. – М.: Наука, 1989. – 264 с.
43. *Сенчакова Л.Т.* Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний. – М.: ИРИ, 1994. – Т. 1. – 207 с.
44. *Сидельников С.М.* Образование и деятельность первой Государственной думы. – М.: Московский университет, 1962. – 384 с.
45. Состав Трудовой группы в I и II Государственной думе. Сводная таблица членов фракции / авт.-сост. Д.А. Колесниченко. – М.: ИИ СССР, 1988. – 123 с.
46. *Степанов С.* Чёрная сотня. Что они сделали для величия России? – М.: Яуза-Пресс, 2013. – 672 с.
47. *Стоянков Ф.В.* Выборы в Государственную думу в губерниях Среднего Поволжья (1906–1912 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Пенза, 2005. – 274 с.
48. Судьбы российского крестьянства / науч. ред. Н.А. Ивницкий. – М.: РГГУ, 1996. – 624 с.
49. *Тропин В.И.* Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. – М.: Московский университет, 1970. – С. 180.
50. Чего требует народ от Государственной думы. Наказы и обращения к депутатам Трудовой группы / под ред. С.И. Бондарёва, Г.К. Ульянова, С.М. Корнильева. – СПб., 1906. – 38 с.
51. *Цитрон А.* 72 дня первого русского парламента. – СПб.: Баум, 1906. – 167 с.
52. *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. – М.: Наука, 1983. – 328 с.
53. *Шелохаев В.В.* Партия октябристов в период первой российской революции. – М.: Наука, 1987. – 158 с.
54. *Шестаков А.В.* Крестьянская революция 1905–1907 гг. в России. – М.; Л.: Государственное издательство, 1926. – 120 с.

Кидяров Алексей Евгеньевич

кандидат исторических наук

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

19a85@mail.ru

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИОГРАФИИ

В статье представлен обзор историографии повседневной жизни Костромской и Ярославской губерний в годы Гражданской войны. Анализ историографии позволяет сделать вывод о том, что тема повседневной жизни в период Гражданской войны в Костромском и Ярославском регионах неоднократно затрагивалась исследователями, но пока не получила полного освещения. В советской историографии проблематика истории повседневной жизни в период Гражданской войны редко становилась предметом самостоятельного изучения. Тем не менее вопросы продовольствия, жилищных условий, социальной сферы поднимались в работах, посвященных экономической истории, утверждению советской власти в Верхнем Поволжье, истории рабочего движения, а также антибольшевистским выступлениям в регионе (таким, как ярославское восстание 1918 г.). Лишь в 1990-е годы в Костроме и Ярославле стали появляться публикации, специально посвященные истории революционной повседневности. Исследователи обратились к изучению положения костромского и ярославского крестьянства и пролетариата, социально-политических настроений населения в период Гражданской войны, новых явлений в культуре в послереволюционные годы. Однако подготовленные в недавнее время первые комплексные исследования повседневности охватывают в основном материал по Ярославской губернии. В костромском краеведении вопросы повседневной жизни этого периода, как правило, рассматривались лишь попутно – при изучении политических и военных конфликтов в регионе в годы Гражданской войны. Малоизученными остаются изменения в условиях труда граждан, источники дохода, состояние здоровья и смертность населения, изменения мировоззрения людей в период Гражданской войны. Все это указывает направления для будущих исследований.

Ключевые слова: историография, повседневная жизнь, Гражданская война.

Изучение повседневной жизни, в том числе периода Гражданской войны, все чаще привлекает внимание исследователей. Изменения в повседневной жизни служат критерием того, насколько глубоко оказались произошедшие в стране политические и социальные перемены. Обращение к этой проблеме позволяет увидеть кризисный период российской истории глазами обычного человека. На столичном уровне, а также в ряде регионов (Уфа, Казань, Челябинск и др.) разработка проблематики повседневности периода революции и Гражданской войны уже имеет к настоящему моменту свои традиции. Представляет интерес обращение к истории изучения повседневной жизни в указанный период на территории Костромской и Ярославской губерний.

В советской историографии проблематика истории повседневной жизни в период Гражданской войны редко становилась предметом самостоятельного изучения. Тем не менее отдельные аспекты повседневности затрагивались в работах, посвященных революции и Гражданской войне, но, как правило, они рассматривались в общем контексте экономической истории, политической и социальной борьбы.

В первые годы после Октябрьской революции в краеведческой литературе шло накопление фактов, намечались контуры проблем, которые позднее будут разрабатываться историографией. К числу первых публикаций, отразивших положение в Ярославской губернии в годы Гражданской войны, следует отнести сборник статей, вышедший в Ярославле к первой годовщине Октябрьской революции [6]. Сборники аналогичной тематики

были изданы в 1922 и 1924 гг. [14; 30]. Подготовленные очевидцами статьи отражают личные впечатления участников событий, содержат яркие детали, свидетельствуют о противоречивой и неоднозначной реакции местного населения на приход большевиков к власти и на попытку антисоветского выступления в июле 1918 г. Авторы воспоминаний о ярославских событиях 1917–1918 гг. не могли скрыть удивления от того, что «тихий, красивый сонный Ярославль <...> вдруг сделался фронтом ожесточеннейшей гражданской войны» [14, с. 12].

Первые обобщающие труды, посвященные периоду Гражданской войны и отчасти затрагивающие проблему революционной повседневности, появляются в конце 1920-х гг. [10; 22]. В Костроме первая значительная работа по истории Гражданской войны в губернии принадлежит А. Конокотину [20]. Используя архивные документы, периодические издания, автор рассмотрел события Февральской и Октябрьской революций в Костроме, первые мероприятия советской власти и уделил значительное внимание антисоветским выступлениям на территории губернии, в том числе восстаниям в Кологриве, Солигаличе, Уренскому восстанию. Попытавшись выявить причины восстаний, А. Конокотин затронул вопрос о положении в костромской деревне, настроениях крестьянства.

С 1930-х до 1950-х гг. практически исчезают исследования, затрагивающие проблему повседневной жизни в годы Гражданской войны, в том числе на региональном уровне. Исторические труды в этот период несут заметный отпечаток партийного догматизма. В 1930-е гг. вышел ряд работ,

посвященных ярославскому восстанию 1918 г. Обращаясь к этому сюжету, авторы пытались представить обстановку в Ярославской губернии накануне и в дни мятежа. Книга С. и М. Бройде [7] была подготовлена на основе показаний руководителя ярославского восстания А.П. Перхурова. При этом материал показаний был расположен в хронологическом порядке с целью воссоздания связной и целостной картины июльских событий. В книге В. Галкина [8] собран и проанализирован некоторый архивный материал. Ярославское восстание характеризовалось как звено в цепи проявлений иностранной интервенции и внутренней контрреволюции. Значительное внимание автор уделил расправе восставших над видными большевистскими деятелями Ярославля.

«Оттепель» и разоблачение культа личности И.В. Сталина положили начало новому этапу в исторической науке, характеризующемуся попыткой исследователей найти опору в более широкой источниковой базе. Появляются работы по социальной истории, в том числе истории рабочего класса. Ряд авторов останавливается на изучении условий жизни, изменениях в составе и численности пролетариата, в настроениях среди рабочих под влиянием социально-экономических и политических факторов в период революции и Гражданской войны [2; 3]. Тем не менее на региональном уровне история повседневности освещалась фрагментарно, главным образом в контексте истории местных партийных организаций и утверждения советской власти на местах.

Л.А. Помбрак, М.И. Синяжников [28], рассматривая революционное движение в Костромской губернии в 1917–1918 гг., приводят сведения о жизни и быте костромских рабочих и крестьян накануне и в начале Гражданской войны, в том числе некоторые данные о жилищных условиях, состоянии здоровья костромского пролетариата. Говоря о первых преобразованиях советской власти в Костромском регионе, авторы касаются вопроса о проведении в жизнь декрета о земле, организации продовольственного дела, создании центров советской культуры – школ, библиотек, рабочих и детских клубов. В монографии Л.Б. Генкина «Ярославские рабочие в годы Гражданской войны и интервенции», помимо участия ярославского пролетариата в боевых действиях, затронуты вопросы продовольствия, жилья, социальной сферы [9]. Статья Р.В. Балашова была посвящена вопросу национализации промышленности в Ярославской губернии [4]. Вышедшая в 1984 г. монография того же автора «Пламя над Волгой» является одним из наиболее полных исследований по теме ярославского мятежа [5]. Р.В. Балашов для освещения данной проблемы привлек материалы центральных и местных архивов, а также воспоминания участников событий и периодическую пе-

чать. В книге впервые была собрана и систематизирована информация о социально-политических конфликтах, отмеченных в Ярославской губернии с января по июль 1918 года. Автору, использовавшему архивные документы, военную переписку, различные сводки и донесения о мятеже в Ярославле, мемуары очевидцев, удалось воссоздать достаточно подробную и целостную картину восстания. Однако для данной работы характерны односторонние оценки деятельности участников ярославских событий июля 1918 г.

Первые работы, специально посвященные истории повседневности, стали появляться лишь в постсоветский период. Благодаря открытию архивных фондов, для исследователей стали доступными ранее неизвестные источники, что явилось одним из факторов, способствовавших изучению темы на более глубоком уровне. В Санкт-Петербурге сформировалась научная школа, объединившая историков, изучавших повседневную жизнь периода Гражданской войны. (Среди них: Н.Б. Лебина, В.И. Мусаев, С.В. Яров, А.Р. Марков.) В этот же период проблемы повседневной жизни начинают разрабатываться в региональных публикациях.

Костромские и ярославские историки и краеведы также обратились к тематике революционной повседневности с начала 1990-х годов. Изучались в том числе новые тенденции в культуре, возникшие после революции. Так, Н.А. Зонтиков рассмотрел вопрос о том, как утверждение советской власти отразилось в названиях улиц и площадей Костромы и городов губернии [13]. Б.М. Козлов проанализировал новые явления в литературной, а также театральной жизни Костромы в послереволюционное десятилетие [18].

Публикация новых источников в значительной степени способствовала оживлению интереса к теме ярославского мятежа 1918 г. Новые документы и ранее неизвестные факты нашли отражение в статьях В.Н. Козлякова, Е.А. Ермолина, В.А. Мясникова и других авторов [11; 12; 26; 30]. Обнаруженные исследователями документы позволили по-новому взглянуть на этот эпизод Гражданской войны, в том числе затронуть повседневную жизнь Ярославля в период антибольшевистского восстания. Новыми сюжетами в историографии явились органы власти, созданные повстанцами, идеология восставших, а также меры, принятые восставшими для облегчения положения мирного населения в ходе боевых действий (сбор средств для погорельцев, борьба с мародерством, предотвращение несанкционированных обысков и арестов). Предметом изучения также стали жесточайшие карательные меры, использованные большевиками против повстанцев.

Положение крестьянства и пролетариата в годы Гражданской войны затрагивается в учебных пособиях по истории Костромской и Ярославской

губерний [16; 17]. Костромские авторы М.А. Лапшина, О.В. Тихонова, А.Г. Митров в своих исследованиях касались реалий быта рабочих и крестьян Костромской губернии в период революции и Гражданской войны [23–25; 29]. Так, О.В. Тихонова, анализируя причины антисоветских выступлений среди крестьянства, рассматривает положение крестьянских хозяйств региона, влияние политики большевиков на настроения в деревне. Автор отмечает, что мероприятия советской власти не только вступали в противоречие с интересами зажиточного крестьянства, но и нарушали традиционный уклад жизни крестьян, что способствовало их вовлечению в антисоветское движение. Социально-политическим настроениям масс в период Гражданской войны посвящена статья Е.Н. Александровича, подготовленная на основе ярославских и костромских материалов [1].

Диссертация по проблемам повседневной жизни провинциального города была подготовлена О.В. Ольневой [27]. Исследователь анализирует различные аспекты повседневной жизни ярославского региона: бытовые условия, революционную символику, влияние революции на коллективное сознание горожан. Однако диссертация охватывает только период 1917 года, а территориальные рамки включают только Ярославскую губернию. При этом О.В. Ольнева ограничивается анализом городской повседневности, не касаясь ситуации в деревне. Л.Н. Курцев в своей диссертации рассматривает широкий круг вопросов, связанных с повседневной жизнью Ярославской и Костромской губерний в годы Гражданской войны: продовольственное положение, жилищные условия, отдых и развлечения граждан, преступность и аномалии повседневности [21]. Собрав и проанализировав обширный документальный материал, автор предпринял комплексное исследование проблемы повседневности в 1917–1921 гг. Однако работа главным образом освещает ситуацию в Ярославской губернии, в меньшей степени затрагивая Кострому.

Приведенный краткий историографический обзор позволяет сделать вывод о том, что тема повседневной жизни в период Гражданской войны неоднократно затрагивалась костромскими и ярославскими авторами, но не получила полного освещения. В особенности это касается Костромы. Подготовленные в недавнее время первые комплексные исследования повседневности охватывают в основном материал по Ярославской губернии. В костромском краеведении вопросы повседневности, как правило, рассматривались попутно при изучении политических и военных конфликтов в регионе в годы Гражданской войны. Малоизученными остаются изменения условий труда граждан, источники дохода, состояние здоровья и смертность населения, изменения мировоззрения и мировосприятия людей в период Гражданской войны.

Все это открывает перспективы для будущих исследований.

Библиографический список

1. Александрович Е.Н. Политические настроения российской провинции накануне введения нэпа // Путь в науку: сб. науч. работ аспирантов и студентов исторического факультета. – Ярославль, 2005. – Вып. 10. – С. 207–212.
2. Астапович З.А. Первые мероприятия советской власти в области труда (1917–1918 гг.). – М.: Госполитиздат, 1958. – 144 с.
3. Баева Л.К. Социальная политика Октябрьской революции (октябрь 1917 г. – конец 1918 г.). – М.: Политиздат, 1977. – 143 с.
4. Балашов Р.В. Национализация промышленности в Ярославской губернии (1917–1920 гг.) // Учёные записки ЯГПИ. – Ярославль, 1964. – С. 81–134.
5. Балашов Р.В. Пламя над Волгой. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1984. – 131, [2] с.: портр.
6. Берг С., Королев В., Розанова О. Ярославский сборник, посвященный годовщине Великой Октябрьской революции и июльским событиям. – Ярославль: Изд. Губернской комиссии по организации и устройству празднеств годовщины Великой революции, 1918. – 63, [1] с.
7. Бройде С. и М. Ярославский мятеж. – М.: Госюриздат, 1930. – 174 с.
8. Галкин В.А. Разгром белогвардейского мятежа в Ярославле в 1918 г. – Ярославль: Облиздат, 1939. – 110, [2] с.: ил., 1 л. карт.
9. Генкин Л.Б. Ярославские рабочие в годы гражданской войны и интервенции. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1958. – 271 с.
10. Груздев П.Н. Борьба за Октябрь в Ярославской губернии. – Ярославль, 1927.
11. Ермолин Е. Ярославское восстание: память и боль // Золотое кольцо. – 1993. – 16 февраля.
12. Ермолин Е., Козляков В. Русская Герника // Золотое кольцо. – 1994. – 9 ноября.
13. Зонтиков Н.А. Возвращение Родины. О восстановлении исторических названий Костромского края // Костромская земля. Краеведческий альманах. – Кострома, 1990. – Вып. I. – С. 15–24.
14. Из истории ярославского белогвардейского мятежа (6–22 июля 1918 года): сб. 2-й. – Ярославль, 1922. – 46 с.
15. Изменение социальной структуры советского общества. Октябрь 1917 – 1920 гг. – М., 1976.
16. История Костромского края. XX век. – Кострома, 1997.
17. История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX в. / под ред. А.М. Селиванова. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2000. – 368 с.
18. Козлов Б.М. Литературная жизнь Костромы в послеоктябрьское десятилетие (1917–1929 гг.) // Костромская земля. Краеведческий альманах Кост-

ромского областного отделения Всероссийского фонда культуры. – Кострома, 1992. – Вып. II. – С. 57–71.

19. *Козляков В.Н.* «Служба эта была для России» // Золотое кольцо. – 1991. – 26 октября.

20. *Конокотин А.* Очерки по истории гражданской борьбы в Костромской губернии. – Кострома, 1927. – 48 с.

21. *Курцев Л.Н.* Повседневная жизнь провинциального города в годы гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2006. – 264 с.

22. *Кустов С.* Разгром контрреволюционного белогвардейского мятежа в Ярославле. – Ярославль: Облиздат, 1938. – 32 с.

23. *Лапишина М.А.* Гражданская война в Костромской губернии (1918–1919 гг.) // Костромская земля. – Кострома, 1999. – Вып. IV. – С. 194–218.

24. *Лапишина М.А.* Красносельское восстание: легенда и факты // Красносельская старина. – 1994. – №1. – С. 57–71.

25. *Митров А.Г.* Кустарный промысел и отходничество в Верхнем Поволжье в 1920-х гг. //

Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003. – Ч. 2. – С. 138–145.

26. *Мясников В.* В тисках блокады // Золотое кольцо. – 1997. – 20 сентября.

27. *Ольнева О.В.* Повседневная жизнь провинциального города в 1917 году (по материалам Ярославской губернии): дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2005. – 211 с.

28. *Помбрак Л., Синяжников М.* Костромские большевики в борьбе за власть Советов. – Кострома: Костромское книжное издательство, 1957. – 100 с.

29. *Тихонова О.В.* Крестьянские выступления в Верхнем Поволжье в годы гражданской войны: 1918–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Кострома, 2004. – 270 с.

30. Шестнадцать дней. Материалы по истории ярославского белогвардейского мятежа (6–21 июля 1918 г.). – Ярославль: Издание ярославского губкома РКП, 1924. – 256 + XIII с.

УДК 94(470+571)"17/1917"

Волков Дмитрий Александрович

кандидат исторических наук

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
nmargolina@mail.ru

ПУТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО РАБОЧЕГО И КРЕСТЬЯНИНА ВО ВЛАСТЬ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (на материалах губерний Верхнего Поволжья)

В статье, на основе широкого круга источников, статистического материала и исследовательской литературы, рассмотрены проблемы включения рабочих и крестьян в систему государственного управления местных и центральных органов власти в годы Гражданской войны. Показано, что в этот период, пополнение рабоче-крестьянской массой руководящих постов в партийных, советских и хозяйственных учреждениях шло, прежде всего, через их прямое выдвижение. В статье проанализированы как положительные, так и отрицательные последствия этого явления. Однако выдвиженцы без какого-либо, даже начального образования, как показала практика, были практически бесполезны. Поэтому сразу же формируются различные краткосрочные курсы их подготовки и, конечно же, советско-партийные школы, в которых процесс подготовки выдвиженцев, по сравнению с курсами, осуществлялся более последовательно. В статье выявлены сложные и противоречивые процессы этого варианта подготовки выдвиженцев для осуществления ими властных функций.

Ключевые слова: Гражданская война, провинция, власть и общество, выдвиженчество, РКП (б), совпартишколы.

Придя к власти, большевистская партия столкнулась с массовым бойкотом большинства старой интеллигенции и бюрократии. Произошел фактический коллапс всей системы центрального и местного государственного управления. Поэтому РКП (б) вынуждена была приступить к формированию собственных партийно-советских и хозяйственных кадров, в которых ощущалась огромная потребность. Сообщения об отсутствии работников и просьбы прислать их поступали в Центральный Комитет из различных городов и деревень страны. С 5 июня 1918 г. по 4 февраля 1919 г. только в одной из книг Центрального Комитета было зарегистрировано более 90 требований на многих работников: агитаторов, организаторов, лекторов, редакторов га-

зет, руководителей партийных и советских органов [14, л. 1–24].

Добиться решения этой проблемы можно было путем прямого выдвижения рабочих и крестьян во властные структуры всех уровней. Выдвиженчество было сложным общественным явлением, в котором различаются две стороны – социально-политическая и производственно-техническая. Во время революции, и особенно Гражданской войны, превалировала первая сторона. Необходимо было заткнуть брешь, образовавшуюся в командном составе Красной Армии и в государственном управлении. Эта проблема осложнялась очень сильным классовым неприятием, существовавшим в те годы практически ко всем представителям государственных служащих не proletарского проис-

хождения. Кроме этого, рабочие и крестьяне, выдвигаемые на ответственную работу, были плохо образованны и практически некомпетентны. Оторванные от привычной для них жизни, мало или совсем не подготовленные к новой руководящей деятельности, чувствуя себя неуверенно, они с трудом в зрелом возрасте осваивались с совершенно новой обстановкой, условиями и характером работы, распорядком дня.

Основной формой выдвижения на ответственные посты в годы Гражданской войны были партийные и военные мобилизации. Сам этот процесс целиком и полностью зависел от партийных органов, которые подбирали кандидатов на все основные должности. Советы утверждали и выполняли их распоряжения. Так, Владимирский губисполком телеграфировал в губком: «...Если губком кандидатов в политические комиссары в советские хозяйства выдвинул, то будьте добры назвать их фамилии и об утверждении кандидатов будет поставлен вопрос на первом заседании исполнительного комитета» [4, л. 154] (орфография и пунктуация первоисточников сохранены. – Д.В.). Часто от вмешательства центральных партийных органов страдали местные партийные комитеты. Такое вмешательство происходило по двум направлениям. Во-первых, ЦК назначал на ответственные должности, не спрашивая мнения местного комитета. Тем самым создавалась безотчетность назначаемого ЦК перед комитетом. С другой стороны, назначаемый не всегда являлся лучшим и подходящим для этой должности. Во-вторых, ЦК РКП (б) «выдергивал» работников без присылки на их места.

По данным Всероссийской промышленной и профессиональной переписи, на 31 августа 1918 г. в 33 европейских губерниях страны было зарегистрировано 940 тыс. 109 рабочих, из них 24 тыс. 193 чел. занимали какую-либо должность (выборную или по назначению) в аппарате управления и в общественных организациях. По количеству выдвинутых рабочих на первом месте стояли текстильщики (5 тыс. 494 чел.), на втором – металлисты (3 тыс. 600 чел.), на третьем – рабочие пищевой промышленности (2 тыс. 336 чел.), на четвертом – рабочие полиграфического производства (2 тыс. 221 чел.) [10].

В 1917–1918 гг. около 30 председателей губисполкомов по своему социальному происхождению являлись выходцами из рабочих и крестьян. По данным 39 губерний, в 1920 г. членами губисполкомов были 1 тыс. 100 чел., из которых рабочие составляли 36,5%. Более 50% среди них были люди с низшим образованием. В 1920 г. в 48 губерниях насчитывалось 6 тыс. 751 чел. членов уездных исполкомов, при этом 53% приходилось на долю рабочих и крестьян. Более 68% работников исполкомов уездных советов имели только низшее образование [3].

Еще больше рабочих было на партийной работе. К лету 1919 г. в Информационном отделе ЦК РКП (б) имелись сведения о 146 из 277 укомов партии 28 губерний с характеристикой 737 членов уездных комитетов РКП (б). Среди членов укомов более 52% являлись рабочими. Основную массу членов укомов составляли молодые коммунисты, выдвинутые на партийную работу. Исключительно партийными работниками были только 9%, тогда как 85% членов укомов одновременно выполняли и советскую работу (члены уездных исполкомов, заведующие отделами, инструкторы и т.д.) [11]. Эти данные ярко свидетельствуют о том, что партийные и советские кадры формировались, главным образом, за счет выдвиженцев-рабочих, занимавших из-за нехватки кадров несколько постов.

Эта практика была характерна и для губерний Верхнего Поволжья. Так, Федор Иванович Шаталов родился в семье крестьянина-бедняка Нижегородской губернии. В 18 лет он поступил на разные подсобные работы Сормовского завода, служил в царской армии. В 1917 г. солдаты Муромского гарнизона избирают его во Владимирский губернский совет солдатских депутатов. В июне 1917 г. он вступил в члены РСДРП (б), а в июле зачислен в формируемый отряд Красной гвардии. После слияния губернских Советов солдатских и рабочих депутатов в октябре 1917 г. Шаталов становится секретарем Объединенного Совета и работает в этой должности до марта 1918 г., когда на четвертом губернском съезде Советов он был избран членом губернского исполкома. Затем Шаталов, как член исполкома, занимал различные должности: зам. зав. губернского отдела труда, зам. председателя губисполкома. Одновременно с этим он был заведующим губернским отделом управления и членом коллегии губчека. В 1920 г. Шаталов назначается председателем отдела революционного железнодорожного трибунала Московско-Курской, Нижегородской и Муромской железных дорог. А год спустя он – начальник управления химической и сельскохозяйственной промышленности Владимирского губсовнархоза. И везде, как утверждают документы тех лет, с порученными обязанностями справлялся [5, л. 3–6].

Для ускоренной подготовки выдвиженцев Совнарком постановлением от 24 марта 1920 г. предлагал организовывать на местах специальные краткосрочные курсы, которые дали некоторые результаты. Во-первых, постепенно начинает складываться определенная система подготовки кадров через курсы различных уровней. Во-вторых, плохо или хорошо, но проблема кадров постепенно решалась. Многие рабочие, прошедшие через систему курсов, возглавляли промышленные предприятия. Правда, следует отметить, что в большинстве случаев выдвинутые на руководящие посты рабочие осуществляли общее руководство, а старые специ-

алисты, без которых обойтись было невозможно, возглавляли управление отделов и участков, требовавших конкретных специальных знаний.

В условиях Гражданской войны, яростного классового антагонизма, разрухи и неразберихи выдвижение не всегда было равноценным. Многие рабочие и крестьяне преданно служили новой власти, искренно считая ее своей. Насколько позволяли физические и интеллектуальные силы, они стремились сохранить и упрочить власть рабочих и крестьян.

Но были случаи, когда на ответственных должностях оказывались не только некомпетентные люди и карьеристы, но и просто деклассированные уголовные элементы, которые действовали под лозунгом: «Грабь награбленное». Факты беззакония новых властей наиболее ярко проявлялись в дальних, глухих уездах. Так, в Ковернинском уезде Костромской губернии, по мнению проверяющих из губкома, «надо начинать снова Октябрьскую революцию. Ни изб-читален, ни партийной, культурной, ни вообще советской работы там не было и нет. Ответственные работники-коммунисты постоянно пьянствуют, сдружились с кулаками. Есть факты насилия при толпе, порки шомполами, продажи бандита, форменное ограбление крестьян» [18, л. 21].

А в иваново-вознесенской газете «Рабочий край» под заголовком «Лики революции» была напечатана статья о волноенкоме Егоре Стягове. До революции он жил в плохой избе на краю села, бедствовал, хозяйства не вел. С первых дней революции Стягов – самый яростный и неистовый большевик, объявляет войну местной буржуазии. Выступая на сходках и сборах, он не называл богачей иначе, как гадами, гнусами, кровососами. Был выдвинут в волисполком, где занял место военного комиссара. Сделавшись «властью», он повел еще более ожесточенную борьбу с буржуазным элементом. Бывшие торговцы носили ему воду, дякон топил баню. Все были обложены непомерными налогами [12; 28 сент.].

Правда, бывали случаи, когда сами выдвиженцы понимали несостоятельность своего пребывания в той или иной должности и просили их снять. Так, заведующий советской милицией 1-го района г. Шуи, после трехмесячного исполнения этих обязанностей, просит освободить его от них, так как, не имея опыта, не чувствуя больших организаторских сил, он убедился, что пользы для порученного дела приносит мало. В письме содержалась просьба о возвращении его на фабрику. Другой выдвиженец требует снять его с должности инспектора труда, так как не справляется, и категорически заявляет, чтобы его никуда не передвигали, иначе будет приносить только вред [1].

Таким образом, после Октябрьской революции и в годы Гражданской войны выдвижение рабочих и крестьян делало лишь первые шаги и было призвано ликвидировать колоссальный дефицит

специалистов, которые должны были еще и получить хоть какое-нибудь общее или специальное образование. Начальное образование для советско-партийной работы и дальнейшего продвижения во власть рабочие и крестьяне могли получить в советско-партийных школах, которые стали открываться сразу после октябрьских событий 1917 г. На третьем Всероссийском съезде совпартшкол в 1923 г. Н.М. Покровский вскрыл цель и сущность этих учебных структур: «К нам приходят люди еле грамотные, – говорил он, – т.е. такого рода материал, который для высшей школы во все времена и во всех местах признавался негодным. И, однако, в силу того, что этот материал, который приходит в таком сыром виде, призван управлять такой большой страной в чрезвычайно тяжелых условиях, нам приходится – хотим мы этого или не хотим – делать из этих людей идеологов нового учения, но не тем путем, каким шел старый строй – сначала низшая, потом средняя и затем уже высшая школа. Советско-партийные школы делаются образцами, по которым мы будем строить наши вузы вообще» [13].

С возникновением СПШ предполагалось, что их выпускники будут заниматься агитационно-пропагандистской работой. Так, в 1919 г. перед Иваново-Вознесенской партийной школой ставилась цель – попытаться изменить отрицательное отношение рабочих к продовольственной политике советской власти [12, 10 дек.]. Кроме того, советско-партийные школы предназначались для ускоренной подготовки выдвиженцев из рабоче-крестьянской среды для работы на низшем и среднем уровне партийно-советских, профессиональных и культурно-просветительских учреждений.

В губерниях Верхнего Поволжья совпартшколы открывались в 1918–1920 гг. В большинстве своем они возникали без учета материальных и других возможностей губернии или уезда. Не было разработано общих условий их комплектования и финансирования. Отсутствовали единые учебные планы и программы. Например, программа общетеоретического курса Ярославской губернской школы партийной и советской работы включала 10 предметов, а программа Иваново-Вознесенской губернской партийной школы – 18 [5, л. 111; 14, л. 2]. Структура школ была самая разнообразная. Они отличались названиями и сроками обучения. Очень плохими были материальные условия, в которых приходилось им работать. Так, в отчетном докладе зав. Ярославской совпартшколы за 1920 г. сообщалось, что школа «открыта без серьезной предварительной организационной работы» [15, л. 18.]. Она размещалась в большом, но непригодном здании бывшей гостиницы: без электрического освещения, водопровода. В комнатах, предназначенных для общежития, были выломаны полы, выбиты стекла и не работали дымоходы. Бывшая слушательница Ярославской совпартшколы

вспоминала, что приходилось спать на топчанах с матрацами и подушками из древесных стружек. В день получали 200 гр. хлеба с разными примесями, утром и вечером – по ложке сечневой каши, в обед – обычно жидкие щи и опять сечневая каша или картошка. Раз или два в неделю давали по кусочку конского мяса [9].

В годы Гражданской войны организация совпартшкол и их работа осуществлялись полувоенными методами. Так, Владимирский губком сообщал в ЦК о том, что принято решение об открытии в каждом уездном городе партийной школы [14, оп. 12 (орг.), д. 55, л. 65]. Всем уездам 5 июня была направлена телеграмма с требованием, чтобы уже 1-го июля эти школы приступили к работе.

Открытие Яргубсовпартшколы вообще приравнивалось «к выполнению боевой задачи, от которой зависит укрепление и расширение завоеваний Октябрьской революции» [16, л. 12]. Каждый курсант, имевший свободное время, обязан был уделять его практическим занятиям. Весь день его строго расписывался по часам: с 10 утра до 14 дня – посещение лекций; с 14 до 18 часов – обязательное чтение книг в библиотеке и с 19 до 22 вечера – собеседования и написание рефератов. Курсантов, пропускавших занятия, подвергали трехдневному аресту при гарнизонной гауптвахте [17, л. 12].

Неподготовленность, неорганизованность и отсутствие материальных средств приводили к тому, что многие партийные школы очень быстро прекращали свое существование, особенно в уездах. Так, из 11 уездных партийных школ Владимирской губернии через несколько месяцев после открытия работало только четыре [7, л. 143]. Формулировка их закрытия была следующей: «Немедленно закрыть школу во избежание лишних материальных затрат на содержание курсантов, а равно во избежание продолжения траты времени на бесцельную подготовку и чтение лекций» [8, л. 129].

Даже губернские школы не всегда имели возможность работать на постоянной основе. Например, Костромская школа за период с 1918 г. по 1920 г. дважды закрывалась, но потом опять открывалась. Но все же опыт ее деятельности представляет большой интерес. Заведующим школой был назначен М.С. Степанов, прибывший в Кострому летом 1918 г. из Петрограда. Преподавателями являлись ответственные работники Н.П. Растопчин, В.А. Невский, Н.Н. Прохоров и др. Наиболее прилежных и способных курсантов предполагалось направлять в дальнейшем в Москву для поступления в Социалистическую академию общественных наук или Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова, что и делалось по мере возможности. Первые выпускники Костромской СПШ в составе большой группы агитаторов-организаторов проводили на местах партийно-политическую и организационную работу [19, л. 18; 20, л. 41].

Как бы то ни было, в каждом губернском и ряде уездных (Любим, Данилов, Кологрив, Александров, Муром, Шуя и т.д.) городов периодически проходили выпуски курсантов совпартшкол. По неполным данным, за период Гражданской войны в этих учебных заведениях прослушали специальные курсы около одной тысячи человек [2, с. 145].

В отличие от других учебных заведений, деятельность СПШ была наиболее жестко привязана к общей партийно-политической линии. Так, в условиях войны перед ними на первом плане стояла задача в кратчайший срок подготовить работников для агитационного обслуживания, особенно в рядах Красной Армии. Многие выпускники прямо из школы направлялись в действующую армию. А потребность в таковых постоянно возрастала в связи с введением института военных комиссаров, созданием политотделов и т.д.

К концу Гражданской войны центральные органы предпринимают более действенные меры с целью поставить под контроль деятельность совпартшкол. 7 августа 1920 г. издается циркуляр ЦК и Наркомпроса, в котором говорилось о необходимости плановой организации теоретической и практической подготовки рабочих и крестьян к партийной и советской работе. Но кардинальным образом отношение к процессу выдвижения рабоче-крестьянской массы во власть и их обучения в советско-партийных школах изменится только с переходом к нэпу [2, с. 117].

Библиографический список

1. Волков Д.А. Выдвиженчество – своеобразный путь формирования новой интеллигенции после Октябрьской революции // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 1997. – № 3. – С. 40.
2. Волков Д.А. Формирование интеллигенции из рабочих и крестьян в 1917–1925 гг.: противоречивый опыт и уроки (по материалам государственных, партийных и общественных организаций Верхнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. – Кострома, 1993.
3. Гимпельсон Е.Г. Советские в годы иностранной интервенции и гражданской войны. – М., 1968. – С. 496–499.
4. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 159.
5. ГАВО. – Ф. 3924. – Оп. 1. – Д. 3.
6. ГАВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 525.
7. ГАВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 345.
8. ГАВО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 20.
9. Дзервет Т.М. В губернской совпартшколе // Утро комсомола. – Ярославль, 1989. – С. 8.
10. Миловилов В.Л. Выдвижение рабочих и крестьян на партийно-советскую работу – важнейший путь формирования кадров (1918–1925 гг.) // Сб. науч. трудов. – Вып. 32. Общест. науки. – Ярославль, 1972. – С. 11–12.

11. Миловидов В.Л. Выдвиженчество – важнейший путь формирования партийно-советских кадров для деревни (1917–1925 гг.) // Социально-политическое и экономическое развитие советской деревни. – Ярославль, 1979. – С. 117.

12. Рабочий край. – 1919.

13. Протоколы III Всероссийского съезда совпартишкол. Стенографический отчет. – М., 1924. – С. 9.

14. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 4. – Д. 142.

15. Центр документации новейшей истории «Государственный архив Ярославской области» (ЦДНИ ГАЯО). – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 437.

16. ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 437.

17. ЦДНИ ГАЯО. – Ф. 1. – Оп. 27. – Д. 437.

18. Центр документации новейшей истории Костромской области (ЦДНИКО). – Ф. 679. – Оп. 1. – Д. 35.

19. ЦДНИКО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 87.

20. ЦДНИКО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 495.

УДК 94(470+571)“1917/...”

Миловидова Наталья Владимировна

кандидат исторических наук

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
istclass@rambler.ru

НЭПОВСКАЯ МОДЕЛЬ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ 1920-Х ГОДОВ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье представлен краткий историографический обзор советских, современных, в том числе региональных, исследований по истории Советской России 1920-х гг. периода новой экономической политики. Автор выделяет основные проблемы изучения нэпа в 1920-е – 1980-е гг., в частности причины введения нэпа, его сущностные черты, доколхозная деревня и переход крестьянства к нэпу, роль рабочего класса в восстановлении народного хозяйства, формы и методы культпросветработы, которые рассматривались ещё современниками нэпа – партийными и государственными деятелями (В.И. Лениным, Н.И. Бухариным, Л.Д. Троцким, И.В. Сталиным), учёными-экономистами (Ю. Лариным (Лурье), Е.А. Преображенским, Н.Д. Кондратьевым, А.В. Чаяновым), эмигрантами (Н. Устряловым, П. Струве и др.).

Особое внимание уделяется исследованиям 1950-х – 1970-х гг.: Э.Б. Генкиной, А.П. Молчановой, С.Г. Струмилина, Т.А. Ремизовой, Ю.А. Полякова, В.П. Данилова, – внесших свой вклад, несмотря на все идеологические препоны советского времени.

Представляют интерес и труды современных авторов 1990-х – 2000-х гг. (В.П. Дмитриенко, Н.С. Симонов, Н.Б. Лебина, А.К. Соколов, А.М. Балашов, С.Л. Данильченко, В.П. Булдаков и др.), благодаря которым расширилась «традиционная» нэповская проблематика, обновились подходы в изучении. В обзоре перечисляются наиболее актуальные темы: рыночный компонент нэпа и его противоречия, деформации советской политической системы, демографическая история, повседневность, трудовые конфликты, забастовки, альтернативы, уроки, региональное измерение нэпа.

Автор характеризует и региональные исследования, некоторые учебные пособия для студентов вузов по истории нэпа, подготовленные в том числе на местных материалах.

Ключевые слова: советская Россия 1920-х гг., модернизация, новая экономическая политика (нэп), советские и современные отечественные исследования по нэпу.

Одной из противоречивых страниц советской истории 1920-х гг. является период новой экономической политики. На протяжении более чем 90 лет нэп исследовался с разной интенсивностью и в разном контексте. Так, в послевоенные годы он изучался с точки зрения опыта восстановления народного хозяйства, а в период «хрущевской оттепели» в центре внимания историков и экономистов был рыночный аспект этой политики. В 1970-е, почти как и в 1930-е гг., наступило некоторое затишье в разработке темы в условиях постсталинизма «брежневского образца». И только в связи с переходом России к рыночным реформам, особенно на современном этапе, интерес к новой экономической политике вновь возрос.

Целью статьи является выделение основных направлений в исследовании нэпа в рамках советского и современного периодов отечественной историографии.

Советский период историографии нэпа открыли его современники – государственные, партийные деятели: В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, а также ученые-экономисты: Ю. Ларин (Лурье), Е.А. Преображенский, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов и др. [11; 36]. Отреагировали на нэп и эмигранты: Н. Устрялов, Ф. Дан, Н. Валентинов (Вольский), Ю. Мартов, П. Струве. В своих статьях, работах и речах, носящих как историографический, так и источниковедческий характер, они обосновали необходимость перехода от политики «военного коммунизма» к нэпу, охарактеризовали некоторые из его сущностных черт (продналог, использование форм госкапитализма, в том числе кооперации), приводя интересные статистические данные и факты. При этом большинство из них подчеркивали, что нэп – это переходный период в построении социализма, вынужденный противоречивый шаг отступления в условиях послевоенной разрухи.

В 1950-е – 1970-е гг. наиболее значимыми стали труды Э.Б. Генкиной, А.П. Молчановой, С.Г. Струмилина, И.Я. Трифонова, А.А. Матюгина, Т.А. Ремизовой, Ю.А. Полякова, В.П. Данилова и других исследователей [3; 7; 14; 26; 27]. Они обратились к рассмотрению социально-экономического, политического и культурного аспектов новой экономической политике. В частности, речь шла о роли рабочего класса в восстановлении народного хозяйства, о переходе к нэпу крестьянства, о жизни доколхозной деревни, об упрочении союза рабочего класса и крестьянства, обострении классовой борьбы, о разнообразной культурно-просветительной работе. Отметим в этом плане и несколько глав в многотомном издании «История СССР с древнейших времен» [10], посвященных нэпу и написанных некоторыми из указанных авторов на широкой источниковой базе.

Все труды о нэпе, опубликованные в советские годы, естественно, были написаны в соответствующих идеолого-политических традициях.

В *современный период* круг исследователей расширился. Они стали активнее разрабатывать рыночный компонент нэпа, его противоречия, деформации советской политической системы, демографическую историю, повседневность, трудовые отношения, конфликты, забастовки на производстве, альтернативы, уроки и т.д. [4; 12; 23; 32; 33]. Одной из первых и наиболее интересных попыток отыскать пути перевода дискуссий о нэпе на качественно новый уровень явилось издание сборника с участием Р.У. Дэвиса, В.П. Дмитриенко, В.А. Мау и др. ученых [21]. Следующим принципиально важным шагом в научном осмыслении всего комплекса проблем нэповской России стало научное издание «Россия нэповская» [29]. В известной мере, независимо от желания самих партийных вождей, нэп, как пишет руководитель этого авторского коллектива С.А. Павлюченков, превратился в средство решения важнейшей исторической задачи, вставшей перед Россией еще в середине XIX в., состоявшей в осуществлении модернизационной трансформации. Поэтому все чаще нэп сегодня называют «нэповской модернизацией». Исследователи отмечают, что главным содержанием 1920-х гг. являлся не нэп как таковой, а завершение создания государственного мобилизационного аппарата, который бы позволил наверстывать упущенное с 1913 г. время. Определяют авторы и исходное системное противоречие нэпа – это соединение экономического либерализма и политического монополизма. Таким образом, как справедливо отмечает в своей рецензии на эту книгу В.А. Надеждина, нарушается один из барьеров в советской историографии – барьер преемственности и взаимосвязанности исторического процесса в дореволюционной и постреволюционной России. Особый интерес для нас представляет и современное оригиналь-

ное комплексное исследование экономических, политических и социокультурных аспектов нэпа, осуществленное в свете новых подходов и документов, прошедшее апробацию на состоявшейся 6-й конференции в Институте российской истории РАН по нэповской тематике [22].

В рамках современного периода исследований, на наш взгляд, особого внимания требуют те работы, которые вышли в период 2010–2013 гг. Среди них труды С.А. Есикова, А.Ю. Давыдова, А.М. Балашова, С.Л. Данильченко, Л.Н. Суворовой, А.В. Зотовой, В.Н. Тарасенко, В.П. Булдакова и др. Их изучение позволяет нам сегодня обозначить ряд вновь актуальных проблем:

- нэп в деревне как альтернатива сталинской коллективизации [8]; крестьянская повседневность эпохи нэпа; нэп в региональном измерении; кооператоры советского города;
- возрождение и развитие предпринимательства при нэпе; нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком [34]; концессии и советская экономика; хозяева и «хозяйки» [9];
- нэп в истории культуры [20];
- советская повседневность 1920-х гг. [24]; нэповская повседневность в современной российской историографии [35];
- нэп как пролог сталинизма глазами историка и социального психолога [1].

Отметим также появление учебных пособий по истории нэпа для студентов вузов, в том числе электронных [16; 18; 28; 31].

Отдельного рассмотрения заслуживают и региональные исследования.

Обращение к трудам местных ученых, занимавшихся и занимающихся многоаспектной темой истории 1920-х гг., показало, что нэп в Костромском крае не был темой специального исследования и чаще рассматривались только его какие-то отдельные стороны. Одними из первых об осуществлении нэпа в Костромской губернии в 1950-е – 1960-е гг. стали писать М.И. Краснов, Н.Н. Владимирский, П.М. Победоносцев, М.И. Синяжников. На основе широкого круга источников, в том числе местной периодической печати, богатых статистических данных, взятых как из опубликованных, так и из архивных материалов, авторы попытались через призму своего времени проанализировать проведение новой экономической политики в губернии в области экономики, партийно-политической и культурной сфер и показали, как нэп способствовал восстановлению хозяйства губернии после Гражданской войны.

1970-е гг. были отмечены появлением новых статей и материалов по отдельным вопросам нэпа. Среди них – пути формирования партийно-советских кадров, в том числе для костромской деревни, работа в этот период партийных организаций на селе [15]. В последующие годы наиболее

активно стала изучаться кооперация в годы нэпа, в том числе потребительская [6] и сельскохозяйственная [25]. Авторы указывают на то, что, хотя возрождение кооперации шло на изначальном приращении ей принципах, активность хозяйств росла медленно. Вписалось в контекст изучения указанной проблемы и исследование Е.Е. Голубева, который, активно используя статистические данные, показывает, как менялся уровень жизни советских рабочих в 1920-е гг., в том числе и костромичей [5].

Наиболее востребованным аспектом истории 1920-х гг. в крае со временем стала проблема формирования интеллигенции из рабочих и крестьян [2], в том числе художественной, учительской, технической, а также партийно-государственной политики по отношению к старой интеллигенции.

Активно ведет разработку истории Костромского края в первой половине 1920-х гг. Н.В. Милонидова [17]. Два аспекта исследуются автором в первую очередь – это культурно-просветительная работа в костромской деревне, деятельность губернского и местных политпросветов в условиях нэпа: создание, кадры, формы и методы работы, результаты; а также социально-экономические вопросы развития Костромы и губернии в указанные годы, повседневная жизнь костромичей.

Особый интерес представляют диссертация и разнообразные статьи, подготовленные А.Н. Рябининым [30] и посвященные в том числе деятельности в те годы различных политических партий, ликвидации идеологической и политической оппозиции.

С конца 1990-х гг., благодаря работе молодых костромских ученых, наметились новые направления в изучении истории 1920-х гг. Обобщающим исследованием о взаимоотношениях советского государства и РПЦ в Верхнем Поволжье в этот период стал выход монографии Н.С. Майоровой [13]. Заслуживает внимания исследование А.Г. Митрова, посвященное верхневолжской деревне накануне коллективизации [19]. Борьба с голодом в Поволжье и вклад костромичей в его ликвидацию представлены в публикации А.И. Григорьева.

1920-е гг. отражены в краеведческой литературе не только в работах историков, но и филологов. Так, Б.М. Козлов через «литературные портреты» раскрывает этот период как один из относительно благоприятных, богатых по содержанию и интенсивности периодов литературной жизни Костромы после 1917 г.

Таким образом, по истории Костромского края в 1920-е гг. написаны статьи, диссертации, учебные пособия, но комплексного исследования еще нет.

Разные аспекты новой экономической политики и ее региональные особенности освещаются также в трудах владимирских, ивановских, ярославских и других ученых. Все это заставляет задуматься о необходимости создания обобщающего

труда по осуществлению нэпа в Центральной России в целом.

Итак, продолжает с каждым годом расширяться проблематика исследования нэповской модели российской модернизации 1920-х гг., источниковая база пополняется всё новыми и новыми, в том числе региональными, материалами, обновляются подходы в изучении, но, надо признать, до сих пор нет серьезного современного обобщающего труда по историографии и истории нэпа, в котором был бы учтен опыт разных лет.

Библиографический список

1. *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. – М.: РОССПЭН, 2012. – 759 с.
2. *Волков Д.А.* Формирование интеллигенции из рабочих и крестьян в 1917–1925 гг.: противоречивый опыт и уроки (по материалам государственных, партийных и общественных организаций Верхнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. – Кострома, 1993.
3. *Генкина Э.Б.* Переход советского государства к новой экономической политике (1921–1922). – М.: Госполитиздат, 1954. – 504 с.
4. *Гимпельсон Е.Г.* Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки (20-е гг. XX в.). – М.: Собрание, 2004. – 304 с.
5. *Голубев Е.Е.* Уровень жизни советских рабочих в годы новой экономической политики 1921–1927 гг. (на материалах губерний Верхнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 1995.
6. *Голубева И.В.* Деятельность коммунистической партии по усилению роли потребительской кооперации в налаживании экономических связей города и деревни. 1921–1925 гг. (на материалах Верхнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1981.
7. *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. – М.: Наука, 1979. – 359 с.
8. *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). – М.: РОССПЭН, Фонд Первого президента России Б.Н. Ельцина, 2010. – 246 с. (История сталинизма)
9. *Зотова А.В.* Хозяева и «хозяйки» в Петрограде – Ленинграде в годы нэпа: по материалам периодической печати 1920-х гг. – СПб.: Полторак, 2010. – 35 с.
10. История СССР с древнейших времен до наших дней. – Т. VIII. – М.: Наука, 1967. – С. 15–392.
11. *Кондратьев Н.Д.* Избранные сочинения. – М.: Экономика, 1993. – 543 с.
12. *Лебина Н.Б.* Энциклопедия банальностей. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 442 с.

13. Майорова Н.С. Государственно-церковные отношения в 1917–1929 гг. (на материалах Верхнего Поволжья). – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – 292 с.
14. Матюгин А.А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925). – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 364 с.
15. Миловидов В.Л. Деятельность коммунистической партии по формировании партийно-советских кадров в годы Гражданской войны и восстановительного периода (1918–1925 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1973.
16. Миловидов В.Л. Костромской край в XX в.: противоречивые страницы истории: электр. уч. пос. для студ. вузов / В.Л. Миловидов, А.М. Белов, Н.В. Миловидова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013.
17. Миловидова Н.В. Костромская губерния в 1920-е гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия «Ист. науки»: Волжский рубеж. – 2005. – Спец. вып. – С. 90–97.
18. Миловидова Н.В. Новая экономическая политика в Центральной России в 20-е гг. XX в.: история и современность: уч. пос. для студ. вузов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 232 с.
19. Митров А.Г. Верхневолжская деревня на переломном рубеже 1927–1929 гг. – Кострома: Изд-во Костр. ГСХА, 2009. – 121 с.
20. Нэп в истории культуры: от центра к периферии: сб. статей уч-ков междунар. науч. конф. / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, Ин-т филологии и журналистики. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2010. – 410 с.
21. Нэп: приобретения и потери. – М.: Наука, 1994. – 215 с.
22. Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. – М.: РОССПЭН, 2006. – 544 с.
23. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. – 317 с.
24. Орлов И.Б., Пахомов С.А. «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. – М.: Сообрание, 2007. – 159 с.
25. Панкратова О.Б. Сельскохозяйственная кооперация в годы новой экономической политики. 1921–1927 гг. (на материалах губерний Верхней Волги): дис. ... канд. ист. наук. – Кострома, 1997.
26. Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. – М.: Наука, 1967. – 511 с.
27. Ремизова Т.А. Культурно-просветительная работа в РСФСР (1921–1925). – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 256 с.
28. Рогачева В.Д. Нэп: взгляд с разных сторон. 1921–1929 гг.: курс по выбору: электр. учебник. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2013.
29. Россия нэповская. – М.: Новый хронограф, 2002. – 446 с. (Россия. XX в. Исследования).
30. Рябинин А.Н. Идеологическое обеспечение новой экономической политики (Из опыта работы государственных и общественно-политических организаций Верхнего Поволжья в 1921–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 1991.
31. Рянский Л.М. Курский край 1920–1930-х гг. Восстановление хозяйства на основе нэпа: электр. уч. пос. по истории Курского края. – Курск: КГУ, 2013.
32. Селиванов А.М. Социально-политическое развитие российской деревни в первые годы новой экономической политики: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Ярославль, 1994.
33. Симонов Н.С. Демократическая альтернатива тоталитарному нэпу // История СССР. – 1992. – № 1. – С. 41–58.
34. Суворова Л.Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. – М.: АИРО – XXI, 2013. – 304 с.
35. Тарасенко В.Н. Нэповская повседневность в современной российской историографии: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2013.
36. Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. – М.: Центр. тов-во «Кооперативное изд-во», 1925. – 77 с. (Репринт. изд.).

Генералова Галина Геннадьевна

кандидат экономических наук

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
galina.generalova@list.ru

Паньшин Илья Владимирович

кандидат экономических наук

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
panshin@vlsu.ru

Чекмарев Василий Владимирович

доктор экономических наук, профессор

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
tcheckmar@ksu.edu.ru

РЕСУРСНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РЕГИОНАХ*

В статье представлены итоги исследования, выполненного в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-12-33004. Обоснован подход, согласно которому ресурсное обеспечение регионального развития в большей степени зависит от экономической политики государства, чем от наличия природных ресурсов. Выявлено, что экономический рост является не только показателем динамики развития региона, но и качественной характеристикой длинных волн Н.Д. Кондратьева. Предложено новое понимание содержания понятия экономический рост. Авторы считают, что обеспечение экономического роста в регионах может быть осуществлено с использованием теории качественной неоднородности ресурсов Ю.В. Яременко. В работе вводится разграничение экономических ресурсов на качественные (высокопродуктивные) и массовые (низкопродуктивные), предложена интерпретация экономического роста на основе определения свойств технологической структуры народного хозяйства, приводятся доказательства в пользу позиции, согласно которой рост не беспределен. Последствия для экономики, финансов в течение многих грядущих десятилетий будут гораздо сильнее, чем последствия промышленной революции. Переход от уровня потребления к качеству жизни – проблема для нашего поколения, порой пугающая, но только опосредованно связанная с экономическим ростом. Авторы вводят понимание начала новой эры прогресса без роста. Это понимание базируется на ограниченности ресурсов, влиянии производства на окружающую среду, пределах выносливости окружающей среды. При этом акцент делается на эволюции понятия «экономический рост» и замещении этого понятия понятием «экономическое развитие». Одновременно, оперируя понятием «экономический рост» как устоявшимся понятием экономической науки (в силу необходимости быть понятыми читателями), авторы подкрепляют свои рассуждения оценкой ресурсного обеспечения экономического роста в регионах.

Ключевые слова: экономический рост, региональное развитие, теория качественной неоднородности ресурсов.

Постановка проблемы

В условиях все более осознающейся экономической цели общества – устойчивого развития – понятие экономического роста в условиях ограниченности (и в ряде случаев – конечности) ресурсов требует нового понимания [1; 4; 9]. Это понимание может возникнуть в том числе и на основе обновления понятийного аппарата. Высказываются сомнения относительно роли экономического роста как общественного блага в контексте неоклассических и более поздних теорий роста [6; 13].

«Почему одни страны являются богатым, а другие бедными?» – этот фундаментальный вопрос экономического роста и развития поглощал внимание экономистов в течение столетий. Вопрос настолько заворочил экономистов-классиков, что был запечатлен на обложке знаменитого трактата А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». И стал ошибочным прогнозом Томаса Мальтуса в начале девятнадцатого столетия относительно будущих перспектив экономического роста, благодаря которому дисциплина заработала свой наиболее узнаваемый эпитет «мрачной науки».

Современное исследование этого вопроса датируется 1950 годами, связано с публикациями двух знаменитых статей Р. Солоу. Теории Р. Солоу помогли прояснить роль накопления физического капитала и подчеркнули важность технологического прогресса как конечной ведущей силы, стоящей за непрерывным экономическим ростом [11]. В течение 1960-х годов и на меньшем протяжении 1970-х, работа по экономическому росту разрослась. Однако по методологическим причинам важные аспекты теоретического исследования технологического изменения были отложены.

В начале 1980-х годов работы П. Рёмера и Р. Лукаса, придавая особое значение экономике «идей» и человеческого капитала, вновь подняли интерес исследователей к экономическому росту. Восприняв преимущество новых разработок в теории несовершенной конкуренции, П. Рёмер представил сообществу экономистов экономику технологии. Следуя этим теоретическим продвижениям, возникла эмпирическая работа некоторого числа экономистов (таких, как Р. Барро из Гарвардского университета), с целью количественного определения и проверки теории роста. Как теоретическая, так

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-12-33004.

и эмпирическая работа продолжалась с огромным профессиональным интересом в 1990-е годы [12].

Начало XXI века ознаменовалось осознанием кризисного состояния экономической науки. Несмотря на концептуальный переход от экономического роста к устойчивому развитию, проблематика экономического роста не оставила умы исследователей. Более того, применительно к экономике регионов России, проблематика приобрела практическую значимость.

А нужен ли экономический рост в регионах?

Для ответа на вопрос обратимся к точке зрения видных российских учёных. Так, В. Иноземцев, директор Центра исследований постиндустриального общества, отвечает на этот вопрос отрицательно [6].

Принято считать, что российское правительство пребывает в неустанном поиске резервов для возобновления практически замершего экономического роста. В условиях санкций, введенных Западом, власти готовы вкладывать резервы в инфраструктурные проекты, ослаблять курс национальной валюты ради поддержки отечественного производителя и проводить политику расширения денежной массы. Между тем пока не похоже, что предпринимаемые усилия дают результат: частные инвестиции в экономику сокращаются, доходы населения не растут, бегство капитала не прекращается [5].

Сегодня очевидно, что правительство сделало выбор в пользу масштабного финансового стимулирования. Уже одобрено выделение из Фонда национального благосостояния более чем 600 млрд рублей на различные проекты, и можно не сомневаться, что «пострадавшие» от санкций воспользуются этой возможностью на все сто процентов. Центральный банк постепенно наращивает кредитование банковской системы. Иначе говоря, «топливо» в бак останавливающегося «автомобиля» российской экономики заливается в более чем достаточном количестве.

Однако остается два фундаментальных вопроса. Первый: кто выступит локомотивом реального роста? Второй: какой характер этот рост будет иметь? Или, говоря иначе, что именно поменяется в результате реализации государственных программ в российской экономике?

По причине господства «советских» стереотипов мышления нашей номенклатуры, государственные инвестиции в России могут иметь только *очень масштабный характер*. До регионов ли? Проиллюстрируем свою позицию следующим примером. Выделяемые из ФНБ миллиарды предполагается направить всего в шесть проектов. Для сравнения стоит напомнить, что в США в эпоху «Нового курса» (1933–1939 годы) правительство проинвестировало 34 тыс. объектов – дорог, пло-

тин, мостов, аэропортов, школ, больниц и т.д., потратив на это 4,2 млрд долл. (в нынешних ценах это около 190 млрд долл., или 7 трлн рублей). Причем все проекты были реализованы силами частных компаний по минимальным на тот момент ценам. В России же сегодня эффективность вообще не принимается в расчет. Олимпиада в Сочи стоила больше, чем восемь предшествующих зимних Игр вместе взятых. Автомобильная дорога между Москвой и Санкт-Петербургом так и не построена, хотя работы идут уже почти 20 лет. А ведь государство тратит на все это средства, собранные в виде налогов или пошлин с реального бизнеса. Деньги эти в конечном счете вынуты из кармана налогоплательщиков. Если присмотреться к этой системе, можно увидеть, что в России годами происходит *массовый перелив доходов из рентабельных бизнесов в убыточные*, что и становится главной миссией бюджета. Валерий Зубов, депутат Государственной думы и бывший губернатор Красноярского края, недавно удачно назвал этот феномен «суррогатной инвестиционной системой». В итоге средства, распределяемые государством, практически не доходят до конкурентных секторов экономики, не создают новых точек роста и повышают в лучшем случае инвестиционный, но не конечный спрос. При этом цены и тарифы на услуги естественных и «неестественных» монополий не снижаются, что позволяет этим компаниям и дальше не заботиться об эффективности и инновациях. А значит, российские чиновники надеются подтолкнуть рост, изымая средства у частных предпринимателей, которые как раз могли бы его «запустить», и отправляя в сектора, на реальное экономическое развитие почти не влияющие [8].

Другими словами, делается попытка применить классические макроэкономические рецепты оживления к неклассической экономике. Проблема в России заключена не в дефиците инвестиционных ресурсов, а в отсутствии рыночно ориентированных компаний, которые могли бы эти инвестиции эффективно «переварить». Эта проблема лежит не на макро-, а скорее на микроуровне, чего мы упорно не хотим замечать и что стало следствием хозяйственной политики последних двух десятилетий. Поэтому сегодня в России льют «топливо» в «автомобиль», у которого не работает двигатель [2].

При этом нетрудно заметить, что государственные инвестиции в современной России направляются в первую очередь туда, где есть надежда на линейный рост валовых показателей. В начале 2000-х годов президент Владимир Путин провозгласил в качестве ориентира удвоение ВВП, как будто оно может что-то сказать о развитости экономики. Идут разговоры о необходимости «увеличения объема грузоперевозок на восточном полигоне железных дорог на 40%», словно сам по

себе грузооборот способен увеличить национальное богатство. Не прекращается финансирование строек, которые, даже будучи законченными, на десятилетия станут обузой для государственной казны. При этом федеральный центр, осознанно или нет, оставил в своем ведении налоги и платежи, которые связаны именно с объемами производства (НДПИ, НДС, экспортные пошлины), но отнюдь не с его эффективностью (налог на прибыль, на доходы физических лиц, на недвижимость и т.д.). Напротив, в США, где дело с технологическими нововведениями обстоит лучше, чем в России, федеральное правительство живет как раз за счет подоходного налога (46,7% доходов) и налога на прибыль (10,7%), в то время как аналог НДС – налог с продаж – поступает в казну Штатов, а таможенные сборы обеспечивают около 0,1% поступлений [10]. В успешных экономиках *абсолютизируется не рост, а развитие*: вывод на рынок новой продукции, победа над отстающими конкурентами, создание новых секторов и отраслей [3]. Более того, новейшие тренды в глобальном хозяйстве свидетельствуют, что в лидерах оказываются те отрасли, которым удастся постоянно снижать цену на свою продукцию при устойчивом улучшении ее качественных характеристик (компьютерная индустрия, производство средств и оказание услуг связи, разработка программного обеспечения, фармацевтика дженериков). Увы, многих из этих отраслей в современной России попросту не существует. Поэтому и отношение к замедлению роста должно быть совершенно иным. Вместо того чтобы разгонять безнадежно отставшую экономику, период низкого роста следует использовать для структурной перестройки хозяйства, для новых масштабных технологических заимствований и переобучения работников. На это, замечу, было нацелено большинство программ экономического стимулирования, принятых в развитых странах в период кризиса 2008–2009 годов. И только в России правительство требовало не увольнять работников и вкачивало средства в потенциальных банкротов, с которыми и сейчас неясно, что делать.

В стране годами происходит массовый перелив доходов из рентабельных бизнесов в убыточные, что и становится главной миссией бюджета. И не о каком экономическом росте в регионах речи не идет. Инвестиционная политика не становится фактором качественного развития экономики в регионах [7].

Экономический рост и структурные реформы как его ресурсы

Структурные реформы региональных экономик отложены. Еще до начала геополитического кризиса экономисты сигнализировали о перегреве экономики России. При существующей структуре экономики дополнительные вливания не приводят

к увеличению темпов экономического роста. Причины банальны: в стране недостаток высокопроизводительных рабочих мест, низкий уровень безработицы и плохие институты. Поэтому монетарные стимулы неэффективны.

Есть риск, что в условиях ограничения долговых рынков для российских компаний в сочетании с большим корпоративным долгом перед западными кредиторами средства ФНБ будут стимулировать отток капитала, а это окажет дополнительную нагрузку на рубль. В любом случае, расплачивается за все конечный потребитель, на котором уже сказываются последствия санкционной войны: обесценивающийся рубль и инфляция съедают сбережения и зарплату.

Присоединение Крыма, спровоцировавшее последующую санкционную войну между Западом и Россией, является реперной точкой, определившей реальную расстановку сил во внутренней политике. В конце 2013 года стало ясно, что у России нет ни политической, ни экономической возможности идти на прямую конфронтацию с Западом и вести разговор на равных. Потом оказалось, что присоединить Крым без экономических и политических последствий не получилось, и в результате олигополиям был ограничен доступ к западному долговому рынку и технологиям, что не могло не вызвать ряд вопросов со стороны госкомпаний к власти.

Теперь добиваться лояльности олигополий можно было лишь за счет принятия непопулярных политических решений, между которых «закон Ротенберга», заморозка пенсионных накоплений, увеличение ряда налогов и предоставление части средств ФНБ под инфраструктурные проекты госкомпаний. Это – компенсация госкомпаниям за последствия санкционной войны. Но компенсация – это не фактор экономического роста. Да и большинство госкомпаний зарегистрированы не в регионах. А индексация зарплат бюджетников и пенсий создаст дополнительное давление на региональные бюджеты. В результате региональные бюджеты в перспективе будут еще больше разбалансированы. Фискальный ответ на этот вызов в виде постепенно повышающегося налога на недвижимость, отмены порога зарплат для отчислений в ФОМС, повышения акцизов и ряда других инструментов сможет залатать дыры в бюджете лишь частично.

Стратегии экономического роста

Все наверняка помнят первую фразу романа Толстого «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Если же говорить о регионах и об их успехах в экономическом развитии, то, похоже, дело обстоит совсем не так: истории «экономических чудес» очень разнятся и порой имеют вообще мало общего. Нередко можно

встретить противоречащие друг другу заключения о причинах экономического роста: про одни регионы говорят, что источниками их быстрого роста стали либерализация и свободная торговля, а успех других объясняется протекционизмом и промышленной политикой.

Одно из объяснений того, что к экономическому успеху в разных регионах приводит экономическая политика, состоит в том, что набор мер «хорошей политики» не универсален, а зависит от обстоятельств. Попросту говоря, в самом общем смысле, что хорошо для развитого региона, не обязательно хорошо для развивающегося. Кажется, эта идея тривиальна, особенно для неэкономистов, однако экономисты до последнего времени пытались найти универсальные эликсиры роста: конкурентные рынки, свобода торговли, низкая инфляция, частная собственность, защита прав на интеллектуальную собственность...

В последние годы, однако, появилось много работ, доказывающих, что в зависимости от уровня развития (ВВП на душу населения) и качества институтов одна и та же политика может либо способствовать росту, либо тормозить его.

То же можно сказать и о движении капитала – и краткосрочных инвестиций, и даже прямых иностранных инвестиций: для одних регионов, особенно с плохим инвестиционным климатом, положительные последствия (импорт технологии от прямых инвестиций и дополнительное внешнее финансирование от краткосрочного капитала) могут с лихвой покрываться отрицательными – вывозом прибылей и увеличением волатильности роста. Для других – наоборот.

Схожим образом обстоит дело и со свободной миграцией рабочей силы: «утечка мозгов» из развивающихся стран подрывает их потенциал роста, но эмиграция неквалифицированных рабочих позволяет сэкономить инвестиции на создание новых рабочих мест и пустить их на повышение капиталовооруженности, а, следовательно, и производительности труда. Поэтому для одних регионов РФ выгодна свободная миграция высококвалифицированных кадров, а для других, наоборот, свободная миграция неквалифицированной рабочей силы.

Особо отметим, что в регионах рост экономики достигается за счет перераспределения ресурсов между отраслями через определенную систему цен. Указание на гарантированные темпы роста можно интерпретировать в понятиях отечественной экономической науки как достижение ценовых пропорций, отражающих народнохозяйственную сбалансированность. Здесь видна связь стоимостного условия роста и стандартного товара. Ведь последний подчеркивает, что стоимость складывается в результате процессов на уровне хозяйства, взятого в целом. Но можем ли мы трактовать этот уровень экономики непременно как народнохозяй-

ственный? Во времена экономистов-классиков это было естественно, но в эпоху глобализации такой подход становится все менее уместным. На территории России формируются анклавные, оторвавшиеся от национальной экономики и встроившиеся в воспроизводственные структуры ТНК. В этих условиях цены на продукцию анклава формируются тенденциями мирового рынка, а на продукцию, предназначенную для внутреннего спроса, – отечественным рынком. Это означает, что единство стоимостных процессов разывается, и целостность вектора цен нарушается. В силу превратности мирового рынка достижение сбалансированности периферийного хозяйства может оказаться под серьезной угрозой.

Заключение

Все вышеприведенное позволяет утверждать, что в ресурсное обеспечение экономического роста в регионах может быть осуществлено с использованием *теории качественной неоднородности ресурсов* Ю.В. Яременко, которая представляет собой отечественный резерв формирования нового курса [14]. Введя разграничение экономических ресурсов на качественные (высокопродуктивные) и массовые (низкопродуктивные), мы можем интерпретировать экономический рост как определяющийся свойствами технологической структуры народного хозяйства. Если экономика развивается с опорой на массовые ресурсы, то они должны быть дешевы. Таким образом, есть жесткая связь между натурально-вещественной и стоимостной структурами экономики. Либерализация цен в структурно не готовой для этого экономике ведет к нарушению ее стоимостного условия роста и обвалному спаду.

Библиографический список

1. Абалкин Л.И. Логика экономического роста. – М.: ИЭ РАН, 2002. – 121 с.
2. Афонцев С.А. Мировая экономика в поисках новой модели роста // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 2. – С. 3–12.
3. Гайдар Е. Современный экономический рост и стратегические перспективы социально-экономического развития России // Известия. – 2003. – 26 февраля.
4. Гелбрейт Дж.К. Третий кризис в экономической науке // Мир перемен. – 2013. – № 1. – С. 24–28.
5. Дасковский В. Киселев В. Об управлении экономическим ростом и развитием // Инвестиции в России. – 2014. – № 2. – С. 3–14.
6. Иноземцев В. Ускорение без перестройки // Бизнес-журнал. – 2014. – № 10. – С. 10–11.
7. Клейнер Г.Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. – 2013. – № 6. – С. 4–28.

8. Компетенции, необходимые руководителю для эффективного управления изменениями: Обзор обсуждаемых проблем в кадровом центре «ЮНИТИ» // Человек и труд. – 2013. – № 2. – С. 55–58.
9. Мау В.А. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 году // Вопросы экономики. – 2014. – № 2. – С. 4–32.
10. Попов В.В. Стратегии экономического развития. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 336 с.
11. Перминов С.Б. Информационные техноло-

гии как фактор экономического роста. – М.: Наука, 2007. – 227 с.

12. Теория капитала и экономического роста / под ред. С.С. Дзарасова. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 400 с.
13. Ресурсный потенциал экономического роста. – М.: Весь мир, 2002. – 304 с.
14. Хейнберг Р. Конец роста. Новая экономическая реальность. – М.: Книговек, 2013. – 383 с.
15. Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. – М.: Наука, 1997. – 400 с.

УДК 332.122

Дадалко Светлана Викторовна

кандидат экономических наук

Белорусский национальный технический университет, г. Минск
antikrizis1@bk.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНДИКАТОРОВ

В статье проводится анализ уровня инновационного развития Республики Беларусь с использованием Глобального индекса инноваций, обозначены некоторые особенности и проанализированы сильные и слабые стороны национальной инновационной системы республики.

Место и роль Беларуси в мировой экономике в XXI в. будут во многом определяться уровнем ее научно-технического развития, способностью создавать и эффективно использовать собственные и импортные наукоемкие технологии, степенью присутствия страны на мировом рынке высоких и новых технологий.

Одной из приоритетных задач государственной научно-технической политики является формирование эффективной модели отечественной науки, которая в ближайшей перспективе должна представлять собой целостную сеть достаточно крупных и устойчивых в финансовом отношении организаций, выполняющих фундаментальные исследования мирового уровня и создающих прикладные разработки по приоритетным направлениям развития науки и технологий.

Развитие национальной научной и инновационной системы Беларуси проходит достаточно сложно, можно констатировать снижение ее роли в развитии ведущих отраслей национальной экономики. Тематика научных исследований в значительной степени направлена на совершенствование действующих технологий, а не на создание новых. Вместе с тем, именно разработка и внедрение в производство новых технологий и наукоемкой продукции являются ключевыми факторами достижения и сохранения конкурентных преимуществ.

Приведены аргументы в пользу положения о том, что согласно показателям Глобального индекса инноваций, Беларусь сохранила высокий кадровый потенциал научно-технического и инновационного развития, имеет определенные достижения в процессах создания и диффузии знаний. Однако проблемы инновационного развития страны существуют и связаны, как показывают исследования, с рядом ключевых методологических и стратегических ошибок в процессах регулирования развития национальной экономики в условиях формирования экономики знаний.

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие, национальная инновационная система, Глобальный индекс инноваций.

В начале 1990-х годов в республике Беларусь был объявлен стратегический курс на построение экономики, основанной на науке и технологиях. В рамках данного курса в стране принято более 25 законов, декретов и указов Президента, свыше 40 постановлений Правительства и множество иных нормативно-правовых актов. В результате в белорусском обществе закрепилось понимание приоритетности и важности науки и технологий для экономического благополучия страны.

Коммерциализация научных разработок стала ведущим приоритетом инновационной деятельности с принятием в 2007 году Государственной программы инновационного развития. Проведем оценку инновационного развития Республики Беларусь на современном этапе.

Важным инструментом оценки эффективности инновационной политики государства в последнее время становятся Международные индикаторы инноваций. Одним из наиболее широко используемых индексов инноваций является Глобальный индекс инноваций (Global Innovation Index – GII, далее – ГИИ), разработанный в сотрудничестве специалистами швейцарской бизнес-школы (Business School for the World – INSEAD), Всемирной организации интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization-WIPO). В 2013 г. опубликовано шестое издание Глобального индекса инноваций, в котором приняли участие 142 страны. Глобальный индекс инноваций состоит из 84 индикаторов, сгруппированных в два субиндекса, один из которых оценивает ресурсы инноваций

Таблица 1

Сильные и слабые стороны НИС Беларуси в контексте Глобального индекса инноваций, 2013 г.

Сильные стороны (показатель-рейтинг)		Слабые стороны (показатель-рейтинг)	
Институты инноваций		Институты инноваций	
легкость начала бизнеса	20	эффективность правительства	133
Человеческие ресурсы		качество регулирования	137
процент охвата школьников третьей ступенью образования	6	верховенство права	130
выпускники в сфере естественных и технических наук	16	Рыночная среда	
мобильность студентов третьей ступени образования (выезд)	20	легкость получения кредита	93
Инфраструктура		венчурный капитал, % ВВП	74
валовое накопление, % ВВП	15	Бизнес-среда	
Создание знаний и технологий		связи в инновационной системе	139
заявки на патенты резидентов страны	10	импорт высоких технологий, %	121
заявки на полезные модели резидентов страны	7	Создание знаний и технологий	
темпы роста ВВП на одного занятого	15	сертификация по ISO 9001	116
Креативность экономики		Креативность экономики	
регистрация торговых марок по Мадридскому соглашению на 1 млрд. долл. ВВП	15	неявные активы	101
ежедневный тираж газет (на 1 тыс. населения 15–69 лет)	15	создание национальных фильмов, (на 1 млн. населения 15–69 лет)	100
		экспорт креативных товаров, %	81
		национальные домены верхнего уровня ccTLDs (на 1 тыс. населения 15–69 лет)	113

Источник: [1].

(Innovation Input Sub-Index), второй – результаты инновационной деятельности (Innovation Output Sub-Index). Составляющие субиндекса ресурсов инноваций, в свою очередь, включают оценку институтов, человеческих ресурсов, инфраструктуры, рыночных условий и качества бизнес-среды. Оценка результатов инновационной деятельности основана на индексах создания знаний, технологических результатов и креативности экономики.

В 2012 г. республика Беларусь занимала 78 место в рейтинге Глобального индекса инноваций из 141 страны, в 2013 г. – 77 ранг из 142 стран, т. е. ее позиционирование практически не изменилось. Сильные и слабые стороны Национальной инновационной системы (далее – НИС) Беларуси представлены в таблице 1, составленной по данным Глобального индекса инноваций 2013 г.

Можно отметить, что наиболее слабые позиции страна занимает в оценке институциональной среды, а общая оценка институтов инновационного развития занимает 107 ранг.

Наиболее устойчивы позиции страны в оценке образовательного потенциала, что положительно влияет на качество человеческого капитала: суммарная оценка этого блока индикаторов – 43 ранг в Глобальном индексе инноваций, она могла быть и выше. Одним из показателей, снизившим рейтинг республики Беларусь, является низкая наукоемкость ВВП, по этому показателю страна занимает 46 позицию в рейтинге. Показатель затрат на научные исследования находится ниже критиче-

ского уровня (1% ВВП) и сохраняется на уровне 0,6–0,7% ВВП в течение всех последних лет.

Рассматривая позиционирование страны в Глобальном индексе инноваций в разделе рыночных условий для инновационной деятельности, следует отметить слабость финансовых институтов инновационного развития республики Беларусь: нет оценок рыночной капитализации, фондового рынка, венчурного капитала. По индикатору «внутренний кредит частному сектору, % ВВП» Беларусь занимает 77 место в мировом рейтинге (42%). Для сравнения, аналогичный показатель в Бельгии – 92,6%, Латвии – 82,7%, Польше – 54,9%, Литве – 53,7% ВВП. Легкость получения кредита оценивалась экспертами Всемирного банка на основе рейтингов «Doing Business Index 2013», по данной позиции Беларусь занимает 93 место в Глобальном индексе инноваций, что ниже, чем у Казахстана (80), Чехии (51), Словакии (22), Польши (4).

Если оценивать место республики Беларусь на глобальном рынке патентов, то результаты не высоки – 62 место в мировом рейтинге Глобального индекса инноваций из 69 стран, позиционированных по этому индикатору. Такие страны, как Италия (22 ранг), Польша (35 ранг), Латвия (40 ранг), обладая примерно равными ресурсами исследователей в расчете на 1 млн. населения, имеют гораздо более высокие позиции по данному показателю.

Другим важным оценочным показателем результативности инноваций является показатель, характеризующий структурные сдвиги в экономи-

ке страны, т. е. определяющий воздействие знаний на отраслевые сдвиги. К таким индикаторам относят «долю продукции отраслей высоких и средне-высоких технологий в промышленном выпуске». По этому показателю, составляющему 14,5%, Беларусь занимает 64 позицию из 94 стран, представленных в оценке по данному индикатору ГИИ.

Наиболее экзотичными для традиционной оценки эффективности инноваций являются индикаторы Глобального индекса инноваций, характеризующие «креативность» экономики.

В самой общей трактовке под креативностью понимают процесс, в котором новые идеи генерируются, связываются и трансформируются в то, что обладает ценностью. Под креативными индустриями понимается деятельность, в основе которой лежат индивидуальное творческое начало, навык или талант и которая несет в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности.

В целом, по разделу показателей, характеризующих креативные товары и услуги, республика Беларусь заняла 91 ранг ГИИ. Положительные достижения страны по индикаторам креативности экономики Глобального индекса инноваций отмечены в таблице 1.

Экспорт креативных товаров в Беларуси составляет незначительную величину – 0,32% совокупного экспорта, что и обусловило низкий рейтинг страны – 81 ранг из 134 стран, оцениваемых по этому индикатору ГИИ.

Таким образом, согласно показателям Глобального индекса инноваций, республика Беларусь сохранила высокий кадровый потенциал научно-технического и инновационного развития, имеет

определенные достижения в процессах создания и диффузии знаний. Однако проблемы инновационного развития страны существуют и связаны, как показывают исследования, с рядом ключевых методологических и стратегических ошибок в процессах регулирования развития национальной экономики в условиях формирования экономики знаний.

Вместе с тем, инновационная направленность науки рассматривается в качестве одного из доминантных оснований динамичного экономического развития страны и базируется на отечественных научных разработках и технологиях, которые создаются в научных организациях Национальной академии наук республики Беларусь, в вузах и отраслевых научно-исследовательских институтах. В этой связи представляется целесообразным формирование инновационного потенциала посредством стимулирования и поддержки малых и средних инновационных предприятий, а также развитие международного научно-технического сотрудничества, в особенности в рамках интеграционных процессов на пространстве СНГ.

Библиографический список

1. Богдан Н.И. Международные индикаторы инноваций: оценка сильных и слабых сторон национальной инновационной системы Беларуси [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bem.bseu.by/rus/archive/4.13/2013-Bohdan.pdf> (дата обращения 20.10.2014)
2. Козловская З.Н., Дадалко С.В., Дадалко А.В. Формирование баланса экономической безопасности в условиях открытости экономики Беларуси иностранным инвестициям // Безопасность бизнеса. – 2013. – № 4. – С. 91–104.

Смирнова Ольга Александровнакандидат экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
100lga@mail.ru**Барышев Денис Александрович**кандидат экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
barnetru@rambler.ru

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ МОДЕЛЬ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

Налоги в Российской Федерации выполняют две функции: фискальную и регулируемую. В большей степени, на сегодняшний день, реализуется фискальная функция. Чтобы повысить регулируемую функцию, которая проявляется в изменении условий налогообложения, через дифференциацию налоговых ставок и установлении льгот, способствуя развитию отраслей народного хозяйства, мы предлагаем альтернативную модель налогообложения для некоторых хозяйствующих субъектов. К основным способам минимизации налоговых платежей при налоговом планировании относятся: учетная политика; использование льгот по уплате налогов; использование специальных налоговых режимов; выбор формы договора и обоснованность налоговых льгот по каждой сделке; контроль за сроками уплаты налогов. Можно выделить следующие виды оптимизации налогообложения: оптимизация по видам налогов; оптимизация налогообложения у организаций в зависимости от их принадлежности к той или иной сфере финансово-хозяйственной деятельности; оптимизация налогообложения по категориям налогоплательщиков. Можно также выделить пассивный и активный виды оптимизации. К пассивному виду оптимизации можно отнести альтернативную оптимизацию, когда в налоговом законодательстве существуют две или более нормы, а вопрос большей целесообразности использования одной из них находится в компетенции грамотного специалиста организации или физического лица – налогоплательщика. К активному виду оптимизации можно отнести специфические методы планирования деятельности организации, заключающиеся в активных, волевых действиях ее должностных лиц, направленных на минимизацию налогов. Мы рассмотрели и сравнили эффективность применения Упрощенной системы налогообложения при работе по Агентским договорам, а также провели сравнительный анализ режимов налогообложения.

Ключевые слова: минимизация налоговых платежей, налоговое планирование, налоговая оптимизация, общий режим налогообложения, упрощенная система налогообложения, агентский договор.

Налоги в Российской Федерации выполняют две функции: фискальную и регулируемую. В большей степени, на сегодняшний день, реализуется фискальная функция. Чтобы повысить регулируемую функцию, которая проявляется в изменении условий налогообложения, через дифференциацию налоговых ставок и установление льгот, способствуя развитию отраслей народного хозяйства, мы предлагаем альтернативную модель налогообложения для некоторых хозяйствующих субъектов.

В действующем законодательстве существует немало возможностей для сокращения налоговых выплат (налоговые льготы, различные режимы налогообложения, законодательные пробелы и неясности). Законные методы сокращения от налогов складываются в схемы оптимизации налогообложения, позволяющие достигнуть увеличения прибыли. При этом любая используемая схема должна отвечать критериям разумности, эффективности, автономности, законности, надежности и безопасности.

В литературе описаны основные способы минимизации налоговых платежей при налоговом планировании [2].

В то же время поиск теоретических подходов оптимизации налогообложения, под которой понимают уменьшение размера налоговых обязанностей посредством целенаправленных действий

налогоплательщика, включающих в себя полное использование всех предоставленных законодательством льгот, налоговых освобождений и других законных приемов и способов, позволяет предложить и иное. Поясним.

Налоговое планирование можно определить как выбор между различными вариантами методов осуществления деятельности и размещения активов, направленный на достижение возможно более низкого уровня возникающих при этом налоговых обязательств. В отличие от уклонения от уплаты налогов, избежание налогов – допустимые, законные попытки уменьшения (смягчения) налогового бремени за счет так называемого налогового планирования.

Можно выделить следующие виды оптимизации налогообложения:

- оптимизация по видам налогов (НДС, налог на прибыль, налог на доходы физических лиц, единый социальный налог и др.);
- оптимизация налогообложения у организаций в зависимости от их принадлежности к той или иной сфере финансово-хозяйственной деятельности (так называемая отраслевая оптимизация, имеющая черты и особенности, присущие конкретному виду деятельности, например для банков, страховых организаций, организаций торговли и т. д.);
- оптимизация налогообложения по категориям налогоплательщиков (организации, предприни-

матели, иные физические лица, крупные, средние и малые налогоплательщики).

Можно также выделить пассивный и активный виды оптимизации.

К пассивному виду оптимизации можно отнести альтернативную оптимизацию, когда в налоговом законодательстве существуют две или более нормы, а вопрос большей целесообразности использования одной из них находится в компетенции грамотного специалиста организации или физического лица – налогоплательщика.

К активному виду оптимизации можно отнести специфические методы планирования деятельности организации, заключающиеся в активных, волевых действиях ее должностных лиц, направленных на минимизацию налогов.

Рассмотрим некоторые схемы, используемые налогоплательщиками для оптимизации налоговых платежей и страховых взносов в государственные внебюджетные фонды.

Данные схемы можно разделить на две группы:

1. «Простые» схемы, то есть схемы, реализация которых не требует целенаправленных затрат, а также оформления специальных документов или договоров и создания каких-либо схем.

2. «Сложные» схемы, требующие для их реализации материальных затрат, например по их обслуживанию, составлению специальных документов, договоров, с помощью которых реально имеющиеся правоотношения заменяются другими, что влечет за собой частичное или полное избежание уплаты налогов и сборов (замена заработной платы страхованием жизни работников и т. д.). К данной группе относятся также схемы по изменению налоговой юрисдикции, то есть использование оффшорных зон.

Ю.В. Подпорин полагает, что методами налоговой оптимизации можно считать не только способы минимизации самих налогов, но также и создание более выгодных для налогоплательщика условий налогового администрирования и налогового контроля, что может привести к признанию права налогоплательщика на использование льгот, снижению штрафных санкций за допущенные нарушения налогового законодательства, возврату излишне уплаченных налогов и т. д. [3].

Развивая идеи Ю.В. Подпорина, можно указать на то, что современные методы налоговой оптимизации основаны на сочетании специальных налоговых режимов (упрощенная система налогообложе-

ния и ЕНВД) с общим режимом налогообложения. Эти методы обладают одним неоспоримым преимуществом – они законны.

Рассмотрим и сравним эффективность применения Упрощенной системы налогообложения при работе по Агентским договорам, а также проведем сравнительный анализ режимов налогообложения на примере ООО «Росзолото».

ООО «Росзолото» свою экономическую деятельность осуществляет по Агентским договорам на предоставление услуг. Имея обороты денежных средств более 300000000,00 рублей в год, Агентский договор является наиболее подходящим видом гражданско-правовых отношений для оптимизации налогообложения. При работе по Агентским договорам налогооблагаемая база считается агентское вознаграждение, что позволяет применять в качестве налогообложения УСН-6% (доходы), т.к. агентское вознаграждение за год не превышает 60 млн. рублей.

В связи с нестабильной ценой золота на мировом рынке очень выгодно работать по давальческой схеме. С этой целью была разработана новая схема работы по агентским договорам. В стандартный Агентский договор добавлено приложение, в котором оговаривается работа по давальческой схеме, так называемый договор Толлинга.

Суть работы в данном направлении заключается в том, что Принципал (давальец), отдает свой металл на переработку и платит только за работу. Цена за работу, по сравнению с ценой металла, стабильна. Эта схема выгодна как Агенту, так и Принциалу. Работы Агент выполняет как своими силами и на своем оборудовании и с применением собственной лигатуры, так и с привлечением Субподрядчиков, но из материалов, предоставленных Принципом. Ювелирные изделия изготавливаются и передаются Принципу с клеймением (т.е. с апробированием и проставлением именника Подрядчика).

Итак, в качестве объекта налогообложения у ООО «Росзолото» выбрано Доходы – УСН 6% (Упрощенная система налогообложения – УСН).

Для оценки эффективности применения Упрощенной системы налогообложения (6%), при работе по Агентским договорам у ООО «Росзолото», мы рассмотрели эффективность использования экономического потенциала ООО «Росзолото» за 2013 год и нашли ряд коэффициентов, характеризующий данный показатель (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели эффективности использования экономического потенциала
ООО «Росзолото» за 2013 год.**

№	Показатели	За 2013 год, руб.
1	Сумма налоговых доходов за налоговый период	2 166 775,77
2	Сумма, уменьшающая сумму исчисленного налога	65 003,00
3	Сумма исчисленного налога	130 007,00
4	Сумма налога к уплате	65 004,00

Для оценки эффективности налогообложения ООО «Росзолото», мы определили ряд коэффициентов.

1. Общий коэффициент эффективности налогообложения (ЭНо). Расчет этого показателя осуществляется по следующей формуле:

$$\text{ЭНо} = \frac{\text{ЧПо}}{\text{НПо}},$$

где: **ЧПо** – общая сумма чистой прибыли предприятия, полученная от всех видов хозяйственной деятельности в рассматриваемом периоде; **НПо** – общая сумма налоговых платежей предприятия в рассматриваемом периоде.

Мы получили, что он равен 16,67.

Чем выше этот коэффициент, тем лучше, т.к., показатель будет увеличиваться, если в результате оптимизации компания заплатит меньше налогов.

2. Налогоемкость реализованной продукции (**НЕР**), также достаточно интересный вопрос. Долю, которую занимают налоговые платежи, рассчитываем по формуле:

$$\text{НЕР} = \frac{\text{НПо}}{\text{ОР}},$$

где: **НПо** – общая сумма налоговых платежей предприятия в рассматриваемом периоде; **ОР** – общий объем реализации продукции в рассматриваемом периоде.

Мы получили, что он равен – 0,06, что соответствует 6%.

Чем меньше показатель, тем удачней оптимизирован налоговый процесс компании.

Для оценки эффективности применения Упрощенной системы налогообложения (доходы 6%) мы нашли и сравнили вышеперечисленные коэффициенты при других режимах налогообложения.

Общая система налогообложения (ОСНО).

При применении данного налогового режима, следует обратить внимание на ряд особенностей, свойственных при работе по Агентским договорам и уплате НДС. Все посредники уплачивают по агентскому договору НДС, исходя из суммы своего вознаграждения. При работе по агентскому договору у Агента есть особенности исчисления налоговой базы по НДС и налогу на прибыль. Оказание услуг на территории Российской Федерации является объектом налогообложения, налогом на добавленную стоимость (далее – НДС). Налоговая

база по НДС для агентского договора определяется как сумма дохода, полученная агентом в виде вознаграждений [1]. Он является для агента базой для начисления НДС, а также тем доходом, который учитывают при расчете налога на прибыль. При реализации товара, выполняя поручение принципала, если он является плательщиком НДС, выставлять счета-фактуры в рамках агентского договора приходится агенту, даже если он применяет упрощенную систему. Поэтому если принципал является плательщиком НДС, то выставлять счета-фактуры в рамках агентского договора придется и агенту – «упрощенцу». Кроме того, необходимо посмотреть, в какой момент агент, применяющий метод начисления, признает доход в целях налогообложения прибыли [4].

Исходя из выше изложенного, мы рассчитали показатели эффективности использования экономического потенциала, на основании все тех же данных при Общей системе налогообложения.

Для оценки эффективности Основной системы налогообложения мы нашли ряд коэффициентов для сравнения с уже рассчитанными данными по УСН (6%) (табл. 4).

Упрощенная система налогообложения (Доход – Расход: 15%). Если объектом налогообложения являются «доходы минус расходы», ставка составляет 15%. Причем сумма налога, исчисленного к уплате, не может быть менее 1% от доходов.

Исходя из полученных данных, доход ООО «Росзолото» за 2013 год составляет 312601991,71 рублей. Сумма налоговых доходов получается свыше 60 млн. рублей, нарушается одно из условий применения Упрощенной системы налогообложения [1]. Налогоплательщик т.е. ООО «Росзолото» теряет право на применение УСН. Налогоплательщику придется перейти на общий режим налогообложения с начала того квартала, в котором произошло превышение. При этом одновременно нужно действовать в двух направлениях. Первое – полностью рассчитаться с бюджетом по «упрощенному» налогу и сдать декларацию по УСН. Второе – с 1-го числа квартала, в котором произошло превышение лимита, начать исчислять налог на прибыль, НДС, налог на имущество и готовить налоговую отчетность в соответствии с общим режимом.

Таблица 2

Показатели эффективности использования экономического потенциала ООО «Росзолото» при применении ОСНО за 2013 год

№	Показатели	За 2013 год, руб.
1	Сумма налоговых доходов за налоговый период, без НДС	1 614 136,19
2	Сумма, уменьшающая сумму исчисленного налога	0
3	Сумма исчисленного налога на прибыль (20%)	322 827,28
	Сумма НДС, к уплате в бюджет	390 019,64
	Сумма текущих налоговых платежей в ФСС и ПФР	65 003,00
4	Сумма налога к уплате	777 849,92

Таблица 3

**Показатели эффективности использования экономического потенциала
ООО «Росзолото» при применении УСН (15%) за 2013 год**

№	Показатели	За 2013 год, руб
1	Сумма налоговых доходов за 1 квартал, при УСН (15%), без НДС	УБЫТОК
	Сумма налоговых доходов за 2,3,4 квартал, при ОСНО, без НДС	1 194 334,13
	Итого	1 194 334,13
2	Сумма, уменьшающая сумму исчисленного налога	0
3	Сумма исчисленного налога на прибыль (20%)	238 866,83
	Сумма исчисленного налога при УСН (15%)	944 715,73
	Сумма НДС, к уплате в бюджет	281 296,90
	Сумма текущих налоговых платежей в ФСС и ПФР	65 003,00
4	Сумма налога к уплате	1 529 882,46

Таблица 4

Сравнение полученных результатов

№	Основные показатели, полученные	УСН (6%)	УСН (15%)	ОСНО.
1	Налогооблагаемая база, руб.	2 166 766.00	1 194 334,13	1 614 136,42
2	Налог к уплате, руб.	130 006.00	1 529 882,46	777 849,96
3	Коэффициент эффективности налогообложения	16,67	0,78	2,08
4	Налогоемкость	0,06 (6,00%)	1,28 (128,00%)	0,48 (48,00%)
5	Уменьшение суммы налога	65 006.56	0	0

Рассчитав показатели эффективности использования экономического потенциала при применении УСН (15%) и ОСНО мы видим, что сумма налога к уплате за 2013 год больше суммы налогооблагаемого дохода, что в свою очередь свидетельствует об убыточности данного предприятия, и о неэффективности данной системы налогообложения (табл. 3).

Для полноценного сравнения эффективности системы налогообложения УСН (15%), мы нашли ряд коэффициентов, для сравнения с уже рассчитанными данными по УСН (6%) и по ОСНО. Из найденных коэффициентов видно, что Упрощенная система налогообложения 15% (доход – расход), не приемлема для ООО «Росзолото», при его видах деятельности (табл. 4).

Проанализировав и сравнив полученные данные, можно сказать, что для организации ООО «Росзолото» выбран оптимальный режим налогообложения, особенно если учесть денежные обороты предприятия. Это, в свою очередь, позволяет экономить не только на налогах, но и на собственных ресурсах. При применении налогообложения УСН (6%), налоговые отчисления составляют наименьшую величину, что позволяет сказать о преимуществе использования данного режима. Кроме того, коэффициент эффективности налогообложения выше, что свидетельствует о результатах оптимизации компании, которая заплатит меньше на-

логов. Что касается налоговой нагрузки реализованной продукции, то этот коэффициент, напротив, самый меньший, что также свидетельствует об удачной оптимизации налогового процесса.

Таким образом, теоретически осмысленная оптимизация налогообложения с помощью разрешенных законом методов, а также оценка возможных рисков помогают компании развиваться, быть стабильной и эффективной. Оптимизации налогообложения предприятия помогает уменьшить издержки и предотвратить убытки в процессе деятельности предприятия.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. – М.: Омега-Л, 2014. – 787 с.
2. *Орешкин И.А.* Субъекты налогового контроля и их взаимодействие // Финансовое право. – 2013. – № 1. – С. 24–29.
3. *Подпорин Ю.В.* Об изменениях в законодательстве по налогу на прибыль // Финансовые и бухгалтерские консультации. – 2013. – № 6. – С. 80–86.
4. Указания о порядке применения бюджетной классификации Российской Федерации (утв. приказом Минфина России от 1 июля 2013 г. N 65н) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70408460/1/> (дата обращения 23.10.2014).

Дадалко Василий Александрович

доктор экономических наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
antikrizis1@bk.ru

Протасов Константин Алексеевич

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
antikrizis1@bk.ru

Чекмарев Владимир Васильевич

кандидат экономических наук
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
vladimir.chekmarev@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

В статье произведена оценка влияния экономической преступности на экономическую безопасность государства. Показано, что развитие производительных сил, усложнение экономических систем сопровождается ростом преступлений, совершаемых в экономической сфере. В связи с глобализацией экономической преступность вышла на мировой уровень, стала транснациональной, представляя собой глобальную проблему мировой экономики. Понятие «экономическая преступность» широко используется в научном обороте, но до сих пор четкого и полного понимания сущности, признаков, особенностей и классификаций данного явления не существует, что снижает возможности по борьбе с экономическими преступлениями, тормозит совершенствование законодательства в этой сфере. Авторы отмечают, что первоначально определение экономической преступности отождествлялось лишь с имущественной преступностью. Но по мере развития экономических систем, появления новых субъектов на рынке (например, корпораций), явлений (информатизации и внедрение Интернета) и влияния новых факторов данное понятие усложнилось и стало многоаспектным. Авторы осуществляют классификацию множества разнообразных подходов к определению экономической преступности. В статье показывается, что в основе определения экономической преступности лежат несколько аспектов: последствия – причинение материального ущерба; объект посяательства; корыстная мотивация и личная заинтересованность и др. Авторы выделяют ключевые признаки для уяснения сущности категории «экономическая преступность», такие как: извлечение выгоды, анонимность жертв (жертва не в курсе совершаемого против нее экономического преступления), наличие двух субъектов (юридического и (или) физического лица), существенный ущерб, множественный характер, перераспределение материальных благ, длительный систематический характер.

Ключевые слова: экономическая безопасность, теневая экономика, экономическая преступность.

В современной научной литературе существует множество разнообразных подходов к определению экономической преступности. Важнейшим этапом в исследовании проблем экономической преступности служат работы Э. Сазерленда, который ввел понятие «беловоротничковая» (офисная) преступность. По мнению ученого, ведущими субъектами экономических преступлений выступают лица, имеющие высокий социальный статус и совершающие преступления в процессе своей профессиональной деятельности в интересах юридических лиц и собственных интересах. На базе концепции Э. Сазерленда экономическая преступность стала восприниматься в узком смысле слова как преступления, совершаемые корпорациями. Более подробный обзор позиций Э. Сазерленда сделан О. Г. Карповичем [3].

Другие авторы [5; 6; 7; 9] придерживаются близкой точки зрения, согласно которой экономическую преступность следует рассматривать как совокупность корыстных преступлений, совершаемых в сфере экономики лицами в процессе их профессиональной деятельности, в связи с этой деятельностью, посягающих на собственность и другие интересы потребителей, партнеров, конкурентов и государства, а также на порядок управления экономикой в различных отраслях хозяйства.

Объектом экономических преступлений выступают имущественные финансово- и организационно-хозяйственные интересы государства, органов местного самоуправления, предприятий и других хозяйствующих субъектов, в том числе и частных лиц, т.е. экономические интересы и система отношений, обеспечивающая их реализацию [1].

По мнению Н.Ф. Кузнецовой, экономическая преступность – это, с одной стороны, посяательства на собственность и, с другой, – предпринимательские преступления. А.И. Долгова определяет экономическую преступность как «совокупность корыстных посятельств на собственность, которая используется в сфере хозяйственной деятельности, установленный порядок управления экономическими процессами и экономические права граждан со стороны лиц, которые выполняют определенные функции в системе экономических отношений» [4]. Данное определение по сравнению с предыдущим содержит более широкую трактовку. Иная дефиниция дается В.В. Луневым. По его мнению, экономическая преступность – это преступления, совершаемые корпорациями против государственной экономики, против других корпораций, служащими корпораций против самой корпорации, корпорациями против потребителей. Как мы видим, опять экономическая преступность связывается с деятельностью корпораций.

Подходы к определению экономической преступности

Автор определения	Дефиниция
Мишин Г.К.	Проявление в социальной жизни борьбы за существование
Дементьева Е.Е.	Противоправная деятельность, посягающая на интересы экономики государства в целом, на частнопредпринимательскую деятельность и на интересы отдельных групп граждан, постоянно и систематически осуществляемая с целью извлечения наживы в рамках и под прикрытием законной экономической деятельности, как физическим, так и юридическим лицом
Бу Свенссон	Преступность в сфере бизнеса и предпринимательства
Яковлев А.М.	Умышленное причинение ущерба государственному или общественному имуществу, экономическим интересам народного хозяйства и отдельных граждан, при которой одни участники теневой экономики занимают определенные места в системе экономических отношений, а другие злоупотребляют служебным положением

Составлено авторами на основе [2, с. 26].

Систематизация других определений экономической преступности в более наглядном виде представлена в таблице 1.

В целом можно заметить, что в основе определения экономической преступности лежат несколько аспектов:

- последствия – причинение материального ущерба;
- объект посягательства;
- корыстная мотивация и личная заинтересованность и др.

Для более полного уяснения сущности «экономическая преступность» можно выделить ее ключевые признаки: извлечение выгоды (осуществляется в процессе профессиональной деятельности, связано с заключенными договорами и обязательствами), анонимность жертв (жертва не в курсе совершаемого против нее экономического преступления), наличие двух субъектов (юридического и (или) физического лица), существенный ущерб, множественный характер, перераспределение материальных благ, длительный систематический характер.

Очень важно подчеркнуть, что такой признак как обязательность совершения экономического преступления в процессе профессиональной деятельности является решающим и заглавным практически в любом определении экономической преступности как явления. Относительно такого признака как наличие двух субъектов. Юридическое лицо является субъектом преступления лишь в тех странах, где существует уголовная ответственность юридических лиц (например, в США) [4]. В России такая практика не предусмотрена.

В России в процессе создания Уголовного Кодекса используется широкая трактовка экономических преступлений. Так, в Уголовном Кодексе РФ существует раздел «Преступления в сфере экономики», где отражаются преступления против собственности, преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих организациях. Таким образом, в Уголовный Кодекс РФ не вошли преступления, связанные с исполнением должностных обязанно-

стей, компьютерные преступления, преступления, связанные с посягательством на интеллектуальную собственность и авторские права и др.

Резюмируя, можно сказать, что на сегодняшний день существует многообразие дефиниций экономической преступности. Данное обстоятельство негативным образом влияет на возможности борьбы с данным явлением. В целом расширение трактовок экономической преступности обусловлено действием двух групп факторов: увеличением круга экономических субъектов и изменением списка преступлений, которые можно отнести к экономическим. На наш взгляд, под экономической преступностью можно подразумевать уголовно наказуемые общественно опасные деяния, использующие легальные экономические институты.

В силу множественности предлагаемых подходов к определению экономической преступности существуют разные классификации типов экономических преступлений. Одна из первых подобных классификаций была предложена в конце 70-х гг. XX века Институтом ООН Азии и Дальнего Востока по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (UNAFEI). Эта классификация включает в себя нарушения законов, направленных на совершенствование и регулирование рыночной экономики, нарушения налогового и финансового законодательства, коррупцию.

Другая классификация предложена экспертами Совета Европы. Она содержит следующие виды: монопольные преступления, мошенничество, цифровые махинации, фиктивные организации, фальсификации документов, нарушения эргономических требований и др. По мере усложнения криминальной ситуации в экономической сфере появлялись новые тенденции и, соответственно, новые типы экономических преступлений. Так, в конце 70–80-х гг. XX века западные эксперты основное внимание уделяли анализу преступной деятельности корпораций, в связи с чем выделяли типы экономических преступлений, присущие корпорациям. Компьютерные преступления стали включаться в перечень в конце 70-х гг. XX века в связи

Классификации экономических преступлений

Классификация	Виды экономических преступлений
Кайзер Г. (в соответствии с нарушенными законами)	1) в банковской системе, против свободы конкуренции 2) налоговая и таможенная сферы, взятки, вымогательство 3) против потребителей, в сфере охраны труда и окружающей среды 4) спекуляции и др.
Шнайдер Ф. (по объектам совершенных преступлений)	1) банковский и кредитный сектора 2) сектор строительства и недвижимости 3) транспортный сектор и туризм
Волженкин Б.В. (по объектам посягательств)	1) преступления должностных лиц, нарушающие гарантии осуществления экономической деятельности 2) против интересов кредиторов 3) в сфере внешнеэкономической деятельности 4) в валютной сфере и др.

Составлено авторами на основе [10].

с бурной информатизацией общества. И список примеров можно продолжать.

В основе типологии экономических преступлений лежат преимущественно три критерия:

- в соответствии с теми законами, которые нарушаются;
- в соответствии с объектом посягательства;
- перечень преступлений, которые можно отнести к экономическим преступлениям.

Например, в зависимости от объекта посягательства, можно выделить следующие группы: финансовые преступления, преступления, посягающие на правила конкуренции, преступления, посягающие на права потребителей, компьютерные преступления, преступления, посягающие на порядок государственного регулирования экономики, преступления, связанные с незаконной эксплуатацией природной среды, преступления, связанные с умышленным нарушением правил безопасности, наносящие ущерб наемным работникам и др. [8].

В табличной форме приведен еще ряд классификаций экономических преступлений (табл. 2).

Можно отметить, что часто предложенные классификации различаются лишь перечнем выделяемых экономических преступлений, более или менее детализированным. Так, 20 ноября 2013 г. Центральный Банк РФ отозвал лицензию на осуществление банковских операций у одного из крупнейших банков РФ – Мастер-Банка. Причиной отзыва послужило нарушение законов, регулирующих банковскую деятельность, предоставление недостоверных отчетных данных и нарушение требований по борьбе с отмыванием доходов, полученных преступным путем. Банк применял схему незаконного обналичивания денежных средств заинтересованных клиентов через фирмы-однодневки. В данном случае наблюдается несколько взаимопереплетенных видов экономических преступлений: непосредственно махинации и незаконные схемы в банковской сфере, взятки и др. Другой пример – экономические преступления, совершаемые «белыми воротничками» (работниками

умственного труда). Так, в 2007 г. несколько менеджеров американских филиалов British Petroleum в корыстных интересах пытались фальсифицировать стоимость пропана, а также украсть средства на обеспечение экологической безопасности производства, что привело к взрыву на очистительном заводе в Техасе в 2005 г., приведшему к гибели людей.

В практической сфере чаще всего используются группировки в соответствии со следующими критериями: по нарушенным законодательным актам, по объектам и сферам посягательства.

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

До сих пор не существует единого универсального подхода к определению понятия экономической преступности и выделению ее типов. Наиболее полная трактовка сущности экономической преступности состоит в том, что под ней понимают уголовно наказуемые общественно опасные деяния, использующие легальные экономические институты (законы, организации и др.).

Чаще всего группировка экономических преступлений ведется либо в соответствии с теми законами, которые нарушаются, либо по объекту посягательства, либо предлагается список проступков, которые могут быть отнесены к экономическим преступлениям. Отсутствие единой классификации обусловлено множественностью и многоаспектностью самого феномена «экономическая преступность».

В будущем можно говорить о дальнейшем усложнении понятия «экономическая преступность». В этой связи, на наш взгляд, решение проблемы определения сущности и классификации экономических преступлений будет открытым.

Библиографический список

1. Авдийский В.И. Дадалко В.А. Теневая экономика и экономическая безопасность государства. – М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2012. – 496 с.
2. Дмитриев О.В. Экономическая преступность и противодействие ей в условиях рыночной систе-

мы хозяйствования. – М.: Юрист, 2005. – 396 с.

3. Карпович О.Г. Шулепов Н.А. «Беловоротничковая» преступность в США через призму мирового финансово-экономического кризиса. – М.: Юнити, 2014. – 208 с.

4. Карпович О.Г. Экономическая преступность в России. Теория и практика противодействия. – М.: Юнити-Дана, 2013. – 220 с.

5. Фитуни Л.Л. Теневой оборот и бегство капитала. – М.: Вост. лит., 2003. – 264 с.

6. Чекмарев В.В., Чекмарев Вл.В. Факторы инновационного развития и обеспечение экономической безопасности региона // Экономика образования. – 2014. – № 2. – С. 25–57.

7. Чекмарев Вл.В. Социально-ориентированная экономика // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2003. – № 3. – С. 95–96.

8. Шегабудинов Р.Ш. Организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией. Состояние, тенденции и меры борьбы с ней. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 279 с.

9. Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. – М.: Академия, 1999. – 317 с.

10. Kaiser G. Economic crime and its control with special reference to the situation in the Federal Republic of Germany // Euro criminology. – Warsaw, 1987. – Vol. 1. – Pp. 43–60.

УДК 338.45

Чекмарев Василий Владимирович

доктор экономических наук, профессор
Костромской государственной академии
tcheckmar@ksu.edu.ru

ГАРМОНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ И ПРОЦЕССОВ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

В статье на основе анализа состояния оборудования в промышленности страны обосновываются направления корректировки государственной промышленной политики, обеспечивающей институциональную легитимность процессов реиндустриализации. Приводятся статистические данные о возрастной структуре оборудования и степени износа оборудования в промышленности. Рассматривается роль технологических платформ в реализации кластерного подхода в развитии инновационной деятельности.

Автором приводится аргументация в пользу тезиса о том, что базовой парадигмой развивающейся, а не стагнирующей российской экономики должна стать ее реиндустриализация, а главной целью реиндустриализации, или «новой индустриализации» как экономической политики, представляющей собой набор конкретных мероприятий, должно стать восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты, и приоритетное развитие материального производства и, шире, – реального сектора экономики на основе нового, передового технологического уклада – путем решения комплекса связанных экономических, организационных и иных задач в рамках модернизации России.

В качестве необходимого к решению вопроса осуществления новой индустриализации определен вопрос об изыскании ресурсов в очень значительных масштабах. При решении вопроса об основных стартовых ресурсах автор указывает на: средства, высвобождаемые в результате «институциональной революции»: 10–20% ВВП; средства, получаемые в результате полной мобилизации природной ренты и интеллектуальной ренты, создаваемой в общественно-государственном секторе – 10–20% ВВП; концентрацию общественно-государственных ресурсов исключительно в секторах прорыва с постепенным спиралевидным расширением их круга; налоговую реформу, включающую радикальное снижение налогов на прибыль.

Ключевые слова: промышленность, промышленная политика, реиндустриализация, кластерный подход, технологические платформы, состояние оборудования.

Рецессия, стагнация, кризис – этапы, через которые проходит экономика России – являются предпосылками формирования новой экономической доктрины страны. Очевидно, что в её основе должны быть положения экономической науки.

Многие годы ученые-экономисты, специалисты сферы реальной экономики, «капитаны» производства, говорят о том, что слепое следование по либерально-монетаристскому пути, вкупе с реализуемой на практике экспортно-сырьевой моделью экономики, пагубно для России, что на этом пути мы растеряем экономический потенциал и деградируем – экономически, технологически, в человеческом потенциале и т.д. И вслед за этим потеряем и независимость – и продовольственную, и энерге-

тическую, и коммуникационную, да и оборонную, и достаточно скоро. А учитывая, каким лакомым «куском» является Россия с точки зрения ее ресурсного потенциала, затем – и саму страну как самостоятельного субъекта международных отношений.

Нельзя сказать, что учёных-экономистов не слышат. И президент России, и руководство парламента, и многие люди в правительстве неоднократно, особенно в последнее время, делали важные заявления в поддержку создания новой экономической доктрины. Однако на деле, в силу многих и многих причин, практика предыдущих лет продолжается.

К сожалению, только в последние месяцы 2014 года, в связи с челленджами вызовами –

устойчивым трендом на снижение цен на углеводороды, вкупе с санкциями и контрсанкциями, на всех уровнях началось реальное осознание недопустимости продолжения той деиндустриализационной линии, которая на протяжении многих лет вела к технической деградации, деструкции устойчивости российской экономики, снижению человеческого потенциала и экономической безопасности нашей страны.

Осознание пришло. И сейчас, еще более остро, чем ранее, перед экономическим сообществом и нашими политическими властями вновь стоит задача поиска новой модели экономического развития на основе новой экономической доктрины России.

Представляется, и здесь мы полностью солидаризируемся с С.Д. Бордуновым, что базовой парадигмой развивающейся, а не стагнирующей российской экономики должна стать ее реиндустриализация, а главной целью реиндустриализации, или «новой индустриализации» (иногда применяются термины – «инновационная индустриализация», «неоиндустриализация») как экономической политики, представляющей собой набор конкретных мероприятий, должно стать восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты, и приоритетное развитие материального производства и, шире, – реального сектора экономики на основе нового, передового технологического уклада – путем решения комплекса связанных экономических, организационных и иных задач в рамках модернизации России. Более подробно данный тезис развит в [2].

Интеграция образования, науки и производства

Рассмотрение реиндустриализации в качестве сердцевины новой экономической доктрины страны требует определения условий и этапов проведения реиндустриализации [6].

При этом под условиями следует понимать поиск ресурсов для реализации процесса реиндустриализации, механизмов их использования, а также наличие соответствующей законодательной базы.

В литературе делают целую группу причин, по которым «новая индустриализация на современном этапе становится поистине важнейшей проблемой для страны» [6, с. 17]. Назовём собственно экономические причины. Не могут быть преодолены складывающиеся крайне низкие темпы экономического роста (и даже его замедление) без резкого подъема обрабатывающей промышленности в условиях, когда возможности существенных приростов в сырьевых, добывающих отраслях близятся к исчерпанию. Сегодня возможности экономического развития за счет обрабатывающей промышленности, в большей своей части недоиспользуются (см. табл. 3).

А технологическая модернизация социальной сферы (науки, образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунального хозяйства, сферы бытовых услуг и др.) и, следовательно, ее проведение на современной основе без развития соответствующих отраслей обрабатывающей промышленности практически невозможно.

В качестве другой причины выступают проблемы внешнеэкономического и геополитического характера. Страна не может иметь авторитета в мире, выступать центром притяжения при сохранении отсталой, архаичной экономики и ее производственно-технологической базы.

Критической необходимостью появления новой экономической доктрины является обеспечение безопасности и целостности страны. При всех усилиях и крупных ресурсах, направляемых на модернизацию оборонно-промышленного комплекса и перевооружение за счет этого армии и флота достаточно очевидно, что обеспечиваемые в отдельных образцах оборонной техники достижения не могут бесконечно базироваться на имеющихся научно-технологических и производственно-конструкторских заделах.

При всей очевидности и широком понимании изложенной ситуации, к сожалению, уже «ряд лет решение проблемы технологического отставания страны не выходит за пределы общих деклараций и спичрайтерских обыгрываний темы для подходящих публичных случаев» [6, с. 18].

Вероятно, самый трудный вопрос новой индустриализации – изыскание ресурсов в очень значительных масштабах. В целом по стране, по приближенным оценкам, на обозначенные цели требуются многие триллионы рублей (многие сотни миллиардов долларов). Вместе с тем, резервные ресурсы в стране есть, и немалые (золотовалютные резервы Центрального банка, а также Резервный фонд и Фонд национального благосостояния, пики которых суммарно приближены (иногда превышают) 700 млрд долл.).

Наличие в стране существенных ресурсов подтверждается и данными об огромных объемах вывоза капитала, исчисляемых ежегодно десятками миллиардов долларов, а в целом за последние два десятилетия составивших многие сотни миллиардов долларов, что, кстати, многократно больше притока в страну прямых инвестиций (известны оценки академика Н.П. Шмелева, согласно которым на доллар пришедших инвестиций из страны было вывезено 3–4 долл.).

Что же касается вопроса об *основных стартовых ресурсах* для начала реализации программы, то ими могут быть:

- средства, высвобождаемые в результате «институциональной революции»: 10–20% ВВП.
- средства, получаемые в результате полной мобилизации природной ренты и интеллектуальной

ренты, создаваемой в общественно-государственном секторе – 10–20% ВВП.

- концентрация общественно-государственных ресурсов исключительно в секторах прорыва с постепенным спиралевидным расширением их круга.

- налоговая реформа, включающая радикальное (до 0%) снижение налогов на прибыль, используемую бизнесом для инвестиций в реализацию общественно-государственных целевых программ, низкие налоги на реинвестируемую прибыль, высокие (не менее 50–70%) налоги на прибыль, используемую частным бизнесом для личного потребления, на дивиденды, банковские проценты, рентные и т.п. доходы; прогрессивная шкала налогообложения (от 0 до 50%) заработной платы и др. видов трудовых доходов, обеспечивающая разрыв 10% высших и 10% низших зарплат не более 6–7 раз.

В дальнейшем *основными ресурсами реализации программы в средне- и долгосрочной перспективе* станут рост качества рабочей силы и творческого содержания деятельности, новые технологии, эффект от альтернативных сетей международной кооперации и т.п., факторы повышения производительности труда, а также развитие новых социальных, экономических, культурных форм общественной организации, иного образа жизни и т.п. параметров, сокращающих непроизводительные издержки и повышающие качество жизни при прежних (или сокращающихся) материальных затратах [4].

Исключительно важной и непростой проблемой, может быть, определяющей результат всего дела, является механизм включения изыскиваемых ресурсов в процессы реиндустриализации. Не раз указывалось, что безвозвратное бюджетное финансирование должно быть решительно исключено. Только в редких случаях оно может допускаться, например, «для финансирования отраслевых прикладных исследований и опытно-конструкторских разработок» [6, с. 23].

Очевидно, что создание механизма включения ресурсов в процессы реиндустриализации является собой достаточно сложно структурируемый объектный процесс. На наш взгляд, к подобным объектам можно отнести технологические платформы.

Концепция создания технологических платформ заимствована из европейской практики, где данный институт выступает в роли коммуникационного инструмента, позволяющего объединить на одной информационной площадке предпринимателей и промышленников, государственных чиновников и представителей научного сообщества с целью содействия инновационному развитию. Коммуникации на базе технологической платформы направлены на определение среднесрочных и долгосрочных целей научно-технического развития и формирование соответствующих дорожных карт по их достижению. Важнейшая практическая направленность

технологических платформ состоит в повышении конкурентоспособности промышленного производства стран. Формат технологической платформы позволяет «объединить усилия государства, науки, образования, бизнеса вокруг прорывного инновационного проекта, который на выходе даст передовые, а главное – коммерчески привлекательные технологии, товары и услуги» [7, с. 250].

Создаваемые платформы инициируются снизу со стороны промышленности с целью координации деятельности науки и бизнеса при создании новых конкурентоспособных продуктов и технологий. Таким образом, «технологические платформы – это инструмент промышленной политики» [7, с. 251].

В российской практике технологическая платформа – по форме – это та же коммуникативная площадка для науки, бизнеса и государства, создаваемая для выработки эффективных решений в сфере инновационного развития, однако содержание концепции технологических платформ получилось несколько иное. Разработчики российской концепции, прежде всего, предполагали, что технологические платформы должны стать инструментом реализации приоритетных направлений в научно-технологической сфере, содействуя разработке и реализации критических технологий. В отличие от европейской практики, технологические платформы формируются сверху, по инициативе государства, и используются как инструмент научно-технической политики.

Частный бизнес пока не проявил серьезную заинтересованность в этом процессе и слабо задействован в работе технологических платформ. Во многом это связано с содержанием и направлением их деятельности. Большинство платформ выглядит скорее как хороший научный проект, где координация деятельности разворачивается на стадии фундаментальных НИР (см. табл. 1).

В 2011 г. в рамках программы «Исследования и разработки» был выделен 1 млрд руб. на финансирование 127 проектов техплатформ (около 8 млн руб. на проект). И сегодня реальную бюджетную поддержку получают те платформы, в рамках которых реализуются проекты, связанные с долгосрочными целевыми программами.

Первоначально планировалось, что на финансирование платформ с 2012 г. должны быть также переориентированы средства Инвестиционного фонда РФ, Фонда технологического развития России, других финансовых институтов развития. Согласно Стратегии инновационного развития РФ до 2020 г., особая роль в финансовой поддержке технологических платформ отводится Фонду технологического развития России. В частности, в 2012 г. на кредитование деятельности технологических платформ ему было выделено 1,3 млрд. руб. [12]. Однако этих средств оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить запросы даже небольших дина-

Перечень действующих технологических платформ

Наименование приоритетного направления	Название технологической платформы
Медицинские и биотехнологии	Медицина будущего
	Биоиндустрия и биоресурсы – BioTex2030
	Биоэнергетика
Информационно-коммуникационные технологии	Национальная программная платформа
	Национальная суперкомпьютерная технологическая платформа
Фотоника	Инновационные лазерные, оптические и оптоэлектронные технологии – фотоника
	Развитие российских светодиодных технологий
Авиакосмические технологии	Авиационная мобильность и авиационные технологии
	Национальная космическая технологическая платформа
	Национальная информационная спутниковая система
Ядерные и радиационные технологии	Замкнутый ядерно-топливный цикл с реакторами на быстрых нейтронах
	Управляемый термоядерный синтез
	Радиационные технологии
Энергетика	Интеллектуальная энергетическая система России
	Экологически чистая тепловая энергетика высокой эффективности
	Перспективные технологии возобновляемой энергетики
	Малая распределенная энергетика
Технологии транспорта	Применение инновационных технологий для повышения эффективности строительства, содержания и безопасности автомобильных и железных дорог
	Высокоскоростной интеллектуальный железнодорожный транспорт
Технологии металлургии и новые материалы	Новые полимерные композиционные материалы и технологии
	Материалы и технологии металлургии
Добыча природных ресурсов и нефтегазопереработка	Технологическая платформа твердых полезных ископаемых
	Технологии добычи и использования углеводородов
	Глубокая переработка углеводородных ресурсов
Электроника и машиностроение	Технологии мехатроники, встраиваемых систем управления, радиочастотной идентификации и роботостроение
	СВЧ технологии
Экологическое развитие	Освоение океана
	Технологии экологического развития
Легкая промышленность	Моделирование и технология эксплуатации высокотехнологичных систем
	Текстильная и легкая промышленность

Источник: [7, с. 254].

мично развивающихся компаний, запросы которых в среднем составляют 150–200 млн. руб. на проект. Кроме того, предполагается, что Фонд технологического развития будет выделять средства технологическим платформам в качестве беспроцентного займа, однако большинство участников технологических платформ – это государственные бюджетные организации, для которых процедура получения кредита достаточно сложна, а в некоторых случаях невозможна.

Следует отметить, что российская концепция технологических платформ отличается от европейской и по масштабам ожидаемых результатов от их деятельности. В России на этот инструмент возлагаются основные надежды по запуску инновационного развития, реализацию приоритетных направлений модернизации и увеличению вклада научно-технологического фактора в рост ВВП. В европейской практике подход к технологическим платформам более спокойный, расчет идет на повышение эффективности работы отдельных направлений бизнеса

В период 2011–2013 годов в Минэкономразвития РФ поступили заявки на формирование свыше 200 технологических платформ. По итогам экспертного отбора Правительство РФ утвердило 30 технологических платформ, на базе которых в настоящее время отрабатывается новый механизм поддержки и реализации задач инновационного развития, в рамках обозначенных приоритетов.

Деятельность большинства технологических платформ была сосредоточена на формировании рабочих групп и координационных советов, налаживании информационного обеспечения, проведении прогнозных разработок и формировании проектов стратегии их развития и т.д.

В целом эффективность деятельности технологических платформ различна. Тем не менее там, где работа технологических платформ выстраивалась в рамках Федеральных целевых программ и их участники уже были сориентированы на реализацию определенных проектов, под которые выделялись соответствующие финансовые ресурсы, результативность их деятельности была выше, чем

у тех платформ, которые формировались с «чистого листа».

Однако несомненным вкладом технологических платформ, как нового института развития инновационной деятельности, является создание условий для усиления диалога множества потенциальных участников и косвенных бенефициаров технологической платформы, представления интересов различных групп, обеспечения содержательного и разностороннего обсуждения перспектив технологической модернизации и форм партнерства бизнеса, науки, государства в реализации инновационных проектов в рамках приоритетных направлений.

Серьезным моментом, определяющим конечный результат и эффективность деятельности технологических платформ, стало активное вовлечение на эту площадку частного бизнеса, который, в конечном счете, и является основным производителем и потребителем создаваемых инноваций. Тем не менее, сегодня во всех технологических платформах доминирующую роль играют государственные академические институты и вузы.

Дальнейшее развитие технологических платформ может развиваться по двум сценариям: либо им придадут особый статус, как многим другим государственным инициативам последнего времени, что повлечет за собой и гарантированное бюджетное финансирование; либо каких-то специальных мер поддержки технологических платформ не будет, и тогда они превратятся исключительно в инструмент согласования интересов.

В настоящее время работа по дальнейшему развитию нового института инновационной экономики – технологической платформы тяготеет ко

второму варианту, так как в начале 2012 г. вновь активизировалась работа по формированию инновационных кластеров, которая была начата еще в 2007 г.

Выше была отмечена значимость развития обрабатывающей промышленности для осуществления процесса реиндустриализации. Тренд гармонизации промышленной политики и процессов реиндустриализации проиллюстрируем данными таблиц 2 и 3.

Гармонизация промышленной политики и реиндустриализации предполагает реализацию мер, обеспечивающих ускоренное развитие реального сектора. Исходя из данных таблиц 4, 5, 6, к ним следует отнести:

1. Раскрепощение развития в несырьевом секторе материального производства (снижение налогов и ставок по кредитам для этой сферы экономики, а также цен на сырье и энергоресурсы и др.);
2. Активная промышленная политика, стимулирующая приоритетное развитие индустрии (в первую очередь – высокотехнологичной и обеспечивающей национальную безопасность) и социальной сферы посредством планирования и селективного регулирования рыночной экономики;
3. Сокращение транзакционных издержек и занятости в посреднической деятельности за счет упрощения и сокращения бюрократической системы и, главное, системы посредничества, особенно в финансовом секторе;
4. Полная мобилизация природной ренты;
5. Налоговая реформа, обеспечивающая:
  - концентрацию использования основных налоговых поступлений в интересах стимулирования реального сектора и роста человеческого потенциала;

Таблица 2

**Динамика восстановления промышленного производства
(1991 г. = 100%)**

Годы	1998	2008	2009	2012	2015 (прогноз)
ВВП	60,5	117,8	108,6	122,1	138,2
Промышленность в целом	48,2	85,4	77,5	90	101,3
В том числе:	167,2	105,6	104,9	112,0	113,6
добыча полезных ископаемых					
Обрабатывающие производства	40,7	82,9	70,3	87,1	101,4

Источник: [2, с. 33].

Таблица 3

**Динамика производства по видам экономической деятельности в промышленности,
% (1991 г. = 100 %)**

Виды экономической деятельности	Факт				Прогноз	
	1998	2008	2009	2012	2015	2020
Производство машин и оборудования	38,1	63,3	43,4	53,5	66,8	
В том числе:						
металлореж. станки	11,2	7,2	2,8	5,1	7,7	9,6
кузн.-пресс. машины	5,4	11,5	5,3	8,3	8,2	11,3

Источник: [2, с. 101].

Таблица 4

Доля промышленности в ВРП в федеральных округах РФ

Федеральные округа	Доля промышленности в ВРП, %	Доля округов в общей доле промышленности в ВВП РФ, %
Центральный	24	22,9
Северо-Западный	35	9,9
Южный	21,2	4,2
Приволжский	41,4	18,1
Уральский	52,1	25
Сибирский	41,8	12,7
Дальневосточный	28,2	7,2
РФ (ВВП)	35,9	100

Источник: [2, с. 114].

Таблица 5

Возрастные характеристики производственного оборудования

Сектор экономики	Технологическое оборудование	
	Возраст	Доля, %
Реальный сектор	16-35 лет	~ 80 %
Машиностроение	> 25 лет	> 50 %

Источник: [2, с. 102].

Таблица 6

Динамика выпуска отдельных видов продукции машиностроения

Годы	1990	2011
Турбины, млн кВт	12,5	6,8
Тракторы на колесном ходу, тыс. шт.	77,8	12,7
" на гусеничном ходу, тыс. шт.	63,8	1,72
Комбайны зерноуборочные, тыс. шт.	65,7	6,2
" кормоуборочные, тыс. шт.	10,1	0,29
Доильные установки, тыс. шт.	30,7	2,6
Прядильные машины, шт.	1509	27
Ткацкие станки, шт.	18300	9
Автомобили грузовые, тыс. шт.	665	207

Источник: [2, с. 181].

– стимулирование внутреннего российского рынка, сокращение совокупной налоговой нагрузки, сдерживание роста внутренних цен;

– увеличение налоговых поступлений, повышение собираемости налогов, легализация теневых оборотов;

– смягчение экономического и социального неравенства, перераспределение сверхвысоких доходов между отраслями экономики и слоями населения;

– эффективное использование налоговых поступлений, использование бюджетных резервов на экономическое и социальное развитие исключительно внутри страны.

6. Финансовая реформа, обеспечивающая сокращение спекулятивной части этого сектора и расширение использования общественных и частных финансовых ресурсов для стимулирования производства и социального развития; деофшоризация российской экономики;

7. Широкое использование нормативного регулирования для обеспечения высоких технологиче-

ских, экологических, потребительских, социальных стандартов в хозяйственной деятельности;

8. Укрепление механизмов защиты трудовых прав работников, обеспечение высоких стандартов условий труда и его оплаты, что будет служить экономическим препятствием для массового привлечения неквалифицированного низкооплачиваемого труда мигрантов;

9. Ликвидация продовольственной зависимости страны и укрепление продовольственной безопасности; превращение сельского хозяйства в передовую отрасль российской экономики;

10. Приоритетное развитие науки, образования и культуры; увеличение доли расходов на эти цели в ВВП как минимум в 1,5 раза; отказ от политики коммерциализации и приватизации этих сфер.

Если попытаться осмыслить, оценить объем работы по реиндустриализации, то можно поразиться огромному числу трудностей и препятствий, которые придется преодолевать, ввиду сложности и неясной перспективы этих работ. Но следует твердо и бесповоротно осознавать: чтобы у страны было будущее, другого выхода нет.

Трудности можно разделить на две группы: объективные и субъективные. К числу объективных следует, прежде всего, отнести общее состояние экономики страны, глубину и последствия ее распада, катастрофическое во многих случаях старение производственного аппарата, уровень деиндустриализации и примитивизации производства. Отсюда – тяжелое состояние финансового хозяйства как страны в целом, так и большинства регионов, многих производственных структур и звеньев.

Исключительно тяжелая ситуация сложилась в связи с утратой большей части промышленных рабочих и инженерных кадров, старением действующего промышленно-производственного персонала, разрушением в целом успешно функционировавшей раньше системы подготовки рабочих кадров, сложившегося у молодого поколения стремления отторжения от производственных структур, гипертрофированного ухода в коммерцию, в бизнес, в места приложения своих сил вне страны и др.

В полукоматозном состоянии находится прикладная отраслевая наука, опытно-конструкторские центры, проектно-технологические бюро, нормативные станции и многие другие структуры промышленного развития и технологического сервиса и менеджмента, без которых невозможно решать предстоящие задачи.

К числу объективных факторов можно отнести и пребывание России в ВТО, которое неизбежно и серьезно будет ограничивать ее возможные попытки защитить внутренний рынок и создать на

нем какие-либо преференции для подъема индустрии.

Среди субъективных факторов, в первую очередь, видимо, необходимо выделить неполное осознание экономическими властями (и в целом высшими уровнями как исполнительной, так и законодательной ветвей власти) остроты ситуации, необходимости самых решительных мер и мобилизации всех ресурсов для ее перелома, устранение иллюзий относительно того, что все как-то образуется, упование на «невидимую руку рынка» и пр.

Сторонники «рыночных упований», видимо, составят основную, ударную силу сопротивления возможным активным шагам по реиндустриализации, в том числе, безусловно, потому, что они и их единомышленники и стояли за тем развалом, распадом промышленности, плоды которых сегодня приходится пожирать. Да и сегодня, к сожалению, политика и практика властей осуществляются при доминирующем в их кругах примитивном монетаризме и других рыночных благоглупостях [6, с. 24–25].

Существенно отсутствие адекватного понимания проблемы и в широком общественном сознании, отсюда – возможное отсутствие поддержки таким шагам, особенно в случаях, если придется идти на определенные социальные трудности в интересах новой индустриализации.

Наиболее изношенными являются основные фонды предприятий в таких видах экономической деятельности, как добыча полезных ископаемых (в частности, добыча топливно-энергетических

Таблица 7

Степень износа основных фондов в организациях по видам экономической деятельности, % (на конец года)

Вид деятельности	2009	2010	2011
Добыча полезных ископаемых	45,9 (19,5)	46,8 (19,8)	48,4 (20,3)
Из нее: добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	46,7 (20,3)	47,4 (20,4)	49,1 (21,0)
Обрабатывающие производства	41,1 (12,8)	42,2 (12,8)	42,5 (12,9)
Из них:			
производство пищевых продуктов (включая напитки) и табака	40,6 (7,3)	41,6 (8,2)	42,6 (9,1)
текстильное и швейное производство	41,8 (9,8)	42,6 (11,6)	41,6 (10,6)
производство кожи, изделий из кожи и обуви	34,9 (8,4)	39,8 (10,6)	42,6 (10,4)
обработка древесины и производство изделий из дерева	33,3 (4,6)	37,6 (5,4)	36,4 (4,8)
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	41,5 (9,5)	42,3 (10,2)	41,9 (9,9)
производство кокоса и нефтепродуктов	39,9 (12,9)	41,0 (12,9)	39,2 (13,1)
химическое производство	42,8 (15,4)	43,8 (15,4)	44,4 (15,8)
производство резиновых и пластмассовых изделий	40,0 (9,9)	41,3 (9,9)	40,8 (8,9)
то же прочих неметаллических минеральных продуктов	34,8 (7,6)	36,2 (7,5)	38,4 (8,6)
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	38,2 (11,9)	39,9 (11,4)	40,9 (11,6)
производство машин и оборудования	42,9 (13,6)	43,2 (13,4)	44,0 (14,0)
электрооборудования, электронного и оптического оборудования	45,9 (16,2)	47,3 (17,0)	47,4 (16,9)
то же транспортных средств и оборудования	50,3 (24,0)	49,6 (22,9)	49,3 (22,0)
Производство и распространение электроэнергии, газа и воды	41,7 (13,9)	42,0 (14,9)	41,9 (15,8)
Из него: производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды	39,8 (12,4)	40,4 (13,5)	42,1 (15,4)

Источник: [1, с. 124; Росстат].

полезных ископаемых), в обрабатывающих производствах (химическое производство, производство машин и оборудования, производство транспортных средств и оборудования, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования и др.)

При этом необходимо обратить внимание на тот факт, что наибольшая изношенность основных фондов отечественных предприятий наблюдается как раз там, где, согласно мировым тенденциям развития экономики, максимально развиваются исследования и разработки, где активизация инновационной деятельности происходит наиболее высокими темпами, поскольку именно эта продукция имеет наибольший спрос на мировых рынках и способна конкурировать с международными поставщиками.

В заключение отметим, что реиндустриализация как термин является производным от «индустрия», «индустриализация». В контексте настоящей статьи под реиндустриализацией понимается расширительно развитие материального производства и дословно означает особый тип экономической политики. Под новой экономической доктриной понимаются постулаты стратегии долгосрочного устойчивого развития на основе качественного изменения сложившейся политико-экономической системы.

Ключевое отличие новой экономической доктрины от большинства ныне предлагаемых модернизационных стратегий состоит в выдвижении принципиально отличных от реализуемых ныне в большинстве стран мира целей развития на основе экономического роста как критерия прогресса.

Библиографический список

1. Амосов А. Поворот промышленной политики // Реальный сектор экономики: условия формирования и развития / отв. ред. Л.В. Никифоров, А.С. Наумов. – М.: ИЭ РАН, 2013 – С. 120–147.
2. Бодрунов С.Д. Формирование стратегии реиндустриализации России. – СПб.: ИНИИР, 2013. – 680 с.
3. Бодрунов С.Д. Российская трагедия – деиндустриализация отечественной экономики // Научный доклад / Серия «Модернизация промышленности» / Институт нового индустриального развития (ИНИР). – СПб., 2013. – 34 с.
4. Бугалин А.В. Реиндустриализация и/или приоритетное развитие креатосферы (к вопросу о целях и средствах социально-экономической стратегии) // Возрождение производства, науки и образования в России: Материалы международного конгресса. 22–23 ноября 2014 г., Москва. – 18 с.
5. Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. – М.: Книжный мир, 2012. – 207 с.
6. Дубенецкий Я.Н. Реиндустриализация: условия, цели, этапы // Пробл. прогнозирования. – 2014. – № 4. – С. 17–25.
7. Институты современной экономики России: опыт и проблемы. Часть 1 / науч. ред. А.Е. Городецкий. – М.: ИЭ РАН, 2013. – 274 с.
8. Лившиц В.Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013. – М.: ЛЕНАРД, 2013. – 640 с.
9. Логинов В.П. Приоритеты и эффективность структурной перестройки промышленности России // Реальный сектор экономики: условия формирования и развития / отв. ред. Л.В. Никифоров, А.С. Наумов. – М.: ИЭ РАН, 2013. – С. 163–174.
10. Новая индустриализация России. Теоретические и управленческие аспекты / под научн. ред. д.э.н. Н.Ф. Газизуллина. – СПб.: НПК «РОСТ», 2014. – 237 с.
11. Производство. Наука. Образование: проблемы интеграции / Стенограмма Научного семинара в Государственной Думе ФС РФ 10 июня 2014 г. / Институт нового индустриального развития (ИНИР). – СПб., 2014. – 67 с.
12. РФТР: данные [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.apkit.ru/files/EDU_22_11_Rogachev_RFTR.pdf (дата обращения 23.11.2014)
13. Чекмарев В.В. Развитие промышленности России в контексте проблемы повышения эффективности использования человеческого капитала // Экономика образования. – 2014. – № 4. – С. 110–113.

Иванов Михаил Юрьевич*доктор экономических наук
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара
i500@rambler.ru***Гуреева Екатерина Геннадьевна***кандидат педагогических наук
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара
katyagur@bk.ru*

ПРАКТИКА ПОСТРОЕНИЯ МОНИТОРИНГА ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РЕГИОНА. ЧАСТЬ 1

В статье представлены результаты исследования механизмов оценки результативности деятельности органов исполнительной власти Самарской области, осуществляющих организацию предоставления социальных услуг, включавшего в себя изучение нормативных документов, в которых содержатся методические и руководящие положения по проведению мониторинга. Авторы приводят аргументацию в пользу тезиса о том, что традицией большинства цивилизованных стран является наличие большого общественного сектора. Он существует для компенсации экстерналий, которые являются необходимым и неизбежным свойством любой экономики. Общественные услуги в сфере образования, здравоохранения, культуры, социального обеспечения предоставляются государственными или муниципальными институтами, либо частными организациями за средства общественных фондов.

В силу российских традиций большинство образовательных, медицинских и иных общественно значимых благ предоставляются государственными или муниципальными учреждениями за счет общественных фондов. Распределением этих фондов занимаются территориальные органы публичной администрации. При этом основной целью этих органов является обеспечение доступности качественных услуг для жителей территорий при эффективном использовании ресурсов.

Авторы доказывают, что на повестке дня встают задачи оценки степени достижения этих целей. Первый аспект этой оценки – оценка результатов и эффектов производства общественных благ.

Другим аспектом оценки является оценка эффективности органов публичной администрации, оценка непосредственных результатов их деятельности. При этом не всегда понятно, что должно являться объектом оценки, как она должна проводиться. Это зачастую приводит к тому, что для оценки деятельности органов публичной администрации используются те же индикаторы, что и для оценки территориальных систем производства общественных благ в целом.

Ключевые слова: государственное и муниципальное управление, оценка эффективности, мониторинг эффективности.

Введение

Оценка эффективности публичного сектора и территориальных органов публичной администрации находится в центре внимания специалистов разных стран.

Одно из направлений исследований связано с определением и классификацией экстерналий различного вида. Значительный вклад в развитие теории социальных эффектов внесли А. Атkinson и Дж. Стиглиц [3], Е. Мишан [14], Р. Мюсгрейв [15], Е. Грамлич [9], современные ученые Б. Хансен и П. Долан, однако понятие «социальный эффект» продолжает оставаться многообразным и неоднозначным.

Оценка эффективности публичного сектора также находится в центре внимания исследователей. В частности, в теории образовательного менеджмента [4; 6; 7; 8; 10; 11; 12; 13] рассматриваются два аспекта эффективности – внешний и внутренний. Внешняя эффективность отражает вклад в экономический рост ограниченных ресурсов, инвестируемых в сферу образования. Внутренняя эффективность связана с распределением ресурсов внутри образовательных учреждений с целью максимизации их результатов (успеваемости, формирования умений и навыков, а также необходимых моделей поведения учащихся).

В ряде публикаций представлен опыт оценки эффективности органов публичной администрации. Так, например, в США оценка качества государственного управления (оценка финансового менеджмента, управления персоналом, оценка информационных технологий, капитальных расходов) осуществляется по методике GPP (Government Performance Project), при этом финансирование работ производится за счет частных источников.

В Швеции для оценки качества финансового менеджмента используется рейтинг качества финансового управления органов исполнительной власти, построенный по методике Национального финансового управления. Результаты оценки используются при рассмотрении заявок бюджетополучателей на следующий финансовый год.

Оценка эффективности государственного управления в Бельгии предусматривает анализ нормативных актов и административных процедур на предмет избыточной административной нагрузки, а также мониторинг законопроектов. В качестве интегральной характеристики состояния системы государственного управления используется так называемый «индекс Кафки», отражающий уровень неэффективности бюрократии. Повышение значения индекса является основанием для пересмотра

существующих административных процедур и соответствующего законодательства [1].

Настоящее исследование базируется на авторской концепции построения мониторинга деятельности органа публичной администрации в сферах образования, охраны здоровья, социальной защиты населения культуры, массовой физической культуры и спорта).

Во-первых, мы исходим из собственного понимания функций органа публичной администрации. Они состоят не в управлении отдельной институцией, которая является производителем общественных благ. Потому, что каждая из этих институций имеет собственный менеджмент. Орган публичной администрации управляет территориальной системой производства общественных благ в целом. Это происходит потому, что орган публичной администрации по своим функциям напоминает головную компанию холдинга: он институционально отделен от производственных подразделений: он не располагает собственной производственной базой, не занимается производственной деятельностью. Основными функциями данного органа являются постановка задач перед производителями общественных благ, и обеспечение реализации этих задач ресурсами различной природы (финансовыми, материальными, трудовыми, информационными, организационными), включая установление так называемых «правил игры», под которыми понимаются способы распределения этих ресурсов внутри территориальной системы. Исходя из этого мы принимаем целевой подход к пониманию эффективности органа публичной администрации, при котором в качестве показателей, используются лишь те, которые отражают выполнение органом его функций, связанных с постановкой задач перед институциями-производителями общественных благ, и обеспечение реализации этих задач соответствующими ресурсами посредством модификации задействованных механизмов управления (механизмов финансирования и взаимодействия субъектами внешней среды, а также оптимизации структуры сетей организаций-производителей общественных благ; механизмов работы с кадрами и механизмов контроля функционирования и мониторинга в территориальной системе производства общественных благ).

Во-вторых, мы рассматриваем мониторинг как средство влияния на деятельность органа публичной администрации путем задания индикаторов (которые должны демонстрировать непосредственные результаты деятельности этого органа) не после анализа собранной информации в результате корректирующего воздействия, а путем задания индикаторов, под которые «подстраивается» деятельность публичной администрации. Для этого индикаторы должны отвечать следующим требованиям:

– при расчете численных значений индикаторов должны использоваться данные государственной статистической отчетности или информация, полученная в ходе осуществления официальных оценочных процедур;

– при расчете индикаторов должна использоваться легко верифицируемая информация, полученная в результате ответов субъектов управления территориального комплекса социальных услуг на запросы вышестоящих органов;

– использование индикаторов не должно предполагать интерпретации собираемой информации.

Практика построения мониторинга результативности деятельности органов публичной администрации исследовалась на материале Самарской области. Для этого были изучены ежегодные доклады министерств Самарской области (образования и науки; здравоохранения и социального развития; культуры; спорта, туризма и молодежной политики).

Данные докладов содержат стратегические и тактические цели деятельности этих органов публичной администрации, а также индикаторы, которые предлагаются для оценки эффективности деятельности министерств за календарный год.

На наш взгляд, общим дефектом данных докладов является то, что цели деятельности министерств сформулированы столь расплывчато, что зачастую невозможно понять, какие результаты требуются собственно от министерства. В большинстве эти цели представляют собой формулировки весьма далеких эффектов, которые слабо связаны с результатами деятельности органа публичной администрации, а также с результатами производства общественных благ. Предметом же нашего исследования были индикаторы для оценки деятельности министерств, анализ которых был проведен с позиций концепции, описанной выше.

Поэтому при анализе сразу «отсеивались» индикаторы, предполагающие дополнительную интерпретацию значений, поскольку они не задают ориентиры для деятельности территориально-отраслевых комплексов и не могут обеспечивать упреждающее воздействие на деятельность органов управления. В ряду индикаторов, задающих ориентиры для деятельности территориально-отраслевых комплексов, выделялись интересные нас (ориентирующие на изменение деятельности органа управления), а также отражающие социальные эффекты и результаты деятельности учреждений, предоставляющих общественные блага. В ряде случаев выделялись явно ошибочные индикаторы (ориентирующие на изменения в объектах управления, воздействие на которые выходит за рамки полномочий органа управления). Во всех ситуациях также оценивалось качество индикаторов с точки зрения возможности их верификации.

Анализ ежегодных докладов министерства образования и науки Самарской области показал,

**Структура индикаторов результативности
Министерства образования и науки Самарской области**

Тип индикатора	Доля индикаторов, %	Из них верифицируемых, %
Индикаторы, предполагающие дополнительную интерпретацию значений	57	100
Индикаторы, задающие ориентиры для деятельности территориально-отраслевых комплексов, в том числе:	43	84
- ориентирующие на изменение деятельности органа управления	37	96
- отражающие социальные эффекты	2	0
- отражающие результаты деятельности учреждений, предоставляющих общественные блага	4	0
Индикаторы, ориентирующие на изменения в объектах управления, воздействие на которые выходит за рамки полномочий органа управления	1	100

что среди используемых показателей только 37% ориентируют на изменение деятельности органа управления (табл. 1).

В частности, индикатор «Расходы консолидированного бюджета субъекта федерации на оказание бюджетных услуг, оказываемых негосударственными учреждениями в сфере образования и науки» ориентирует Минобрнауки на задействование механизма бюджетного финансирования негосударственных образовательных учреждений общего образования, имеющих государственную аккредитацию.

На модификацию механизмов взаимодействия территориальных систем социальных услуг с субъектами внешней среды (включая непосредственных потребителей социальных услуг) ориентирует индикатор «Удельный вес безработных выпускников учреждений начального профессионального образования, зарегистрированных в органах службы занятости, в общей численности зарегистрированных безработных», так как активизирует деятельность Минобрнауки по налаживанию контактов с объединениями работодателей, по изучению и прогнозированию рынка труда для обеспечения соответствия номенклатуре реализуемых образовательных программ, а также по повышению качества подготовки специалистов, его соответствию потребностям рынка труда. Кроме того, данный индикатор ориентирует на постановку соответствующих задач перед руководителями подведомственных учреждений начального профессионального образования.

Ряд индикаторов ориентирует на деятельность по совершенствованию структуры сети подведомственных учреждений. В частности, индикатор «Доля аккредитованных образовательных учреждений в общей их численности» ориентирует Минобрнауки на обеспечение на территории региона качества образовательных услуг в максимально возможном количестве образовательных учреждений, так как успешное прохождение государствен-

ной аккредитации отражает нормативное качество образовательных услуг в аккредитованном образовательном учреждении.

Индикатор «Количество государственных образовательных учреждений начального профессионального образования Самарской области, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют капитального ремонта», ориентирует Минобрнауки на уменьшение количество зданий, обладающих данным свойством.

В целом, небольшое количество индикаторов применяется для ориентирования органов исполнительной власти на модификацию механизмов работы с кадрами. Например, индикатор «Доля вакансий общей численности педагогических работников образовательных учреждений региона» ориентирует Минобрнауки на задействование программ по стимулированию притока в систему образования кадров, а также на действия по заполнению вакансий (включая обеспечение целевого приема на педагогические направления в учреждения среднего и высшего профессионального образования и постановку соответствующих задач перед руководителями подведомственных учреждений).

Индикатор «Доля работников системы профессионального образования, прошедших повышение квалификации в общей численности работников отрасли» ориентирует Минобрнауки на обеспечение регулярного повышения профмастерства педагогических и руководящих работников системы профессионального образования путем реализации на региональном уровне соответствующих программ, а также на постановку задач перед руководителями подведомственных учреждений профессионального образования.

На постановку соответствующих задач перед руководителями подведомственных образовательных учреждений и задействования программ обновления педагогических кадров ориентирует индикатор «Доля учителей государственных (му-

ниципальных) общеобразовательных учреждений, имеющих стаж педагогической работы до 5 лет, в общей численности учителей государственных (муниципальных) общеобразовательных учреждений».

Индикаторы «Охват учащихся школ горячим питанием», «Доля детей в возрасте 5–15 лет, не охваченных программами основного общего образования, в общей численности детей данного возраста» ориентируют на задействование соответствующих контрольных процедур, а также на постановку соответствующих задач перед руководителями образовательных учреждений.

Анализ ежегодных докладов министерства социального развития Самарской области показал, что в оценке используются показатели следующих типов (табл. 2).

В частности, среди индикаторов, ориентирующих на изменение правил финансирования системы здравоохранения, можно отметить следующие.

Индикатор «Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата врачей государственных (муниципальных) учреждений здравоохранения» ориентирует Минздравсоцразвития на изменения механизма оплаты труда врачей, а также на постановку соответствующих задач перед руководителями подведомственных медицинских учреждений, результатом решения которых станет повышение среднемесячной начисленной заработной платы.

Индикатор «Дефицит финансового обеспечения территориальной программы государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи гражданам Российской Федерации» ориентирует Минздравсоцразвития на совершенствование механизмов финансирования предоставления медицинских услуг, которое приведет к ликвидации дефицита.

Индикатор «Количество государственных (муниципальных) учреждений здравоохранения, переведенных преимущественно на одноканальное

финансирование», ориентирует Минздравсоцразвития на перевод подведомственных учреждений на одноканальное финансирование.

Индикатор «Количество государственных (муниципальных) учреждений здравоохранения, переведенных на новую (отраслевую) систему оплаты труда, ориентированную на результат», позволяет воздействовать на деятельность Минздравсоцразвития в аспекте увеличения количества учреждений, в которых заработная плата работников исчисляется по новым правилам, позволяющим увязать ее размер с результатами трудовой деятельности.

Индикатор «Количество государственных (муниципальных) учреждений здравоохранения, финансирование которых осуществляется по результатам деятельности на основании подушевого норматива на прикрепленное население» позволяет ориентировать деятельность Минздравсоцразвития на формирование квазирынков медицинских услуг, обеспечивая связь между объемом их потребления и объемом финансирования.

Индикатор «Количество государственных (муниципальных) учреждений здравоохранения, финансирование которых осуществляется по законченному случаю», ориентирует Минздравсоцразвития на изменение механизма финансирования оказания медицинской помощи в аспекте финансирования по результатам деятельности, а не по факту функционирования учреждения.

Индикатор «Среднегодовая занятость койки» ориентирует Минздравсоцразвития на постановку задач перед руководителями подведомственных учреждений о повышении эффективности использования коечного фонда, а также на структурные решения, включая открытие, ликвидацию, реорганизацию учреждений, имеющих коечный фонд, а также структурных подразделений таких учреждений.

Индикатор «Количество государственных (муниципальных) учреждений здравоохранения, здания которых находятся в аварийном состоянии

Таблица 2

Структура индикаторов результативности Минздравсоцразвития Самарской области

Тип индикатора	Доля индикаторов, %	Из них верифицируемых, %
Индикаторы, предполагающие дополнительную интерпретацию значений	55	95
Индикаторы, задающие ориентиры для деятельности территориально-отраслевых комплексов, в том числе:	45	97
- ориентирующие на изменение деятельности органа управления	21	100
- отражающие социальные эффекты	23	94
- отражающие результаты деятельности учреждений, предоставляющих общественные блага	1	100
Индикаторы, ориентирующие на изменения в объектах управления, воздействие на которые выходит за рамки полномочий органа управления	0	-

или требуют капитального ремонта», ориентирует Минздравсоцразвития на лоббирование интересов здравоохранения в ходе бюджетного процесса, выделение соответствующих ресурсов на цели капитального ремонта и строительства, а также на постановку соответствующих задач перед руководителями подведомственных учреждений здравоохранения, что приведет к уменьшению количества, вплоть до полного исчезновения, таких учреждений.

Аналогично действует и индикатор «Доля зданий учреждений культуры, находящихся в удовлетворительном состоянии, в общем количестве зданий учреждений культуры и искусства», ориентирующий Минкультуры на поддержание в удовлетворительном состоянии зданий учреждений культуры, а также на постановку соответствующих задач перед руководителями подведомственных учреждений культуры.

Индикатор «Доля государственных (муниципальных) учреждений ориентирует орган публичной администрации на задействование соответствующих контрольных процедур, а также на постановку соответствующих задач перед руководителями медицинских учреждений.

(Продолжение следует)

Библиографический список

1. Клименко А.В. Исполнительная власть как объект мониторинга и оценки // Проблемы современного государственного управления в России: матер. науч. семинара / под ред. В.И. Якунина. – Вып. № 3(8). – М.: Научный эксперт, 2007. – 72 с.
2. Финансовое управление развитием экономических систем / А.А. Адаменко, И.П. Геращенко, Н.В. Городнова и др. – Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2010. – 204 с.
3. Atkinson A., Stiglitz J. Lectures on public economics. – NY: McGraw-Hill, 1980.
4. Becker G.S. Human capital: A theoretical and empirical analysis with special reference to education. – New York: National Bureau of Economic Research, 1964.
5. Becker G.S. Underinvestment in college education? // American Economics Review (Papers and proceedings). – 1960. – № 50.
6. Coleman J.S. Equality of educational opportunity. – Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 1966.
7. Coleman J.S., Hoffer T. Public and private high schools: The impact of communities. – New York: Basic Books, 1987.
8. Coleman J.S., Hoffer T., Kligore S. Public and private high schools. – Washington, DC: National Center for Education Statistics, 1981.
9. Gramlich, E. Benefit-cost analysis of government programs. Englewood Cliffs / E. Gramlich. – NJ: Prentice Hall, 1981.
10. Hanushek E.A. Education production functions. – Oxford, England: Pergamon Press, 1987.
11. Hanushek E.A. The economics of schooling: Production and efficiency in public schools // Journal of Economic Literature. 1986. № 24.
12. King R.A. Equalization in New Mexico school finance // Journal of Education Finance. 1983. № 9.
13. MacPhail-Wilcox B., King R.A. Production functions revisited in the context of educational reform // Journal of Educational Finance. 1986. № 12.
14. Mishan E.J. Cost - benefit analysis. – London: George Allen & Unwin Ltd, 1984.
15. Musgrave, R.A., Musgrave, P.B. Public finance in theory and practice. – New York: McGraw-Hill, 1989.
16. Williams A. Giardina E. Efficiency in the Public Sector: the theory and practice of cost-benefit analysis. – Great Britain: University Press, Cambridge, 1993.

Роднина Анна Юрьевнакандидат экономических наук
Ивановский государственный университет
anna.rodnina@mail.ru**Бабаев Бронислав Дмитриевич**доктор экономических наук, профессор
Ивановский государственный университет
politeconom@rambler.ru

КРЕДИТ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье предложен круг вопросов, касающихся кредита и банков, нуждающихся в дальнейшей разработке. Выказан ряд концептуальных суждений авторов: взаимосвязь политэкономии и институциональной экономики как методологическая основа исследования кредитных отношений, тенденция сращивания финансов и нефинансовой экономики, особая роль схемы кругооборота кредитного ресурса, поворот теории к практике. Отмечено, что в экономической политике в области финансов нет комплексности (нескоординированность действий разных ведомств), согласованности интересов участников, долгосрочности, нет должного внимания к теоретико-методологической и теоретической разработке финансовых проблем, финансовой политике. Приведены аргументы в пользу тезиса о том, что объективный процесс – это, бесспорно, проявление необходимости, но существуют альтернативы социально-экономического развития, а в реализации этой темы высока роль субъективных факторов неволюнтаристского типа.

Авторы формируют подходы к новой парадигме, суть которой обозначается термином «финансономика». Рассмотрение взаимодействия финансов (в их расширительной трактовке с включением кредитных отношений) с экономикой обычно осуществляется в пользу финансов (выделяют приоритеты, что финансировать в первую очередь, во вторую очередь и т.д.). Авторы доказывают паритетность финансов и экономики.

Ключевые слова: кредит, политическая экономия, институциональная экономика, кругооборот кредитного ресурса, кредитная система.

Введение

Практика кредитных отношений, по-видимому, в заметной степени опередила разработку теории. Используются новые технологии, появляются и активно используются новые банковские продукты, непрерывно совершенствуется инструментарий, касающийся, прежде всего, таких вопросов как сервис и качество. Идут другие новации. В то же время теоретические разработки в этой области экономического знания достаточно скромные, число теоретиков в стране, занимающихся этой проблематикой, небольшое, фундаментальные работы появляются нечасто. Если взять известные учебные пособия, вышедшие соответственно под редакцией О.И. Лаврушина [2], А.М. Тавасиева [1], В.Ф. Жукова [3] и других, то они представляют собой изучение банковского дела, банковской практики, а также (а иногда и в первую очередь) изложение нормативно-методических материалов.

Углубление теоретических разработок и их поворот в сторону практики – насущная задача, ибо финансово-кредитная система играет колоссальную роль в современной экономике. Выскажем ряд соображений, исходя из того, что эти наши суждения могут послужить основой для существенного углубления теории кредита.

Взаимосвязь методологии политэкономии и институционализма

На наш взгляд, чрезвычайно перспективно подведение под кредитную практику теоретико-методологической основы как взаимосвязи

политической экономии и институциональной экономики [4]. Политическая экономия, изучая объективные экономические отношения, выводит нас на понятие экономического закона, последний есть венец политэкономического исследования. Институциональная экономика в качестве объекта и предмета исследования одновременно имеет институты. Тема складывается в сюжеты институциональной среды, институциональной достаточности или недостаточности. Сама по себе взаимосвязь политэкономии и институционализма проявляется по ряду направлений, но это, прежде всего, институционализация экономических категорий, экономических законов. Так, если мы формулируем закон кредитных отношений, фиксирующий их происхождение, то в аспекте воспроизводственном, когда, с одной стороны, в ходе движения капитала и дохода (именно капитала и дохода, а не просто капитала) происходит высвобождение денежных ресурсов, это имеет место в одних сферах, на одних участках. С другой стороны, формируется спрос на эти свободные ресурсы, это происходит в других сферах и на других участках. Сами по себе перетоки (аллокация) могут идти в разных масштабах и с разной интенсивностью, с неодинаковыми целевыми установками. Итак, это экономический закон кредитных отношений. Теперь вопрос заключается в том, чтобы прояснить те условия или факторы, взаимное влияние которых или обеспечивает простор действия этого закона, или сдерживает его развитие. Это уже институционализация закона, формирование адекватной институциональной среды. Нам представляется, что

в большой теоретико-прикладной литературе эти темы должным образом не рассматриваются.

При исследовании кредитных отношений, воплощающихся в кредитной системе конкретной страны, например, России, мы должны опираться на понятие кругооборота кредитного ресурса [6]. Это базовое фундаментальное понятие, имеющее развитый воспроизводственный аспект (политическая экономия) и замыкающийся на институциональной среде (институциональная экономика). В данном случае мы имеем не только панорамное видение движения кредитного ресурса как капитала и как дохода, но и благодаря выделению стадий кругооборота мы оказываемся в состоянии эффективно проводить постадийный анализ. Естественно, в поле внимания оказывается и временная сторона, поскольку кредитный ресурс мы рассматриваем в движении. В связи с этим важно подчеркнуть, что разработка стратегий и программ развития кредитных отношений должна предусматривать различные варианты. Если в стране возникла конкретная ситуация, типа декабрьской 2014 года, то с полки снимается папка, где (уже как в военном деле) разработаны основные меры, которые необходимо экстренно принимать для исправления положения. Реально же, как свидетельствуют эксперты, все эти события для Центрального банка, Правительства и Президента оказались неожиданными, была проявлена растерянность, упущена инициатива, процессы приобрели стихийный характер, среди населения возникла паника. Мы полагаем, что сама по себе кругооборотная схема с ее постадийным разделением есть подходящая теоретико-прикладная основа для разработки стратегий и программ как масштабных и многовариантных.

Сам по себе кругооборот кредитного ресурса, как ведущая исследовательская схема, имеет не только собственное внутреннее содержание, но и фиксирует взаимодействие с внешней средой. Так, в нашей схеме в качестве субъекта присутствует население, которое одной рукой несет деньги в коммерческие банки, а другой рукой их забирает. Декабрьские события 2014 года обнаружили крайне существенный недостаток кредитной политики государства и Центробанка: отсутствие целенаправленной работы с населением. Население не получило соответствующих сигналов, вкладчики, а также вообще сберегатели стали впадать в состояние паники. Точно так же бизнес (особенно малый и средний) оказался в состоянии растерянности и неопределенности, предприниматели просто не знали, чего ожидать. Предложение ясно: наладить систематическую работу с населением и бизнесом, но для этого нужны обдуманые долгосрочные стратегии и программы в многосценарном исполнении. Кроме того, необходимо доверие между сторонами, а важный элемент доверия – это информированность людей. Разработанная нами

кругооборотная схема предполагает взаимодействие и с иными элементами и структурами внешней среды, естественно, с самой экономикой в ее различных измерениях, с государством в его многообразных функциях.

В качестве важнейшей методологической посылки формирования и развертывания кредитных отношений в современной экономике, на наш взгляд, выступает взаимодействие финансов и экономики (нефинансовый сектор), возможно даже указать на существующую тенденцию их сращивания и основные линии этой состыковки.

Финансы и экономика: общее и особенное

Обычно, рассматривая взаимодействие финансов (в их расширительной трактовке, с включением кредитных отношений) с экономикой, выделяют приоритеты, что нужно финансировать в первую очередь, во вторую и т.д. В этом случае финансы и экономика (нефинансовый сектор) рассматриваются отдельно, что имеет свой смысл. Высказанная нами противоположная точка зрения есть уже новая парадигма. Принято считать, что впереди экономика, а финансы – это ее кровеносная система. Наш же случай напоминает известную историю о том, что возникло раньше, курица или яйцо. Подобного рода установки, по нашему мнению, носят откровенно некорректный характер. Мы никогда не найдем ответа на подобные вопросы, которые сродни древнегреческой софистике, но мы найдем ответ, если будем одновременно рассматривать курицу и яйца, финансовую и нефинансовую экономику в порядке не просто взаимодополнения, но устойчивого существования как прямых, так и обратных связей. Если отдать приоритет развитию финансов (это было в 2008 году), пострадает экономика, если сделать упор на развитие экономики и отодвинуть на второй план финансы, то пострадают обе стороны. В настоящее время взаимопроникновение настолько глубоко, что их надо рассматривать в единстве. Приведем конкретный пример из декабрьских событий 2014 года. Центробанк России поднял ключевую ставку сначала до 11%, а затем сразу до 17%, что явно негативно для экономики. Этот момент взаимосвязи экономики был частично учтен, когда для малого и среднего бизнеса процентную ставку сохранили на уровне 6,5%, а для предлагаемых проектов – 9%. Если мы исходим из теснейшей взаимосвязи финансов и экономики, то мы обязаны согласиться с той точкой зрения, что Центробанк должен отвечать не только за финансовую сторону, но и за экономический рост. Как известно, на этот счет существуют очень серьезные возражения, но вместе с тем данное положение, касающееся процентных ставок, как раз и указывает на то, что на Центробанк отчасти уже возложена задача ответственности за экономический рост.

Мы рассматриваем кредитный ресурс как носитель одновременно и коммерческого интереса, и общественного. Данное суждение можно перевести в плоскость чисто функциональную, выделив коммерческую функцию и функцию некоммерческую. В методологическом ключе это положение чрезвычайно важно, оно уже отвечает идее не чисто рыночной экономики, а экономики смешанного типа. Последнее мы также рассматриваем как важный теоретико-методологический посыл. Существенно и то, что подобная трактовка кредитного ресурса выводит нас к пониманию коммерческого банка как двойственной структуры. Это позволяет нам использовать термин квазиобщественной организации [5]. Нет смысла повторять общеизвестные вещи, показывая чрезвычайно значительную, фигурально выражаясь, фундаментальную роль коммерческих банков в экономике смешанного типа, в которую они врастают. Мы солидаризируемся с теми лицами, которые считают, что Центробанк, а также естественно и коммерческие банки несут свою долю ответственности за экономический рост. Разрабатывая тему двойственности коммерческого банка, мы и коммерческую сторону увязываем, прежде всего, с сатисфакцией (удовлетворенностью объемом запланированной прибыли), в то же время общественную сторону (функцию) увязываем с различного рода обременениями. Если строится экономическая политика в кредитной сфере, то она, по нашему мнению, должна четко исходить из того, что коммерческий банк двойственен. В то же время между этими двумя сторонами существует противоречие, что вполне естественно. В условиях адекватной среды это противоречие сглаживается, но в условиях неадекватной среды оно обостряется, причем, естественно, верх берет коммерческая сторона. Это важно иметь в виду. В данном случае мы полагаем, что существует целесообразность использования не только рыночных инструментов, но и административных рычагов. И по этому вопросу мы откровенно полемизируем с либеральной позицией. В декабре 2014 года Центробанк, Правительство и Президент достаточно четко показали себя в качестве либералов. Если идет вывоз капитала за рубеж (примерно 130 млрд. руб. в указанном году), то это, по их мнению, процесс естественный. Если крупные структуры занимаются спекуляциями, этому тоже не надо мешать. В целом Президент высказался (и его слова стали повторять): цены на нефть стабилизируются, а экономика приспособится. Мы полагаем, что экономике необходимо помочь приспособиться, строя определенным образом политику в области экономики финансовой. Известно, что в начале 70-х годов, в результате действий ОПЕК, резко взлетели цены на нефть, действительно, экономика развитых стран стала подстраиваться под эти высокие цены, однако в этом подстраивании (и это

видно из соответствующей литературы) было много организованного, целеуказующего, интегрирующего, мобилизационного. Почему у нас этого не понимают? Ведь мы из-за этих либеральных затей немало теряем.

Следует иметь в виду, что социально-исторический процесс, включающий в себя и финансы, и экономику, тем более, что они взаимопроникают друг в друга, носит вероятностный характер и многовариантен. Соответственно, экономические законы могут трансформироваться. При таком подходе ясно, что субъективный фактор не носит волюнтаристического характера, а покоится на учете объективных условий. Теоретически мы тут благополучно сводим концы с концами.

Кредитный ресурс, как и вообще деньги, связывает настоящее с прошедшим и будущим. Эту тему развивать нет смысла, комментарии тут излишни. Мы обращаем внимание на то, что в разработке кредитной политики существенно выпятить долгосрочный аспект. В ряде случаев можно рассуждать упрощенно. Скажем, есть немало проектов, продолжительность которых 5–10–15 лет. Понятно, что их реализация предполагает наличие элементов определенности во внешней среде, например, стабильность налоговой системы или ясность стратегии правительства. Можно привести более весомые аргументы в пользу учета элемента долгосрочности. Развитие в целом народного хозяйства, включая финансы в их расширительном толковании, характеризуется долговременными тенденциями, которые необходимо исследовать, и с которыми необходимо считаться. В этот объективный процесс государство, транснациональные и другие структуры могут, на наш взгляд, аккуратно вмешиваться, не допуская голого волюнтаризма. Например, реально происходит переход от одного технологического уклада к другому, сейчас специалисты разрабатывают тему пятого и шестого технологического укладов. Наверное, надо изучить эти долгосрочные тенденции и создавать с помощью, прежде всего, институциональной среды, экономической политики государства, действий хозяйствующих субъектов, такую обстановку, которая будет способствовать этим процессам.

Кредитная система и кредитные отношения

В порядке разработки теоретико-методологических основ кредитных отношений мы исходим из необходимости различать кредитные отношения как объективные и кредитную систему, причем кредитная система может рассматриваться как институциональная среда (общетеоретические рассуждения) и как реальная существующая система конкретной страны, например, России. Российская кредитная система как действительно функционирующая должна быть адекватной как кредитным отношениям (в данном случае теория формулирует

принципы функционирования кредитной системы и раскрывает механизм ее бытия), так и вызовам современности (в последнем случае эта кредитная система должна, прежде всего, с финансовой стороны обеспечить финансирование экономики). Роль кредитной теории ясна, здесь большое значение имеют в нашей трактовке принципы мобилизации, размещения и использования кредитного ресурса. Что означает расширительная трактовка этих принципов? Теоретически принято считать, что кредит стоит на трех китах: срочность, платность, возвратность. В нашем понимании этих трех принципов явно недостаточно. Мы дополняем: обеспеченность, ликвидность, динамичность. В данном случае обеспечивается полномасштабный взгляд на кредитный ресурс, поскольку несколько странно, что среди его основных принципов не показываются три последние. Если мы учитываем все позиции, то это реалистический теоретико-прикладной взгляд, которым надлежит руководствоваться при разработке кредитно-финансовой политики и в целом политики экономического роста. Что же касается учета другой стороны – вызовов современности, – то, конечно, встает серьезный вопрос, заключающийся в том, чтобы их суммировать, правильнее сказать, систематизировать. В числе этих вызовов подведение материально-технической базы под экономику в целом, что принято связывать с новой индустриализацией, выдвижение вперед группы высокотехнологичных отраслей, теснейшим образом увязав их развитие с финансово-кредитной составляющей, инфраструктурное обустройство страны (дорожно-транспортная составляющая, энергетика, водоснабжение и водоотведение, утилизация отходов, решение жилищной проблемы и прочее). Когда мы говорим, что кредитная система России должна соответствовать вызовам современности, то речь идет о том, в каком направлении должна развиваться страна не только в близкой, но и в отдаленной перспективе. Соответственно все эти вопросы должны быть согласованы с финансами и кредитом. Незыблемая составляющая нашего подхода – неразрывная связь финансовой и нефинансовой экономики, тенденция их сращивания.

В рамках наших подходов, где взаимодействует рыночный и нерыночный секторы, рыночный и нерыночный механизмы, сочетаются объективные и субъективные факторы, используются экономические и неэкономические методы, неизбежно возникает тема интегратора, некоего интеграционного органа, выполняющего, прежде всего, координирующую функцию. Декабрьские события 2014 года показали, что выхватывание отдельных инструментов вне комплексного подхода – непродуктивный путь, тупик. В стране существуют различные ведомства, каждое из которых отвечает за свой участок работы. Даже Центробанк и Министерство финан-

сов явно недостаточно координируют свою работу, но есть еще Министерство экономического развития, промышленно-торговое ведомство и другие. Казалось бы, что координирующую роль выполняет Правительство, де-факто в заметной степени администрация Президента, однако на самом деле глубокой внутренней координации, основанной на познании экономических закономерностей и функционирующих и динамически меняющихся институтов, по сути, нет. Мы ограничимся постановкой вопроса, но при этом подчеркиваем его чрезвычайно высокую значимость. Важно иметь в виду, что и в регионах должны быть региональные координационные центры.

Актуальна тема инвестиционного навеса. По данным за 2013 год, сбережения населения находились в районе 30% ВВП, а инвестиции охватывали не более 20%. Вся проблема заключается в том, как мобилизовать (превратить из неорганизованных в организованные сбережения) разницу в 10%. Естественно, что необходимы соответствующие проекты, под которые шла бы мобилизация этих ресурсов коммерческими банками и парабанковской системой. Поскольку с разработкой проектов дело у нас обстоит плохо, постольку мы поддерживаем тех исследователей, которые говорят о необходимости создания специальных мощных групп разработчиков, которые в состоянии закрыть это слабое место нашей экономической действительности. В связке «население – кредитно-финансовая система» мы ставим не только общие вопросы, говорим о необходимости формирования сбережений, их мобилизации и использования, но и поднимаем вопрос дальнейшей демократизации отношений между населением и банковской (парабанковской) структурой, между заемщиками и финансовой структурой. В современных условиях массовый вкладчик и массовый покупатель ценных бумаг (если последний в современных условиях РФ в таком качестве существует) в переговорном процессе с финансовыми субъектами имеет слабую позицию и вынужден соглашаться на те условия, которые им предлагают; банки не склонны дискутировать с мелкими и даже отчасти средними вкладчиками, хотя они «идут на поклон» крупным. Поскольку идет процесс развития гражданского общества, постольку необходимо стимулировать процесс создания ассоциаций сберегателей, ассоциаций заемщиков и прочее. Нужно также ставить вопрос о финансовой грамотности населения, но не просто об отдельных мероприятиях, а о формировании системы финансовой грамотности населения. Можно изучить опыт США и других стран, где это дело поставлено на широкую ногу, и эффект более чем значителен. Подлинно рыночные начала в стране не будут в должной степени сформированы, если не будет решена данная проблема. Она же выступает как важный фактор формирования доверия всех участников финансового рынка.

Все-таки надо вернуться к той теме, что в условиях несовершенства хозяйственной среды в деятельности банков и парабанков не просто возникают сбои, а берет верх фундаментальная составляющая – коммерческое начало. Мы особо подчеркнем, что это фундаментальная составляющая. Возникает положение, когда при стихийном развитии прибыль выходит вперед, действует объективный процесс развития конкуренции и прибыльности, в то же время реализация (в достаточно полной мере) общественной функции требует сознательных целенаправленных действий (субъективный фактор не волюнтаристского характера). Мы останавливаемся на этой позиции вторично по той простой причине, что полагаем, что это важный аргумент, свидетельствующий о несостоятельности применительно к России либеральных взглядов. Необходимо помнить, что экономика нашей страны по рыночным критериям неоптимальна, т.е. мы с большим сомнением можем утверждать, что функционирует единое экономическое пространство страны; по-видимому, этого нет, налицо фрагментарность [8]. Европейские страны, средние по своему размеру, со стороны товарно-денежных отношений оптимальны, у нас же Приморский край и Калининградская область вряд ли могут эффективно взаимодействовать на прочной основе.

Когда мы поднимаем вопрос об интеграторе, единстве финансовой и нефинансовой экономик и другие вопросы фундаментального плана, то мы, вместе с тем, руководствуемся соображениями, что коммерческие банки необходимо рассматривать во взаимодействии с парабанковской системой. В целом этот вопрос в литературе в достаточной степени рассмотрен, но обратить на него внимание еще раз следует.

Заключение

Заключительный момент наших рассуждений – суждения о региональных банках. Идут процессы концентрации и централизации банковского капитала, существуют базельские нормативы, на практике существует ориентация на крупные структуры, в этих условиях важно понять, какова судьба региональных банков, характеризующихся малой масштабностью и работой на местные интересы. Вопрос можно поставить таким образом: могут ли филиалы федеральных банков, развертываемые в провинции, в достаточной степени заместить региональные банки. На наш взгляд, частично могут, но полностью вряд ли [7]. Региональные банки следует рассматривать в связи с малым и средним биз-

несом. Это идея разномасштабности экономики, где всегда можно выделить мелкие, средние и крупные предприятия и организации, а также сверхкрупные и мельчайшие. В целом разномасштабность – это экономический закон, с которым нужно считаться. Филиальная система, по-видимому, включается в действие этого закона, но в реальном функционировании филиалов федеральных банков есть свои проблемы, которые, пожалуй, как-то сдерживают их эффективное взаимодействие с малыми и средними предпринимателями (стандартизация банковских продуктов, отсутствие самостоятельности в принятии решений, неоперативность политики согласованности и взаимодействия и другие). Наверно, можно выдвинуть лозунг: «Региональным банкам быть!»

Библиографический список

1. Банковское дело. Управление и технологии / под ред. А.М. Тавасиева. – М.: Юнити-Дана, 2005. – 671 с.
2. Деньги, кредит, банки. Учебник для бакалавров / под ред. О.И. Лаврушина. – М.: Кнорус, 2014. – 448 с.
3. Деньги. Кредит. Банки: учеб / под ред. В.Ф. Жукова. – М.: Юнити-Дана, 2010. – 784 с.
4. Роднина А.Ю. Взаимосвязь политэкономического и институционального подходов с исследованием кредита как экономического феномена // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 24 (261). – С. 51–59.
5. Роднина А.Ю. Квазиобщественная природа коммерческого банка как основа государственного регулирования банковского сектора РФ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Экономика». – Майкоп: изд-во АГУ, 2013. – Вып. 3 (127). – С. 62–69.
6. Роднина А.Ю. Кругооборот кредитных ресурсов и его экономико-теоретическая интерпретация // Теоретическая экономика. – 2013. – № 2. – С. 30–36.
7. Роднина А.Ю. Факторы конкуренции на российском рынке банковских услуг: региональный аспект // Модификация современной конкуренции в зеркале теоретической экономики: Сборник статей международной научной конференции в ЯГТУ 24.10.2013 / под научной редакцией В.А. Гордеева и др. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2014. С. 212–221.
8. Чекмарев В.В., Чекмарев Вл.В. Факторы институционального развития и обеспечения экономической безопасности региона // Экономика образования. – 2014. – №2. – С. 52–56.

ПОСТМОДЕРН КАК ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Содержание статьи посвящено анализу постмодерна как парадигмы социального познания. Специфика авторского подхода в рассмотрении данной темы заключается в установлении связи между методологией классической рациональности и методологическими процедурами постмодернизма. В отличие от большинства исследователей, подчёркивающих специфичность методологии философии постмодерна, автор настаивает на её генетической и теоретической связи с предшествующими этапами развития научно-философской мысли. Основная гипотеза научной статьи состоит в том, что все парадигмы научного познания используют с формальной точки зрения одну и ту же методологию, которая различается только интерпретацией общетеоретических и эмпирических методов познания, а также моделями организации их взаимодействия. Важнейшими методами теоретического познания, находящими применение во всех основных парадигмах социального познания: метафизике, модерне и постмодерне, – являются: идеализация, теоретическое моделирование и формализация. Структура постмодернистской парадигмы социального познания предполагает доминирование метода идеальных типов. Это означает, что постмодернистское мышление интересуется, прежде всего, единичным, экспериментирует – над ним, и уже на основе такого рода «экспериментаций» создаются теоретические модели конкретных социальных процессов. Предельно общие закономерности развития общества, вытекающие из наблюдений за функционированием теоретических моделей, выражаются с помощью идеальных типов, таких как «дерево», «ризомы», «номады» и т. д., что доказывает вторичность формализации для данной парадигмы социального познания. Вместе с тем попытку постмодерна преодолеть классический и неклассический способы теоретического мышления следует признать неудавшейся, поскольку он, несмотря на специфический язык выражения своих идей, находится в рамках трех основных общетеоретических методов: идеализации, теоретического моделирования и формализации. Независимость постмодерна в социальном отношении выражается в его попытке создать особый вариант постиндустриального общества.

Ключевые слова: парадигмы социального познания, метод идеальных типов, теоретическое моделирование, формализация, деконструкция; трансцендентальное означаемое, номадология, археология знания.

Начало формирования постмодернизма, имевшее место в 60-гг. прошлого столетия, совпало по времени с рядом существенных изменений в жизни западной цивилизации. Важнейшим из них следует признать превращение науки в движущую силу производства, появление компьютерных технологий, возрастание роли информации и сферы услуг в экономике, увеличение роли управленцев в социальной жизни, начало формирования планетарной цивилизации и т.д. В социально-философской и научной литературе данные процессы были определены как начало формирования постиндустриального общества. В свою очередь, возникновение или становление общества нового типа неминуемо ведет к разрушению предшествующего ему социального порядка и соответствующего образа мышления. По этой причине одной из характеристик новой парадигмы стало выявление и критика основополагающих принципов модернистского способа мышления.

Подчеркивая ярко выраженный критический характер постмодерна, авторы «Истории теоретической социологии» подчеркивают: «В самом понятии постмодернизма сохранилась изрядная доля двусмысленности: результат “родовой травмы” – следствие удара, полученного отрицающим от отрицаемого. Постмодернизм, который должен был означать простое название нового философско-художественного течения, пришедшего после модер-

низма... поспешил превратить нужду – отсутствие содержательного самоопределения – в добродетель. Замена того, что называлась “современным” вчера тем, что предполагается как “более современное” сегодня, подается как отмена современности вообще, как пришествие чего-то такого, для чего современности вообще не существует. А есть лишь “после”: “постсовременность”... И здесь не обойтись уже ни без философии, которая могла бы предположить новое, нелинейное понимание времени, содержанием которого должно стать оставившееся (или остановленное?) “после”, ни без теории истории, которая могла бы истолковывать общезначимым образом эзотерический опыт интеллектуалов, ощутивших себя живущими “после конца истории”» [3, с. 495].

Одним из прямых следствий «гиперкритицизма» постмодернистского мышления следует признать то обстоятельство, что оно не порождает целостной системы философствования и единого мировоззрения. Как правило, постмодернистский способ философствования разворачивается как имманентная критика философских направлений модернизма. Например, ранний Деррида демонстрирует внутреннюю противоположность феноменологии, М. Фуко переосмысливает основные идеи структурализма, Р. Рорти реализует принципы постмодерна на стыке прагматизма и аналитической философии, Ж. Лакан расшифровывает

речь бессознательного с помощью понятий психоанализа, хотя и не согласен с целым рядом его фундаментальных установок. Такой способ философствования позволяет говорить о постмодерне как об особом рода ситуации, в которую попали различные идейные течения модернистской философии, как о «ситуации постмодерна».

Несмотря на то что идеи постмодернизма генетически связаны с теоретическо-методологическими установками модернистской парадигмы, они обладают несомненной оригинальностью. Сопоставим основные принципы обеих парадигм. В области мировоззрения постмодерн отрицает европоцентризм и стоит на позициях мультикультурализма, подвергает сомнению неизменность этнической идентичности и настаивает на ее конструктивном характере; преодолевает модернистские противопоставления земледельца и кочевника, цивилизации и варварства, нормального и безумного; признает приоритет текста над словом, желания над разумом, отрицания над утверждением, различия перед сходством и тем самым вступает в противоречие с важнейшими установками классической и неклассической философии и науки. В области социального познания в рамках постмодернистского подхода был разработан целый ряд концепций, противоречащий модернистским идеалам универсализма, системности, функционализма, субъективизма и холизма. В противоположность этим идеалам учение представителей постмодерна исходит из уникальности, хаотичности, волюнтарности, иррациональности и дискретности социальных явлений.

В основании данных представлений о социальной реальности лежит принципиальное несогласие онтологии постмодерна с важнейшими принципами трансцендентализма. Так, согласно трансцендентальной философии, общечеловеческое сознание понимает реальность на основе имеющихся у него познавательных способностей, благодаря чему мир предстает в качестве осмысленного. В противоположность этому постмодернизм утверждает, что реальность не подлежит нормированию, классификации, систематизации. Любые попытки познающего сознания «втиснуть» предметность в узкие рамки схем и моделей заканчиваются крахом идеальных конструкций. С другой стороны, понятие субъективности также представляет собой идеальную конструкцию, которая искажает иррациональную, волюнтарную, импульсивную природу человека, в которой доминируют не разум, а желание. Для того чтобы прорваться к действительности, снимающей противоположности субъекта и объекта, реального и воображаемого, внешнего и внутреннего, природного и социального, необходимы концептуальные и лингвистические конструкции.

Единство природно-социального мира после падения идеальных моделей представляется круп-

нейшим мыслителем-постмодернистом следующим образом: «Не существует также и различия человек-природа: человеческая сущность природы и природная сущность человека отождествляется в природе как в производстве или промышленности, то есть также в родовой жизни человека. Промышленность отныне берется не во внешнем отношении полезности, а в своем фундаментальном тождестве с природой как производством человека и человеком. Но не человеком как царем творения, а скорее, человеком как тем, кто затронут глубинной жизнью всех форм и всех родов, кто заряжен звездами и даже животными, кто, не переставая, подключает машину-орган к машине-энергии... Это второй смысл процесса; человек и природа — не как два термина, противопоставленные друг другу... но как одна-единственная сущностная реальность производителя и произведенного. Производство как процесс выходит за границы всех идеальных категорий и образует цикл, который соотносится с желанием как имманентным принципом» [1, с. 17].

Стирание границ между социальным и природным означает разрушение социальной онтологии, требует если не создания новой онтологии, то, по крайней мере, демонстрации методологии разрушения традиционных философских категорий. В самом общем виде основная теоретико-методологическая установка постмодернистской парадигмы в целом может быть обозначена как деконструкция. Истоки понятия «деконструкция», как и истоки многих других понятий постмодерна, следует искать в философии модернистской парадигмы. Так, Деррида образовал понятие деконструкции путем перевода термина М. Хайдеггера «деструкция», которым он обозначал процесс установления изначального, архаичного значения философских и научных понятий. Деррида существенным образом изменил методологию Хайдеггера и поставил перед деконструкцией задачу обнаружения в исследуемом понятии, учении, концепции или тексте определенного рода редукции, или «концентрации», предполагающей актуализацию одних, как правило рациональных, аспектов исследуемого идеального предмета в ущерб другим, иррациональным и чувственно наглядным, аспектам. Следующим шагом к деконструкции является проведение мыслительного эксперимента, в результате которого вычисленные аспекты предмета становятся доминирующими. Благодаря этому деконструкция раскрывает внутреннюю противоречивость категориального аппарата классической метафизики и модерна, а также репрессивный характер рационализма или «логоцентризма» по отношению к человеческой природе. В той или иной степени демонстрация несоответствия идеальных конструкций идеалу, рациональность и лицемерность самого этого идеала следует при-

знать лейтмотивом всех постмодернистских концепций социальной жизни. На этом основании деконструкцию можно признать не только методологической процедурой, разработанной Деррида, но и общей установкой постмодернистской парадигмы социального познания.

Принцип деконструкции оказывает прямое воздействие на характер структуры постмодернистской парадигмы. Если метафизическая парадигма исходила из формализации и открытых с ее помощью законов как фундамента теоретико-методологической базы социального познания, а модерн рассматривал теоретическое моделирование в качестве его центрального метода, то постмодернизм признает доминирование в исследовательской программе идеальной типизации. Конечно же, данное утверждение вряд ли найдет поддержку среди мыслителей-постмодернистов, поскольку в рамках парадигмы постмодерна разделение методов на эмпирические и теоретические, а также использование классических приемов познания, примененных в данном исследовании, являются неприемлемыми. Еще более неприемлемым будет признана проекция на методологические процедуры постмодерна теоретико-методологической базы модернистского типа. Однако генетическая связь, существующая между парадигмами постмодерна и модерна, позволяет осуществить такого рода проекцию. Более того, это представляется необходимым сделать в силу деконструкции теоретико-методологической базы метафизики и модерна, осуществленной постмодернизмом.

Доминирование в постмодернистской парадигме метода идеальной типизации объясняется, прежде всего, интересом ее представителей к составным элементам исследуемых ими теоретических моделей, а не к моделям как таковым. Этот отказ от исследования целого следует признать принципиальным. Для представителей постмодернизма целое, а в особенности выражаемый им смысл, есть так называемое «трансцендентальное означаемое». Этим термином в постмодернизме принято обозначать некий идеальный предмет, скрывающийся за чувственно-наглядными явлениями, то, что, согласно представителям метафизики, не может не быть, но которое никогда не дано в восприятии. «Трансцендентальное означаемое» оценивается в постмодерне как фикция, и к нему относятся наиболее общие понятия метафизики и модерна. В противоположность «трансцендентальному означаемому», на котором сосредоточено внимание представителей первых двух парадигм социального познания, постмодернизм делает предметом своего исследования не смысл идеальных конструкций, а символический материал, из которого они сделаны, и эмоционально-ценностную среду, в которой они существуют. Но не только сознательное расчленение исследуемых концепций позво-

ляет признать доминирование метода идеальной типизации в парадигме постмодерна. Дело заключается в том, что деконструкция, какую бы форму она ни принимала, неотделима от процесса смысловотворчества. Во многом это обусловлено тем, что наиболее убедительное опровержение идеальных конструкций возможно путем их сопоставления с действительностью. Но действительность, как уже было сказано, имеет в постмодернизме дискретный характер. По этой причине она фиксируется посредством метода идеальной типизации.

Конечно, все идеальные типы, предлагаемые постмодернизмом, существенным образом отличаются от соответствующих конструкций в метафизической и модернистской парадигмах. Если в метафизике идеальные типы – это, прежде всего, иллюстрации универсальных закономерностей развития общества, в модернизме – символ частных отношений между социальным сознанием и реальностью, различными социальными группами, социальными процессами и т.д., то в постмодерне они выступают в роли идеала социальной жизни, служащего основой для критики социальных теорий, различных идеологий и ценностных ориентиров современной цивилизации. Другими словами, в метафизике идеальный тип – это отражение реальности, в модерне – форма фиксации социальных структур и функций, в постмодерне – средство разрушения и созидания социальной мифологии.

Широкое применение метода идеальной типизации привело к формированию в постмодернизме особого философского лексикона. К числу понятий, образованных путем идеализации и обладающих значимостью для социальной онтологии, следует отнести такие концепты-мифологемы, как «дерево» – символизирующий способ мышления земледельческих народов, «ризом» – образ нового модернистского способа мышления, «номады» – тип поведения индивида в постмодернистскую эпоху. В свою очередь, к области социального познания принадлежат такие идеальные типы, как «шизоанализ», конституирующий раздвоенность сознания современной западноевропейской цивилизации, «трансгрессия», обозначающий нацеленность постмодернистского мышления на преодоление моральных, культурных и социальных запретов на переживания экстатических состояний, «логоцентризм» – подчеркивающий признание приоритета разума над другими способностями человека в западной культуре, и т.д. Уже при первом рассмотрении идеальных типов, создаваемых в рамках постмодернизма, становится очевидным, что они носят преимущественно нормативный, а не дескриптивный характер, то есть не столько описывают социальную реальность, сколько оценивают ее и указывают идеал, к которому она должна стремиться. В этом отношении применение метода идеальной типизации в постмодерне следует признать про-

должением утопической традиции социального познания.

Приоритет идеальной типизации перед другими методами социального познания в постмодернистской парадигме не означает отказа от применения других методов. Так, метод теоретического моделирования используется в постмодернизме, но его применение обладает рядом специфических черт. Важнейшей характерной чертой теоретического моделирования в постмодернизме является то, что оно зависит от идеальной типизации в гораздо большей степени, нежели в других парадигмах социального познания. Можно утверждать, что теоретическое моделирование в постмодерне есть не что иное, как детализация идеальной типизации. Во многом это связано с тем, что идеальный тип в данной парадигме, в отличие от его понимания в метафизике и модерне, не есть нечто простое, напротив, это бесконечно дискретное начало. По этой причине теоретическое моделирование – это не столько создание новых конструкций, сколько расчленение уже имеющихся. Таким образом, теоретическое моделирование оказывается связанным, прежде всего, с анализом, а не с синтезом, а сама теоретическая модель обнаруживается не только вне, но и внутри идеальных типов.

Доказательством конструктивной природы идеальных типов, а также роли анализа в обнаружении их внешних и внутренних связей может служить следующий фрагмент работы Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Что такое философия?». В ней понятие идеальной типизации именуется концептом: «Во-первых, каждый концепт отсылает к другим концептам – но не только в своей истории, но и в становлении и в своих внешних соединениях. В каждом концепте есть составляющие, которые в свою очередь могут быть взяты в качестве концептов... Таким образом, концепты бесконечно множатся и хоть и сотворяются, но из ничего. Во-вторых, для концепта характерно то, что составляющие делаются в нем нераздельными; различные, разнородные и, вместе с тем, неотделимые одна от другой – таков статус составляющих, которым и определяется консистенция концепта, его эндоконсистенция. Дело в том, что каждая отличная от других составляющая частично перекрывается какой-то другой, имеет с ней зону соседства, порог неразличности... Такие зоны, пороги или становления, такая неразделимость характеризует собой внутреннюю консистенцию концепта. Однако он обладает также и экзоконсистенцией – вместе с другими концептами, когда при создании каждого из них между ними приходится строить мосты в пределах одного плана. Эти зоны и пласты служат сочленениями концепта. В-третьих, каждый концепт должен, следовательно, рассматриваться как точка совпадения, сгущения и скопления своих составляющих. Концептуальная точка посто-

янно проходит по составляющим, движется в них вверх и вниз. В этом смысле каждая составляющая есть естественный признак, интенсивная ордината, которая должна пониматься не как общая или частная, а просто как чисто единичное... которое становится частным или общим в зависимости от того, связывают с ним переменные величины или приписывают константную функцию. Но, в противоположность тому, что происходит в науке, в концепте не бывает ни констант, ни переменных, так что невозможно различать ни переменных видов для некоторого постоянного ряда, ни постоянного вида для переделанных индивидов» [2, с. 12–13].

Как следует из приведенной цитаты, Делез и Гваттари противопоставляют теоретические модели философии и науки, первые они называют концептами, вторые – функтивами. Данное противопоставление имеет для социального познания большие последствия, поскольку означает наличие у философии науки несовместимых установок познания: «плана имманенции» и «плана референции», которые исключают возможность создания интегративной модели исследования общества, подразумевающей синтез философского научного знания. Отказ от конструирования синтетических моделей привел постмодернистскую парадигму социального познания к двум важным следствиям.

Во-первых, теоретическое моделирование в области исследования социальных процессов приобрело ярко выраженный концептуальный характер, что повлекло за собой отсутствие серьезных социологических теорий. Впрочем, данное обстоятельство не следует рассматривать как неизменное. Доказательством этому служит формирование постмодернистских школ в ряде общественных наук, в частности, можно указать на школу Локана в психологии. Отсюда можно сделать предположение, что постмодерн представляет собой формирующуюся парадигму социального познания, которая со временем породит так называемые теории среднего уровня, создание которых является главной задачей метода теоретического моделирования. В свою очередь, появление такого рода теорий будет означать наличие интереса у мыслителей постмодернистов не только к концептуальному философскому, но и к функциональному научному мышлению.

Вторым следствием противопоставления концептов и функтивов следует признать низкий уровень формализации, характерный для выводов, делаемых в рамках постмодернистской парадигмы социального познания. Более того, многие из предельно общих закономерностей социальной жизни носят буквально символический характер, то есть они выражены в виде образов, символов и мифологем, которые по степени общности не сопоставимы с математическими предметами. Вместе с тем символический характер метода формализации,

с одной стороны, позволяет предложить конкретные идеалы развития социальной жизни, а с другой – связан с принципиальным отказом постмодерна от использования теории в качестве средств выражения характера действительности в целом и социальной реальности в частности. В связи с этим основная закономерность, охватывающая все выстраиваемые в постмодерне конструкции, заключается в отказе от понятия закона и от понятия субъекта, либо создающего, либо познающего закономерности. Данный, условно говоря, закон деконструкции представляет собой формальную сторону универсального требования философии постмодерна, его содержательная сторона представлена целым рядом образов социального мышления нового типа, преодолевающих противоположность субъекта и объекта. Наиболее яркими примерами такого рода мышления следует признать «философию желания» Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «мышление соблазна» Ж. Бодриера, «мышление интенсивности» Лиотра.

В завершение общего обзора применения теоретических методов в постмодернистской парадигме социального познания необходимо подчер-

кнуть, что, несмотря на все попытки постмодерна преодолеть переходящую от парадигмы к парадигме трехуровневую структуру исследования социальной реальности, он вынужден следовать ей. Невозможность полного преодоления классического и неклассического способов исследования социальной реальности привело к тому, что в различных методологических процедурах постмодернистской парадигмы можно обнаружить следы основных методов теоретического познания.

Библиографический список

1. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 288 с.
3. История теоретической социологии. Социология второй половины XX – начала XXI века: учеб. пособие для вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010. – 526 с.

УДК 1:316

Рудницкая Татьяна Юрьевна

кандидат философских наук

Костромской государственной университет им Н.А. Некрасова

kaf_filosof@ksu.edu.ru

ПРОБЛЕМА СЕМЬИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС

В статье представлен анализ взглядов представителей различных философских направлений относительно семьи, определяется их методологическая и теоретическая значимость как для решения современных проблем семьи, так и в исследовательских целях. Проблемы, связанные с кризисным характером функционирования семьи, не имеют на сегодняшний день позитивного решения. Глубина заинтересованности общества в семье как важном социальном институте актуализирует теоретические изыскания и полагающиеся на них реально-практические меры в сфере проблем современной семьи. Разлом правовых, социально-нравственных, цивилизационных оснований требует углубления рационального осмысления историко-культурных, духовно-нравственных, в том числе религиозных, традиций и ценностей семейного уклада российского народа и историко-философского наследия. Анализ концепций семьи зарубежных и отечественных мыслителей позволяет заключить, что в актуализации нуждаются такие положения, как рождение детей – общественно значимый и важный процесс, санкционируемый государством (Платон); оправдание брака деторождением и инстинктом самосохранения (Аристотель); идея Бэкона, что жена и дети являются своего рода школой человечности; мысль Гегеля о понимании семьи как единственного фундамента естественного повиновения, трактовке брака как нравственной правовой любви. Прагматизм современной жизни требует философской эротизации брака, представленной в концепции Фихте, для которого брак не существует без любви.

Особенно значимыми в контексте современных проблем семьи представляются философские построения В.В. Розанова, В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, которые сходятся во мнении, что семья является основным социальным институтом и нравственной основой общества, где зарождаются и получают развитие все лучшие человеческие начинания.

Ключевые слова: семья, брак, историко-философский дискурс, развод, любовь, социальный институт, общество, воспитание, социальная природа.

Постсоветское общество породило множество теоретических и практических проблем в сфере брачно-семейных отношений, требующих обстоятельного рационального осмысления. Глубина заинтересованности общества в семье как важном социальном институте актуализирует теоретические изыскания и полагающиеся на них реально-практические меры в сфере

проблем современной семьи. Проблемы, связанные с кризисным характером функционирования семьи (низкая рождаемость, социальное сиротство и пр.), не имеют на сегодняшний день позитивного решения. Сложность ситуации упирается также в отсутствие однозначной оценки целесообразности мер по стимулированию рождаемости, по поддержке семьи среди представителей кризисной и модернистской

парадигм исследования семьи. Проблемы требуют углубления рационального осмысления не только правовых, мировоззренческих оснований, социально-психологических моментов, но и, безусловно, социально-философских аспектов. Несмотря на наличие определенных достижений в теоретическом осмыслении и эмпирическом анализе семейных отношений, вопрос «что такое семья?» в современном гуманитарном познании остается дискуссионным.

На наш взгляд, в постсоветском обществе произошёл разлом не только правовых, социально-нравственных оснований, но и цивилизационных. Назрела острая необходимость рационально-философского переосмысления историко-культурных, духовно-нравственных, в том числе религиозных, традиций и ценностей семейного уклада российского народа и историко-философского наследия.

Философский статус понятие «семья» приобретает в работах Платона и Аристотеля. Семья интересовала этих мыслителей, прежде всего, с позиции ее отношения к общему социальному порядку, и преимущественно к государству.

В проекте идеального государственного устройства, изложенном в трактате «Государство», Платон вводит институт брака и жесткий контроль со стороны государства за репродуктивным поведением с целью поддержания демографической стабильности. В «Законах» Платон последовательно продолжает линию государственного контроля в сфере брака и семьи, рассматривая вопросы регламентации брачно-семейных отношений на уровне государственной политики. Единым для его философской концепции остается постулат об определяющей и доминирующей роли государства в формировании брака и семьи и их последующем функционировании [10, с. 236–255].

Аристотель видел в семье исходную ячейку и основу государства. Интересы государства являются истиной и сущностью интересов семьи и общества. Семья представляет собой первую форму общения, возникшую естественным путем «для удовлетворения повседневных надобностей» [1, с. 466]. Необходимость семьи оправдывается у Аристотеля двумя обстоятельствами: стремлением к деторождению и инстинктом самосохранения.

В концепциях Ф. Бэкона, Т. Гоббса, И. Канта формируется понимание семьи, навеянное парадигмами естественного права. В этом лоне семья воспринимается как неотъемлемая компонента естественных прав человека.

Ф. Бэкон в труде «Опыты и наставления нравственные и политические» выражает предпочтительное отношение к безбрачию. Он пишет: «Несомненно, что самые лучшие начинания, принесшие наибольшую пользу обществу, исходили от неженатых и бездетных людей, которые и своими привязанностями, и своим богатством как бы слились с обществом и одарили его» [2, т. 2, с. 365]. Бессе-

мейное существование, следуя мысли Бэкона, дает больше шансов и возможностей для совершения общественно полезных поступков. Аргументом в поддержку безбрачия является также положение о стремлении несемейных оставить после себя свое духовное, а не телесное выражение, поэтому «забота о потомстве сильнее всего у тех, кто не имеет потомства» [2, т. 2, с. 364]. Выбор в пользу бессемейного жизнеустройства Бэкон объясняет стремлением к свободе.

Согласно Бэкону, у семейных людей более выражены такие качества, как мягкость, чуткость, лояльность, так как «жена и дети являются своего рода школой человечности» [2, т. 2, с. 366]. Напротив, люди, предпочитающие семье безбрачие, более жестоки и бесчувственны, потому что к их нежности не так часто вызывают.

Т. Гоббс необходимым условием считает обязательное санкционирование брака государством, предусмотренное гражданским законодательством. Брак, в понимании Гоббса, есть «договор мужчины и женщины о совместной жизни»; его сущность отражена в понятии «законный договор» [6, т. 1, с. 352].

Философские размышления Д. Юма, касающиеся сферы брачно-семейных отношений, концентрируются преимущественно на двух смысловых блоках: форме брака и разводе и его последствиях. Юм интерпретирует понятие брака как соглашение, заключаемое по взаимному согласию сторон и направленное на продолжение рода. Симпатии философа безраздельно находятся на стороне моногамного союза, практикующегося в странах Европы. Жизнеспособность моногамного брака поддерживается благодаря законодательным ограничениям (преимущественно свободы мужчин), отсутствие которых привело бы к многообразию его форм и видов.

Позиция философа, ратующего за ограничение и полное исключение разводов из брачной практики, подкреплена следующими аргументами:

- исторический опыт социальной практики римлян времен правления Августа Октавиана подтверждает взаимосвязь свободы разводов с количеством браков в сторону их уменьшения;

- развод негативно влияет на положение детей, приносит эмоциональные переживания в связи с разрывом отношений родителей и порой необходимость проживания с мачехой или отчимом;

- «затягивание брачного узла» способствует упрочнению дружеских взаимоотношений супругов.

Возможность развода может быть оправдана в качестве регулятора семейных отношений, способного поддерживать баланс в отношениях супругов и сохранять брак. Однако доводы в пользу разводов несоизмеримо ничтожны и несостоятельны в сравнении с доводами против него.

Взгляды И. Канта на брак и семью весьма противоречивы. Модель взаимоотношений в семье

конструируется им на основе двух противоположных тезисов:

- отношения вступающих в брак строятся исходя из принципа равенства;
- мужчина господствует в семье и в обществе в силу его «естественного превосходства».

Рассуждая о целеполагании брака, Кант приходит к выводу, что рождение и последующее воспитание детей не может рассматриваться в качестве его мотива и цели. В противном случае при прекращении репродуктивной возможности брак бы самопроизвольно расторгался. Деторождение есть цель природы. Целевая направленность брака заключается в правовом оформлении половых отношений, продиктованном законом «чистого разума». В соответствии с поставленной целью Кант трактует брак как «соединение двух лиц разного пола ради пожизненного обладания половыми свойствами друг друга» или «половое общение по закону» [8, с. 129], то есть как договор.

Воспитание и забота о детях понимается Кантом как нравственный долг родителей. За усилия в воспитании и материальном обеспечении детей родители вправе рассчитывать на их благодарность, но не могут претендовать на компенсацию средств, затраченных на содержание ребенка. Цели семейного воспитания подчинены целям жизни общества: нравственное обновление и совершенствование общества, поэтому особое внимание родителям необходимо уделять развитию морально-нравственных качеств ребенка.

Исходным пунктом в выстраивании иерархической структуры отношений в семье служит идея «естественного превосходства» способностей мужчины над способностями женщины. Распределение ролей в семье и обществе осуществляется Кантом согласно данному положению. Мужчина «опирается на право более сильного – быть в доме повелителем». Женское предназначение в соответствии с замыслом природы, с высшим замыслом обозначено Кантом как продолжение рода, а также «культура общества и его облагораживание женственностью». Последнее слово в принятии важных семейных решений принадлежит мужчине. «Женщина должна *властвовать*, а мужчина *управлять*; ведь склонность властвует, а рассудок управляет» [7, т. 6, с. 561].

Брак, по Фихте, – нравственный акт. Вступление в брак, с позиции философа, «абсолютное предназначение каждого индивидуума обоих полов». Нравственным основанием брака служит любовь, «самая интимная точка соединения природы и разума, это единственное звено, где природа вторгается в разум, она, стало быть, есть превосходнейшее среди всего природного» [3, с. 33]. Брак не существует без любви, так и любовь является непременным и неотъемлемым атрибутом брака и не существует вне его рамок. Таким образом,

сущность брака отождествляется у Фихте с любовью. В браке реализуется единство природной и нравственной составляющих, осуществляется их синтез; при этом нравственное превалирует над биологическим. Удовлетворение естественного полового влечения подчинено в браке нравственной природе. «В простом понятии любви содержится понятие брака», и далее: «если женщина отдается мужчине из любви, то отсюда с моральной необходимостью возникает брак».

Гегель порывает с традицией рассмотрения вопросов брака и семьи в рамках теории естественного права. Он переносит центр тяжести с естественно-правовых отношений супругов в сферу морали и нравственности. Брак у Гегеля, прежде всего, понятие морально-нравственного порядка. Семья, как воплощение нравственного духа, предшествует индивиду и детерминирует его. На уровне семьи происходит стирание, нивелирование личности. Согласно гегелевской диалектике, «лишь семья как целое составляет личность» [5, т. 2, с. 68], а семейные отношения имеют своей субстанциальной основой скорее отказ от личности. Все цели, действия, поступки, совершаемые членами семьи, мотивированы не личным интересом индивида, а исходят из интересов семьи как целостности, находясь в ее подчинении.

Гегель дает следующее определение семьи: «Семья как *непосредственная субстанциальность* духа имеет своим определением свое *чувствующее* себя единство, *любовь*, так что у монастроение внутри семьи состоит в обладании самосознанием своей индивидуальности в *этом единстве* как в себе и для себя сущей существенности, чтобы являть себя в ней не как лицо для себя, а как *член* этого единства» [4, с. 208]. Семья, по мысли Гегеля, заключается в естественной любви супругов, рождении и воспитании детей, в осознанной любви мужа и жены и в отношении их детей, совместном труде и имуществе. Реализация всех этих сторон семейной жизни в комплексе определяет сущность семьи.

Семья возникает в силу природной обусловленности, инстинктивно, поэтому она представляет собой, по Гегелю, «естественное общество», которое держится на чувстве любви, доверии и естественном повиновении. Брак – предварительное условие возникновения семьи. Объективной предпосылкой брака является готовность сторон к слиянию в субстанциальное единство, к образованию органичной целостности. Нравственная связь коренится в личностном и духовном единстве, достигаемом супругами в браке, в родстве внутренних побуждений и намерений, в целостности внутреннего духовного мира. Идея брака предполагает подчинение чувственной стороны брачного союза высшим духовным целям. Гегель позиционирует брак как «правовую нравственную любовь». В браке естественная половая любовь приобретает «ин-

теллектуальное и нравственное значение». Брак по своему нравственному понятию нерасторжим. Однако в нем реализуются чувственные потенции индивида, вследствие чего браку свойственна неустойчивость. Возможность и необходимость развода Гегель аргументирует неадекватностью объективного содержания брака своему нравственному понятию.

Целостную концепцию, научно раскрывающую сущность семьи как общественно-исторического явления, содержит марксистская философия.

Исследования семьи направляются К. Марксом и Ф. Энгельсом в русло диалектико-материалистического подхода. Материалистическое понимание истории требует подходить к проблеме сущности семьи с точки зрения ее объективной обусловленности изменениями в материальном, экономическом базисе общества. Однако данная парадигма не игнорирует и влияния естественно-биологических факторов и предполагает наличие определенной биологической матрицы. На этом основании возникновение и историческое развитие семьи вызвано взаимодействием естественно-биологических и социальных факторов, при явной доминанте социального начала. Семья, в свою очередь, возникает из потребности воспроизводства человеческого рода, но она имеет социальную природу. На уровне семьи социальное и биологическое тесно взаимосвязаны между собой, но при этом сохраняют свою специфику. Биологическое продолжает существовать «в снятом виде», в социальном, а социальное – в биологическом.

Производство и воспроизводство непосредственной жизни утверждается в рамках материалистического понимания в качестве определяющего момента истории. «Люди имеют свою историю потому, – конкретизирует Маркс, – что они должны производить свою жизнь, и притом определенным образом. Это обусловлено их физической организацией, так же как и их сознание» [9, т. 2, с. 27]. Отношения между полами не являются простым выражением связи между экономической жизнью общества и отношениями, вытекающими из их физической организации.

Социально-экономические отношения воздействуют на семью и на ее репродуктивную функцию опосредованно через правовые, культурные, политические, социально-нравственные ценности. Последние, в свою очередь, выступают по отношению к семье как внешние, так и внутренние регуляторы. Семья как специфическое социальное явление находится в диалектическом единстве и взаимодействии со всеми сферами структуры общества. На этом основании семья есть общественный продукт и ее существование и развитие определяется совокупностью социально-экономических и социокультурных предпосылок. Она формируется под непосредственным влиянием труда, экономической

жизни общества и идеологических отношений. Социальный контекст в совокупности вышеуказанных факторов направляет развитие семьи.

В рамках материалистического подхода были вскрыты объективно историческая закономерность изменений семьи, с одной стороны – их противоречивый, с другой – прогрессивный характер. Согласно марксистской концепции, исторические формы семьи связаны с типами общественного устройства и соответствуют определенной общественно-экономической формации.

В трудах русских революционных демократов В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.А. Добролюбова и Н.Г. Чернышевского проблемы семьи теснейшим образом связаны с утверждением общественной справедливости и социальной эмансипации женщины. Однако семейная проблематика в дореволюционном общественном сознании России преимущественно доминировала в русле религиозной философии. Теоретические основы такого традиционного подхода были заложены в многочисленных трудах В.С. Соловьева, В.В. Розанова, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, И.А. Ильина и других классиков философии Серебряного века.

В семье Розанов видит основной социальный институт и нравственную основу общества, поскольку непосредственно в лоне семьи зарождаются и получают развитие все лучшие человеческие начинания.

Розанов выстраивает модель семьи, центральной идеей которой является синтез духовно-мистического начала с началом физиологическим; специфика семьи заключена в неразрывной совокупности духовных и физиологических аспектов взаимоотношений супругов. Однако нравственная сущность человека позволяет ограничивать физиологическую функцию требованиями социально-нравственного закона, который диктует социальную цель – образование семьи. «Растворение мужчины в женщине и женщины в мужчине, так что первый есть уже *полу-мужчина*, *оканчиваясь* женщиною, и вторая есть *полу-женщина* – *оканчиваясь* мужчиною, и оба – *одно существо* и *общая жизнь*: эта неисповедимая тайна едва ли не миро-держущая (*сочетание* всего в мире) – вот брак!» [11, с. 125].

Суть семьи как выразительницы социальных и родовых интересов, Бердяев видит в социальной организации жизни рода. Единственная цель семьи – продолжение рода.

Вл. Соловьев развивает идеи семьи в контексте социально-нравственных вопросов. Мыслитель полагает, что семью создает творческая сила любви, а «семья есть образующий элемент всякого общества» [12, с. 178].

Религиозная концепция семьи Флоренского актуализирует проблему преемственности поколений и важности генеалогических штудий.

Анализ взглядов представителей различных философских направлений относительно семьи позволяет заключить, что многие положения их концепций обладают методологической и теоретической значимостью как для решения современных проблем семьи, так и в исследовательских целях.

На наш взгляд, в актуализации нуждаются такие положения, как рождение детей – общественно значимый и важный процесс, санкционируемый государством (Платон); оправдание брака деторождением и инстинктом самосохранения (Аристотель); идея Бэкона, что жена и дети являются своего рода школой человечности; мысль Гегеля о понимании семьи как единственного фундамента естественного повиновения, трактовке брака как нравственной правовой любви; максима Канта «Женщина должна *властвовать*, а мужчина *управлять*; ведь склонность властвует, а рассудок управляет» органична современным гендерным стереотипам и нуждается в популяризации. Прагматизм современной жизни требует философской эротизации брака, представленной в концепции Фихте, для которого брак не существует без любви: «В простом понятии любви содержится понятие брака», и далее: «если женщина отдается мужчине из любви, то отсюда с моральной необходимостью возникает брак».

Библиографический список

1. *Аристотель*. Политика // Древнегреческая философия. От Платона до Аристотеля: сочинения. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 1999. – С. 441–682.
2. *Бэкон Ф.* Опыты и наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. / сост., общ. ред. и вст. ст. А.Л. Субботина. – М.: Мысль, 1972. – Т. 2 – 582 с.
3. *Бэттлер Алекс.* О любви, семье и государстве: философско-социологический очерк. – М.: КомКнига, 2006. – 168 с.
4. Гегель. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц. – М.: Мысль, 1990. – 521 с.
5. *Гегель*. Философская пропедевтика // Гегель. Работы разных лет: в 2 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 2. – С. 7–209.
6. *Гоббс Т.* Основы философии // Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. – М.: Мысль, 1964. – Т. 1. – С. 43–409.
7. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения: в 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 349–588.
8. *Кант И.* Метафизика нравов: в 2 ч. / пер. с нем., примеч. С.Я. Шейнман-Топштейн и Ц.Г. Арзаканьяна; вступ. ст. М.М. Филиппова; примеч. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мир книги, Литература, 2007. – 400 с.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 9 т. – М., 1985. – Т. 2. – С. 5–508.
10. *Платон*. Государство // Древнегреческая философия. От Платона до Аристотеля: сочинения. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 1999. – С. 91–438.
11. *Розанов В.В.* В мире неясного и нерешенного. – М.: Республика, 1995. – 462 с.
12. *Соловьев В.С.* Смысл любви: избранные произведения / сост., вступ. ст., коммент. Н.И. Цимбаева. – М.: Современник, 1991. – 525 с.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА О СВЯТОСТИ ТРУДА ПИСАТЕЛЯ

В статье раскрывается органическая связь русской классической литературы XIX века с древнерусской словесностью и духовными устоями Православия. Русская письменность в течение семи столетий была религиозной. Душой древнерусской словесности был церковнославянский язык. В середине IX в. солунские братья Кирилл (Константин) и Мефодий изобрели славянскую азбуку. Они создали её специально для перевода с греческого языка боговдохновенных текстов. Обретение письменности явилось для нас событием священным, и отношение к письменному слову на Руси имело религиозный характер. Литература «светская» или «новая» появилась у нас гораздо позднее, чем в Западной Европе, но наша классика сохранила веру в божественную природу слова. Русские люди и в XIX веке придавали литературному творчеству сакральный смысл. Поэт осознал себя в роли носителя высшей истины. Его поэтическое слово получало ценность Слова, дарованного свыше, осенённого Божественным авторитетом. Начиная с петровских реформ, на личность писателя выпала особая духовная нагрузка, поскольку эти реформы расширяли устои Православной церкви. В этих условиях русские люди в качестве духовных авторитетов выбрали своих писателей. Как древнерусский книжник, русский писатель считал себя проводником благодатной истины. Вдохновение приводило его в священный трепет. Он видел в поэзии не «самовыражение», а «служение», накладывающее на поэта высокие духовно-нравственные обязательства.

Ключевые слова: словесность и литература, древнерусский книжник и русский писатель-классик, поэтическое слово, дар созерцания.

«Наша литература – наша гордость, лучшее, что создано нами как нацией, – говорил А.М. Горький. – В ней – вся наша философия, в ней запечатлены великие порывы духа; в этом дивном, сказочно быстро построенном храме по сей день ярко горят умы великой красоты и силы, сердца святой чистоты...» [2, с. 64]. Русскую классическую литературу XIX века Томас Манн устами своего автобиографического героя Тонио Крегера назвал *Святой*.

Далеко не случайно, что мировое культурное признание Россия получила как страна великих писателей-реалистов, в отличие от Франции – страны классической политической культуры, Германии – страны немецкой классической философии и Англии – страны классической политэкономии. Художественная одарённость русского народа органически связана с коренными особенностями его православно-христианского мирозерцания. Православный человек искренне верует в бессмертие души и в земной жизни видит лишь пролог к жизни вечной. Потому он не прельщается материальной плотью мира, мирскими ценностями и благами. Православная вера позволяет ему смотреть на жизнь бескорыстно и благоговейно. Она воспитывает в нём *дар созерцания*, являющийся основой эстетического восприятия.

Русская письменность в течение семи столетий была религиозной. Литература «светская» или «новая» появилась у нас гораздо позднее, чем в Западной Европе. Семь веков на Руси утверждала себя словесность. Именно словесность, потому что в литературе ценится изобретательность, умелое владение автором художественными приёмами, игра воображения. Русская словесность такой литературности осознанно чуждалась.

Произведения литературы с вымышленными сюжетами и персонажами существовали тогда в средневековой Европе (например, рыцарские романы) и в Византии (например, романы любовные). Но в русской словесности таких произведений не было. Вплоть до XVII столетия древнерусская письменность не знала ни вымышленных героев, ни любовных романов, ни утончённой лирики, подобной западноевропейским миннезингерам и трубадурам.

Древнерусская книжность была иной. Эстетическая функция в ней не стала самостоятельной. Она подчинялась целям воспитательным, просветительским.

Почему же «игры» воображения древнерусский книжник считал кошуном?

Душой древнерусской словесности был церковнославянский язык. В середине IX в. солунские братья Кирилл (Константин) и Мефодий изобрели славянскую азбуку. Они создали её специально для перевода с греческого языка боговдохновенных текстов. Обретение письменности явилось для нас событием священным.

В широко известном на Руси болгарском «Сказании о письменах» Черноризца Храбра говорилось: «Вот если спросить книжечеев греческих так: кто вам письма сотворил или книги перевёл, или в какое время, – то редкие из них знают. Если же спросить славянских грамотеев так: кто вам письма сотворил или книги перевёл, то все знают и, отвечая, говорят: святой Константин Философ, нареченный Кириллом – он нам письма сотворил и книги перевёл, и Мефодий, брат его» [14].

Древнерусские люди считали церковнославянский язык носителем божественных истин. Книжность, письменность и даже сама азбука были для

них священны. Русские люди высоко оценивали свой письменный язык в сравнении, например, с католической латынью. Ведь латынь в Западной Европе была не только богослужебным языком, но ещё и языком римской языческой литературы. На латинском языке в Средневековье создавались как церковные памятники, так и светские сочинения. То же самое совершалось на греческом языке. Церковнославянский язык был иным. Письменность православных славян на протяжении столетий имела строго религиозный характер.

К созданию произведения древнерусский книжник относился иначе, чем литератор. Он не считал себя творцом. Он стремился быть «инструментом» в руках Бога и писать не по своему произволению, а по Божьей благодати. Нестор-летописец прямо говорит о себе, что он «груб и неразумен». Епифаний Премудрый, создавая житие преподобного Сергия, молится, чтобы Бог вразумил и помиловал его, «неучёного и неразумного». Творчество воспринималось в древней Руси не как «самовыражение», а как Божественный акт.

Истинный Творец, полагал древнерусский книжник, не я, а Бог, создавший небо и землю, подаривший мне Слово. Это Слово священно. Самоуправное обращение с ним – это кощунство, это преступление против Создателя. Древнерусский писатель относился к своему делу очень ответственно. Он долго очищал душу постом и молитвой, прежде чем взять в руки перо. Только внутренне чистый человек мог быть достойным проводником Божественной благодати. Поэтому многие известные нам древнерусские писатели за свою праведную жизнь удостоены святости.

В XVII веке наступают перемены. Наша литература принимает светский характер. Если раньше писательский труд был привилегией духовенства, то теперь литературой стали заниматься миряне. Казалось бы, создание светской литературы должно было лишить писательский труд в России религиозного ореола. Однако этого не произошло. Н.А. Бердяев замечал: «...В русской литературе, у великих писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира... Соединение муки о Боге с мукой о человеке делает русскую литературу христианской, даже тогда, когда в сознании своем русские писатели отступали от христианской веры» [1].

Русские читатели резкой гранью отделили литературное творчество от остальных искусств. Поэт по-прежнему выступал для них в роли носителя высшей истины. А его поэтическое слово по-прежнему получало ценность Слова, дарованного свыше, освящённого Божественным авторитетом. Русские люди были глубоко убеждены, что право говорить от лица Истины даётся тяжёлым трудом. Оно завоевывается самопожертвованием, аскетическим подвигом. Рылеев в думе «Державин» писал:

О так! нет выше ничего
Предназначения Поэта;
Святая правда – долг его;
Предмет – полезным быть для света,
Служитель избранный Творца,
Не должен быть ничем он связан;
Святой, высокий сан Певца
Он делом оправдать обязан [9, с. 172].

Творчество поэтов по-прежнему оценивалось на Руси необычайно высоко. Поэзия воспринималась как «язык богов». Сохранялось требовательное отношение к личности поэта. На Западе, например, никому не приходило в голову ставить под сомнение ценность педагогических сочинений Руссо, хотя все знали, что их автор отдавал своих детей в воспитательные дома. В России такое было невозможно. Оставался неизменным принцип: «живи, как пишешь, и пиши, как живёшь». Русский драматург и писатель Н.А. Чаев в своём романе «Подспудные силы» утверждал: «Велика и тяжка ответственность писателя в земле, где верят в богатырскую мощь слова, где стар и млад нетерпеливо ждут его от поэта, точно в канун Великого дня народ ждёт благовеста» [13, с. 261–262].

Авторитет новой русской литературы в XVIII–XIX вв. не только не уменьшился, но даже возрос. Начиная с петровских реформ, на личность писателя выпала особая духовная нагрузка. Это было связано с тем, что реформы расшатали устои Православной церкви. Пётр упразднил патриарха, учредил Синод и назначил себя главою Церкви. Лишённая своего владыки, униженная Церковь была вынуждена признать, что место патриарха в ней занял монарх. Впервые в нашей истории ему были воздвигнуты памятники. Над Петербургом вознёсся не Бог, а «кумир на бронзовом коне». Кумир!

Но тут же возникла неразрешимая проблема, связанная с тем, что русский народ не признал царя святым, а заодно усомнился и в авторитете церкви. Митрополит Вениамин (Федченков) в книге «На рубеже двух эпох» замечал: «...Влияние Церкви на народные массы всё слабело и слабело, авторитет духовенства падал. Вера становилась лишь долгом и традицией, молитва – холодным обрядом по привычке. Огня не было в нас и в окружающих... Один святой архиерей, епископ Иннокентий говорил мне: “Вот жалуются, что народ не слушает наших проповедей и уходит из храма, не дожидаясь конца службы. Да ведь чего слушать-то? Мы питаем его манной кашей, а люди хотят уже взрослой твердой пищи”» [5].

И вот в качестве духовных авторитетов русские люди выбрали своих писателей. «Поэт (независимо от того, пишет он стихами или прозой) – вечная русская проблема. Нигде так не мучают поэтов при жизни и так не чтят после смерти, как в России. Мы прибегаем к ним с сегодняшними заботами, упоая на помощь Пушкина и Гоголя, Достоевского и Толстого – людей, которые давно скончались и у кото-

рых была другая жизнь и другой опыт. Ясно, что мы числим их не по разряду истории, но по разряду вечности... На рациональном Западе – и католическом, и протестантском – сейчас дела обстоят иначе. При всём уважении к Руссо, Шекспиру, Гёте французы, англичане, немцы не станут отягощать их насущными своими вопросами» [6, с. 303].

Русская литература Нового времени сполна унаследовала коренные традиции древнерусской письменности. Наша классика сохранила веру в божественную силу слова. Пушкин видел в русской литературе предназначение, унаследованное ею от допетровской словесности, – быть Словом, объединяющим в себе художественный образ и дар пророчества. Он не кичился своим талантом, не считал его личным достоинством и заслугой. По отношению к нему Пушкин, как слабый человек, испытывал благоговение:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружён;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает холодный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь Божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орёл [8, с. 22].

Как древнерусский книжник, Пушкин считал себя лишь проводником благодатной истины. Вдохновение приводило его в священный трепет. Он видел в поэзии не «самовыражение», а «служение», накладывающее на поэта высокие нравственные обязательства. Пушкин и здесь был сыном русского народа, искони считавшего стыдливость и смиренномудрие лучшими добродетелями человека, а гордыню – самым тяжким, смертным грехом.

В одном из писем к Жуковскому Гоголь говорит, что в процессе творчества он прислушивается к высшему зову, требующему от него безусловного повиновения и дающему благодать вдохновения: «Кто-то Незримый пишет передо мною могущественным жезлом» [7, с. 158]. Вслед за Пушкиным Гоголь видел в писательском призвании Божественный дар.

Русский писатель не идеализирует человека, зная, что его природа помрачена грехом. Он утверждает, что мерою всех вещей является не человек, а идеал человека – образ Божий. Реализм в России свободен от соблазна обожествления человека, свойственного западноевропейскому Ренессансу, от искушения – «и будем, как боги». Начиная с Пушкина, наша литература утверждает не светский гуманизм обожествившего себя человека, а гуманизм христианский, основанный на сознании, что образ человека держится силою более высокой, чем он сам.

Христианский гуманизм определяет также и взгляд русского писателя на окружающий мир.

«...Судите наш народ не потому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать, – говорит Достоевский. – А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили её навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и всё это в самом привлекательном гармоническом соединении. А если притом и так много грязи, то русский человек и тоскует от неё всего более сам, и верит, что всё это – лишь наносное и временное, наваждение дьявольское, что кончится тьма и что непременно воссияет когда-нибудь вечный свет» [3, с. 43].

Главному герою своего романа «Господа Головлёвы» М.Е. Салтыков-Щедрин неспроста даёт кличку Иудушка, вызывающую прямые ассоциации с Иудой Искаротом, предавшим Иисуса Христа за тридцать сребренников. Он получает такую кличку за постоянное надругательство над словом. Салтыков-Щедрин верит в божественную природу и божественную силу человеческого слова: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» [Иоанн, гл. 1, ст. 1–5].

Весь колорит романа «Господа Головлёвы» окрашен в серые, пасмурные тона, и по мере движения сюжета к финалу сумерки в нём сгущаются, а действие прерывается в метельную мартовскую ночь. Этот тёмный фон – отражение главной художественной мысли писателя: образ жизни господ Головлёвых – надругательство над светоносной, духовной природой Слова.

Атмосфера всеобщей лжи особенно тяжело переживалась сатириком: «Когда утрачивается вера в животворящие свойства слова, то можно с уверенностью сказать, что и значение этого слова умалено до металла звенящего. И кажется, что именно до этого мы и дошли» [10, с. 535]. Лживое обращение человека со словом Салтыков-Щедрин приравнивал к богохульству.

А.К. Толстой считал, что обыденное сознание, согласно которому сначала создаётся вещь, а потом ей даётся название, совершает ошибку. Точно так же нам кажется, что солнце вращается вокруг земли. В Божьем творчестве – обратный порядок. В сотворении мира Слово опережает вещь. Слово вызывает её к жизни. В Слове заключена духовная основа вещи. В земном мире, помрачённом грехопадением людей, исказился Божий замысел о мире. Божественные основы в человеке и в природе потускнели. Духовная любовь пробуждает стремление вернуться к Божьему замыслу, к тому, что «всё, рождённое от Слова, / Лучи любви кругом лия, / К Нему вернуться жаждет снова» [11, с. 86].

К искусству Слова А.К. Толстой относится со священным трепетом. Истинные поэты не отражают, а преображают мир. Это преображение осуществляется не по их субъективному замыслу или капризу, а по воле Того, Кто пробуждает в них творческий дар. Источником творчества, по Толстому, является мир «предвечных Слов-образов», существующих вне земной сферы. Художественно одарённый человек проникает «В то сокровенное горнило, / Где первообразы кипят, / Трепещут творческие силы!» [11, т. 1, с. 515]. Искусство – посредник между миром земным и миром небесным. Поэт ловит отблеск вечного и бесконечного в преходящих формах земного бытия. Он не сочиняет произведение по своему произволу. Напротив, в минуту поэтического вдохновения его духовному зрению открывается тайна божественной гармонии:

Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!

Вечно носились они над землёю, незримые оку
[11, т. 1, с. 128].

Новая русская литература никогда не теряла свою духовную связь с литературой Древней Руси. Создавая свой литературный язык, она прививала ему церковнославянскую первооснову. Высокий дух нашего литературного языка прямо связан с языком богослужебных книг и православной литургии. Ведь с момента принятия Православия на Руси при святом Владимире и вплоть до наших дней церковная служба у нас ведётся не на мёртвой латыни, а на особом, но сравнительно доступном русскому человеку языке Священного писания и святоотеческого Предания. Православной оказалась высокая ценностная шкала нашего литературного языка, по отношению к которой выстраиваются в нём все другие слова и стоящие за ними понятия.

В смутные для России времена после первоапрельской катастрофы 1881 года, когда народовольцы убили Александра II, Тургенев создаёт стихотворение в прозе «Русский язык»: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» [12, с. 198].

Горькое сознание глубочайшего национального кризиса, переживаемого тогда Россией, не лишило Тургенева надежды и веры. Эту веру и надежду давал ему наш язык. Сомневающимся в будущем России маловерам Тургенев настойчиво повторял: «И я бы, может быть, сомневался в них <...> – но язык? Куда денут скептики наш гибкий, чарующий, волшебный язык? Поверьте, господа, народ, у которого такой язык, – народ великий» [12, С., т. 13, с. 670].

Судьбы народа не определяются только сиюминутными состояниями его жизни, которые порой повергают в уныние и растерянность. Судьбу на-

рода во многом определяет дух языка, на котором он говорит и в котором скрыта энергия многовековой исторической памяти. Раскрывая образ Святой Руси, воплотившийся в творчестве русских писателей XIX века, И.А. Ильин писал: «Русь именуется “святою” и не потому, что в ней “нет” греха и порока; или что в ней “все” люди – святые... Нет.

Но потому, что в ней живёт глубокая, никогда не истощающаяся, а по греховности людской и не утоляющаяся *жажда праведности*, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней, художественно отождествиться с ней, стать хотя бы слабым отблеском её... – и для этого оставить земное и обыденное, царство заботы и мелочей, и уйти в богомолье.

А в этой жажде праведности человек прав и свят» [4, с. 135].

Библиографический список

1. Бердяев Николай. О характере русской религиозной мысли XIX века. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://knigo.com/p/philos/berdyaev/berdn025.htm>.
2. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. – Т. 24. – М.: Художественная литература, 1953. – 575 с.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Т. 22. – Л.: Наука, 1981. – 408 с.
4. Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. – Т. 6, кн. 2. – М.: Русская книга, 1996. – 672 с.
5. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.golden-ship.ru/load/v/veniamin_fedchenkov/na_rubezhe_dvukh_ehpokh_veniamin_fedchenkov/285-1-0-1120.
6. Панченко А.М. О русской истории и культуре. – СПб.: Азбука, 2000. – 494 с.
7. Переписка Н.В. Гоголя: в 2 т. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1988. – 480 с.
8. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. – Т. 3. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 558 с.
9. Рылеев К.Ф. Полн. собр. стихотворений. Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд. – Л.: Советский писатель, 1971. – 480 с.
10. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. – Т. 13. – М.: Художественная литература, 1972. – 814 с.
11. Толстой А.К. Собр. соч.: в 4 т. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1963. – 800 с.
12. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. – Соч. – Т. 13. – М.; Л.: Наука, 1967. – 736 с. – Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием серии (Письма – П., сочинения – С.), тома и страницы.
13. Чаев Н.А. Подспудные силы. Роман в двух частях. – М.: Университетская типография Катков и Ко, 1870. – 512 с.
14. Черноризец Храбр. О письменах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_529.htm.

КОНСТРУКТИВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОБРАЗЕ ТАТЬЯНЫ ЛАРИНОЙ

В статье анализируются некоторые аспекты художественного мира романа в стихах «Евгений Онегин», недостаточно освещенные в пушкиноведении. Раскрывается конструктивное значение ряда предусмотренных автором противоречий и смысловых пробелов, активизирующих читательские размышления о судьбах героев и о русской действительности в целом. Указываются сложившиеся в пушкиноведении подходы к анализу образа Татьяны Лариной, в том числе объясняющие выбор автором имени героини. Дополняется представление о литературном контексте, важном для осмысления образа Татьяны Лариной. В сферу анализа предлагается включить сентиментальную повесть В.В. Измайлова «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор». Показана связь этого произведения с литературой сентиментализма и, в частности, с повестью Н.М. Карамзина «Бедная Лиза». Раскрыты переклички мотивов повести В.В. Измайлова с отдельными мотивами творчества А.С. Пушкина, обусловившие вероятный интерес Пушкина к сюжету и персонажам данного произведения. Кроме того, ставится вопрос о недостаточном внимании исследователей к историко-бытовым и психологическим аспектам некоторых сюжетных коллизий романа, что обедняет характеристику персонажей. Предлагается при изучении системы образов романа учитывать не только литературные ассоциации, но и детали семейной истории Лариных, социально-психологические мотивы, определившие выбор имени главной героини её родными. Часть статьи посвящена анализу образа Прасковьи Лариной. На основе черновых редакций и вариантов текста 2 и 3 глав романа раскрывается значение деталей, характеризующих мать Татьяны, показано важное место истории Прасковьи Лариной в художественном мире пушкинского романа.

Ключевые слова: творчество А.С. Пушкина, поэтика романа «Евгений Онегин», образ Татьяны Лариной.

Необычность, загадочность воспринимаются как неотъемлемые свойства образа Татьяны Лариной. Они обусловлены пушкинским замыслом, в том числе необходимостью в начале романа создать романтический облик героини, противопоставив её «странность» классической ясности излюбленных героинь прежних авторов. Но даже после исповедального монолога Татьяны в финале романа противоречивость её образа в восприятии читателя не сглаживается, полной ясности в представлении о Татьяне мы не обретаем. Об этом свидетельствуют, в частности, разноречивые толкования её мотивов и чувств, причин её поступков в критике и литературоведении. «Пушкин как бы подчеркивает неоднозначность, “разномерность” современного русского типа – и его представление об идеале наполняется конструктивными противоречиями, которые и оттеняют, и одновременно отрицают уже сложившуюся “русскую традицию” русской литературы» [4, с. 40]. Противоречивость облика героини – одно из проявлений художественной специфики романа в целом.

Некоторые противоречия в облике Татьяны автором подчеркнуты и обыграны. Например, незнание русского языка, любовь к иностранным романам – и русская душа Татьяны. Этот парадокс, привлекая внимание повествователя, заставляет и читателя задуматься о том, мешает ли пристрастие к иноземным книгам и чужому языку формированию национального сознания. «Странность» эта призвана охарактеризовать парадоксальную ситуацию в русском обществе, а не только индивидуальность Татьяны как таковой.

Многие противоречия создаются в результате смысловых пропусков, умолчаний, допущенных

автором в рассказе о герое. Наличие умолчаний и их конструктивное значение определяется в ходе контекстного анализа, при работе с черновыми вариантами романа или при обращении к дополнительным материалам. Как в случае с противоречием явным, на которое автор нарочно «наткнул палец» (русскость не владеющей русским языком Татьяны), так и во всех иных случаях осознание или переживание противоречия оказывается важнейшим стимулом для осмысления самой действительности, русской жизни, предъявленной в романе энциклопедически широко и художественно масштабно.

Одна из первых «странностей», подмечаемых повествователем в образе главной героини, – противоречие между одухотворенно романтическим обликом и простонародным именем. Автор в романе умалчивает о том, почему и при каких обстоятельствах девочка из дворянской семьи получила такое имя, увлекаясь рассуждениями о достоинствах разных имен. «Упоминание Татьяны сопровождается рассуждением о ее “приятном, звучном” имени (VI, 42) – и только», – замечает В.А. Кошелев [3, с. 96]. Возникает впечатление определенного произвола, нарочитости в решении повествователя, словно вознамерившегося напомнить о вымышленном характере рассказа, о своей власти над героями. Однако выбор родителями простонародного имени для дочери – факт реальной биографии вымышленной героини, нуждающийся в мотивировке житейской, а не только литературной.

В комментариях исследователей романа этот вопрос также обычно подменяется вопросом о выборе имени *автором*. Так, Ю.М. Лотман, опираясь на исследование В.А. Никонова, подкрепляет ста-

тистическими данными заявление автора о том, что с этим именем неразлучно «воспоминание старины или девичьей». Кроме того, он определяет причины литературного характера, обусловившие выбор имени героини: «Следует, однако, учитывать, что, кроме бытовых закономерностей в распределении имен, имелись и специфически литературные, поскольку в литературе начала XIX в. имена подчинялись стилистическим закономерностям. <...> Имя Татьяна литературной традиции не имело» [6, с. 197–198]. Более справедливая оценка литературного ореола имени дана Н.Л. Бродским: «С именем Татьяны у Пушкина связывалось “воспоминание старины”: одна из московских барынь старого поколения – Татьяна Юрьевна в “Торе от ума”, другая – в романе А.Е. Измайлова “Евгений, или Пагубные следствия дурного сообщества и воспитания” (1799–1801) – подтверждают это наблюдение» [1, с. 160]. В.В. Набоков вовсе не уделяет большого внимания «странности» имени героини, бегло отметив в своем комментарии, что «во времена Пушкина имя Татьяна считалось простонародным» [7, с. 258].

Соглашаясь с необходимостью и ценностью такого подхода, отметим еще один литературный источник, возможно дополняющий смысловой «шлейф» этого имени.

Сентиментальная повесть В.В. Измайлова «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор», опубликованная в 1804 году в журнале «Патриот», также связывает это имя с крестьянской средой. Но здесь оно дано в современном контексте и овеяно чувствительным очарованием: «...Не лицо, цветущее молодостью и красотой, не темно-русые волосы, развеваемые тихим зефиром, не стройный легкий стан грации могли пленить в ней взоры и сердце чувствительного человека, но сладкий образ невинности, напечатленный во всех чертах её...» – так описывает автор юную крестьянку, героиню повести [5, с. 205].

Несмотря на манерность и эпигонский характер произведения, написанного по мотивам «Бедной Лизы» Карамзина, повесть В.В. Измайлова интересна своей полемичностью по отношению к образу. Доверчивость крестьянки Татьяны, которая, в отличие от Лизы, согласилась принять деньги от очарованного ею барина и подверглась осуждению своих односельчан, не приводит, тем не менее, к трагедии. Колебания дворянина Мельтона между влечением к хорошенькой крестьянке и желанием поступить достойно разрешаются благородным поступком: преодолевая свою душевную слабость, Мельтон выкупает из рекрутчины жениха Татьяны и устраивает их венчание.

Не стоит, конечно, преувеличивать место повести в онегинском литературном контексте: прямых доказательств внимания Пушкина к этому произведению нет. Но заметим, что В.В. Измайлов,

фактически являвшийся первым издателем Пушкина, был поэту не безразличен. Явная полемичность повести Измайлова по отношению к сюжету Карамзина, подчеркнутая и названием: «Бедная Лиза» – «Прекрасная Татьяна», и оптимистичным финалом, могла заинтересовать Пушкина. Нельзя не отметить также, что в повести затронута психологическая коллизия, привлекавшая внимание Пушкина. Поэт неоднократно возвращался к вопросу, в чем по-настоящему проявляется чистота и невинность женщины: в избыточной осторожности или в опрометчивости, основанной на простодушии и искренности?

«Coquette, prude. Слово кокетка обрусело, но prude не переведено и не вошло еще в употребление. Слово это означает женщину, чрезмерно щекотливую в своих понятиях о чести (женской) – недотрогу. Таковое свойство предполагает нечистоту воображения, отвратительную в женщине, особенно молодой. Пожилей женщине позволено многое знать и многого опасаться, но невинность есть лучшее украшение молодости. Во всяком случае прудство или смешно или несносно», – такая заметка находится среди «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» [9, с. 43]. Подобные размышления звучат и в письмах поэта.

Согласно пушкинской логике, поведение крестьянки Татьяны, доверчиво принявшей помощь доброго человека, лучше характеризует её, чем предусмотрительность Лизы, – слишком искусственная для молодой неискушенной девушки.

Учитывая повесть Измайлова в литературном контексте пушкинской эпохи, мы вновь убеждаемся, что поведение Татьяны воспринимается на фоне целого ряда книжных образов, в том числе противопоставленных друг другу, что делает предельно зыбкими горизонты читательских ожиданий. Сравнение с Лизой предвещает трагическое развитие любовной коллизии, сближение с измайловской Татьяной – торжество добродетели. Реальность романа оказывается сложнее и того и другого. Так и «обыденная» порядочность Онегина, который «очень мило поступил» с печальной Таней, противопоставлена не только распутству его литературных предшественников (Эраста, Евгения из романа А.Е. Измайлова), но и вычурному благородству Мельтона.

И все-таки учет даже самого широкого круга литературных ассоциаций, поясняющих авторский выбор, никак не помогает понять, почему так назвали Татьяну родители. Между тем варианты ответа на этот вопрос позволяют углубить характеристики некоторых персонажей романа, осмыслить во всей полноте брошенные автором намеки.

Поиск «житейского» обоснования выбора имени Татьяны приводит нас к размышлениям о семействе Лариных, прежде всего о матери героини, «самодержавно управлявшей» супругом и, очевид-

но, во всех вопросах имевшей решающий голос. Разумеется, важна была православная традиция. Но она не диктовала строго определенный выбор имени. 25 января – день церковного почитания не только Татьяны, но и Евпраксии. В ближайшие дни почитаются святые Елизавета, Анна, Анастасия, Аполлинария, Агния, Елена, Зина, и Нина. Почему мать наделила дочь именем, не соответствующим обычаям дворянской среды и явно противоречащим её собственным эстетическим идеалам и пристрастиям? Еще недавно Ларина «звала Полиною Прасковью». Значит, не ощущать стилистики имен она не может. И авторская ссылка на общую для всех «безвкусицу» здесь неосновательна. Чем же объяснить её странный выбор? Пушкинское умолчание создает почву для целого ряда вполне вероятных истолкований, каждое из которых по-своему оттеняет образ главной героини.

Не исключено, что имя дано нежеланному ребенку, рожденному от нелюбимого человека, дано не то чтобы назло, но с очевидным безразличием. Тогда этот выбор – знак отчуждения. В нем загадка одиночества Татьяны, её замкнутости и молчаливости. «Так нелюбимое дитя в семье родной к себе меня влечёт», – признавался поэт. И отчасти этот мотив используется в романе. Однако полного развития он не получает. Татьяна отнюдь не изгой в собственной семье. Если она и была некогда нелюбимым ребенком, – впечатления эти остались в самом раннем детстве героини, возможно предопределив ряд особенностей её характера. Но в пору её взрослости в глубокое прошлое погрузилась семейная драма родителей, нарисованная поэтом в немногих и почти небрежных строках.

...Рвалась и плакала сначала,
С супругом чуть не развелась;
Потом хозяйством занялась,
Привыкла, и довольна стала [8, с. 45].

В четыре строчки Пушкин уместил душевный процесс, который в действительности мог занимать месяцы и годы. Легкость пушкинского слова сбивает нас с толку, не дает погрузиться в драматические обстоятельства, обрекшие некогда Ларину-старшую на брак без любви, на разрыв с прежней сферой интересов и привязанностей – московским кругом родни, в который, как видно из текста седьмой главы, она не возвращалась до момента взрослости дочерей. Пушкин не уточняет, как долго длился этот переход, и лишь косвенно позволяет судить о том, как влияли перемены в семейном укладе Лариных на характеры и судьбы их дочерей. Между тем наречение старшей дочери Татьяной связано именно с этим переходом, с этим житейским превращением. Выбор «старинного» имени может означать смирение Лариной-старшей с новым укладом, её превращение в Прасковью и готовность принять простонародный уклад сельской помещицкой жизни. Но, учитывая тот ореол имени, который устанавливает повесть Из-

майлова, выбор может символизировать и прямо противоположное: приверженность Лариной прежним сентиментальным идеалам, утверждение тайной связи с покинутым миром чувствительных литературных персонажей (В.В. Набоков утверждает: «Татьяна, старшая дочь Прасковьи Лариной, родилась в 1803 году» [7, с. 265]. Ю.М. Лотман вероятным годом рождения Татьяны также считает 1803 [6, с. 19]. Однозначно определить дату нельзя, но, несомненно, время замужества Прасковьи Лариной и появления на свет её старшей дочери близко к тем годам, когда на пике популярности находится сентиментальная литература, включая повесть В.В. Измайлова о прекрасной Татьяне). Парадоксальным образом имя Татьяна, простонародное, оказывается и более литературно насыщенным. Как показывает В.А. Кошелев, бытовая Татьяна легко превращалась в поэтическую Темиру, как Прасковья в Полину [2, с. 154–162]. Это имя задавало своей обладательнице такой диапазон жизненных проявлений, такую амплитуду характеристик, которой не предполагали более «гармоничные», не допускавшие «превращений» имена Ольги, Софии, Анны: от поэтической натуры до вздорной старухи. Можно допустить и то, что девочку назвали в честь крестной матери, тогда легко представить, что её покровительницей могла быть одна из тех высокопоставленных московских барынь, о которых речь идет у Грибоедова. Это подчеркивает близость матери Татьяны с кругом родовитого московского дворянства, стремление Лариной укрепить на будущее связь с чиновной и знатной родней.

Наброски романа содержат ряд эпизодов для более подробной характеристики Прасковьи Лариной, позволяющих получить более объемное представление об этой героине. «...Полина Ларина, если судить по титулу её незамужней московской кузины – более нам ничего не известно, – могла бы быть урожденной княжной Щербатской, двоюродной бабушкой по отцовской линии Долли Облонской Толстого», – отмечал В.В. Набоков [7, с. 270]. В черновиках II главы просматривается образ московской барышни, не провинциальной родственницы княжны Алины (как заставляет нас думать чистовик), а равной ей модной красавицы: «Она блистала / В толпе красавиц тех времен» [8, с. 293].

...Она любила перед балом
Затверживать мудреный па
Отца звала всегда рара
Умела щелкать опухалом
И Грандисона своего
Любила более всего [8, с. 570].

Этот набросок, безусловно, сближает мать Татьяны с героинями популярных комедий, таких как «Урок дочкам» И.А. Крылова, однако едва ли его можно считать остро сатирическим. Для конца XVIII – начала XIX веков, времени юности Прасковьи Лариной, европейские манеры, светскость,

увлечение Ричардсоном и его героями – не одно только проявление смешной галломании, но и знак причастности к образованию и культуре, и, что еще важнее, – знак стремления к новым отношениям, новым ценностям, отраженным в литературе сентиментализма.

Пушкин выдерживает сложную меру, позволяющую образу Лариной балансировать на грани комического и идиллического, на грани читательской симпатии и насмешки. Мать Татьяны предстает как «милая старушка» и в то же время как женщина с характером; нрав её не назовешь мягким. Несомненно, автором отмечена энергия, самостоятельность, активность Лариной (подобные качества восхищали Пушкина в соседке Прасковье Александровне Осиповой). Отзыв Онегина: «...Ларина проста, / Но очень милая старушка», – заставляет предположить в ней, в сравнении с нарочито осмеянным кругом сельских соседей, определенное превосходство ума и манер, небрежно отмеченное Онегиным. Вопреки старательно созданному автором впечатлению о том, что Татьяна «странная», «чужая» в своей семье, отзыв Онегина делает «третьей лишней» именно Ольгу, ведь она получает отрицательную оценку, в то время как Татьяна и её мать оцениваются положительно. Их объединяет подлинность внутренней жизни, самобытность, очевидная Онегину. Стремлением к свободе чувств, к свободе выбора и жизненного самоосуществления в юности была слегка отмечена мать Татьяны. Этим будет отмечена её старшая дочь – в новых условиях и в большей, усиленной степени. Мать только наслышана о героях Ричардсона – дочь читает и перечитывает его книги. Имя Грандисона, как эстафетная палочка, передано от Лариной её старшей дочери. Возвышенная тоска

по идеальному герою соединяют мать и дочь так же, как соединяют их простонародные имена: Прасковья, Татьяна. Внешняя чужеродность романтической барышни в своей семье на поверку скрывает теснейшую связь поколений и судеб.

Библиографический список

1. Бродский Н.Л. «Евгений Онегин». Роман А.С. Пушкина: пособие для учителя. Изд. 5-е. – М.: Просвещение, 1964. – 415 с.
2. Кошелев В.А. «Ее сестра звалась Татьяна...» (Об имени пушкинской героини) // Болдинские чтения. – Горький, 1988. – С. 154–162.
3. Кошелев В.А. Именник «Евгения Онегина» в функциональном аспекте // Российский литературоведческий журнал. – 1996. – № 8. – С. 91–100.
4. Кошелев В.А. Татьяна Ларина и «русская традиция» (К постановке вопроса) // Проблемы современного пушкиноведения: межвуз. сб. науч. трудов. – Псков, 1991. – С. 31–40.
5. Ландшафт моих воображений: страницы прозы русского сентиментализма. – М.: Современник, 1990. – 623 с. – (Классическая б-ка «Современника»).
6. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. – Л.: Просвещение, 1983. – 416 с.
7. Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: пер. с англ.. – СПб.: Искусство-СПБ, Набоковский фонд, 1998. – 928 с.
8. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. – Т. 6. – М.: Воскресенье, 1995. – 700 с.
9. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 6 т. – Т. 5. Критика и публицистика, автобиографическое. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. – 680 с.

АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В КНИГЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «Л. ТОЛСТОЙ И ДОСТОЕВСКИЙ»

В статье рассматривается роль апокалиптических мотивов в книге Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский». Показывается, что уже в этом фундаментальном исследовании намечаются контуры индивидуально-авторского мифа о «дьяволе», «чёрте», который станет стержнем ряда литературно-критических (прежде всего, «Гоголь и чёрт») и публицистических («Грядущий Хам») работ Мережковского. В статье также доказывается, что авторский миф Мережковского о «чёрте» во многом поясняется философией Апокалипсиса, пронизывающей всё творчество критика-символиста и культуру Серебряного века в целом.

Утверждается, что у Д.С. Мережковского наблюдается глобальное воздействие Апокалипсиса и на содержательную, и на формальную стороны его творческого мышления (вплоть до книги «Атлантида – Европа», созданной в эмиграции). Подчеркивается, что во многом от ориентации на Апокалипсис идёт особый максимализм суждений и требований Мережковского-критика, который всегда предпочитает метафизические, исторические, эстетические, психологические «концы» и «начала», «вершины» и «бездны».

В статье обнаруживается, что в лексической структуре книги «Л. Толстой и Достоевский» одним из самых частотных компонентов оказывается слово «последний». «Дьявольское», согласно представлениям Мережковского, как раз и проявляется в отсутствии чёткой религиозно-нравственной позиции, в боязни «последних» пределов и крайностей. Оно воплощается в той духовной «теплоте», которая отвергается в «Откровении Святого Иоанна Богослова» (3 гл., ст. 15 и 16). Не случайно «чёрт» в авторском мифе Мережковского оказывается олицетворением «серединной пошлости», «мещанского довольства», привязанности к собственности. В ловушку именно такого «дьявола», с точки зрения Мережковского, и попадает Лев Николаевич Толстой.

В статье выявляется, что ключ к истолкованию биографии и творчества как Толстого, так и Достоевского Мережковский находит именно в Откровении святого Иоанна Богослова. В частности, желание Достоевского идти «до конца» в познании глубин человеческого духа для критика также мотивируется апокалиптическим мировидением писателя.

В работе прослеживается, как Мережковский «поворачивает» выявленную им апокалиптику Толстого и Достоевского в сторону своих субъективных духовных исканий, подчиняя идеям строительства «нового христианства». Делается вывод о том, что история русской литературы XIX века в рецепции Мережковского предстаёт как смена «апокалипсисов».

Ключевые слова: мотив, Апокалипсис, русская литература, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Критическое исследование «Л. Толстой и Достоевский» Д.С. Мережковского впервые было опубликовано в журнале «Мир искусства» (1900–1902). Следует отметить, что организация материала в книге Мережковского не вполне соответствует тому строгому распределению, которое обозначено в заглавиях частей: «Жизнь Л. Толстого и Достоевского», «Творчество Л. Толстого и Достоевского», «Религия». На самом деле, в каждой части критик то и дело нарушает строгую композиционную логику, им самим намеченную. В этих композиционных сдвигах подспудно «кристаллизуется» идея жизнотворчества, ставшая стержнем не только символизма, но и культуры Серебряного века в целом. В процессе исследования Мережковский часто не просто соотносит, но соединяет «жизнь», «творчество», «религию» в одно нерасторжимое целое, что само по себе принципиально и концептуально значимо. Объективно Мережковский, вслед за В. Соловьёвым («Судьба Пушкина», «Лермонтов»), исходит из требования единства творческой личности, преодолевающей антагонизм между «человеком» и «художником».

В первой части первого тома ведущим оказывается биографический метод, позволяющий ис-

следовать психологию творчества Толстого и Достоевского. Мережковский исходит из того, что «у обоих, в особенности у Л. Толстого, произведения так связаны с жизнью, с личностью писателя, что нельзя говорить об одном без другого» [7, с. 12]. Примечательно, что, реконструируя жизнь Толстого, Мережковский, по сути, создаёт миф личности писателя. Как к равноценным биографическим источникам он обращается и к художественным произведениям, и к документальным материалам. Образ Толстого-человека складывается из представлений, почерпнутых критиком не только из дневников писателя, его переписки, воспоминаний современников, из «Исповеди», но и из многих его художественных творений: трилогии «Детство. Отрочество. Юность»; рассказов «Утро помещика», «Смерть Ивана Ильича»; повести «Казаки»; романа «Война и мир».

В биографии Толстого, в психологии писателя Мережковский акцентирует, прежде всего, их духовную доминанту. Предметом исследования критика становится не «внешняя», а «внутренняя жизнь» гения, которая оказывается насыщенной противоречиями. Одно из главных трагических противоречий Толстого Мережковский обнару-

живает в «несоответствии» «между сознательной и бессознательной стороной его духовного развития» [7, с. 24]. Сознание Толстого апеллирует к христианским ценностям, в то время как его душа, как указывает автор книги, – «урожённая язычница» [7, с. 25]. В самой природе Толстого-человека Мережковский видит не осознаваемую писателем языческую привязанность к земле, поклонение плоти. Это тайное «язычество», по мнению автора исследования, определяет жизнь Толстого: «покорное воле природы свивание гнезда, благолепное домостроительство»; особый склад быта «северного эпикурейца»; невозможность разорвать кровные узы с близкими родственниками и преодолеть «“суеверие собственности”» [7, с. 20, 28, 31].

Духовный плен, в который попал великий писатель, осмысливается Мережковским сквозь призму мифопоэтики. Уже в книге «Л. Толстой и Достоевский» намечаются контуры его индивидуально-авторского мифа о «дьяволе», «чёрте», который станет стержнем ряда литературно-критических (прежде всего, «Гоголь и чёрт») и публицистических работ («Грядущий Хам»). Авторский миф о «чёрте» во многом поясняется философией Апокалипсиса, пронизывающей всё творчество Мережковского. Н.А. Бердяев справедливо вводит проблему «апокалиптичности Мережковского» в контекст всей национальной культуры. Он замечает: «Апокалиптическая настроенность Мережковского, его устремлённость к концу имеет симптоматическое значение и так характерна для русских религиозных исканий. Эта апокалиптическая настроенность свойственна величайшим проявлениям русского духа, от русских сект до великих русских писателей. Апокалиптические предчувствия нашей эпохи знаменуют мировой кризис, переход к новому космическому периоду» [2, с. 348]. В свою очередь, А. Белый, характеризуя духовные искания и творческие дерзания своего времени, отмечал: «Срыв старых путей переживается Концом Мира, весть о новой эпохе – Вторым Пришествием. Нам чужд апокалипсический ритм времени. К Началу мы устремляемся сквозь Конец» [1, с. 207].

Эсхатологические переживания в той или иной форме были свойственны многим творцам Серебряного века (например, К. Леонтьеву, В. Розанову, А. Блоку, А. Белому, С. Соловьёву, Вяч. Иванову, Н. Клюеву, С. Есенину). Через Апокалипсис деятели культуры начала XX века открывали духовный смысл эпохи, искусства, религии. «Откровение Святого Иоанна Богослова» стало настольной книгой для многих из них. При этом, несомненно, что у каждого был свой Апокалипсис [5; 9, с. 242; 4, с. 197–222].

У Д.С. Мережковского наблюдается глобальное воздействие Апокалипсиса и на содержательную, и на формальную стороны его творческого мыш-

ления (вплоть до книги «Атлантида – Европа», созданной в эмиграции). Во многом от ориентации на Апокалипсис идёт и особый максимализм суждений и требований Мережковского-критика, который всегда предпочитает метафизические, исторические, эстетические, психологические «концы» и «начала», «вершины» и «бездны». И в этом Мережковский совпадает со многими своими современниками. Заслуживает доверия точка зрения О.А. Богдановой: «...Пафос неприятия “мещанской”, “серединной” культуры охватывает практически весь спектр литературных направлений Серебряного века: от символиста Мережковского с его “Грядущим Хамом” до реалиста А.М. Горького с его “Заметками о мещанстве”» [3, с. 59].

Симптоматично, что в лексической структуре работ Мережковского, книги «Л. Толстой и Достоевский» особенно, одним из самых частотных компонентов оказывается слово «последний». «Дьявольское», согласно представлениям Мережковского, как раз и проявляется в отсутствии чёткой религиозно-нравственной позиции, в боязни «последних» пределов и крайностей. Оно воплощается в той духовной «теплоте», которая отвергается в «Откровении Святого Иоанна Богослова» (3 гл., ст. 15 и 16): «...Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч: о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих».

Таким образом, «чёрт» в авторском мифе Мережковского оказывается олицетворением «серединной пошлости» (выделено мною. – Н.К.), «мещанского довольства», привязанности к собственности. В ловушку именно такого «дьявола», с точки зрения Мережковского, и попадает Лев Николаевич Толстой [7, с. 38].

Парадоксально то, что призывное слово критика, обращённое к Толстому, и в самом деле, как ему всегда хотелось, обретает действительную, преобразующую жизнь силу, становится пророчеством. Объективно выходит, что Мережковский словно бы даёт великому писателю жизнетворческое задание, которое тот выполнит через несколько лет, покинув перед смертью Ясную Поляну: «И ныне, исполнил ли он всё, что назначено ему было исполнить на земле? Закончил ли круг своего духовного развития? <...> Но как он будет умирать?» [7, с. 43].

Критик выражает надежду на то, что хотя бы в смертный час, то есть в момент его личного «апокалипсиса», для Толстого откроется новая Церковь, владеющая полнотой религиозной истины, связанной с идеей «одоухотворённой плоти». Критик, утверждающий основания нового христианства, видит его смысл в «последнем соединении» правды «плоти» и правды «духа» [7, с. 44]. В данном случае опять используется слово «последний», вошедшее в особый «апокалипсический словарь» Мережковского.

Мережковский в числе других представителей Серебряного века исповедовал идею «литературоцентризма» и ставил словесное искусство на недосягаемую духовную высоту. Вслед за В. Соловьёвым он воспринимал литературу как деятельность, имеющую теургический смысл. Поэтому ему импонировало именно жизненное поведение Достоевского. Его критик-символист характеризовал следующим образом: «Всей своей жизнью Достоевский показал, что так же, как в прошлые века могли быть героями цари, законодатели, воины, пророки, подвижники – в современной культуре один из последних героев есть герой Слова – литератор» [7, с. 61]. Анализ биографии Достоевского подводит Мережковского к одному из основных выводов его «религиозной футурологии»: именно писатели, деятели литературы, займут высшее положение в духовной иерархии, созданной в искомом Третьем Завете. Этот вывод отчасти восходит к философии европейских романтиков, веривших в то, что художник есть «центр целого и душа мира» [8, с. 193]. Отчасти – он навеян и поисками «сверхчеловека» Ф. Ницше, утопическими идеями Р. Вагнера и к тому же подкреплён апокалиптическими чаяниями Мережковского. Критик стремится прогнозировать результаты своего литературно-религиозного проекта: «...И не суждено ли именно среди героев Слова <...> явиться тем избранникам, которые будут иметь власть над миром в третьем и **последнем** (выделено мною. – Н.К.) царстве Духа» [7, с. 61].

Мережковский считает, что Достоевский утверждает совершенно новую эстетическую шкалу и в области психологического изображения, которую не под силу принять читателям и критикам, не способным подняться до уровня художественных открытий писателя. Безоглядность Достоевского, его желание идти «до конца» в познании глубин человеческого духа, по концепции автора исследования, мотивируется апокалиптическим мировидением писателя. В рассуждениях Мережковского о людях с «тёплыми», но не «холодными и горячими душами», упрекающими писателя в «жестокости» [7, с. 114], опять появляется отсылка к «Откровению Святого Иоанна Богослова» (глава 3, ст. 16). Критик вновь и вновь обращается к теме христианской эсхатологии, в которой для него сосредоточено главное пророчество об исторических и духовных судьбах мира, человечества. Он, в частности, заявляет: «Первою и до сих пор единственною религией, которая создала, или, по крайней мере, почувствовала неотразимость мысли о конце, о смерти не только для человека в отдельности, но и *для всего человечества*, было христианство, и может быть, именно в этом и заключается главная особенность культурно-исторического влияния христианства – влияния, и донныне ещё не завершившегося...» (здесь и далее курсив Д.С. Мережковского. – Н.К.) [7, с. 117].

По мнению Д.С. Мережковского, как и с точки зрения В.В. Розанова, Достоевский-художник проник в самую сердцевину христианства именно потому, что его творческие искания постоянно сопровождало «чувство Апокалипсиса», которым он заразил и последующее литературное поколение. Не случайно ключ к интерпретации Достоевского и Розанов («Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского»), и Мережковский находят именно в Откровении святого Иоанна Богослова, которое бесконечно цитируют в своих работах. В то же время Розанов и Мережковский «повернули» апокалиптику Достоевского в сторону своих субъективных духовных исканий. Трудно не согласиться с мнением О.А. Богдановой: «Литература Серебряного века, восприняв апокалипсический пафос Достоевского, придала ему, однако, иной, катастрофический характер, на что, безусловно, повлияла “Краткая повесть об Антихристе” Вл.С. Соловьёва (в составе его философского диалога-эссе “Три разговора...”, 1900), а также – рецепция наследия Ф. Ницше, окрашенная в России рубежа XIX–XX веков в резкие тона “желания катастрофы”...» [3, с. 74].

В восприятии Мережковского Достоевский предстает художником амбивалентного мышления. Автор книги утверждает, что к «идее о конце мира» писатель идёт по двум встречным путям: со стороны «религии Богочеловека», которую представляет князь Мышкин, и со стороны «религии Человекобога», которую выражает «нигилист Кириллов» [7, с. 117]. Парадоксальное сближение столь разных героев, предложенное автором исследования, действительно имеет глубокие основания. В самом деле, оба: Мышкин и Кириллов – предчувствуют завершение земного пути человечества в том мгновении, когда *«времени больше не будет»* [7, с. 117]. Духовное «двойничество» Мышкина и Кириллова, одинаково сильно чувствующих Апокалипсис, с точки зрения Мережковского, отражается в «поразительных совпадениях», которые критик выявляет в речи персонажей.

В тексте книги «Л. Толстой и Достоевский» слово «символ» оказывается одной из самых частотных лексем и также обретает статус концепта (критик пишет это слово и с большой, и с маленькой буквы), который раскрывает сущностные черты мировоззрения критика. В его рецепции символ – не просто элемент поэтики, бесконечно многозначный образ, но и особый путь гнозиса, и глобальное взаимодействие искусств, и форма «эстетической соборности», и апокалипсическое преображение мира, соединяющее «небо» и «землю». Он много раз варьирует в книге «Л. Толстой и Достоевский» мысль о том, что «Символ» есть «синтез», «последнее и окончательное Соединение» [7, с. 140].

Второй том исследования «Л. Толстой и Достоевский» называется «Религия» и по объёму не-

сколько превосходит первый. В центре внимания исследователя оказываются типы религиозного «сознания» и «ясновидения» великих писателей.

Сравнивая «религию Толстого» и «религию Достоевского», Мережковский всё же склоняется к тому, чтобы в определённом аспекте отдать предпочтение последней. Духовное превосходство Достоевского над Толстым, по мнению критика, заключается в том, что автор «Братьев Карамазовых» не противопоставляет религию и историю. Достоевский, в отличие от Толстого, близок стороннику «нового христианства» пониманием того, что эсхатология есть завершение истории: «...Прежде, чем наступит бесконечное мгновение, когда *“времени больше не будет”*», – надо, чтобы раньше все “времена и сроки” исполнились» [7, с. 247]. Но, высоко ценя духовные достижения Достоевского-художника, считая, что автор «Братьев Карамазовых» во многом превзошёл Толстого в глубине постижения религиозных истин, Мережковский всё-таки далёк от того, чтобы увидеть в них отражение всей полноты «нового» христианства. Он остаётся верен ранее высказанному тезису о «сознательной и бессознательной» духовной раздвоенности Достоевского, колеблющегося между сакрализацией «Я» и «не-Я», «Человекобога» и «Богочеловека», мучительно разрывающимся между «Ксерксом» и «Христом», между «историческим православием» и «новым христианством».

«Двойные мысли» и чувства, в которых признавался сам Достоевский, по мнению Мережковского, писатель передал многим своим героям-парадоксалистам: в частности, – Ставрогину и Версиллову. Авторскую трагедию раздвоенности, с точки зрения критика, от Ставрогина наследует Версильов, герой романа «Подросток». Но в этом персонаже Мережковский просматривает духовную эволюцию, сигнализирующую о религиозном «росте» самого Достоевского: «Если и герою “Подростка” не суждено победить раздвоения, то он всё-таки ближе к победе, чем герой “Бесов”» [7, с. 283].

Раскрывая сложный внутренний мир Версильова, критик конкретизирует и развивает свой индивидуальный миф о «Чёрте», о природе демонического, впоследствии получивший одну из реализаций в образе «грядущего Хама». Мережковский отмечает: «...Версильов догадывается, что его настоящий бес есть дух не добрый и не злой, а только равнодушный к добру и злу, не горячий и не холодный, а только тёплый, не белый и не чёрный, а только серый, дух всего до конца не доходящего, раздвоенного и не соединённого до конца, а только *смешанного* и потому *смешного*, всего мешански-серединного и благоразумного» [7, с. 284]. Сцену, в которой «заряженный смехом» Версильов раскалывает икону, автор-мифотворец истолковывает как общение героя с «Чёртом». Как видим,

в своём определении «бесовского», помимо ранее заявленных признаков, передающих ощущение духовной энтропии, понижения личностных притязаний, критик-максималист под воздействием своих апокалиптических чаяний акцентирует ещё два свойства: «смешанный» и «смешной». При этом происходит семантическое сближение слов-паронимов, имеющих созвучие корней. Мережковский использует в тексте критического исследования приём эмоционально-смыслового насыщения речи, весьма характерный для поэзии XX века (особенно В. Хлебникова, М. Цветаевой, В. Маяковского) и генетически связанный с фольклорной традицией «балагурства» [6, с. 11–193].

Именно в романе «Братья Карамазовы» Мережковский обнаруживает отражение «последней» ступени религиозного раздвоения Достоевского, «сознательного и бессознательного». Одновременно критик объявляет это вершинное произведение писателя наиболее близким к преодолению указанного трагического раздвоения.

В итоге критик приводит разнонаправленные поиски Толстого и Достоевского к единому фокусу, к точке пересечения. Автор книги заключает, что оба гениальных художника, хотя и следовали «разными путями», подошли к общему метафизическому открытию. Оба писателя, по мнению Мережковского, интуитивно почувствовали «неисповедимую глубину пола» [7, с. 328]. Это выразилось в том, что в художественных мирах Толстого, и Достоевского по-своему явлен Апокалипсис в человеческом измерении: «...Творческое начало жизни, новых рождений, соприкасается с “началом конца”, смерти» [7, с. 328]. Как указание на единство «иного» и «здешнего» миров, на тождество пути из «чрева» мира и пути в «чрево» мира, интерпретирует Мережковский слова Алёши Карамазова о «двух половинах дела», обращённые к Ивану [7, с. 340].

Творчество великих писателей в очередной раз становится для основоположника русского символизма материалом для конструирования собственной религиозно-философской концепции. Он вслед за Розановым берётся за решение «новой», во многом «больной» для современного сознания проблемы «пола». Толстой и Достоевский помогают Мережковскому понять глубинный, религиозный смысл, стоящий за концом и началом человеческой жизни, которые, в понимании критика, неизбежно смыкаются. Благодаря Достоевскому и, главным образом, Толстому, Мережковский приходит к следующему философскому выводу: «Смерть и рождение – два “отверстия”, <...> сквозь которые “одинаково”, то есть в своём последнем *соединении*, символы, “показывается что-то высшее”, чем рождение и смерть. Именно здесь, в сияющей точке пола, как в своём оптическом фокусе, пересекаются, скрещиваются все противоположные лучи

верхнего и нижнего неба, двух половин мира, двух полумиров» [7, с. 339–340].

Во многом развивая идеи, высказанные в трактате «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», в статье «Гоголь и чёрт», а также в других своих работах, Мережковский накладывает свою апокалиптическую систему координат не только на всемирную историю, но и на весь путь русской литературы. Он характеризует творчество Толстого и Достоевского как вершинное явление и одновременно как «конец русской литературы». История русской литературы XIX века, таким образом, предстаёт в рецепции Мережковского как смена «апокалипсисов». «Первым» литературным «апокалипсисом» был назван этап «перехода» отечественной словесности от Пушкина к Гоголю. «Второй» и последний «апокалипсис» критик видит в «перевале» от художественного апогея, достигнутого в творчестве Л. Толстого и Достоевского, к исканиям «новой» литературы начала XX столетия.

Уровень современной литературы, как и в трактате «О причинах упадка...», автор исследования в целом оценивает критически. Он так отзываясь о сути процессов, происходящих в словесном искусстве настоящего: «...Начинается непоправимое одичание, запустение, как бы внезапное иссякновение всех живых родников русского слова» [7, с. 349]. Но в «обмелении» отечественной словесности конца XIX – начала XX века мысль критика-провидца высвечивает и вполне закономерный финал, который чреват новым началом, прорывом к иным, более совершенным проявлениям духовной жизни человечества. Мережковский отмечает: «...В настоящее время мы переживаем не случайное вырождение, не временный упадок, не навеянное будто бы с Запада декадентство, а давно подготавливавшийся, естественный и необходимый конец русской литературы. Нам страшно в этом признаться, но может быть, в этом страшном есть и радостное; <...> может быть, конец русской литературы, то есть великого русского созерцания, есть начало великого русского действия» [7, с. 349].

Религиозному сознанию и не лишённому противоречий «ясновидению» Толстого и Достоевского критик противопоставляет в исследовании свою концепцию «нового христианства», которое, по его убеждению, должно преодолеть «перекося» и отступления в понимании учения Христа, заложенные в эпоху петровских реформ. Автор книги кратко излагает свой проект строительства «вселенской церкви», о которой мечтал ещё В.С. Соловьёв. С одной стороны, он называет «будущую соборную церковь» «церковью Иоанна, церковью Духа Святого и Второго Пришествия», а с другой стороны, он объявляет её церковью «Святой Софии, премудрости Божьей, коей глава и первосвященник сам Христос» [7, с. 154]. Уточняя и раз-

вивая высказывания, встречающиеся в первом томе исследования, Мережковский в который раз подчёркивает, что открытие и утверждение нового, «Иоаннова христианства» начнётся в лоне словесного искусства, во многом благодаря Толстому и Достоевскому, уже проникнутым веяниями его мистических таинств.

А строителями «нового», «Иоаннова христианства», по концепции Мережковского, как ни парадоксально, суждено стать «слабым» представителям молодого литературного поколения, тем самым «декадентам», к которым автор исследования относит и себя самого. Мережковский уподобляет чувства, переживания своих современников тем, которые испытал Святой Иоанн при Богоявлении. И это совпадение чувств, возникающих в момент мистического «возвращения» «видения отшельника» Иоанна к представителям XX столетия, он подчёркивает, монтируя цитаты из Апокалипсиса (22: 17, 20):

«И Дух, и невеста говорят прииди! И слышавший да скажет: прииди! – Свидетельствующий сие говорит: ей, гряди скоро! Аминь.

Ей, гряди, Господи Иисусе!» [7, с. 350].

Библиографический список

1. *Белый А.* Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1980. – Т. 1. – С. 204–322.
2. *Бердяев Н.* Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Д.С. Мережковский: pro et contra: Личность и творчество Мережковского в оценке современников / сост., вступ. ст., библиогр. А.Н. Николюкина. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 331–354.
3. *Богданова О.А.* Под созвездием Достоевского (Художественная проза рубежа XIX–XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы). – М.: ИМЛИ РАН – Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – 312 с.
4. *Кашина Н.К.* Миф в текстах Василия Розанова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 274 с.
5. *Кацис Л.* Русская эсхатология и русская литература. – М.: ОГИ, 2000. – 656 с.
6. *Лихачёв Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984. – 295 с.
7. *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М.: Республика, 1995. – 622 с.
8. *Шлегель Ф.* Люцинда // Избранная проза немецких романтиков: в 2 т. / пер. с нем., сост. А. Дмитриева. – М.: Худож. лит, 1979. – Т. 1. – С. 117–204.
9. *Яковенко И.Г.* Эсхатологическая компонента российской ментальности: связи, обусловленности, логика актуализации // Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания: материалы российско-французской конференции: в 2 ч. / отв. ред. В.Б. Земсков. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – Ч. 1. – С. 149–163.

РОМАН Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» В КРИТИКЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА¹ (В. РОЗАНОВ, И. АННЕНСКИЙ, Л. ШЕСТОВ)

В критике Серебряного века роман «Идиот», почти никогда не являясь предметом специального исследования, зачастую оказывался цитируемым для аргументации той или иной авторской позиции и, вследствие этого, являлся интерпретируемым. Этот материал представляет собой интересный и практически не отрефлексированный в отечественном литературоведении феномен. Своё исследование мы основываем на суждении, что в контексте эстетики рубежа XIX–XX вв. роман как литературный жанр согласовался не только с поэтикой мифа и, как следствие, – с генетически родственной мифу основой сложных музыкальных форм, но и со структурой драмы. При этом читатели Серебряного века были особенно склонны подчиниться трагическому пафосу произведений Достоевского. Именно этот факт, с нашей точки зрения, является определяющим для понимания читательских ожиданий и некоторых разочарований, связанных с романом «Идиот» и образом его главного героя. В художественном отношении «Идиот» заметно проигрывал более популярным романам «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы», поскольку, по мысли И. Анненского, был загромождён «вставочными сценами, в которых драма так часто у Достоевского не то что получала комический оттенок, а прямо-таки мешалась с водевилем». Этот факт, на наш взгляд, вкупе с не достаточно выраженным драматизмом образа главного героя, отодвигал «любимое создание» Достоевского от зоны активного восприятия критиков. Мы можем с большой долей уверенности утверждать, что невозможность для героя романа трагически ощущать действительность делала его уязвимым для критики Серебряного века, в то время как причастность трагедии возводила на пьедестал. Образ князя Мышкина у целого ряда критиков плохо согласовался с образом трагического героя, а потому оценивался в негативном ключе.

Ключевые слова: восприятие и интерпретация, поэтика жанра, трагический пафос, трагический герой.

В критике Серебряного века роман «Идиот» почти никогда не становился предметом специального исследования². Тем не менее текст произведения использовался мыслителями рубежа веков в качестве примера для аргументации той или иной авторской позиции и, вследствие этого, являлся интерпретируемым. Этот материал представляет собой интересный и практически не отрефлексированный в отечественном литературоведении феномен.

В среде литераторов рубежа веков романский жанр нередко становился предметом осмысления и творческого поиска, к нему предъявляли новые требования, выработанные в том числе и в процессе усвоения поэтики романов Достоевского. «В наиболее показательных образцах “высокой” прозы Серебряного века переориентация на мифогенные структуры во многом была подготовлена романистикой Достоевского, персонажи которого уже в большой степени были эмансипированы от лежащего в основе эмпирического повествования авантюрного сюжета <...>, а потому “незавершенны”, “недоволены” в пределах “расширенного романного пространства”», – пишет В.В. Полонский [6, с. 13].

В контексте новой эстетики роман как литературный жанр согласовался не только с поэтикой мифа и, как следствие, – с генетически родственной мифу основой сложных музыкальных форм, но и со структурой драмы. Безусловно, этот поэтический феномен есть лишь частный случай феномена мировоззренческого, выраженного в остром ощущении действительности как развивающейся драмы или надвигающейся трагедии и в глубоком проникновении в «рождение трагедии» Ф. Ницше.

И именно романистика Достоевского дала читателям новой эпохи наибольшие литературные основания для эстетического приятия синтеза эпических и драматических форм. При этом читатели Серебряного века склонны были не столько констатировать драматический элемент в творчестве Достоевского, сколько подчиниться трагическому пафосу его произведений. Именно этот факт, с нашей точки зрения, является определяющим для понимания читательских ожиданий и некоторых разочарований, связанных с романом «Идиот» и образом его главного героя.

Особое внимание критиков Серебряного века приковывали два романа Достоевского: «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». Первый – в силу своей художественной завершенности, второй – в силу незавершенности и провокационности философского высказывания. На наш взгляд, подобное предпочтение обусловлено в том числе и тем фактом, что в обоих случаях критики отреагировали на общий трагический пафос произведений, на ярко очерченный абрис фигуры трагического героя.

И. Анненский почитал «Преступление и наказание» лучшим эстетическим творением писателя: «Как роман “Преступление и наказание” по своей художественной стройности остался у своего автора непревзойдённым. В нём есть настоящее единство, в нём есть не только *сжатость*, но и *центр*. И начало в нём есть, и конец, и притом эти части *изображены*, а не просто передаются летописцем» [3, с. 592]. Та же мысль звучит и у В. Розанова: «“Преступление и наказание” – самое законченное в своей форме и глубокое по содержанию

произведение Достоевского, в котором он выразил свой взгляд на природу человека, его назначение и законы, которым он подчинён, как личность» [8, с. 301]. Говоря о художественной структуре «Братьев Карамазовых», критик замечает, что по своему замыслу и воплощению это «действительно ещё не роман, в нём даже не началось действие: это только пролог к нему, без которого “последующее было бы непонятно”. Но, судя по прологу, целое должно было стать таким мощным произведением, которому подобное трудно назвать во всей мировой литературе...» [7, с. 48].

В художественном отношении роман «Идиот» заметно проигрывал, поскольку, по мысли Анненского, был загромождён «вставочными сценами, в которых драма так часто у Достоевского не то что получала комический оттенок, а прямо-таки мешалась с водевилем» [3, с. 592].

Тем неожиданнее кажется высказывание В. Розанова, который отчётливо слышит рафаэлевский мотив (рифмующийся в сознании критика с гармоническим строем) в художественном пространстве «Идиота»: «Но “Идиот” – это было его (Достоевского. – Е.Б.) любимое создание; кажется – самое свободное, наименее связанное с волнениями текущей действительности. Станный колорит лежит на его романе; всё фантастично здесь, и вместе как будто это фантастическое – звёздный, мерцающий свет, падающий на серую нашу действительность из далёкого, далёкого будущего». Розанов называет роман произведением, от которого веет «аскетизмом, чистотой и высшим духом примирения и с страданием человека, и с его бедностью духовною» [8, с. 301].

Заметим, что идиллический тон авторского повествования, независимо от субъективных намерений критика, в контексте эпохи характеризует это произведение скорее в негативном, чем в позитивном ключе, поскольку в сознании читателя Серебряного века «существо трагедии противоположно существу идиллии. Источник всякого мещанства – идиллическое благополучие, хотя бы и дурного вкуса, “сон золотой”, хотя бы и сусального китайского золота. Трагедия, подлинное железо гвоздей распинаящих – источник всякого благородства, той алой крови, которая всех этой крови причащающих делает “родом царственным”» [4, с. 536].

В образе князя Мышкина В. Розанов увидел прежде всего «биографические черты» автора романа: «В “идиоте” отражено его сердце в идеальном успокоении, вместе и отчуждённое от людей на какую-то бесконечную высоту, и совершенно слитое с их нуждами, страданиями; этот странный образ есть до известной степени то, что каждый поэт зовёт своею “музою”» [8, с. 300–301].

Однако эта трактовка образа князя относится к периоду написания биографии Достоевского (1893) и высказывается в контексте поэтики

романа, воспринятой критиком в рафаэлевских и пушкинских тонах. Несколько раньше, в 1891 г., близкая в общих чертах трактовка «идиота» имела несколько иной оттенок. Сопоставляя образы Мышкина и Алёши Карамазова, Розанов писал: «Нравственный образ Алёши в высшей степени замечателен по той обрисовке, которая ему придана. Видеть в нём только повторение типа кн. Л.Н. Мышкина (герой “Идиота”) было бы грубою ошибкой. Кн. Мышкин, так же как и Алёша, чистый и безупречный, чужд внутреннего движения, он лишён страстей вследствие своей болезненной природы, ни к чему не стремится, ничего не ищет осуществить; он только наблюдает жизнь, но не участвует в ней. Таким образом, пассивность есть его отличительная черта <...>» [7, с. 46–47]. Здесь ни биографические черты писателя в образе героя, ни аналогии с Христом не возникают в сознании Розанова при взгляде на созерцательно-пассивную фигуру болезненного князя.

Ещё более негативный оттенок в восприятии образа главного героя присутствует в статьях И. Анненского. Для критика не столько виден сам герой, сколько «красота Настасьи Филипповны, обнажившая в князе Мышкине больного идиота...» [2, с. 552].

Примечательно, что Анненский обесценивает, подчиняя власти красоты, образ главного героя, не предполагая в нём иной сущностной значимости, кроме значимости поверженного человека, обнажаемого до своего истинного, то есть болезненного, состояния. Осмысляя онтологический опыт Достоевского, Анненский замечает, что в пику своим современникам (Л. Толстому, Тургеневу), так глубоко ощутивших и остро выразивших страх смерти, автор «Идиота» стал выразителем иного, куда более сильного страха – страха жизни: «Достоевский не любит говорить о смерти и никогда не пугал читателя её призраком: слишком уж серьёзным казался ему страх жизни и сложной сама жизнь вне её индивидуальных рамок» [1, с. 404].

Более того, Анненский считает, что те герои Достоевского, которые транслируют обеспокоенность по поводу конечности земного бытия (в числе которых критиком назван князь Мышкин, но почему-то не назван Ипполит Терентьев), не убедительны в своих переживаниях: «перечтите наивный рассказ князя Мышкина о человеке, которого везут к эшафоту; и вы поймёте, почему именно Достоевский не смог сделать этого чувства смерти основным моментом в своём творчестве» [1, с. 403].

Таким образом, при некотором различии в оценке поэтики романа и характера главного героя, Розанов и Анненский оказываются едины в значимом впечатлении: они не видят в «Идиоте» трагедии, а в князе Мышкине – трагического героя. Этот факт, на наш взгляд, заметно отодвигает «любимое создание» Достоевского от зоны активного

восприятия критиков. Структура романа слишком размыта, чтобы втянуть их в свой круг, Мышкин слишком аморфен, чтобы вызвать интерес. Другое дело – Раскольников, в котором «крайнее развитие личности, одинокой, мятежной и восставшей против общества, достигло последней границы – той черты, за которою или гибель, или переход к другому миросозерцанию» [5, с. 119].

В данном случае, опираясь на приведённое выше высказывание В.В. Полонского, можно сделать предположение, что, с лёгкостью прощая «недоволощённость» героя в сюжетном плане, критики «серебряного века» требовали завершенности художественного образа в плане идейном. «А меня, каюсь, интересует именно *мысль*, – пишет Анненский, – и притом не столько содержанием своим, сколько затейливостью игры, блеском. Ну, какая там *игра* была в “Бедных людях”?.. Одна струна, да и та на балалайке. С “Идиотом” тоже ведь плохо, хотя и совсем по-другому. Там душа иной раз такая глубокая, что страшно заглянуть в её чёрный колодезь» [3, с. 597].

Аморфность образа Мышкина, вызвавшая пренебрежение у Анненского и вежливый реверанс в сторону почившего Достоевского у Розанова, в остро негативном ключе трактуется Л. Шестовым, осмысляющим образ главного героя в контексте своей «философии трагедии», навеянной образом и творчеством Ф. Ницше.

Бесцветность и искусственность этого персонажа видится критику явлением закономерным в силу неспособности автора «Идиота» естественным образом воплотить идею чуждого «добра»: «Ему самому страшно было думать, что “подполье”, которое он так ярко обрисовывал, было не нечто ему совсем чуждое, а своё собственное, родное. Он сам пугался открывшихся ему ужасов и напрягал все силы души своей, чтоб закрыться от них хоть чем-нибудь, хоть первыми попавшими идеалами. Таким образом и создались фигуры князя Мышкина и Алёши Карамазова» [9, с. 330].

Более того, в Мышкине Шестов видит антипода трагическому герою (Ипполиту Терентьеву), что ещё более понижает значимость «положительно прекрасного человека» и подчёркивает несостоятельность Достоевского в «заигрывании с добром»: «Так, например, в “Идиоте”, где роль миротворящего духа играет князь Мышкин, встречается следующий характернейший диалог. После ночного чтения в саду обречённый на смерть Ипполит встречает в саду князя Мышкина и задаёт ему “вопрос”. “Скажите мне прямо, – спрашивает он, – как по-вашему, как мне лучше всего умереть? Чтобы вышло всего добродетельнее, то есть? Ну, говорите!” Как вам нравится такой “вопрос”?! По смыслу романа, князю Мышкину полагается всегда отличаться; он должен уметь *всё* понимать и из самых трудных положений выходить победителем.

Но, в таком случае, нужно думать, что Достоевский, устраивая ему встречу с Ипполитом, просто решил посмеяться над своим героем. Разве можно с иными целями задавать такие вопросы, на которые, сколько ни бейся, никогда не ответишь не то что толково, но даже хоть сколько-нибудь удовлетворительно? И форма-то вопроса какова: “Чтобы вышло всего добродетельнее, то есть”?! Кажется, будто Достоевскому, по старой привычке подпольного человека, вдруг неудержимо захотелось показать язык своей собственной мудрости. И точно, если вопрос Ипполита дерзок, то ответ князя Мышкина возмутителен. Вот он: “Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье, – проговорил князь тихим (!) голосом”. Ипполит расхохотался ему прямо в глаза. У Достоевского не хватило решительности заставить бедного мальчика преклониться пред беспардонною святостью князя. И тихий голос, всегда в таких случаях особенно сильно действующий, не произвёл никакого эффекта, равно как и магическое слово “простите”...» [9, с. 360–361].

В приведённом отрывке нас интересуют два объекта оценки Шестова: главный герой произведения и сам автор. Образ Мышкина явно трактуется критиком в ироничном ключе. Намеренно сниженная характеристика князя, выраженная в почти саркастичной констатации его доминирующих функций (играет «роль миротворящего духа», ему «полагается всегда отличаться»), обличает в этом персонаже наличие жёсткой авторской установки, несостоятельной претензии писателя на образное воплощение идеи добра. В этом смысле Шестов оказался намного ближе, чем Анненский и Розанов, к восприятию замысла Достоевского изобразить в романе «положительно прекрасного человека». Однако осуществление этого замысла критик не принимает в силу его принципиальной неосуществимости. Ирония в отношении главного героя, который «должен уметь *всё* понимать и из самых трудных положений выходить победителем», в результате является лишь оборотной стороной иронии в отношении автора произведения.

Согласно мысли критика, несостоятельность авторского замысла полностью обнаружила себя в той ситуации, когда дерзкий «последний вопрос» трагического героя (Ипполита Терентьева) высветил принципиальную несопоставимость глубины катастрофического сознания с примиряющей поверхностью приятия бытия. Хохот Ипполита на «возмутительный» ответ Мышкина становится приговором не только для «беспардонной святости князя», но и для неудачной попытки Достоевского в столкновении двух правд абсолютизировать правду смирения.

Шестов проецирует романский конфликт на личность писателя, который, по мысли критика, намеренно бежит от трагедии к «первым попавшимся идеалам», потому образ Мышкина воспри-

нимается как образ неполноценный (образ-ширма), к которому невозможно относиться с той же долей серьезности, как к образам героев выстрадавших, выношенных в душе автора.

«Нет, князь Мышкин – одна идея, т.е. пустота, – продолжает свои размышления философ. – Да и роль-то его какова! Он стоит между двух женщин и, точно китайский болванчик, кланяется то в одну, то в другую сторону. Правда, от времени до времени Достоевский даёт ему хорошо поговорить. Но ведь это ещё не заслуга: разговаривает-то сам автор. Ещё князь Мышкин, как и Алёша Карамазов, наделяется необыкновенной способностью к предугадыванию, почти граничащей с ясновидением. Но и это – небольшое достоинство в герое романа, где мыслями и поступками всех действующих лиц управляет автор. А сверх этих качеств князь Мышкин – чистейший нуль. Вечно скорбя о скорбящих, он никого не может утешить. <...> Хотя бы ему дано было понять трагичность положения близких ему лиц! Но и этого нет. Его скорбь – только скорбь по обязанности. Оттого-то он так лёгок на слова надежды и утешения. Даже Ипполиту он предлагает свой литературный бальзам, но тут-то его встречают или, если хотите, провожают по заслугам. Нет, князь Мышкин – выродок даже среди высоких людей Достоевского, хотя все они более или менее неудачны. Достоевский понимал и умел рисовать лишь мятежную, борющуюся, ищущую душу» [9, с. 383–384].

Здесь заметно меняется пафос отношения критика к герою. Вместо лёгкой иронии – откровенное неприятие. И неприятие это относится не столько к пассивности Мышкина, отмеченной ещё Розановым, сколько к его принципиальной неспособности ощутить трагедию и реагировать на мир в соответствии с этим ощущением. Единственное восклицательное предложение из приведённого отрывка обличает несостоятельность героя в постижении истинного смысла происходящего в противовес надуманному «ясновидению»: «Хотя бы ему дано было понять трагичность положения близких ему лиц!». А употребление частицы «даже» в контрастной постановке к князю образа Ипполита ещё раз подтверждает, что в этой диаде критик отдаёт безусловное предпочтение умирающему мальчику, в сопоставлении с которым образ Мышкина не только проигрывает, но и полностью разоблачает себя. В контексте философии трагедии сам альтруизм Мышкина видится в негативном свете – как свидетельство невозможности трагедии для героя. «Все герои трагедии – “эгоисты”, – замечает Шестов. – Каждый из них по поводу своего несчастья зовёт к ответу всё мироздание» [9, с. 397]. Эгоизм, таким образом, есть показатель самости, которой лишён герой «Идиота».

Завершение этой темы в работе Шестова связано с обращением к роману «Братья Карамазовы»,

главный герой которого, Алёша Карамазов, вызывает несравнимо большее сочувствие критика, чем герой «Идиота». Сравнивая диалог Ивана и Алёши, где Иван ставит «свой знаменитый вопрос о неотмщённых слезах ребёнка», с рассмотренным выше диалогом Ипполита и Мышкина, философ приходит к следующему заключению: «Алёша отвечает на этот вопрос тоже тихим голосом, как князь Мышкин Ипполиту, но ответ, конечно, уж не тот. Слово “прощение” не вспоминается, и Алёша прямо отказывается от предложенного проекта. Достоевский, наконец, договорился до последнего слова. Он открыто теперь заявляет то, что с такими оговорками и примечаниями впервые выразил в “Записках из подполья”: никакая гармония, никакие идеи, никакая любовь или прощение, словом, ничего из того, что от древнейших до новейших времён придумывали мудрецы, не может оправдать бессмыслицу и нелепость в судьбе отдельного человека» [9, с. 389]. В концепции Шестова Алёша потому выше и значительнее князя Мышкина, что смог приобщиться и подчиниться трагическому миропониманию, отказавшись от бутафорского прощения и смирения.

Таким образом, мысль философа обретает свою завершённость: только причастие трагедии есть мерило истины и глубины и литературного героя, и сюжетной ситуации. Более того, Достоевский оказывается востребован именно как носитель трагического начала, мучительно преодолевающий смерть своих убеждений и неоднократно переступающий через своё «я». Попытки писателя преодолеть трагедию встречают жёсткое неприятие Шестова, поскольку оцениваются как акт бессилия писателя. В этой связи и общий смысл романа «Идиот», и образ его главного героя воспринимаются философом как факт духовного отступничества писателя.

Мы можем с большой долей уверенности утверждать, что невозможность для героя романа трагически ощущать действительность делала его уязвимым для критики Серебряного века, в то время как причастность трагедии возводила на пьедестал. Как могли мы убедиться, образ князя Мышкина у целого ряда критиков плохо согласовался с образом трагического героя, а потому оценивался в негативном ключе. Напротив, те критики, которые смогли соотнести образ героя «Идиота» со своим пониманием трагедии, либо вполне лояльно восприняли фигуру «положительно прекрасного человека» (А. Белый), либо увидели в ней исключительный пример героя нового типа (А. Волынский, Д. Мережковский, В. Иванов).

Примечания

¹ Под сочетанием «Серебряный век» мы будем понимать не столько культуру модернизма, формирующуюся в первые десятилетия XX века и создав-

шую новую эстетическую модель действительности, сколько временной период рубежа XIX–XX вв. в развитии отечественной словесности.

² Исключением можно считать лишь философско-религиозный очерк А. Волынского «Трагедия красоты. “Идиот”».

³ Можно предположить, что отмеченное нами выше недоразумение в комментариях И. Анненского, который считает героев Достоевского, высказывающих обеспокоенность по поводу конечности земного бытия, неубедительными в своих переживаниях и в числе таких героев называет Мышкина, но исключает из их круга Ипполита, объяснимо тем, что критик почувствовал в Ипполите трагическую направленность и автоматически исключил его из разряда «неубедительных».

Библиографический список

1. *Анненский И.Ф.* Книга отражений. Достоевский до катастрофы // Анненский И. Избранные произведения. – Л.: Художественная литература, 1988. – С. 392–411.
2. *Анненский И.Ф.* Вторая книга отражений. Иуда, новый символ // Анненский И. Избранные произведения. – Л.: Художественная литература, 1988. – С. 549–554.
3. *Анненский И.Ф.* Вторая книга отражений. Достоевский в художественной идеологии // Анненский И. Избранные произведения. – Л.: Художественная литература, 1988. – С. 591–612.
4. *Мережковский Д.С.* Грядущий хам // Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н. 14 декабря: роман. Дмитрий Мережковский: воспоминания. – М.: Московский рабочий, 1991. – С. 524–543.
5. *Мережковский Д.С.* Достоевский // Мережковский Д.С. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. – М.: Изд-во «Книжная палата», 1991. – 352 с.
6. *Полонский В.В.* Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века. – М.: Наука, 2008. – 285 с.
7. *Розанов В.В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария (1891) // Розанов В.В. Мысли о литературе. – М.: Современник, 1989. – С. 41–158.
8. *Розанов В.В.* О Достоевском (1893) // Розанов В.В. Мысли о литературе. – М.: Современник, 1989. – С. 192–204.
9. *Шестов Л.* Достоевский и Ницше (философия трагедии) // Шестов Л.И. Сочинения: в 2 т. – Т. 1. – Томск: Изд-во «Водолей», 1996. – С. 317–465.

А. БЛОК НА СТРАНИЦАХ ВОРОНЕЖСКОЙ «СИРЕНЬ»: ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются текстологические вопросы лирики А. Блока на материале пяти стихотворений, посланных им в октябре 1918 года В. Нарбуту для воронежского журнала «Сирена». Выявляется историко-литературный и биографический контекст этой публикации, проводится текстологический анализ всех стихотворений из «Сирены». Доказывается мысль о том, что, неоднократно возвращаясь в последние годы жизни к своей юношеской лирике, А. Блок заново переосмыслил многие тексты, созданные на рубеже 1890-х – 1900-х годов, изменял и дополнял их. Это произошло и со стихотворениями, опубликованными в «Сирене». Автор статьи стремится раскрыть смысл изменений, внесенных поэтом в ранние тексты этих стихотворений. В частности, высказывается предположение, что новая редакция стихотворения «Одиночество», датированного Блоком 1899 годом, заметно увеличившись в объеме, сложно вобрала в себя горький опыт пути лирического героя поэта, а также блоковское видение образа «демона XX века» – «отца» из поэмы «Возмездие», работу над которой он неоднократно пытался завершить в послереволюционные годы. Сквозные образы этого стихотворения: «ночь», «мрак», воющий «ветер» – являются узловыми в трагедии Ф. Грильпарцера «Праматерь», к переводу которой Блок снова вернулся в 1918 году. Отмечаются коррективы, внесенные поэтом и в тексты других стихотворений, посланных им В. Нарбуту («Артистка», «Там, за далью бесконечной», «Заклинание», «Над синевой просторной дали»). В конце статьи делается вывод о том, что публикация пяти стихотворений в воронежской «Сирене» стала для А. Блока не только «любезным жестом» и не просто способом заработать в трудное для него время. Это была своеобразная «творческая лаборатория», первый этап подготовки к изданию книги «За гранью прошлых дней» (1919).

Ключевые слова: А. Блок, поэзия, редакция, текстология.

В нашем литературоведении давно утвердилась мысль о том, что после января 1918 года, когда были написаны «Двенадцать» и «Скифы», А. Блок переживал глубокий творческий кризис и ничего нового в области поэзии не создавал (исключение – послание З.Н. Гиппиус и стихотворение «Пушкинскому Дому»). Лирическая непродуктивность поэта объяснялась его разочарованием в «музыке» революции, усугубленным многочисленными служебными обязанностями. Определенные коррективы в такое обедненное представление о послереволюционной поэзии Блока внесла Е.В. Иванова, проанализировавшая в своей докторской диссертации [12], помимо политических стихов, немалый пласт шуточных посланий и экспромтов, иронически обыгрывающих мотивы предшествующих произведений. Кроме того, известно, что А. Блок летом – осенью 1918 года работал над последней редакцией своей «лирической трилогии», плодотворно сотрудничал с С.М. Алянским в издательстве «Алконост», переделывал драму «Песня Судьбы», готовил новый перевод трагедии Франса Грильпарцера «Праматерь» для издательства Сабашниковых. Таков в самых общих чертах историко-биографический «фон», на котором была сделана известная, неоднократно цитировавшаяся воронежскими краеведами пометка в записной книжке от 1 октября 1918 года об отправке в Воронеж В. Нарбуту для журнала «Сирена» пяти стихотворений, причем четыре из них «нигде не были опубликованы» [13, с. 173]. А.С. Крюков в статье «Воронежский год Владимира Нарбута» справедливо пишет о «глухой травле» [13, с. 173], которой подвергся в это время

в некоторых органах печати автор «Двенадцати». Однако, думается, редактор «Сирены», лично знакомый с Блоком с рождественских дней 1910 года, ничем особенно не «рисковал». Осенью – зимой 1918 года Блок активно печатался во многих журналах, нередко публикуя там свои ранние «предсимволистские» стихи, через год включенные им в книгу «За гранью прошлых дней» (1919). Почти одновременно с отправкой стихотворений в Воронеж 17 октября 1918 года поэт выслал десять стихотворений в московский журнал «Творчество» [см.: 6, с. 431], четыре стихотворения были опубликованы в журнале «Москва» (№1, 1918), еще несколько текстов в «Свободном журнале» (№2) и в журнале «Знамя труда» (№1).

Неоднократно возвращаясь в последние годы жизни к своей юношеской лирике, А. Блок заново переосмыслил многие тексты, созданные на рубеже 1890-х – 1900-х годов, изменял и дополнял их. Это произошло и с некоторыми стихотворениями, опубликованными в «Сирене». Стихотворение «Одиночество», впервые опубликованное в № 1 «Сирены» и вошедшее в неизменном виде в книгу «За гранью прошлых дней», сам Блок датировал 1899 годом. Однако 25 января 1899 года им была написана другая редакция этого стихотворения, значительно более короткая (содержащая 20 строк, а не 44 строки) и не имеющая названия. Какие изменения внес поэт в текст этого стихотворения? В сущности нетронутыми сохранились только повторяющиеся две первые и последние строки:

Река несла по ветру льдины,
Была весна и ветер выл... [1, с. 4].

За прошедшие почти двадцать лет значительно расширились интертекстуальные связи стихотворения. В ранней редакции угадывался Ф. Тютчев:

Сию задумчив и один,
На потухающий камин
Сквозь слез гляжу...
С тоскою мыслю о былом
И слов, в унынии своем,
Не нахожу... [14, с. 129].

Сравним у Блока в редакции 1899 года:

Из потухавшего камина
Неясный сумрак ночи плыл.
Он был один, забытый миром,
Давно немой, давно один...
...Его отвергли все и всюду... [7, с. 221].

В новой редакции раздвигаются «границы прошлых дней», образ ранее лишь бегло очерченного, романтически отверженного «одинокки» трагически заостряется, воспринимается в контексте всей блоковской «трилогии вочеловечения»:

В вечернем сумраке всплывали
Пред ним виденья прошлых дней...
Он вспоминал свои метанья,
Будил тревоги прежних дум...
И было сладко быть усталым,
Отрадно так, как никогда,
Что сердце больше не желало
Ни потрясений, ни труда,
Ни лести, ни любви, ни славы,
Ни просветлений, ни утрат...
Вспоминанья величаво,
Как тучи, обняли закат,
Нагромоздили груды башен,
Воздвигли стены, города,
Где небосвод был желт и страшен,
И грозен в юные года... [1, с. 4].

Можно предположить, что этот новый текст вообрал в себя не только горький опыт пути лирического героя поэта, но и блоковское видение образа «демона XX века» – «отца» из поэмы «Возмездие», работу над которой он неоднократно пытался завершить, вплоть до 1921 года. В 1918 году отрывки из поэмы печатались в альманахе «Скрижаль» (редактор Д. Мартынов). Не случайна «перекличка» начальных и конечных строк «Одиночества» с фрагментом из первой главы поэмы:

...Вешняя река
Неслась – темна и широка,
И льдины грозно нависали... [8, с. 37].

«Ночь», «мрак», воющий «ветер» – сквозные образы трагедии Ф. Грильпарцера «Праматерь», к переводу которой Блок снова вернулся после 1908 года, когда она была успешно поставлена в театре Ф.Ф. Комиссаржевским. Поэт понимал эту пьесу значительно глубже, чем средневековую «трагедию рока», по-видимому, она ассоциировалась в его художественном сознании с собственными мучительными раздумьями о дворянском «роде, испытывавшем на себе возмездие истории». «Ведь для того, чтобы понять чью-нибудь гибель, будь то <...> сословие или отдельный человек, надо сна-

чала полюбить погибающего, проникнуть в его отходящую душу» [9, с. 294], – писал он о персонажах «Праматери», графе Боротин, его дочери Берте и сыне Яром мире.

Естественно предположить, что основной текст стихотворения «Одиночество» нужно отнести к 1918 году, то есть к дате публикации в воронежской «Сирене».

Стихотворение «Артистке», впервые опубликованное в №2–3 «Сирены» за 1918 год, А. Блок, судя по всему, не стал подвергать серьезной переработке, внося в 1916 году небольшие изменения только в отдельные строки. Это стихотворение он не включил затем в книгу «За гранью прошлых дней», поэтому блокведы, начиная с В.Н. Орлова, находят ему место в первом (в издании 1961 г.) или четвертом томе (в издании 1997 г.) лирической трилогии в разделе «Разные стихотворения» с датировкой: 15 октября 1900 года. В.Н. Быстров, комментируя текст этого стихотворения в четвертом томе академического собрания сочинений Блока, отмечает в нем реминисценцию из фетовского стихотворения «Музе» (1882).

Сравним у Фета:

Все та же ты, заветная святыня,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе [15, с. 253].

И у Блока:

Ты несравненна, ты – богиня,
Твои веселье и печаль –
Моя заветная святыня,
Моя пророческая даль [2, с. 55].

Известная драматическая актриса Мария Гавриловна Савина, которой было первоначально, в рукописи, посвящено это стихотворение, неоднократно упоминается в статьях Блока («О театре» 1908 г.), в его письмах жене (в частности, в отклике на постановку драмы З. Гиппиус «Зеленое кольцо» в 1915 г.). Однако, объясняя в дневнике 1918 года некоторые «темные места» «Стихов о Прекрасной Даме» и вспоминая собственные ранние театральные «опыты», Блок ни разу не обращается к фамилии Савиной, поэтому текст стихотворения в публикации «Сирены» с «небесными чертами» его героини вполне может быть «переадресован» другой «артистке», то есть Л.Д. Менделеевой.

Во № 2–3 «Сирены» было впервые опубликовано еще одно стихотворение А.Блока – «Там, за далью бесконечной...» (иной вариант названия – «В этой дали бесконечной...»). По сравнению с ранней редакцией 1899 года, хранящейся в Государственном литературном музее, этот текст был сокращен автором при отправке в воронежский журнал на одну (серединную) строфу, видимо показавшуюся зрелому Блоку излишне «фетовской»:

Посмотри: в ночном тумане
Ярче, выше, горячее
На небесном океане
Звезды искрятся ночей [7, с. 224].

В «сиреновской» редакции отчетливей прозвучал дорогой для поэта мотив воспоминания об утраченном «счастье прошлых дней»:

Это звезды светят вечно
Над землею без теней.
В их сияньи бесконечном
Вижу счастье прошлых дней [3, с. 55].

Закономерно, что именно в таком «окончательном» виде стихотворение в 1919 году вошло в книгу «За гранью прошлых дней».

Стихотворению «Заклинание», которое В. Нарбут опубликовал в №4–5 «Сирены» в 1919 году, повезло меньше других присланных в Воронеж блоковских тестов. Его напечатали в журнале с ошибками, выделив только первую строфу из шести. В книгу «За гранью прошлых дней» оно не вошло. В комментариях В.Н. Орлова к восьмистопнику А. Блока датой первой публикации назван 1926 год (в сборнике «Неизданные стихотворения»). Н.Ю. Грякалова, комментируя «Заклинание» в четвертом томе академического полного собрания сочинений Блока [7, с. 579], учла воронежскую публикацию и рассмотрела текст этого стихотворения, написанного летом 1903 года в Бад-Наугейме, в контексте увлечения молодого поэта рыцарской романтикой Р. Вагнера. Действительно, в «Заклинании» можно найти реминисценции из музыкальных драм «Валькирия» и «Зигфрид»:

Полная гневной тревоги,
Девушка ищет меча...
Ночью на горной дороге
Падает риза с плеча [4, с. 107].

Ранее, в 1900 году, поэт создал стихотворение «Валькирия (На мотив из Вагнера)», в котором использовалась аналогичная образная система. Кроме того, необходимо вспомнить, что в марте 1918 года А. Блок снова обратился к творчеству Р. Вагнера, написав статью «Искусство и революция».

Последнее блоковское стихотворение «Над синевой просторной дали», напечатанное в № 4–5 «Сирены», ранее, в 1908 году, публиковалось в газете «Слово» (1 июня. № 472). Сам поэт датировал его 1901 годом, а Г.К. Каурова, комментируя текст этого стихотворения для академического собрания сочинений, отмечала, что он перерабатывался дважды перед каждой публикацией. Больше всего Блок работал над первой строфой, «являющей» героиню «народной толпе»:

1-я редакция:

Из непонятной синей дали
Она несла свои мечты.
Спокойной совестью дышали
Ее наивные черты [4, с. 340].

2-я редакция:

Из бездыханной синей дали
Она несла свои черты
Безмолвной строгостью дышали
Вкруг лика белые цветы [4, с. 340].

3-я редакция, сделанная для «Сирены», без изменений вошедшая затем в книгу «За гранью прошлых дней»:

Над синевой просторной дали
Сквозили строгие черты.
Лик безмятежный обрамляли
Речные белые цветы [5, с. 107].

В дневнике 1918 года, комментируя «непопные» образы «Стихов о Прекрасной Даме», А. Блок вписал это стихотворение в контекст начальной стадии формирования мистического идеала своей ранней лирики.

Таким образом, отправка пяти стихотворений в воронежскую «Сирену» В. Нарбуту стала для А. Блока не только «любезным жестом» выполнения просьбы А.М. Ремизова, с которым поэт поддерживал дружеские отношения, и не просто способом немного заработать в трудное послереволюционное время. Это была своеобразная «творческая лаборатория», пересмотр юношеской лирики, первый этап подготовки к изданию книги «За гранью прошлых дней».

Библиографический список

1. Блок Александр. Одиночество // Сирена. Пролетарский двухнедельник. – Воронеж, 1918. – № 1.
2. Блок Александр. Артистке // Сирена. Пролетарский двухнедельник. – Воронеж, 1918. – № 2–3.
3. Блок Александр. Там, за далью бесконечной // Сирена. Пролетарский двухнедельник. – Воронеж, 1918. – № 2–3.
4. Блок Александр. Заклинание // Сирена. Пролетарский двухнедельник. – Воронеж, 1919. – № 4–5.
5. Блок Александр. Над синевой просторной дали // Сирена. Пролетарский двухнедельник. – Воронеж, 1919. – № 4–5.
6. Блок А.А. Записные книжки. – М.; Л.: ГИХЛ, 1965. – 664 с.
7. Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. – Т. 4. – М.: Наука, 1999. – 639 с.
8. Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. – Т. 5. – М.: Наука, 1999. – 570 с.
9. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. – Т. 4: Театр. – М.; Л.: ГИХЛ, 1961. – 604 с.
10. Быстров В.Н. Комментарий к стихотворению «Артистке» // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. – Т. 4. – М.: Наука, 1999. – 639 с.
11. Грякалова Н.Ю. Комментарий к стихотворению «Заклинание» // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. – Т. 4. – М.: Наука, 1999. – 639 с.
12. Иванова Е.В. А. Блок после Октября: идейное самоопределение и особенности творческого развития: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М.: ИМЛИ РАН, 1993. – 38 с.
13. Крюков А.С. Воронежский год Владимира Нарбута // Сирена. Пролетарский двухнедельник. Воронеж. 1918–1919. – Воронеж, 2013. – С. 168–187.
14. Тютчев Ф.И. Полн. собр. стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1987. – 448 с.
15. Фет А. Собр. соч.: в 2 т. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1982. – 576 с.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ М. ПРИШВИНА

В статье исследуется пришивинское восприятие революционных событий как «мировой катастрофы», разрушившей земледелие и культуру России, способствовавшей размежеванию народа и интеллигенции, умалению личностного начала, превратившего человека в обезьяну, а общество – в легион. Рассмотрено отражение взглядов писателя на события политической и социальной жизни страны в его «потаенном» дневнике, в публицистических статьях и в художественных произведениях. В рассказе «Орел» выявлена мысль Пришвина о насильственном «приручении» большевиками народа и интеллигенции, о потере ими свободы. На материале рассказа «Голубое знамя», отразившем лично пережитое Пришвиным во время тюремного заключения в начале 1918 года, раскрыто мироощущение писателя, неприятие существующего миропорядка. Рассмотрение полемики Пришвина с А. Блоком выявило твердость позиции Пришвина, неприемлемость для него соглашений с большевиками в 1917–1922 гг. В анализе повести «Мирская чаша», в которой наиболее полно и концентрированно отражена художественная философия писателя, преимущественное внимание уделено осмыслению им проблем личности и государства, народа и интеллигенции, изображению тяжелой жизни народа и униженного положения образованных людей в первые годы советской власти. Историософская концепция Пришвина рассмотрена в свете философских идей А.С. Пушкина о государстве и личности и идей Ф.М. Достоевского о христианстве и социализме. Уделено внимание творческой позиции художника, проявившейся в его споре с Б. Пильняком по поводу изображения революционной действительности и большевиков в литературе. В статье выявлено отражение русской революции в художественном сознании Пришвина 1917–1922 гг.

Ключевые слова: художественное сознание, историософия, христианство, социализм, потаенный дневник, художественное творчество, мировая катастрофа, личность, легион, человекообезьяна.

Отсчет новой культурной эпохи, пришедшей на смену периоду русского Ренессанса, Пришвин вел с начала Первой мировой войны, «освободившей на волю <...> огромное количество зла» [3, с. 212]. К Февральской революции он отнесся настороженно, не веря в возможность революционного преобразования жизни России. Весной 1917 года Пришвин приехал из Петрограда в свое бывшее имение Хрущево Елецкого уезда как делегат Временного Комитета Государственной думы с целью изучения жизни глубинки страны. В дневнике, на материале которого писал очерки и заметки, он фиксировал наиболее важные явления: раздел земли, митинги, активизацию большевиков, призывавших крестьян «к захватам, насилиям, немедленному дележу земли, значит, к немедленной резне деревень между собой. Потом одумались крестьяне и ... постановили на сходе: – Бить их, ежели они опять тут покажутся» [3, с. 302]. Пришвин видел, что материальная и нравственная жизнь за время революции ухудшились: «...У крестьян от дележа помещичьей земли прибавилось по восьминнику (1/4 дес.), но ссор, обид через этот дележ вышло столько, что восьминнику этому не радуются, словом, зла явно больше, чем добра» [3, с. 322].

Вернувшись осенью в Петроград, Пришвин оказался в эпицентре «русской смуты». Посетив Демократическое Всероссийское совещание 14 сентября, он написал в дневнике о «сильнейшем впечатлении» от речи А.Ф. Керенского, сменившемся ощущением театральности происходящего, когда понял, что Временное правительство не сможет удержать власть: «...В действительной жизни

власть не такая, она страшная. Эта же власть кроткая ...» [3, с. 366]. «Страшную» власть воплощали большевики: «В них есть величайшее напряжение воли, которое позволяет им подниматься высоко, высоко и с презрением смотреть на гибель тысяч своих же родных людей, на забвение, на какие-то вторые похороны наших родителей, на опустошение родной страны. Мы, живущие чувством обыкновенных сынов родной земли, не можем понять, оправдать, вынести всю эту низость человеческой звериной природы. Они могут, они это не замечают, они презирают». Их веру в то, что русская революция «есть факт мировой, этот новый строитель всей мировой жизни», Пришвин назвал верой Наполеона: «Так воцарился на земле нашей новый, в миллион более страшный Наполеон, страшный своей безликостью. Ему нет имени собственного – он большевик» [3, с. 366–367].

Октябрьский переворот художник воспринял как «самозванный» захват власти большевиками, стихийное бедствие, мировую катастрофу. В «России в слове» (литературном приложении к газете «Воля народа», редактируемом Пришвиным) 29 октября опубликовано «Слово о гибели Земли Русской» А.М. Ремизова, «одновременно и панихида по “Святой Руси” и анафема русской революции» [1, с. 214]. В статьях, печатавшихся в эсеровских газетах, Пришвин обвинял большевиков в подавлении свободы мысли и слова, осуждал жестокость, требовал бережного отношения к человеческой жизни. Большевики для него – «порождение ехидны», а Ленин – «голый вор», «убивец», действующий по логике Раскольникова. Дважды в газетах (25 марта в «Новом вечернем часе», затем

14 апреля в «Раннем утре») Пришвин опубликовал рассказ «Орел» – о приручении орла, дергая за веревку. Он дополнил записи из Киргизского дневника фразой: «Орел больше не знает свободы, его передергали» [8, с. 325], имплицитно выразив мысль о насильственном «приручении» большевиками народа и интеллигенции, о потере ими свободы.

В тюрьме, где он оказался вместе с редакцией газеты «Воля народа», писатель услышал о разгоне Учредительного собрания, на которое возлагал надежды как на законную демократическую власть, и о самосудах, а выйдя из тюрьмы, с негодованием прочитал статьи А. Блока «Может ли интеллигенция работать с большевиками?», «Интеллигенция и революция». На призыв Блока к интеллигенции сотрудничать с властью он откликнулся резкой статьей «Большевик из “Балаганчика” (Ответ Александру Блоку)». В один и тот же день, 28 января 1918 года, в газете «Раннее утро» опубликован пришвинский рассказ «Голубое знамя», а в дневнике Блока появилась запись «Двенадцать». Рассказ об арестованном по ошибке и сошедшем с ума от страха купце послужил творческим стимулом для создания Блоком поэмы. У Пришвина Петроград страшный, пустынный, «всюду стрельба», «...старинный страх... нащептывает: “Вдруг это и есть такая настоящая правда и такая новая жизнь сложится до второго пришествия?”» [2, с. 164]. Купцу кажется, что «наперекор всему новому, красному, как бы голубым знаменем раскинулось старое» [2, с. 163]. Авторская позиция – неприятие существующего миропорядка – выражена отчетливо. Художественное сознание писателей существенно отличалось, и это не могло не сказаться в произведениях. Для Блока важен вселенский масштаб событий, у Пришвина же образ Петрограда трансформируется в образ России: «Метель засыпала всю рассыпанную Русь, и соединила в одно прежнее белое необъятное царство» [2, с. 164]. И если поэт «горным своим глазом» «разобрал в революции Интернационал», то Пришвин «своим долинным чутьем понимал, что, чем меньше жертв, тем лучше» [6, с. 140], и был уверен, что Блок не может не «прозреть» [9].

Полемика писателей имела не только политический, но и философский характер: речь шла о культуре и цивилизации, личности и обществе, народе и интеллигенции. Эти вопросы стоят в центре повести «Мирская чаша», где наиболее полно и концентрированно отражена художественная философия Пришвина. Опубликовать повесть в альманахе «Круг» не удалось, А.К. Воронский сказал, что «нечего и думать посылать ее в цензуру». Пришвин обратился за поддержкой к Л.Д. Троцкому, но тот назвал повесть «сплошь контрреволюционной». Пришвин с горечью записал в дневнике, что «легальную вещь» он никогда не сможет написать, потому что видит только страдания людей: «В лучшем случае <...> останется одна тема: Евгений из

“Медного всадника”» [5, с. 261]. Пушкинские образы помогли ему осмыслить взаимосвязь государства и личности, и когда он в июне 1918 года ехал из Ельца в Москву и вспомнил просьбу знакомых рассказать Ленину об их жизни («не вникнет ли он в положение по-человечески»), то думал о том, что может сказать Ленину о безумии Евгения [4, с. 105]. Логика мысли Пришвина очевидна: подобно наводнению, революция сломала привычный уклад жизни, заставила страдать обыкновенных людей. Он видел, что личность мало значима для большевиков [3, с. 382, 386–388; 6, с. 287], и не принимал жертвы личностью в пользу коллектива.

Повесть «Мирская чаша» оказалась настолько политически острым произведением, что полностью ее напечатали лишь в 1990-е гг. Смысл названия проясняет дневниковая запись: «Мне снилось, будто душа моя сложилась чашей...» [5, с. 248]; душа писателя вместила в себя судьбу России, мучительно выбирающей путь. Революция в повести предстает как ад, в который большевики ввергли страну: «ради блага общего человечества происходит над живыми людьми жестокая расправа» [4, с. 106]. Писатель отразил всеобщую озлобленность, сопротивление «старого мира», насилие со стороны представителей новой власти.

Как и многие другие художники слова, в дни революции Пришвин думал об эпохе Петра Первого – не случайно «самого страшного из всех комиссаров» он назвал Персюком. В этом образе соединены черты комиссаров, упоминаемых в дневнике: Лукина, Львова, Горшкова и других. Имя будущего героя повести встречаем в записи от 15 ноября 1918 года: «Появление Семена Кондратьевича Лукина (Персюк Бабури) <...> Лукин едет, и ему на ходу жалется, и он тут же решительные меры...» [4, с. 186].

О бывшем матросе, любившем рассказывать, как он читал Маркса, упоминается в записи 1919 года [4, с. 234], а в повести с иронией нарисована сценка с рассказом Персюка: «... бывало, на море заберешься в канат от офицера, высадишь бутылку враз и ну Маркса читать. – Маркса? – И думаешь при этом, как бы достигнуть... – Чего достигнуть? – Стоп! – Запрокинув голову, постукал себя пальцем по горлу. – Есть?» [7, с. 372]. Не удивительно, что издателями текста в 1970-е годы сделана купюра. Персюк убивает родного брата Фомку, ставшего связным банды, окунает в прорубь и держит на морозе крестьян, отказывающихся платить налоги, при вести о его приближении все в ужасе разбегаются в разные стороны. Но этот властитель «с глазами, как у Петра Первого при казни стрельцов», – «вовсе не дурной человек»: он «высоко чтит образование», ценит гуманность. Так Пришвин характеризовал своего героя в письме Б. Пильняку, споря с ним по поводу изображения большевиков в литературе, отвергая упрощенность, шаблоны. Само изображение дей-

ствительности в романе «Голый год» вызывает возмущения: Пришвин считает, что Пильняку не удалось отразить быт революции, потому что он «не смеет стать лицом к лицу к факту революции» [5, с. 256]. Свою же повесть Пришвин назвал «вещью художественно правдивой» [5, с. 260].

Картина мира в «Мирской чаше» строится на переосмысленном дневниковом материале. Подзаголовок повести – «19-й год XX века», однако большая часть описанных событий происходила в реальности в 1920–1921 гг., когда писатель работал учителем и хранителем музея усадьбы быта на Смоленщине. Об ожидании конца власти большевиков, кощунствах взрослых и детей, маниакальной страсти к уничтожению культурных ценностей, о загаженности территории «на десять верст вокруг» прекрасного барского дома, в котором расположились детская колония и школа; об обливании павлинов помоями, об озверении человека, превращении его в человека-обезьяну, говорится и в дневнике, и в тексте повести, причем чаще всего одними и теми же словами. Без изменений вошли в «Мирскую чашу» из дневника слова «...слышишь отдельное: про нового комиссара, что хороший человек, свойский, такой же прощелыга, как мы» [5, с. 107; 7, с. 364]. Фраза же «Насчет религии не беспокойтесь: в Карле Марксе есть все Евангелие» [4, с. 197], услышанная писателем в Ельце в 1918 году, в текст введена как часть диалога старушки с бывшим дьяконом («– Насчет религии вы не беспокойтесь, Пелагея Фоминишна: в Карле Марксе есть все Евангелие, только уж, конечно, без прологов и акафистов, но ведь это не главное. – Конечно, батюшка, не главное, был бы с нами Господь Иисус Христос. – Ну, это все в Карле Марксе есть, не беспокойтесь!» [7, 410]), придав сатирическую окраску изображаемому.

Пришвинская историософская концепция связана с идеями Ф.М. Достоевского о христианстве и социализме. В революции Пришвин видел «смердяковщину»: «В нашем городе главный комиссар – Смердяков: длинное, бледное лицо без волос, мутные глаза, никто никогда на лице не видел улыбки» [4, с. 76]. Так изображен оратор «с пепельным лицом и всеми кривыми чертами лица», кричащий: «Смерть! <...> За одну голову этого товарища мы возьмем тысячу голов: смерть, смерть!» [7, с. 412]. Рассказ о «Товарище Покойнике» воспринимается как фантазмагория, но абсурдный с точки зрения здравого смысла случай произошел в действительности [см.: 4, с. 294; 5, с. 126]. Сцена похорон «выросла» из дневниковых записей разговоров о возможности жить без вражды, без оружия, о «статях» (идолах).

В «Мирской чаше» освещено униженное и бесправное положение интеллигенции. Трижды повторенный рассказ о том, что Алпатову не выдали капусту, потому что он сельский «шкраб», играет

большую роль в раскрытии замысла писателя. Рассказ вошел в текст из дневника [5, с. 100], но в него включены встречи Алпатова с «оборванными шкрабами», убежденными, что «голодные не могут быть христианами» [7, с. 394], с руководителями сети народного образования: бывшим рабочим, который молится «своим богам» – Ленину и Троцкому, презируя окружающих, некультурными «мальчишками», запугивающими учителя: «Пришлем милиционера: вас нужно выжать, как лимон» [7, с. 395]. В дневнике есть запись о Ленине, объявившем «интеллигенцию лимоном, из которого народ должен выжать все соки и потом выбросить. Народ тянул обухом по лимону, брызги разлетелись в разные стороны», законченная фразой: «Огородник Иван Афанасьевич пришел и сказал: “Во всем была виновата ан-тиллигенция”» [4, с. 268].

Писатель отразил формирование у крестьян недоверия к образованным людям как к классовым врагам. Интеллигенция, которую всегда отличала тяга к «народным низам», потеряла связь с народом. Произошло это потому, считает писатель, что большевики в поисках путей к народу абсолютизировали идею, что и привело после их победы к торжеству легиона, потере личного начала – самому страшному, что могло случиться с людьми. Эта мысль была подчеркнута в первоначальном названии повести – «Раб обезьяний».

Но, несмотря на «апокалипсические настроения», Пришвин стремился перебороть их: «...По самому искреннему хочется проклясть всю эту мерзость, которую называют революцией, а станешь думать, выходит из нее хорошо, да, хорошо: сонная, отвратительная Россия исчезает, появляются вокруг на улице бодрые, энергичные молодые люди...» [5, с. 267]. К «захватившим власть» он не чувствовал «такой вражды, чтобы вступить с ними в войну и примкнуть к другой группе»: «...Их правда, – думал он, – но осуществится она не теперь, не насильно» [3, с. 254–255]. Он накануне диалога с советской эпохой. Подсказывает эту мысль следующая дневниковая запись: «“Идиот” Достоевского: он может отталкивать (князь Мышкин) от себя, когда представишь себе полного человека: женщина, ребенок и даже просто “обыватель” несут в себе миссию этого полного жизненного человека будущего против уединенной культуры самолюбия современного человека. Если подходить с этой точки к социализму, то тут много правды: этот полный человек у них называется “общественный человек”» [5, с. 12]. Писателю диалогического типа сознания, избравшему для себя путь Слова во имя утверждения жизни, хотелось «примирить все противоположности».

Библиографический список

1. Иванов-Разумник Р.В. Две России // Скифы. – 1918. – № 2. – С. 201–231.

2. *Пришвин М.М.* Голубое знамя // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: Росток, 2004. – С. 162–167.

3. Пришвин М.М. Дневники, 1914–1917. Книга первая. – М.: Моск. рабочий, 1991. – 432 с.

4. Пришвин М.М. Дневники, 1918–1919. Книга вторая. – М.: Моск. рабочий, 1994. – 384 с.

5. Пришвин М.М. Дневники, 1920–1922. Книга третья. – М.: Моск. рабочий, 1995. – 336 с.

6. Пришвин М.М. Дневники. 1926–1927. Книга пятая. – М.: Русская книга, 2003. – 592 с.

7. *Пришвин М.М.* Мирская чаша // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: Росток, 2004. – С. 358–422.

8. *Пришвин М.М.* Орел // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: Росток, 2004. – С. 323–325.

9. *Холодова З.Я.* «...Человек, живущий “в духе”...» (А. Блок в дневнике М. Пришвина) // Михаил Пришвин: Актуальные вопросы изучения творческого наследия: Материалы междунар. науч. конф. Вып. 1. – Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. – С. 83–90.

ВОПРОСЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЗНАНИЙ

В статье излагается одна из концепций категоризации знаний. Освещены виды ментальных «упаковок». Под категоризацией понимается сложный процесс познавательной деятельности человека. Процессы категоризации имеют культурно обусловленный характер. Рассматриваются различные подходы к категоризации знаний. Указывается специфика категоризации в научной и наивной картинах мира. Сущность традиционного подхода заключается в том, что все единицы, входящие в ту или иную категорию, должны обладать одинаковым набором существенных признаков. Прототипический подход ориентирован на типичных представителей той или иной категории. Прототипы представляют собой основу культурно значимой концептуальной структуры данной категории. Прототипы отражают стереотипы, функционирующие в той или иной лингвокультурной общности. Входящие в концепт смыслы структурируются в виде геистальта, фрейма, сценария. Определение того или иного геистальта связано с выявлением базового образа, который является общим для ряда внутренних форм языковых единиц, репрезентирующих один и тот же концепт. Данный тип «упаковки» обычно актуален на начальных этапах познания, поскольку является прежде всего результатом пассивного, эмоционально-чувственного восприятия явления. Фрейм организует понимание и категоризирует опыт, описывает то, что в данном обществе является типичным. Лингвистическая релевантность vs. нерелевантность слота / фрейма говорит о степени его актуальности для сознания говорящих. Скрипты и сценарии отражают национальную специфику концептуализации тех или иных категорий. Набор и порядок следования сцен в разных культурах не всегда совпадает. Воспроизводимость того или иного сценария говорит о соответствии его стереотипам, культурным установкам, сложившимся в обществе ценностям.

Ключевые слова: категоризация, картина мира, прототип, геистальт, сценарий, фрейм.

Категоризация – сложный процесс познавательной деятельности человека, включающий в себя (а) образование категорий, обобщающих продукты концептуализации, (б) соотнесение со сформированными категориями новых знаний об устройстве мира, (в) структурирование знаний в виде фрейма, сценария и др., а также (г) классификацию языковых единиц, репрезентирующих данные ментальные величины. Под категорией следует понимать ментальные и языковые группы элементов, выделяемые на основании того или иного признака (признаков), общности функций. Категория не только является результатом отражения действительности, но и выражает специфику её понимания. Процессы категоризации, суть которых заключается в объективации результатов когниции, тесно связаны с механизмами кодирования. Эти механизмы являются «матрицей семантизации окружающего мира» [1, с. 82], то есть категоризация отражает не только то, какими знаниями мы владеем и как их применяем, но и формы и способы сохранения знаний.

Процессы категоризации имеют культурно обусловленный характер. Так, в русском языке вишня и черешня входят в категорию ягоды, в немецком – фрукты. Различаются результаты категоризации в научной и наивной картинах мира. Например, в научной картине мира кит – млекопитающее животное, в наивной – рыба.

Существует несколько подходов к пониманию сущности категоризации и её объективации в языке. Рассмотрим их.

Традиционными являются учения, восходящие к трудам Аристотеля и Платона. Сущность этого подхода заключается в том, что все единицы, входящие в ту или иную категорию, должны обладать одинаковым набором существенных признаков, иметь тождественный статус в процессе категоризации. Данный подход осуществляется при составлении той или иной классификации. Например, семантическая классификация лексики предполагает наличие у всех элементов, образующих категорию, общей архисемы и одной или нескольких одинаковых дифференциальных сем в зависимости от уровня классификации. Так, терминологию самоварного промысла можно разделить на восемь групп: наименования технологических процессов и операций, инструментов, дефектов, материалов, видов продукции, профессий, приспособлений, инструментов. Каждая из указанных групп выделяется на основании общности архисемы, которая обозначена в названии лексической совокупности. Тематическая группа «Инструменты» имеет три уровня классификации. Каждая подгруппа включает в свой состав термины, дефиниции которых обладают общей дифференциальной семой, соответствующей тому или иному уровню классификации:

1-й уровень. Общая дифференциальная сема 'обрабатываемый материал': *деревобрабатывающий / металлообрабатывающий инструмент*;

2-й уровень – в группе «Металлообрабатывающий инструмент». Общая дифференциальная сема 'функция инструмента': *крепёжный, чистящий, сверлильный, раскроечный, гибочный, режущий, отделочный инструмент*;

3-й уровень – в группе «Отделочный инструмент». Общая дифференциальная сема ‘молоток’: *выемочный, кубовой, ленточный, отливной молотки, наводильник* (‘самоварный восьмигранный молоток, которым оттягивают стенки самовара’), *киянка* (‘деревянный молоток’).

Данный вид категоризации используется при научном картировании мира.

Другой подход основывается на трудах Л. фон Витгенштейна. В науке этот подход получил название теории *фамильного* (семейного) *сходства*. Сущность этой теории заключается в том, что тождественные признаки могут встречаться не у всех членов категории, а лишь у некоторых, причём набор признаков может варьироваться. Прототипом этой категории стали признаки членов одной человеческой семьи: одни родственники имеют общие черты характера, другие – внешнего сходства и т. п. Учение Л. фон Витгенштейна дало возможность для развития теории прототипов, представленной, в частности, в трудах Э. Рош.

Результаты процесса категоризации при данном подходе можно распределить по трём уровням: суперординатному (наиболее высокому, абстрактному, указывающему на родовые понятия), базисному и субординатному (включающему в себя единицы, детально характеризующие отдельные стороны какого-либо явления или именующие неактуальные объекты действительности). Наибольший интерес представляют те единицы, которые являются составляющими базисного уровня, ибо они представляют собой «скелет» культурно значимой концептуальной структуры данной категории. Единицы, входящие в базисный уровень, называют прототипами. Прототип – привилегированный член, лучший образец той или иной категории, в наиболее полной форме отвечающий сути явления, проявляющий наилучшим образом свойства, характерные и для других её членов. Вокруг него группируются все остальные представители категории. Статус прототипа всегда культурно значим, поскольку прототипы отражают стереотипы, функционирующие в той или иной лингвокультурной общности. Так, в англосаксонской культуре прототипом птицы является малиновка, а в русской – ворона. В русской лингвокультуре прототипом гарнира является картофель, в азиатских – рис, в итальянской – паста.

Если при логическом подходе к процессу категоризации значения, формирующие ту или иную категорию или субкатегорию, имеют однотипную структуру, интегральные для той или иной категории семы обладают тождественным статусом в структуре значения, то при прототипическом – одинаковые по содержанию семы, как мы видели выше, могут иметь разный статус: быть архисемой, входить в дифференциальную, потенциальную или коннотативную часть семемы.

Полное лингвокультурологическое описание концепта невозможно без совмещения принципов одной и другой теории: «...Мы нуждаемся в синтезе двух традиций, а не в предпочтении одной в ущерб другой. В семантическом анализе есть, конечно, место для прототипов, но есть место и для вариантов – одно не исключает другого» [2, с. 201]. Если классическая теория наилучшим образом отражает процессы научной категоризации, то прототипическая – наивной.

Для лингвокультурологического исследования большой интерес представляет базисный уровень категоризации, в котором «сконцентрированы максимально релевантные для обывденного сознания свойства» [3, с. 14]. Единицы этого уровня частотны, структурно просты, высокоинформативны.

Культурная специфика категоризации проявляется и в связи частей в составе категории (как мы сможем увидеть далее, это касается как концептуальных категорий, например сценариев, так и языковых, например коррелятов синонимических или антонимических оппозиций). Так, смысл ‘делай дело своевременно’ структурируется в русской и англосаксонской культурах в виде сценариев, вербализованных внутренними формами языковых единиц. Ср.: *make hay while the sun* (буквально ‘готовь сено, пока солнце сияет’ – акцент делается на том, что работу нужно осуществить до вечера) / *коси, коса, пока роса* (указанный вид деятельности должен быть осуществлён утром).

Если в русском языке синонимы слова *труженик* указывают на отношение к работе (*работяга, трудяга, трудоголик*), на связь с концептом «Любовь» (*трудолюб*), то в немецком языке синонимический ряд *rastlos Arbeitende* (‘работающий без передышки’); *der Werktatige* (‘работающий на заводе’) отражает иные сценарии в понимании человека труда: он осмысляется через место осуществления трудовой деятельности либо через соотношение с концептом «Отдых». Связь компонентов в составе категории определяется сферой опыта, который в каждой культуре разный.

Прототипическая категоризация используется при структурировании наивных картин мира.

Если подходить к категоризации с позиций номинализма, её объектом становятся только слова. При этом единицы концептуального уровня остаются вне описания. При реалистическом подходе категоризация отражает естественное положение вещей в природе. В этом случае без внимания остаются концептуальные особенности той или иной картины мира и специфические способы её вербализации. Наиболее точно подходит к процессам категоризации концептуализм, учитывающий не только вербальный уровень, но и промежуточный между словами и референтами – концептуальный.

Концептуализация – процесс, протекающий на ментальном уровне, категоризация касается уров-

ня как концептуального, так и языкового. Рассмотрим культурные аспекты категоризации на концептуальном и языковом уровнях.

Исследование механизмов вербализации культурного знания требует изучения отношений концепта с более простыми, структурирующими его смыслами: научными и обыденными понятиями, представлениями, культурными установками, идеологемами, стереотипами, а также выяснения специфики их презентации в русском языке.

Рассмотренные мыслительные сущности могут иметь тот или иной тип «ментальной упаковки». Входящие в концепт смыслы структурируются в виде гештальта, фрейма, сценария.

Тот или иной смысл может быть «упакован» в виде концептуального гештальта, под которым, вслед за Д. Лакоффом, понимается целостный образ, совмещающий в себе чувственное и рациональное [4]. Определение того или иного гештальта связано с выявлением базового образа (матрицы), который является общим для ряда внутренних форм языковых единиц, репрезентирующих один и тот же концепт. Например, части самовара ремесленник называл *щёчки, борода, носик, ножки, ручки* – все эти названия соотносятся с базовым образом «человек».

Данный тип «упаковки» обычно актуален на начальных этапах познания, поскольку является прежде всего результатом пассивного, эмоционально-чувственного восприятия явления.

Под фреймом М. Минский, Т.А. Ван Дейк, Ч. Филлмор и некоторые другие ученые учили понимать социально обусловленную структуру знаний, представляющую тот или иной концепт (или его составляющую). Фрейм организует понимание и категоризирует опыт, описывает то, что в данном обществе является типичным. Например, пословицей *либо трынка-волынка, либо прялка-моталка* объективировано два фрейма: «тринка-волынка», в который включаются представления о досуге, гулянии, праздном времяпрепровождении, и «прялка-моталка», вербализующем знания о работе. Паремия *дом не велик, да лежать не велит* репрезентирует фрейм «дом», включающий в свой объём знания о ведении домашнего хозяйства.

Фреймы состоят из слотов. Слот (пустой узел) – это элемент фрейма, имеющий строго очерченный объём, но не обладающий содержанием. Это свойство слота позволяет идентичные виды знания включать в один фрейм. Иными словами, тот или иной слот в зависимости от ситуации заполняется переменными (конкретными данными той или иной ситуации). Например, фрейм «дом: домашнее хозяйство» можно представить в виде следующей структуры слотов: «ремонтные работы», «уборка», «стирка», «приготовление пищи», «уход за детьми», «содержание домашних животных» и пр. Понятно, что не все слоты данного фрейма могут

быть заполнены. Например, в рассказе Ф.А. Абрамова «Деревянные кони» репрезентируется данный фрейм, при этом указывается незаполненность слота «уход за детьми»: *«Максим... довольно равнодушный к своему хозяйству, как большинство бездетных мужчин, в последний выходной не разгибал спины: перебрал каменку в бане, поправил изгородь вокруг дома, разделал на чурки с весны лежавшие под окошками еловые кряжи...»*

В зависимости от объёма содержания структурируемого знания можно выделить гиперфреймы и гипотфреймы (субфреймы). Так, к гиперфреймам можно отнести фрейм «Труд» (структура данного фрейма дана ниже), к субфреймам – рассмотренные выше фреймы «дом», «прялка-моталка» и т. п.

Если фрейм или его слот репрезентируется словом, фразеологической единицей, паремией, его квалифицируют как лингвистически релевантный: *пахота, сенокос, тягловые повинности, мирская запашка, крутить баранку* (фрейм «труд водителя машины»), *бабе красна – мужику соха* (фреймы «пряление», «пахота»). Если репрезентация возможна только в форме текста, фрейм квалифицируется как лингвистически нерелевантный. Например, фрейм «выкладывание печей» является лингвистически нерелевантным, так как он не имеет однословных или устойчивых многословных репрезентаций и выражается только текстом. Так, частично он объективируется в рассказе А.Т. Твардовского «Печники». Лингвистическая релевантность vs. нерелевантность слота / фрейма говорит о степени его актуальности для сознания говорящих, поскольку наличие в языке той или иной языковой единицы свидетельствует о постоянной потребности у членов лингвокультурной общности или социума репрезентировать те или иные смыслы.

Тесно связаны с фреймом сцены, сценарии и скрипты. Все перечисленные виды концептуальной «упаковки» обусловлены понятием ситуации. Ситуация предполагает систему внешних по отношению к субъекту условий. Те или иные ситуации отражаются в нашем сознании в виде образов (пропозиций, картин), где можно рассмотреть участников ситуации, их функции, обстоятельства, в которых разворачивается ситуация. Совокупность выделенных компонентов образует сцену. Сцены, следуя одна за другой, развиваются по определённому сценарию. Стереотипный, типичный сценарий называют скриптом. В качестве примера языковой репрезентации скрипта можно привести пословицы: *на Семёнов день до обеда паши, а после обеда пахаря и вальком погоняй; сей рассадку до Егорья, будет щей вдоволь*. Так, первая паремия объективирует сценарий Семёнова дня (1 сентября), дня, который по старому стилю был началом нового года. В этот день завершались работы в поле: заканчивался сбор урожая, озимый посев. С этого дня обычно начинали в избе зажи-

гать огонь. По Семёнову дню предсказывали осеннюю погоду. Он открывал период женских работ («бабьего лета»): засолку огурцов, раскладывание льна и подобное. Всё это заставляло русского крестьянина придавать этому дню особое значение, считать его точкой отсчёта нового периода жизни. Указанная совокупность информации формировала фоновые знания главного участника этого сценария – русского мужика-хозяина. Первого сентября, на Семёнов день, ему нужно было до обеда закончить полевые работы (первая группа следующих друг за другом сцен, эксплицируемых в пословице) и отпустить наёмных работников (вторая группа сцен). Регулярность данного сценария придавала ему стереотипный характер, то есть перевела в ранг скриптов.

Скрипты и сценарии отражают национальную специфику концептуализации тех или иных категорий. Во-первых, набор и порядок следования сцен в разных культурах не всегда совпадает. Например, репрезентация смысла «прилагать излишнее старание к простому делу» в русском языке вербализуется внутренней формой, указывающей на сценарий «открывать ларец», а в английском – «есть вишню»: *a larчик просто открывался / to make two bites of a cherry* (буквально: ‘съесть вишню, раскусив её на две половинки’). Сценарии фокусируют внимание на наиболее значимых для лингвокультурной группы практиках. Ср. презентации сценариев в русской и немецкой лингвокультурах: солдат спит, а служба идёт // *auch wenn die Fischer schlafen, gehen die Fische ins Netz*. (Даже если рыбаки спят, рыба идёт в сеть). Хвалилась синица море зажечь // *mit dem Loeffel kann man das Meer nicht ausschoepfen*. (Ложкой нельзя вычерпать море). Подстрелянного сокола и ворона клювом долбит // *den toten Loeven kann jeder Hase am Barte zupfen*. (Мёртвого льва может каждый заяц за бороду дёрнуть). Работа не волк, в лес не убежит // *die Arbeit ist kein Frosch, sie huept uns nicht dafon*. (Работа не лягушка, она не ускачет). Старый конь борозды не

портит // *alte Ochse machen gerade Furchen*. (Старые быки делают прямые борозды). Стреляного воробья на мякине не проведёшь // *ein alter Fuchs geht nicht zum zweiten Mal ins Garn*. (Старая лиса второй раз в силки не попадает).

Во-вторых, воспроизводимость того или иного сценария говорит о соответствии его стереотипам, культурным установкам, сложившимся в обществе ценностям. Ввиду того что скрипт отражает стереотипные ситуации, он может быть соотнесён с базисным уровнем категоризации.

Лингвокультурологический подход к концепту отличается от взглядов когнитологов, рассматривающих фреймы, сцены, гештальты и прочее как способ структурирования содержания всего концепта и выделяющих на этом основании концепты-фреймы, концепты-гештальты, концепты-сценарии и др. (см. работы А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, З.Д. Поповой, И.А. Стернина и др.).

Таким образом, процессы категоризации на концептуальном уровне включают в себя оформление экстенсиналов ментальных сущностей, связаны со структурированием их интенсиналов и обусловлены многообразием человеческих практик, а значит, имеют культурно маркированный характер.

Библиографический список

1. *Алефиренко Н.Ф.* Этноязыковое кодирование смысла и культура // *Филология и культура: материалы 3-й междунар. конф. Ч. 2.* / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. – С. 82–84.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. словари, 1997. – 416 с.
3. *Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова и др. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. – 245 с.
4. *Лакофф Д.* Метафоры, которыми мы живём / Д. Лакофф, М. Джонсон // *Теория метафоры* / под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Жирмунской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.

О ТЕРМИНЕ ОПИСАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННОЙ ОБОРОТ

В статье рассматривается специфика описательного глагольно-именного оборота как собой единицы номинации. Выделены конститутивные признаки глагольно-именных аналитических конструкций. Отмечены универсальные свойства описательных оборотов: транзитивное употребление глагольного компонента, десемантизация глагола. Особое внимание обращено на участие разных элементов парадигмы описательного оборота в формировании семантической структуры предложения. Семантическая роль причастной формы глагольно-именных сочетаний зависит от коммуникативной функции определяемого существительного. Характеризующие описательные глагольно-именные обороты включаются в семантическую структуру предложения как факультативные атрибуты. Атрибутивно-ограничительные обороты образуют облигаторные семантические компоненты предложения – атрибуты семантического субъекта или семантического объекта. Семантическая роль деепричастной формы описательного глагольно-именного оборота в предложении зависит от семантики определяемого слова, синтаксической позиции, синтаксического окружения, порядка следования основных семантических компонентов. Обстоятельственно-характеризующие обороты входят в состав семантического предиката либо образуют факультативные семантические конкретизаторы. Предикативно-характеризующие описательные обороты являются второстепенными семантическими предикатами. Отмечены широкие функциональные возможности инфинитивной формы описательного оборота. Разнообразие семантических функций аналитических конструкций, образованных на основе подчинительной связи, в предложении позволяют считать описательные глагольно-именные обороты особой семантико-синтаксической категорией.

Ключевые слова: описательный глагольно-именной оборот, семантический предикат, семантическая структура предложения, парадигма.

Термин *описательный глагольно-именной оборот* введён в научный обиход П.А. Лекантом [10]. Под описательным оборотом (ОГИО) понимается «синтаксическая конструкция, основанная на несвободном употреблении глагола-призрака (лишённого определённого вещественного значения), семантически неделимая, обладающая всеми категориальными и формальными признаками глагола (значение процесса; формы спряжения и вида) и выполняющая в предложении функцию простого глагольного сказуемого» [10, с. 123]. В специальных исследованиях, посвящённых ОГИО, эта концепция получила дальнейшее развитие [7–9]. К ОГИО отнесены непредикативные сочетания, инвариантными признаками которых являются подчинительная связь между компонентами, грамматизация семантики глагольной лексемы, номинативная роль субстантивного компонента и проницаемость [9, с. 28–29].

Появившийся в конце XX века термин *описательный предикат* [6; 11] позволил объединить предикативные и непредикативные сочетания (*появилось предположение, делать предположение, нахлынули воспоминания, предаваться воспоминаниям, охватила радость, испытывать радость*), что привело к смешению глагольно-именных конструкций разных типов. Возникла тенденция рассматривать ОГИО среди описательных предикатов. Иногда указанные термины используются как синонимы. Однако, по нашему мнению, они не тождественны.

Прежде всего нужно заметить, что термин *описательный глагольно-именной оборот* связан с отечественной лингвистической традицией. Ср.: *описательные*

формы глагола [2, с. 508], *описательные фразеологические обороты* [3, с. 449], *описательный актив или пассив* [5], *глагольно-именные описательные выражения* [12] и т.п. В терминологии отражается неоднословный характер номинации действия или состояния. При этом имеются в виду непредикативные конструкции, образованные на основе подчинительной связи.

Нельзя не учитывать универсальный характер сочетаний, созданных по модели «глагол + абстрактное имя существительное». Транзитивное употребление является одним из факторов, способствующих десемантизации глагольного слова [4, с. 284]. Продуктивность ОГИО (в первоначальном понимании термина) в языках различных типов, при развитой системе субъектно-предикатных структур [14, с. 88–97], подтверждает правомерность выделения ОГИО как особой единицы номинации.

«Размытость» границ ОГИО обусловлена семантикой глагольного компонента – структурной основы данной синтаксической модели. Утрата глаголом конкретного лексического значения по-разному квалифицируется в лингвистических исследованиях. Это объясняется тем, что, по общему выражению А.М. Пешковского, «чем отвлечённее вещественное значение, тем труднее заметить его исчезновение (все равно как уход толстяка заметнее ухода худощавого)» [13, с. 218].

Тщательный анализ словарных дефиниций, связанный с традиционным подходом к описанию семантики слова, позволяет определить перечень глагольных компонентов, образующих ОГИО [9, с. 8–12; 231–239]. В современном русском языке

существует около ста моделей, по которым создаются ОГИО. Что касается их речевых реализаций, то они не поддаются учёту, поскольку комбинаторные возможности ОГИО не ограничены строгими пределами.

Важно и то, что ОГИО обладают особыми парадигматическими свойствами. Полная парадигма ОГИО включает как спрягаемые, так и неспрягаемые формы (ср.: *даёт ответ, давал ответ, будет давать ответ, давал бы ответ, давать ответ, дающий ответ, давая ответ*). Их роль в формировании семантической структуры предложения различна.

Личные глагольные формы образуют основной семантический предикат. Ср.: *Поезд давал свисток за свистком, и его свистом захлёбывалось, далеко разнося его, полое, трубчатое и дуплистое лесное эхо* (Б. Пастернак); *Мальчик был в том последнем отроческом возрасте, когда обращение «молодой человек» ещё приводит в смущение* (Л. Улицкая); *При этих словах у шефа стало такое лицо, что Эраст Петрович испытал недостойное злорадство – чувство, которого немедленно устыдился* (Б. Акунин); *Он не имел привычки глотать обиды* (К. Симонов); *Всё было оговорено, он произвёл на главного приятное впечатление, поспешил уволиться с фабрики и с неделю ходил лёгкий, остроумный, приятельский ко всем* (Д. Рубина); *Все они были учёными – физико-математиками, и Бутонов испытывал ко всем им необъяснимое чувство лёгкого презрения* (Л. Улицкая); и т.п.

Семантическая роль в предложении причастной формы ОГИО зависит от семантики определяемого имени и функционального значения ОГИО [8, с. 10–14]. Характеризующие ОГИО при конкретных существительных, а также при абстрактных существительных, не имеющих пропозитивного значения, уточняют содержание соответствующего имени, реализуя свое сигнификативное значение. Ср.: *Он скакал, размахивая руками, притягивая к себе Хосе, который на этот раз, устав от взятой на себя роли старшего и умного друга, вечно подвергавшегося издёвкам, полностью отдал себя в распоряжение певца* (Л. Улицкая); *Я, конечно, не учёный. Могу выступать для студентов как бизнесмен, внёсший немалый вклад в развитие двух альтернативных видов птицеводства* («Аргументы и факты». 18.09.2014); *Дом в Потаповском переулке, сменивший сотни жильцов, переживший на своих стенах обои шёлковые, ампирные, в полосочку, в розах, грубую масляную краску, зелёную и синюю, слои газет, дешёвые обои пористой бумаги, обдираемые неоднократно, дом, испытывавший за полтора столетия своего существования богатство и обнищание, рождения и смерти, убийства и свадьбы, уплотнение и коммунизацию, ремонты хуже пожаров, и мелкие пожары и потопы, в шестидесятые годы прошлого*

века стал украшаться изнутри чешской мебелью и треугольными столиками (Л. Улицкая); *Государственное агентство по геологии, в свою очередь, сообщило, что деятельность «Алтын Кумуштак майнинг», ведущей на месторождении разведочные работы, будет приостановлена* («Московский комсомолец». 9–16.04.2014); и т.п. В семантическую структуру предложения подобные ОГИО включаются как факультативные атрибуты.

Атрибутивно-ограничительные причастные формы ОГИО употребляются при синсемантических словах, неспособных самостоятельно идентифицировать предмет (при информативно недостаточных существительных: *вещь, дело, причина; человек, люди* и т.п.), а также при неопределённых и определительных местоимениях *всё, что-нибудь* и т.п.). Атрибутивно-ограничительные ОГИО не только выражают своё сигнификативное значение, но и участвуют в реализации денотативного значения определяемого слова, то есть выполняют и характеризующую, и идентифицирующую функции. Названные ОГИО образуют облигаторные семантические компоненты предложения – атрибуты семантического субъекта или семантического объекта. Ср.: *Люди, имеющие служебное, деловое отношение к чужому страданию, например, судьи, полицейские, врачи, с течением времени, в силу привычки, закаляются до такой степени, что хотели бы, да не могут относиться к своим клиентам иначе как формально...* (А. Чехов); – *Отвернись! – тоном человека, принявшего решение, сказал профессор жене, расшнуровав башмаки и отстёгивая подтяжки* (А. Зорич); *Получать бесплатно путевки в санатории смогут ежегодно и к тому же в первоочередном порядке граждане, подвергшиеся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне* («Московский комсомолец». 20.09.02); *Огромное количество людей, испытывающих комплекс неполноценности от развала советской империи, вдруг осознали: мы наконец-то вновь империя* («Московский комсомолец». 9–16. 04. 2014).

Семантическая роль деепричастных форм ОГИО в предложении определяется их синтаксической позицией, синтаксическим окружением, семантикой определяемого слова, порядком следования основных семантических компонентов [8, с. 14–19]. Так, постпозитивные обстоятельственно-характеризующие ОГИО со значением образа действия и со значением состояния включаются в состав семантического предиката, представленного глаголами релятивного употребления. Релятивное употребление характерно для неактивных динамических глаголов (*смотреть, всматриваться, жить, прожить* и др.), неактивных статических (*ждать, молчать*), глаголов активного действия: движения (*идти, скакать, ходить, уйти* и т.п.), говорения (*ответить, пробормотать, произнести,*

сказать и т.п.), глаголов, обозначающих какое-либо занятие (*писать, читать* и т.п.) [1, с. 17–18]). Ср.: *Не читайте ничего, не делая тут же замечаний на всякое правило и на всякое слово, записывая тут же это замечание ваше* (Н. Гоголь); *Они вышли из военкомата, испытывая счастливое возбуждение* (Ю. Бондарев); и т.п. При наличии семантических конкретизаторов, предшествующих описательному обороту, информация, вводимая им, утрачивает свою значимость и воспринимается как второстепенная, ОГИО выступают как факультативные конкретизаторы: *Больная еще не проснулась от хлороформа; она лежала неподвижно, изредка делая глубокие, свободные выдыхания* (В. Вересаев).

Постпозитивные обстоятельственно-характеризующие ОГИО при глаголах других семантических типов обладают менее тесной смысловой спаянностью с семантическим предикатом, включаются в семантическую структуру предложения как факультативные конкретизаторы. Ср.: *Разложив карту, Синцов стал докладывать обстановку, делая карандашом только слабые пометки, которые потом можно будет стереть резинкой* (К. Симонов); *Штабс-капитан уверил её, что теперь как-нибудь выкрутится, и расстался с дамой, испытывая смешанное чувство сожаления и облегчения, причём последнее было много сильнее* (Б. Акунин); *Именно в форме жёстко ограниченного лагеря существовало войско, совершая из него короткие набеги против внешнего врага и тут же возвращаясь обратно* («Литературная газета». 29.10 – 4.11.2014); и т.п.

Предикативно-характеризующие ОГИО (ОГИО со значением обусловленности, сравнительные, препозитивные ОГИО с временным значением) включаются в семантическую структуру в качестве второстепенного семантического предиката. ОГИО реализуют двустороннюю грамматическую связь – и с семантическим субъектом (подлежащим), и с семантическим предикатом (сказуемым), эта связь актуализируется синтаксической позицией (обычно ОГИО занимают препозицию по отношению к предикату) и синтагматическим членением. Ср.: *Все еще думая, что он меня стесняет, и, чувствуя неловкость, он виноватою походкою пробрался к своему диванчику, виновато вздохнул и сел* (А. Чехов); *Сделав все эти приготовления, Ремизов посмотрел на часы* (К. Симонов); *Внезапно неуравновешенный субъект взглянул на наших дам и, словно приняв решение, направился к ним широкими шагами* (Б. Акунин); *Во-первых, нельзя забывать, что, приходя в банк и совершая валютно-обменную операцию, вы сразу теряете 1–2%* («Московский комсомолец в Ярославле». 5–12.11.2014); и т.п.

Постпозитивные ОГИО времени, причины, цели синтагматически не выделяются, характеризуются тесной смысловой связью с семантическим

предикатом и ослабленной (но не утраченной) с семантическим субъектом. Такие ОГИО являются семантическими конкретизаторами. Ср.: *Мещерский начал проводить усиленные занятия и полдня пропал на переднем крае, ведя наблюдение за противником* (Э. Казакевич); – *Деев выполняет мой приказ, но что он все-таки думает, отдавая эти команды?* – *опять мелькнуло в голове Бессонова* (Ю. Бондарев); и т.п.

Разнообразны семантические функции инфинитивной формы ОГИО [8, с. 6–7]. Инфинитивная форма ОГИО входит в состав семантического предиката в двусоставном и односоставном предложении: *Женя была готова, но хотела набело попроситься с Кириллом, дать последние инструкции* (Л. Улицкая); *Делать выводы пока не готов, но на n-предположения отважусь* (Б. Акунин); *Насколько я знаю, психотерапевт не имеет права давать прямые советы, каждый человек должен самостоятельно принимать решения* (Д. Донцова); *Нужно внести небольшие изменения в эскиз обложки* (А. Маринина); и т.п.

Употребление ОГИО с объектным инфинитивом обусловлено содержательной валентностью определяемых каузативов: семантика глаголов предполагает непременно название каузируемого действия. ОГИО, как необходимый информативный восполнитель семантического предиката, включается в его состав. Ср.: *Па-а-прошу вас советов мне не давать* (М. Булгаков); *Проходит ещё некоторое время, и сержант отдаёт приказ всей цепи сделать шаг назад* (Г. Боровик); *Вип-заказчик попросил держать его имя в тайне* («Московский комсомолец в Ярославле». 5–12.11.2014); *Все машины оснащены системой спутниковой навигации ГЛОНАСС, которая позволяет вести наблюдение за их работой* («Московский комсомолец в Ярославле». 5–12.11.2014); и т.п.

ОГИО с субъектным целевым инфинитивом образуют второстепенный семантический предикат. Ср.: *Догадываюсь, санинструктор. Пришли в батарею произвести осмотр по форме номер восемь?* (Ю. Бондарев); и т.п.

Приёмный инфинитив выступает в роли облигаторного или факультативного атрибута: *Вы, наверное, смотрели видео, где какого-то человека буквально палками вбивают в асфальт. Непонятно, кто это, но видно, что он без оружия. Это говорит о полном непрофессионализме сотрудников. Об их морально-психологической неготовности принять участие в локализации массовых беспорядков* («Московский комсомолец». 3.04.2014); *«...Кроме того, что значительная часть жителей Украины и Крыма лишена возможности принять участие в выборах и выразить свою волю, миллионы избирателей будут вынуждены голосовать под дулами автоматов, причём не в переносном смысле», – сказал лидер КПУ* («Правда». 28.10.2014); и т.п.

Функционирование спрягаемых и неспрягаемых форм описательного оборота в семантической структуре предложения выявляет специфику ОГИО как особой единицы номинации.

Библиографический список

1. *Авилова Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
2. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.
3. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. – М., 1982. – 528 с.
4. *Гак В.Г.* Беседы о французском слове. – М.: Международные отношения, 1966. – С. 80–305.
5. *Державин В.Н.* Описательный актив или пассив (Из наблюдений над современным русским литературным языком) // Русский язык в советской школе. – 1931. – № 11. – С. 37–59.
6. *Канза Р.* Описательный способ выражения семантического предиката в современном русском языке (предикат со значением состояния человека): дис. ... канд. филолог. наук. – М., 1991. – 253 с.
7. *Касьянова Л.Н.* Семантическая структура и особенности функционирования описательных глагольно-именных оборотов в предложении: дис. ... канд. филолог. наук. – М., 1975. – 187 с.
8. *Лагузова Е.Н.* Описательные глагольно-именные обороты в функции членов предложения: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – М., 1989. – 20 с.
9. *Лагузова Е.Н.* Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации. – М.: МГОУ, 2003. – 242 с.
10. *Лекант П.А.* Описательные глагольно-именные обороты в функции сказуемого // Учёные записки МОПИ им. Н.К. Крупской. – Т. 204. – Вып. 14. – М.: МОПИ, 1967. – С. 120–127.
11. *Макович Г.В.* Семантические и грамматические свойства описательных предикатов. – Орел: Орловский гос. ун-т, 1997. – 100 с.
12. *Мордвилко А.П.* Глагольно-именные описательные выражения в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – М., 1956. – 20 с.
13. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
14. *Balibar-Mrabti Antoinette.* Une étude de la combinatoire des noms de sentiment dans une grammaire locale // Langue française. – № 105. Grammaire des sentiments. – P., 1995. – P. 88–97.
15. *Blinkenberg Andreas.* Le problème de la transitivité en français moderne. Essai syntactico-sémantique. – Kóbenhavn, 1960. – 366 p.

ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКАЯ РАБОТА: СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье дана информация о состоянии, динамике, перспективах лингвокраеведческой работы в Арзамасском крае по двум направлениям деятельности – собирательской, сосредоточенной в Нижегородском Окско-Волжско-Сурском междуречье, и интерпретационной, причем на фоне диалектологических исследований в стране.

Названы конкретные виды работы, осуществляемой в течение 60 лет: фиксация разноуровневого материала для «Диалектологического атласа русского языка», «Диалектного словаря Нижегородской области», «Лексического атласа русских народных говоров» и др., в результате сформированы и пополняются также кафедральные картотеки апеллятивной и онимической лексики, выявленной во время диалектологических экспедиций и практики, создан банк текстов, часть которого опубликована в виде хрестоматии. На базе этого эмпирического материала выполняются научные исследования преподавателями кафедры, докторантами, аспирантами, студентами. Говорится о методах исследования диалектных микросистем и их объединений, а также языка города, причем как традиционных, так и новых, в рамках антропоцентризма, в частности через призму языковой картины мира, языковой личности. Особое внимание обращено на воспитательную функцию лингвокраеведческой работы не только в вузе, но и в школе, при этом названы конкретные темы исследований и некоторые конкретные имена лингвокраеведов-энтузиастов. Утверждается идея перспективности, важности изучения региональных микросистем и в плане выявления закономерностей развития компонентов русского национального языка.

Ключевые слова: собирательская деятельность, интерпретация, частная диалектная система, эмпирическая база, сопоставительный подход, полипарадигмальность, текст, языковая личность.

Лингвокраеведческая работа (прежде всего ее вузовский компонент), ее состояние в разных вузах страны, в разных регионах, в том числе нижегородском, уже неоднократно была объектом рассмотрения. Обсуждались, в частности и нами, вопросы об объеме, содержании, характере, значимости этой работы [4, с. 457–465; здесь указаны и другие источники по данной тематике], названы также этапы лингвокраеведения в нашем вузе на протяжении более чем полувекового пути [см.: 3, с. 199–203] в рамках диалектологических исследований, русской диалектологии в целом [см.: 5, с. 63–70].

При различении двух направлений деятельности – собирательской и интерпретационной – прослеживается динамика той и другой. Собирательская работа у нас со времени первых диалектологических экспедиций (1955 год) состояла в фиксации разноуровневого материала для «Диалектологического атласа русского языка», в 1976 и 1977 годах – для «Общеславянского лингвистического атласа» (работу по созданию обоих трудов, как известно, возглавлял Институт русского языка АН СССР), с 1963 года и поныне – для составления диалектного словаря Горьковской – Нижегородской области (первый выпуск его – А ба-Брячить – вышел в 2013 году), с 1987 года – для задуманной «Энциклопедии российских деревень» (к сожалению, в последние годы этот проект предан забвению; онимический материал для подобного труда начал собираться с 1970 года), с 1989 и по сей день – для «Лексического атласа русских народных говоров». (Подробнее об этих этапах работы см.: [3; 4].)

Разноаспектная собирательская работа в нашем вузе со 2-ой половины XX века была сосре-

доточена на правобережной части Нижегородской области, на территории Окско-Волжско-Сурского междуречья, продолжается она здесь и в настоящее время. В результате в научной лаборатории диалектологических исследований АГПИ были сформированы картотеки апеллятивной и онимической лексики, которые ежегодно пополняются за счет единиц, выявленных студентами во время диалектологической практики. Создан текстовый фонд, часть которого опубликована в виде хрестоматии «Речи родимой бескрайняя даль...». Зафиксированы тексты, как и богатый лексический материал, в приложениях к диссертациям, написанным на региональном материале.

Лингвокраеведческая работа всегда была сопряжена с фольклорной, поскольку студенты и аспиранты фиксируют не только отдельные единицы, но и тексты разного характера, в том числе произведения устного народного творчества.

К сожалению, вузовская собирательская деятельность утратила свой размах в силу сократившегося приема молодежи на филологический факультет по специальности «русский язык и литература».

Интерпретационный аспект диалектного, регионального, материала также не оставался неизменным во времени. Примечательно, что изучение русских народных говоров началось, естественно, с обследования и осмысления, описания отдельных микросистем, прежде всего их фонетики и лексики, позднее – словообразования и синтаксиса. С накоплением материала по разным говорам, с созданием значительной эмпирической базы описание отдельных микросистем оказалось недостаточным и вышло за их пределы в разного рода объедине-

ния, в мезо- и макросистемы разного характера, объема. Отражением этого интерпретационного состояния как раз и явились атласы и словари говоров разных регионов.

Собирательская и интерпретационная деятельность часто идут рука об руку, совмещаются, поскольку происходит осмысление и описание эмпирического материала не только на базе картотек в научной лаборатории, не только на базе фиксации его студентами под руководством преподавателя во время диалектологической практики, но и на индивидуально, самостоятельно собранном материале – студентами для подготовки курсовой, выпускной квалификационной работ, докладов на конференциях разного ранга – от учебно-практической по итогам диалектологической практики до межвузовской научно-теоретической; аспирантами и докторантами при подготовке своих диссертационных исследований и публичного представления их результатов.

Совмещенной лингвокраеведческая работа является и в школе, конечно, при иной теоретической базе, подготовке.

Описание частных диалектных систем в сопоставлении с другими, в совокупности, во множестве, дало возможность выработать общее представление о русском диалектном языке – его целостной системе и подсистемах как объединениях разного объема (наречиях, группах, зонах), при подаче его в ареальном плане, лингвогеографически, причем в динамике (речь идет, конечно же, прежде всего, о двух картах диалектного членения русского языка, 1915 и 1965 гг., и атласах, где отражены и говоры нашего региона). При этом исследование микросистем и их объединений осуществлялось традиционным системно-структурным, или структурно-системным, методом (синхронным или синхронно-диахроническим). Подчеркнем еще раз, что на макросистему, диалектный язык, и его ареальное представление по различным объединениям на территории Европейской части России вывел сопоставительный подход (при накоплении, формировании значительной эмпирической базы): нахождение интегральных и дифференциальных черт в диалектных системах разного объема и диапазона действия.

Огромна роль этого подхода и на современном этапе изучения говоров в целом и по регионам. Одно из проявлений его – сопоставление материалов, собранных, скажем, в последние одно-два десятилетия, с теми, что были зафиксированы на протяжении XX века. Здесь необходимо обращение к картотекам, имеющимся на лингвистических кафедрах вузов, к изданным и подготовленным к изданию словарям по соответствующим регионам, к созданным атласам, к произведениям устного народного творчества, художественной литературы писателей-земляков и т.д. Все это способствует выявлению динамики говоров.

В последней трети XX – первых десятилетиях XXI века, в условиях полипарадигмальности русистики, в том числе диалектологии, изучение диалектного языка и его частных систем вышло на новый интерпретационный уровень: от традиционных системно-структурной (структурно-системной) парадигмы и историзма к антропоцентризму – коммуникативной, функционально-дискурсной, прагматической, когнитивной, ментальной, концептуальной, этнокультурной, культурно-исторической парадигмам, а также к рассмотрению материала через призму языковой картины мира (общерусской – диалектной, этнической – индивидуальной и др.) и языковой личности.

В диапазоне этой полипарадигмальности видятся и перспективы диалектологической, лингво(регионо)краеведческой работы: продолжение обследования (в том числе и повторного), осмысление и описание частных диалектных систем и их объединений разного объема вплоть до региона, имеющего отраженное в говорах историко-этническое, демографическое, этнокультурное и иное своеобразие.

Примечательно, что, начав с обследования частных диалектных систем, пройдя этап обобщения результатов этого обследования, мы снова вернулись к частным диалектным системам, но уже на новом интерпретационном уровне, в новых социально-экономических и политических условиях жизни села: в условиях активно продолжающейся урбанизации, исчезновения во множестве так называемых неперспективных населенных пунктов, укрупнения их. В соответствии и в связи с этим актуальным является наблюдение за состоянием объединенных, укрупненных микросистем, за характером их перестройки, объединения в них элементов разных уровней: какие звенья и единицы прежних микросистем сохраняются, уживаясь с элементами вбирающей системы, какие уходят на периферию.

Однако процесс этого взаимодействия (именно процесс!) требует длительного наблюдения, неоднократного обследования, времени, прежде чем выявятся определенные результаты, причем на базе сопоставления с прежде зафиксированными материалами в объединяемых микросистемах.

На такой же базе (что есть – что было – что стало) выявляются результаты изменения, развития частных диалектных систем под влиянием литературного языка. И здесь чрезвычайно важной предстает работа по подготовке «Лексического атласа русских народных говоров», который фиксирует состояние лексики в говорах по разным тематическим группам в основном последней трети XX в. – первых полутора десятилетий XXI в.

На современном этапе обследования и описания говоров должен быть актуализирован функционально-дискурсивный, коммуникативный аспект –

фиксация и дальнейшее осмысление текстов, причем не минимальных, в одно-два суждения-предложения (как это делалось и раньше для иллюстрации наличия того или иного слова в говоре), а развернутых, пространных, дающих представление о всех компонентах, элементах прагматики, передающих богатство невербальных средств речи, прежде всего – интонации. Необходимы не только констатирующие, экзистенциальные тексты, но, прежде всего, – объяснительные, мотивационные, вскрывающие, отражающие коммуникантами старшего поколения социальные, бытовые условия жизни человека и его языка в движении.

В этом плане важным является изучение языковой личности носителя говора в динамике. Опыт подобного исследования у нас есть, он представлен диссертационной работой М.В. Власковой «Языковая личность бывшего сельского жителя» (Киров, 2012) [2]. В результате многолетних наблюдений за речью информанта автор выявил не просто сам факт наличия в ней диалектного, в частности лексического, компонента, представленного двумя пространственно-временными категориями (память о детстве, юности, проведенных в деревне, – 18 лет, и годы, после 18 лет до 77, прожитые в городе Арзамасе), а значительный объем этого компонента и актуализацию его в зависимости от условий, интенций общения.

Это исследовательское направление представлено, в частности в выпускных квалификационных работах студентов, и рассмотрением языковых личностей диалектоносителей, проживших всю жизнь в условиях родного города.

Такие (и те, и другие) исследования, безусловные, перспективны.

По-прежнему актуальным является изучение региолектов, языка города и крупных поселков городского типа, в том числе урбанонимии, в частности в сопоставлении с урбанонимией других городов, с виконимией региона и за его пределами. Как известно, урбанонимия многих городов описана. В ряде городов существуют лингвистические центры изучения языка города: в Красноярске, Екатеринбурге, Омске, Перми, Сызрани, Челябинске и др. В нашем регионе, в Арзамасе, такого центра нет, но урбанонимия его и ряда районных центров собиралась, изучалась в рамках подготовки диссертационного исследования по арзамасской урбанонимии, издан ряд статей по этой теме бывшей аспиранткой, ныне учителем одной из городских школ М.В. Дудиной (Щауловой). К сожалению, сама диссертация не состоялась. Исследование же в этом направлении продолжается М.В. Дудиной в форме руководства работами учащихся. Кстати, в Нижнем Новгороде, в ННГУ им. Н.И. Лобачевского, планируется организовать ономастический центр, разработано положение о нем, которое находится на стадии согласования.

Насущной является задача издания региональных словарей, в нашем случае – «Диалектного словаря Нижегородской области», как уже было отмечено, вышел пока только первый выпуск, хотя оформление материалов для него нашим вузом началось в 60-е годы прошлого века.

Неоднократно отмечалась, иллюстрировалась воспитательная роль диалектологической, лингвокраеведческой работы в вузе и школе. Она сохраняет свою актуальность. Студенты, прошедшие через такую работу, как правило, не оставляют ее и в школе. Она формирует заинтересованность школьников в углубленном изучении родного языка, учит их быть внимательным к слову, ценить его, видеть за ним нечто большее, чем просто номинацию реалии, – его ментальную, концептуальную, этнокультурную сущность, исторические корни народа, отражение истории края и страны в целом.

Такая работа (и собирательская, и интерпретационная) способствует созданию в школе исследовательского коллектива, возглавляемого учителем словесности. Одним из результатов этой деятельности является подготовка выступлений на научных конференциях – школьных, городских, областных – и письменное оформление материалов докладов в виде научно-исследовательских работ с представлением их на различные конкурсы. Так, в городе Арзамасе ежегодно проводится научная конференция «Открытие», для представления на которой отбираются лучшие предварительно письменно оформленные тексты выступлений учащихся на школьных научных конференциях.

В последние годы (с 2010 года) в Арзамаском пединституте (ныне это филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского) в рамках Общероссийского общественного движения творческих педагогов «Исследователь» и его Нижегородского отделения проходят региональные юношеские чтения им. В.И. Вернадского, на которых неизменно работает секция «Лингвистика: русский язык», где выступают с докладами учащиеся школ Нижегородской области, причем с мультимедийным сопровождением, с презентацией видеоматериалов. Тексты докладов перед конференцией рецензируются членами кафедры русского языка и методики его преподавания Арзамасского филиала ННГУ и отбираются лучшие для поощрения с учетом достойного представления слушателям. Приведем для примера и наглядности высказанных положений тематику некоторых работ и докладов на пятых Чтениях (15–16 февраля 2014 г.): 1) Грошев И., Макарова Е., Садков Н. (9 класс) МБОУ СОШ № 3 г. Арзамаса). *Мой край. Забытые уголки. Происхождение арзамасского микротопонима Ивановские бугры*; 2) Илюхова В., Елисеева Д. (9 класс МБОУ СОШ № 3 г. Арзамаса). *Официальные внутригородские названия г. Арзамаса*; 3) Игумнова К. (11 класс МБОУ Лицей г. Арзамаса). *Эмпоронимия как эле-*

мент языкового портрета г. Арзамаса; 4) Полянова А., Сухова С. (11 класс МБОУ Сергачская СОШ № 4). *Топонимы Сергачского района Нижегородской области*; 5) Кулакова О. (11 класс МБОУ Лесогорская СОШ). *Ономастика села Ключицы Шатковского района Нижегородской области*; 6) Костина Н. (9 класс), Полякова Н. (8 класс), Иванова Е. (7 класс МБОУ Красносельская СОШ). *Топонимия села Красного Арзамасского района Нижегородской области*; 7) Безроднова Д. (7 класс), Борисов Д. (8 класс МБОУ Водоватовская СОШ). *Диалектные слова в говоре села Водоватова Арзамасского района Нижегородской области*; 8) Данилин И. (10 класс МБОУ СОШ № 12 г. Лукоянова). *Происхождение имен собственных в говоре села Кудеярова Лукояновского района Нижегородской области*; 9) Ахматгалиева М. (10 класс МБОУ СОШ с. Безводного). *Загадки топонимии села Безводного Кстовского района Нижегородской области*; 10) Миращевская П. (10 класс МБОУ г. Арзамаса). *Прозвища в речи подростков г. Арзамаса*; и некоторые др.

Руководят школьными работами подобного типа, как уже было сказано, учителя, выросшие из научной диалектологической, лингвокраеведческой работы. Можно назвать множество имен. Остановлюсь здесь лишь на одном: *Маринин Владимир Александрович*.

Будучи студентом филологического факультета, он принимал участие в трех диалектологических экспедициях. На материале говоров Вадского района Нижегородской области, в том числе его родного села Лопатина, написал курсовую и выпускную дипломную работы, выступал с докладами на итоговых научно-теоретических внутривузовских конференциях, на межвузовской научной студенческой конференции в г. Свердловске. С 1983 года (года выпуска из АГПИ), работая в Вадской средней школе, все годы вел и по сей день ведет поисковую, собирательскую работу, руководит ею: его ученики собирают лексику, произведения фольклора, соответствующие подборки публиковались в изданиях АГПИ [см., например: 1, с. 60–61; а также др.]. Неоднократно он занимал призовые места на областных конкурсах научно-методических работ в различных номинациях, был учителем года. Свое увлечение народным словом он передал и сыновьям. Старший, Андрей Владимирович, работает в одной из сельских школ, собрал солидный фактический материал (более полутора тысяч единиц) в вадских говорах, на его основе подготовил и защитил диссертацию

на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Лексика промыслов и ремесел в говорах Вадского района Нижегородской области» (Киров, 2011). Второй сын, Алексей Владимирович, готовит кандидатскую диссертацию по фольклору. Есть и другие, не менее показательные примеры преданности русскому народному слову и науке о нем, воспитания подрастающего поколения в духе любви к родному языку, отражающему и сохраняющему информацию об истоках нашего бытия, есть свои «Громы».

Таким образом, диалектологическая, лингвокраеведческая (лингворегионоведческая) работа, проводимая на протяжении почти двух столетий в стране, особенно интенсивно в XX веке, почти 60 лет – в нашем вузе, АГПИ, имеет свои достижения, продолжается и, главное, имеет перспективы в новых социально-экономических и политических условиях, поскольку традиционные говоры еще живы, хотя в немалой степени изменились и по своей сути, и по составу носителей, значительно омолодившемуся, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Обследование их с использованием различных теоретических подходов представляется важным и в плане выявления роли, значимости, закономерностей развития компонентов русского национального языка на современном этапе его функционирования.

Библиографический список

1. Арзамасская сторона: просветительский журнал. – Арзамас: АГПИ, 2001. – № 1–2. – 82 с.
2. Власкова М.В. Языковая личность бывшего сельского жителя: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Русский язык. – Киров, 2012. – 21 с.
3. Климкова Л.А. У народной памяти много слов // Предания. Народная поэзия Арзамасского края: в 2 кн. / сост., авт. вст. ст. и комм. Л.А. Климкова, Ю.А. Курдин. – Арзамас: АГПИ, 2005. – С. 199–358.
4. Климкова Л.А. Лингвокраеведение: объем, содержание, значимость // Русское слово и Костромской край: сб. ст. / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 457–465.
5. Климкова Л.А. Территориальные диалекты в общерусском пространстве: некоторые акценты // Трубачевская соборная встреча: сб. материалов науч. чтений. Вып. 2 / под ред. Г.В. Егоровой и В.И. Супруна. – Волгоград: Изд-во МОУ ЦДОД «Олимпия», 2014. – С. 63–70.

СОЮЗЫ С *l*- И *n*-ПАРТИКУЛАМИ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ (инициаль *a*)¹

В отличие от литературного языка, в котором в последние два столетия отмечается рост составных союзов с дифференцированными значениями (в том случае если, вследствие того что, до тех пор пока и др.), в диалектной речи сохраняются и формируются простые по структуре лексемы. Некоторые из них, так называемые партикулярные союзы, зафиксированы в региональных словарях. Партикулярные лексемы образовались способом агглютинации древних первоэлементов – партикул **a*, **le*, **li*, **no*, **ni* и др. под воздействием закона Ваккернагеля.

В работе с позиций синхронно-диахронического подхода рассматриваются структурно-семантические характеристики союзов, 2–4-компонентных кластеров (лексем, состоящих из 2–4 партикул), выявляются их генетические связи, ареальная дистрибуция в славянских языках.

Исследование показывает, что в севернорусских и других говорах продолжают функционировать двухкомпонентные кластеры *али*, *али́*, *але*, *але́*, *аль*. Древние лексемы имеют параллели в славянских языках, *але* – только в западнославянских. Лексемы употреблялись в древнерусском языке. Полифункциональный *али* продолжает употребляться в северных и западных говорах. С разделительным значением *али* функционирует в просторечии и народнопоэтической речи. *Але* не употребляется и в современном литературном языке.

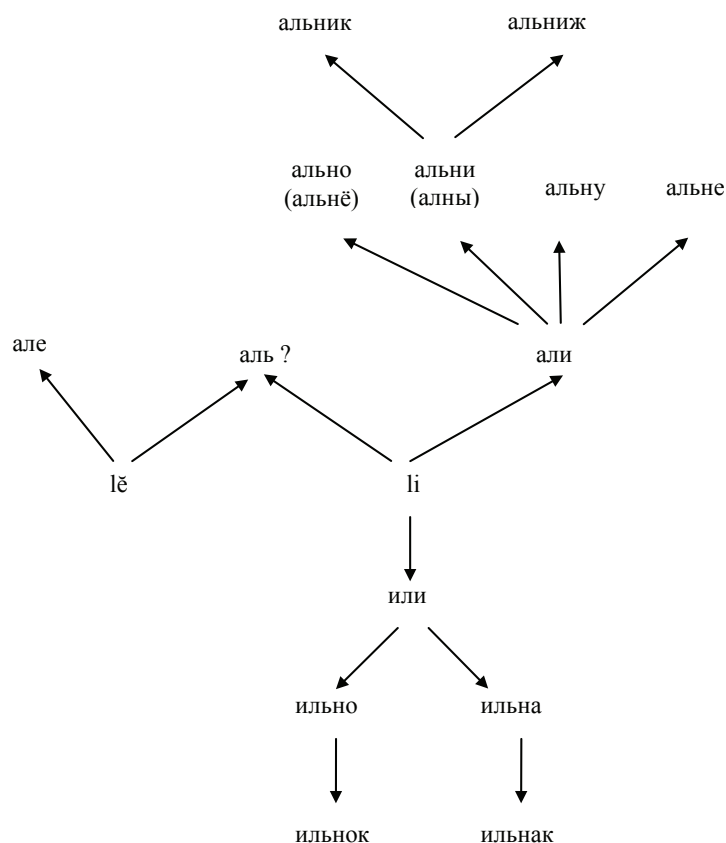
В русских говорах употребляются трехкомпонентные кластеры *ально*, *альни* и др. В памятниках письменности зафиксировано только сочетание *али нъ* «тем более», XIII в. В результате присоединения третьего компонента, *n*-вой партикулы, у союза развивается вторичное значение следствия. В несевверных говорах появляются четырехкомпонентные кластеры, которые функционируют со значением следствия. Изменение семантики в результате присоединения четвертого компонента не наблюдается.

Ключевые слова: партикула, союз, севернорусские говоры, синтаксис.

В современных славянских языках сохранилось сравнительно небольшое количество партикулярных лексем, так называемое «архаическое ядро». Термин «партикула» в научный оборот введен Т.М. Николаевой. Под партикулами понимаются исходные формальные компоненты языка *же*, *и*, *ли*, *бо*, *не*, *ко* и т. п., дающие в различных сочетаниях единицы типа *да-же*, *у-же*, *не-же-ли*, *э-то*, *ли-бо*, *и-бо*, *то-л(и)-ко* – так называемые партикулярные кластеры (двух-, трехкомпонентные и т.д. образования) [11, с. 5–6]. Партикулярные лексемы образуются способом агглютинации. Партикулы-клитики присоединяются под воздействием закона Ваккернагеля, действующего в индоевропейских языках. Славянский «конструктор» работал приблизительно до XVI в., позднее – «а) сходные функции начинают выполнять слова не из партикулярного фонда, б) новые комбинации партикул не возникают» [10, с. 9]. Т.М. Николаева, изучив семантику «коммуникативных» лексем славянских языков, определила основные значения партикул – значения, не связанные имплицативно с какими-либо другими; так, партикула с опорой на *t*- (*тъ*, *то*) имеет значение указательности с отчетливой определенностью (рус. *то*); с опорой на *d* – соединение (рус. *да*) и т. д. [11, с. 150–151]. В русском литературном языке, например, продолжают функционировать лексемы *вон*, *вот*, *даже*, *еле*, *еще*, *так*, *уже*, *а*, *но*, *да*, *и*, *либо*, *ли*. В диалектной речи такие лексемы, простые по структуре, преимущественно многозначные и полифункциональные, сохраняются в большей степени. В говорах, в том числе и северных, выявлены группы лексем с консонантными *n*- и *ž*-партикулами (*ажно*, *ижно*

и дериваты), *l*- и *b*-партикулами (например, *либо*, *лебо*) и др. В настоящей работе с позиций синхронно-диахронического подхода рассматриваются союзы с *l*-, *n*-партикулами, зафиксированные в севернорусских говорах: изучаются структурно-семантические характеристики, генетические связи и ареальная дистрибуция лексем в современных и древних славянских языках. Исследуются союзы, представляющие собой двухкомпонентные, трехкомпонентные и четырехкомпонентные кластеры, – лексемы с инициалью *a*-: *али* (*a* + *ли*), *але* (*a* + *ле*), *ально* (*a* + *ль* + *но*), *альни* (*a* + *ль* + *ни*), *альниж* (*a* + *ль* + *ни* + *ж*) и т. д. (см. схему 1). Отметим, что в диалектной речи также употребляются союзы с *l*-, *n*-партикулами и инициалью *u*-: *или* (*u* + *ли*), *ильно* (*u* + *ль* + *но*), *ильнок* (*u* + *ль* + *но* + *к*) и др. Кроме того, в говорах отмечены лексемы, в которых первой идет *n*-партикула, затем *l*-овая или еще одна *n*-овая партикула: *нали*, *налино*, *нани* и др.) Материал исследования – данные региональных, толковых, исторических, этимологических словарей.

Т.М. Николаева, описывая примарные партикулы (примарные партикулы могут употребляться в языке изолированно, например *a*, *i*, *da*), указывает, что партикула *a* является общеславянской, функционирует как междометие, адъюнктивная частица, сочинительный союз в пределах словосочетания, сопоставительный союз в сложносочиненном предложении, условный союз и др. Исследователь разграничивает формы с одинаковой консонантной инициалью и разной сонантной финалью – *li* и *lě*. Примарная партикула *li* является общеславянской, входит в деривативные цепочки, чаще

Схема 1. Генетические связи лексем с *l*-, *n*-партикулами

всего находясь в постпозиции. Она может быть сентенциальной и вопросительной частицей, выражать сравнение, иметь альтернативное значение. Партикула *lě* не является общеславянской, хотя и широко представлена в языках всех славянских групп. Как частица имеет значение «едва, чуть», функционирует в качестве союза – «но», имеет и другие значения: лимитативное, экспликативное и др. Примарная общеславянская партикула *no / nъ* в славянских языках функционирует как адверсативный союз [10, с. 264–265, 272–274, 277–278, 288–289]. Изучаемые диалектные лексемы могут обладать основными значениями партикул, вместе с тем наблюдается и изменение семантики союзов.

АЛЕ, АЛЁ. Союз не употребляется в современном русском литературном языке, он известен только говорам (см. табл. 1).

1. С противительным значением ‘но’ он функционирует в пудожских говорах Карелии: *Молодая я, áле сила-то вырвана* [18, вып. 1, с. 18], со значением ‘а, однако’ – в архангельских: *Але постой, я сечяс*. Карг. [1, вып. 1, с. 67]; вариант *алé* ‘но, однако, да ведь’ отмечен в южных говорах [3, т. 1, с. 10]. (В работе используются принятые в словарях сокращения географических названий.)

2. Разделительный союз *ále* ‘или’, ‘или...или’, одиночный и повторяющийся, известен вологодским [19, вып. 1, с. 235], поморским [9, с. 16], архангельским говорам: *Прямо в Москву áле куды привернёте? Предено худо áле дородно?* Пин. [1,

вып. 1, с. 67]. Союз также зафиксирован в псковских [15, вып. 1, с. 59], пермских [3, т. 1, с. 10], свердловских, томских, орловских диалектах [19, вып. 1, с. 235]. *Але* (без указания ударения) отмечен в повенецких, печорских, вятских, сибирских, южнорусских говорах [19, вып. 1, с. 235]. В.И. Даль отмечает, что разделительный союз *але* (без указания ударения) встречается в западных диалектах [3, т. 1, с. 10].

3. В архангельских говорах отмечен пояснительный союз *але* 'иными словами, иначе': *Йего зовут прийомышом, але новоселком*. Холм. [1, вып. 1, с. 67]; союз также отмечен в псковских диалектах [15, вып. 1, с. 58–59]. Пояснительный союз *але* зафиксирован в орловских говорах; составители орловского словаря считают его вариантом *али*, *аль* [17, вып. 1, с. 40].

4. Союз-частица *але* употребляется в присоединительно-усилительном значении 'а' в архангельских говорах: *Але ф церкви-ти было кник!* Мез. [1, вып. 1, с. 67].

5. Союз *але* известен псковским говорам с условным значением 'если' [15, вып. 1, с. 59].

В древнерусском языке *але* отмечен с противительным значением ‘а, но’ – Гр. После 1349 г., южнорусская территория [16, т. 1, с. 80], см. также: Польск. д. I, 15. 1488 г.; АИ II, 256. 1609 г. [20, вып. 1, с. 27]; Жал. гр. Казим. Польск. По 1340 г.; Грам. Молд. воев. Петра. 1388 г. [23, т. 1, с. 15]. На территории современных северо-западных говоров

зафиксирован союз *алѧ* 'а не то, в противном случае': А.А. Зализняк приводит пример с «редким» союзом в лекции о новгородских берестяных грамотах [6]. В «Словаре русского языка XVIII века» лексема не отмечена; по-видимому, она функционировала в разговорной речи, в том числе и в говорах.

Территория распространения *ale* (*але*) в славянских языках – западнославянский ареал; союз функционирует в основном как противительный: в чешском языке употребляется *ale* 'но', словацком – *ale, alebo* 'но, ну', верхне-лужицком – *ale* 'но, однако', нижне-лужицком – *ale* 'но, между тем', польском – *ale* 'но, ну', словинском – *ālā* 'но'. В белорусском и украинском языках, по всей видимости, формы *але* 'но' и *алé* 'но, однако, впрочем' появились из польского [25, вып. 1, с. 37].

Таким образом, союз *але* не используется в современном русском литературном языке, но в диалектной речи с противительным и другими значениями он употребляется. Территория распространения союза с противительным значением ограничена северными (акцентологический вариант *але*) и южными говорами (вариант *алé*), тогда как с разделительным значением *але* и *але* (без ударения) функционируют в западных, северных, сибирских говорах. В среднерусских, северных говорах у союза *але* появляется условное, присоединительное и пояснительное значения.

АЛИ, АЛІІ. В современном русском языке союз *али* (*али*) употребляется с несколькими значениями.

1. Союз *али* с разделительным значением употребляется в современном просторечии, народно-поэтической речи [13, с. 19; 22, т. 1, с. 93]. Укажем на некоторые особенности функционирования разделительного союза в диалектной речи: 1) союз *али* может использоваться в разделительных конструкциях совместно с другим разделительным союзом *али ... ли*; 2) широкое распространение в говорах имеет акцентологический вариант *али́* 'или'; он встречается в архангельских, костромских, ярославских, а также в средне-, южнорусских и сибирских говорах [19, вып. 1, с. 235]; 3) степень употребления союза в говорах может быть различной: в середине прошлого века разделительный *али* в основном употреблялся в южнорусских говорах, тогда как для севернорусских был характерен *ли* [24, с. 77], однако частотность употребления *али* в некоторых северных говорах могла быть выше, чем у других разделительных союзов: так, *али* был наиболее употребительным союзом в заонежских говорах [4, с. 140]. Приведем примеры употребления союза в севернорусских говорах: *Не бывало, ишобы голова болит али брюхо болит – фсё ладно.* Красн. *Нать самой прити́, али как?* Онеж. *Али пёшой, али лошадь.* Пин. *Али коришун утаиши́у ли цыгане?* Лен. [1, вып. 1, с. 67–68].

2. Пояснительный союз *али* 'то есть, иными словами, иначе' встречается в архангельских диалектах: *Надёлок, говоря́д, да́ли, али прида́нова.* В-Т. [1, вып. 1, с. 67], а также – в псковских [15, вып. 1, с. 59], новгородских говорах [12, вып. 1, с. 13].

3. Присоединительный союз *али* употребляется в архангельских говорах: *Али вот тожэ – четверьк, а у нас – четверток, по-деревенски.* Лен. [1, вып. 1, с. 67]. Союз *али* 'а потом, а затем' (без ударения) также отмечен в некоторых южнорусских говорах: *Я слухав, слухав, али и подчув, што ён бредит.* Смол. [19, вып. 1, с. 237].

4. Условный союз *али* 'если' зафиксирован в былинах Беломорья [19, вып. 1, с. 236], архангельских диалектах: *Али ребёнок здоро́вой, кормлёными скажут.* Холм. [1, вып. 1, с. 67–68], а также псковских [15, вып. 1, с. 59].

5. Противительный союз *али* (без ударения) 'но, однако' отмечен в русских говорах Литвы и Латвии: *Деньги в кассу не складаем, али без денег не живем* [19, вып. 1, с. 237].

Функционирование **a li* (*али*), представляющего собой сочетание **a* и **li*, в отличие от **a le* отражено в большинстве славянских языков. Семантический диапазон союза шире, чем у *але*, ср.: старославянский *a li* 'разве, но, если'; болгарский диалектный *али́* 'но, однако', 'разве, или'; македонский *али* 'разве, или'; сербохорватский *àli* 'но, или', диалектный *àli* 'или, ли, разве', *j'àli* 'или', *ale* 'или, но'; словенский *ali* 'или, ли; но; конечно' [25, в. 1, с. 38]. (*Ale* 'или, но', отмеченный в сербохорватских диалектах, составители «Этимологического словаря славянских языков» включают в словарную статью **a li*, считая их, по всей видимости, вариантами).

Сочетания *a + li*, а также *и + ли* «уже в древнерусский период фактически превратились в единые слова *али, или*» [5, с. 30]. Древний союз *али* (*a li*) имел следующие значения: разделительное 'или, либо, не то', условное 'если, а если, если же', противительное 'но' [20, вып. 1, с. 28; 23, т. 1, с. 15; т. 2, с. 19]. В псковских памятниках письменности отмечен также пояснительный *али* 'а именно', присоединительный *али и* с оттенком предположения 'а то и' [15, вып. 1, с. 59]. В XVIII веке союз *али* употреблялся только с разделительным значением в просторечии и народнопоэтической речи [21, вып. 1, с. 46]. С этим значением союз продолжает функционировать в современном просторечии [13, с. 19; 22, т. 1, с. 93]. В северных и западных диалектах союз употребляется с теми же значениями, что и в древнерусском языке.

АЛЪ. В современном русском языке союз является многозначным. (Рассмотрим союз *аль* в отдельном очерке, поскольку определить, к какому союзу *али* или *але* он относится как вариант, представляется затруднительным.)

1. Разделительный союз *аль* употребляется в современном просторечии и народнопоэтиче-

Двухкомпонентные кластеры с инициальной *a-* в славянских языках

Союз	Славянские языки	ДрРЯ, РЯ XVIII в.	СРЛЯ	СрРГ, ЮРГ и др. говоры	СРГ
<i>але (алé)</i> < * <i>a</i> + * <i>le</i>	<i>ale</i> 'но' чеш. <i>ale</i> <i>alebo</i> 'но, ну' словац. <i>ale</i> 'но, однако' в.-луж. <i>ale</i> 'но, между тем' н.-луж. <i>ale</i> 'но, ну' пол. <i>ālā</i> 'но' словин. <i>ale</i> (без удар.) 'но', <i>alé</i> 'но, однако, впрочем' белор., укр. (из пол.)	ДрРЯ: <i>але</i> 'а, но' <i>алѣ</i> 'а не то, в противном случае' новг.		<i>алé</i> 'но, однако, да ведь' южн. <i>але</i> 'или' пск., запад., орл., перм., свердл., том. <i>але</i> 'или...или' пск. <i>але</i> 'иными словами, иначе' пск., орл. <i>але</i> 'если' пск., орл.	<i>але</i> 'но' пуд., пин. <i>але</i> 'или' арх., устюж. <i>волог.</i> <i>але</i> 'то есть, иными словами, иначе' арх. присоед.-усилит. союз-част. <i>але</i> 'а' арх.
<i>али</i> * <i>a</i> + * <i>li</i>	<i>а ли</i> 'разве, но, если' старослав. <i>али</i> 'но, однако', 'разве, или' болг. диал. <i>али</i> 'разве, или' македон. <i>али</i> 'но, или' сербохорват. <i>али</i> 'или, ли, разве', <i>али</i> 'или' сербохорв. диал. <i>али</i> 'или, ли; но; конечно' словен.	ДрРЯ: <i>али</i> 'или, либо, не то' <i>али</i> 'если, а если, если же' <i>али</i> 'но' <i>али</i> 'а именно' <i>али и</i> 'а то и' РЯ XVIII в.: <i>али</i> 'или' (простореч., нар.-поэтич.)	<i>али</i> 'или' прост., народно-поэт.	<i>али</i> 'или' пск., влад. <i>али</i> 'то есть, иначе' новг., пск. <i>али</i> 'а потом, а затем' смол. <i>али</i> 'если' н-рж., палк., печ. <i>али</i> 'но, однако' литв., латв.	<i>али</i> 'или' холм., шенк., костр., яросл. <i>али</i> 'то есть, иначе' верхнетоемск., онеж., леш. <i>али</i> 'и' лен. <i>али</i> 'если' холм., плес., белом. <i>али как</i> 'если' верхнетоемск.
<i>аль</i>			<i>аль</i> 'или'	<i>аль</i> 'или' пск., новг., южн., сиб. <i>али...аль...</i> пск. <i>аль</i> 'то есть, иными словами, иначе' новг., пск.	<i>аль</i> 'или' помор., арх. <i>али...аль...</i> арх. <i>аль...ли...</i> арх. <i>аль</i> 'а' арх. <i>аль</i> 'то есть, иначе' арх.

ской речи [13, с. 20, 239]. Союз отмечен в северно-, средне-, южнорусских, сибирских говорах: *Девятна́цять йе́му, а он не зна́ет, ро́дной аль неро́дной о́тець*. Леш. [1, вып. 1, с. 68; см. также: 12, вып. 1, с. 13; 19, вып. 1, с. 235]. В предложении разделительный союз может повторяться, ср. в псковских говорах: *Сивонни как-то грузно: аль смучаисси, аль к пугоды*. Гд. [15, вып. 1, с. 59]. Союз *аль* может чередоваться с союзом-частицей *ли*: *Рядно ли выткеш аль клеятно, они стоят-то бог знат сколько*. Карг. [1, вып. 1, с. 68].

2. Противительный союз *аль* 'а' известен архангельским говорам: *Я ду́мал, у наз ба́ба-то не говорка́, аль она́ нам де́сять ра́с ска́жэст*. Карг. [1, вып. 1, с. 69].

3. Пояснительный союз *аль* 'то есть, иными словами, иначе' употребляется в архангельских диалектах: *По на́шэму – де́дина, аль помéкце –*

де́динка, жене́ дяди-то. Леш. [1, вып. 1, с. 69–70], а также псковских [15, вып. 1, с. 59], новгородских говорах [12, вып. 1, с. 1].

4. Условный союз *аль* 'если' отмечен в псковских говорах [15, вып. 1, с. 59].

А́ЛЬНО, А́ЛЬНИ и др. В русском литературном языке данные союзы, представляющие собой трехкомпонентные кластеры, не употребляются. В изучаемых говорах они функционируют с несколькими значениями.

1. В севернорусских говорах употребляются союзы *ально*, *альни* и др. со значением следствия. Лексемы являются гибридными образованиями: помимо союзной функции они выполняют функцию усилительной частицы. Лексикографы иногда определяют значение данных слов следующим образом – *альнэ* 'даже, так что' или *ально* 'так что, даже', что отражает их бифункциональность. (См.

Трех-, четырехкомпонентные кластеры с инициалю *а-* в русском языке

СРГ	СрРГ, ЮРГ и др. говоры	ДрРЯ
'так что, даже' <i>альнó</i> Буйск. <u>Костром.</u> , Онеж. <u>Арх.</u> <i>ально</i> Устюж. <u>Волог.</u> , Онеж. Пинеж. <u>Арх.</u> <i>ально</i> (без удар.) Онеж. <u>Арх.</u> <i>альни</i> Заон., Онеж. <u>Арх.</u> <i>альнй</i> Буйск. <u>Костром.</u> <i>альни</i> (без удар.) Костром. <i>альне</i> Коштуги. <u>Олон.</u> Вытегор. <u>Олон.</u> , Онеж. <u>КАССР</u> <i>альнѣ</i> Холм. <u>Арх.</u> <i>альнѣ</i> Олон.	'так что, даже' <i>ально</i> Орл., Перм. <i>ально</i> Новг., Ряз., Тул. <i>ально</i> (без ударения) Калуж. <i>альнй</i> Курск., Ворон., Тул., Нижегород., Орл. Калуж., Ряз. <i>альни</i> (без удар.) Тул., Орл. <i>алнй</i> Ряз. <i>алны</i> Влад. <i>альник</i> Курск., Ростов., Иссик-Кульск. <i>альниж</i> Курск. <i>альниж</i> (без удар.) Курск., Влад., Курск., Дон. <i>альну</i> Калуж. <i>альне</i> Новг. <i>альнѣ</i> Тул. <i>альнй</i> 'хоть' Орл.	<i>али нѣ</i> 'тем более' <i>оли</i> 'так что', 'даже', 'когда; до тех пор, когда', 'если', 'а, же', 'даже, вплоть', 'или' <i>оли нѣ</i> 'если же' <i>ольне</i> 'вплоть, даже' <i>олинѣ</i> 'даже, вплоть' <i>олна</i> 'когда' <i>олно</i> 'только, только лишь' <i>олна, олны</i> 'так что' <i>олни, олны</i> 'только, так что только' <i>олни, ольны</i> 'даже, вплоть'

таблицу 2 с данными из: 8, с. 10; 14, с. 4; 19, в. 1, с. 239, 245–246; 1, в. 1, с. 70; для сопоставления приведены сведения исторических словарей.) Примеры с союзом-частицей *ально* 'так что, даже' из диалектной речи: *Он звонил, ально звону дак*. Онеж. *Палець изнывает, ально спать не дают*. Пин. [1, в. 1, с. 70]. Обратим внимание на употребление постпозитивного заключительного *дак* в конце первого предложения.

2. В орловских говорах союз *альнй* функционирует с уступительным значением 'хоть' (без иллюстрации) Болх. [19, в. 1, с. 245].

В «Этимологическом словаре славянских языков» союзы не зафиксированы. В словарях древнерусского языка находим следующие сведения. И.И. Срезневский приводит пример с *али нѣ* 'тем более': *Неисповѣдима бо соуть ни англьмъ али нѣ чловкомъ*. Кир. Тур. по сп. XIII в. Вост. [23, т. 1, с. 17] и *оли нѣ* 'если': *Аже холостымъ, то не дайте отиноудъ, иже блондъ творять; оли нѣ при смерти, тѣже дайте*. Ил. Новг. поуч. 24. [23, т. 2, с. 659]. Как показывает представленный материал, в памятниках письменности раннедревнерусского периода зафиксированы сочетания союзов и частиц-энклитик, которые в будущем оформятся в трехкомпонентные кластеры. Добавим, что в словаре И. И. Срезневского имеются примеры употребления в древнерусском языке *оли* 'так что', 'даже' [там же]. Лексемы, восходящие к сочетанию *o li, известны другим славянским языкам [25, вып. 26, с. 71]. В СлРЯ XI–XVII вв. также находим *оли нѣ* 'если же', *олинѣ* 'даже, вплоть' и др. [20, вып. 12, с. 357–358, 361–362].

А.А. Зализняк отмечает, что в древнерусском языке функционировала частица *нѣ* (*но*), которая вела себя как фразовая энклитика. *Ально* представляет собой соединение *а + ли* (= *али*) + *нѣ*. В несвободном употреблении частица утратила свое первоначальное противительное значение. О лек-

семах с начальным *о-* исследователь пишет, что *оли* 'если, когда' и *нѣ* сохраняют свои значения, *ольно* развивает собственные 'когда; до тех пор пока; вплоть до того что; даже' [7, с. 199–201; 5, с. 41–42]. *Альнй* (*альни* без ударения), отмеченный в русских говорах, А. А. Зализняк считает самостоятельным образованием (диалектные *альны*, *альнѣ* вторичны), поскольку в древнерусском языке частица *нѣ* имела эквивалент *ни* [7, с. 201].

В «Словаре русского языка XVIII века» трехкомпонентные лексемы *ально* и под. отсутствуют; следовательно, они употреблялись в этот период в разговорной речи.

В диалектной речи союзы *ально*, *альни* и варианты имеют значение следствия. Союз *али* не функционировал с этим значением. У трехкомпонентного кластера, сформировавшегося в результате присоединения *п-*овой частицы, таким образом, развивается новое значение. Однако можно предположить, что лексемы *альнó*, *альнй* и др. представляют собой варианты союзов с начальным *о-*, они появились в говорах вследствие аканья: *альнó* < *оли нѣ*, ср.: в древнерусском языке это значение имела лексема *оли*, а также *олна*, *олны*.

В несверных говорах со значением следствия функционируют четырехкомпонентные кластеры. Лексемы, состоящие из четырех частиц, не зафиксированы в словарях древнерусского языка и «Словаре русского языка XVIII века». По всей видимости, они появляются после XVII века в разговорной речи. Ср.: в современной диалектной речи употребляются четырехкомпонентные кластеры *а/ж/на/к*, *а/ж/ни/к*, *а/ж/ны/к*, *а/ж/ну/ть*, *а/ж/но/й*, *а/ж/но/ль*, *и/ж/на(ы)/к*, *и/ж/но(е)/ть*, *и/ж/на/ж*, которые также не отмечены в памятниках древнерусской письменности. Лексема *альник* возникла в результате присоединения *-к* из *-ко*: *а + ль* (< *ли*) + *ни* + *к* (< *ко*). (Аналогично образовалась лексема *ажник* [7, с. 201].) Кластер *альниж* (*а +*

ль + ни + ж) образовался в результате примыкания к *альни* частицы *же* и последующей редукции конечного гласного.

Укажем на то, что в «Этимологическом словаре славянских языков» трех-, четырехкомпонентные кластеры *ально*, *ольно*, *алино* и др. не отмечены, однако в «Словник партикулярного фонда славянских языков», составленный Т. М. Николаевой на основе данных «*Etymologický slovník slovanských jazyků*», включена лексема *al'ni* (географическая помета отсутствует) [10, с. 326–350]. Четырехкомпонентные кластеры, как показывает представленный материал, формируются только в русских диалектах.

Подведем итоги. В севернорусских и других говорах продолжают функционировать двухкомпонентные кластеры *áli*, *али'*, *ále*, *алé*, *аль*. Лексемы являются очень древними, они имеют параллели в разных славянских языках, *але* – только в западнорусских. Лексемы употреблялись в древнерусском языке. Союз *али* был многозначным, отмечен в памятниках древнерусской письменности и с подчинительными, и с сочинительными значениями; с этими значениями он продолжает употребляться в северных и западных говорах. В XVIII веке *али* с разделительным значением функционировал в просторечии и народнопоэтической речи, такое употребление союза сохраняется в современном языке. *Але* в произведениях XVIII века не зафиксирован, он не употребляется и в современном литературном языке.

В русских говорах употребляются трехкомпонентные кластеры *ально*, *альнó*, *альнѐ*, *альни* и др. В памятниках письменности зафиксировано только сочетание *али нь* 'тем более', XIII век. В результате присоединения третьего компонента, *н*-вой партикулы, у союза развивается вторичное значение следствия. Не исключено, что лексемы с безударной инициалью являются вариантами лексем с начальным *о*-

В несевверных говорах появляются четырехкомпонентные кластеры, которые функционируют со значением следствия. Изменение семантики в результате присоединения четвертого компонента не наблюдается.

Итак, изучаемые диалектные лексемы обладают основными значениями партикул, вместе с тем наблюдается изменение семантики союзов в результате присоединения третьей партикулы и сохранение семантики у четырехкомпонентных кластеров.

Примечание

¹ Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 гг.

Библиографический список

1. Архангельский областной словарь. – Вып. 1. – М.: Моск. гос. ун-т, 1980. – 168 с.

2. Гусева Е.Р. Союзы с *н*-, *ж*-партикулами в русских говорах Карелии и сопредельных областей // CARELiCA. – 2014. – № 2 (11). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://carelica.petsu.ru/CARELiCA/_Articles/Entries/2014/5/12_SOUZY_S_N-%2C_Z-PARTIKULAMI_VRUSSKIH_GOVORAH_KARELII_ISOPREDELNYH_OBLASTEJ.htm (дата обращения: 20.09.2014).

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1978.

4. Доля Т.Г. Употребление сочинительных союзов в заонежском говоре // Учен. зап. Карельского пед. ин-та. – Т. XII. – Петрозаводск, 1961. – С. 130–142.

5. Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 280 с.

6. Зализняк А.А. Первая лекция академика Зализняка А.А. о берестяных грамотах из раскопок 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mitrius.livejournal.com/799894.html?style=mime> (дата обращения: 19.09.2014).

7. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 352 с. – (Studia philologica. Series minor).

8. Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1898. – VII, 151 с.

9. Меркурьев Н.С. Живая речь кольских поморов. – Мурманск: Кн. изд-во, 1979. – 184 с.

10. Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика: (История «блуждающих частиц»). – М.: Языки славянских культур, 2008. – 376 с. – (Studia philologica).

11. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 168 с.

12. Новгородский областной словарь. – Вып. 1–13. – Новгород: Изд-во Новгород. гос. пед. ин-та, 1992–2000.

13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.

14. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб.: Изд. 2-го Отд-ния Акад. наук, 1885. – 197 с.

15. Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 1. – Л.; СПб.: Изд-во Ленинград. ун-та, Санкт-Петербург. ун-та, 1967.

16. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – Т. 1. – М.: Рус. яз., 1988.

17. Словарь орловских говоров. – Вып. 1–14. – Ярославль; Орёл: Орловск. гос. пед. ин-т, Орловск. гос. пед. ун-т, 1989–2003.

18. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. – Вып. 1–6. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 1994–2005.

19. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965.
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 1. – М.: Наука, 1997.
21. Словарь русского языка XVIII в. – Вып. 1. – СПб.: Наука, 1984.
22. Словарь современного русского литературного языка. – Т. 1–17. – М.; Л.: Наука, 1950–1965.
23. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. – Т. 1, 2. – СПб.: Гос. изд-во иностр. и национальн. словарей, 1958.
24. Шапиро А.Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 318 с.
25. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – Вып. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1974.
26. Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. – Praha: Academia, 1973–1980. – Sv. 1–2.

Используемые сокращения

ДрРЯ – древнерусский язык
 РЯ XVIII в. – русский язык XVIII века
 СРГ – севернорусские говоры
 СРЛЯ – современный русский литературный язык
 СрРГ – среднерусские говоры
 ЮРГ – южнорусские говоры

УДК 811.161.1'373.72

Третьякова Ирина Юрьевна

доктор филологических наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
 trirfr@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ-ЗООМОРФИЗМОВ МЕДВЕДЬ И ВОЛК (к вопросу о национально-культурных особенностях русских фразеологизмов)

Исследование посвящено выявлению особенностей семантики и функционирования русских фразеологизмов, в состав которых входят компоненты-зоонимы, именующие животных. На примере зооморфизмов медведь и волк рассматривается обусловленность семантики фразеологизмов внутренними и внешними чертами стереотипных анималистических образов. Образы медведя и волка получают лингвокультурологический комментарий, дающий представление об этих животных как о культурных феноменах русского этноса. Включённые в состав фразеологических единиц, компоненты-лексемы медведь и волк становятся средством характеристики человека и фрагментов окружающего его мира. В данных анималистических образах актуализируются как внешние черты, так и внутренние качества животных и человека. Особенности культурных смыслов, заключённых в зооморфных метафорах-компонентах, ярко проявляются при окказиональных трансформациях фразеологических единиц. Фразеологизмы с компонентами волк и медведь подвергаются в соответствии с авторскими интенциями различным изменениям. Трансформации, направленные на компоненты-зоонимы, позволяют выявить круг реалий, характеризующих фразеологизмами, и диапазон смыслов, репрезентируемых данными компонентами. Наиболее активные окказиональные модификации фразеологических единиц, ярко демонстрирующие культурные смыслы компонентов, осуществляются посредством замены компонентов-зоонимов словами различных тематических групп. Описание трансформационной активности, анализ семантики фразеологизмов позволяют выявить закономерности преобразовательных процессов, связанные с ключевым статусом анималистических компонентов, а также определить степень изменчивости оценочно-экспрессивного модуса фразеологизмов. Изучение образов медведя и волка, воплощённых в слове, в устойчивых сочетаниях слов, во фразеологических трансформациях, способствует глубокому пониманию национально-культурной специфики русского этноса.

Ключевые слова: окказиональные фразеологизмы, фразеологические трансформации, анималистический образ, культурные смыслы, компоненты-зооморфизмы.

«Язык есть собственность нераздельная целого народа. ...Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своём» [5, с. 19]. Именно в языке отражаются исторически сложившиеся в обыденном сознании народа представления о мире, об организации жизни, о системе ценностей. Глубинное изучение языка – его лексикона, структуры, речевого поведения носителей языка – позволяет описать самобытность мышления и психики этноса, своеобразие его национальной культуры. Каждый представитель этноса как носитель языка является и носителем культуры. Поэтому «языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством представления основных установок культуры» [2, с. 63].

Ярким репрезентантом языковой картины мира, национально-культурного опыта того или иного этноса является фразеология национального языка. Именно во фразеологизмах запечатлена народная мудрость, выражаются ценностные ориентиры этноса.

В рамках данного исследования рассмотрены фразеологические единицы (далее ФЕ, фраземы), в состав которых входят компоненты-зоонимы *медведь* и *волк*, именующие животных, определяемых как культурные феномены русского этноса.

Медведь выступает как типичный представитель фауны России, встречающийся почти повсеместно и хорошо знакомый представителям как русского этноса, так и других этносов полиэтни-

ческого государства. Русские отличают в медведе следующие черты: это крупный зверь, обладающий большой силой, неуклюжий, неповоротливый. В представлении русских медведь ленив (всю зиму проводит в спячке в своей берлоге, при этом сосёт лапу), незлобив (никогда не нападает первым), однако умеет постоять за себя: рассерженный медведь способен разрушить все преграды и одолеть любого противника. Такие особенности животного импонируют русским людям, они видят в медведе анималистический образ, воплощающий в себе ряд национальных черт русских людей. Очевидно, поэтому медведь часто воспринимается как символ России [4, с. 120].

Медведь относится к числу русских мифологических образов. В прошлом – это тотемный зверь многих восточнославянских племён, которые занимались охотничьим промыслом. Образ медведя является одним из главных фольклорных образов; медведь часто становится героем русских сказок и басен. В фольклорных произведениях медведь представляется как большой, неповоротливый, медлительный зверь, своей неловкостью разрушающий предметы, обстановку (сказка «Теремок») – в этом случае подчёркиваются внешние качества животного. В сказках и баснях проявляются и его внутренние качества: медведь может быть жадным, глуповатым, часто становится жертвой обмана (см. сказки «Вершки и корешки», «Маша и медведь», «Кот Котофеевич»). Тем не менее, несмотря на отрицательную оценку, медведь не воспринимается как агрессивное либо страшное животное, его отрицательные черты вполне «безобидны», и отношение к этому сказочному персонажу скорее насмешливое, ироничное, иногда – сострадательное, нежели негодующее, презрительное. Также следует заметить, что медведь – единственный из анималистических персонажей русских сказок, имеющий полное человеческое имя – Михаил Иванович (Потапович) Топтыгин, а также прозвище Косолапый, связанное – опять же – со своеобразной походкой медведя.

Слово *медведь* употребляется в речи как зооморфная метафора – для характеристики человека. При этом обращает на себя внимание актуализация внешних черт, присущих животному и человеку. *Медведем* называют человека крупного, сильного, но неуклюжего («– Ты что, не можешь по нормальному пройти? Стул опять уронил, стол сдвинул, лампа упала. Ну *медведь*!») (разг.); человека грубого, малокультурного, неделикатного, не умеющего вести себя в обществе («– Я не желаю разговаривать с нахалами! ...Вы грубый *медведь*!») (Чехов. *Медведь*).

Лексема *медведь* (и её производные) входит в состав нескольких фразеологических единиц в качестве компонента: *медведь на ухо наступил*, *медвежий угол*, *медвежья услуга*, *делить шкуру неубитого медведя*.

Фразеологизм *медведь на ухо наступил* употребляется для характеристики человека, не имеющего слуха, музыкальных способностей, фальшивящего при пении. «Андрей Андреевич неплохо исполняет “Марсельезу”, “Интернационал”. Петя любит, но слуху нет: Нина Николаевна над ним смеётся: – Вам *медведь на ухо наступил*» (В. Шишков. *Угрюм-река*). Фразеологический образ соотносится с зооморфным и телесным кодами культуры [1, с. 375]. Медведь воспринимается как существо большое, тяжёлое, грузом собственного тела невольно производящее необратимые разрушения; уничтожая человеческий орган слуха – ухо, медведь лишает человека способности слышать, в частности, звуки, улавливать тональность, ритм и др. и правильно воспроизводить мелодию. Вновь обращает на себя внимание тот факт, что в компоненте-зоониме актуализированы, в первую очередь, внешние признаки животного. Медведь в образной основе данной ФЕ выступает как стереотипный образ существа, имеющего большой вес, способного своим большим телом невольно уничтожить что-либо более мелкое.

Фразеологизм *медведь на ухо наступил* относится к группе устойчивых знаков, способных подвергнуться окказиональным преобразованиям. Основной способ трансформации данной ФЕ – замена компонента *медведь* окказиональными компонентами-заместителями – также зооморфизмами, содержащими в своём языковом значении семы ‘большой’, ‘грузный’, ‘тяжёлый’: *бегемот*, *мамонт*, *слон*. «Весело подпеваем, а кому *бегемот наступил на ухо*, подтанцовываем» (operate.ucoz.ru); «Потом мать вышла замуж за писателя Рыкачёва, которому не то что медведь – *мамонт на ухо наступил*» (Ю. Нагибин. *Певучая душа России*. «Звезда», 1981, №13). «Кому *слон на ухо наступил* – счастливые люди (в плане восприятия любых звуков). Не надо скрежетать зубами при диссонансе и не только» (neizvestniy-geniy.ru/forum).

Фразеологическая единица *медвежья услуга* содержит производный компонент *медвежья*; во фразеологическом образе находит отражение зооморфная метафора: действия и поступки человека уподобляются действиям и поступкам, соответствующим типичному (стереотипному) образу животного. *Медвежьей* называют услугу, помощь ‘неумелую, неуместную, способную навредить, приносящую неприятности человеку, которому она оказывается’. «Началось с того, что наш депутат решил благоустроить двор. ...Сняли первый слой асфальта, появились горы асфальтированной крошки. ...Квартал заканчивается, а ничего не сделано. ...Надоело прыгать через ямы. Вот уж поистине *медвежью услугу* оказали нам муниципалы» («Ведомости», 2001, №23). Неуклюжесть, неделикатность медведя приводят к плачевным последствиям, к разрушению не только физических

объектов, но и человеческих взаимоотношений, намеченных планов: «В Кировской и Курганской областях социологи прочили победу губернаторам, которые не сумели пройти во второй тур! Надо ли говорить, какую *медвежью* услугу оказывали такие социологи губернаторам, расслабляя их в тот самый момент, когда им надо было напрягать последние силы» («Московский комсомолец», 2009, №6). Компонент *медвежий* в данном фразеологизме является ключевым в семантическом плане, то есть несёт основную смысловую нагрузку. Этот компонент не подлежит окказиональным трансформациям, фразеологизм функционирует в речи в узуальном виде, так как замена компонента приведёт к дефразеологизации сочетания слов (*неумелая услуга, *неуместная услуга, *вредная услуга).

Во фразеологизме *медвежий угол* – ‘глухое, труднодоступное место’ – содержится адъективный компонент *медвежий*, репрезентирующий в значении ФЕ семы ‘глухое’, ‘труднодоступное’. «В нынешнем году вступает в строй федеральная дорога на Пермь. И уже сейчас местные предприниматели вплотную занялись организацией автосервиса, платных стоянок. Район перестаёт быть “*медвежьим углом*”» («Вятский край», 2011, №22). Как известно, медведь живёт вдалеке от жилища человека; именно качество места проживания медведя явилось актуальным для формирования значения данной ФЕ. Компонент *медвежий* в данном фразеологизме определяется как семантически ключевой, фразема функционирует в речи в узуальном виде, так как замена компонента приведёт к дефразеологизации сочетания слов (*глухой угол, *труднодоступный угол).

Фразеологизм *делить шкуру неубитого медведя* не относится к собственно русским, первоисточником ФЕ является басня Ж. Лафонтена «Медведь и два товарища». Однако далеко не все носители русского языка, употребляя фразеологизм в речи, знают о его литературном источнике. Тем не менее прозрачность образа и мотивированность значения фразеологизма обуславливают относительную частотность и широту употребления ФЕ.

Фразеологическая единица *делить шкуру неубитого медведя* имеет значение ‘преждевременно планировать успех, положительно оценивать результаты, распределять прибыль от ещё не осуществлённого предприятия, какого-либо трудно выполнимого или невыполнимого дела’. Образ медведя не проявляет в этом случае каких-либо ярких стереотипных внутренних или внешних качеств, присущих этому животному. Компонентом образной основы становится не сам медведь, а шкура медведя, которая представляется как нечто ценное, как то, что может принести выгоду, дивиденды, успех. Такая слабая связь образа медведя с семантикой ФЕ обуславливает, наряду с использованием фразеологической единицы в узуальной

форме, широкое использование в речи трансформированных вариантов ФЕ. Значительная часть употреблений представляет собой окказиональные варианты языкового фразеологизма, в которых произошла замена компонента *медведь*.

Окказиональные компоненты-заместители образуют несколько тематических групп.

1. Компонент *медведь* заменяется словами тематической группы «Животные». Так, в целях конкретизации значения ФЕ в текстах функционируют фразеологические компоненты *шкура бобра*, *шкура собаки*, *шкура жирафа*, *шкура мамонта*. «В деревне Клинцовка Саратовской области *делят шкуры неубитых бобров*. ...Ликвидация бобров стала делом государственной важности: животные буквально изрешетили защитную дамбу. Местный скорняк Виктор Ильич заготовки для шапок достаёт. Он, пожалуй, ждёт поимки бобров больше, чем кто-либо... Но, судя по всему, ему ещё долго придётся строчить обычные рукавицы: ни один из известных способов, будь то капканы или ружья, пока не сработал. (TV 1 канал, «Новости», 20.03.13); «Депутаты *делят шкуры неубитых собак*. В Хабаровской городской думе до сих пор не могут решить, кто же будет заниматься отловом бродячих собак» (hab.kr/ru/daily/25640/); реплика об охотниках на жирафов в саванне: «*Делят шкуру неубитого жирафа*» (x-top.org/prikol/11482); о выборах президента в Беларуси: «Вашингтон, Варшава и Берлин *делят шкуру неубитого зубра*» (блог Алеся Волынского. 27.07.14. emigrant-ussr.ru/blog/vashington/). Языковой компонент *медведя* может находиться с окказиональным компонентом в отношениях гиперо-гипонимических: «В очередной [футбольной] игре французам нужно сконцентрироваться на нейтрализации Коноплянки и Ярмоленко. Украинцы обладают боевым духом и сыгранной линией атаки. Поэтому французам не стоит пока *делить шкуру неубитого зверя*» (News.meta.ua).

2. Компонент *медведь* заменяется словами тематической группы «Человек». Целая серия иллюстраций таких замен представлена на сайте News.meta.ua: «Кличко, Тягнибок и Яценюк *делят шкуру неубитого Азарова*»; Томенко отказывается *делить шкуру неубитой Тимошенко*; «Битва за шкуру неубитого премьера»; «Соратники *делят трон неубитого Бен-Ладена*». В ряд замен входят существительные, обозначающие совокупность людей, называющие людей по профессии, роду занятий и др.: «Ярошевский попозировал на фоне “*шкуры неубитого застройщика*”»; «В Партии регионов *делят шкуру неубитой коалиции*»; «Турчинов надеется, что Кличко в состоянии прочитать Соглашение о *разделе шкур неубитого парламента*».

3. Компонент *медвежий* заменяется словами тематических групп, называющих различные предметы, географические объекты, абстрактные по-

нения и др.: «В штабе второго Майдана депутаты и их помощники активно *делят шкуру неубитого народного признания*»; «Представители партии “Батьківщина” *делят шкуру неубитых выборов*»; «Как *поделить шкуру неубитого евро?*» (News.meta.ua); о дележе рынка авиаперелётов в Челябинске: «Экспансия “Сибири” на Южный Урал. Авиакомпании *делят шкуру неубитого “Энкоры”*». (News.74mail.ru. 26.05.04.); И на фоне всего этого кто-то ещё *делит шкуру неубитой Украины*» (rusistka.livejournal.com/646476); о борьбе доменов в Интернете: «Для чего *делят шкуру неделегированного домена?*» (internet.UA/com 2.12.09).

Фразеологизмы с компонентом *медведь* (*медвежий*) активно функционируют в речи, актуализируя элементы значения и фразеологического образа, связанные со стереотипными представлениями носителей языка о поведении, внешнем виде медведя, условиях его обитания.

Волк так же, как и медведь, относится к группе типичных русских мифологических образов, однако в представлении русского человека волк своими чертами существенно отличается от других представителей биологического мира, близких русскому этносу. На первый план в образе волка выходят внутренние качества, тогда как внешние черты, поведение остаются малозначимыми.

В представлении русских волк – это, в первую очередь, хищник, умный, жестокий и беспощадный, признающий только силу. Это враг, агрессор, способный напасть на другое животное, на человека и умертвить его. Волк вызывает в человеке страх, поэтому в большинстве своём образ этого зверя сопряжён с негативной оценкой. Вместе с тем образ волка неоднозначен: он может связываться с представлением о независимости и свободе. В русских народных бытовых сказках, в сказках о животных, в баснях волк предстаёт глупым, жадным, голодным, он часто становится жертвой обмана (сказки «Волк и лиса», «Кот Котофеевич»). Из внешних черт подчёркивается окрас шерсти – серый волк, однако какой-либо особой значимости этот внешний признак не получает [4, с. 64].

Слово *волк*, так же как и слово *медведь*, употребляется в речи как зооморфная метафора – для характеристики человека. Главное внимание уделяется внутреннему сходству человека и животного, проявлениям в человеке звериной сути. Волком называют человека злого, жестокого, кровожадного: «Чеченские дети видели более страшных волков, чем четвероногие. Они видели двуногих волков, живущих по волчьим законам» (НТВ, «Сегодня», 2008).

Лексема *волк* (и её производные) употребляется в качестве компонента ряда ФЕ: *волк в овечьей шкуре*, *смотреть волком*, *волчьи законы*, *старый волк*, *морской волк*, *одинокий волк*, *голоден как волк*, *волком выть*. В семантике и образах устойчивых еди-

ниц, характеризующих в основном человека, ярко проявляются черты стереотипного образа волка.

ФЕ *волк в овечьей шкуре* имеет значение ‘жестокий, свирепый человек, притворяющийся кротким, безобидным’. Фразеологизм восходит к евангельскому тексту о лжепророках; в образе волка находят отражение древнейшие мифологические представления об оборотничестве [4, с. 133]. В составе фразеологизма имеется также компонент *овца*, и вся ФЕ построена на противопоставлении, антагонизме двух образов. При этом волк выступает как символ хищности, жестокости и агрессивности, а овца – как символ кротости и смирения. Данный фразеологизм в речи широко подвергается окказиональным преобразованиям, однако трансформации затрагивают в основном синтаксическую структуру оборота: происходит расширение компонентного состава, замена глагольного компонента *натягивать*, субстантивного компонента *шкура*, синтаксические модификации ФЕ; может быть существенно изменён смысл фраземы (при ролевой инверсии), но два компонента-антагониста неизменно присутствуют в окказиональных вариантах и окказиональных фразеологизмах. См. ряд трансформов – иллюстраций активного преобразовательного потенциала оборота с компонентами *волк* – *овца* и их производными: *волк под овчиной*; *надев овцы наряд*, *волки рыскают*; *обрядить волка в овчью шкуру*; *овчью шкуру на свою волчью шерсть не напяливать*; *выволочь волков из овечьей шкуры*; *под овечьей шкурой спрятаны волчья шерсть и волчьи зубы*; *волчий хвост вылезает из-под овечьей шерсти*; *овца, натягивающая на себя шкуру волка* [3, с. 120]. Широкое употребление фразеологизма *волк в овечьей шкуре* в узуальной и окказиональной формах в разных стилях и коммуникативных ситуациях свидетельствует о распространённости в обществе явлений, ситуаций с участием людей, которые могут быть охарактеризованы фразеологизмом с ключевыми словами – зооморфными метафорами *волк* и *овца*.

Во ФЕ *смотреть волком* (‘глядеть на кого-либо со злобой, агрессией’) также мотивирующим признаком значения становятся внутренние качества волка. Компонент *волком* репрезентирует качества, характеризующие стереотипный образ волка как зверя злобного, агрессивного. «Гляжу на него – человек вроде как человек. Фуражка красивая, бритый, одеколоном от него пахнет, а сам на меня *волком смотрит*» (В. Астафьев. *Дикий лук*).

Те же самые типичные черты волка как стереотипного образа – злоба, агрессия – стали мотивирующей основой при образовании ФЕ *волчьи законы*. Семантика фразеологизма – ‘нормы поведения, основанные на праве сильного совершать то, что ему вздумается, не считаясь ни с чем, кроме своих желаний’ – связана с восприятием волка как существа сильного не только физически, но и внутренне:

волк – зверь агрессивный, нападающий, побеждающий и устанавливающий свои жесткие, жестокие правила существования: «– Я же с младенчества в детдоме. Там всё просто: не украдёшь – с голоду сдохнешь, потому что твою собственную пайку уже давно кто-то другой украл. Там, мамуля, *законы* были *волчьи*» (А. Маринина. *Имя потерпевшего – никто*).

Во фразеологизмах *смотреть волком* и *волчьи законы* компоненты *волком* и *волчьи* являются ключевыми в смысловом плане, а потому при окказиональной трансформации фразеологизмов в речи фактически не подвергаются замене во избежание дефразеологизации.

Волк вызывает в человеке, помимо страха, уважение к внутренней силе – стойкости, воле. Представления о волке как звере-воителе, переживающем в схватках много трудных моментов и выходящем победителем, обусловили появление в русском языке фразеологизмов *травленный волк* ('человек, перенёсший всяческие трудности, невзгоды; обладающий большим жизненным опытом; искушённый в жизненных испытаниях'), *старый волк* ('человек, обладающий большим жизненным опытом'), *морской волк* ('опытный, бывалый моряк'). Данные фразеологизмы, имея сходные семы в значениях, являются синонимами и в процессах речевой реализации часто функционируют в трансформированном виде, объединяя посредством контаминации-расширения свой компонентный состав: *старый травленный волк*, *старый морской волк*, *травленный морской волк*. В состав языковых фразеологизмов часто включаются окказиональные компоненты, конкретизирующие фразеологизм относительно коммуникативной ситуации, контекста: *старый торговый волк*, *старый театральный волк*, *старый редакционный травленный волк*, *старые автомобильные волки* и под. [3, с. 122]. Такое расширение компонентного состава не меняет значения фразеологизма, лишь уточняя характеризуемого человека относительно рода занятий, профессии, в которой человек проявил свои положительные качества. Следует отметить, что в анализируемых фразеологизмах ключевыми являются оба компонента – и субстантивный, и адъективный. Каждый компонент репрезентирует значимые в семантике фразеологизмов семы. Так, в компоненте *волк* имплицитно проявляются семы, репрезентирующие качества волка, – силу, бесстрашие, способность противостоять трудностям. Значимость компонента *волк* проявляется при окказиональной трансформации фразеологизмов посредством замены этого компонента. Окказиональный компонент-заместитель должен содержать семы, называющие свойства (человека или животного), сходные с качествами волка. Компоненты-заместители могут входить в тематическую группу «Человек [какой-либо] профессии»,

причём профессии должны быть связаны с определёнными трудностями, возможным риском для жизни: политик, моряк, военный: «Я *старый политик*, и не нужно учить меня прописным истинам» (novpol.ru). Возможна замена компонента *волк* окказиональным компонентом *человек* (гиперогипонимические отношения слов), однако в этом компоненте не проявляется необходимых для актуализации фразеологического значения сем, поэтому контекстное окружение фразеологизма должно актуализировать семы 'опытный', 'много переживший': «Знаешь, я *человек травленный*. И смерть видел, и побегать по жизни пришлось, и деньги были, и в тюрьму чуть не загремел. Всякого повидал. Тебе такой жизни не пожелаю» (Т/ф «Менты-2»). При замене компонента *волк* окказиональным компонентом-зоонимом в последнем также должны быть актуализированы характеристики, сходные с чертами, отмечаемыми носителями языка у волка, – умением, пусть разными способами, преодолевать трудности. «Это был *старый, травленный лис*, попортивший не одно поколение кур и переживший не одну облаву охотников» (lila-krik.livejournal.com). Следует заметить, что окказиональные замены компонента *волк* нечастотны, и препятствием к этому виду трансформаций является именно ключевая роль компонента в образовании семантики и образа фразеологизма.

Фразеологические единицы *хоть волком вой* ('тосковать, испытывать чувство безысходности') и *голоден как волк* ('испытывать большое чувство голода') основываются на представлении о поведении и состоянии волка как анималистического образа: вой волка вызывает в человеке беспокойство, страх, тоску; голодный волк поглощает большое количество убитой добычи – так и голодный человек способен съесть много пищи, не разбираясь в её качестве. При этом оба фразеологизма содержат в коннотации отрицательную оценку, обусловленную негативной реакцией человека на поведение волка.

Медведь и волк – как типичные анималистические образы – являются неотъемлемой частью языковой картины мира русского народа. Изучение особенностей семантики и функционирования лексем-компонентов *медведь* и *волк* в русском языке, несомненно, способствует глубокому проникновению в национально-культурные основы русского этноса.

Библиографический список

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

3. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997. – 684 с.

4. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь: Вып. 1 / И.С. Бри-

лева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.

5. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. – М.: Либроком, 2007. – 136 с.

УДК 811.161.1'373

Богатырева Екатерина Николаевна

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко (г. Кострома)

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
katyabogatyreva@mail.ru

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ С КОМПОНЕНТОМ *ВОДА* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья находится в русле системного подхода к исследованию фразеологического фонда современного русского языка. Рассматриваемый в работе лингвистический материал связан с такими явлениями русской фразеологии, как структурно-семантическая моделированность и фразеологическая окказиональность. Невозможность исследования фразеологической семантики на современном этапе в отрыве от проявления семантических свойств фразеологизмов в контексте предопределяет актуальность рассмотрения фразеологических единиц (ФЕ) в динамике. Окказиональные преобразования ФЕ возникают вследствие потребности носителей языка в вербальной реализации языковой ФЕ в соответствии с теми или иными задачами коммуникации, в процессе которой говорящие могут проявлять способность к лингвокреативному мышлению. Функционирование в речи фразеологических моделей даёт возможность выявлять сходство фразеологизмов и паремий, объединённых одной структурно-семантической моделью, в плане индивидуально-авторских преобразований. Окказиональные трансформации ФЕ, построенных по определённой структурно-семантической схеме, рассматриваются на примере фразеологизмов и паремий с компонентом *вода* в современном русском языке. Сближенность ФЕ, принадлежащих к одной модели, на уровне грамматического строя и семантики обуславливает общность данных фразеологических оборотов при трансформировании в речи. Определителями трансформационного потенциала ФЕ также служат определённые свойства, такие как образность, воспроизводимость, целостность значения и раздельнооформленность устойчивых оборотов. Яркая образность может служить стимулом для актуализации образа ФЕ. Благодаря раздельнооформленности фразеологизма, возможны представления манипуляции с отдельными компонентами ФЕ, сохранившими словный характер, при замене или распространении компонентного состава фразеологических оборотов. Сходство в преобразовании ФЕ предопределяется национальным сознанием и лингвистической компетенцией носителей языка.

Ключевые слова: фразеологическая единица, компонент *вода*, структурно-семантическая модель, окказиональные преобразования, трансформационный потенциал, рассмотрение ФЕ в динамике.

Появление в речи окказиональных единиц является неопровержимым доказательством динамического характера фразеологических знаков, обусловленного особенностями их семантической структуры. Окказиональное преобразование фразеологических единиц (ФЕ) возникает вследствие потребности носителей языка в вербальной реализации языковой ФЕ в соответствии с теми или иными задачами коммуникации, в процессе которой говорящие могут проявлять способность к лингвокреативному мышлению и демонстрировать искусное владение фразеологическим материалом. На трансформации ФЕ влияют три основных фактора: авторские интенции, языковая компетенция носителей языка и особенности семантической и грамматической структуры фразеологизмов. Именно автор текста (речи) осуществляет преобразования содержания и формы ФЕ, именно говорящий организует контекст, в котором реализуется окказиональный фразеологизм [11, с. 15]. Характер индивидуально-авторских преобразований обусловлен знанием системы и норм языка, предопределяющим

осмысленность и правильность высказывания. Определителями трансформационного потенциала фразеологических единиц служат их семантическая структура и свойства, выражающиеся в соотношении плана содержания и плана выражения ФЕ, образности, воспроизводимости, целостности значения и раздельнооформленности.

Функционирование фразеологических моделей в речи позволяет рассматривать их в динамике и даёт возможность выявить сходство фразеологизмов, объединённых одной и той же структурно-семантической моделью, в плане окказиональных преобразований. Рассмотрим это на примере некоторых ФЕ, построенных по определённой структурно-семантической схеме.

Фразеологическая модель «Что-либо сравнивается с *водой*, обладающей текучестью» – *Умчались (уплыли) годы, как вешние воды; Годы текут, как вода; Годы как вода: пройдут не увидишь; Беда что текучая вода: набегит да схлынет* и др. – проявляет склонность к распространению компонента «вода» («воды») адъективом-интенсификатором «быстрая» («быстрые»): «Но *годы – словно*

быстрая вода, Не удержать – просочатся сквозь пальцы, И лет тоскливых злая череда Стремительно мелькает, словно пальцы» [6]; **«Годы текут словно быстрые воды**, Вы же, как прежде, красивы собой... Этот незримый подарок природы С неба Вам Богом навеян, судьбой!» [12]. Расширитель **быстрая** усиливает представление о степени продолжительности действия, выявляя «скоротечность» процесса – течения времени, которое воплощается в образе текущей **воды**. Таким образом актуализируется сема стремительно проходящих лет жизни.

Расширение компонентного состава рассматриваемой структурно-семантической модели ФЕ может быть сопряжено с заменой компонентов: **«И проходит жизнь меж пальцев, Словно быстрая вода**, Ярко бликами сверкая, Подмывая берега» [9]. Заменитель-интенсификатор «жизнь», находящийся в семантической близости с компонентом «года» инварианта ФЕ **Года текут, как вода**, делает акцент на увеличении временного отрезка. Кроме того, образ текущей **воды** актуализируется вследствие употребления расширителя-буквализатора **меж пальцев**, так как вода, являющаяся жидкой субстанцией, имеет свойство проходить через отверстия между пальцами открытой ладони. Обращение к образу **воды** обнаруживается в следующих контекстах при участии словосочетания **сквозь пальцы**: **«Время течет сквозь пальцы, как вода**, Из ниоткуда в никуда...» [8]; **«Пока время сквозь пальцы течет**, Черт не знает, где чёт и где нечёт...» [4].

В следующем примере, напротив, заменитель уменьшает количество «текущего» времени: **«Текут минуты как вода**, Зачем же я зашел сюда, Разочарованья миг, удар судьбы, Мне уже не привывать, увы...» [10]. Компонент «минута» является, несомненно, меньшей единицей времени, чем «год», за счет чего интенсивность процесса течения времени снижается.

Продуктивными в плане окказиональных преобразований являются фразеологические модели, семантизирующие безрезультатность и бесполезность выполнения каких-либо действий: модель «Средствами, которые не годятся для совершения чего-либо (совершения действия с **водой**), нельзя добиться результатов» – **носить воду решето**; **в решете воду носить (таскать)**; **как в утлое судно воду лить**; **Неразумного учить – в бездонную кадку воду лить**, **в решете воду не носят**; **В решете воды не удержишь**; **Бездонной кадки водою не наполнишь**; **Решето воды не вычерпает**.

Неподходящим средством для совершения какого-либо действия с **водой** в рассматриваемой модели выступает ёмкость с отверстиями, в которой невозможно удержать **воду**. Именно замена данного компонента в составе ФЕ, построенных по одной структурно-семантической схеме, об-

условливает функционирование окказиональных образований. В одном из контекстов замена компонента сопряжена с созданием двойного семантического плана: «Глава *Росводресурсов* также призвал сельскохозяйственные ведомства привести в порядок *ирригационные системы*, чтобы сэкономить воду. “На 10 литров воды они (сельское хозяйство) просят дать нас 250. Они **носят воду в дырявом ведре**. Пусть приводят в порядок *мелиоративные и ирригационные системы*”, – сказал он» [3]. Буквализатором семантики **воды** служит контекст, тематикой которого является дефицит воды, возникший в результате ненадлежащего и неразумного пользования этим природным ресурсом: «носят воду в дырявом ведре». Замена компонента «решето» на словосочетание «дырявое ведро» конкретизирует детали качеств ёмкости, через «дыры» которой легко просачивается жидкость. Приведем еще несколько примеров: «Наставник Воыни Виталий Кварцяный обсудил актуальные вопросы. О задачах на сезон: “Чемпионат продолжается, а у нас идет реорганизация, и поэтому мы в деформированном состоянии. Нельзя **носить воду дырявым ведром**. Как бы вы ни хотели, **вода** будет протекать”» [5]; **«В ведре дырявом воду носят**, В ступе затем её толкут, Невинных, как крапиву, косят, Безвинным головы секут» [13]. В первом случае смысл трансформированной ФЕ эксплицируется за счет пояснения «Как бы вы ни хотели, вода будет протекать». Во втором контексте преобразованный оборот **в ведре дырявом воду носить** совмещается с ФЕ **толочь воду в ступе**, что усиливает семантику бесполезности, напрасных действий, так как данные фразеологизмы стоят в одном синонимическом ряду.

Замена компонента, обозначающего ёмкости, пропускающие **воду** («утлое судно» и «бездонная кадка»), словосочетанием **дырявое ведро** также обнаруживается во ФЕ **как в утлое судно воду лить**; **Неразумного учить – в бездонную кадку воду лить**: «Многие компании привыкли работать на клиентском потоке, что есть силы увеличивать его и сокращаться, когда он падает. Но с обострением конкуренции такая привычка становится вредной. С трудом заполучив себе клиента, мы не даем себе труда попытаться его удержать, а это всё равно, что **лить воду в дырявое ведро**» [1]; «Руководителям можно дать основной совет – перестаньте тратить деньги на постоянный поиск персонала и его обучение. Рекрутинг, тренинги – лишь инструменты, и эффективность их применения зависит не от качества инструмента, а от его использования по назначению. <...> **В дырявое ведро можно бесконечно лить воду – всё равно ведро не наполнится**» [2]. Конкретизация предмета («дырявое ведро») в данных случаях акцентирует внимание на наличии пробелов («дыр») в системе работы с людьми, клиентской базой и трудовым коллек-

тивом («ведро»). *Вода* здесь выступает как некое обобщающее усилие, направленных на улучшение состояния дел в той или иной компании, усилий, которые, к сожалению, оказываются напрасными (большой труд по увеличению клиентского потока и отсутствие деятельности по его удержанию; пустая трата средств на постоянный поиск персонала и его обучение).

Таким образом, ФЕ с компонентом *вода*, построенные по одной структурно-семантической схеме, обнаруживают общность в плане окказиональных преобразований. Данное явление может объясняться тем, что ФЕ, объединённые на уровне структуры и семантики, проявляют склонность к одинаковым типам трансформаций. Трансформационный потенциал фразеологизмов и паремий обусловлен также определёнными свойствами семантической структуры ФЕ. Так, яркая образность оборота может служить стимулом для актуализации образа ФЕ. Говоря о индивидуально-авторских преобразованиях, следует отметить, что манипуляции с отдельными компонентами фразеологизмов (при замене или распространении компонентного состава) представляются возможными благодаря раздельнооформленности ФЕ, из-за чего компоненты устойчивого оборота не полностью утрачивают лексемный характер, несмотря на структурно-семантическую целостность.

Употребление трансформированных оборотов в речи напрямую связано с авторскими интенциями. Авторы рассмотренных в статье контекстов являются носителями общего для них языка, поэтому обладают знанием его системы и норм, что предопределяет некую закономерность в употреблении ими компонентов ФЕ в лексико-грамматической сочетаемости с окказиональными распространителями или заменителями.

Библиографический список

1. Алхимия сервиса. Почему ЧТЕДМ лучше ЦПР? 10.04.2013. Slon. Деловые новости и блоги. Бизнес. Менеджмент. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slon.ru/business/alkhimiya_servisa_pochemu_chtedm_luchshem_tspr-929851.xhtml (дата обращения: 20.04.2013).
2. Борисова Е. «Таблетки» продаж нет // Служба кадров и персонал. – 2008. – № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.otiss.ru/txts/08_09/SK08_09_59.htm (дата обращения: 20.04.2013).

20.04.2013).

3. Европейской части России грозит дефицит воды, 16.04.2009. РИА Новости, Украина: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rian.com.ua/CIS_news/20090416/78137622.html (дата обращения: 05.01.2013).

4. Каган В.Е. Два притопа, четыре прихлопа. Мегалит: евразийский журнальный портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=5607> (дата обращения: 29.12.2012).

5. Кварцяный: «Нельзя носить воду дырявым ведром», 14.10.2011. Ole.Org.UA. Украина: Премьер-лига. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ole.org.ua/ukraine/premierleague/24232/kvartsyani_nelzya_nosit_vodu_dyryavym_vedrom.html (дата обращения: 05.01.2013).

6. Лапина А. А годы – словно быстра вода... 01.06.2011. Стихи.ру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2011/06/01/2196> (дата обращения: 29.12.2012).

7. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст): монография. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – 456 с.

8. Пугачева А.Б. Из ниоткуда, 2003. Great Lyrics. Популярные тексты песен. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gl5.ru/pugacheva-alla-iz-niotkuda.html> (дата обращения: 29.12.2012).

9. Саприцкий Э. И проходит жизнь меж пальцев, словно быстрая вода..., 2004. Стихи.ру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2004/07/16-551> (дата обращения: 29.12.2012).

10. Текут минуты как вода, 01.02.2013. Анекдоты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lolstore.info/single/213358> (дата обращения: 05.02.2013).

11. Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – Ярославль, 2011. – 51 с.

12. Фокин А. Годы текут словно быстрые воды, 17.01.2012. Стихи.ру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2012/01/17/11293> (дата обращения: 29.12.2012).

13. Худ Э. Ужастик, 03.05.2007. Стихи.ру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2008/12/11/3494> (дата обращения: 05.01.2013).

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: СПЕЦИФИКА АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ

Статья посвящена вопросам лингвистической экспертизы текста, рассматриваемого на предмет выявления признаков экстремизма. Описывается специфика исследования текста, построенного по художественной модели изображения действительности. Выделяются значимые для экспертной практики категории текста с художественной системной организацией: художественное обобщение, фикциональность, концептуальность. В практическом аспекте в экспертном анализе становится значимым различие в характере реализации концептуальности текстов, смоделированных по публицистической и художественной модели. В публицистической модели концепция текста открыто выражена в позиции автора, который в то же время является повествователем. В тексте же, построенном по художественной модели, концепция выражается всей его сложной системной организацией. Более того, высказывания, содержащиеся в таком тексте, могут быть диаметрально противоположны выражаемой автором позиции и, соответственно, информации, получаемой реципиентом. Фикциональность текста, построенного по художественной модели, не позволяет отождествлять позицию авторов и повествователей и приводит к трансформации на концептуальном уровне направленности текстовых коннотаций. Художественная обобщенность образов, в отличие от публицистической, препятствует осуществлению конкретизации отдельных аспектов смысла и референции их с законодательными текстами, содержащими конкретные признаки запретительных норм. Решение в ходе целевого судебного анализа дискуссионного вопроса об эстетической значимости текста представляется непродуктивным. Экспертно значимым становится рассмотрение реализации декодируемых признаков сценария системно смоделированного художественного пространства, которое не может быть механически соотносено с плоскостью реальной действительности. В материале доказываемая значимость для экспертного подхода к тексту его дискурсивной специфики, определяющей аспекты интерпретации.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, экстремизм, художественный текст.

Концепция и методика лингвистического исследования текста в процессах по обвинению в экстремизме – одна из болевых точек современной лингвоэкспертологии [1; 3; 4; 7; 8; 13]. Первые методики экспертного исследования текста на предмет определения его экстремистской направленности уже предложены российскому научному сообществу [5; 10; 14]. Однако многие аспекты лингвистического анализа, определенные целями судопроизводства, еще не рассмотрены.

Важную роль в ходе исследования текста играет определение его стилистической (дискурсивной) природы. Особое место в корпусе текстов, рассматриваемых на предмет соответствия антиэкстремистскому законодательству, занимают тексты художественные. В современной лингвоэкспертологии была высказана мысль о неправомерности обвинений в экстремизме по отношению к художественным текстам [13]. Данный тезис еще не приобрел статус концептуального экспертного постулата, однако имеющийся материал уже свидетельствует о необходимости в ходе экспертного исследования учитывать **признаки** художественного текста, влияющие на декодировку смысла произведения в аспекте его квалификации относительно соблюдения антиэкстремистского законодательства.

Обсуждение критериев художественности вне экспертной практики не ведет к решению поставленной в настоящем материале задачи, поэтому

перечислим инвариантные в современной филологии сущностные **признаки художественной коммуникации**: 1) отсутствие непосредственной связи между коммуникацией и жизнедеятельностью человека; 2) наличие эстетической функции; 3) имплицитность содержания (наличие подтекста); 4) установка на неоднозначность восприятия; 5) установка на отражение нереальной действительности (художественные тексты представляют не модель действительности, а сознательно конструируемые возможные модели действительности) [6].

Очевидно, что в ходе имеющего практическую направленность судебного анализа экстремистского / неэкстремистского текста приведенные критерии рассматриваются под особым углом зрения, сквозь призму задачи – выявить конкретные признаки экстремистского текста согласно представленным в законе семантическим моделям или признать отсутствие таковых. Поэтому важно выяснить, какие именно признаки стиля и каким образом должны быть учтены в экспертном анализе.

Положение первое. Полагаем, что в рассматриваемом аспекте один из основных признаков художественного стиля – эстетическая функция – должен остаться за пределами экспертного анализа. Специфика экспертных выводов требует конкретных доказательств реализации той или иной категории. Обсуждение же вопроса о художественности как мере эстетической значимости при рассмотрении текста в экспертной практике не пред-

ставляется возможным, поскольку сами критерии этой оценки не только дискуссионны, но и в значительной мере субъективны.

Можно ли абстрагироваться при анализе художественного произведения от выделения эстетической функции? Сомнение закономерное, однако – подчеркнем – именно о специфике целевого экспертного анализа и идет речь в настоящей статье. Во-первых, в рамках концепций, связывающих эстетическое прежде всего не с прекрасным, а с социально-исторически значимым, эстетика произведения есть его концептуальная система: «Эстетическое есть выражение той или иной предметности, данной как самодовлеющая созерцательная ценность и обработанной как сгусток общественно-исторических отношений» [11]. Во-вторых, в качестве квалификационных для экспертной практики далее будут выделены другие признаки стиля, которые имеют более реалистичную природу и могут быть подвергнуты верификации. В-третьих, для экспертной практики несущественна собственно квалификация произведения как художественного. Допустимо считать его условно художественным, претендующим на художественность, построенным по моделям художественного произведения.

Положение второе. Значимыми для экспертной практики при декодировке смысла текста предлагаем считать следующие категории художественности как свойства произведения особой системной организации: *художественная концептуальность, фикциональность, обобщение*.

Художественная концептуальность предполагает организацию всех аспектов текста: жанра, сюжета, композиции, системы образов, хронотопа, стилистических средств – авторской интенцией на формирование определенной картины мира и прагматической направленностью на реципиента. Именно концептуальность как системность, спроецированная не только на речепорождение, но и на интерпретацию, стоит в центре определения Л.Г.Бабенко [2, с. 64]. В практическом аспекте в экспертном анализе становится значимым различие в характере реализации концептуальности текстов, смоделированных по публицистической и художественной модели.

В публицистической модели концепция текста открыто выражена в позиции автора, который в то же время является повествователем. В тексте же, построенном по художественной модели, концепция выражается всей его сложной системной организацией. Более того, высказывания, содержащиеся в таком тексте, могут быть диаметрально противоположны выражаемой автором позиции и, соответственно, информации, получаемой реципиентом. Так, например, происходит, если повествование ведется от лица отрицательного персонажа, неприятие которого автором выражено рядом средств.

Ориентация эксперта при декодировке текста на модель художественной концептуальности в тех случаях, где она действительно реализуется, позволит избежать принципиально неверных выводов, обусловленных абстрагированием от стилистической специфики произведения.

Обобщение как средство типизации реализуется в признаках: отражение в текстовых образах образов реальных, их типологичность и спроецированность на неопределенный круг явлений. В то же время образ не является публицистическим описанием прототипа, реалистичным, фактуально адекватным.

В экспертной практике при анализе современных текстов необходимо учитывать нетождественность реального объекта и созданного на его основе художественного образа – обобщения. Мера и степень обобщения и идентификации выявит детальный анализ контекста.

Обобщение художественное отличается от обобщения публицистического. В первом случае явление предстает как типическое, но не соотносимое со всеми конкретными объектами, класс которых в реальной действительности представляет изображенный в художественной модели типологизированный образ. Дискурсивная природа художественной литературы в самой своей модели предполагает априори принимаемую реципиентом «театральную условность» произведения. Так, сатирические произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.В. Гоголя не давали позитивных образцов человеческого и гражданского поведения. Это не означает выражения мысли о всеобщем убожестве рода человеческого. В произведениях других жанров эти же авторы предлагают читателю и сложные, многогранные характеры, и даже героические. Каждое художественное произведение – это взгляд на жизнь с определенного ракурса конкретного автора в определенный момент времени. Понимание этой условности снимает в адрес художественного произведения обвинения относительно его объективности (в рамках экспертной практики – соответствия действительности). Отдельно взятое произведение, построенное по модели художественного изображения действительности, отражает фрагмент реальности, всеми элементами системы сигнализируя о двух, казалось бы, противоречащих друг другу, но в то же время в этом парадоксе органично сосуществующих свойствах обобщения: типологичности и несоотнесенности с конкретными явлениями действительности.

Как пресуппозиция выступает и для автора, и для реципиента дифференциация: в художественном произведении – вымысел, сказка – ложь, да в ней намек; в публицистическом – отражение конкретных событий, фактов реальности. Поэтому восприятие публицистического текста отличается поиском точного и однозначного соотнесения

персонажа текста с личностью в реальной действительности. Публицистическое обобщение выражается в проецировании отдельных поступков конкретных лиц на поведение всей группы. На приеме проецирующегося обобщения построены многие экстремистские листовки, в которых описываются преступления (исторические и современные) лиц одной национальности против лиц другой с обобщающими выводами об обоснованности непримиримой вражды. Обобщения такого типа предстают как сообщения о фактах действительности. Однако стоит только смоделировать ситуацию, в которой приведенное высказывание становится средством речевой самохарактеристики персонажа произведения, сконструированного по художественной модели, и однозначность публицистической интерпретации снимается. В таком случае для осуществления выводов о прагматической направленности суждения необходимо будет проанализировать композицию, систему образов и коннотаций произведения с целью выявления концепции.

Фикциональность – смоделированность художественной системы произведения, признак его художественной организации, предполагающий вымышленность, опосредованность внутреннего мира текста, его условность, креативность. Художественная система организации текста представляет собой «способ отражения действительности, ориентированный на создание отличной от прообраза ментальной модели на основе переформирования компонентов реальности или создания новых ее компонентов. Вымысел... представляет собой устойчивую форму репрезентации информации» [9, с. 95].

Фикциональность проявляется в текстах неидентично, но сам факт ее реализации должен быть учтен при экспертизе.

Положение третье. Экспертные выводы должны учитывать контекст и ситуативный контекст функционирования художественного целого. В современной ситуации вопрос о наличии признаков экстремизма нередко относится к текстам, в которых используются материалы известных художественных произведений для реализации какой-либо прагматической цели. Такой целью может быть формирование у реципиента агрессивного отношения к группе лиц, выделяемой на каком-либо основании, посредством реализации стратегии дискредитации. Интертекстуальность включает в систему воздействующих средств прецедентные тексты, узнаваемость и авторитет которых работают на усиление аргументации и воздействующего эффекта материала.

Следует осознавать, что современный автор мог исказить смысл источника для реализации своих прагматических целей. Художественная условность, введенная в контекст публицистической

реальности, приобретает самые разнообразные коннотации. Так, еврейская тема в повести «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя органично вплетается в контекст художественного описания конкретной эпохи, конкретного социума, обладающего специфическими идеологическими и нравственно-этическими установками. Именно его жестокость и «дикость», сконцентрированность на национальной и социальной самоидентификации отталкивают Андрия – чуждого по своей внутренней природе этой среде. Низкая сторона проявления маскулинности описываемого сообщества противопоставлена высокой, которая по ходу произведения раскрывается все более и более и увлекает цивилизованного читателя XIX века романтикой презрения к смерти, приоритетом товарищества, верности слову и братству. В таком контексте сцены гонения евреев – не призыв к подражанию, а отражение духа описываемых исторических реалий. Автор отнюдь не восторгается этими сценами, а включает их в повествование в качестве реализации сложной системы контрастного многогранного описания явлений, событий, персонажей. Исключение описанных фрагментов из контекста, придание им в тексте-реципиенте антисемитского смысла является искажением концепции первичного произведения. В рассматриваемом типе ситуаций вопрос относительно выражения экстремистской идеологии должен относиться не к собственно художественному тексту, а к материалу, использовавшему его.

Библиографический список

1. Араева Л.А., Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма // Уголовный процесс. – 2006. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ugpr.ru/arhiv/16_apr_2006/topic163_sudebno45_lingvisticheskaya_ekspertiza_po_kriminalnym_proyavleniyam_ekstremizma_.html (дата обращения: 20.11.2012).
2. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов – М., Екатеринбург, 2004. – 464.
3. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
4. Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о религиозном экстремизме // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://konference.siberia-expert.com> (дата обращения: 21.12.2012).
5. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизм: в помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Юридический Мир, 2006. – 96 с.

6. Гвенцадзе М.А. Коммуникативная лингвистика и типология текста. – Тбилиси, 1986.
7. Голев Н.Д. «Восстать, вооружиться, победить»: Шекспир и экстремизм // Юрислингвистика 8: русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 412–416.
8. Губаева Т.В. Судебная экспертиза по делам об экстремизме // Вестник Института экономики, управления и права. Сер. 2. Право. Вып. 7. – Казань, 2006. – С. 303–315.
9. Клейменова В.Ю. Фикциональность и вымысел в тексте // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2011. – № 143. – С. 94–101.
10. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методологические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: РФЦСЭ, 2011. – 326 с.
11. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/los8/14.php (дата обращения: 21.06.2013).
12. Осадчий М.А. Социальный экстремизм как предмет судебно-лингвистической экспертизы // Уголовный процесс. – Арбитражная практика. – М., 2008. – № 2. – С. 55–56.
13. Орлова О.В. Религиозный текст и экстремизм – две вещи несовместные? // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://konference.siberia-expert.com>. (дата обращения: 12.08.2014).
14. Стернин И.А. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста: методическое пособие. – Воронеж: Гарант, 2010. – 20 с.

УДК 801.7

Колышкина Татьяна Борисовна

кандидат филологических наук

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

ktb-10@mail.ru

Шустина Ирина Викторовна

кандидат филологических наук

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

shustina-irina@rambler.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЗИТИВНОЙ БАЗОВОЙ МОТИВАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

В исследовании рассматривается проблема формирования отношения к товару с помощью слов категории состояния. В категориальном значении данного класса слов отражена возможность языковых единиц называть эмоциональные и интеллектуально-волевые состояния человека. В статье описано функционирование слов категории состояния разных лексико-семантических групп, за счет которых реализуются наиболее частотные для рекламной коммуникации позитивные потребительские мотивы. К числу таких мотивов относятся сенсорное удовольствие, интеллектуальная или профессиональная стимуляция, социальное одобрение, эмоциональное удовольствие. К ним обращаются составители рекламных текстов, чтобы оказать воздействие на покупателя и стимулировать приобретение товара.

В статье описана обусловленность включения различных слов категории состояния типом рекламируемого товара. В ходе исследования была выявлена следующая закономерность: такие позитивные мотивы, как социальное одобрение и интеллектуальная или профессиональная стимуляция, чаще используются при рекламировании бытовой и цифровой техники. Эмоциональное и сенсорное удовольствие – позитивные мотивы более широкого спектра применения, а потому встречаются в рекламе как товаров повседневного спроса, так и товаров предварительного выбора. Как показал анализ текстов, положительная базовая мотивация, переданная с помощью слов категории состояния, встречается в рекламе довольно редко. В то же время создателям рекламного текста важно, чтобы эмоциональное состояние, вызванное рекламой, соответствовало ожиданиям целевой аудитории. Исследователи приходят к выводу, что изучение чувств и эмоций потребителя позволяет разработчикам выбрать оптимальный способ воздействия на потребителя, а включение в текст слов категории состояния ненавязчиво осуществить это воздействие.

Ключевые слова: реклама, эмоциональное отношение, мотив, слова категории состояния, языковые средства, средства воздействия.

Одной из целей рекламной коммуникации является формирование эмоционального отношения потребителя к рекламируемому товару и бренду. Отношение к марке, по Дж.Р. Росситеру и Л. Перси, включает базовые мотивации: отображение мотивации (аффективная, эмоциональная составляющая отношения к бренду) и адекватная логическая поддержка воспри-

нимаемой способности бренда удовлетворить эту мотивацию (когнитивная, рациональная составляющая отношения к бренду) [3]. Мотивы, лежащие в основе формируемого отношения потребителя к бренду, могут быть как негативными, так и позитивными, причем реализация этих мотивов может осуществляться различными языковыми и неязыковыми средствами. Одним из таких средств яв-

№ п/п	Мотив	Эмоциональная последовательность
1	Сенсорное удовольствие	Нейтральное состояние → сенсорное удовольствие
2	Интеллектуальная или профессиональная стимуляция	Скука → возбуждение Неосведомленность → компетентность
3	Социальное одобрение	Тревога → облегчение Беспокойство → спокойствие Опасение (нейтральное состояние) → самооболение Равнодушие (нейтральное состояние) → гордость
4	Эмоциональное удовольствие	Нейтральное состояние → радость, эмоциональное удовлетворение

Рис. 1. Негативные мотивы и эмоции, составляющие их основу

ляются слова категории состояния, поскольку уже в категориальном значении данного класса слов отражена возможность этих языковых единиц называть эмоциональные и интеллектуально-волевые состояния человека. Анализ слов категории состояния как средства реализации негативных мотивов в рекламной коммуникации представлены нами в работе «Слова категории состояния как средство отражения негативной базовой мотивации потребителей в рекламном тексте» [2, с. 161–165]. В данной статье рассматриваются языковые единицы, выражающие позитивные мотивы как стимул для формирования положительного отношения потребителя к бренду.

На основании анализа рекламных текстов было выделено четыре позитивных мотива (убеждений, коммерческих предложений), которые используют компании в своей коммуникации с потребителем (рис. 1).

Перечисленные мотивы (стимулы) используются компаниями, когда у покупателя нужно создать позитивный настрой или улучшить его состояние по сравнению с тем, что было.

В ходе исследования в результате сплошной выборки (общий объем 1167 текстов) было отобрано 56 рекламных текстов, содержащих слова категории состояния (что составляет 4,8% от общего объема текстов). Анализ текстов, в которых реализуются позитивные мотивы, позволил выявить вполне прогнозируемую закономерность: данные мотивы лежат в основе текстов, рекламирующих товары повседневного спроса, услуги; реже – в текстах, рекламирующих бытовую и цифровую технику, автомобили.

Распространенными мотивами являются сенсорное и эмоциональное удовольствие. Реализация данного мотива осуществляется посредством введения в рекламный текст слов категории состояния со значением «физическое состояние человека»: *вкусно, приятно, комфортно* (Текст 1. Как **приятно**, касаясь воды кончиками пальцев, чувствовать ее легкую прохладу. *Bounty / Райское наслаждение*. Текст 2. Когда ногам **хорошо**).

В некоторых текстах за счет использования указанных языковых единиц наблюдается совмещение двух мотивов: сенсорного и эмоционального удовольствия (Текст 1. *Почувствуешь, как **приятно** сидеть в его просторном салоне, наслаждаясь комфортом и безмятежностью, когда за окнами снег и слякоть или, напротив, нестерпимая жара, а пробка все не кончается*. Текст 2. *Вам **комфортно**, куда бы вы ни шли. С GORE-TEX внутри Вам **комфортно**, куда бы вы ни шли. МОСКВА, 5° С. **Облачно**, местами дождь. На протяжении всего пути – лабиринт луж. Прекрасная погода для прогулки по городу. Конечно, при условии, что на Вас подходящая обувь. Ботинки, изготовленные по технологии GORE-TEX, обеспечивают оптимальное сочетание высокой воздухопроницаемости и длительной водостойкости, благодаря чему Вы ощущаете комфорт и можете исследовать все уголки города с сухими ногами*). В последнем примере эмоциональное и сенсорное удовольствие, выраженное словом *комфортно*, усиливается благодаря введению в текст слова категории состояния *облачно* со значением ‘состояние окружающей среды’. Противопоставляя неблагоприятное состояние внешней среды комфортному внутреннему физическому и эмоциональному состоянию обладателя рекламируемого товара, авторы рекламного текста создают сильную позитивную мотивацию потребителя.

В некоторых текстах сочетаются позитивные и негативные мотивы. Так, в рекламе продуктов питания можем обнаружить сочетание сенсорного удовольствия и смешанно-избегательного мотива (Текст 1. *В два раза **легче** Легкого. Вы чувствуете эту необыкновенную легкость? Теперь вы можете ее попробовать! Новый майонез «Calve Экстра Легкий» содержит всего 30 ккал в одной ложке! «Calve Экстра Легкий» просто создан для свежих овощей и легких салатов. И еще он поможет поддерживать отличную форму. «Calve Экстра Легкий» – **легко** быть в форме!* Текст 2. *Йогурт «Эрмизут Prebiotic» **Вкусно** человеку, **полезно** организму*). В первом примере слово категории со-

стояния *легко* реализует одновременно несколько значений: физическое состояние человека, эмоциональное состояние человека и легкость от преодоления внутреннего противоречия между желанием съесть что-нибудь вкусное и необходимостью считать калории. Второй текст содержит два слова категории состояния *вкусно* и *полезно*, которые позволяют потребителю избежать внутреннего конфликта (все, что вкусно, обязательно не полезно, а все, что полезно, обязательно невкусно).

В ряде случаев актуализация мотива «сенсорное удовольствие» происходит опосредованно, благодаря использованию слова категории состояния с модальным значением в сочетании с глаголами, обозначающими сенсорное ощущение, и словом *качество* (*И это качество можно увидеть, почувствовать, попробовать и влюбиться*). Подобная конструкция позволяет каждому потребителю интерпретировать её смысл по-своему с учетом индивидуальной трактовки концепта *качество* применительно к рекламируемому товару [1, с. 218–228].

Эмоциональное удовольствие реализуется за счет слов категории состояния со значением ‘эмоциональное состояние человека’: *приятно, легко*. (Текст 1. *Как встретит новый год в прекрасном настроении? / Приятно получить подарок! Еще приятнее дарить и знать, что именно твой подарок окажется самым лучшим. Электробритва Braun – всегда подходящий подарок... и отличный способ повысить настроение. / Качество, надежность, дизайн.* Текст 2. *Ресторан La Provincia – это островок Италии в центре Москвы. <...> Здесь в компании близких людей так легко забыть и перенестись в солнечную Италию хотя бы на пару часов!*). В первом тексте слово категории состояния «приятно» употреблено дважды, причем в разных грамматических формах – в положительной степени и простой сравнительной степени. Такое словоупотребление усиливает эмоциональное состояние праздника, возникающее, когда человек получает удовольствие не только оттого, что получает подарки, но и оттого, что сам дарит их. Передаваемое эмоциональное состояние гиперболизируется благодаря использованию формы превосходной степени прилагательного (*самый лучший*), опосредованно дающего оценку рекламируемому товару. Второй текст содержит слово категории состояния *легко*, которое актуализирует желание многих современных людей отвлечься от проблем и забот и насладиться приятными эмоциями от общения с друзьями в уютном месте.

Актуализация эмоционального удовольствия может осуществляться словами категории состояния с модальным значением: *можно, невозможно* (Текст 1. *Покоряет с первого взгляда / Невозможно остаться равнодушным / Новый плоскопанельный DLP –телевизор переворачивает представление о качестве изображения / Что такое DLP?*

Это оптическая технология, которая обеспечивает исключительную чистоту изображения... Использование технологии DLP увеличивает ресурс телевизора до 200 000 часов без потери цветовой насыщенности). Опосредованное обозначение позитивного эмоционального состояния основано на оппозиции «равнодушие – неравнодушие», причем слово категории состояния, выражающее объективную модальность, позволяет весьма категорично заявить о неизбежном эмоциональном переживании потребителя в случае приобретения рекламируемого товара.

Мотив интеллектуальной или профессиональной стимуляции предполагает реализацию эмоциональной последовательности: *скука → возбуждение, неосведомленность → компетентность*.

Первая последовательность актуализируется редко и, как правило, сочетается с мотивом эмоционального удовольствия. Реализация данных мотивов достигается сочетанием слов категории состояния разных семантических групп (*Как приятно под стук вагонных колес скоротать время с любимыми DVD-фильмами или, откинувшись в кресле самолета, полюбоваться отпускными фотографиями, а можно наконец-то «добить» последний уровень крутой суперигрушки*).

Более распространенной является вторая последовательность (Текст 1. *Приятно сознавать, что ограничений не существует. Дороги не нужны. Маршрут не имеет значения. Свободно выбирать свой путь может только человек сильный духом. Или владелец внедорожника Chevrolet. Какое это имеет отношение к Chevrolet Lacetti? Да никакого! Зато, чтобы рассказать про Chevrolet Lacetti, нужно знать всего три слова – быстрая, маневренность и дизайн. А темперамент лучше почувствовать на собственном опыте.* Текст 2. *Acer TravelMate 8200 – ноутбук, который формирует представление о том, что можно ожидать от самых современных технологий мира мобильных ПК. Поверните экран горизонтально. Пусть вам будет удобно; Результат – Ваша работа становится более продуктивной, и Вам легче придать размах Вашим идеям; FP – это вызов минимализма максимализму. Совершенная картина в тончайшей рамке. Прямые линии, подчеркивающие свободный и открытый дизайн. Архитектор или финансист. Инженер или художник. Располагающий к работе 19" экран дает вам безграничную свободу мыслить и создавать. Поверните экран горизонтально. Пусть вам будет удобно. Захватывающая яркость красок и четкий контраст помогут изображению обрести свободу. Твоя работа. Ничего лишнего.* Текст 3. *EPSON. Новые модели струйных принтеров для домашнего использования. Что может быть приятнее, чем печатать четкие насыщенные тексты и яркие фотографии дома? Причем на любом типе бумаги – даже обычной!*

Новые пигментные чернила EPSON DURABrite обеспечивают Вашим отпечаткам долгую и яркую жизнь! Ничто не сможет их испортить: ни вода, ни свет – вы сможете наслаждаться Вашими работами в течение 80 лет, ведь даже на обычной бумаге краски не смываются водой и не блекнут! Еще больше оценить преимущества новых чернил вам помогут экономичные отдельные картриджи. Вы ищете универсальное решение для любых домашних печатных работ? Принтеры серии EPSON Stylus C.). В первом тексте мотив интеллектуальной стимуляции создается благодаря словам категории состояния трех семантических групп: словам, выражающим эмоциональное состояние, модальное значение, оценку. Слово *приятно* передает эмоциональное состояние потребителя, осознающего свои возможности при обладании рекламируемым товаром. Слово с модальным значением *нужно* в сочетании с глаголом *знать* усиливает это осознание, а лексема с оценочным значением *лучше* призывает проверить на собственном опыте заявленное качество товара. Вся организация текста реализует эмоциональную последовательность «неосведомленность → компетентность».

Второй текст содержит указание на легкость и удобство решения профессиональных задач при наличии рекламируемого товара. Слова категории состояния *легко, удобно* относятся к характеристике интеллектуального и физиологического состояния человека в процессе выполнения своей профессиональной деятельности. Слово с модальным значением *можно* в сочетании с глаголом *ожидать* реализует конечную цель эмоциональной последовательности – достижение профессиональной реализации с помощью рекламируемого товара. В третьем тексте мотив профессиональной стимуляции реализуется с помощью слова категории состояния *приятно*, которое называет эмоциональное состояние человека, достигшего лучших профессиональных результатов. За счет использования данной языковой единицы становится возможной актуализация мотива эмоционального удовольствия.

Последним позитивным мотивом является мотив социального одобрения, который может быть представлен эмоциональной последовательностью следующих видов: тревога → облегчение; беспокойство → спокойствие; опасение (нейтральное состояние) → самообольщение; равнодушие (нейтральное состояние) → гордость. Такие виды эмоциональной последовательности обнаруживаем в следующих текстах: Текст 1. *Сохранит заботу / Приятно, когда тебя понимают и ценят. Окружают заботой, балуют вкусеньким. Мы понимаем, насколько это важно – проявить заботу о близких. Поэтому мы создали холодильник LG – самый заботливый холодильник. Ведь согласно исследованию, проведенному клиникой НИИ питания РАМН, он сохраняет свежесть и полезные свой-*

ства продуктов максимально долго. / Заботимся о том, что дорого Вам. Текст 2. *Команда, ведущая к успеху. Именно так можно назвать серию великолепных продуктов объединенной компании HP, готовых работать на всех уровнях и во всех направлениях Вашего бизнеса. Универсальные персональные компьютеры HP возьмут на себя роль топ-менеджеров, способных решать самые сложные задачи и двигать вперед глобальные проекты.* Текст 3. *Трудно представить делового человека без ноутбука. HP Omnibook хе3 – это удобный, высокоскоростной, надежный мобильный компьютер, который имеет все необходимое для работы и даже позволяет немного развлечься. Купив HP Omnibook хе3, Вы сразу решаете техническую, сервисную и другие задачи, которые беспокоили Вас раньше.* В первом тексте представлен переход от состояния равнодушия к гордости благодаря включению в текст слова категории состояния *приятно*, обозначающего эмоциональное состояние человека, чувствующего заботливое отношение со стороны окружающих. Способностью заботиться о ком-либо авторы рекламного текста наделяют бытовую технику, а также приписывают это свойство компании-производителю, на что указывают предложения со словами *заботимся, забота, заботливый* (*Мы понимаем, насколько это важно – проявить заботу о близких. Поэтому мы создали холодильник LG – самый заботливый холодильник. Заботимся о том, что дорого Вам*). Потребитель рекламируемого продукта вправе испытывать гордость от такого отношения к себе со стороны компании LG.

Во втором тексте реализуется последовательность *опасение → самообольщение*, поскольку в тексте совмещены свойства рекламируемой компьютерной техники и потребителя этой техники. Первое предложение предполагает оценку команды людей, однако из следующей части текста мы понимаем, что речь идет о компьютерах. Слово категории состояния с модальным значением включено во фразу *именно так можно назвать* и тем самым выражает мотив социального одобрения. Последнее предложение текста снова отождествляет компьютеры с профессионалами, способными решать самые сложные задачи. В результате возникает уверенность в том, что команда специалистов, имеющая в своем распоряжении рекламируемый продукт, способна справиться с любыми заданиями, а потому заслуживает одобрения и признания.

Третий текст реализует последовательность *беспокойство → спокойствие*, которая эксплицитно представлена во второй части текста, а в первой части слово категории состояния *трудно*, обозначающее эмоциональное состояние, создает стереотипное представление общества о деловом человеке, способном быстро, спокойно и уверенно решать свои профессиональные задачи. Именно

такой образ заслуживает социального одобрения, поэтому потребитель может соответствовать этому образу, если приобретет рекламируемый товар.

В ходе исследования была выявлена следующая закономерность: такие позитивные мотивы, как социальное одобрение и интеллектуальная или профессиональная стимуляция, чаще используются при рекламировании бытовой и цифровой техники. Эмоциональное и сенсорное удовольствие – позитивные мотивы более широкого спектра применения, а потому встречаются в рекламе как товаров повседневного спроса, так и товаров предварительного выбора.

Как показал анализ текстов, положительная базовая мотивация, переданная с помощью слов категории состояния, встречается в рекламе довольно редко. В то же время создателям рекламного текста важно, чтобы эмоциональное состояние, вызванное рекламой, соответствовало ожиданиям целевой аудитории. Поэтому чувства и эмоции, которые испытывает человек при пользовании товаром, бу-

дут стимулировать потенциального покупателя искать дополнительную информацию об этом товаре, а люди, которые уже приобрели его, получают подтверждение правильности своего выбора.

Библиографический список

1. *Кольшикина Т.Б., Шустина И.В.* Реализация концепта качество в рекламном тексте // Язык – текст – дискурс: картина мира в свете разных подходов: сб. науч. ст. / под ред. Н.А. Илюхиной. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. – С. 218–228.

2. *Кольшикина Т.Б., Шустина И.В.* Слова категории состояния как средство отражения негативной базовой мотивации потребителей в рекламном тексте // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 4. – С. 161–165.

3. *Росситер Дж. Р., Перси Л.* Реклама и продвижение товаров / под ред. Л.А. Волковой. – СПб.: Питер, 2001. – 656 с.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ГРЕХ» И «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В СРЕДНЕВЕКОВОМ КАНОНИЧЕСКОМ ПРАВЕ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В статье рассматривается процесс эволюции понятий «грех», «преступление», «искупление» и «наказание» в каноническом праве Римской католической церкви западной Европы в эпоху раннего и классического Средневековья. Особое внимание уделяется вопросу соотношения понятий «грех» и «преступление». Автор доказывает, что официально исследуемые понятия были разграничены в тексте Декрета Грациана в эпоху классического Средневековья, после распада христианской Церкви на православную (восточную) и католическую (западную).

В целом с конца XI века из религиозных текстов исчезает понятие «воздаяние» и формулируется концепция «искупления греха», само искупление грехов все чаще начинает происходить при помощи «покупки прощения», а не действительного раскаяния и исправления своего поведения. К концу первой половины XII в. теологи и юристы Западной Европы провели уже четкое различие между грехами и преступлениями. Появилось разграничение, в соответствии с которым выделялись преступные грехи и прочие грехи. С момента появления «Декрета Грациана» наблюдается не просто доктринальное, но и официальное разграничение между грехом и преступлением.

Целью санкций как церковного, так и светского суда в эпоху раннего Средневековья являлось не наказание, а удовлетворение чести, примирение и восстановление мира, что на наш взгляд, демонстрирует неразрывность религии, нравственности и права.

Ключевые слова: Декрет Грациана, Иво Шартрский, грех, искупление, диспенсация, каноническое право.

Исследователи истории права и государства отмечают, что истоки существующих ныне правовых институтов и ценностей, как западных, так и восточных, кроются в религиозных обрядах и доктринах раннего и классического Средневековья [8, с. 174]. Именно в этот период человечество в лице своих лучших представителей особенно активно разрабатывает идеи, позволяющие глубже понять такие явления как смерть, грех, наказание, прощение, спасение, а также «новые представления об отношении божественного к человеческому и веры к разуму» [1, с. 164].

В рамках данной статьи автор, рассуждая о природе греха, преступления, искупления и наказания, решил обратиться к идеям канонического права Римской католической церкви, регулирующей социальные отношения в странах западной Европы. Этот выбор не случаен, так как существующие на данный момент правовые системы стран Запада являются светским осадком религиозных воззрений и представлений, которые исторически выражались в церковных обрядах и учениях, а затем в понятиях и ценностях права. По этому поводу В.В. Есипов справедливо отметил, что «учение Иисуса Христа пролило новый свет на отношение к преступному человеку. Оказав глубокое влияние на все стороны личной, общественной и государственной жизни, христианство точно так же оказало влияние и на основные начала нравственности и права, на построение понятий преступления и наказания» [3, с. 14].

В эпоху раннего Средневековья «процесс формирования единого корпуса канонического права протекал достаточно сложно» [5, с. 19], что было связано с богатством местных традиций христианских общин и местной спецификой их существо-

вания. Среди источников Римской церкви раннего Средневековья наиболее авторитетными являлись «Собрание Дионисия Малого» (в которое вошли соборные постановления с первого собора в Никее до африканских соборов V в. и «Апостольские правила» [15]) и акты Салонского собора, которые опирались на более древние каноны.

Особый интерес представляет Канон 13 Салонского Собора, который касается публичного покаяния, налагавшегося в церкви VI в. за «канонические» грехи (т.е. грехи духовенства). Собор установил, что «канонические» грехи можно подразделить на три разряда: отпадение от веры, преступления против жизни и преступления против целомудрия. В зависимости от эпохи и умонастроений авторов раннего Средневековья, писавших о покаянии, определялся разный состав категорий грехов, а также разные сроки и способы покаяния [6, с. 56]. Уже в IV в. на Западе существовал следующий принцип определения на покаяние: за грехи публичные, ставшие известными всей общине и явно доказанные или обнаружившиеся по воле самого кающегося, назначалось публичное покаяние, за тайные грехи и покаяние было тайным. Срок же покаяния определялся решением епископа в зависимости от тяжести греха. Указанный канон наглядно иллюстрирует тот факт, что в ранних источниках канонического права Римской католической церкви понятия «грех» и «преступление» не разграничивались.

Названный тезис находит свое подтверждение и в Декретах Папы Льва (V в.), который являлся составной частью «Дионисианы» [10]. Папа Лев, рассуждая о доходах купцов, указал, что «нелегко избежать греха среди сделок купли и продажи».

В этом же документе используется понятие «воздаяние». Папа Лев указывает: «Мы должны радоваться лишь о процентах с того, что в милосердии раздаем ныне, и за что можем получить *воздаяние* от Господа, который возвращает должное многообразно и в вечности». Согласно религиозной мудрости раннего Средневековья, Бог справедлив: Он не может не дать каждому то, что ему положено, если возложенное на человека поручение исполнено. Сам же по себе человек перед Ликом Божиим выступает бедным, нищим, слугой и даже рабом, располагающим лишь тем, что Господь дает ему изо дня в день. «Воздаяние» оказывается не смыслом и не целью религиозного существования, а естественным результатом служения Богу.

Чуть более поздний источник канонического права – «Древнее галльское собрание» (VI–VII вв.) [11] говорит, что «если кто-нибудь уклонится от соблюдения того, что по внушению свыше было одобрено с общего согласия, <...> и кого Бог пожелал иметь своими преемниками, изведает в будущем, каково приходится *преступнику перед судом божественным, равно как и братским*». Таким образом, из названного источника вытекает положение о том, что преступник (грешник), совершая преступление (грех) оказывается не только перед человеческим судом, но и перед судом божественным. Соответственно, исследуемые понятия по-прежнему остаются взаимозаменяемыми: в самом общем виде все преступления считались грехами, а все грехи – преступлениями.

Следует отметить, что в эпоху раннего Средневековья в христианской Европе духовенство играло важнейшую роль в «светском» судопроизводстве. Система церковных покаяний (наказаний) применялась в основном с целью заботы о человеческих душах, возобновления нравственной жизни и восстановления правильных отношений с Богом. Целью санкций светского суда в период раннего Средневековья являлось не наказание, а удовлетворение чести, примирение и восстановление мира. Подобное отношение к институту наказания демонстрирует значительное влияние религии и нравственности на правовые отношения.

В эпоху классического Средневековья, после распада христианской Церкви на православную (восточную) и католическую (западную) впервые происходит разграничение между грехом и преступлением. Так, первым источником канонического права Римской католической церкви конца XI в., который хоть и не четко, но провел разграничение между преступлениями и грехами, являлся Декрет Иво Шартрского [12, р. 49]. Этот документ говорил о том, что все существующие предписания и запреты могут быть как гибкими (*mobiles*), так и непоколебимыми (*immobiles*) [14, р. 16]. Непоколебимыми были те предписания, которые устанавливал вечный (божий) закон. Соблюдение божьих

законов доставляет спасение, а несоблюдение от него отчуждает. К числу гибких предписаний относилось то, что «было придумано усердием потомков (мирским населением) из соображений пользы, однако, не в качестве первенствующего условия для обретения спасения, а для его более надежного сбережения».

Иво Шартрский в своем Декрете не говорит о воздаянии, что имело место в более ранних источниках, однако он подробно говорит об *искуплении*. Так, он указывал, что запреты, которые направлены против пороков (не убивай, не прелюбодействуй и др.) также относятся к числу непоколебимых. Всякий, кто посмеет пренебрегать ими, не будет достоин царства Божьего. Иво из Шартра объяснял это тем, что соблюдение предписаний и запретов дает спасение, а небрежение ими приводит к полной гибели, несоблюдаящим их не может быть выдано никакой диспенсации, что в Римской католической церкви означало отпущение грехов. Те же, которые были узаконены усердием потомков ради «крепости дисциплины или сбережения спасения», могут быть преодолены тщательно взвешенной диспенсацией, если «воспоследует достойное или полезное *возмещение*». Таким образом, впервые в каноническом праве католической церкви была создана «конструкция искупления» за нарушение запретов и предписаний.

К концу первой половины XII в. теологи и юристы Западной Европы провели уже четкое различие между грехами и преступлениями. Появилось разграничение, в соответствии с которым выделялись преступные грехи и прочие грехи. Первые отличались от прочих грехов тем, что их греховность, то есть их направленность против Бога, измерялась критериями церковного права, применяемого церковными судьями, которые действовали по праву своей юрисдикции, а не критериями «божественного права», применяемого самим Господом через священников, которые действуют по праву своего сана [1, с. 185].

Теоретическое обоснование категории «преступление» было проведено Пьером Абеляром в его труде «Этика» [2, с. 167] за несколько десятилетий до того, как оно приобрело более детализированную юридическую формулировку у Иоанна Грაციана – великого основателя науки канонического права.

Пьер Абеляр выдвинул три главных условия, необходимых для подсудности греха церковному суду: 1) это должен быть тяжкий грех. Тяжесть греха определялась исходя из традиционного деления на смертные грехи и мелкие грехи (простительные, легкие). Канонисты XII в. считали, что только смертный грех составляет преступление и при этом не всякий смертный грех, а только тот, который по обстоятельствам своего совершения достаточно тяжок, чтобы заслуживать уголовного

наказания по приказу церковного суда; 2) грех должен проявиться в каком-либо внешнем действии. Именно этот тезис был заложен в основу светских правовых систем на Западе; 3) поступок должен быть вызывающим раздражение церкви. Данная позиция была поддержана и канонистами.

Учение Пьера Абеляра оказала серьезное влияние на формирование науки уголовного канонического права в частности и на развитие всей канонистики в целом. «Согласование несогласованных канонов» или «Декрет Грациана» [13], как его чаще называют в современной правовой литературе, воспринял ряд идей выдающихся теологов и грамотно сочетал их с позициями юристов, которые в это период активно начинают использовать великое наследие римского права [4, с. 62]. Не случайно сегодня считается, что именно «Декрет Грациана» провел невидимую границу между *jus antiquum* и *jus novum*.

Иоанн Грациан указывает, что «все, что является *fas*, принимают под именем божественного или естественного закона, под именем же человеческого закона понимают обычаи, правильно записанные, сохраненные и переданные» [13, р. 54]. Именно этот ключевой тезис о разделении закона на божественный и человеческий стал решающим при понимании ряда важнейших институтов, в частности, и институтов «преступления», «греха» и «наказания». С момента появления «Декрета» наблюдается не просто доктринальное, но и официальное разграничение между грехом и преступлением.

Появившееся разграничение не решило, однако, одного из главных вопросов: кто должен дать определение «светским преступлениям»: церковь или светские власти? Поиск ответа на этот вопрос добавляет еще один аспект к анализу соотношения преступления и греха [7, с. 5]. Церковь не дала определение «светским преступлениям», однако именно католическая церковь определила условия, при которых светские преступления, совершенные представителями духовенства, становились грехами. Церковный суд в тот период осуществлял судопроизводство в отношении не только духовенства, но и в некоторых случаях, против мирян (ересь, ростовщичество, прелюбодеяние и др.). Это позволяет сделать вывод о том, что церковь обладала компетенцией в случаях, когда преступные посягательства содержали особый «нравственно-идеологический» элемент, совершались против церковной собственности и духовных лиц. Таким образом, элемент греховности в проступке являлся очень важным основанием для притязаний церкви на юрисдикцию в отношении него.

Подводя итог анализу развития уголовных правоотношений в странах Западной Европы в эпоху Средневековья отметим, что это был длительный путь эволюции. Изначально, раннесредневековое общество не разграничивало такие понятия как

грех и преступление, они являлись синонимичными и взаимно заменяемыми. В самом общем виде все преступления были грехами, а все грехи – преступлениями [1, с. 183]. Целью санкций как церковного, так и светского суда в эпоху раннего Средневековья являлось не наказание, а удовлетворение чести, примирение и восстановление мира, что на наш взгляд, демонстрирует неразрывность религии, нравственности и права.

По мере эволюции религиозных и правовых воззрений видоизменялось и представление о противоправности поступков. Грех и преступление в эпоху классического Средневековья официально разграничиваются (хотя и находятся в постоянном взаимодействии) и приобретают самостоятельное значение. Церковь не дает на тот момент определение «светским преступлениям», однако она определяет условия, при которых светские преступления, совершенные представителями духовенства, становятся грехами. С конца XI века из религиозных текстов исчезает понятие «воздаяние» и формулируется концепция «искупления греха». Появляется совершенно новая идея, согласно которой крещенные христиане, умершие с покаянием, могли быть уверены, что их природная склонность к греху уже прощена. Подобное понимание греховности своих поступков и осознание того, что любой плохой поступок можно исправить при жизни, приводит в последующем к появлению и активному использованию индульгенций, при помощи которых можно было получить прощение за совершение любого греха. Учение Римской католической церкви о «сокровищнице сверх должных добрых дел», которая давала Церкви право на предоставление индульгенций и прощение грехов, изменило богословское восприятие природы индульгенций: они приобрели силу юридического акта, посредством которого папа распоряжался «сокровищницей» [9, с. 187]. На наш взгляд, дальнейшая разработка данной концепции приводит к утрате взаимосвязи религии и права, теряется основное предназначение санкций, как церковных, так и светских. Наказание постепенно становится элементом устрашения человека, а искупление грехов все чаще начинает происходить при помощи «покупки прощения», а не действительного раскаяния и исправления своего поведения.

Библиографический список

1. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 624 с.
2. Гаусрат А. Средневековые реформаторы: Пьер Абеляр, Арнольд Брешианский / пер. с нем. 2-е изд. – М.: Либроком, 2012. – 392 с.
3. Еситов В.В. Грех и преступление, святотатство и кража. – СПб.: Тип. А.Ф. Маркса, 1894. – 214 с.

4. Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Федюшкина А.И. Становление университетского образования как катализатор развития канонического права в средневековой Европе // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 60–63.

5. Митрофанов А.Ю. Кодификация канонического права в период раннего средневековья (IV–XI вв.): автореф. дис. ... докт. истор. наук. – СПб, 2011. – 36 с.

6. Прозоров В.Б. Собор 530 г. в Салоне и проблема достоверности документов, включенных в «Большую Салонскую историю» // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2000. – № 3. – С. 48–61.

7. Романовская В.Б. Преступление и грех в каноническом уголовном праве средних веков // Правонарушение и юридическая ответственность по российскому, зарубежному, европейскому и международному праву: история, теория и юридическая практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иваново, 29–30 сентября 2005 г. – Иваново: Изд-во Иван. ун-та, 2006. – С. 3–8.

8. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Религия и право в политической жизни средневековой Европы // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2014. – № 4. – С. 172–178.

9. Щеглов А.Д. Индульгенция // Словарь средневековой культуры. – М., 2003. – С. 187–189.

10. Collectio Dionysiana // Patrologiae cursus completus latinus / Ed. J. / Migne. Vol 67.

11. Collectio Vetus Gallica / Ed. IL Mordek // Mordek. Kirchenrecht und Reform im Frankenreich. Berlin; New York, 1975.

12. Divus Ivo Carnotensis. Décretum // Patrologiae cursus completus... Series latina /Ed. J. P. Migne. Vol. 161. Cot. 47–60.

13. Gratianus. Concordia discordantium canonum // Patrologiae cursus completus... Series latina / Ed. J. P. Migne. Vol. 187.

14. Sprandel R. Ivo von Chartres und seine Stellung in der Kirchengeschichte. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1962.

15. Strewe A., hrsg. Die Canonensammlung des Dionysius Exiguus in der ersten Redaktion. Berlin, 1931.

УДК 94(470)

Минеева Татьяна Германовна

доктор юридических наук, доцент
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
t.mineeva@yandex.ru

Романовская Вера Борисовна

доктор юридических наук, профессор
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
tigpnngu@yandex.ru

Цыганов Виктор Иванович

кандидат юридических наук, доцент
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
tigpnngu@yandex.ru

ФЕНОМЕН САМОЗВАНСТВА В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Статья раскрывает особенности феномена самозванства на примере российской истории XVII–XVIII веков. Как отмечают авторы статьи, самозванство не является только русским явлением: в средние века оно процветало в Англии, Испании, Скандинавских странах. В работе подчеркиваются особенности русского религиозного правосознания и отношения народа к монарху, указываются отличия феномена самозванства в России от аналогичного явления в других странах.

Самозванство было важнейшим фактором борьбы с центральной властью в Смутное время. А первым проявлением рассматриваемого явления, имевшим серьёзное общественное значение в России, было самозванство Лжедмитрия I. Большинство исследователей считают, что причинами падения Лжедмитрия I были недовольство крупного московского боярства и разочарование в новом царе активной части русского населения, в том числе казачества, однако, по мнению авторов статьи, акцент следует сделать не на политическом или социальном, а именно на религиозно-нравственном аспекте этого недовольства. В России монархическое чувство было основой прочной власти царя, и выражалось это чувство в доверии и любви к своим государям, олицетворявшим Россию, считавшимся основными блюстителями православной веры, веры русского народа.

Ключевые слова: самозванцы, претенденты на престол, легитимизация самозванцев, монархическая власть.

Словари русского языка определяют самозванство как незаконное присвоение чужого имени, звания и пр. с целью обмана. Феномен самозванства не является только русским явлением. Хотя нужно заметить, что именно в России в период позднего Средневековья – начала Нового времени оно сыграло определенную

и немалую роль. В других странах, особенно западных, также наблюдались явления, когда некто выдавал себя за короля или его отпрыска с целью завладеть престолом. Чаще всего причиной таких подмен служили именно политические цели, хотя в более поздние времена встречались самозванцы, ведомые целями исключительно материальными.

Встречались так называемые «самозванцы духовного прозвания», «самозванцы гражданского ведомства», самозванцы «из корысти», самозванцы «эстеты» [8, с. 205]. Явление это имело глубокие духовные и социальные корни. В рамках данной статьи остановимся на феномене русского самозванства, учитывая тот факт, что количество самозванцев в России в XVII–XVIII веках доходило до полусотни. Феномен самозванства привлекал и продолжает привлекать внимание российских историков, которые в большинстве своем, отмечают его антифеодальную направленность [4 с. 7]. Не отрицая справедливости такого подхода к пониманию сущности самозванства, добавим еще одну его характеристику, которая, на наш взгляд, подчеркнет особенность данного феномена в российском государстве. Сравнивая процессы, происходящие в социальной жизни Европейских государств, с аналогичными явлениями в российской жизни, нельзя не заметить особое положение дел в религиозно-правовой сфере. Католическая религия и каноническое право играли важную роль в европейской жизни [7, с. 172], однако роль православия на Руси невозможно переоценить, поскольку именно оно стало цементирующим фактором, духовной скрепой для государства и народа.

Самозванство Лжедмитрия I было первым фактом рассматриваемого явления, имевшим серьезное общественное значение в России. По словам выдающегося русского историка В.О. Ключевского, оно сделало самозванство «хронической болезнью государства: с тех пор чуть не до конца XVIII века редкое царствование проходило без самозванца, а при Петре за недостатком такового народная молва настоящего царя превратила в самозванца» [3, с. 632].

В Смутное время самозванство было важнейшим фактором борьбы с центральной властью. Продолжающееся закрепощение крестьян, установление «заповедных лет» и «урочных лет», три трагических неурожайных года в самом начале XVII века, приведшие к голоду на огромных территориях европейской России и, наконец, появление Лжедмитрия I привели к тому, что недовольство властью приняло формы гражданской войны.

Происхождение Лжедмитрия достаточно туманно, но большинство авторов считают его беглым монахом Григорием Отрепьевым. Его появление связано с начавшимся после смерти царя Федора Иоанновича династическим кризисом. Бездетность Фёдора Иоанновича и трагическая смерть царевича Дмитрия означали конец династии, правившей русскими землями 600 лет. Это было для русских людей больше, чем потеря правителя. Русский царь воплощал само государство и при этом он считался основным хранителем русской православной веры. Россия оставалась единственным суверенным христианским царством. В связи с этим фигура царя

в глазах народа имела священный характер. Надо заметить, что для России государство и право тесно связывалось с нравственными и религиозными ценностями. Общественный идеал, как он виделся народу, представлял собой отеческую связь монарха с его подданными [2, с. 162].

Распространение слухов об убийстве царевича Дмитрия по приказу Бориса Годунова ослабляло легитимность нового царя в глазах многих, и появление Лжедмитрия пало на благодатную почву. Последовавшая в 1605 году внезапная смерть Бориса была приговором для новой династии. 20 мая 1605 года Лжедмитрий торжественно въехал в Москву при всеобщем ликовании народа, видевшего в нём чудесным образом спасённого сына Ивана Грозного. Вскоре он был официально утверждён на престоле. Восшествие Лжедмитрия на трон сопровождалось традиционным коронационным чином венчания на царство московских государей.

Однако, при всем его уме и образованности, молодой претендент не учел одного очень важного обстоятельства: он не соответствовал представлениям москвичей о русском царе. «Не умел он держать себя по православному обычаю, не посещал храмов, любил одеваться по-польски, по-польски же одевал свою стражу, водился с поляками и очень их жаловал; от него пахло ненавистным Москве латинством и Польшей» [6, с. 314]. Такое поведение в глазах народа никак не соответствовало настоящему царю. Русский царь, как устоялось в общественном мнении, непременно должен быть православным, а Лжедмитрий тайно крестился в католичество. Причиной такого неразумного поступка послужило желание заключить брак с полячкой Мариной Мнишек. Невеста, вопреки устоявшимся обычаям, не захотела принять перед свадьбой православие. Кроме того, сам факт празднования свадьбы в запретный для этого день рассматривался как грубое оскорбление православным: «Устроил пышное празднество по поводу свадьбы в пятницу, день поста» [6, с. 315]. Поэтому боярам, интересам которых он вскоре стал препятствием, ничего не стоило поднять народ Москвы против «расстриги» и «еретика» и убить его.

Большинство исследователей считают, что причинами падения Лжедмитрия I были недовольство крупного московского боярства и разочарование в новом царе активной части русского населения, в том числе казачества. Однако акцент следует сделать не на политическом или социальном, а именно на религиозно-нравственном аспекте этого недовольства.

Способ притворства, присвоения себе чужого имени и статуса обманым образом был впоследствии самым активным образом использован вождём крупного народного восстания 1670 г., донским казаком Степаном Разиным, а ровно через сто лет другим казаком – Емельяном Пугачевым.

Воспоминание о самозванцах отразилось также в рассказах о царе-самозванце, массово возникших в годы правления царя-реформатора Петра I. Парадоксальность последнего явления заключается в том, что законный правитель объявлялся неизвестно откуда взявшимся «немцем», отступником. Как бы защищая священный образ русского самодержца – защитника веры, интересов народа, русского уклада жизни – от покушений со стороны европеизированного монарха, народ называет самозванцем законного царя, не соответствующего народным представлениям о должном носителе верховной власти. Интересно, что при этом сам институт самодержавия в глазах населения не дискредитируется. Народные восстания XVII–XVIII веков не выдвигали политических требований об ограничении самодержавной власти царей. Вожди восстаний для придания законности своим действиям часто использовали самозванство. Народ шёл за ними, стремясь или восстановить права законного царя, или донести до верховной власти недовольство крепостным состоянием, но отнюдь не для ограничения власти русского монарха [9, с. 166].

Самозванчество в средневековой Европе представляло собой сложное, неоднозначное явление. Мы встречаем этот феномен и в Италии, и в Испании, и в Англии, и в Скандинавских государствах. Исследователи этого явления в Англии указывают на его социально-политическую подоплеку [5, с. 128]. Значение парламентских процедур, папского благословения и наследственного права на престол, значимое для английского королевства [12, р. 214], которое справедливо считается первым в мире правовым государством [1, с. 5], теряет свое значение в северных землях [11, р. 15]. Для Норвегии, к примеру, определяющими факторами являлись широкая социальная поддержка и доверие народа к своему правителю, в котором видят защитника от злоупотреблений родовой знати и иерархов католической церкви. В России же основой прочной власти царя было своеобразное монархическое чувство [10, с. 157], выражающееся в доверии и любви к своим государям, олицетворявшим саму Россию, считавшимся основными блюстителями православной веры, веры русского народа,

для которого «Вера, Царь и Отечество» было не просто идеологемой, но глубоко укоренившейся в сознании истиной.

Библиографический список

1. *Виноградов П.Г.* Государственный строй в Англии. – М.: Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1910. – 454 с.
2. *Жданов П.С., Романовская В.Б.* Общественный идеал в русской религиозной философии права (конец XIX–начало XX в) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – №5. – С. 162–172.
3. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в 2-х книгах. Книга 1. Послесловие, комментарии А.Ф. Смирнова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 720 с.
4. *Ламкина Г.П.* Самозванство в контексте кризиса института политической власти в России XVII века // Вестник Московского государственного областного университета. – 2008. – № 4. – С. 3–7.
5. *Минеева Т.Г., Романовская В.Б.* Государственно-правовая история средневековой Англии в трудах английских историков XVIII– начала XXI вв. // Российский юридический журнал. – 2008. – № 3. – С. 126–133.
6. *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. – М.: АСТ, 2008. – 540 с.
7. *Романовская В.Б., Романовская Л.Р.* Религия и право в политической жизни средневековой Европы // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2014. – № 4. – С. 172–174.
8. *Рыжова Е.А.* Феномен самозванства. Генезис и истоки. История изучения // Вестник Тамбовского университета. – 2009. – № 10. – С. 205–208.
9. *Хоскинг Дж.* Россия и русские: В 2 кн. Кн. 1. / пер. с англ. – М.: «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2003. – 453 с.
10. *Цыганов В.И.* Идея русского самодержавия и её развитие в творчестве Л.А. Тихомирова. – Н. Новгород: Изд-во Вектор ТиС, 2003. – 171 с.
11. *Gathorne-Hardy G.M.* A Royal Impostor: King Sverre of Norway. – Oslo, 1956. – 260 p.
12. *Wilkinson B.* The Constitutional History of England in the fifteenth Century. 1399–1485. – L.: Arnolds, 1964. – 244 p.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ
(ОКТАБРЬ 1917 – МАРТ 1921 ГГ.): ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Статья посвящена первоначальному этапу процесса становления советской системы юридического образования, в условиях радикальных революционных реформ в России, проводимых большевиками в период с октября 1917 года – с момента захвата государственной власти – по март 1921 год – до провозглашения новой экономической политики. Автором данной работы рассмотрены и проанализированы ключевые нормативно-правовые акты, принятые большевистской властью в обозначенный период. Наиболее важными правовыми нормативами, по мнению автора статьи, являются соответствующие декреты, постановления, положения новой власти: «О приёме в высшие учебные заведения РСФСР»; «О преимущественном приёме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства»; «О всероссийских конкурсах на замещение кафедр высших учебных заведений Российской Республики»; «О социалистической академии общественных наук»; «О факультетах общественных наук»; «Об учреждении институтов по подготовке красной профессуры»; «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР». В результате анализа вышеуказанных нормативно-правовых актов, автор приходит к выводу, что рассматриваемый исторический период положил начало генезису советского высшего юридического образования. Соответствующие правовые акты данного периода, принятые согласно новой идеологической парадигме, определили основные векторы будущего развития всей системы советского высшего образования в целом, а также высшего юридического образования в частности. Они облекли в правовые формы важные классовые идеологические принципы организации и функционирования высшей советской школы, такие как: доступность высшего образования лицам «из среды пролетариата и беднейшего крестьянства», бесплатное оказание образовательных услуг и другие.

Ключевые слова: юридическое образование, упразднение старой школы, советская высшая школа, идеологическая парадигма, руководство высшей школой, доступность высшего образования, Социалистическая академия общественных наук.

Революция права в первую очередь проявлялась в разрушении старого права...

Нам сейчас нужны не столько юристы, сколько коммунисты.

П.И. Стучка

В современной России престиж юридических профессий достаточно высок, а юридическое образование стало одним из самых массовых и популярных среди молодёжи. Конституция провозглашает Россию в качестве правового государства, в котором права и свободы человека являются «высшей ценностью». Очевидно, построение правового государства невозможно без осознания социальной ценности самого права, без повышения его статуса. Кроме того, правовое государство немыслимо без высококвалифицированных специалистов в юридической сфере (следователей, адвокатов, судей, юрисконсультов, нотариусов и др.).

Вместе с тем, профессиональный уровень данных специалистов, зачастую, не соответствует современным запросам общества и государства. Очевидно, проблема возникла не спонтанно. Государство, в постсоветский период, фактически создало благоприятные условия для массовой коммерциализации юридического образования.

Современные проблемы российского юридического образования не остаются без пристального внимания со стороны общества и государства. Так, один из президентских указов (от 26.05.2009 г. № 599) непосредственно нацелен на повыше-

ние «качества образовательных программ высшего профессионального образования в области юриспруденции». Указ предполагает разработку и внедрение в практику «механизма общественной аккредитации» вузов (государственных и негосударственных), «осуществляющих подготовку юридических кадров».

В настоящее время особенно часто дебатировались вопросы о необходимости коренного реформирования всей системы высшего (в том числе и юридического) профессионального образования. Многие современные проблемы высшей школы возникли не на пустом месте, – они уходят своими корнями в историческое прошлое. Интерес к историческому опыту далеко не праздный, поскольку предпосылки современных проблем, как правило, коренятся в прошлом.

Система юридического образования современной России развивается не на пустом месте, её предшественницей является советская образовательная система (со своими позитивными и негативными аспектами). В настоящее время наметился устойчивый интерес к истории отечественного юридического образования. Однако, несмотря на это, советское юридическое образование является недостаточно освещаемой темой. Целью работы

является рассмотрение общих тенденций зарождения и развития советского юридического образования, на первоначальном этапе становления новой «общественно-экономической формации», – в период с октября 1917 г. до провозглашения (в марте 1921 г.) новой экономической политики.

Среди первоочередных мероприятий советской власти стало упразднение старой «буржуазной» системы образования и формирование новой, соответствующей принципам построения «пролетарского государства». Большеви́стская доктрина требовала незамедлительного разрушения всего того, «что делало школу орудием классового господства буржуазии» [1, с. 80].

Старая высшая школа, в лице классических государственных университетов, а также различных специальных учебных заведений (типа Училища правоведения, Царскосельского лицея, Демидовского лицея и др.), осуществляла подготовку юристов для государственных нужд, исключительно по очной (высшей) форме обучения. При этом наибольшей «популярностью» пользовались юридические факультеты государственных университетов. С точки зрения идеологов большевизма, высшая школа «буржуазного общества» являлась исключительно «достоянием эксплуататорских классов». «Эта школа в лице бесконечных гимназий, реальных училищ, институтов, кадетских корпусов и т.д. должна быть уничтожена», – писал, один из главных идеологов большевизма, – Н.И. Бухарин [1, с. 80]. Уже 09.11.1917 года был принят декрет Совета народных комиссаров (далее СНК) «О Государственной Комиссии по народному просвещению». Данная комиссия создавалась для общего руководства народным просвещением, впредь до созыва Учредительного собрания [2, с. 59].

Однако система высшей школы практически до лета 1918 года не вызывала особого интереса у правящей власти. По-видимому, данное обстоятельство объясняется наличием других, более значимых проблем: разруха, контрреволюция, национализация и др.

Первым заметным шагом по пути реформирования высшей школы (на принципиально новых началах) стало принятие 2-х нормативно-правовых актов: декрет Совета Народных Комиссаров (далее СНК) «О приеме в высшие учебные заведения РСФСР» и постановление СНК «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства» (от 02.08.1918 г.).

Первый документ закрепил новые принципы высшего образования – доступность, гендерное равенство, бесплатность. Принцип доступности давал возможность каждому лицу, «независимо от гражданства и пола», поступления в высшие учебные заведения по их выбору. Более того, запрещалось требовать от поступающих предъявления соответ-

ствующих документов об образовании (дипломов, свидетельств, аттестатов и т.п.). Гендерное равенство в получении высшего образования означало беспрепятственное поступление в ВУЗы «без различия пола». Декрет запрещал взимание платы за обучение, а внесённая плата (за первое полугодие 1918–1919 учебного года) подлежала возврату. За нарушение данного декрета все ответственные лица подлежали «суду революционного трибунала».

Второй документ закрепил ключевой идеологический принцип классовой принадлежности, согласно которому приоритет при поступлении в ВУЗы имели лица «из среды пролетариата и беднейшего крестьянства», которым, в то же время, гарантировалось предоставление «в широком размере стипендии» [8, ст. 689].

Несомненно, оба документа были нацелены на коренное изменение студенческого контингента высшей школы. Однако практика реализации данных правовых актов показала противоречия официальной идеологии с объективной реальностью. Так, «лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства», поступившие в вузы без каких-либо вступительных экзаменов, оказывались, зачастую, неспособными освоить программу высшей школы.

Другим ощутимым «ударом» по старой системе высшего образования стало принятие декрета СНК (от 01.10.1918 г.) «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых высших учебных заведений Российской Республики». Согласно данному документу упразднялись ученые степени доктора и магистра, звание адъюнкта, а также отменялись все связанные с ними права. Кроме того, отменялась дифференциация профессорско-преподавательского состава (на заслуженных профессоров, ординарных, экстраординарных, адъюнкт-профессоров, доцентов, приват-доцентов) и, вместо этого, устанавливалось единое звание профессора для лиц, осуществлявших преподавательскую деятельность в вузах не менее 3-х лет. Преподаватели, которые имели 10-летний непрерывный стаж в данном вузе или общий педагогический вузовский стаж (не менее 15 лет) на 1 октября 1918 года, считались выбывшими из профессорско-преподавательского состава вуза с 01.01.1919 года и имели право избираться на должность исключительно по конкурсу.

Положение «О всероссийских конкурсах на замещение кафедр высших учебных заведений Российской Республики» было опубликовано 31.01.1919 года. Сведения о вакантных должностях и списки кандидатов на эти должности подлежали опубликованию в «Известиях ВЦИК» и в местных печатных органах. Избрание осуществлялось учеными советами факультетов или отделений. Вместе с тем, вышеназванное положение предоставляло возможность местным органам власти осуществлять по своему усмотрению отводы соот-

ветствующих кандидатов на должность профессора [9, ст. 789]. Так, до прохождения данных конкурсов могли быть не допущены наиболее одиозные представители «буржуазной» науки, «идеологически чуждые» новой власти.

Очевидно, вышеназванный декрет был нацелен на изменение профессорско-преподавательского состава высшей школы. Подобные шаги Советской власти вполне органично укладывались в рамки «идеологического контекста». Н.И. Бухарин, в частности, призывал: «...научный цех буржуазной профессуры должен быть распущен, и кафедра должна быть достоянием всех способных к преподаванию...» [1, с. 81]. Он предлагал реформировать «буржуазные» университеты и, в частности, заменить «профессорский состав людьми, которые, быть может, не удовлетворяют цензу «докторов буржуазного общества», но с успехом могут провести полную революцию в преподавании общественных наук...» [1, с. 88]. Вместе с тем, качество образования и преподавательский профессионализм отходили на второй план, поскольку во главу угла изначально ставился принцип классовой принадлежности.

В то же время объективные конкретно-исторические условия, как правило, жёстко противостояли новой идеологической парадигме. Так, несомненно, тотальная «зачистка» вузов от старой «буржуазной» профессуры грозила полностью уничтожить систему высшего образования: разрушить фундаментальные научные основы; «обескровить» кадровый потенциал; свернуть основные научные направления и т.п. На практике, вразрез жёстким идеологическим догмам, большевистское правительство активно прибегало к услугам «буржуазных спецов», в том числе и в сфере преподавания, несмотря на недоверие «старой профессуре».

Следует, справедливости ради, отметить, что до Октябрьской революции на юридических факультетах российских вузов работали выдающиеся учёные – правоведы, составлявшие гордость отечественной юриспруденции. Среди них: Л.С. Таль, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, В.Н. Бенешевич, А.Х. Гольмстен, Н.Н. Розин и другие учёные. Нельзя не учитывать их научные достижения. Многие работы «дореволюционных» правоведов и в настоящее время не потеряли, в определённой степени, своей актуальности. Они и сегодня поражают своей оригинальностью, новизной и глубиной исследований, профессионализмом, широтой знаний, мастерством владения научными методами и т.п.

Советское юридическое образование зарождалось в условиях становления новой (коммунистической) идеологической парадигмы. Данная идеология «сеяла» массовый правовой нигилизм в обществе, поскольку отрицала ценность государственно-правовых институтов и «предсказывала» их скорейшее и неизбежное отмирание. В будущем

(безгосударственном) обществе предполагалось регулировать общественные отношения исключительно нормами «коммунистической морали». Следовательно, если право находилось (в рассматриваемый период) на стадии «отмирания», то, очевидно, «молодое советское государство» не было заинтересовано в сохранении и дальнейшем развитии важных направлений юридической мысли, определенных достижений соответствующих юридических школ, и высокого качества подготовки правоведов.

В данный период не утихали споры о целесообразности подготовки новых (советских) юридических кадров, поскольку их дальнейшая деятельность представлялась достаточно «туманной», а также оставалось не вполне определённым их место в системе советского общества. Так, если юридические факультеты соответствующих вузов Российской империи целенаправленно готовили чиновников для государственной службы (выпускникам по окончании данных факультетов присваивались классные чины), то представителям власти большевиков было достаточно иметь «революционное сознание» и обладать непримиримым чувством «классовой справедливости».

Однако, несмотря на враждебное отношение к правовым феноменам, большевики, объективно, не имели никакой возможности отказаться от такого мощного и эффективного регулятора общественной жизни, как право. В.И. Ленин, будучи гибким прагматиком, утверждал: «Не впадая в утопизм, нельзя думать, что свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество без всяких норм права, да и экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма не даёт сразу» [5, с. 435]. Более того, право, как известно, «есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права» [5, с. 433].

Первые шаги советской власти ознаменовались принятием внушительного массива нормативно правовых актов (декретов, постановлений, положений, инструкций, наказов и т.п.), которые, как правило, обладали противоречивым, декларативным и пропагандистским характером. Иными словами, право данного периода выступало, в большей степени, не регулятором отношений, а инструментом пропаганды и внедрения государственной идеологии. Так, английский исследователь Роберт Пейн осуществил типично западную интерпретацию данного российского периода. Он, в частности, писал: «В тот ранний период вся деятельность советского государства строилась на экспромте, импровизации... Ленин обожал сочинять всевозможные декреты; причём они могли касаться не только предметов, в которых он был сведущ, но и тех, в которых он ровно ничего не смыслил... И все декреты предназначались для немедленного их исполнения... Ленин мог лишиться власти, его

правительство могло пасть, к власти могли прийти «контрреволюционеры», – но ленинские декреты должны были остаться будущим поколениям как свидетельство благих начинаний его, ленинского правления» [6, с. 418–420].

Важным мероприятием в деле становления и развития советской высшей школы (и советского юридического образования) стало создание Социалистической академии общественных наук, в целях изучения и преподавания «как социальных знаний с точки зрения научного социализма и коммунизма, так и наук, которые соприкасаются с указанными знаниями». В состав академии входили две секции: научно-академическая и учебно-просветительская. Названия секций говорят сами за себя. Первая была нацелена на организацию и осуществление сугубо научной деятельности: «научную разработку вопросов социализма и коммунизма, научное исследование в области социальных наук, философии и наук естественных, поскольку последние соприкасаются с науками социальными, а также подготовку ученых специалистов в области социальных знаний». Вторая секция (учебно-просветительская) провозглашалась как «свободная высшая школа, которая имеет целью преподавание социальных наук всем желающим, ознакомление широких народных масс с учениями научного социализма и коммунизма, а также распространение просвещения на основе социалистического мировоззрения». Кроме того, согласно п. 4 Положения ВЦИК «О социалистической академии общественных наук» (от 25.06.1918 г.), данное учреждение наделялось соответствующими правами юридического лица: объявлять конкурсы; назначать премии; издавать научные труды; получать необходимые учебные «пособия и предметы»; открывать на территории РСФСР соответствующие институты, музеи, лаборатории, библиотеки и т.п.; приглашать в состав своих «сочленов, беспрепятственно, как российских граждан, так и иностранцев» [3, с. 471].

Председателем академии стал М.Н. Покровский, а среди её членов: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Бонч-Бруевич, Крупская, Коллонтай, Луначарский, а также ряд зарубежных марксистов: К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг и др. В разные годы в академии преподавали такие ортодоксальные корифеи советского права, как: П.И. Стучка, М.А. Рейснер, А.Г. Гойхбарг и другие. Им удалось за достаточно короткий период создать учебно-методическую базу по юридическим дисциплинам в духе новой (марксистской) идеологической парадигмы.

Академии предстояло осуществить фундаментальную реорганизацию всей системы высшего (в том числе и юридического) образования. К примеру, постановление Народного комиссариата просвещения (от 23.12.1918 г.) предписывало академии

разработать унифицированные планы факультетов общественных наук.

Первый год становления «диктатуры пролетариата» ознаменовался массовым закрытием высших учебных заведений юридического профиля, которые к этому времени уже имели свои устоявшиеся традиции. Так, прекратили своё существование такие привилегированные образовательные учреждения, как Училище правоведения, Александровский лицей, Николаевский лицей и др. Знаменитые Бестужевские курсы были присоединены к Петроградскому университету; известный Демидовский юридический лицей сменил организационно-правовую форму и был преобразован в Ярославский государственный университет.

Кроме того, в конце 1918 года, Народный комиссариат просвещения принял решение о закрытии юридических факультетов в вузах, «ввиду совершенной устарелости учебных планов..., а также полного несоответствия этих планов требованиям научной методологии и потребностям советских учреждений в высококвалифицированных работниках» [4, с. 22–23]. Заместитель народного комиссара просвещения М.Н. Покровский так мотивировал массовое закрытие юридических факультетов: «...Наука права давала ту красивую оболочку, под которой пряталось порабощение сотен миллионов десятками тысяч. Эта роль, роль красивого покрывала на неказистой действительности в последнее время была едва ли не главной ролью науки права. Само собой разумеется, что для социалистической России все подобные “науки” совершенно без надобности» [4, с. 2–3]. Следует заметить, что в данный момент подавляющее большинство юридических факультетов вузов выступало в роли мощной оппозиции большевистской власти.

Рассматриваемый период «ознаменован» созданием факультетов общественных наук (далее ФОН), которые учреждались взамен упразднённых юридических факультетов и исторических отделений историко-филологических факультетов. 3 марта 1919 года Народный комиссариат просвещения утвердил соответствующее положение о ФОНах, в соответствии с которым данные факультеты состояли из трех отделений: экономического, политико-юридического, исторического. Их целью стало «распространение и разработка идей научного социализма и материалистического мировоззрения во всех областях обществоведения». Кроме того, все студенты ФОНов, независимо от их специализации, обязывались в течение первых двух лет своего обучения изучать предметы общеобразовательного цикла «преподавание коих стремится дать им общее социологическое образование, являющееся необходимой предпосылкой образования специального» [7, с. 16].

Советская власть, как отмечалось выше, не могла заменить в короткие сроки «буржуазную профессию» новыми «марксистскими кадрами».

11.02.1921 года появилось постановление СНК «Об учреждении институтов по подготовке красной профессуры». Данные институты учреждались в городах Москве и Петрограде, в целях подготовки «красной профессуры для преподавания в высших школах Республики теоретической экономики, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства». Институт существовал до 1930 г.

Новый этап развития системы советского юридического образования отмечен принятием ленинского декрета «О плане организации факультетов общественных наук» (от 04.03.1921 г.). Главной задачей ФОНов стало «создание кадров научно-подготовленных работников социалистического строительства». При этом, исторические и филологические отделения ФОНов при университетах подлежали упразднению с 1 мая 1921 года. Декрет устанавливал чёткую структуру ФОНов. Структурными элементами являлись соответствующие отделения и циклы. Так, правовое отделение включало такие циклы как судебный и административный; общественно-педагогический (школьный и внешкольный). Кроме того, Народному комиссариату просвещения поручалось разработать и утвердить учебные планы ФОНов, а также учредить специальные научные институты «по основным отраслям общественного знания» для «разработки различных отраслей общественных наук и для подготовки высококвалифицированных научных работников по этим наукам...» [10, ст. 117].

12 марта 1921 года в газете «Известия» было опубликовано постановление СНК (за подписями В.И. Ленина, Н. Горбунова, Л. Фотиевой) «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР». Согласно документу, во всех высших школах РСФСР (независимо от специализации) следовало изучать ряд обязательных учебных дисциплин. В этой связи устанавливалось обязательное преподавание следующих предметов: 1) Развитие общественных форм (1 триместр по 4 часа); 2) Исторический материализм (1 триместр по 3 часа); 3) Пролетарская революция (исторические предпосылки переворота, включая империализм; его формы и история в связи с историей XIX – XX веков вообще и рабочего движения в частности) (2 триместра по 2 часа); 4) Политический строй РСФСР (1 триместр по 2 часа); 5) Организация производства и распределения в РСФСР (1 триместр по 2 часа); 6) План электрификации РСФСР, его экономические основы, экономическая

география России, значение и условия осуществления плана (2 триместра по 2 часа). Кроме того, обязательный минимум предписывал изучение таких естественных наук, как: 1) Физика и космическая физика, включая геофизику (2 триместра по 2 часа); 2) Химия (1 триместр по 2 часа); 3) Биология (2 триместра по 2 часа).

Переход государства к новой экономической политике (март 1921 г.) вызвал объективную необходимость дальнейшего совершенствования советской правовой системы. Регулирование экономических процессов на данном историческом этапе уже не могло осуществляться исключительно методами «революционного правосознания». Рыночные отношения, товарно-денежный оборот, частная собственность и другие атрибуты данной политики требовали качественно нового (понятного и стабильного) правового обеспечения. Обществу вновь потребовались профессиональные юристы. Кодификация законодательства 1922 года (принятие гражданского, земельного, трудового, уголовного кодексов) заложила фундаментальные основы советской правовой системы.

Таким образом, в рассматриваемый период были заложены основы советского юридического образования, сформулированы его идеологические принципы, определены основные векторы его дальнейшего развития. Созвучность советского юридического образования с государственными интересами определила на несколько десятилетий вперёд его идеолого-политическую «тональность».

Библиографический список

1. Бухарин Н.И. Азбука коммунизма. – М.: Госполитиздат, 1919. – 200 с.
2. Декреты Советской власти. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1957. – 625 с.
3. Декреты Советской власти. Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1959. – 640 с.
4. Журнал «Народное просвещение». – 1918. – № 23 – 25.
5. Ленин В.И. Сочинения. Изд. 3. Т. XXI. – М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. – 585 с.
6. Пейн Р. Ленин: Жизнь и смерть. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 667 с.
7. Сборник декретов и постановлений рабоче-крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 2. – М., 1919.
8. Собрание Указаний РСФСР. – 1918. – № 57.
9. Собрание Указаний РСФСР. – 1918. – № 72.
10. Собрание Указаний РСФСР. – 1921. – № 19.

Арзамасов Юрий Геннадьевич

доктор юридических наук, профессор

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

arzam.ruk@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ЗАКОНОВ В УСЛОВИЯХ КОНВЕРГЕНЦИИ

В статье рассмотрено понятие правовой конвергенции, приведены примеры ее проявления, выявлены факторы актуализации правовой конвергенции в современных условиях. Подробно рассмотрены процессы правовой конвергенции, связанные с правовой оценкой законов и их проектов. Автор отмечает, что в каждой отдельной стране, несмотря на процессы конвергенции, оценка законов имеет свои особенности. Проанализированы наиболее типичные способы оценки законов как в России (правовой мониторинг, антикоррупционный мониторинг), так и за рубежом (экспериментальные законы, оценка результатов законотворчества, оценка регулирующего воздействия). Обозначен круг необходимых мер, направленных на создание системы правового мониторинга в России. Автор считает, что правовая политика государства должна быть реальной, что следует не декларировать, а реально осуществлять курс на создание системы правового мониторинга, для чего необходимо создать не просто федеральный Центр правового мониторинга, а полноценный институт. Для того чтобы правовой мониторинг проводился на всех стадиях механизма правового регулирования, нужно осуществлять мониторинг официальных интерпретационных актов. В свою очередь для этого необходимо совершенствование инструментального аппарата правового мониторинга для выявления неконституционных нормативных правовых актов, предотвращения противоправных проявлений, коррупции.

Ключевые слова: конвергенция, правовая конвергенция, оценка законов, правовой мониторинг, антикоррупционный мониторинг, система правового мониторинга, экспериментальные законы, оценка регулирующего воздействия.

Процессы глобализации в настоящее время распространяют свое влияние не только на экономику, науку, культуру, но и на право.

Однако изначально данный термин в России стал применяться в сфере политики. Так, например, представитель гуманитарного направления конвергенции академик А.Д. Сахаров понимал под конвергенцией сближение двух политических систем – социалистической и капиталистической, связанное с заимствованием положительных институтов. Примечательно, что в заключение своей статьи «Конвергенция, мирное сосуществование» А.Д. Сахаров подчеркивал, что «... Конвергенция – реально происходящий исторический процесс сближения капиталистической и социалистической мировых систем, осуществляющийся в результате встречных плюралистических изменений в экономической, политической, социальной и идеологической сферах» [5].

В процесс конвергенции попадает и право, как регулятор с мощным социальным потенциалом и инструментарием, которое не может оставаться вне других процессов в социуме (экономических, политических, информационных и т.д.).

В современных реалиях вопрос о правовой конвергенции не мог не найти свое отражение в юридической науке. Так, например, О.Д. Третьякова в своем исследовании определила юридическую конвергенцию как «процесс взаимодействия элементов внутри системы права и иных регуляторов отношений в обществе, а также правовых систем различных государств, характеризующийся сближением, увеличением количества связей между элементами сближающихся объектов и определенной степенью согласованности воздействия этих элементов на общественные отношения» [6, с. 8].

Актуализация правовой конвергенции в России в настоящее время обусловлена разными факторами. Большое значение здесь играют, конечно, экономические отношения, связанные с экономической интеграцией различных стран, с нахождением необходимых целесообразных путей, в том числе и правовых, и обусловленных правом, для преодоления «падения» рубля, инфляции, экономического кризиса. Определенная конвергенция наблюдается сейчас в сфере принятия управленческих решений посредством современных регуляторов в форме международных и внутригосударственных договоров, а также в использовании модельных законов.

Процессы правовой конвергенции проявляются и в унификации применяемых юридических конструкций федеральных законов. Так, например, в России все чаще применяются юридические конструкции федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов, составленных четко по американскому образцу, структура которых начинается с перечня используемых в законе понятий. Ярким примером здесь может служить Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 14.10.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Для уяснения смысла таких актов субъекту правовых отношений необходимо сначала разобраться с содержанием целого ряда используемых в законе понятий. Удобно ли это правоприменителю, или нет? Покажет время!

С другой стороны, мы видим, что в континентальной Европе широкое распространение имеют кодексы, написанные пандектным способом, который предполагает, что юридическая конструкция кодекса состоит из взаимосвязанных двух частей – общей и особенной. Что касается типов юридиче-

ской деятельности, то здесь всегда была большая разница в работе высших судебных инстанций стран, входящих в романо-германскую и англосаксонскую правовую семью. Но и здесь мы видим «следы» конвергенции, например, введение суда присяжных в России и в других странах.

Политологи считают, что конвергенция затронула Россию и другие страны, бывшие республики СССР, главным образом в 90-е гг. прошлого столетия. Однако, как справедливо указал в своем монографическом исследовании В.Д. Зорькин, «западный» и «восточный» блоки прошедшей bipolarной эпохи в своей конкуренции очень многому учились друг у друга, в том числе в сфере генеральных ценностей» [2, с. 115].

Актуальность проблемы заключается и в технологиях, применяемых к оценке законов. Данные проблемы явились предметом серьезного обсуждения на Международном семинаре «Оценка законов и эффективности их принятия», организованном и проведенном Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в декабре 2002 года в г. Рязани. Этот форум проходил под реализацией концепта приоритета прав и свобод человека и гражданина. Профессор из Швейцарии Л. Мадер в своем выступлении на этом семинаре предложил понимать под оценкой законов анализ и определение влияния законодательства [4, с. 32].

Сегодня в каждой отдельной стране оценка законов имеет свои характерные особенности и даже свое название. К примеру, в Туркменистане она называется «оценка результатов законотворчества», под которой там понимают «анализ результатов создания (изменения, отмены) нормативных правовых актов, имеющий целью точное установление характера последствий, произведенных изменений законодательства для системы общественных отношений» [7, с. 99].

Конвергенция национальных правовых систем выступает серьезным прогрессивным фактором. Она проявилась в таком утверждении в законодательстве приоритета права человека, как соответствие стандартам Совета Европы. Во многих странах Европы, в том числе и в России была проведена определенная работа по приведению отечественного законодательства к европейским стандартам, были созданы определенные структуры, которые проверяли нормативные правовые акты и их проекты на соответствие стандартам Совета Европы и Европейского Союза [3, с. 95–100].

Несмотря на то, что форум, который состоялся в г. Рязани, был посвящен именно оценке закона, сам термин «оценка законов» редко использовался российской научной общественностью. Ученые в своих исследованиях освещали данную проблему, рассматривая ее через призму своих концепций. Так, например, отстаивая идеи о создании системы правового мониторинга, Я.Е. Наконечный пред-

ложил понятие мониторинговой оценки, понимая под последней «анализ и определение состояния и влияния нормативных актов и иных правовых средств на общественные отношения» [1, с. 130].

Между тем, как показывает практика, оценка законов может осуществляться по-разному. Что касается зарубежных правовых систем, то в **странах континентальной Европы оценка законов рассматривается как один из основных методологических способов оптимизации как** национального так и европейского **законодательства**.

Причем в Европе имеют место такие способы осуществления оценки законов, которые практически не применяются на федеральном уровне в России. Ярким примером являются экспериментальные законы. Они вводятся в действие временно для выявления правильности целей и задач, поставленных законодателем, также данный метод способствует важной оценке законов с точки зрения их проверки на практике.

Есть свой положительный опыт оценки законов и у России. Сегодня особую роль в совершенствовании законодательства, да и действия всего механизма правового регулирования играет **правовой мониторинг**.

В монографии «Мониторинг в правотворчестве: теория и методология» было предложено следующее понятие: «Мониторинг нормативных актов – это научно и методологически обоснованная система комплексной оценки содержания и формы нормативных актов, осуществляемая на плановой основе посредством получения различных видов информации, наблюдения, анализа, контроля и прогноза, выполняемых с целью создания качественной и эффективной системы нормативных актов» [1, с. 23].

Отечественными учеными накоплен богатый опыт как теоретических, так и эмпирических знаний в области правового мониторинга. Более того, отечественные научные разработки уже с успехом внедрены в механизм правового регулирования Республики Беларусь, Казахстана. Например, в Республике Беларусь действует Национальный центр законодательства и правовых исследований.

Здесь следует заметить, что терминологически правовой мониторинг – это достижение наших отечественных ученых, чем мы можем гордиться. Несмотря на то, что о термине «правой мониторинг» на Западе стало известно только в 2009 году, когда перевод доклада Совета Федерации «О состоянии законодательства в Российской Федерации» за 2008 г. был привезен в библиотеку Конгресса США, там широко использовались термины «оценка законов», «оценка регуляторного воздействия». Причем особой разницы в использовании этих терминов не наблюдается.

Одним из первых в Европе проблемы повышения качества законодательства с помощью специ-

альных технологий поднял на все том же Международном семинаре «Оценка законов и эффективности их принятия» Люциус Мадер. Очевидно, что отечественные и зарубежные ученые шли в одном направлении, но разными путями, хотя сходятся они, несомненно, на едином правовом поле.

Что касается идеи о создании теоретической и методологической основы правового мониторинга, то она была взята на вооружение Г.Э. Бурбулисом, который в 2002 г. возглавил в Совете Федерации Федерального Собрания Комиссию Совета Федерации по методологии реализации конституционных полномочий Советом Федерации. Сотрудники Аппарата и Экспертного совета данной комиссии стали разрабатывать в основном теоретические проблемы правового мониторинга, которые отражались в коллективном труде Совета Федерации – в ежегодных докладах «О состоянии законодательства в Российской Федерации». Данные доклады озвучивались на ежегодных конференциях, посвященных правовому мониторингу. Более того, при непосредственном содействии Совета Федерации было создано около 20 региональных Центров правового мониторинга. Во многих субъектах Федерации по аналогии с Советом Федерации стали готовить аналитические доклады о состоянии законодательства. В дальнейшем на базе Комиссии Совета Федерации по методологии реализации конституционных полномочий Советом Федерации был создан Центр мониторинга права при Совете Федерации.

Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» изменил подходы к законотворческому процессу, поскольку был установлен единый правовой механизм, позволяющий осуществлять мониторинг правоприменения и использовать его результаты в законотворческой деятельности, а также правоприменительными органами. В соответствии с Указом, на Минюст России были возложены функции по координации и методическому обеспечению деятельности по мониторингу правоприменения. В целях реализации норм этого Указа Правительством Российской Федерации принято постановление от 19 августа 2011 г. № 694, которым утверждена методика осуществления мониторинга правоприменения, и распоряжение от 19 августа 2011 г. № 1471-р, которым утверждены планы мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2011 и на 2012 годы.

Сегодня ситуация с созданием системы правового мониторинга следующая. Более чем в 40 субъектах Российской Федерации приняты акты, определяющие организационные основы проведения мониторинга правоприменения, определены цели и задачи мониторинга правоприменения, порядок сбора информации и сроки ее представления, а также орган, ответственный за обобщение его результатов.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 было подготовлено два Доклада о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2011 и 2012 гг. Последний документ отражал основные результаты мониторинга правоприменения по вопросам реформирования полиции, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах, в сфере оборота наркотических средств и т.д. Однако конструктивной критики существующих в законодательстве проблем в данном докладе по сравнению с докладами Совета Федерации Федерального Собрания «О состоянии законодательства в Российской Федерации» было мало.

Примерно 45 процентов федеральных органов исполнительной власти и более 70 процентов органов государственной власти субъектов Российской Федерации приняли правовые акты, обеспечивающие проведение мониторинга правоприменения на постоянной и плановой основе. В мониторинге правоприменения активно участвуют институты гражданского общества. Для получения информации о правоприменении и обсуждения результатов мониторинга правоприменения создаются экспертные советы и иные научно-консультативные, совещательные органы, заключены соглашения о взаимодействии в сфере мониторинга правоприменения, проводятся социологические опросы респондентов, научно-исследовательские работы. Следует заметить, что данная тенденция характерна для многих европейских стран, что фактически развивчивает теорию несинхронности правового развития современных государств.

Несмотря на национальные особенности правовых систем стран Европы и Азии и определенные успехи в применении в отдельных европейских странах таких важных инструментов в нормотворческом процессе как оценка регулирующего воздействия и антикоррупционная экспертиза, практически во всех странах существует одна и та же проблема – это создание действенной системы правового мониторинга.

Однако самым важным условием для создания системы правового мониторинга, по нашему мнению, является применение комплексного подхода для решения данной проблемы, который заключается не только в использовании всего набора инструментов правового мониторинга, но и в консолидации политических, организационных, экономических, методических, образовательных и, конечно, правовых мер.

Какие меры следует принять для создания системы правового мониторинга в России?

1. Правовая политика государства должна быть реальной. От дискуссий следует уже переходить к делу. Планы мониторинга правоприме-

нения должны приниматься не на год, а хотя бы на три года. Следует не декларировать, а реально осуществлять курс на создание системы правового мониторинга, поскольку точечный мониторинг, который проводит сейчас Минюст России, не дает полную реальную картину о качестве законов и их реализации на практике.

2. Для этих целей **необходимо создать** не просто федеральный Центр правового мониторинга, а **полноценный институт**. При этом он может быть создан как при Федеральном Собрании Российской Федерации, так и при Минюсте России. Ни один из действующих юридических НИИ в настоящее время не способен полноценно осуществлять правовой мониторинг. **Центр должен готовить себе и регионам кадры для осуществления правового мониторинга.** Здесь не лишним будет обращение к положительному педагогическому опыту. Так, например, в НИУ «Высшая школа экономики» тема «Правовой мониторинг» присутствует в авторских курсах «Правовая аналитика» (читает профессор В.Б. Исаков) и «Нормография: теория и методология нормотворчества» (читает профессор Ю.Г. Арзамасов). Данная тема включена практически во все программы курса по информационному праву.

Между тем, правовой мониторинг – это явление многообразное, имеющее как теоретическую составляющую, так и методологическую, которая зависит от видовой специфики правового мониторинга и его разнообразного инструментария. Поэтому, систематизировав знания о правовом мониторинге, следует разрабатывать специальные учебные курсы, посвященные этому явлению.

3. Для того чтобы правовой мониторинг проводился на всех стадиях механизма правового регулирования нужно осуществлять мониторинг официальных интерпретационных актов. Необходимо проводить мониторинг не только практики правоприменения, на что свои усилия сейчас направил Минюст России, но и всех видов правовых актов, не исключая подзаконные акты (особо это касается актов органов местного самоуправления, качество которых далеко еще от идеала) и официальные интерпретационные акты.

4. В этой связи необходимо сказать и о **совершенствовании инструментального аппарата правового мониторинга** для выявления неконституционных нормативных правовых актов, предотвращения противоправных проявлений, коррупции. Это обусловлено тем, что в действующих методиках проведения мониторинга еще существуют неясности, противоречия и другие недостатки. Так, например, разработчики Постановления Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» среди коррупциогенных факторов указали «определение компетенции по

формуле “вправе”», «заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий». А ведь практически во всех учебниках по теории государства и права указывается, что управомочивающие нормы закрепляют определенные права, и, естественно, в них может быть использован термин «вправе».

5. Создание современной системы правового мониторинга в России невозможно без изучения положительного зарубежного опыта.

В современной России, как и во многих западных странах, важная роль сейчас отводится **оценке регулирующего воздействия.**

Значительную лепту в разработку концепции оценки регулирующего воздействия (ОРВ) внес немецкий ученый, профессор Гамбургского университета Германии Ульрих Карпен. В своем докладе, прочитанном на 10-м конгрессе Международной ассоциации законодательства (International Association of Legislation) в работе которого приняли участие ведущие представители юридической науки и практики из Анголы, Боливии, Великобритании, Венгрии, Германии, Италии, Китая, Кубы, Литвы, Нидерландов, Португалии, Польши, России, Франции, Швейцарии, Швеции, Южной Кореи, Ульрих Карпен отмечал, что оценка регулирующего воздействия должна включать анализ и прогнозирование как ожидаемых, так и побочных эффектов, учитывать гендерные аспекты, эффекты от доходов и расходов из бюджета предприятий, а также последствия де бюрократизации [8, с. 269].

Сегодня как никогда мы наблюдаем институализацию ОРВ в России. Между тем полноценно ОРВ проводится только в Минэкономразвитии, там этот институт регламентировался нормами приказа Минэкономразвития России от 31.08.2010. № 398 «Об утверждении Положения о Порядке подготовки заключений об оценке регулирующего воздействия». Минэкономразвития России в соответствии с Правилами проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 1318, только в сентябре 2014 г. было подготовлено 102 заключения об оценке регулирующего воздействия. При этом треть из этого числа – с отрицательными оценками. На втором месте по подготовке заключений за указанный период находится Минфин России, которое подготовило 18 заключений. Минтранс России подготовил 10 заключений.

Что касается отечественной науки, то российские ученые еще не сказали своего слова в этом направлении. Успешно занимается исследовани-

ем ОРВ Центр ОРВ Института государственного и муниципального управления НИУ-ВШЭ. В этом году его директор Д.Б. Цыганков был включен в состав Консультативного комитета по вопросам предпринимательства при Коллегии Евразийской экономической комиссии, что также подтверждает факт не только правоприменительной конвергенции, но научной и аналитической.

Институализацию ОРВ в России мы наблюдаем и на региональном уровне. Так, например, в 80 субъектах Федерации уже определен уполномоченный орган по проведению ОРВ. В 75 регионах нормативно закрепили порядок проведения ОРВ. В субъектах активно создаются управления оценки регулирующего воздействия.

Современные аналитики должны давать ответы на такие вопросы: какие могут быть положительные и отрицательные последствия правового регулирования? Какие коррупциогенные факторы могут проявиться и почему? Как этого избежать? Возможно ли альтернативное урегулирование вопроса?

Таким образом, мы можем констатировать, что оптимизация российского законодательства всецело связана с современной оценкой законов. В целях дальнейшей правовой конвергенции, связанной с определением наиболее оптимальных технологий оценки законов, необходимо под эгидой International Association of Legislation провести методологический семинар, на котором на основе имеющегося положительного правового опыта и современных научных работ, а также успешно апробированных в отдельных странах и регионах методик разработать примерные методики оценки

законов для всех цивилизованных стран. Ограничиваться здесь только европейскими государствами, конечно же, нельзя.

Библиографический список

1. Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология. – М.: МГУ, 2009. – 196 с.
2. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. – М.: Норма, 2013. – 496 с.
3. Ивлиев Г.П. На повестке дня – система учета решений Совета Европы и Европейского Суда в законодательном процессе // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2006. – № 8. – С. 95–100.
4. Мадер Л. Оценка законодательства – вклад в повышение качества законов // Оценка законов и эффективность их принятия. Материалы между. Семинара, 16–17 дек. 2002 г., г. Рязань. – М.: Изд. Гос. Думы, 2003. – 152 с.
5. Сахаров А.Д. Избранные работы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sakharov-archive.ru/Refer2.htm (дата обращения 05.09.2014)
6. Третьякова О.Д. Юридическая конвергенция: автореф. дис. докт. ... юрид. наук. – Владимир, 2012. – 42 с.
7. Чухвичев Д.В., Аширов Б.С. Законодательная техника. Учебное пособие. – Ашхабад: Центр ОБСЭ в Ашхабаде, 2011. – 316 с.
8. Ulrich Karpen, in: Regulatory Reforms – Implementation and Compliance: Proceedings of the Tenth Congress of the International Association of Legislation (IAL) in Veliky Novgorod, June 28th – 29th, 2012 / Ed. by С.В. Кабышев, L. Mader. Vol. 17. Baden-Baden: Nomos, 2014.

КРИМИНАЛЬНАЯ УГРОЗА КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

В статье раскрыто понятие «криминальная угроза», определены его роль и значение в механизме преступления против неприкосновенности частной жизни. В рамках представленной концепции криминальная угроза понимается как объективно существующая возможность общественно-опасного противоправного и уголовно-наказуемого посягательства на частную жизнь. Основным источником угрозы, прежде всего, следует рассматривать физическое лицо, его личностные свойства. В рамках изучения источника криминальной угрозы как уголовно-правового элемента обращается внимание на важность социально-правового и криминологического аспекта формирования угрозы. Человек в этом механизме играет производящую роль. Лишь выявив все причинно-следственные связи можно определить сам источник криминальной угрозы и применить наиболее эффективные меры для снижения степени общественной опасности данной угрозы или полной ее нейтрализации.

В статье также представлены классификации криминальных угроз неприкосновенности частной жизни. Они позволяют выявить существенные признаки тех отношений, которые складываются между теряющей свойство защищенности частной жизнью, с одной стороны, и источником криминальной угрозы частной жизни, принимающей все более реальный характер, с другой стороны.

Формулируется вывод о том, что криминальная угроза является значимым элементом механизма преступления против неприкосновенности частной жизни. Ее полное и всестороннее изучение позволяет разработать комплекс эффективных мероприятий в целях оказания предупредительного воздействия на факторы криминальной угрозы неприкосновенности частной жизни.

Ключевые слова: частная жизнь, неприкосновенность, криминальная угроза, безопасность, предупредительное воздействие, механизм преступления.

Говоря о феномене антикриминальной безопасности личности и определяя данный термин через состояние «защищенности от чего-либо или кого-либо», мы предполагаем в буквальном смысле наличие угроз как «способность причинить существенный вред охраняемым уголовным законом объектам (интересам)» [5, с. 303]. Категория «безопасность» предполагает наличие некоего явления, которое может разрушить один или все системообразующие признаки.

Определять криминальную угрозу мы можем как уголовно-наказуемое деяние (в правовом аспекте) и как внешний фактор, приводящий к внутреннему состоянию тревожности, опасности, и беспокойства (в социально-психологическом аспекте). Внешним фактором может выступать как состояние преступности в целом, так и отдельные проявления преступных действий.

Например, проф. Л.Л. Кругликов уголовно-наказуемую угрозу считает способом оказания психического воздействия на жертву [4, с. 80], а проф. Э.Ф. Побегайло видом психического насилия [7, с. 624]. Но в обоих случаях под угрозой оказывается чувство защищенности лица.

Несмотря на неоднозначность такой правовой оценки, исключать совсем факт наличия такой угрозы в механизме совершения преступления мы не можем. Потому необходимо всесторонне изучать криминологическую характеристику угрозы как элемента механизма преступления.

Содержание понятия «угроза» не исчерпывается способом и видом психического насилия. Угроза может также являться социально-правовой или

криминологической категорией. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегов одним из определений угрозы называет «возможную опасность» [6, с. 855]. Существует множество определений опасности. Одним из наиболее приемлемых можно считать определение О.А. Белькова, который считает, что «опасность – объективно существующая возможность негативного воздействия на социальный организм, в результате которого ему может быть причинен какой-либо ущерб, вред, ухудшающий его состояние, придающий его развитию нежелательную динамику или параметры (характер, темпы, формы)» [10, с. 74]. Она может исходить от кого-либо или чего-либо, способного вызвать или причинить какой-либо вред.

В рамках нашей концепции под криминальной угрозой следует понимать объективно существующую возможность общественно-опасного противоправного и уголовно-наказуемого посягательства на частную жизнь.

Источник опасности или угрозы Н.В. Щедрин определяет как «явление или процесс, свойство или развитие которого может причинить вред или разрушить систему» [10, с. 74–75].

Источник может находиться как внутри самой системы (внутренняя опасность), так и вне ее (внешняя опасность).

Исходя из определения угрозы как выраженного волеизъявления совершить посягательство на личность и как имеющейся возможности для реализации данного намерения, основным источником угрозы, прежде всего, следует рассматривать физическое лицо, его личностные свойства. Од-

нако в рамках изучения источника криминальной угрозы как уголовно-правового элемента, не стоит забывать и о социально-правовом и криминологическом аспекте формирования угрозы.

Как мы уже отмечали, не только кто-либо, но и что-либо может представлять определенную потенциальную опасность для личности. Например, недовольство отдельных групп населения политикой государства или отдельных государственных органов может повлечь за собой проведение митингов, демонстраций, массовых беспорядков, сопровождающихся совершением определенных преступных действий. Сама по себе ситуация, обострившаяся и накалившаяся в умах сотен граждан, спровоцировавшая данные действия, не будет иметь уголовно-правового значения, но будет занимать особое место в механизме совершения преступления. И нам необходимо рассматривать все признаки и взаимосвязи сформировавшегося источника криминальной угрозы.

Таким образом, источник криминальной угрозы неприкосновенности частной жизни представляется как физическое лицо, группа лиц или сообщество, от которых, судя по их поведению, исходит угроза преступного причинения вреда частной жизни. Что бы ни представляло общественную опасность, всегда производящую роль играет человек. И, лишь проследив эту цепочку и выявив все причинно-следственные связи, мы сможем выявить сам источник криминальной угрозы для того, чтобы применить наиболее эффективные меры для снижения степени общественной опасности данной угрозы или полной ее нейтрализации.

Для того чтобы определить комплекс мер по борьбе с нарушениями неприкосновенности частной жизни, нам, прежде всего, следует определить объекты, на которые будут направлены данные меры. То есть необходимо максимально выявить и изучить объективно существующие криминальные угрозы неприкосновенности частной жизни в современном государстве, а также источники этих угроз. И здесь важно также классифицировать криминальные угрозы, как в теоретических, так и в практических целях.

По объекту воздействия угрозы неприкосновенности частной жизни могут подразделяться на:

1. Угроза физической или психической (моральной) неприкосновенности. Данные угрозы будут направлены на личное пространство каждого индивида. Под угрозой будет находиться в данном случае возможность лица не подвергаться принудительному медицинскому вмешательству. Недопустимо унижение человеческого достоинства путем применения принудительных и неоправданных процедур сбора данных и обследований.

2. Угроза неприкосновенности коммуникаций. В данном случае под угрозой будет находиться право каждого на установление коммуникаций

с другими лицами без вмешательства и цензуры. Различными способами будут осуществляться угрозы посягательства на все средства коммуникации (почта, телефон, телеграф, электронная почта, Интернет), а также угрозы неприкосновенности сообщений.

3. Угроза неприкосновенности жилища. Неприкосновенность жилища охраняет от вторжения на личную территорию. Кроме того, это право включает защиту от неправомерного разрушения жилища, беспокоящих действий, в том числе от беспокоящего воздействия окружающей среды. В данном случае лицо может получать угрозы проникновения к нему в квартиру, дом или на любую другую территорию, где проживает личность.

4. Угроза информационной неприкосновенности. Это один из наиболее распространенных видов криминальной угрозы неприкосновенности частной жизни. В данном случае угрозы направлены на распространение информации о личности: личных и семейных тайн, либо любой другой информации, которая сокрыта от посторонних и характеризует личность человека, может затрагивать его внутренний мир, отношения с другими людьми, а также персональные идентификационные данные человека.

Другим основанием для классификации криминальной угрозы неприкосновенности частной жизни может быть степень ее наличности (присутствия). Криминальная угроза может быть:

1. Реальной (например, явное желание нарушить неприкосновенность частной жизни лица путем распространения сведений, которыми располагает источник опасности).

2. Потенциальной (например, наличие реальной возможности нарушения неприкосновенности частной жизни публичного лица).

3. Отдаленной (имеющей возможность наступления в будущем при определенных обстоятельствах).

К угрозам неприкосновенности частной жизни можно также применить уже имеющиеся в научной литературе классификации криминальных угроз, ориентированных в целом на личность.

По цели криминальная угроза может быть целевая и нецелевая [1, с. 87].

Целевая криминальная угроза личности определяется как намерение лица добиться желаемого преобразования объекта путем негативного информационно-психологического воздействия на него. Любая цель обусловлена, прежде всего, потребностями источника угрозы, поэтому классификаций по данному критерию может быть множество. В нашем исследовании мы рассмотрим данный вопрос в самом общем его содержании, применительно непосредственно к угрозам неприкосновенности частной жизни.

Рассмотрим следующие подвиды классификации угроз антикриминальной безопасности лично-

сти по цели, представленные Г.Г. Горшенковым [2, с. 167–169], носящие информационно-психологический характер применительно к сфере неприкосновенности частной жизни:

1. Причинение вреда как самоцель (например, незаконное распространение сведений о частной жизни, т. е. определенное намерение причинить конкретному лицу какой-либо вред).

2. Подавление личности как первичная или промежуточная цель на пути к конечному желаемому преступному результату, достигаемая путем распространения сведений о частной жизни лица или под угрозой распространения таких сведений.

3. Введение в заблуждение личности как первичная или промежуточная цель на пути к желаемому конечному результату, достигаемая обманым путем. Например, получение от личности определенных сведений о его частной жизни путем обмана с целью их дальнейшего распространения.

4. Вовлечение в антиобщественную деятельность. В данном случае угроза распространения сведений о частной жизни лица может иметь как скрытый, так и открытый характер. Применение угрозы выступает как способ достижения преступной цели. Нецелевая криминальная угроза не адресована конкретной личности, группе лиц, может быть, даже и не осознаваться как таковым ее источником. Такого рода информационно-психологическое воздействие предполагает в первую очередь не достижение общественно-опасного эффекта на личность, а иные эффекты, например, политической или экономической выгоды. Например, публикуемые фотографии, затрагивающие личную жизнь «публичных» людей, помещаются владельцами СМИ не с целью дискредитировать данное лицо в глазах общественности, а исходя из желания сделать продукцию собственного СМИ конкурентоспособной на информационном рынке, повысить продажи своих изданий и т. п. Или другая ситуация. Публикуемые СМИ материалы об отдельной группе граждан, например, лицах кавказской национальности, с целью привлечения внимания общественности к определенной проблеме, связанной с данными субъектами, может спровоцировать возбуждение национальной ненависти или вражды со стороны населения.

Говоря об определенных способах воздействия на информационные отношения, А.А. Тер-Акопов отмечает, что оно может быть открытым и скрытым, истинным и ложным, само восприятие может быть осознаваемым и неосознаваемым [10, с. 178]. Рассмотрим представленные виды информационного воздействия применительно к неприкосновенности частной жизни.

Открытая угроза антикриминальной безопасности частной жизни непосредственно сама по себе обнаруживает намерения на получение информации о частной жизни лица с целью ее дальнейшего

распространения. Скрытая угроза не раскрывает истинных целей определенного рода действий. Так, для безопасности частной жизни скрытую угрозу представляют, например, социальные сети, где мы самостоятельно «выкладываем» информацию о своей частной жизни, порой не подозревая, что она может быть в дальнейшем использована незаконно. Очевидно, что для частной жизни угрозу представляют камеры видеонаблюдения. Когда граждане извещены о наличии таких видеокамер угроза будет открытой, а при скрытом видеонаблюдении, соответственно, – скрытой.

Истинная угроза подразумевает дальнейшее приведение ее в исполнение, то есть совершение конкретных действий. Это действительная, настоящая угроза неприкосновенности частной жизни выражающаяся, например, в конкретных высказываниях о дальнейших действиях по распространению сведений о частной жизни лица. В данном случае не вызывает сомнения тот факт, что угроза будет приведена в исполнение и право на неприкосновенность частной жизни будет нарушено.

Ложная угроза не направлена на получение в дальнейшем определенного рода информации и соответственно не влечет за собой никаких последствий в виде какого-либо действия. Данная угроза неприкосновенности частной жизни может восприниматься лицом как реальная, в силу, например, ошибочного представления о каком-либо явлении или предмете, однако в действительности не представляющая опасности для частной жизни. Возможна ситуация, когда преднамеренно другим лицом создается впечатление о наличии истинной угрозы, но в действительности такая угроза отсутствует. Например, когда лицо ошибочно полагает о наличии камеры видеонаблюдения в мобильном телефоне кого-либо из окружающих и соответственно о возможности «запечатлеть кадры» из его частной жизни.

Получаемая определенным лицом из каких-либо источников информация о частной жизни может быть различного характера (персональные данные, личная или семейная тайна). Также отношение лица к полученным сведениям может быть различным. Таким образом, выводы и решения из полученной информации также могут быть верными и ошибочными в зависимости от истинности или ложности поступающих данных и определенных характеристик механизма обработки информации. Следовательно, например, лицо, владеющее информацией о личной или семейной тайне другого лица или иными сведениями о частной жизни лица, будет являться источником реальной (адекватной) угрозы распространения данных сведений. Угроза же распространения информации, не являющейся конфиденциальной или относящейся к личной или семейной тайне, но ошибочно считающаяся данным лицом таковой, будет неадекватной или ошибочной.

Приведенные примеры позволяют говорить, что, поскольку сфера неприкосновенности частной жизни включает в себя, прежде всего, информационную неприкосновенность, то предложенные А.А. Тер-Акоповым способы воздействия на информационные отношения в конкретном случае могут объективно существовать как угрозы неприкосновенности частной жизни.

Продолжая исследовать угрозы информационной безопасности частной жизни, мы также не можем не отметить, что опасность может создавать угроза сознательного, неосторожного и случайного распространения сведений о частной жизни лица. Сознательная угроза будет иметь место в том случае, когда субъект разглашает информацию о частной жизни лица сознательно, ожидая определенный результат, неосторожная – когда субъект в результате недооценки своих действий, либо неправильной оценки информации (например, считая ее всем известной) достигает результата, не входящего в его намерение, а случайная – когда распространение определенной информации происходит вследствие технических сбоев (например, при обработке персональных данных).

В Доктрине информационной безопасности и специальной литературе [4, с. 234–240] определяются и классифицируются виды угроз информационной безопасности, часть которых представляет потенциальную опасность для личности и, в частности, для неприкосновенности частной жизни. К ним можно отнести как минимум три группы угроз:

1. Самоугроза как потенциальная способность личности оказаться жертвой преступления «в результате отрицательного взаимодействия его личностных качеств с внешними факторами» [9, с. 42];

2. Непосредственная угроза, например, намерение препятствовать реализации гражданами конституционных прав и свобод, охраняемых уголовным законом (право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну);

3. Опосредованная угроза, например,
– пропаганда криминальной культуры, романтизация преступного мира;

– пропаганда в нравственном смысле порочных образцов жизнедеятельности определенного социума и др.

Таким образом, информационная безопасность должна включать защиту как от прямого явного и агрессивного воздействия, так и от неконтролируемой утечки информации, некомпетентности держателя информации относительно ее действительного содержания и возможностей воздействия на тот или иной объект. Меры информационной защиты должны улавливать разные варианты субъективного отношения воздействующего субъекта к своим действиям по хранению и распространению информации, а также к последствиям этих действий.

Представленные классификации не являются исчерпывающими и лишь отражают реальную ситуацию, складывающуюся на современном этапе развития общества в сфере защиты права на неприкосновенность частной жизни. С изменением общественных отношений, регулирующих данную сферу, возможно и изменение криминальной угрозы неприкосновенности частной жизни.

Выявляемые по различным основаниям виды криминальных угроз неприкосновенности частной жизни позволяют выделить существенные признаки тех отношений, которые складываются между теряющей свойство защищенности частной жизнью, с одной стороны, и источником криминальной угрозы частной жизни, принимающей все более реальный характер, с другой стороны. В этой связи можно сделать вывод о том, что криминальная угроза является значимым элементом механизма конкретного преступления против неприкосновенности частной жизни. Ее полное и всестороннее изучение позволит максимально повысить эффективность мероприятий предупредительного воздействия на факторы криминальной угрозы неприкосновенности частной жизни.

Библиографический список

1. Горшенков Г.Г. Личность перед опасностью криминальной угрозы. – Н. Новгород: тип. Нижегород. госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2006. – 108 с.
2. Горшенков Г.Г. Антикриминальная безопасность личности. – Н. Новгород: Изд-во Волговятской академии государственной службы, 2006. – 293 с.
3. Красненкова Е.Н. Угрозы информационной безопасности // Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. – С. 234–240.
4. Кругликов Л.Л. Преступления против жизни и здоровья // Уголовное право России. Часть особенная: учеб. для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 567 стр.
5. Наумов А.Н. Общественная опасность преступления // Словарь по уголовному праву / отв. ред. А.В. Наумов. – М.: Издательство БЕК, 1997. – 702 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1993. – 960 с.
7. Побегайло Э.Ф. Угроза уголовно наказуемая // Словарь по уголовному праву. / отв. ред. А.В. Наумов. – М.: Издательство БЕК, 1997. – 702 с.
8. Ривман Д.В. Виктимология. – СПб.: Питер, 2002. – 304 с.
9. Тер-Акопов А.А. Безопасность человека. Теоретические основы социально-правовой концепции. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. – 194 с.
10. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности. – Красноярск: Красноярск. гос. ун-т, 2000. – 180 с.

Туленив Анатолий Иванович

Российская таможенная академия
начальник отдела таможенного досмотра
Ярославского таможенного поста Ярославской таможни
tylenev64@mail.ru

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕТАХ В ТАМОЖЕННОМ ДЕЛЕ

Статья посвящена криминалистической регистрации в таможенных органах Российской Федерации. Исследованы различные точки зрения научного сообщества по данной теме. Автором рассмотрены информационные системы ФТС России и их роль в деятельности таможенных органов при реализации правоохранительной функции.

Поднята проблема ведения криминалистических учетов и баз данных в настоящее время. Так, ранее, до 01.01.2012 года, в соответствии с приказом ФТС России от 07.11.2007 № 1370 «О мерах по совершенствованию криминалистической деятельности таможенных органов Российской Федерации», они включали криминалистические учеты Управления таможенных расследований и дознания (далее УТРД), Главного управления по борьбе с контрабандой, Регионального оперативно-поискового управления, а также информационные системы других подразделений: Центрального информационно-технического таможенного управления, Главного управления организации таможенного оформления и таможенного контроля, Управления товарной номенклатуры.

В криминалистических подразделениях таможенных органов создавались справочно-информационные фонды в целях накопления и обмена информацией, получения сведений, необходимых при формировании версий о событии правонарушения и подозреваемых лицах, определения направления поиска правонарушителя, производства исследований и экспертиз, ведения учетов, картотек, коллекций, которые включали картотеки характеристик (криминалистических, оперативных) правонарушений о свойствах личности и т.д. Однако с введением в действие приказа ФТС России от 26.09.2011 № 1929 «О совершенствовании организационной штатной структуры таможенных органов» приказ № 1370 был отменен, а функции подразделений УТРД были переданы в ЦЭКТУ. Соответственно одной из функций Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления (далее ЦЭКТУ) является ведение криминалистических учетов, но на сегодняшний день функция криминалистических учетов в ЦЭКТУ не реализована.

Автор акцентирует внимание на введенный в специальную литературу термин «учеты, содержащие криминальную информацию», который является значительно более широким по сравнению с понятием «криминалистический учет». В статье дается определение криминалистической регистрации в таможенных органах.

Ключевые слова: таможенные преступления, криминалистическая регистрация, криминалистические учеты, информационная система, справочная деятельность, справочная информация, базы данных, криминалистическая регистрация в таможенных органах.

Эффективность раскрытия и расследования преступлений, таможенных в том числе, во многом зависит от качества и количества криминалистически значимой информации, ее доступности для лиц, осуществляющих розыск и дознание. Под этой информацией, в первую очередь, понимают фактические данные или сведения, находящиеся в причинно-следственной связи с событием преступления и характеризующие способ его совершения, лиц, его совершивших, предметы преступного посягательства, орудия преступления и тому подобные обстоятельства [1, с. 367]. Источниками такой информации могут быть все слеодообразующие объекты, то есть как материальные, так и идеальные следы преступления.

Вместе с тем в процессе расследования таможенных преступлений дознавателю таможенных органов нередко важно оперативно получить сугубо справочную информацию об индивидуальных родовых, групповых и видовых признаках личности, чертах, свойствах и особенностях действий виновного лица; материалов, веществ и изделий, которые могут и не иметь причинно-следственных связей с событием преступления, но, тем не менее, содействуют решению диагностических, классификационных и идентификационных задач.

Таким образом, типовую структуру криминалистической характеристики таможенного пре-

ступления образуют формализованные данные о материальных следах; способе совершения и сокрытия; месте и времени совершения; механизме; обстановке совершения; предмете посягательства; целях и мотивах; личностных свойствах виновного субъекта; обстоятельствах, способствующих совершению деяния [2, с. 229]. Такая информация имеет потенциальное криминалистическое значение и способствует решению задач по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений – ее принято называть криминалистической регистрацией.

Криминалистическая регистрация является информационной системой, состоящей из учетов конкретных объектов, используемых для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Элементами системы криминалистической регистрации являются различные виды криминалистических учетов, создаваемые в системе правоохранительных органов России: МВД, ФСНК, ФТС, ФСБ, а также международных организаций [3, с. 115].

Так Н.П. Яблоков под криминалистической регистрацией понимает научно разработанную систему оперативно-справочных, розыскных и иных криминалистических учетов, объектов – носителей криминалистически значимой информации, используемой для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [8, с. 181].

По мнению Л.Я. Драпкина, криминалистическая регистрация – это система научно обоснованных положений и осуществляемая на их основе регламентированная законом практическая деятельность правоохранительных органов, связанная со сбором информации в специализированные банки данных, направленная на необходимое и своевременное информационное обеспечение процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [4, с. 225].

В.А. Жбанков криминалистическую регистрацию определяет как научно обоснованную систему учета определенной категории лиц, предметов и иных объектов, попавших в сферу уголовного судопроизводства или оперативно-розыскной деятельности, в целях использования сведений о них при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений [3, с. 115].

В.А. Поликарпов рассматривает криминалистическую регистрацию как информационную систему, элементами которой являются криминалистические учеты правоохранительных ведомств РФ и международных организаций, включающую научные положения и основанные на них криминалистические средства, приемы и рекомендации по выявлению, собиранию, фиксации, систематизации, хранению информации об учитываемых объектах и выдаче ее пользователям в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [7].

В.Я. Карлов трактует криминалистическую регистрацию как научно разработанную систему правил сбора, учета и обработки данных об объектах, попавших в сферу деятельности правоохранительных органов [5, с. 16].

Научную основу организации и функционирования криминалистической регистрации составляют: теория идентификации, криминалистическое учение о розыске, криминалистическое учение о признаках, механизме слеодообразования и фиксации доказательственной информации [4, с. 225].

Криминалистическая регистрация складывается из следующих этапов: накопление информации, ее систематизация, идентификация подучетных объектов и выдача справочной информации [6].

Справочная деятельность сводится к представлению сведущим лицом информации об интересующих суд, прокурора, следователя, дознавателя явлении, процедуре, свойствах объекта и т.д., обладание знанием о которых входит в его профессиональную компетенцию.

Справочная информация, как правило, основывается на криминалистических учетах и предполагает использование информации:

- концентрирующейся в картотеках, следотеках, коллекциях;
- составляющей содержание, какой либо отрасли знания;

– полученной путем умозаключений специалистов одной или различных областей знаний [4, с. 443].

Криминалистическая регистрация заключается:

- а) в определении объектов, подлежащих постановке на учет;
- б) в определении комплекса общих и частных признаков объектов, взятых на учет;
- в) в размещении регистрируемых объектов или сведений о них в соответствующих системах криминалистического учета и быстром получении необходимой информации [5].

Перечень учитываемых объектов зависит от оперативной обстановки, уровня развития криминалистической науки и техники [6].

Система криминалистических учётов достаточно многообразна и сложна. Она может быть классифицирована по различным основаниям. Наибольшее практическое значение имеет классификация криминалистических учётов по объектам учёта, степени централизации, функциональному назначению, месту ведения.

По степени централизации различают учёты: международные, общегосударственные (федеральные), региональные и местные.

По функциональному назначению криминалистические учёты подразделяются на: криминалистические оперативно-справочные учёты; криминалистические розыскные учёты; криминалистические справочно-вспомогательные (объекты для сравнения).

По объектам учета выделяют учеты физических и юридических лиц, преступлений, предметов, включая следы.

Объект регистрации обуславливает вид криминалистического учета как ее подсистемы. С появлением новых объектов регистрации появляются новые виды учета. При этом следует иметь в виду, что к одному тому же объекту – источнику информации – могут относиться разные по виду объекты – непосредственные носители, каждый из которых дает начало самостоятельному виду криминалистического учета [3, с. 117].

Целями криминалистической регистрации являются: накопление данных, которые могут быть использованы для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений; обеспечение условий идентификации объектов с помощью учетных данных; содействие розыску объектов, данные о которых содержатся в криминалистических учетах [3, с. 115].

Правовую основу криминалистической регистрации составляют: Конституция Российской Федерации гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина»; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 03.02.2014, с изм. от 18.03.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.02.2014) содержащий предпосылки уголовной регистрации (ст.ст. 2, 118, 122, 186), которые конкретизируются в ниже-

поименованных Законах; Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2014); Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 21.12.2013) «Об оперативно-розыскной деятельности», в ст. 10 которого сказано, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, могут создавать и использовать информационные системы; Федеральный закон от 25.07.1998 № 128-ФЗ (ред. от 07.05.2013) «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации». Ведомственные подзаконные акты, например Приказ ФТС РФ от 25.08.2008 № 1043 «Об утверждении Инструкции о порядке направления на исследование предметов и документов в рамках рассмотрения сообщения о преступлении или осуществления оперативно-розыскной деятельности» и др.

В настоящее время в специальной литературе введен термин «учеты, содержащие криминальную информацию», который, по нашему мнению, является значительно более широким по сравнению с понятием «криминалистические учеты». Учеты, содержащие криминальную информацию, могут быть классифицированы на виды по следующим, наиболее существенным основаниям:

1) по функциональному признаку (назначению): на оперативно-справочные, розыскные и криминалистические учеты;

2) по объектовому признаку (объектам учета): на учеты физических и юридических лиц, преступлений (правонарушений) и предметов (следов);

3) по степени централизации: на федеральные, региональные и местные учеты;

4) по способу фиксации информации, используемой в регистрационных массивах: описательный, дактилоскопический, фотографический, коллекционный, на компакт-дисках, иных носителях для ЭВМ и смешанные учеты;

5) по форме ведения учетов: картотеки (фотокартотеки), журналы (фотоальбомы), видеотеки, фонотеки, коллекции, автоматизированные банки данных (АБД) на основе ЭВМ и смешанные формы. От вида криминалистического учёта следует отличать форму учёта, т.е. способ накопления регистрируемой информации: картотеки, коллекции, списки, альбомы, магнито- и видеозаписи, базы данных (память ЭВМ и др.) [2, с. 202].

Подобная организационная система криминалистических учетов России сложилась исторически. Несмотря на то, что элементы системы находятся в различных правоохранительных ведомствах России и даже в системе международных организаций, осуществляющих борьбу с преступностью, все они реализуют функцию по информационному обеспечению процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Следует отметить, что на сегодняшний день существует очень мало научных исследований по данной проблеме, особенно в таможенном деле. Редким исключением являются работы А.Е. Акимова, В.А. Жбанкова, А.В. Нестерова, В.А. Поликарпова.

Информационные системы ФТС РФ созданы для информационного обеспечения деятельности таможенных органов при реализации экономической, правоохранительной и других функций.

Ранее, до 01.01.2012 года они включали криминалистические учеты Управления таможенных расследований и дознания, Главного управления по борьбе с контрабандой, Регионального оперативно-поискового управления, а также информационные системы других подразделений: Центрального информационно-технического таможенного управления, Главного управления организации таможенного оформления и таможенного контроля, Управления товарной номенклатуры. При этом приказом ФТС России от 07.11.2007 № 1370 «О мероприятиях по совершенствованию криминалистической деятельности таможенных органов Российской Федерации» (приложение № 1) определялись как задачи криминалистического обеспечения, так и обеспечения непрерывности процессов анализа криминалистически значимой информации. А в соответствии с Инструкцией (приложение № 2, № 4) определялось формирование картотек криминалистических характеристик правонарушений, ведение и использование иных видов криминалистических учетов, картотек, коллекций и справочно-информационных фондов таможенных органов. Таким образом, в соответствии с вышеуказанным приказом, ранее в таможенных органах велись:

1) картотеки характеристик (криминалистических, оперативных) правонарушений, которые предназначены для установления обобщенных данных о способе совершения, механизме и типичных следах подготавливаемого либо совершенного правонарушения, свойствах личности, и особенностях действий правонарушителя;

2) дактилоскопические учеты для установления лиц, оставивших следы рук на месте происшествия, установления принадлежности следов рук одному лицу в нескольких местах происшествий;

3) трасологические следотеки протекторов шин транспортных средств, подошв обуви, нарушений средств таможенной идентификации (пломб, запорных устройств и т.п.), образцов отпечатков печатей и штампов;

4) коллекции образцов подлинных и поддельных паспортов транспортных средств и паспортов шасси транспортных средств, иных документов;

5) коллекции товарных знаков объектов интеллектуальной собственности и поддельных товарных знаков;

б) коллекции сравнительных образцов товаров, подлежащих постоянному контролю, в том числе, в соответствии с профилями риска.

Криминалистические учеты, картотеки и коллекции являлись централизованной системой ФТС РФ и формировались в криминалистических подразделениях таможенных органов в целях наиболее полного использования предметов, документов, следов и вещественных доказательств, а также других источников криминалистически значимой информации в выявлении, раскрытии, расследовании и предотвращении таможенных правонарушений.

Однако с введением в действие приказа ФТС России от 26.09.2011 № 1929 «О совершенствовании организационной штатной структуры таможенных органов» приказ № 1370 был отменен, а функции, штатная численность, оборудование криминалистических подразделений УТРД были переданы в ЦЭК-ТУ. Соответственно одной из функций ЦЭКТУ является ведение криминалистических учетов, но по сегодняшний день функция криминалистических учетов в ЦЭКТУ не реализована (оборудование передано, но нет специалистов, обученных работе на нем, не согласована правовая база с МВД и т.п.). Более того, во «Временном положении о порядке непрерывного экспертно-криминалистического обеспечения деятельности таможенных органов, проводящих таможенный контроль, оперативно-розыскные мероприятия, неотложные следственные действия, расследования дел об административных правонарушениях» (письмо ФТС России от 23.12.2011 № 01-11/63516 «О порядке непрерывного экспертно-криминалистического обеспечения деятельности таможенных органов») вообще не предусмотрено формирование, ведение и использование криминалистических учетов, коллекций, справочно-информационных фондов. В пункте I «Общих положений» отсутствует общая, специальная (основная), конкретная задачи обеспечения деятельности таможенных органов. В пункте III «Действия должностных лиц ЦЭКТУ, ЭКС...» не указаны основные формы взаимодействия привлекаемых должностных лиц в качестве специалиста, эксперта с другими структурными подразделениями таможенного органа при непрерывном экспертно-криминалистическом обеспечении.

В настоящее время учеты ЦЭКТУ включают: картотеку личных номерных печатей и штампов сотрудников таможенных органов, дающих право на запрет или разрешение выпуска товаров; коллекции образцов упаковок контрафактных табачных изделий; базу данных Regula «Auto Docs» (информация о водительских документах на право управления транспортным средством и свидетельствах о регистрации транспортного средства применительно к более чем 72 государствам, включая ближнее зарубежье (страны СНГ)); картотеку образцов подлинных акцизных марок; картотеку

образцов оттисков печатей, штампов и подписей участников ВЭД, уполномоченных выдавать и заверять сертификаты происхождения товаров формы А и СТ-1; коллекции маркировок контрафактной алкогольной продукции.

Учеты ГУБК содержат:

а) базу данных КПС «БК-Информ» (информация по делам об административных правонарушениях и уголовным делам по борьбе с контрабандой наркотиков и особо опасными видами контрабанды);

б) базу данных «RILO-Москва» (информация о задержании отдельных предметов контрабанды в регионе деятельности таможенных служб стран-участниц «RILO-Москва»);

в) базу данных «Мониторинг-Анализ» (информация о таможенном оформлении в области номенклатуры, стоимости, веса оформляемых товаров и начисления таможенных платежей).

Таможенные органы в борьбе с таможенной преступностью используют информацию иных подразделений, содержащихся в базах Центрального информационно-технического таможенного управления ФТС России, в частности:

1) учет копий электронных деклараций на товары, который предназначен для анализа состояния, динамики и тенденций развития внешней торговли РФ; осуществления контроля за поступлением в федеральный бюджет таможенных платежей, валютного контроля; сбора и обработки сведений о перемещении товаров через таможенную границу РФ; ведения специальной таможенной статистики;

2) учет копий электронных таможенных приходных ордеров;

3) учет бланков паспортов транспортных средств и паспортов шасси транспортных средств;

4) учет копий электронных документов контроля доставки и др.

Существенное значение имеет учет объектов интеллектуальной собственности, осуществляемый Главным управлением торговых ограничений и товарной номенклатуры [3, с. 123–124].

При этом необходимо отметить, что криминалистические учеты отличаются друг от друга учитываемыми данными, а также способами и формами их сосредоточения и систематизации [1, с. 367].

Картотеки характеристик (криминалистических, оперативных) правонарушений предназначены для получения обобщенных данных о способе совершения, механизме и типичных следах подготавливаемого либо совершенного правонарушения или преступления, личности, чертах, свойствах и особенностях действий виновного лица. При этом таможенными органами ведутся родовые, групповые и видовые характеристики правонарушений, образующие специализированные картотеки. Данные из картотек могут обрабатываться специальными программными аналитическими и статистическими средствами, а также в установ-

ленном порядке накапливаться и передаваться по ведомственным и межведомственным информационным каналам. Видовые (конкретного деяния) характеристики составляются по каждому регистрируемому и расследованному таможенному преступлению и правонарушению.

Справочно-информационные фонды таможенных органов создаются в целях накопления и обмена информацией, получения сведений, необходимых при выдвижении версий о событии правонарушения и подозреваемых лицах, определения направления поиска виновного лица, производства исследований и экспертиз, ведения учетов, картотек, коллекций.

Хранение информации в каждом конкретном случае может осуществляться в виде картотек, коллекций натуральных объектов, фототек, видеофотопрограмм, фонотек, альбомов, журналов, атласов, каталогов, информационно-поисковых и аналитических систем на базе компьютерной техники. Структура справочно-информационных фондов определяется оперативной обстановкой, а также наличием в таможенном органе соответствующих специалистов. Она должна обеспечивать формирование единых банков данных в системе таможенных органов, взаимодействие с иными базами и банками данных иных органов и учреждений с целью получения возможно более полной справочной, аналитической и статистической информации [2, с. 228–233].

Учитывая все вышесказанное, под криминалистической регистрацией в таможенных органах мы понимаем научно обоснованную, регламентированную законом информационную систему по сбору, фиксации, обработке, хранению и учету данных на диагностированную категорию лиц, предметов и иных объектов, попавших в сферу функционирования таможенных органов или оперативно-розыскной деятельности, с целью информационного обеспечения процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в таможенном деле.

Библиографический список

1. *Аверьянова Т.В.* Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 944 с.
2. *Ищенко Е.П., Егоров Н.Н.* Криминалистика для следователей и дознавателей: Научно-практическое пособие / под общей ред. заместителя Министра внутренних дел РФ – начальника Следственного комитета при МВД РФ генерал-лейтенанта юстиции А.В. Аничина. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: «ИНФРА-М», 2010. – 688 с.
3. Криминалистика: учебник / под общ. ред. засл. юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. В.А. Жбанкова. – М.: Изд-во Российская таможенная академия, 2012. – 514 с.
4. Криминалистика: учебник для бакалавров / под ред. Л.Я. Драпкина – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 831 с.
5. «Криминалистика: тезаурус-словарь и схемы: Учебное пособие» (Карлов В.Я.) («Альфа-Пресс», 2011) 47 с. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.04.2014).
6. *Чернышов В.Н., Сысоев Э.В., Селезнев А.В., Терехов А.В.* Техничко-криминалистическое обеспечение следствия: Учебное пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. – 80 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://all-sci.net/kriminalistika/ponyatie-kriminalisticheskoy-informatsii.html> (дата обращения: 02.04.2014).
7. *Поликарпов В.А.* Криминалистические учеты при расследовании таможенных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 27 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lawtheses.com/kriminalisticheskie-uchety-pri-rassledovanii-tamozhennyh-prestupleniy> (дата обращения: 02.04.2014).
8. *Яблоков Н.П.* Криминалистика: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 400 с.

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОЦЕССОВ РАССЛЕДОВАНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Автором статьи рассмотрены вопросы, касающиеся осуществления экспертного и криминалистического сопровождения правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации при выявлении и расследовании таможенных преступлений. На основе теории и практики уголовного процесса и криминалистической техники в борьбе с таможенными преступлениями автор статьи исследует особенности участия специалиста при проведении неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, осуществляемых правоохранительными подразделениями таможенных органов. Также, в статье автором выполнен краткий обзор взаимодействия Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления, в лице его специалистов (экспертов) с оперативными сотрудниками и дознавателями Главного управления по борьбе с контрабандой и Управления таможенных расследований и дознания Федеральной таможенной службы России. На практике, такое взаимодействие не всегда является достаточно эффективным и действенным, что требует от должностных лиц на всех уровнях постоянного совершенствования как своих практических навыков, так и совершенствования нормативной правовой базы, регламентирующей данную сферу таможенного дела. Урегулирование проблемных аспектов в области экспертно-криминалистического обеспечения направлено на противодействие преступным посягательствам в области таможенного регулирования, что, в свою очередь, имеет целью укрепление экономической безопасности государства. Предлагаемые автором статьи меры, в случае их осуществления, позволят усовершенствовать экспертно-криминалистическую деятельность не только таможенных органов Российской Федерации, но также и государств-участников Таможенного союза.

Ключевые слова: таможенное преступление, эксперт-криминалист, контрабанда, неотложные следственные действия, заключение эксперта, огнестрельное оружие, оперативно-разыскные мероприятия, экспертная специальность, оперативная группа специалистов, экономическая безопасность, боеприпасы.

Противостояние преступным посягательствам против экономической безопасности российского государства, осуществляемое в рамках правоохранительной деятельности таможенных органов, всецело и неразрывно связано с комплексным механизмом экспертного сопровождения процессов выявления и расследования таможенных преступлений. Вместе с тем в значительной мере повышается и роль системы применения криминалистических методов и приемов при проведении неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий таможенными органами как самостоятельно, так и при взаимодействии с иными государственными правоохранительными структурами.

Нельзя не отметить и того, что в современных условиях роль эксперта в доказывании по делам о таможенных преступлениях возрастает в связи с использованием при подготовке, совершении и сокрытии преступлений новейших технических достижений, в том числе, в сфере информационных технологий; применением организованными преступными сообществами (нередко имеющими транснациональный характер) отлаженных схем преступной деятельности; наличием угроз со стороны криминального мира в отношении участников процесса; оказанием серьезного противовеса субъектам доказывания со стороны защиты [2, с. 47]. Важность эффективных процессов экспертного сопровождения особенно ярко прослеживается при выявлении и расследовании таких групп таможенных преступлений как контрабанда огне-

стрельного оружия и его основных частей, контрабанда наркотических веществ и их прекурсоров, невозвращение культурных ценностей.

Раскрытие и расследование преступлений как особый вид деятельности по отношению к преступной является антагонистическим, но, в то же время, органически и неразрывно связанным с последней. Знание и учет приемов, методов преступной деятельности и оставляемых ею следовых картин имеют важное значение для формирования приемов, методов ее раскрытия и расследования [8, с. 7]. Такая категория таможенных преступлений как контрабанда имеет достаточно обширный перечень специфических характеристик не только в элементах своего состава, но и определенных факторов, влияющих на особенности выявления и последующего ведения предварительного следствия.

Условия, в которых осуществляется расследование, т.е. следственная ситуация, в своей совокупности образуют динамическую систему, постоянно изменяющуюся под воздействием объективных и субъективных факторов. Объективные факторы – это те не зависящие от участников расследования причины, которые вызывают изменения ситуации; субъективные факторы – причины, порождаемые действиями и поведением участников расследования и иных лиц, оказавшихся втянутыми в той или иной степени в сферу судопроизводства [1, с. 72]. Не меньшее значение при расследовании таможенных преступлений составляют субъективные факторы, образуемые при участии эксперта, выступающего в роли специалиста при производстве

неотложных следственных действий либо в иной форме взаимодействия с дознавателями.

Существенно и то, что полномочиями проводить криминалистические исследования для целей не только таможенного контроля, но и при выявлении фактов различного рода контрабанды, наделено специализированное подразделение Федеральной таможенной службы, а именно Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление ФТС России (далее – ЦЭКТУ). Существует специальный нормативный правовой документ, согласно которому данное управление осуществляет экспертно-криминалистическое обеспечение потребностей таможенных органов при осуществлении таможенного контроля в проведении экспертиз и исследований товаров, транспортных средств, документов, иных объектов, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза, а также экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности ФТС России и иных правоохранительных органов [6]. В рамках осуществления названных функций в ЦЭКТУ осуществляет экспертно-криминалистическое сопровождение правоохранительной деятельности таможенных органов при расследовании преступлений, отнесенных к их компетенции.

Сегодня одной из самых острых проблем во внешнеэкономической деятельности является таможенная преступность.

В этой связи некоторыми учеными дается такое ее определение: таможенная преступность – система таможенных преступлений, существенно нарушающих деятельность таможенных органов по реализации целей и задач установленных законодательством, совершаемых в сфере таможенного дела при перемещении товаров и иных предметов через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, по которым таможенные органы в соответствии с УПК РФ наделены правом производства неотложных следственных действий.

Считается, что таможенные преступления являются многообъектными, и что они наносят ущерб, прежде всего, экономической безопасности России. Но не только ей. Так, контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия, его основных частей (ствола, затвора, барабана, рамки, ствольной коробки), взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной

техники, наносит ущерб общественной безопасности; контрабанда культурных ценностей и невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран – культурному достоянию народов РФ и зарубежных стран; контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ – здоровью населения. Конечно, в указанных преступлениях имеются экономическая составляющая, но основной ущерб наносится указанным выше объектам [3, с. 18–19].

В настоящее время уголовно-процессуальным законодательством к компетенции таможенных органов отнесено производство неотложных следственных действий по преступлениям предусмотренным статьями 173.1, 173.2, 174, 174.1, 189, 190, 193, 193.1, 194 (ч. 3, 4), 226.1, 229.1 УК РФ. Предварительное расследование в форме дознания по уголовным делам о преступлениях предусмотренных ч. 1, 2 ст. 194 и ч.1 ст. 200.1, производится в соответствии с правилами, установленными гл. 32, 32.1 УПК РФ.

Преступления, связанные с контрабандой либо незаконным оборотом наркотиков, являются одними из самых общественно опасных, ввиду их существенного влияния на жизнь и здоровье граждан. Так, за август 2014 года правоохранительными органами зарегистрировано 169827 преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков (+10,4%). Увеличилось на 15,4% (с 16 153 до 18 648) количество лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения. Сотрудниками наркоконтроля выявлено 57056 преступлений (+4,4%), органами внутренних дел – 107735 (+12,5%).

В общей структуре преступности наибольший удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, имеется в республиках Ингушетия (26,1%), Северная Осетия-Алания (25,3%), г. Санкт-Петербурге (24,9%), Чеченской Республике (20,8%), республиках Дагестан (20,4%) и Калмыкия (20,2%) [5].

В общей сложности за период первого полугодия 2014 года российскими таможенными органами в ходе таможенного контроля лиц, транспортных средств и грузов, следующих через таможенную границу, а также оперативно-разыскных мероприятий, проводимых самостоятельно или во взаимодействии с российскими и зарубежными правоохранительными органами, изъято из незаконного оборота в 699 случаях более чем пятьсот килограммов

наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, в том числе, героина, опия, кокаина, гашиша, марихуаны, наркотиков, входящих в состав курительных смесей типа «спайс», сибутрамина, в связи с чем правоохранными подразделениями таможенных органов возбуждено 323 уголовных дела по контрабанде.

Весьма интересен тот факт, что правоохранными подразделениями по борьбе с контрабандой наркотиков ФТС России проведено самостоятельно и во взаимодействии с российскими правоохранными органами организовано проведение 76 оперативно-розыскных мероприятий и международных операций «контролируемая поставка», из которых успешно завершены 35 мероприятий. В ходе завершённых оперативно-розыскных мероприятий «контролируемая поставка» из незаконного международного оборота изъято более семидесяти килограмм наркотиков [4].

Особо следует остановиться на том, что в современных условиях взаимодействие экспертных подразделений и подразделений дознания (в том числе оперативных) таможен осуществляется на строгой нормативно-правовой основе. С 2012 года создана, существует и эффективно функционирует система непрерывного экспертно-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности таможенных органов, имеющая целью обеспечение круглосуточных дежурств уполномоченных должностных лиц ЦЭКТУ. Для решения поставленных задач под круглосуточным дежурством понимается круглосуточная готовность дежурных экспертов к выезду для обеспечения оперативных мероприятий, оказания помощи в соответствии с имеющимися специальными знаниями (компетенцией), проведение исследований экспресс-методами, участие в мероприятиях в качестве специалистов, экспертов, применения технических средств при проведении процессуальных, оперативно-розыскных и иных действий и мероприятий, проводимых таможенными органами.

Дежурство осуществляется оперативной группой специалистов ЦЭКТУ в следующем составе: специалисты, обладающие специальными знаниями (квалификацией) в области химии, криминалистики и товароведения. Указанный состав является обязательным для обеспечения деятельности подразделений таможенных органов в местах непосредственной дислокации экспертно-криминалистической службы – регионального филиала ЦЭКТУ. Стоит заметить, что в местах дислокации экспертно-исследовательских отделов или отделений экспертно-криминалистической службы дежурные группы формируются исходя из фактической штатной численности и наличия у должностных лиц соответствующей экспертной квалификации. Важно еще и то, что эксперт зачастую имеет несколько экспертных специальностей.

В ряде случаев, при возникновении у подразделений таможенных органов соответствующей потребности, состав оперативной группы специалистов может быть дополнен должностными лицами, обладающими специальными знаниями (квалификацией) в области геммологии, материаловедения, интеллектуальной собственности или иных областях [7]. Данная особенность довольно часто встречается в практике.

Нельзя не остановиться и на общей системе проведения различных видов экспертиз, назначаемых правоохранными подразделениями таможенных органов в экспертные отделы ЦЭКТУ. Перечень выполняемых исследований достаточно широк. В настоящее время возможно качественное проведение технико-криминалистических, баллистических, трасологических, почерковедческих, химических, материаловедческих, товароведческих и иных экспертиз. Все это стало возможным в первую очередь благодаря наличию квалифицированных экспертов, а также в виду оснащения таможенных лабораторий современным аналитическим оборудованием и техническими средствами, позволяющими оперативно выявлять следы совершения преступлений. По результатам проведенных исследований ЦЭКТУ направляет в таможенный орган документ – заключение эксперта (во многих случаях и заключение специалиста), оформленное в соответствии с действующим законодательством.

В заключение следует отметить, что эффективная работа правоохранных подразделений таможенных органов в борьбе с посягательствами на экономическую безопасность страны невозможна без всестороннего и обоюдовыгодного сотрудничества с экспертами-криминалистами и другими сведущими лицами в различных областях науки и техники. Исходя из этого, в настоящее время с целью совершенствования системы, а также форм и методов взаимодействия экспертных и правоохранных подразделений таможенных органов при выявлении, расследовании и пресечении таможенных преступлений, считаем необходимым осуществить следующие мероприятия:

- на основе существующей нормативной правовой базы разработать документ – «Наставление по экспертно-криминалистической деятельности в системе таможенных органов Российской Федерации»;

- направить проект «Наставления...» для изучения в таможенные органы государств-членов Таможенного союза;

- утвердить разработанное «Наставление...» по экспертно-криминалистической деятельности приказом руководителя Федеральной таможенной службы и внедрить в практику таможенных органов Российской Федерации;

- выступить с предложением к Евразийской экономической комиссии о возможности рассмо-

трения вопроса внедрения «Наставления...» по экспертно-криминалистической деятельности на территории государств-членов Таможенного союза после обсуждения на межгосударственном уровне.

Библиографический список

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. – М., 1997. – 398 с.
2. Глазунова И.В. Теоретические и правовые аспекты участия эксперта в досудебном производстве по уголовным делам: по материалам ФТС России: дис. ... канд. юрид. наук. – Люберцы, 2009. – 269 с.
3. Жбанков В.А. Криминалистическая характеристика таможенных преступлений: монография. – М.: Изд-во Российская таможенная академия, 2013. – 144 с.
4. Информационные материалы о работе таможенных органов по противодействию незаконному

обороту наркотиков в первом полугодии 2014 года // Федеральная таможенная служба Российской Федерации. – М., 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=19678:2014-&catid=54:2011-01-24-16-31-26&Itemid=1957 (дата обращения: 31.10.2014)

5. Портал правовой статистики: Генеральная прокуратура Российской Федерации. – М., 2014 [Электронный ресурс]. – <http://crimestat.ru/analytics/> (дата обращения: 31.10.2014).

6. Приказ ФТС России от 13.05.2011 № 902 «Об утверждении Положения о Центральном экспертно-криминалистическом таможенном управлении».

7. Приказ ФТС России от 29.12.2012 № 2690 «Об утверждении Порядка непрерывного экспертно-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности таможенных органов».

8. Яблоков Н.П. Криминалистика. – М.: Юрист, 2003. – 376 с.

УДК 34

Йосифова Тания Николова

доктор права, доцент, руководитель кафедры Частноправовых наук
Университет национального и мирового хозяйства, г. София, Болгария
tiossiova@gmail.com

ПРИНЦИП ДОГОВОРНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Автор статьи подробно рассматривает принцип договорной справедливости в современном обязательственном праве, начиная рассуждения с определения понятия «справедливость». В статье идет речь о свободе заключения договора и ее видоизменениях, а также о том, в каких направлениях она подвергается корректировке (приоритетная защита интересов наиболее слабой с экономической точки зрения стороны в правоотношении, факт наличия переговоров как необходимого подготовительного этапа для заключения договора, прозрачное содержание договоров). Автор касается двух аспектов понимания договорной справедливости (процедурная справедливость и материальная справедливость), оценивает российское и болгарское законодательство с точки зрения наличия в нем договорной справедливости.

По мнению автора статьи, принцип свободы заключения договора не может быть успешно заменен, и нет необходимости его замены принципом договорной справедливости. Эти принципы должны дополнять друг друга, а не противопоставляться.

Называя и анализируя отдельные законодательные положения, автор статьи доказывает, что принцип договорной справедливости в болгарском праве существует. Однако его содержание необходимо определять, учитывая цель, поставленную законодателем и только в рамках, необходимых для достижения поставленной цели. Договорная справедливость не должна пониматься как объективная эквивалентность обязательств при возмездных договорах.

Ключевые слова: договорная справедливость, принцип свободы заключения договора, правовой принцип, законодательство, болгарское обязательное право.

В самой дефиниции права на латинском языке присутствует слово «справедливость». Право – это искусство о справедливом и добром (*jus est ars aequi et boni*). Однако в наши дни можно увидеть разные определения понятия «справедливость» в отдельных отраслях права. В российской правовой доктрине обоснованно отмечается, что «усложнение социальных процессов и возникающих на этой основе новых задач управления приводит к тому, что право активно воздействует на формирование, совершенствование общественных отношений и социальных структур, что сопровождается развитием и усложнением юридической формы и усилением правотворческой деятельности» [3, с. 43].

Принципы автономии воли и свободы заключения договора закреплены в статье 9 болгарского Закона об обязательствах и договорах. Стороны договора своими волеизъявлениями определяют его содержание, поскольку оно не находится в противоречии с императивными правовыми нормами и добрыми нравами. В соответствии с постулатами экономического либерализма, решения по договору принимаются теми лицами, которые непосредственно связаны с действием договора. Поэтому существует большая вероятность, что договоры будут отвечать их потребностям и желаниям. В противном случае, если содержание договора не отвечало бы желаниям тех лиц, которые его заключают, самого договора просто бы не было [11, р. 31]. Но

если стороны однажды выразили валидное согласие, то договор обязывает их соблюдать его, т.е. свобода заключения договора узко связана с его обязательственной силой.

Свобода заключения договора в современных отношениях

Свобода заключения договора в настоящее время видоизменилась и в современных правоотношениях подвергается коррекциям в нескольких направлениях.

Во-первых, наблюдается приоритетная защита интересов наиболее слабой с экономической точки зрения стороны в правоотношении – потребителя, работника. Задача современного права – обеспечить социальную справедливость, при этом более сильная в экономическом плане сторона обязывается соблюдать интересы слабой стороны [13, р. 332].

Во-вторых, в ряде случаев до заключения договора отсутствуют подлинные переговоры (необходимый подготовительный этап для заключения договора), более того, иногда наблюдается договорное принуждение, которое может возникать как перед предварительным определением условий договора, так и после этого. Договорное принуждение выражается или в обязательстве договариваться, или в обязательстве выполнять, несмотря на отсутствие воли заключения договора. Примерами могут служить договоры, которые заключаются при принудительном отчуждении недвижимости в целях удовлетворения государственной потребности, или присоединение к коллективным договорам, где содержание предварительно установлено и субъект может только выбрать присоединиться или нет к договору.

В-третьих, содержание договоров на современном этапе становится все более сложным и трудно понятным не только для потребителей, но и для малого и среднего бизнеса. Клаузулы договоров при общих условиях нередко изготавливаются предварительно экономически сильнейшей стороной, так что другая сторона практически не участвует в процессе переговоров. Возможно, содержание договора или часть его предварительно установлены публично-правовым субъектом – например, при общественных заказах, где определены параметры цен товаров и услуг. Возможно также и принуждение к заключению договора, где воли одной стороны не хватает – например, общественный перевозчик обязан заключить договор на условиях, предусмотренных законом или исполнительным агентством [12, р. 16].

Понятие о договорной справедливости

В доктрине договорная справедливость понимается в двух аспектах.

С одной стороны **как процедурная справедливость**. Договор справедлив, если соблюдены

все процедурные правила, которые гарантируют свободное формирование воли каждой стороны. То есть, если каждая сторона действует свободно и независимо от влияния другой стороны или третьего лица, договор валидно заключён [4, с. 68]. Сюда входят требования о дееспособности и возможности стороны понимать и руководить своими поступками, отсутствие ошибки, обмана, угрозы, вынуждения распорядиться своей вещью дёшево в силу тяжёлых обстоятельств (*laesio enormis*) [5, с. 88]. Институт уничтожимости (отменимости) договора является гарантом соблюдения процедурной справедливости. При наличии порочных волеизъявлений из-за ошибки, обмана, угрозы, недееспособности, как и при *laesio enormis*, договор является уничтожаемым (отменимым). Только суд может уничтожить договор с обратной силой.

С другой стороны, договорная справедливость понимается как **материальная справедливость**. Она связана с процедурной справедливостью и относится к содержанию договора, а при возмездных договорах, по мнению некоторых авторов, выражается в эквивалентности обязательств и восприятии неосновательного обогащения. По этому мнению, когда договор заключён при соблюдении всех требований его заключения, тогда и обязательства должны быть эквивалентными. И наоборот – эквивалентность обязательств есть косвенное доказательство (индиция), что стороны были независимыми в процессе заключения договора. Это утверждение, однако, легко может быть опровергнуто. Возможно, что стороны были независимыми в процессе заключения договора, а обязательства были неэквивалентными, как и наоборот – обязательства были эквивалентными, а процесс заключения договора был порочным [4, с. 67].

В болгарском обязательственном праве отсутствует ясно сформулированный принцип договорной справедливости. Так что договорную справедливость можно определить как правовой принцип, а не как принцип права [3, с. 44]. Отдельные законодательные решения говорят о том, что он воспринимается главным образом в его процессуальном аспекте.

Таковы правила о преддоговорной ответственности по ст.12 болгарского Закона об обязательствах и договорах, согласно которому при ведении переговоров стороны должны действовать добросовестно. В противном случае они обязаны возместить убытки. Другой пример представляют положения Закона защиты потребителей, которые предусматривают дополнительные обязанности торговцев – информировать потребителей, этикетировать товары и др., запрещение нелояльной конкуренции по Закону о защите конкуренции. В ст. 210 Закона об обязательствах и договорах улаживается право покупателя отказаться от договора купли-продажи, если пространство проданно-

го имущества на одну десятую больше или меньше указанного в договоре (*actio de modo agri*). В этой гипотезе законодатель имеет в виду объективное несоответствие между обязательствами по договору, даёт возможность одной из сторон освободиться от него. Это один из примеров договорной справедливости в материально-правовом аспекте.

Что понимается под «договорной справедливостью»?

В доктрине ставится вопрос о том, назрел ли момент для того, чтобы принцип свободы заключения договора заменил принцип договорной справедливости, так как цель современного договорного права заключается в обеспечении договорной справедливости [13, р. 331]. Принимается, что современного человека трудно определить как личность, способную предусмотреть и оценить последствия своих действий. Задача современного договорного права – обеспечить договорную справедливость, так как договор рассматривается как средство содействия, при котором необходимо, чтобы каждая из сторон позаботилась об интересах другой стороны [13, р. 332]. Договор понимается как правовая связь, основанная на сотрудничестве, с учётом интереса контрагента и справедливости. Указывается, что таким образом было бы достигнуто лучшее распределение рисков между сторонами по договору и обществом в целом [13, р. 333].

Договор уже не заключается между субъектами с одинаковой экономической мощью, и слабейшая сторона договора должна быть защищена. Одним из средств достижения подобной защиты является обязанность предоставления предварительной информации как требование процедурной справедливости. Процедурная справедливость могла бы быть усовершенствована посредством введения новых норм либо расширительного толкования существующих норм, которые касаются основания уничтожимости (отменимости) договора, при этом без изменения существующих правовых уложений [5, с. 91].

Договорная справедливость могла бы рассматриваться как возможность суда вмешиваться в договорные правоотношения, как осуществление контроля за его содержанием. Примером может быть случай с относительно определёнными нормами и генеральными клаузулами – например, понятие о добросовестности, добрых нравах (ст. 12, ст. 63 Закона об обязательствах и договорах). В этом случае, однако, можно было бы затронуть вопрос о нанесении ущерба основному постулату автономии воли, речь идет о запрещении суда делать пересмотр или изменение воли сторон договора [5, с. 92–94], поскольку как суд, так и третье лицо не могут вмешиваться в договорные отношения между сторонами, точнее, суд не может вмешиваться в договорное отношение, чтобы оценить хозяйственное равновесие обязательств и исправить его.

В Проекте об общей референтной рамке указывается, что в некоторых случаях тест о “честности” (*fairness*) будет достаточным для защиты более слабой стороны. Если данная клаузула нечестна, ввиду конкретных обстоятельств она не сможет обязывать более слабую сторону [10, р. 66].

Мы считаем, что принцип свободы заключения договора не может быть заменён успешно и нет необходимости его замены принципом договорной справедливости. Эти принципы должны дополнять друг друга, а не противопоставляться. «При этом правовые принципы и принципы права находятся во взаимной зависимости, дополняют и развивают природу и сущность друг друга, несут в себе отдельные черты каждого» [3, с. 44]. Принципы автономии воли и свободы заключения договора остаются основными руководящими началами при заключении договора и его толковании в болгарском действующем праве. Навязывание ограничений в процессе заключения договора, бесспорно, скажется на автономии воли и на свободе заключения договора, в результате это может привести к их ограничению. Эти ограничения призваны сбалансировать правовое положение обеих сторон договора.

Как мы уже увидели на примере отдельных законодательных положений, принцип договорной справедливости в болгарском праве существует. Вопрос, однако, состоит в определении его содержания. Предлагается введение в законодательство такого принципа, сообразно которому при возмездных договорах необходима объективная эквивалентность обязательств [4, с. 69]. Принятие подобной точки зрения означало бы, что в каждом случае возможно пренебрегать волей сторон договора, которые субъективно определяют стоимость и вид своих обязанностей. В дополнение можно сослаться на опыт англо-американского права, которое требует наличие “*consideration*” (встречного удовлетворения), чтобы договор мог быть принудительно выполнен. Стороны свободно определяют содержание *consideration* и достаточное наличие номинальной *consideration*. Только отсутствия эквивалентности обязательств недостаточно, чтобы привести к материальной несправедливости. Необходимо наличие и других факторов, например, злоупотребление экономическим положением одной из сторон, отсутствие предварительной информации о договоре, когда сторона находится в неравноправном положении, порочное волеизъявление стороны (например, при *laesio enormis*). На самом деле столь резкое разграничение между двумя аспектами договорной справедливости не делается. Указывается, что чем больше несоответствие между обязательствами сторон договора, тем больше вероятности, что суд объявит его недействительным на основании процедурного недостатка [8, pp. 125–126]. Думается, нет необходимости во всех случаях искать объективную

эквивалентность обязательств при возмездных договорах, потому что таким образом можно изменить договорное содержание и придать ему смысл, которого стороны не желали, при положении, что нет общественного интереса, который оправдывал бы подобное изменение. Таким образом, сместится фокус регулирования правоотношения: регулирующая функция принадлежит законодателю, а не сторонам договора, которые по презумпции лучше знают свои интересы, и в результате этого в сфере частного права законодатель предоставляет им самую большую свободу при принятии решения. Частное право имеет задачу защитить и организовать индивидуальные интересы, и при выполнении этой задачи наибольшее значение для этих интересов имеют наблюдение, оценка и решение самих лиц [1, с. 1].

Принцип договорной справедливости нацелен на восстановление нарушенного равновесия между сторонами как в процессе заключения договора, так и в качестве коррекции правовых последствий валидно заключённого договора, т.е. в его содержании. Потому что современные правовые системы не могут брать под свою защиту каждый договор, невзирая на его содержание, только по той причине, что он оформлен в результате соблюдения нормальных правил предложения и принятия [13, р. 332]. Вмешательство законодателя должно быть общественно оправданным и основываться на достойном для защиты интересе. Этот интерес может быть основан на защите общественного порядка и морали, однако в этих случаях договор не произведёт действия, если противоречит им. В других случаях необходимость вмешательства законодателя может быть вызвана необходимостью взять под свою защиту определённые категории лиц, которые не располагают одинаковой с контрагентом договорной мощью – потребителя, рабочего и других – таким образом, компенсируя договорную мощь другой стороны. Эти нормы-коррективы имеют лимитированное поле применения, они являются исключением и не могут толковаться расширительно.

Важно не забывать, что независимо от изменений в социально-экономическом развитии общества, конструкция договора остаётся весьма устойчивой [2, с. 14]. В основе договора стоит согласие его сторон, поэтому в гражданском праве преобладает число диспозитивных норм. Как указывают российские учёные М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, ограничения автономии воли законодателем при заключении договора с помощью введения императивных норм может преследовать три цели. Первая цель – защитить более слабую сторону в правоотношении. Вторая цель – защитить интересы третьих лиц (прежде всего, реальных или потенциальных кредиторов), так как таким образом гарантируется устойчивость граждан-

данского оборота в целом. Третья цель – защитить действующий в стране правопорядок и другие, имеющие особую значимость ценности. В первую группу попадают случаи уничтожимости (отменимости) договора *laesio enormis*, право суда уменьшить неустойку, если она чрезмерно большая по сравнению с наступившим ущербом. Ко второй группе относится Паулианов иск, необходимость согласия кредитора на смену его должника, при трансфере торгового предприятия – обязанность уведомления кредиторов. Третья группа учитывает, что ещё в римском праве существовали нормы, которые объявляли недействительными договоры, которые противоречили не только правопорядку, но и общественным нравам [2, с. 92]. Сюда входят требования о форме сделок, противоречие морали и добрым нравам.

Важно чтобы вмешательство законодателя было минимальным – только в рамках, необходимых для достижения поставленной цели. В наше время наблюдается тенденция сверхрегуляции определённых гражданских правоотношений, которая вызывает беспокойство. Взять, например, Проект Регламента общеевропейского права продаж [7]. Производит впечатление предельное увеличение защиты потребителей, которая содержится в Регламенте. Запрещённый список неравноправных клаузул (ст. ст. 82–85 Проекта) в договорах с потребителями ещё длиннее тех, которые восприняты в Директиве относительно неравноправных клаузул в потребительских договорах [6]. В доктрине указывается, что предусмотренная защита потребителей сделала бы Регламент непривлекательным для бизнеса и оттолкнула бы его от заключения договоров по Регламенту [9, с. 268].

В заключении считаю уместным привести цитату из учебника М.И. Брагинского и В.В. Витрянского «Договорное право»: *«Сосуществование диспозитивных и императивных методов регулирования рынка служит, таким образом, непременным условием его нормального функционирования. В этой связи гипертрофия диспозитивных норм, как и любая иная, не является достоинством законодательства. Не случайно, отмечая диспозитивный характер большинства норм американского договорного права, В.П. Мозолин и Е.А. Фарнсворт в совместно написанной ими книге усматривали в этом одновременно источник как силы, так и слабости американского права»* [2, с. 98].

Библиографический список

1. Апостолов И. Правни сделки с действие върху чужд правен кръг. – С.: Печатница С.М. Стайков, 1937.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. I. Общие положения. – М.: Статут, 2007.
3. Груздев В. Правовые принципы и правовые состояния в механизме правового воздействия // Лич-

ность, право, власть в современной России. Сборник тезисов докладов. Т. II. – Кострома, 2011.

4. *Калайджиев А.* Облигационно право. Обща част. – С.: Сиби, 2013.

5. *Митев Кр.* Теориите за обяснение на договора и неговото съдържание и някои техни отражения в българското облигационно право // Юбилеен сборник 15 години Юридически факултет на Пловдивския университет, Пловдив: Университетско издателство “Паисий Хилендарски”, 2007.

6. Директива 93/13/ЕИО Совета 5 апреля 1993 год, ОВ n° L 095, 21/04/1993. – С. 29–34.

7. COM (2011) 635 final.

8. *Koetz H. Flessner A.* European contract law. – Oxford: Clarendon press, 1997. – P. 125–126.

9. *Posner E.* The questionable basis of the common European sales law: the role of an optional instrument in jurisdictional competition, in: Common market law review 50: 261-276/ 2013, p. 268.

10. Principles, Definitions and Model Rules of European Private law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline edition. Ed. by von Bahr, Chr., E. Clive and H. Schulte-Nölke, Sellier, 2009.

11. *Terré F., Simler P., Lequette Y.* Droit civil. Les obligations. – Paris: Dalloz, 2002.

12. *Von Mehren A.* International Encyclopedia of Comparative law, Volume VII Contracts in General, Chapter One, A General View of Contract, The Hague-Boston-London, 1982.

13. *Zweigert K., Koetz H.* An Introduction to Comparative Law, Clarendon press. – Oxford, 1998.

РОЛЬ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АКТИВИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

В статье определяется роль дистанционных образовательных технологий в учебном процессе вуза, и описываются возможности их использования. Особое внимание уделяется вопросу активизации самостоятельной работы студентов, формированию у них метакомпетенций. Автор анализирует современные образовательные стандарты, констатируется постоянно растущий разрыв между бурно развивающимися информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) и педагогическими концепциями обучения. По мнению автора работы, высокие темпы технического и технологического прогресса развитых стран требуют как профессионально подготовленных молодых специалистов, так и системного повышения квалификации и профессиональной переподготовки имеющихся кадров для самых различных отраслей. В статье представлены краткие определения сервисов Web 2.0, представляющих интерес для использования в учебном процессе.

Кроме того, автор статьи обращается к особенностям дистанционного образования и тонкостям в его организации. Использование дистанционных образовательных технологий для организации самостоятельной работы студентов создает ряд принципиально новых возможностей (обеспечивает оперативную передачу заданий обучаемым, развивает технические навыки и умения, учит анализировать и синтезировать знания в единое целое, обеспечивает выбор различных источников информации и др.)

Ключевые слова: дистанционные образовательные технологии, информационно-коммуникационные технологии, самостоятельная работа студентов.

Выпускник вуза сегодня — высокопрофессиональная личность, способная творчески мыслить, самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность. Современный молодой специалист обладает не только набором знаний, умений и навыков, но и сформированной системой компетенций в интеллектуальной, нормативно-правовой, информационной, коммуникативной и других сферах. Кроме того выпускник должен быть со сформированной гражданской идентичностью. Решение этих задач возможно только с усилением роли самостоятельной и научно-исследовательской работы студентов и развитием их творческой активности, чему немало способствуют возможности дистанционного образования. В образовательных стандартах нового поколения обращается внимание на необходимость формирования у студентов метакомпетенций (общих умений, востребованных в разных предметных областях), особое место отводится проблеме формирования метакомпетенций, связанных с самостоятельной работой и оценочной самостоятельностью. Прежде всего, актуализируется задача развития навыков самостоятельной познавательной и практической деятельности обучающихся, поскольку сегодня основной целью учебного процесса в вузе становится не только усвоение знаний, но и овладение способами этого усвоения, развитие познавательных потребностей и творческого потенциала студентов. Кроме того, достижение высокого уровня личностных результатов обучения, актуализация мотивационных ресурсов обучаемых требует осуществления

личностно-ориентированного образовательного процесса, построения индивидуальных образовательных маршрутов и траекторий для каждого обучающегося. В этих условиях широкое использование дистанционных образовательных технологий в вузовском образовании становится требованием времени.

Известное изречение о том, чтобы «наши возможности всегда совпадали с нашими потребностями», действительно верно, ибо такая ситуация гармонизирует любую продуктивную деятельность человека, в том числе и в образовании. Однако в настоящее время наблюдается постоянно растущий разрыв между бурно развивающимися информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) и педагогическими концепциями обучения. Согласно эмпирическому закону, предложенному одним из основателей компании Intel Гордоном Муром, быстродействие микропроцессоров (следовательно, и производительность ИКТ) удваивается каждые полтора года. Появление же новых дидактических принципов и методов обучения пока не может продемонстрировать подобной динамики [5].

Вместе с тем, высокие темпы технического и технологического прогресса развитых стран требуют как профессионально подготовленных молодых специалистов, так и системного повышения квалификации и профессиональной переподготовки имеющихся кадров для самых различных отраслей. Осуществляемая закономерная и логичная смена парадигм: вместо «одно образование на всю жизнь» — «непрерывное образование в те-

чение всей жизни», – делает крайне необходимым внедрение новых, удобных для пользователя индивидуально ориентированных способов получения и использования знаний.

Развитие и широкое распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), новых сетевых технологий открыло доступ к мировым информационным ресурсам, породило принципиально новую образовательную среду, создающую все условия для успешной реализации новой парадигмы образования и, более того, для интеграции национальной образовательной системы в глобальную образовательную информационную среду.

Среди разнообразной номенклатуры средств ИКТ, которые потенциально могут быть использованы или уже используются в образовании, особо выделим Интернет. Инновации здесь связаны с технологиями, получившими обозначение Web 2.0. Этот термин ассоциируется с новым подходом к развитию Интернета, а точнее – к совокупности технологий работы Web – приложений и совместного взаимодействия пользователей. Актуальность применения Web 2.0 в образовании подтверждает начинающий входить в обиход термин «Образование 2.0», который ввела компания Google.

Среди сервисов Web 2.0, представляющих интерес для использования в учебном процессе, наибольшими дидактическими свойствами обладают блоги, вики, делишес, ютьюб и фликр [1]. Дадим их краткие определения.

Блог (Blog) – средство (программная среда, оболочка) для публикации материалов в сети с возможностью доступа к его чтению (ведение личного дневника в сети).

Вики (WikiWiki, что в переводе с гавайского означает «быстро») – средство для создания коллективного гипертекста, при котором история внесения изменений сохраняется.

Делишес (Del.icio.us) – сервис для хранения закладок на web – страницы с описаниями и возможностью поиска и выбора необходимых страниц.

Ютьюб (Youtube) – средство для хранения, просмотра и обсуждения видеозаписей.

Фликр (Flickr) – сервис для хранения фотографий и доступа к ним.

Таким образом, «под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационных и телекоммуникационных технологий при опосредованном (на расстоянии) или не полностью опосредованном взаимодействии обучающегося и педагогического работника» [2]. Как отмечает ряд ученых, основу образовательного процесса при дистанционном образовании составляет целенаправленная и контролируемая интенсивная самостоятельная работа обучаемого, который может учиться в удобном

для себя месте, по индивидуальному расписанию, имея при себе комплект специальных средств обучения и согласованную возможность контакта с преподавателем [6; 7].

Обратимся к специфике дистанционного образования и самостоятельной работы студентов заочной формы обучения технического вуза. Выступив с докладом на секции и проанализировав материалы круглого стола «Дистанционные технологии обучения в техническом вузе» в рамках международной научно-практической конференции «Чтения Ушинского» (2014 г.), мы выделили ряд преимуществ такой формы образования:

1. Применение дистанционных технологий для поддержки самостоятельной работы студентов предусматривает не просто выдачу заданий по интернету, но и быструю персональную помощь, подсказку, что позволяет студенту обрести уверенность в правильности принимаемых промежуточных решений.

2. Возрастает интенсивность учебного процесса, появляется возможность доступа к учебным материалам в любое время.

3. Использование ИКТ как прогрессивного средства обучения создает дополнительную мотивацию студентов к познавательной деятельности.

4. Самоконтроль студентами степени освоения материала осуществляется не в конце семестра, а по мере усвоения образовательной программы.

5. Появляется возможность индивидуального on-line диалога с преподавателем вне сетки расписания занятий, что, несомненно, стимулирует образовательный интерес.

6. Применение дистанционных педагогических технологий эффективно при работе со студентами, имеющими различный уровень подготовки, так как при такой организации образовательного процесса темп работы группы не снижает отстающий студент – он просто «идет» по индивидуальной образовательной траектории.

Каковы же, по нашему мнению, возможности развития самостоятельности будущих специалистов в процессе обучения, в том числе – дистанционного.

Итак, в чем же особенность самостоятельной работы студентов заочной формы обучения технического вуза в рамках дистанционного обучения?

Согласно исследованиям А.В. Брушлинского, С.Л. Рубинштейна и др. ученых самостоятельность – это сформированный в онтогенезе актуальный субъектный опыт. Самостоятельность состоит в авторстве выбора и решения как жизненных, так и учебных задач и обеспечивается опытом познания своих возможностей и управления своими усилиями.

Степень сформированности компонентов самостоятельности студентов, как показали проведенные нами исследования (2010–2013 гг.), на-

ходится на низком уровне. Осознание студентами значимости личной самостоятельности в своем профессиональном становлении происходит лишь на завершающем этапе обучения. Это, безусловно, сказывается на качестве формирования профессиональных компетентностей будущих специалистов, их способности адаптироваться в изменяющихся профессиональных и общественных условиях. В то же время необходимо особо отметить, что развитию самостоятельности в процессе обучения в университете уделяется недостаточно внимание. Особенно актуальна эта проблема для технических вузов. Преподаватели высших учебных заведений негуманитарного профиля в своем большинстве не имеют психолого-педагогических компетенций и нуждаются в соответствующей поддержке для использования адекватных задач своей дисциплины способов развития самостоятельности студентов. Существенную помощь могут оказать специальные курсы повышения квалификации, где психолого-педагогический аспект в приоритете. Кроме того необходимо отметить недостаток учебной литературы направленной на развитие умения студентов самостоятельно получать и осваивать знания по предмету, оценивать их усвоение, что, безусловно, является мотивацией к самообразованию и к саморазвитию студентов. Таким образом, необходимость и практическая значимость дистанционных форм образования и для преподавателей, и для обучающихся определяется потребностью в развитии самостоятельности студентов и недостатком психолого-педагогического инструментария для решения данной задачи в условиях негуманитарного профиля.

Какие же, на наш взгляд, компетенции могут формироваться в процессе самостоятельной работы в рамках дистанционного обучения? Это такие качества, способности и умения, как: понимание основных своих задач, способность идти и добиваться поставленной цели, умение находить решения в новых условиях, умение анализировать, ответственность за свой выбор, за результат своей работы, чувство долга, в том числе профессионального. Отметим, что определенные трудности вызывает формирование у студентов оценочной самостоятельности, так как в процессе самоанализа молодые люди преодолевают психологический барьер (сопротивление) на пути к осознанию и оценке своих личных качеств, ценностей и социальных ролей. В процессе дистанционного обучения идет накопление опыта рефлексии: у многих студентов происходит актуализация креативности: раскрываются изобразительные, литературные изобретательские творческие способности. Все это создает условия, чтобы студент смог по-новому взглянуть на себя, на свои возможности и перспективы. Такие изменения приводят к кардинальным переменам, в том числе в выборе жизненного пути и даже

изменении профессии (обычно через возможности профессиональной переподготовки) в соответствии со своими реальными способностями, интересами и намерениями.

С позиций психолого-педагогических наук высшей школы самостоятельная работа предполагает развитие внутренней мотивации, осознанного отношения к учебной деятельности, формирования рефлексии, целеустремленности, ответственности и главное – интеллектуального удовлетворения от процесса познания и самопознания. Дистанционные формы образования, основанные на принципах развивающего обучения, способствуют эффективной организации самостоятельной работы обучающихся, и в первую очередь – развитию предметной и личной саморегуляции, накоплению опыта рефлексии, навыков эффективного умственного труда, и, как результат, успешной социализации, то есть «вхождению» в профессию и в жизнь [6; 7].

Отметим, что виды заданий для самостоятельной работы многообразны – это курсовое проектирование, фрагментарные задачи, рефераты. В частности, весьма действенной мотивацией для самостоятельного освоения учебного курса может явиться постановка сложной задачи курсового проектирования в самом начале семестра с отказом от чтения лекций.

Студент как субъект образовательного процесса должен сам разобраться с поставленной задачей и обратиться к преподавателю за недостающими знаниями. Преподавателю следует создать мотивацию у студента, чтобы он стремился самостоятельно «добывать» в литературе и Интернет-источниках необходимую информацию. Но проблемы, касающиеся развития навыков самообучения у студентов, особенно технических, вузов, на наш взгляд, изучены недостаточно. Навыки самообучения необходимы студентам уже с первых дней учебы в университете, так как из-за большого потока научной и учебной информации и связанного с этим быстрого устаревания его значение организации самостоятельной работы возрастает.

К необходимым педагогическим условиям сегодня мы относим и дистанционную информационную поддержку, которая, безусловно, влияет на качество образовательной услуги. В этой деятельности ключевым актором становится и библиотека. Начинать работу необходимо с электронного каталога. Студенты смогут быстро найти информацию по любой дисциплине, рационально расходуя свое время и время преподавателя – тьютора. Доступ к электронному каталогу через Интернет позволит обратиться к информации из любой удаленной точки страны, подключенной к всемирной сети. Отыскав необходимые источники, студентов надо научить работать с информацией критически, уметь выделять главное. Отметим, что особенно важно научить обучающихся способам, приемам

и действиям, которые полезны для самостоятельного овладения изучаемым материалом. Эффективная самостоятельная работа – это необходимое условие профессионального роста будущих инженеров.

В процессе дистанционного обучения студент и преподаватель взаимодействуют на расстоянии, эта технология полезна не только для студентов заочной формы обучения. На очном отделении обучается много способной и талантливой молодежи, которая занимается с опережением графика учебного процесса. Они хотят изучать дополнительные дисциплины и формировать профессиональные компетенции, не включенные в данное направление обучения. Поэтому именно дистанционные модули открывают возможности не только для самообразования студентов, но и для преподавателя. Сегодня главным становится разработка сетевых УМК, включающих конспект лекций, методические указания для лабораторных и практических работ, информацию о промежуточном и итоговом контроле, тестовые задания. Подготовка, создание и размещение таких электронных ресурсов – это процесс, требующий не только времени и сил, но и определенного уровня информационной культуры.

Ресурсным обеспечением преподавателя являются различные компьютерные технологии обучения (Интернет, мультимедиа технологии, компьютерные программы учебного назначения). К базовым интернет технологиям, способствующим эффективной организации самостоятельной работы, мы относим целый ряд инновационных технологий, в том числе:

- WWW (технология работы в сети с гипертекстами);
- FTR (технология передачи по сети файлов произвольного формата);
- IRC (технология ведения переговоров в реальном масштабе времени);
- E-mail (технология отправки и приема электронных писем), которая обеспечивает информационное обслуживание по пересылке информации.

В нашем случае наиболее востребованы в учебном процессе вуза такие дистанционные образовательные технологии, как технология работы в сети с гиперссылками, электронная почта и демонстрация электронных презентаций.

Итак, использование дистанционных образовательных технологий для организации самостоятельной работы студентов технического вуза создает ряд принципиально новых возможностей, а именно:

- обеспечивает оперативную передачу заданий обучаемым, интерактивность и оперативную обратную связь;
- учит пользоваться различными поисковыми системами для получения информации по интересующему вопросу;
- развивает технические навыки и умения, необходимые пользователям Интернета для коммуникации и сбора информации;
- учит анализировать и синтезировать знания в единое целое;
- обеспечивает доступ и выбор различных источников информации;
- позволяет обучающемуся оперативно оценивать собственную работу.

Таким образом, использование дистанционных технологий в техническом университете направлено не только на подготовку инженера-профессионала, но и на формирование у обучающихся метакомпетенций с помощью личностно-ориентированного образовательного процесса.

Библиографический список

1. Андреев А.А., Леднев В.А., Семкина Т.А. E-learning: некоторые направления и особенности применения // Высшее образование в России. – 2009. – № 8. – С. 88–92.
2. Дистанционное обучение в современном мире: Сборник обзоров / отв. ред. С.Л. Зарецкая. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – 136 с.
3. Ибрагимов И. Информационные технологии и средства дистанционного обучения. – М.: Академия, 2007. – 192 с.
4. Коряковцев С.П. Организация индивидуальной помощи студентам вуза в условиях дистанционного образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Кострома, 2008. – 22 с.
5. Кроль В.М. Дистанционное образование: психолого-педагогические основания / В.М. Кроль, Н.И. Трифонов, Е.Д. Сотникова, М.Ю. Сивергин // Высшее образование в России. – 2009. – № 8. – С. 93–99.
6. Организация самостоятельной работы студентов в процессе дистанционного обучения / Н.В. Волженина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 59 с.
7. Педагогические технологии дистанционного обучения / Е.С. Полат, М.И. Моисеева, А.Е. Петров. – М.: Академия, 2006. – 200 с.
8. Романов А., Торонцев В. Технология дистанционного обучения. – М.: Юнити-Дана, 2000. – 574 с.
9. Средства дистанционного обучения. – СПб.: БХВ-Петербург, 2003. – 330 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЙ ПРОЕКТНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОДУЛЬ КАК ЕДИНИЦА КУЛЬТУРООРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В статье автор рассматривает вопрос организации взаимосвязанного изучения русского языка и национальной культуры в школе с помощью лингвокультуроведческого проектно-исследовательского модуля и предлагает один из вариантов разработки модуля, который был использован в опытном обучении. Лингвокультуроведческий проектно-исследовательский модуль (ЛКПИМ) понимается автором как дидактическая система, обеспечивающая формирование навыков культуроориентированной исследовательской деятельности школьников, добывание этнокультурной информации в процессе исследования языкового материала в культуроведческом аспекте и осмысление этнокультурной информации в виде разнообразных проектных форм. Будучи соотнесенным с программными темами по русскому языку, ЛКПИМ допускает органичную интеграцию в учебный процесс, что позволяет учителю решать наряду с частными задачами модуля, связанными с поиском культурной информации, общие для уроков русского языка образовательные и воспитательные задачи. В методическое обоснование модуля включены цели, задачи и условия, оптимизирующие проведение проектно-исследовательской деятельности школьников, а также принципы, положенные в основу разработки уроков-исследований: принцип научности, принцип связи теории с практикой, принцип систематичности и последовательности, принцип антропоцентрического осмысления языкового материала и принцип аксиологической ориентации. В статье автор обращается и к такому важному вопросу, касающемуся технологии разработки ЛКПИМ, как методические критерии отбора дидактического материала и приемы его методической адаптации к целям и задачам ЛКПИМ. Мотивируя отбор языкового материала для дидактической основы исследования, автор выделяет три компонента: информативный, направленный на овладение экстралингвистическими знаниями о национальной культуре; аксиологический, связанные с необходимостью овладения ценностно-смысловым содержанием изучаемых фрагментов культуры и коммуникативно-стилистический, ориентированный на осмысления образных, эмотивных и экспрессивных качеств русской речи.

Автор делает выводы о том, что лингвокультуроведческий проектно-исследовательский модуль позволяет сформировать целостный образ определенного контекста культуры и воспринять его ценностные смыслы.

Ключевые слова: цели, задачи и принципы разработки лингвокультуроведческого проектно-исследовательского модуля; изучение языка традиционной культуры; лингвокультуроведческая парадигма.

Реализация культуроведческого подхода к изучению русского языка в школе предполагает поиск таких форм организации, которые позволили бы создать условия для систематического изучения определенного контекста национальной культуры (или конкретной культурной реалии) и формирования его целостного образа. Заимствуя из модульной технологии понятие модуля как целевого функционального узла, «в котором объединены учебное содержание и технология овладения им» [8, с. 76], предлагаем утвердить методический статус лингвокультуроведческого проектно-исследовательского модуля как разновидности учебного модуля. В вузовской методике преподавания иностранного языка в контексте культуры И.А. Маскинской [5] был использован лингвокультурный модуль «как структурный функционально-ориентированный блок процесса обучения», «интегрирующий культурный и языковой аспекты через концепты иноязычной культуры и их языковое выражение». Считаем, что идея «блочного обучения» русскому языку в культуроведческом аспекте была намечена Л.В. Юлдашевой [10]: не прибегая к специальным терминам, автор, тем не менее, побуждает именно к такому пониманию организации культуроориентированной работы, говоря о необходимости изучения

культурно-исторических сфер языка, уникальных картин мира философов и художников русского слова и судьбы слов «с момента возникновения до наших дней» [10, с. 45]. Очевидно, что воплощение этих программных установок с выделенными культуроведческими доминантами не допускает спорадического и фрагментарного обращения и предполагает наличие замкнутой системы со своими целями, задачами, дидактическим материалом и приемами и методами.

В нашем понимании лингвокультуроведческий проектно-исследовательский модуль (далее ЛКПИМ) – это дидактическая система, обеспечивающая формирование навыков культуроориентированной исследовательской деятельности школьников, добывание этнокультурной информации в процессе исследования языкового материала в культуроведческом аспекте и осмысление этнокультурной информации в виде разнообразных проектных форм. Данная система, с одной стороны, является самостоятельным тематическим блоком, т.к. имеет свои цель и задачи; с другой стороны, будучи соотнесенной с программными темами по русскому языку, интегрируется в учебный процесс.

В статье представлено методическое обоснование ЛКПИМ «Живые силы природы», адресованного учащимся 5–6 классов и соотнесенного

с программными темами: знания и умения, приобретенные школьниками при изучении разделов «Лексика и фразеология», «Морфемика и словообразование» и «Синтаксис и пунктуация», обеспечивают продуктивный поиск культурной информации. Автономность данного модуля проявляется как в специфическом объекте исследования – это реалии традиционной культуры, так и в дидактической цели – научить школьников добывать культурную информацию, содержащуюся в языковых и речевых фактах. Модуль включает пять уроков-исследований народного языка, на которых школьники получают знания о традиционной культуре русского народа и через экспликацию мифологической и обрядовой семантики природных образов, отражающих мировоззрение носителя традиционной культуры, осознают ценностные смыслы материальной и духовной сфер русского народа. Прокомментируем содержание каждого урока.

На уроке «По полю рыщет, поет и свищет» в процессе исследования словаря диалектных наименований ветра учащиеся осмысливают архаичные представления о ветре. «Зачем раньше закликали весну?» – исследование мотивов и словесных образов весенних закличек. Урок «Время дождей» нацелен на исследование диалектных наименований дождя и осознание символики и антропоморфных признаков дождя в традиционной культуре. «Славянское древо» – исследование этнофитонимов и выявление круга «представлений, который характеризует отношение к растительному миру в славянской традиционной культуре» [4, с. 6]. Урок «Двенадцать месяцев» посвящен изучению языковой и культурной семантики древнерусских наименований календарных месяцев и имен, сохранных русским месяцесловом, цель которого – узнать, какие реалии духовной и материальной культуры народа были соотнесены с календарной системой.

Учащиеся в процессе проведения исследований приобщаются к опыту прошлого с его системой норм, и, чем выше будет степень их заинтересованности в этом диалоге, тем больше будет вероятность переосмысления собственного культурного багажа – этому способствуют ключевые вопросы модуля (*для чего необходимо знать давно исчезнувший уклад жизни? что – как самое важное – можно «взять» из традиционной культуры и обязательно сохранить сегодня?*).

Цель разработки ЛКПИМ – создать необходимые условия для организации проектно-исследовательской деятельности, чтобы школьники через активные формы работы с языковым материалом приобрели новые знания о национальной культуре и осознали её ценностные смыслы. Создать условия – значит обеспечить школьников языковым и речевым материалом для проведения исследования; определить источники сбора материала:

1) языковых и речевых фактов, являющихся объектом исследования; 2) языковых и речевых фактов, использующихся для толкования объекта исследования; обеспечить приемами изучения объекта, получения культурной информации и ее систематизации; рекомендовать разнообразные формы творческого отчета; смоделировать ситуацию востребованности приобретенных знаний и навыков.

Задачи модуля напрямую соотнесены с условиями, и их решение направлено на получение учащимися экстралингвистической информации о русской традиционной культуре в процессе овладения навыками проектно-исследовательской деятельности.

Определяя модуль как дидактическую систему, мы рассматриваем модуль и как «систему систем» (систему уроков, систему методов и приемов исследовательской деятельности, систему языкового и речевого материала, систему средств контроля и оценки), подчиненную – как основным – принципу научности, принципу связи теории с практикой, принципу систематичности и последовательности, принципу антропоцентрического осмысления языкового материала и принципу аксиологической ориентации.

Соблюдение **принципа научности** проявляется в том, что содержание модуля обогащает кругозор школьников новыми для них научными знаниями о традиционной культуре русского народа. В дидактическую основу уроков включены материалы новейших исследований по традиционной культуре: монографий Т.А. Агапкиной [1], [2]; монографии Е.Л. Березович «Язык и традиционная культура» (2007 г.), В.Б. Колосовой [4]. Исследования, проводимые школьниками, опираются на данные лексикографических источников, энциклопедических словарей и научных работ, что предупреждает «опасность любительской лингвистики» и способствует научному осмыслению языкового факта и реалии традиционной культуры. С учетом принципа научности организована и сама работа обучающихся на занятиях модуля – это исследовательская деятельность.

Принцип связи теории с практикой применительно к ЛКПИМ следует понимать как необходимость использовать знания и умения по лингвистической теории для осуществления культуроориентированной проектно-исследовательской деятельности. Знания и умения по программным темам (см. выше) необходимы для получения культурной информации. Кроме того, реализация данного принципа проявляется в развитии творческих способностей (например, предлагать оригинальные формы презентации результатов исследования) и формировании умений (работать со справочной литературой, составлять связное высказывание с учетом ситуации общения), которые будут востребованы в любой профессиональной сфере.

Подчинение содержания ЛКПИМ **принципу систематичности и последовательности** проявляется, прежде всего, в том, что элементы модуля (уроки, приемы, дидактический материал) образуют систему, в которой наблюдается иерархия – от простого к сложному, от репродуктивного к продуктивному, от коллективной к групповой и индивидуальной формам работы, – систему, создающую условия для преемственности в усвоении знаний и формировании исследовательских навыков.

Принцип антропоцентрического осмысления исследуемого языкового материала является ключевым в ЛКПИМ, поскольку язык изучается как «выразитель особой национальной ментальности» [6, с. 8], как «историческая память о социально значимых событиях в человеческой жизни» [9, с. 30]. Выдвижение данного принципа обусловлено утвердившейся в лингвистике антропоцентрической парадигмой, предполагающей переключение «интересов исследователя с объектов познания на субъекта, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке» [6, с. 6].

Принципу аксиологической ориентации подчинены как отбор дидактического материала, репрезентирующего систему ценностей носителя традиционной картины мира, так и воспитательная направленность всей организуемой учителем работы – формирование ценностного отношения к языку, к культуре, к природе, к народу. Так, на занятии «Славянское древо» учащиеся, осмысливая семантику мифологемы Мирового древа, интерпретируют образ как древо здоровья, желания, памяти, любви, защиты, познания/знания, жизни. Исследуя мотивы и словесные образы веснянок (урок «Зачем раньше закликали весну?»), школьники анализируют языковые средства: при всей «хозяйственной прагматике» закличек, выражаемой императивами *принеси, дай, обогрей, накорми*, доминирующим оказывается эстетический компонент: просьба оформлялась с использованием эмоционального эпитета, диминутивов, ритмического рисунка, фонетически соотнесенных слов, повторов, которые акцентировали самое важное слово и создавали песенный ритм. И в этом проявлялось не только стремление «разукрасить» речь, чтобы усилить воздействующий эффект, но и потребность человека в красоте. Изучение образных номинаций месяцев календаря (календарное время входит «в систему народной аксиологии» (Т.А. Агапкина)) даёт возможность учащимся осознать такую ценность, как труд; а учителю – довести до сознания современных школьников, что в традиционной культуре была и этическая составляющая труда («категория «трудовой нравственности» (М.А. Еремина)).

Принцип антропоцентрического осмысления языкового материала и принцип аксиологической ориентации напрямую связаны с гуманистической направленностью образования, в которой принци-

пиальной для проводимой нами работы является идея антропоцентрически и аксиологически ориентированного обучения русскому языку: «ценностно-смысловое пространство языка» (Н.Ф. Алефиренко) и традиционной культуры способно создать тот образовательный контекст, который позволит решать важные воспитательные задачи.

Реализация прокомментированных принципов обеспечивает получение, осмысление и присвоение (в разнообразных творческих формах проектов) культурной информации. Как известно, культурная информация, содержащаяся в вербальных единицах, может быть представлена в виде культурных сем, культурного фона, культурных концептов и культурных коннотаций [6, с. 48]. Учитывая возрастные особенности школьников и их компетентностный уровень, считаем необходимым ограничить на начальном этапе формирование исследовательских умений умением осмысливать культурный фон языковых и речевых единиц. **Культурный фон, по мнению В.А. Масловой**, – «характеристика номинативных единиц (слов и фразеологизмов), обозначающих явления социальной жизни и исторические события» [6, с. 48]. Применительно к нашему исследованию считаем возможным определить культурный фон как *контекст традиционной культуры, представленный в свернутом виде в языковом или речевом факте*. Следовательно, вся процедура исследовательской деятельности сводится к «развертыванию» культурной цитаты – слова или текста, т.е. к декодированию информации, являющейся для школьника имплицитной.

Обращаясь к вопросу задач, решаемых учителем при разработке модуля, прокомментируем те, которые связаны с отбором языкового материала: учащиеся работают как с отобранным учителем материалом (диалектные номинации ветра, этнофитонимы, народные имена календарных месяцев, весенние заклички), так и с самостоятельно собранным языковым материалом из Ярославского областного словаря (диалектные номинации дождя). Дидактический материал, привлекаемый для организации проектно-исследовательской деятельности, отражает своеобразие народного языка и народно-поэтической речи. Именно слово является основным объектом языковой и культурной рефлексии, возможной по причине прозрачной внутренней формы исследуемых слов. Осваивая разные приемы семантизации с применением морфемного, словообразовательного и этимологического разборов, учащиеся наблюдают различные ассоциативно-образные основания языковых механизмов номинации: так, языковая рефлексия проявляется в способности *замечать* мотивированное слово и в умении интерпретировать его с применением языковых разборов, а также в эмоционально-оценочном отклике на выразительные возможности народного языка.

Дидактическая основа исследований, представляющая в свернутом виде культурный контекст одухотворенной природы, формируется за счет лексико-фразеологического материала и текстов. Лексико-фразеологический материал представлен: 1) тематическими группами слов («Диалектные наименования ветров», «Народные названия цветов и растений», «Диалектные названия дождей», «Народные названия месяцев»); 2) синонимическими рядами (ряды слов, включающих общеупотребительный термин (инвариант) и его варианты (народные названия цветов и растений); 3) тематическими группами фразеологизмов (поговорок, примет) («Ветер»; «Зимние месяцы», «Весенние месяцы» и др.).

Текст как дидактическая единица используется в разных целях: тексты закличек, например, как объекты исследования; тексты заговоров – как интерпретаторы семантики народного слова и культурной информации, в нем аккумулируемой, и как образцы народной речи, демонстрирующей магическую силу слова; художественные тексты (К. Бальмонта «Славянское древо», отрывок из повести В. Распутина «Прощание с Матёрой», отрывки из повести И.С. Шмелева «Лето Господне») демонстрируют связь с народной культурой (архетипические образы славянской культуры в стихотворении К. Бальмонта, одухотворенные природные образы В. Распутина, опоэтизированный народный быт и природа в повести И.С. Шмелева); тексты из «Лета Господня» также дают возможность «оживить» внутреннюю форму народного слова, развернуть культурное событие традиционного русского быта. Привлекаемые научно-учебные тексты используются для грамотной интерпретации языкового факта и обеспечивают получение культурной информации (это тексты из научных работ Т.А. Агапкиной, Е.Л. Березович, В.Б. Колосовой, В.В. Колесова, В.Я. Проппа, из энциклопедии «Русская мифология»). Словарные статьи из Ярославского областного словаря, Словаря русских народных говоров, «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера и др. лингвистических словарей привлекаются как справочники для осуществления семантизации слов и как источники сбора экстралингвистического материала. Подчиненные общим целям, дидактические материалы образуют *лингвокультуроведческую парадигму* – систему культурно маркированных языковых и речевых фактов, репрезентирующих контекст традиционной русской культуры и использующихся в качестве средства обучения и воспитания. По В.А. Масловой, «Лингвокультурная парадигма – это совокупность языковых форм, отражающих этнически, социально, исторически, научно и т. д. детерминированные категории мировоззрения. Лингвокультурная парадигма объединя-

ет концепты, категориальные слова, прецедентные имена культуры и т. д. Языковые формы – это основа парадигмы, которая как бы «прошита» значимыми представлениями» [6, с. 749]. Мы оперируем термином «лингвокультуроведческая парадигма», подчеркивая тем самым дидактические цели использования фактов, образующих парадигму.

Использование дидактического материала преследует три цели: во-первых, он способствует овладению экстралингвистическими знаниями о национальной культуре (информативный компонент); во-вторых, необходим для овладения ценностно-смысловым содержанием изучаемых фрагментов традиционной культуры (аксиологический компонент); в-третьих, он востребован для осмысления образных, эмотивных и экспрессивных качеств народной речи (коммуникативно-стилистический компонент).

Культурная рефлексия осуществляется в разнообразных творческих формах (проектах) осмысления приобретенных знаний о традиционной культуре, её ценностных смыслах: это могут быть иллюстрированный календарь «Двенадцать месяцев» с включением народных имен и отобранного по усмотрению школьников текстового материала, электронная книга «Время дождей» с включением фоторепродукций картин русских художников и отобранного диалектного материала, эскиз Музея Славянского древа, сценарий для мультипликационного фильма «Приди, весна, с радостью!» (по материалам урока «Зачем раньше закликали весну?») и др.

Говоря о значении проводимой на уроках русского языка работы в узком предметном контексте (русский язык и культура), отметим не только ценность «текущего момента» (ЛКПИМ «стимулирует познавательный интерес к изучению русского языка и, как следствие, вызывает положительную рефлексию – языковую, эмоциональную, этическую на русский язык как явление духовной культуры народа» [7, с. 27]), но и её перспективную прагматическую ценность: умения анализировать, находить решения задач, предлагать оригинальные формы представления результатов исследования, осуществлять публичную защиту проектов – все это может быть востребовано в любой профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. – М.: Индрик, 2002. – 816 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://indrik.ru/etnolingvistika-folklor-etnografiya/agapkina-t-a-mifopoeticheskie-osnovy-slavyanskogo-narodnogo-kalendarja-vesenne-letnij-tsikl>.
2. Агапкина Т.А. Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. – М.: Индрик, 2000. – 338 с.

3. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. – М.: Высшая школа, 2001. – 726 с.

4. Колосова В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. – М.: «Индрик», 2009. – 352 с.

5. Маскинскова И.А. Лингвокультурный модуль в обучении иноязычной культуре // Иностранные языки в диалоге культур: политика, экономика, образование: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., 1–3 окт. 2009 г. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. – С. 207. Электронный ресурс: window.edu.ru/resource/413/67413/files/conference (Дата обращения: 24.07. 2014).

6. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.

7. Остренкова М.А. Организация культурно-ориентированной познавательной деятельности

школьников на уроках словесности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2011. – Т. 17. – № 4. – С. 23–27.

8. Педагогические технологии / авт.-сост. Т.П. Сальникова. – М.: ТЦ Сфера, 2005. – 128 с.

9. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропоцентрической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 25–33.

10. Юлдашева Л.В. Методологические и методические аспекты проблемы языка как культурно-исторической среды // Русский язык в школе. – 1990. – № 4. – С. 41–47.

УДК 811.1/8

Гуро-Фролова Юлия Романовна

кандидат психологических наук, доцент,

Волжская государственная академия водного транспорта, г. Нижний Новгород
business_box_2@mail.ru

Соловьева Ольга Борисовна

кандидат педагогических наук, доцент

Волжская государственная академия водного транспорта, г. Нижний Новгород
solov2809@mail.ru

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СТУДЕНТОВ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ

В статье представлены некоторые особенности составления учебно-методического пособия по иностранному языку для студентов нелингвистических высших учебных заведений в условиях перехода на новые образовательные стандарты; отражены основные принципы его построения. При составлении современного учебно-методического пособия по иностранному языку для студентов нелингвистических высших учебных заведений автору следует ориентироваться на ряд подходов к учебно-воспитательному процессу: компетентностный, контекстный, лично-деятельностный, коммуникативный, модульный, грамматико-переводной.

Современное учебно-методическое пособие по иностранному языку для студентов нелингвистических высших учебных заведений необходимо составлять в соответствии с современными научными подходами, широко освещаемыми в трудах ученых, причем пособие должно отражать требования образовательных стандартов нового поколения.

Авторы предлагают комплексную модульную схему составления учебно-методического пособия, ориентированную на формирование основных социокультурных и профессиональных компетенций у обучающихся. В качестве примера предложена схема построения пособия по английскому языку для студентов 1–2 курсов экономических специальностей направления «бакалавриат». Эта схема, по мнению авторов статьи, может быть с успехом адаптирована и для других специальностей, в целях повышения продуктивности обучения предмету в условиях требований современных стандартов высшей школы.

Ключевые слова: иностранный язык, нелингвистическое высшее учебное заведение, учебное пособие, новые образовательные стандарты, модуль, социокультурные и профессиональные компетенции, подход, принцип, проектная технология, продуктивность обучения.

Обучение в соответствии с федеральным государственным стандартом третьего поколения (ФГОС – 3), на который ориентирована в настоящий момент современная система образования, предполагает разработку и внедрение новых продуктивных стратегий и технологий образовательного процесса, конечной целью которых является компетентный специалист, высококвалифицированный профессионал, способный эффективно решать практико-ориентированные задачи.

В качестве актуального направления, требующего тщательной, грамотно спланированной стратегии, выступает развитие иноязычной коммуникативной компетенции у современного специалиста любой сферы деятельности.

Анализ точек зрения таких исследователей, как И.А. Зимняя, Е.И. Пассов, Н.И. Гез, Г.И. Богин, А.Л. Морозова, Т.А. Костюкова, Н. Хомский и др., на структурно-уровневый аспект профессиональной иноязычной компетентности, в том числе применительно к условиям нелингвистических

высших учебных заведений, показал, что, ориентируясь на современные требования новых стандартов, можно проследить следующее уровневое деление данного понятия на *когнитивный* компонент, с набором *профессионально-лингвистических знаний* (профессиональные цели, задачи / лексико-, грамматико-, фонетическая составляющая); *операционный* компонент, предполагающий *умение обучающегося общаться на языке*; *личностно-профессиональный* компонент с такими психологическими составляющими, как мотивация профессиональной деятельности, редукция психологического барьера в процессе иноязычного общения и т.п..

Современное учебно-методическое пособие по иностранному языку для студентов нелингвистических высших учебных заведений необходимо составлять в соответствии с современными научными подходами, широко освещаемыми в трудах ученых, причем пособие должно отражать требования образовательных стандартов нового поколения.

Анализ трудов современных исследователей, а также собственный профессионально-педагогический и научный опыт позволили нам сформулировать принципы построения учебно-методического пособия по иностранному (английскому) языку применительно к нелингвистическим высшим учебным заведениям в рамках подготовки по направлению «бакалавриат».

Учебно-методическое пособие должно базироваться на основных принципах и подходах, применимых к учебно-воспитательному процессу в высшей школе, подтвердивших на практике свою продуктивность, отражающих основные требования современных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС – 3).

С нашей точки зрения, при составлении современного учебно-методического пособия по иностранному языку для студентов нелингвистических высших учебных заведений автору следует ориентироваться на следующие подходы к учебно-воспитательному процессу:

- *компетентностный подход*, в основе которого осуществляется формирование основных компетенций у обучающихся в рамках каждой конкретной специальности согласно требованиям ФГОС – 3;

- *контекстный подход*, приближающий образовательный процесс и его содержание к будущей профессиональной деятельности студентов, в которой они заинтересованы [2, с. 13];

- *личностно-деятельностный подход* как единство *личностно-ориентированного* и *деятельностного*, предполагающий централизацию учебно-воспитательного процесса на личности студента, его индивидуальных потребностях, интересах, целях; создание условий для развития

неповторимой индивидуальности обучающегося; субъект-субъектный характер взаимоотношений преподаватель-студент; осуществление учения через обучение мысли, действию, через преодоление трудностей. К основным технологиям данного направления относятся, в том числе, высокопродуктивные проектные технологии и презентации, отражающие следующие ключевые принципы: 1) *принцип коммуникативности*, предполагающий активное включение обучающихся в учебно-познавательный процесс с наличием мотивированного, целенаправленного характера их речевой деятельности, а также определенных взаимоотношений между самими участниками проекта; 2) *принцип проблемности*, в рамках которого проект или презентация выступают как решение определенной коммуникативно-познавательной задачи с возможной интеграцией знаний из других областей; 3) *принцип ситуативной обусловленности*, где участие в деятельности предстает как имитация реальной жизненной ситуации; 4) *принцип автономности*, допускающий высокую степень самостоятельности обучающихся в процессе изучения предмета при выборе целей и задач речевой деятельности, при отборе необходимого материала и планировании содержания речевой деятельности [11]. Как показал практический опыт, включение в современное учебное пособие по иностранному языку для студентов нелингвистических высших учебных заведений заданий, в основе которых проектные технологии, заданий, предполагающих подготовку презентаций, а также прочих задач, связанных с активным использованием интерактивных средств обучения, помимо соответствия современным стандартам обучения, несет в себе огромный мотивационный потенциал для студентов, повышая продуктивность обучения предмету [4];

- *коммуникативный подход*, в основе которого лежит основная цель обучения иностранному языку – общение, коммуникация, посредством которой осуществляется обучение [14];

- *модульный подход*, предполагающий построение учебного пособия на основе системы модулей – блоков, а также подмодулей, объединенных посредством единого тематико-, лексико-грамматического материала;

- *грамматико-переводной подход*, в основе которого положения об умении будущего специалиста грамотно переводить аутентичный языковой материал, в т.ч. умение грамотно переводить аутентичный текстовый материал.

К основным принципам с нашей точки зрения относятся:

- *принцип активации автономии обучающихся*, вытекающий из требований современных стандартов, отводящих значительное количество часов на самостоятельную работу студентов;

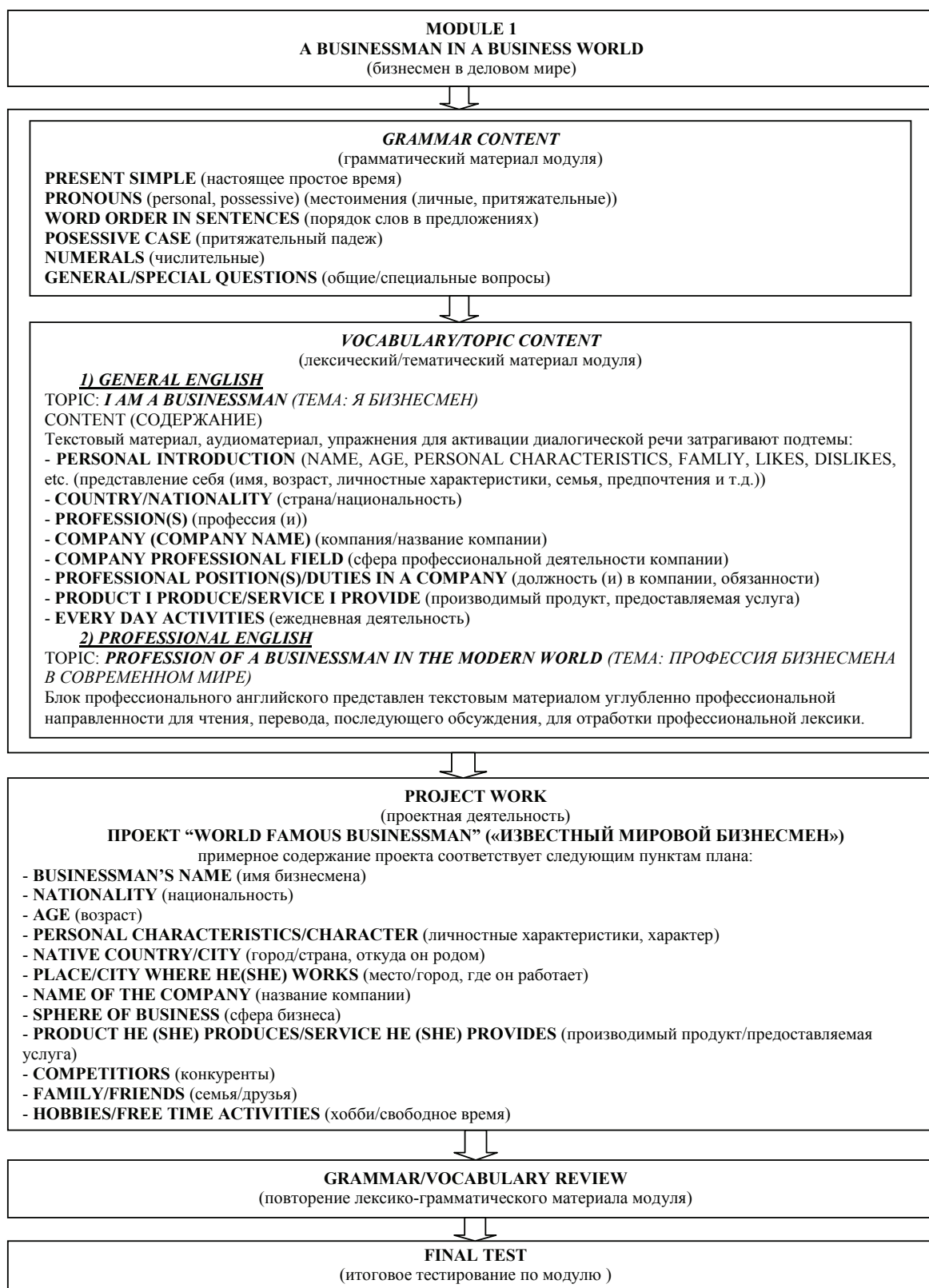

Рис. 1. Схема учебного пособия по иностранному языку

– *принцип последовательности*, предполагающий систематически-последовательное нарастание трудностей в процессе освоения лексико-грамматического материала, включенного в пособие;

– *принцип эмоциональной вовлеченности*, в основе которого продуктивное обучение предмету посредством формирования мотивации через специальный отбор материала для учебного пособия, который будет интересен обучающимся, который будет способствовать вовлечению студентов в процесс изучения предмета [5];

– *аутентичности*, в основе которого лежит отбор аутентичного материала для составления учебного пособия по иностранному языку, материала, созданного носителями языка;

– *максимальной визуализации учебного материала*, поскольку визуализация учебного материала при помощи схем, рисунков, презентаций, учебных фильмов и т.п. способствует повышению продуктивности учебного процесса [9, 12];

– *систематического контроля*, который предполагает систематическую проверку, контроль полученных знаний после прохождения каждого модуля учебного пособия, комплексное оценивание усвоения лексико-грамматического материала данного модуля, контроль способности студента вести беседу, представить монологическое высказывание в рамках изученного и т.п.

В качестве примера мы предлагаем схему построения одного из модулей учебно-методического пособия по английскому языку для студентов 1–2 курсов экономических специальностей направления «бакалавриат», представленную на рисунке 1. Ориентируясь на собственный профессиональный опыт, учебно-методическое пособие по иностранному языку для студентов 1–2 курсов нелингвистических высших учебных заведений может содержать в среднем 10–12 модулей, изучаемых в течение двух лет. Предлагаемый модуль состоит из трех подмодулей (подуровней), предполагающих последовательную отработку заявленного в модуле лексико-грамматического материала, причем английский общего уровня (General English) объединен с материалом профессиональной направленности (Professional English), начиная уже с первого урока. Далее следует подмодуль профессионального английского языка (Professional English), представленный адаптированным аутентичным текстовым материалом для чтения, перевода, аудирования, говорения (последние коммуникативные упражнения), в котором, в рамках заявленной в модуле грамматики, продолжается отработка лексического материала профессиональной направленности. Тематика и лексико-грамматическое содержание двух подмодулей организованы по принципу постепенного, последовательного нарастания трудностей во всех изучаемых аспектах.

В третьем подмодуле представлены креативные упражнения, предполагающие подключение творческого потенциала обучаемых, углубление полученных знаний и расширение их профессионального кругозора за счет привлечения дополнительных источников информации (СМИ, интернета, справочной литературы и т.п.). В качестве одного из заданий предлагается разработка проекта, в основе которого лежит познавательная деятельность обучаемых в сфере профессиональных интересов, реализующаяся через детальную разработку определенной проблемы. В процессе подготовки проекта студенты демонстрируют полученные знания, способность самостоятельно добывать и обрабатывать материал, умение применять ИКТ при подготовке задания, а также навыки и умения разговорной речи в процессе представления и коллективного обсуждения результатов творческой работы в аудитории. В предлагаемой схеме, представленной на рисунке 1, основной задачей студента в рамках третьего подмодуля – подготовить проект-презентацию об одном из мировых известных бизнесменов. Лексико-грамматическое содержание проекта соответствует материалу, пройденному в модуле. Проект выполняется с использованием ИКТ, а затем демонстрируется в аудитории с применением мультимедийных средств (проектор, интерактивная доска, видеомagneтофон, и т.п.). После презентации проекта происходит коллективное обсуждение творческой работы студента в аудитории.

В качестве заключительных блоков в схеме модуля выступают подмодуль, сопряженный с повторением изученного материала и подмодуль, предполагающий написание проверочного тестового задания.

Схема составления учебно-методического пособия для студентов 1–2 курсов экономических специальностей направления «бакалавриат», представленная нами в качестве примера, может быть с успехом адаптирована и для других специальностей, в целях повышения продуктивности обучения предмету в условиях требований современных стандартов высшей школы.

Библиографический список

1. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – Ленинград, 1984. – С. 7–9.
2. Вербицкий А.А. Контекстное обучение в компетентностном подходе // Высшее образование в России. – 2006. – № 11. – С. 39–46.
3. Гез Н.И. Формирование коммуникативной компетентности как объект методологического исследования // Иностранные языки в школе. – 1985. – № 2. – С. 18.
4. Гуро-Фролова Ю.Р. Проблема повышения результативности обучения иностранному языку

студентов нелингвистического вуза: проектные технологии // Проблемы использования и инновационного развития внутренних водных путей в бассейнах великих рек: Материалы научн.-метод. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов, специалистов и студентов / Труды 14-го международ. научн.-промышленного форума «Великие реки 2012». – Т. 2. – Н. Новгород: Изд-во ФБОУ ВПО «ВГАВТ», 2012. – С. 332–335.

5. Гуро-Фролова Ю.Р. Психолого-педагогические условия формирования мотивации изучения иностранного языка у студентов нелингвистического вуза: Дис. канд. психол. наук. – Н. Новгород, 2011. – 205 с.

6. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. – М.: Просвещение, 2007. – 159 с.

7. Костюкова Т.А., Морозова А.Л. Развитие иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыковых вузов. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. – 119 с.

8. Костюкова Т.А. Непрерывное педагогическое образование: история, концепции, векторы развития // Образование в Сибири. – 2005. – № 13. – С. 68–72.

9. Неудахина Н.А. О возможностях применения технологии визуализации учебной информации

в вузе // Ползуновский альманах. – 2002. – № 3–4. – С. 115–121.

10. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучению иноязычной культуры общения. – М.: Русский язык, 2007. – 276 с.

11. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. – М.: Академия, 2000. – 272 с.

12. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. – М.: Народное образование, 1998. – 256 с.

13. Соловьева О.Б., Седова Е.А. Применение контекстного подхода в обучении иноязычному профессионально ориентированному общению студентов технического вуза // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Материалы седьмой международ. заочн. научн.-практич. конф. – Саратов-Вольск, 2013. – С. 121–126

14. Соловьева О.Б. Система упражнений по обучению студентов неязыкового вуза профессиональному общению и ее характеристика // Когнитивный подход в обучении иностранным языкам в школе и вузе: проблемы и перспективы: Материалы научн.-практич. семинара. – Н. Новгород, 2012. – С. 515–521

15. Якиманская И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. – М.: Сентябрь, 1996. – 95 с.

Майорова Наталья Сергеевна

кандидат исторических наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

istclass@ksu.edu.ru

Шигарева Анна Николаевна

кандидат исторических наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

istclass@ksu.edu.ru

ПРЕПОДАВАНИЕ ВУЗОВСКОГО КУРСА «ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Курс «История Нового времени» является частью блока дисциплин «Новая и новейшая история», относится к профессиональному циклу и по степени значимости выступает как одна из фундаментальных основ высшей профессиональной подготовки бакалавра по направлению 030600.62 «История». Целью изучения курса «История Нового времени», охватывающего XVI – начало XX вв. и акцентирующего внимание на цивилизации Запада, является формирование у студентов современной концепции исторического развития, выработка навыков формационного и цивилизационного подходов к изучению и преподаванию данного периода всеобщей истории. Изучение «Истории Нового времени» наталкивается на целый ряд специфических особенностей: «инфраструктуры» предмета (учебники, хрестоматии, сборники документов), с одной стороны, и современных студентов, с другой. По мнению авторов работы, преподавание курса «История Нового времени» может базироваться на двух принципах: повествовательном-информативном и проблемно-хронологическом.

Теоретические и практические основы преподавания предмета формировались в обстановке острых научных дискуссий 1990–2000-х гг. В статье предпринята попытка с учетом современных достижений науки и опыта проведения лекционных и практических занятий проанализировать достижения и проблемы преподавания «Истории Нового времени» и определить его дальнейшие перспективы.

Ключевые слова: новая история, высшее образование, методика преподавания.

Курс «История Нового времени» охватывает очень важный отрезок исторического времени – период, в рамках которого «произошел переход от сословно-абсолютистских порядков, господствовавших в континентальной Европе, к иным государственным и общественным системам, предвосхитившим век XX» [3, с. 5]. Процесс этот был сложен и противоречив, а наиболее распространенным средством решения конфликтов-противостояний старого и нового были социальные и политические катаклизмы – войны и революции. Не случайно советская историческая наука отводила особую роль этому времени в выходе на арену политической борьбы класса пролетариата и в формировании предпосылок будущей социалистической революции. Изложение проблематики новой истории – эпохи революций, которым ранее неизменно предписывался буржуазный характер, было подчеркнуто политизированным.

Произошедший в 1990-е годы отход от единой идеологии значительно расширил познавательные и исследовательские возможности исторического образования, в преподавании «Истории Нового времени» позволил непредвзято оценить ключевые события этого периода. Современная российская действительность «возрождающегося» капитализма актуализировала изучение генезиса зарождения, развития и трансформации капитализма в Западной Европе, усилила интерес к процессам становления идеологий консерватизма, демократизма, либерализма, социал-демократии. Появилась возможность сравнить и оценить современные этно-социальные, политические и эконо-

мические процессы с высоты ценностей «классической цивилизации Европы».

Изучение «Истории Нового времени» наталкивается на целый ряд специфических особенностей: «инфраструктуры» предмета (учебники, хрестоматии, сборники документов), с одной стороны, и современных студентов, с другой.

Отказ от давления официальной идеологии в преподавании дисциплин гуманитарного цикла существенно изменил не только методологическую и оценочную составляющую предмета, но и поставил перед специалистами высшей школы множество новых проблем содержательного и методического характера. Разные способы их решения вызвали многочисленные споры российских историков о хронологии и содержании Новой истории. «Революционные маяки» – Английская революция середины XVII века, Парижская коммуна 1871 г. и Октябрьская революция в России 1917 г. – перестали светить достаточно ярко, чтобы служить единственными обозначениями исторических рубежей. Соответственно преподаватели и студенты столкнулись с такой многофакторностью и разнонаправленностью процессов Нового времени, что значительно обогатило и одновременно усложнило учебную деятельность. Результаты дискуссий ученых отразились на страницах вузовских учебников. И новисты, и медиевисты признали правомерность введения в научный оборот дефиниции «раннего нового времени». Именно так озаглавлен второй том нового фундаментального учебника МГУ «История Средних веков» под редакцией С.П. Карпова, хронологически охватывающего период XVI – первой

половины XVII века [5]. Этот же период включен в качестве «Начала» нововременной истории Европы и Америки авторами трехчастного учебника «Новая история стран Европы и Америки» под редакцией А.М. Родригеса [7]. Традиция рассматривать эпоху Реформации и Великих географических открытий исходными моментами истории Нового времени подкреплена также дореволюционным вузовским преподаванием, достижениями зарубежной вузовской методики [6].

Большинство авторов новых учебников отталкиваются от принципа постоянного обновления содержательной и методической части, пытаются сохранить традиции классического университетского образования. Учебники не перегружены историографией, а систематизируют фактический материал, что позволяет преподавателю сосредоточиться на проблемном изложении материала. Однако по-прежнему ощущается острая нехватка вузовских учебников, соответствующих современным методическим и научным требованиям.

Современные студенты отличаются обширными познаниями в сфере технических средств и недостаточной осведомленностью в сфере профессионального знания. Довольно часто знания студентов, обучающихся по направлению подготовки «История» имеют значительные пробелы в истории культуры, исторической географии, всемирной истории (несомненном продукте недостатка часов и аккумулировании школьного курса на истории России). Нередко студенты не владеют терминами, и более того имеют узкий словарный запас, что обусловлено пассивностью в поиске информации и нелюбовью к книжному тексту.

Преподавание курса «История Нового времени» может базироваться на двух принципах: повествовательно-информативном и проблемно-хронологическом. Первый предполагает последовательное изложение исторических фактов, уложенных в некую более или менее логичную схему: «страна – политическое, экономическое, социальное, духовное развитие – результаты». В этом случае акцент делается на Великобритании, Франции, Германии и США, в рамках развития которых выделяются наиболее важные темы. Однако за пределами курса остается история малых европейских и латиноамериканских стран, а целостное восприятие периода подменяется фрагментарным. Реализация первого подхода предполагает воспроизведение огромного фактического материала и наполняет лекции бесконечными датами, событиями, фамилиями, наименованиями. Задача студента, сдающего зачет или экзамен, воспроизвести максимально возможное число подобных фактов.

Проблемно-хронологический принцип сосредотачивает внимание на наиболее сложно усваиваемых, дискуссионных вопросах, предполагает усилия по разрешению проблемных ситуаций,

установлении параллелей и взаимосвязей между странами и особенностями протекания в них тех или иных процессов. Центром такого лекционного курса становится историческая личность, а система взглядов выступает в роли остова лекции. Конечно, трудозатраты преподавателя, направленные на выявление общих тенденций, анализ процессов и их специфических особенностей в отдельных странах, стимулирование интеллектуальных усилий студентов и т.д., значительно возрастают. Но, думается, растет и результативность, а студент превращается из субъекта механически воспроизводящего в субъекта думающего.

Лекции в процессе подготовки бакалавров по направлению «История», при неизбежном сокращении общего числа часов, отнюдь не потеряли своего значения. И если 100 лет назад студенты дома и в тиши библиотек начитывали материала больше, нежели содержала читаемая преподавателем лекция, то теперь они неизбежно обращаются к популярным «вики»-энциклопедиям или ограничиваются материалом учебника, изданном увы давным-давно и мало отражающим достижения современной исторической науки.

Практические занятия, вне зависимости от избранного автором-преподавателем принципа изложения лекционного материала, ориентированы на работу с историческим источником. Историк не имеет возможности собственными глазами наблюдать изучаемое явление, поэтому реконструировать события он может только по источникам. Но и в этом случае отнюдь не всему зафиксированному в тексте источника можно доверять. Поскольку факт-событие и факт-источник могут значительно отличаться, неся на себе отпечаток эмоций и переживаний автора, его социального происхождения и политических взглядов, степени вовлеченности в гущу происходящего и заинтересованности в грядущих изменениях. Задача студентов, направляемых преподавателем, состоит в исторической критике источника, очистке его от напластований автора и последующих напластований, изучавшего источник историка. Работа с разными видами источников позволяет максимально конкретизировать представления о стране, избегая при этом столь опасного осовременивания атмосферы XVII–XIX вв.

Можно констатировать, что образовавшийся вакуум постепенно заполняется качественными учебниками, но, к сожалению, содержание практической части курса (хрестоматии, сборники документов), подогнанное под запросы советской методики и науки, практически не обновляется. В то время как ориентированное на компетенции и европейские стандарты современное российское историческое образование главным образом должно быть направлено на интерактивную работу с источниками различного происхождения и на

формирование способности обучаемых к самостоятельному мышлению и развитию.

Разброс мнений и подходов представляет значительную сложность в формировании исходных требований к когнитивному уровню освоения предмета, а также влияет на усвоение материала студентами. В тоже время при правильной организации учебного процесса подобная «альтернативность» является благодатной почвой для организации «круглых столов», других дискурсивных форм, в которых развивается ряд важных профессиональных качеств историка: умение грамотно строить свою речь, аргументированно излагать свою позицию по вопросу, толерантность к чужому мнению, способность к обобщению.

Неизбежное вторжение информационных и мультимедийных технологий в процесс обучения значительно расширило методические возможности преподавания, в особенности в изучении истории культуры Нового времени. В сфере гуманитарного знания учебник и преподаватель перестали быть единственным источником информации. Но в то же время студент, как правило, не может ориентироваться в качестве потоковой информации. Распространение глобальной «экранной культуры» болезненно сказалось на формировании профессиональной идентичности историка. Преподавателям всех гуманитарных специальностей приходится сталкиваться с простым репродуктивным воспроизведением информации, выносимой на аудиторию монотонным зачитыванием некоего отрывка текста, без указания автора, и взятой к тому же из «случайных», недостоверных источников. Историк, который не читает, – это путь, ведущий к разрушению специальности, поэтому конспектирование монографий, коллоквиумы и собеседование по результатам прочитанного – методики, применявшиеся еще в европейских средневековых университетах, остаются востребованными и сегодня. Посредством устоявшихся и проверенных временем форм работы с печатным текстом может быть преодолено равнодушие студента к свободе владения материалом. Косвенно решению этих проблем способствует и переход от аудиторных к внеаудиторным формам с увеличением доли самостоятельной работы студентов.

В советское время подготовка историка была нацелена на профессиональную реализацию в основном в двух областях: педагогической и научно-исследовательской. Требования компетентностного подхода нацелены на подготовку бакалавров-историков к деятельности в следующих профессиональных сферах: педагогической, научно-исследовательской, культурно-просветительской, экспертно-аналитической, организационно-управленческой. Для достижения решения этой задачи также необходимо вносить изменения в методику преподавания специальных исторических

дисциплин, актуализируя активные формы работы со студентами.

Обоснованным кажется и использование в преподавании истории Нового времени инновационных форм, таких как ролевые игры, дебаты и круглые столы. Все они отличаются зрелищностью, масштабностью и особой театральной образностью, в которой хотя бы отчасти находят отражение происходившие в XVII–XIX вв. процессы. Особенностью исторического времени является пестрота социальных статусов: монархи, президенты, крестьянство, чиновничество, городской плебс, буржуазия, фаворитки, журналисты, пираты, полководцы и т.д. Это эпоха ярчайших персоналий: Мазарини, Людовика XIV, А.М. Вольтера, М. Робеспьера, Ж. Дантона, Наполеона, Т. Джефферсона, А. Линкольна, Т. Рузвельта, Фридриха II, О. фон Бисмарка, Б. Дизраэли, королевы Виктории, Д. Ллойд-Джорджа и др. В это время появляются новые формы публичной общественно-политической активности: избирательный процесс с участием политических партий, парламентаризм, журналистика. И исторические личности и вымышленные персонажи ярких публицистов могут стать основой сценария любой интерактивной формы. При этом вполне уместным представляется сочетание игрового и научно-исследовательского момента. Ведь для того, чтобы воспроизвести персонажей, необходимо одеть их соответственно эпохе, вложить в их уста речевые особенности времени и социального слоя. А выпуск передовой полосы газеты, возможно, виртуальной, неизбежно наталкивает на создание острых полемических статей в духе времени. Все это невозможно без предварительного сбора материала и глубокой научной работы. Такие методики проведения практических занятий не только развлекают студентов, но подогревают их любопытство и активизируют исследовательскую активность.

При разработке сценария ролевой игры или другой активной формы работы важно особенно тщательно подходить к отбору исторических личностей, олицетворяющих тот или иной период. Как правило, достаточно не более двух знаковых персоналий, иначе по точному выражению И.Я. Биска, в восприятии студентов очень быстро произойдет «путаница, и мужество одних деятелей прошлого соединиться с остроумием других, голова одного с туловищем другого» [1, с. 14]. В случае если речь идет о возможной реконструкции типичного или собирательного образа эпохи, как например, в ролевых играх по темам: «Интеллектуал Нового времени», «Женщина Викторианской эпохи», «Парламентские дебаты о самоуправлении Ирландии» и т.д., то допустимо включение несколько большего числа исторических деятелей и вымышленных персонажей.

В целом же заполнение времени практических занятий только лишь интерактивными формами

обучения нецелесообразно. Существует опасность увлечься развлекательной стороной действия и скатиться от анализа содержания процессов и явлений к их поверхностному изображению отдельными, хотя и очень яркими мазками, не образующими единого целого. Традиционные методы – чтение лекций, работа с историческими источниками, анализ статей и монографий – совсем не устарели, но приобретают в современных условиях новое смысловое и содержательное значение.

Библиографический список

1. Биск И.Я. Размышления о преподавании истории. – Тамбов: Центр-пресс, 1999. – 159 с.
2. Бриггс Э., Клэвин П. Европа нового и новейшего времени. С 1789 года и до наших дней. – М.: «Весь Мир», 2006. – 600 с.

3. История Европы. От Французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны. – М.: Наука, 2000. – 667 с.

4. История Нового времени: 1600–1799 годы. Учеб. пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / под ред. А.В. Чудинова, Д.Ю. Бовыкина. – 3-е изд., испр. – М.: Академия, 2010. – 384 с.

5. История средних веков. В 2 т. Т. 2: Раннее новое время / под ред. С.П. Карпова. 6-е изд. – М.: МГУ, 2008. – 432 с.

6. Кенигсбергер Г.Г. Европа раннего Нового времени, 1500–1789 гг. – М.: «Весь мир», 2006. – 600 с.

7. Новая история стран Европы и Америки. В 3 ч.: учеб. для студентов вузов / под ред. А.М. Родригеса, М.В. Пономарева. – М.: ВЛАДОС, 2010.

УДК 371.4

Лагутина Ольга Рудольфовна

доктор педагогических наук, профессор
Мурманский государственный гуманитарный университет
kafizo@mspu.edu.ru

ПЕРЕДАЧА ОБЪЕМА ПРЕДМЕТОВ В СЮЖЕТНОМ РИСОВАНИИ

В статье рассказывается об основных средствах передачи объема изображаемых объектов в сюжетном рисовании. Рассматриваются и сопоставляются понятия композиция, тема, сюжет, фабула. Автор статьи считает, что, раскрывая соответствующий контекст произведения искусства, реципиент выходит на уровень психологии личности, воплощая в произведении определенное социально-историческое мировоззрение.

Автор ставит задачу сформировать у детей обобщенные представления, которые выступали бы как определенная система знаний о средствах передачи объема объектов. В решении этой задачи заложен успех подготовки к технике изображения объемных объектов в сюжетном рисунке. Экспериментальное исследование было направлено на изучение генезиса сюжетных рисунков. Художественная деятельность на уроках сюжетного рисования развивается, прежде всего, воображение – способность воспринимать, мыслить и чувствовать образами. Как известно, зрительное восприятие в онтогенезе проходит путь от внешних, ручных, предметных к перцептивно-моторным действиям, соответствующим воображению ребенка. В процессе обучения передаче объема предметов формируются способы перцепции: восприятие и анализ элементов объемного предмета как неделимого трехмерного объекта. Каждому из перечисленных способов соответствуют определенные действия обобщения и замещения при организации комбинированной деятельности ученика – основы его воображения.

Ключевые слова: сюжетное рисование, сюжетные элементы, младшие школьники, процесс формирования представлений, композиция, тема, сюжет.

Одна из основных задач в сюжетном рисовании заключается в обучении средствам передачи объема изображаемых объектов в различных жанрах (натюрморт, портрет, пейзаж, анималистический жанр), а также в развитии у школьников младшего и среднего возраста чувства стиля при анализе произведений изобразительного искусства.

Композиция организует изображение в сюжетных рисунках и на всех этапах работы: от определения формата до завершающего мазка. Педагог дает понимание выразительно-смысловой структуры произведений для того, чтобы дети могли понять традиционные жанры, так как они часто вводят новые сюжетные мотивы. Поэтому правомерно рассматривать проблему стиля в обучении передаче объема. При этом вполне очевидно, что единству стиля отвечает единство композицион-

ных форм. В историческом развитии та или иная ступень стиля отмечена определенным характером употребления композиционных форм, совокупностью элементов.

Приходится признать, что, раскрывая соответствующий контекст произведения искусства, мы выходим на уровень психологии личности, воплощающей в произведении определенное социально-историческое мировоззрение. Так мы приближаемся к одушевлению безгласной вещи. Поэтому уместно обратиться к тенденции последнего времени – «комплексному» изучению художественного творчества. Но при самоочевидной полезности комплексного изучения искусства существует опасность еще большего распада аспектов того, что замыслил исследователь как целое.

Прежде чем рассмотреть методы и приемы обучения передаче объема в сюжетном рисовании,

применяемые нами, рассмотрим понятия «сюжет» и «тема». Такая расстановка совершенно необходима, так как одним из многих взаимосвязанных средств изобразительного искусства является сюжет. Это особенно важно подчеркнуть, потому что часть зрителей видит в нем единственный источник содержания. Специфика его в том, что он уподобляет произведения искусства действительности. Но здесь следует различать понятия темы и сюжета.

Тема – это круг жизненных явлений, затронутых в произведении. Тема складывается в результате сложного внутреннего отбора из множества одновременных факторов. Сюжет – производная от темы. Одна и та же тема может быть выражена в различных сюжетах. Художник находит тот, с помощью которого можно наиболее точно передать волнующую идею. В изобразительном искусстве термин «сюжет» употребляется в двух значениях – широком и узком. В широком смысле – это предмет художественного изображения: сюжет портрета, пейзажа, натюрморта. В более узком смысле под сюжетом (фабулой) подразумевается изображение события, действия, поступков и взаимоотношений людей, вытекающих из определенной жизненной ситуации. Сюжет произведения исключительно важен, но сам по себе он не гарантирует успеха. Можно развернутый сюжет свести к анекдоту, а простейший наполнить значительным содержанием.

В образовании темы главную роль играет принцип духовного единства явления. Образное значение всех сюжетных элементов предполагает большое человеческое чувство. В изобразительном искусстве сложились «вечные темы», к которым обращаются художники на протяжении многих веков: любовь, самопожертвование, борьба добра и зла, материнство и др.

Сюжет служит одним из основных средств раскрытия темы, выражая непреходящее в настоящем, общее в конкретном. Через сюжет изображаются события, поступки, состояние, характеры и обстоятельства, раскрывающиеся в действии. Сюжет связан с темой. Одна и та же тема может быть решена в различных сюжетах. И тема и сюжет легко переводимы на язык слов.

Восприятие сюжета – это движение от сюжета к теме, от внешнего к внутреннему, от очевидного к угадываемому. Изображение предмета на этом пути является знаком, по которому мы читаем значение. За многовековую историю в изобразительном искусстве выработалось немало приемов иносказания (большинство из них заимствовано из литературных источников). Большое место среди них занимает символизация, позволяющая в существе наглядного единичного явления предмета передавать глубину идейно-художественного смысла общечеловеческих деяний, мыслей и чувств.

Сюжетная живопись (бытовая, историческая, мифологическая) является одним из наиболее важных и распространенных видов станковой живописи. Картины этих жанров рассказывают о жизни людей, их радостях и печалях, помогают осмыслить дела минувших времен. Художники сюжетной живописи большей частью черпают свои темы из окружающей жизни. Такая живопись называется бытовой и жанровой.

Развитие сюжета средствами изобразительного искусства требовало от учащихся знания композиционных основ. В результате складывался замысел у школьников и конкретное представление о конструкции картины у отдельных детей-подростков. В замысле заложены новизна и потенциальные возможности дальнейшей разработки.

Сюжетное рисование по заданной теме заключается в том, что учащемуся указывается лишь общая тема, например, «спорт» и т.п. Согласно этой форме рисования, учащимся не дают образца, они воплощают свой замысел самостоятельно. Одно из главных условий успешного осуществления сюжетного рисования – формирование у школьников представлений, соответствующих теме.

В нашем исследовании мы поставили задачу сформировать у детей обобщенные представления, которые выступали бы как определенная система знаний о средствах передачи объема объектов. В решении такой задачи заложен успех подготовки к технике изображения объемных объектов в сюжетном рисунке. Развитие технических умений в передаче трехмерности предметов, конечно, не преследует цель достижения такого уровня, когда дети самостоятельно осваивают законы «перспективы» и «светотени». Однако уже учащихся 1–5 классов можно подготовить к технике объемного изображения предметов, можно сформировать обобщенные умения самостоятельно рассматривать, анализировать сложную объемную форму объектов, что в результате формирует у них достаточно полные и правильные представления об объемных формах.

Общая ориентация учеников в познании предметов, их изменении и развитии требует рассмотрения вопросов формирования особых представлений, отражающих последовательность изменений, преобразований объектов, которые недоступны непосредственно восприятию.

Если идет работа над какой-либо определенной темой, для ее изучения следует брать предметы ей соответствующие. В натурном рисовании изучаются основные принципы построения головы и ее детали. Для создания композиции небесполезно запоминание обуви, головных уборов, костюмов и т.п.

Постепенно, присматриваясь ко всему, можно перейти к передаче виденных сцен. Удачнее воплотится поставленная цель, если ее разбить на несколько конкретных задач. Полезно развивать во-

ображение, обогащать общую культуру, подчинять наблюдения своим замыслам.

Выразительность композиции зависит от рисунка, который легко поспевает за течением мысли при воспроизведении замысла. Творческий процесс не тормозит способность быстро реагировать на родившийся в воображении образ. Чувство импровизации неотделимо от знания материала, представления и фантазии.

В основе творческого процесса создания произведения лежит возникновение пластического мотива, способность художника мыслить зримыми образами. Воображение еще до непосредственного начала работы формирует основные взаимоотношения всех масс, созвучия, ритмические отклики форм, представления различных пространственных положений объемных объектов изображений.

В целом роль рисунка определяется как средство познания мира. Тесные связи рисунка с композиционной практикой характеризуют два этапа: первый – фиксация мысли (эскиз) и второй – рисунок как воплощение мысли. Важно, чтобы композиционное видение пронизывало все аспекты учебной работы.

Наше экспериментальное исследование было направлено на изучение генезиса сюжетных рисунков. При этом мы исходили из следующих теоретических положений. Художественная деятельность на уроках сюжетного рисования развивает, прежде всего, воображение – способность воспринимать, мыслить и чувствовать образами. Как известно, зрительное восприятие в онтогенезе проходит путь от внешних, ручных, предметных к перцептивно-моторным действиям, соответствующим воображению ребенка. В процессе обучения передаче объема предметов формируются способы перцепции: восприятие и анализ элементов объемного предмета как неделимого трехмерного объекта. Каждому из перечисленных способов соответствуют определенные действия обобщения и замещения при организации комбинирующей деятельности ученика – основы его воображения.

«Единицей» действий в объемном сюжетном рисунке учащихся 1–5 классов является каждое отдельное изображение объемного объекта (с набором средств передачи объема). В соответствии с этими положениями разработаны методики эксперимента в сюжетном рисовании.

Здесь необходимо обратить внимание на зависимость набросков от композиционного замысла, его целевое назначение, обогащающее задуманный образ. На важность набросков в сборе материалов для композиции указывали многие исследователи и художники: И.Е. Репин, В.И. Суриков, Е.В. Шорохов, Е.А. Кибрик и т.д.

Выполнение набросков с натуры было взаимосвязано с темами сюжетных рисунков. Мы учли опасения О.А. Авсиян по поводу бесплодности на-

бросков без взаимосвязи с композицией: «...Мало перспективны наброски, цель которых набивание руки, упражнения ради упражнения, не связанные с постановкой художественной задачи. В этой связи можно указать на встречающееся противоречие, подтверждающее бесплодность такого рода упражнений, в которых важное само по себе занятие наброском не только не находит положительного разрешения в композиционной работе, но, как ни странно, является тормозом, сковывающим воображение... Наивно также полагать, что удачный натурный набросок можно механически перенести в композицию» [2, с. 78, 80]. В работе с детьми по сюжетному рисованию мы учли высказывание Дж. Рейнольдса, который в какой-то мере предвосхитил современные исследования о взаимосвязи в обучении ребят натурному, по памяти и сюжетному рисованию. Он писал: «Тщетно художник или поэт будет стараться изобразить, если у него не будет материала, над которым может работать его мысль и из которого должен исходить замысел. Ничто не может родиться из ничего...» [3, с. 148].

Мы использовали методы обучения передачи объема в композиции, которые в русской академической школе получили свое особое направление. Еще в начале XIX века президент Академии художеств А.Н. Оленин поставил процесс обучения, основанный на взаимосвязи теории и практики. Он разработал проспекты учебников, привлёк замечательных художников-педагогов для создания пособий. В комплекс системы художественного образования он внес элементы, которые соединены между собой не случайным образом, а необходимыми связями и отношениями. Будучи эволюционистом, А.Н. Оленин сделал акцент на повышении качества творческо-композиционной работы, для чего организовал класс манекенов. Такой «костюмированный прием» был применен нами и вызвал большой интерес детей.

Еще более оригинален метод обучения передаче светотени в композиции с использованием макетов. Его большое практическое значение подчеркивает Г.К. Савицкий: «Это очень полезная вещь. Такой макет облегчает и ускоряет поиски нужной вам композиции. Благодаря объемности скульптуры вы свою композицию рельефнее увидите... очень удобная форма работы: не понравилось что-либо – сразу, тут же этот материал изменяешь. Иногда спрашивают: “Может быть, стоит одевать эти фигуры из пластилина в соответствующие платья?” Я думаю, не стоит...» [4]. Об этом же свидетельствует Б.Г. Иогансон: «Поворачивая макет, переставляя фигуры, вы найдете точку, наиболее выгодную и по освещению и по расположению фигур. Дальше: советую нарисовать на бумаге все это, выразить все темными пятнами так, чтобы это читалось наиболее четко. Затем вашей заботой будет цвет» [3, с. 171].

Еще Жан-Огюст-Доминик Энгр советовал: «Имейте небольшую комнатку, как у Пуссена, необходимую для получения эффектов. (Для того чтобы писать многофигурные композиции, Пуссен предварительно изготовлял маленькую модель комнаты наподобие театральной сцены, где расставлял специально им сделанные, задрапированные мокрой тканью глиняные фигуры, освещая их через специальные отверстия. Пользуясь этим методом, он разрешал задачу расположения персонажей своих произведений и эффекты освещения)». И далее, по поводу светотени, Ж. Энгр пишет: «Свет подобен воде, так или иначе, он пробивает себе место и сразу достигает своего уровня. В картине свет должен падать и сосредотачиваться на одной какой-нибудь части сильнее, чем на остальных, так, чтобы останавливать и приковывать к ней взгляд. То же и для фигуры; и уже отсюда пойдут градации светотени» [3, с. 63–66].

Работая над сюжетным рисунком, мы советовали учащимся прислушаться к тому, что еще Л. Альберти и Дж. Рейнольдс говорили о впечатлении от количества изображаемых объектов: «Композиция, в которой все предметы рассыпаны и разделены на много равных частей, путает и утомляет наш глаз... С другой стороны... большое произведение, состоящее всего из одной группы или пятна света, было бы также недостаточно» [3, с. 149]. Дж. Рейнольдс, изучая средства передачи объема объектов изображения, говорил: «Изображенные фигуры должны иметь почву, на которой они могут стоять, их надо одеть, должен быть задний фон, должны быть налицо свет и тень, но не должно быть заметно, что это сколько-нибудь занимало внимание художника. Больше того, все должно быть расположено так, чтобы не отвлекать внимание зрителя. Великая цель искусства – потрясать воображение. Поэтому художник не должен подчеркивать тех средств, которыми он это достигает» [3, с. 147]. Дж. Рейнольдс считает, что успех этого труда «может быть достигнут двумя противоположными путями. Один – сводить цвет почти до одной светотени <...>, другой – давать краски очень ясно, определенно и интенсивно <...>, но в обоих слу-

чаях основным принципом остается простота» [3, с. 147].

Чаще всего мы применяли в практике обучения средствами передачи в сюжетном рисовании труд Э. Фальконе [3] «Размышления о скульптуре, читанные в Королевской Академии живописи и скульптуры 7 июня 1760 г.» Э. Фальконе мог сравнивать живописные и скульптурные средства передачи объема. В его трудах содержится анализ светотени как средства выразительности в композиции: «Главные действующие лица должны занимать самое привлекательное место сцены и быть размещены таким образом, чтобы их освещала достаточная масса света, притягивающего и приковывающего к ним взор, который покоится на них, как и на картине, предпочитая их всякому иному месту композиции. Это центральное освещение не прерывается никакими мелкими деталями узких резких полос теней, которые нам казались бы лишь пятнами и уничтожали гармонию. Небольшие струи света в густых массах тени равным образом уничтожили бы эту гармонию.

Никаких ракурсов в передних планах, особенно если края этих ракурсов выдаются вперед, – они вызывали бы лишь впечатление нестерпимой скудности!... Ни фигуры второго плана, ни части их не должны быть столь выпуклы, ни в столь четкой мере, как фигуры первого, то же относится и к другим планам, сообразно их удаленности... В природе по мере отдаления от нас предметов формы их становятся для нас менее ясными» [3, с. 145–146].

Библиографический список

1. Авсиян О.Н. Натура и рисование по представлению: учеб. пособие для сред. худож. учеб. заведений. – М.: Изобразительное искусство, 1985. – 152 с.
2. Поддьяков Н.Н. Мышление дошкольника. – М.: Педагогика, 1977. – 271 с.
3. Рисунок. Живопись. Композиция: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов худож.-граф. фак. пединститутов / сост. Н.Н. Ростовцев и др. – М.: Просвещение, 1989. – 207 с.
4. Советы мастеров: Живопись и графика. – Л.: Художник РСФСР, 1973. – 374 с.

КОМПЛЕКС КОММУНИКАТИВНЫХ УПРАЖНЕНИЙ К АУТЕНТИЧНОЙ ПЕСНЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ДЕВУШЕК И ЮНОШЕЙ – СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В данной статье аутентичная песня анализируется как один из наиболее интересных видов работы на занятиях по иностранному языку в неязыковом (техническом) вузе. Рассматривается ряд методических преимуществ аутентичной песни по сравнению с другими видами работы. Важной задачей в процессе работы с аутентичной песней является стимулирование интереса студентов к предмету «иностранному языку». Традиционные методы обучения иностранному языку, в частности грамматико-переводный метод, нацелены на формирование лексических, грамматических навыков, а также навыков устной речи и чтения на основе аутентичных специализированных текстов и, зачастую, способствуют снижению интереса студентов к изучению иностранного языка. Аутентичная песня предлагается студентам неязыкового (технического) направления в качестве дополнительного, увлекательного материала на занятиях по иностранному языку. Нами был разработан комплекс коммуникативных упражнений, направленных не только на развитие и дальнейшее совершенствование различных видов речевой деятельности, но и на стимулирование интересов студентов к изучаемой дисциплине. Аутентичная песня отражает специфику страны изучаемого языка, в частности, особенности быта, образ жизни, характеры людей. В данной связи студенты имеют возможность приобщиться к культуре страны изучаемого языка, почувствовать себя ее частью, что в конечном итоге способствует развитию у них социокультурной компетенции. Нами также была учтена гендерная специфика студенческих интересов, чтобы девушки и юноши имели равные шансы раскрыться и хорошо проявить себя на занятиях по иностранному языку.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, социокультурная компетенция, аутентичная песня, специфика интересов девушек и юношей, коммуникативные упражнения

Согласно современным исследованиям в области педагогики, а также методики обучения иностранным языкам, ситуация относительно обучения иностранным языкам в неязыковых (в частности технических) вузах достаточно противоречива.

С одной стороны, студенты указанных вузов проявляют интерес к иностранному языку. Это, прежде всего, связано с социальным заказом общества, которому необходимы специалисты, свободно владеющие иностранным языком.

С другой стороны, в ряде случаев в процессе обучения иностранному языку в неязыковом (техническом) вузе происходит снижение интереса к данной дисциплине. Существует ряд факторов, объясняющих данное явление. Одним из них является обучение с помощью грамматико-переводного метода, ориентированного исключительно на формирование лексических и грамматических навыков, а также на чтение и перевод профориентированных монологических текстов [3; 7; 8]. Целью обучения иностранным языкам является не накопление определенного количества грамматических правил и лексики, а формирование коммуникативной компетенции, достаточной для общения как на бытовом уровне, так и в сфере профессиональных интересов [3; 8; 9].

Проблемой обучения иностранному языку в техническом вузе занималась Е.К. Юсеф. Автор отмечает, что в неязыковых вузах иностранный язык воспринимается как рядовой учебный предмет, а не как одно из условий развития личности,

соответственно, отсутствует единая сформулированная цель обучения иностранному языку и различные программы в зависимости от уровня функциональной грамотности (владение всеми видами речевой деятельности, уровень сформированности лингвистической и коммуникативной компетенции) и личностных интересов студента. Иначе говоря, автор указывает на противоречие между профессиональной целью образования студента (техническая направленность) и гуманитарными целями развития языковой личности, между спецификой лингвистического образования и дидактическими моделями высшего технического образования, между отношением к студенту как к объекту воспитания и образования и отношением студента к себе как к субъекту жизни. Выход из данной противоречивой ситуации автор видит в реализации личностно-ориентированного подхода при обучении студентов технического вуза иностранному языку [9].

Л.В. Гарибова полагает, что очень важным аспектом формирования позитивного отношения к предмету «Иностранный язык» в неязыковом вузе является культурологический подход. Автор отмечает некую взаимосвязь категорий «культура» и «деятельность», культура предопределяет деятельность, освоение личностью культуры способствует освоению ею способов практической деятельности, таким образом, освоение иноязычной культуры обуславливает практическую деятельность студентов по иностранному языку, что в конечном итоге способствует повышению и развитию у них интереса

к иностранному языку. Наряду с этим автор отмечает, что у студентов неязыковых специальностей должна быть сформирована страноведческая компетенция, зависящая от тематики и эмоциональной заинтересованности студентов [2].

По мнению Е.В. Компанцевой, социокультурная компетенция является важной составляющей коммуникативной компетенции и включает в себя следующие компоненты:

- лингвострановедческий компонент (лексические единицы с национально-культурной семантикой и умение их применять в ситуациях межкультурного общения);
- социолингвистический компонент (языковые особенности социальных слоев, представителей разных поколений, полов, общественных групп);
- социально-психологический компонент (владение социо- и культурно обусловленными сценариями, национально-специфическими моделями поведения с использованием коммуникативной техники, принятой в данной культуре);
- культурологический компонент (социокультурный, историко-культурный, этнокультурный фон) [5].

Для формирования у студентов технического вуза социокультурной компетенции в процессе обучения иностранному языку помимо личностно-ориентированного подхода [9] необходимо учитывать и специфику интересов девушек и юношей.

В исследованиях О.А. Жбиковской, Н.А. Смирновой отмечается, что целью внедрения и реализации гендерного подхода, в частности на занятиях по иностранному языку, является отказ от архаичной дихотомии «слабая зависимая женщина» – «сильный решительный мужчина» и переход к разностороннему анализу социополовых ролей. Авторы считают необходимым применение современных технологий преподавания с использованием интерактивных методов (тренинги, деловые игры, дискуссии, мини-исследования) с учетом гендерных особенностей студентов [4; 6].

По нашему мнению, одним из важнейших средств, существенно повышающих интерес студентов, в частности технического вуза, к обучению иностранному языку, а также способствующих эффективности обучения иностранному языку в целом, является аутентичная песня. Е.А. Волосникова сформулировала ряд методических преимуществ использования песен на занятиях по иностранному языку:

- песни как один из видов речевого общения являются средством более прочного усвоения и расширения лексического запаса, так как включают новые слова и выражения. В песнях уже знакомая лексика встречается в новом контекстуальном окружении, что помогает ее активизации. В песнях часто встречаются имена собственные, географические названия, реалии страны изучаемого языка,

поэтические слова. Это способствует развитию у обучающихся чувства языка, знания его стилистических особенностей;

- в песнях лучше усваиваются и активизируются грамматические конструкции. В некоторых странах издаются песни для обучения наиболее распространенным конструкциям (аутентичные тексты песен). Они написаны в современном ритме, сопровождаются текстом с пояснительными комментариями, а также заданиями (цель которых – проверка понимания и обсуждение содержания);

- песни содействуют эстетическому воспитанию обучающихся, сплочению коллектива, более полному раскрытию творческих способностей каждого. Благодаря музыке на занятии создается благоприятный психологический климат, снижается психологическая нагрузка, активизируется языковая деятельность, повышается эмоциональный тонус, поддерживается интерес к изучению иностранного языка;

- песни стимулируют монологические и диалогические высказывания, служат основой развития речемыслительной деятельности обучающихся, способствуют развитию как подготовленной, так и неподготовленной речи [1].

С целью формирования у девушек и юношей – студентов технического вуза (Волжской государственной академии водного транспорта) – социокультурной компетенции на одном из занятий был предложен ряд коммуникативных упражнений, направленных на работу с песней. Была использована песня Sting «Англичанин в Нью-Йорке» (Sting “An Englishman in New York”).

Разрабатывая коммуникативные упражнения к данной аутентичной песне, мы решали важную задачу формирования позитивного отношения к культуре стран изучаемого языка и ее представителям.

Работа с аутентичной песней подразделялась на несколько этапов:

1. Студенты прослушали песню два раза, после чего вставили недостающие слова и выражения. Данное упражнение было направлено на дальнейшее совершенствование навыков аудирования.
2. Студенты объединялись в команды, проанализировали песню и нашли различия между странами изучаемого языка – Великобританией и США. Данное коммуникативное упражнение было ориентировано на формирование у девушек и юношей навыков сравнительного анализа стран изучаемого языка с целью приобщения их к иноязычной культуре.
3. Девушкам и юношам были предложены вопросы для «круглого стола». Девушки и юноши по очереди высказывали собственное мнение:

1) Does modesty and propriety lead to notoriety?

Приводит ли скромность и соблюдение хороших манер к дурной славе?

2) Are gentleness and sobriety rare in our society?

Редки ли в нашем обществе доброта и рассудительность?

3) Should people suffer ignorance and smile?

Стоит ли людям терпеть окружающее их невежество и при этом улыбаться?

4) Should a person confront enemies or avoid them when he/she can?

Следует ли человеку противостоять врагам или избегать их по возможности?

5) Is it necessary to be yourself in every situation?

Необходимо ли быть собой в любой ситуации?

6) What makes a man: "combat gear" and license for a gun or manners?

Что формирует настоящего мужчину: ношение камуфляжа и лицензия на оружие или хорошие манеры?

7) How do you understand the words: "a gentleman will walk but never run"?

Как Вы понимаете слова из песни «джентльмен всегда прогуливается и никогда не бежит»?

В завершении «круглого стола» юношам был предложен вопрос: What, do you think, makes a real man? (Что, по Вашему мнению, формирует настоящего мужчину?). Девушкам, в свою очередь, был предложен вопрос: What kind of a boyfriend would you prefer: wearing combat gear and carrying the gun or a well-mannered gentleman? (Какого друга Вы бы предпочли: носящего камуфляж и имеющего лицензию на оружие или хорошо воспитанного джентльмена?).

Одной из важнейших целей данных коммуникативных упражнений является формирование у девушек и юношей умений анализировать гендерные модели поведения (каковым должен быть настоящий мужчина), что способствует становлению и развитию у девушек и юношей социокультурной компетенции. Наряду с этим, нами решался ряд важных методических задач: формирование чувства языка посредством анализа и понимания девушками и юношами содержащихся в песне устойчивых выражений; активизация речемыслительной деятельности, что способствует развитию как подготовленной, так и неподготовленной речи; совершенствование и дальнейшее развитие навыков говорения.

4. В завершении работы над аутентичной песней в качестве домашнего задания студентам было предложено написать сочинение на тему "A Russian young man (a Russian girl) in New York" («Русский молодой человек (русская девушка) в Нью Йорке»). В сочинении они должны описать, как бы они себя почувствовали, оказавшись в Нью-Йорке, легко, или как чужие, объяснить свое состояние. Девушки и юноши должны были использовать активную лексику, содержащуюся в предыдущих упражнениях.

Важной задачей данного коммуникативного упражнения в процессе развития у девушек

и юношей социокультурной компетенции является формирование умений анализировать собственные эмоции, как позитивные, так и негативные, становясь при этом частью иноязычной культуры. Среди методических задач важно отметить совершенствование навыков письменной речи. Подавляющее большинство студентов высказали позитивное отношение к данному виду работы.

В результате работы с аутентичной песней и апробации разработанных коммуникативных упражнений мы пришли к выводу о том, что использование песенного материала на занятиях по иностранному языку способствует обучению основным видам речевой деятельности и позволяет использовать нешаблонные, творческие типы упражнений. При этом происходит достижение коммуникативной цели обучения [1].

Наряду с этим необходимо подчеркнуть важность представленных коммуникативных упражнений для формирования у девушек и юношей социокультурной компетенции. Содержание аутентичной песни, равно как и содержание коммуникативных упражнений, не только знакомит студентов с культурой Великобритании и США, но и путем сравнения оттеняет особенности этой культуры, знакомит с общечеловеческими ценностями и гендерными установками стран изучаемого языка, способствуют воспитанию студентов в контексте «диалога культур». Язык в данной связи рассматривается как неотъемлемая часть культуры стран изучаемого языка и способ ее выражения [7].

Библиографический список

1. Волосникова Е.А. Изучение иностранной песни как один из стимулирующих факторов при обучении иностранному языку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nsportal.ru/inostrannyye-yazyki/angliiskii-yazyk/library (дата обращения: 11.02.2014)
2. Гарибова Л.В. Реализация культурологического подхода в преподавании иностранного языка в вузе // Сб. научн. трудов Сев. Кав. ГТУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2007. – №5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ncstu.ru> (дата обращения: 27.02.2014).
3. Емельянова Н.А. Формирование оптимальной мотивации овладения иностранным языком студентами неязыкового ВУЗа: дис ... канд. психол. наук. – Нижний Новгород, 1997. – 229 с.
4. Жбиковская О.А. Гендерный подход при обучении иностранному языку // Социально-культурные проблемы развития промышленности, транспорта и услуг: история и современность: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участ. Омский гос. университет путей сообщения. – Омск, 2006. – С. 74–78.
5. Компанцева Е.В. Содержательно-методологический аспект социокультурной компетенции

в профессиональной подготовке студентов лингвистических специальностей: дис. ... канд. пед. наук. – Ставрополь, 2006. – 191 с.

6. *Смирнова Н.А.* Реализация гендерного подхода на уроках иностранного языка с использованием интерактивных методов обучения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.t21.rgups.ru/Arhiv2007s1> (дата обращения: 08.02.2014).

7. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo. – 2000. – 624 с.

8. *Шубин С.В.* Мотивация овладения иностранным языком в условиях билингвального обучения в ВУЗе: дис. ... канд. пед. наук. – Великий Новгород, 2000. – 148 с.

9. *Юсеф Е.К.* Личностные ориентации обучения как условие развития компетентности студентов технического университета (на материале иностранного языка): автореф. ... дис. канд. пед. наук. – Ростов-на-Дону, 2001. – 19 с.

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ СЧАСТЬЯ У ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Целью данного исследования является выявление взаимосвязи уровня психологического благополучия личности и личностной положительной оценки счастья. Согласно нашей гипотезе, психологическое благополучие имеет взаимосвязь с субъективной оценкой счастья. Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что чем выше уровень психологического благополучия, тем счастливее человек воспринимает себя и свое окружение. Методической базой для проведенного исследования послужили методики: «Шкала психологического благополучия» К. Рифф и «Шкала счастья» Фордуса. Методика К. Рифф является теоретически обоснованным инструментом, предназначенным для измерения выраженности базисных компонентов психологического благополучия, а также его актуального психологического благополучия. Мы предлагаем рассмотреть взаимосвязь благополучия и счастья, несмотря на то, что понятие «благополучие» имеет синонимичное значение с понятием «счастье».

Полученные результаты дают возможность делать прогноз, касающийся успешного или неуспешного функционирования человека в обществе, выраженного в переживании положительных эмоций; использовать в практическом консультировании человека, обратившемся за психологической помощью; использовать при чтении курса «Психология личности». Психологическое благополучие является достаточно сложным переживанием личностью своей жизни, которое затрагивает актуальные аспекты жизни человека, имеет четкую взаимосвязь с эмоциональным переживанием человеком счастья.

Ключевые слова: гуманистическая психология, психологическое благополучие, личность, счастье, самопринятие, позитивное отношение.

Актуальность проблемы исследования психологического благополучия является одной из важнейших в психологической науке, поскольку вопрос формирования психологически здоровой личности в современном обществе является достаточно важным и насущным в настоящее время.

Под психологическим благополучием личности подразумевается позитивное отношение к своей жизни и себе; сочетание важных ресурсов личности, которые обеспечивают как субъективную, так и объективную успешность личности в социальной среде; личностная направленность на достижение результата и ее позитивное функционирование, выраженного в переживании положительных эмоций и счастья, а также, удовлетворенности собственной жизнью [4, с. 103].

Как зарубежные, так и отечественные психологи выделяют два основных направления в понимании психологического благополучия – гедонистическое (от греч. *hedone*, в переводе «наслаждение») и эвдемонистическое (от греч. *Eudaimonia*, что значит «счастье, благодать»). Ранние исследования американских психологов Нормана Брэдбурна, а затем Эда Динера заложили теоретическую базу феномена психологического благополучия в 1980-е годы. Согласно гедонистическому подходу психологическое благополучие может определяться посредством достижения удовольствия и избегания неудовольствия, но, в то же самое время, удовольствие является не только телесным, но и происходит удовлетворение от достижения значимых целей [1, с. 31].

Второй подход в исследовании благополучия называется эвдемонистическим (от греч.

eudaimonic, использованный Аристотелем для описания высокого человеческого чувства), где основным критерием благополучия является полнота самореализации. Этот подход был разработан представителями гуманистической психологии, а именно Э. Эриксоном, А. Маслоу, М. Яходой, Г. Олпортом, К. Роджерсом, К.Г. Юнгом и др., которые описывали различные аспекты позитивного функционирования личности в обществе. Согласно эвдемонистическому подходу, благополучие рассматривается как многофакторный конструкт, представленный в сложной взаимосвязи культурных и социальных, психологических и физических, экономических и духовных факторов.

В рамках данного подхода, на базе ранних исследований благополучия, К. Рифф разработала многокомпонентную модель психологического благополучия. Согласно данной модели был разработан инструмент для проведения исследования психологического благополучия, который получил широкую известность под названием «Шкалы психологического благополучия К. Рифф». Методика К. Рифф является теоретически обоснованным инструментом, предназначенным для измерения выраженности базисных компонентов психологического благополучия, а также его актуального психологического благополучия. Многие исследователи активно используют многомерную модель К. Рифф и разработанную ею методику измерения психологического благополучия в своей исследовательской практике.

Методика психологического благополучия К. Рифф обобщает и выделяет *шесть основных компонентов*. Первый из них является *позитив-*

ным отношением с окружающими, что подразумевает теплые и доверительные отношения, заботу о благополучии других, способность сопереживать и быть открытым для общения. Второй – *автономией*, которая характерна самоопределением и независимостью, способностью противостоять социальному давлению, нестандартному мышлению и оцениванием себя, исходя из личных стандартов и предпочтений. Далее – *компетентность или управление окружающей средой* подразумевает успешное осуществление разнообразных видов деятельности, способность достигать желаемого результата и преодолевать трудности на пути реализации собственных целей. Четвертый компонент – это *цели в жизни*. Наличие целей в жизни порождает чувство осмысленности существования, направленности в жизни, чувство осмысленности своего прошлого, настоящего и будущего. *Личностный рост* предполагает стремление постоянно расти и развиваться, реализовывать свой потенциал; готовность к обретению нового опыта, присутствует ощущение собственного прогресса и совершенствование себя. И последний – *самопринятие*. Здесь предполагается осознание своих положительных и отрицательных качеств и принятие своей личности такой, какая она есть.

Теперь, мы предлагаем рассмотреть взаимосвязь благополучия и счастья, несмотря на то, что понятие «благополучие» имеет синонимичное значение с понятием «счастье». Согласно Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко психологическое благополучие выражается в переживании счастья и удовлетворенности собственной жизнью. «Счастье», с точки зрения психологического аспекта, связано с положительной эмоцией – радостью, ощущением полноты бытия и удовлетворенностью жизни, которые являются основой для здоровой, оптимальной и эффективно функционирующей в социуме личности [2, с. 43–44].

Данная статья предлагает проведенное исследование с использованием методики «Шкала психологического благополучия» К. Рифф и «Шкала счастья» Фордиса. Целью исследования является выявление взаимосвязи уровня психологического благополучия личности и личностной поло-

жительной оценки счастья. В исследовании мы выдвинули гипотезу о том, что уровень психологического благополучия имеет прямую взаимосвязь с субъективной оценкой счастья личности, где, чем выше уровень психологического благополучия, тем счастливее человек воспринимает себя и свое окружение. В исследовании приняли участие 75 респондентов, проживающих на о. Сахалин. В число респондентов вошли студенты 1–2 курсов, преподаватели и методисты Южно-Сахалинского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», сотрудники иностранных и российских компаний, индивидуальные предприниматели.

Результаты исследования уровня психологического благополучия показали, что среди опрошенных респондентов у 16 человек уровень психологического благополучия является выше нормы, что составляет 21,3%. У 47 человек уровень психологического благополучия в норме – 62,7%, и у 12 человек уровень психологического благополучия ниже нормы, что составляет 16% (см. рис. 1).

Также, по результатам однофакторного дисперсионного анализа всех шести шкал по уровню психологического благополучия можно отметить, что у группы с высоким уровнем психологического благополучия среднее значение по компоненту «самопринятие» является самым высоким $=0,59$. Высокие показатели и по остальным аспектам психологического благополучия. «Управление окружающей средой» $=0,50$, «автономия», «цели в жизни», «личностный рост» $=0,44$ (см. табл. 1).

С другой стороны, у группы с низким уровнем психологического благополучия показатель по компоненту «позитивное отношение с окружающими» имеет максимально отрицательное значение, $=-0,92$ (см. табл. 1). Также «автономия» со значением $-0,83$, «самопринятие» $=-0,67$ и остальные компоненты психологического благополучия со средним значением $=-0,58$ говорят о том, что человеку с низким значением по многим компонентам психологического благополучия трудно воспринимать окружающую действительность и свою собственную жизнь позитивно. Согласно С.В. Жубаркин «позитивное отношение с окружа-

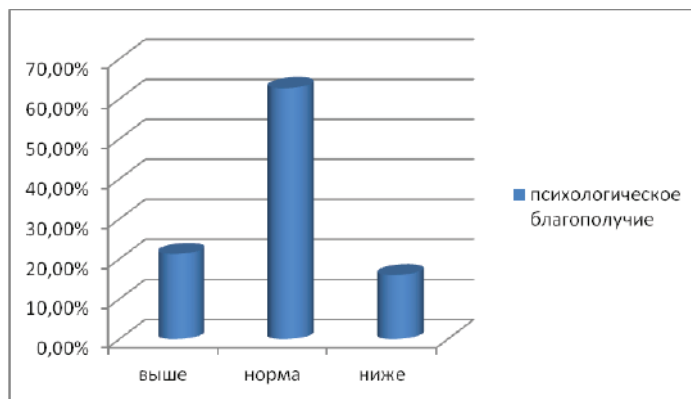

Рис. 1. Гистограмма уровня психологического благополучия

Таблица 1

Показатели однофакторного дисперсионного анализа по уровню психологического благополучия

Компоненты психологического благополучия	Психологическое благополучие		
	Выше нормы	Норма	Ниже нормы
	Среднее значение		
Позитивное отношение с окружающими	0,19	-0,21	-0,92
Автономия	0,44	-0,17	-0,83
Управление окружающей средой	0,50	0,06	-0,58
Цели в жизни	0,44	0,09	-0,58
Личностный рост	0,44	-0,02	-0,58
Самопринятие	0,56	-0,04	-0,67

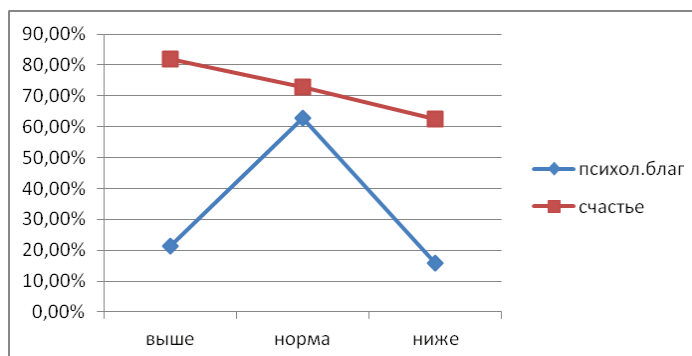

Рис. 2. График взаимосвязи уровня психологического благополучия и счастья

ючими» и «самопринятие» остаются неизменными в течение жизненного цикла, соответственно и субъективная оценка счастья не может быть достаточно высокой. И наоборот, люди с высокими показателями по компонентам психологического благополучия оценивают реальную действительность, самого себя и свое окружение достаточно позитивно и удовлетворительно [3, с. 141].

В целом, результаты исследования психологического благополучия показывают, что большинство респондентов имеют нормальный и высокий уровень психологического благополучия, что свидетельствует о том, что испытуемая группа состоит из психологически здоровых людей, обладающих позитивным отношением к окружающим их людям, осмысленностью жизни, наличием целей и их реализации, принятием своих достоинств и недостатков.

Как говорилось ранее, наша гипотеза предполагает то, что психологическое благополучие имеет взаимосвязь с субъективной оценкой счастья. Оценка счастья проводилась с помощью методики «Шкала счастья» (Happiness Measure (HM) Фордуса (Fordyce, 1988). Испытуемым необходимо выбрать ту цифру или предлагаемый ответ, который соответствует его эмоциональному состоянию на текущий момент в жизни. В исследовании счастья принимали участие те же 75 респондентов, что говорит о том, что количественный показатель не изменился. Однако по качественным показателям наблюдаются изменения. У респондентов с высоким уровнем психологического благополучия (21,3% от всех респондентов) средний балл уровня восприятия счастья равен 8,2, что составляет 82%,

у респондентов с уровнем психологического благополучия в норме (62,7% от всех респондентов) — 7,3, что составляет 73%, и наконец, у респондентов с уровнем психологического благополучия ниже нормы (16% от всех респондентов) средний балл равен 6,25, что составляет 62,5%.

Полученные результаты подтверждают нашу гипотезу о том, что чем выше уровень психологического благополучия, тем личность является более благополучной и счастливой (см. рис. 2).

Резюмируя вышесказанное, можно еще раз подчеркнуть, что психологическое благополучие является достаточно сложным переживанием личностью своей жизни, которое затрагивает актуальные аспекты жизни человека, более того имеет четкую взаимосвязь с эмоциональным переживанием человеком счастья.

Библиографический список

1. Бессонова Ю.В. О структуре психологического благополучия // Психологическое благополучие личности в современном образовательном пространстве. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. — С. 30–35.
2. Джидарьян И.А. Счастье в представлениях обыденного сознания // Психологический журнал. — 2000. — Т. 21. — № 2. — С. 40–48.
3. Жубаркин С.В. Представления провинциальной молодежи о счастье в контексте эмоционально-мотивационной направленности: дис. ... канд. психол. наук. — Иваново, 2006. — 213 с.
4. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. — 2005. — № 3. — С. 95–129.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В УСЛОВИЯХ ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬИ

В статье рассматривается формирование семейных ценностей у детей-сирот в условиях воспитания в замещающей семье. Выделены закономерности и условия эффективного воспитания: личностная ориентация, гуманистичность, практическая направленность; учет индивидуальных особенностей; разумное соотношение поощрения и наказания, а также формирование ценностей семьи. Определены компоненты детско-родительских отношений, включающие в себя родительские установки и соответствующие им типы поведения; родительские позиции; типы родительского отношения; типы позитивного и ложного родительского авторитета; типы (стили) воспитания детей; черты патогенных типов воспитания; параметры воспитательного процесса; семейные роли ребенка; стили общения, предлагаемые взрослыми в семье и школе. Рассмотрены исходные понятия «ценность», «ценностные ориентации» с целью изучения содержания понятия «семейные ценности», которые представляют одну из наиболее значимых общечеловеческих ценностей (материнство, отцовство, детство, положительный образ семьи и др.), что обусловлено самой человеческой сущностью – способностью думать о продолжении рода и своём будущем. В статье также представлено авторское видение понятия «семейные ценности». Семейные ценности – это система социально значимых ценностей, мировоззренческих представлений и нравственных установок, представлений о семейных отношениях, основанных на понимании института семьи, отношений людей в семье, ответственного брачного и семейного поведения индивида. Выделены основные компоненты семейных ценностей на основе базовых ценностей, такие как: любовь; уважительное отношение (почитание) к старшим; забота о младших; представления о гендерных семейных ролях и уважение к ним; культура быта; уважительное отношение к родителям.

Ключевые слова: ценность, семейные ценности, формирование семейных ценностей, дети-сироты, замещающая семья.

Основой социального и экономического развития общества является духовно-нравственное богатство личности. В достижении цели воспитания должны участвовать различные «воспитательные силы» общества, которые представляют собой все богатство современного социума. Первейшие навыки социального взаимодействия, знания и представления о социальном мире формирует семья, представляющая собой первую модель мира в сознании человека.

Учитывая специфику семьи как института воспитания, следует определять успешность педагогического (воспитательного) процесса на любом его участке, – это закономерности и условия эффективного воспитания, среди них:

- личностная ориентация, гуманистичность, практическая направленность;
- учет индивидуальных особенностей, целостность процесса, единство содержания и формы, сочетание разнообразных видов деятельности;
- разумное соотношение поощрения и наказания, обогащение личного социально-нравственного опыта ребенка, а также формирование ценностей семьи.

Обратимся к содержанию понятия «ценность». *Ценность* представляет собой важность, значимость, пользу, полезность чего-либо. Внешне ценность выступает как свойство предмета или явления. Однако значимость и полезность присущи им не от природы, не просто в силу внутренней струк-

туры объекта самого по себе, они являются субъективными оценками конкретных свойств, которые вовлечены в сферу общественного бытия человека, человек в них заинтересован или испытывает потребность.

Согласно Ж.Т. Тощенко, ценности «придают жизненный смысл устремлениям людей, групп, общностей и т.д., способствуют интеграции общества и указывают на предпочтение тех или иных альтернатив при решении актуальных общественных проблем» [9, с. 103].

Аналогом философского понятия ценностей в социологической литературе стали *ценностные ориентации, которые:*

- представляют собой высшую форму проявления установок, способны демонстрировать социально обусловленное избирательное отношение к идеалам [5, с. 49];
- являются важнейшими элементами внутренней структуры личности человека и формируются с жизненным опытом индивида, утверждаясь в сознании человека, ограничивают самое значимое и существенное, что помогает обеспечить некоторую устойчивость взглядов и принять какой-либо тип поведения, деятельности, а также распределить по степени важности свои потребности и интересы;
- отражают в сознании человека ценности, признаваемые им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров [1, с. 23].

Исходя из представленных выше подходов различных авторов к содержанию понятия «ценностные ориентации», можно сказать о том, что ценности:

- являются общепризнанными ориентирами общественного сознания и поведения,
- приобретают различную степень актуальности, значимости, проблематичности для разных людей, социальных групп и общностей, тех или иных социальных слоев;
- зависят от пола, возраста, профессии, места жительства, тех или иных мировоззренческих установок, превращаясь тем самым в ценностные ориентации, в которых отражена субъективная их интерпретация личностью, группой, общностью и т.д.

В.М. Бехтерев, А.Ф. Лазурский и другие указывают, что в основе ценностных ориентаций лежат отношения, которые характеризуют «определенные взаимозависимости элементов определенной системы, носящие объективный и универсальный характер» [10].

Особую форму взаимосвязи людей, возникающей в процессе совместной деятельности, составляют социально-психологические отношения, к которым относятся межличностные отношения и взаимоотношения. В.В. Богословский и А.П. Щербаков определяют позицию личности по отношению к вступающей с ней в контакт другой личности или группы, к коллективу, общественному явлению, совершающемуся в настоящий момент, как взаимоотношение [4, с. 90].

Я.Л. Коломинский отмечает, что «взаимоотношения, с одной стороны, реализуются и проявляются в процессе общения, представляя собой его мотивационно-потребностную основу, а с другой – видоизменяются, развиваются, формируются в зависимости от особенностей его протекания. Взаимоотношения – это обязательно прямые межличностные отношения» [3, с. 143]. Важно подчеркнуть тот факт, что ценностные отношения не возникают до тех пор, пока субъект не обнаружил для себя проблематичность удовлетворения актуальной для него цели, связанной со значимыми жизненными ориентациями.

Ценность, ценностные ориентации, отношения и взаимоотношения лежат в основе семейных ценностей в условиях замещающей семьи, где отношения включают такие ценности, как любовь, дружба, понимание, уважение и т.д.

В исследовании Г.Т. Хоментаскаса к ряду ценностных отношений относят также детско-родительские отношения, понимаемые как отношения детей к своим родителям, когда в семье в центре внимания ребенок, его личность, испытываемые им влияния, внутренние переживания и «характерообразующие» последствия. Ребенок – не просто продукт воспитательных воздействий родителей. Он активен, сам осмысливает семью и себя в ней, определяет свое поведение, отношение к семье

и к себе самому. В определенной мере ребенок – воспитатель себя [12, с. 17].

Компонентами детско-родительских отношений являются: родительские установки и соответствующие им типы поведения; родительские позиции; типы родительского отношения; типы позитивного и ложного родительского авторитета; типы (стили) воспитания детей; черты патогенных типов воспитания; параметры воспитательного процесса; семейные роли ребенка; стили общения, предлагаемые взрослыми в семье и школе.

Понятие «*родительское отношение*» имеет наиболее общий характер и указывает на взаимную связь и взаимозависимость родителя и ребенка. А.Я. Варга и В.В. Столин рассматривают родительские отношения как «систему разнообразных чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенностей восприятия и понимания характера и личности ребенка, его поступков, определяющих ролевую структуру семейных взаимоотношений» [2, с. 19]. Родительское отношение включает в себя субъективно-оценочное, сознательно-избирательное представление о ребенке, которое определяет особенности родительского восприятия, способ общения с ребенком, характер приемов воздействия на него. Соответственно, в структуру родительского отношения входят компоненты: *эмоциональный*, проявляющийся в принятии ребенка и родительской любви; *когнитивный*, основывающийся на установках и ожиданиях родителей касательно образа ребенка и роли в воспитании супруга; *поведенческий*, выражающийся в практике воспитания ребенка.

В сознании общества семейные ценности (материнство и детство, ценность семьи, положительный образ семьи и т.д.) представляют одну из наиболее значимых общечеловеческих ценностей, что обусловлено самой человеческой сущностью – способностью думать о продолжении рода и своём будущем.

Среди ценностей, созданных человечеством за десятки тысяч лет, семья является одной из важнейших. Поскольку у категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, формирование семейных ценностей происходит вне института биологической семьи, постольку процесс формирования указанной категории ценностей в условиях замещающей семьи является чрезвычайно актуальным и значимым.

По мнению О.Б. Хлебодаровой, понятие «*ценность семьи*» включает в себя два аспекта: с одной стороны, ценность имеет личностный смысл, то есть удовлетворяет актуальные потребности субъекта; с другой – «к ценностям относят представление, разделяемое большинством членов общества относительно того, что желательно, правильно и полезно» [11, с. 359].

Поэтому не все представления, принятые в конкретных семьях, можно считать ценностями. Ценность могут составлять только те из них, которые способствуют укреплению семьи, поскольку общество признает ценность семейной жизни, что отражено в стратегических документах Российской Федерации. Однако в современном социуме нет общепринятого представления о том, какой именно должна быть семья, различные модели семейного благополучия обнаруживают свою условность.

А.М. Рогова рассматривает *«семейные ценности»* как процесс, направленный на общество в целом, семью и молодое поколение, формирующий позитивные установки к семье и браку, подготовку к вступлению в брак и решающий проблемы молодой семьи [7, с. 67].

В формировании семейных ценностей у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в условиях замещающей семьи, важным является изучение проблемы подготовки их к семейной жизни.

Анализ различных общепринятых классических типов семей, с точки зрения комплекса базовых ценностей, в понятии *«семейные ценности»* позволил выделить:

- *любовь* – нравственно-эстетическое чувство, выражающееся в бескорыстном и самозабвенном стремлении к своему объекту, в потребности и готовности к самоотдаче [6, с. 161]. В работах и идеях авторов в области сиротства, в частности у Г.Н. Соломатиной, отмечено, что у ребенка-сироты искажено само понятие «любовь». Если ребенку, воспитывающемуся в благополучной семье, любовь прививается с позиции передачи ее с «молоком матери», то в замещающей семье приемным родителям приходится специально прививать любовь к членам приемной семьи. Этот процесс очень сложный и длительный, он представляет собой систематическое воздействие на еще формирующуюся личность [8, с. 13];

- *уважительное отношение (почитание) к старшим*. Указанный компонент семейных ценностей является одной из основ нравственного воспитания, проявляется в виде уважительного, благородного, почтительного, благодарного, терпеливого отношения к лицам старших поколений;

- *забота о младших* имеет в виду обеспечение заботы в дальнейшем над своими детьми. Следует отметить, что у детей-сирот, детей оставшихся без попечения родителей вследствие несформированности данного компонента возможно проявление репликативного сиротства (воспроизводство социальных сирот во втором и т. д. поколении, т. е. отказ от воспитания собственных детей бывших сирот);

- *уважительное отношение к родителям*, согласно канонам традиционных религий, приравнивается к уважению к Богу. Однако для детей, оставшихся без попечения родителей, зачастую

характерно обратное, в связи с отсутствием в их жизни примера и подражания;

- *культура быта* рассматривается с позиции соблюдения норм, правил в системе бытовых семейных отношений. Данный компонент, безусловно, актуален в процессе формирования личности ребенка, оставшегося без попечения родителей, так как утрата биологической семьи, способной сформировать понятия быта, семейного уклада в результате приведет к отсутствию в его дальнейшей жизни системы обеспеченности себя и своей семьи;

- *представление о гендерных семейных ролях и уважение к ним* направлены на понимание определенных гендерных стереотипов, характерных для традиционной семьи. Сформированность гендерных представлений в семье является особо важной составляющей семейной жизни человека, тем более ребенка, оставшегося без попечения родителей. Рассматривая воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, мы считаем, что именно полноценная, позитивно-функционирующая замещающая семья способна сформировать в принятом ребенке правильный гендерный стереотип.

Таким образом, *семейные ценности – система социально значимых ценностей, мировоззренческих представлений и нравственных установок, представлений о семейных отношениях, основанных на понимании института семьи, отношений людей в семье, ответственного брачного и семейного поведения индивида.*

Для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, семейные ценности оказываются значимыми, так как в функциональной структуре личности они занимают важное место. Поэтому формирование семейных ценностей у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, успешно будет проходить и в замещающей семье. Важно, чтобы замещающие родители были нравственными людьми и предлагали детям следовать позитивной ролевой модели. Педагогическая задача замещающей семьи состоит в компенсации педагогических возможностей биологической семьи. Именно замещающая семья способна реально обеспечить непрерывность и системность процесса воспитания и формирования семейных ценностей.

Воспитательный потенциал замещающей семьи включает в себя не только ее возможности в сфере духовно-практической деятельности родителей, направленной на формирование у детей-сирот определенных качеств, но и те нравственные ценности, которые закладывает семейная микросреда, образ жизни семьи в целом.

Воспитание ценностного отношения к семье у детей-сирот сегодня является одной из приоритетных проблем, от решения которой зависит не только благополучие их будущих семей, но и обще-

ства в целом. Формирование семейных ценностей у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в условиях замещающей семьи, позволит детям обрести знания об институте семьи, его функциях, о взаимоотношениях в семье; будет побуждать их к определенным поступкам, способам поведения в семье и ценностному отношению к ней; позволит сформировать потребности в самодетерминации и самореализации личности в семье.

Библиографический список

1. Алексеев В.Г. Ценностные ориентации личности и проблема их формирования. – М.: Смысл, 1999. – 316 с.
2. Ключева Н.В. Психолог и семья: диагностика, консультации, тренинг. – Ярославль: Академия Холдинг, 2002. – 160 с.
3. Коломинский Я.Л. Социальная психология взаимоотношений в малых группах. – М.: АСТ, 2010. – 443 с.
4. Отношения как проблема психологии: сб. науч. трудов / под ред. В.В. Богословского, Т.И. Бочкаревой, А.И. Щербакова. – Л., 1973. – 151 с.
5. Погорельцова Ю.А. Психология личности:

учебное пособие. – СПб: СПбГТУРП, 2011. – 105 с.

6. Разин А.В. Этика: учебник для вузов. – М.: Академический Проект, 2004. – 624 с.

7. Рогова А.М. Особенности формирования семейных ценностей у современной российской молодежи // Современные проблемы науки и образования. – 2007. – № 1 – С. 66–69

8. Соломатина Г.Н. Воспитание любви к приемным родителям у детей-сирот как условие формирования нравственных ценностей // Детский дом. – 2011. – № 4. – С. 11–17

9. Тезаурус социологии: темат. слов.-справ / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – С. 103–105

10. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. 1983. – 840 с.

11. Хлебодарова О.Б. Общая характеристика ценностей человека, их роль и место в структуре личности // Молодой ученый. – 2012. – №6. – С. 357–361.

12. Хоментausкас Г.Т. Семья глазами ребенка. – М.: Педагогика, 1989. – 130 с.

УДК 159.9:370

Григорова Татьяна Петровна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
grigorova.t90@mail.ru

СОВЛАДАНИЕ С ДЕСТРУКТИВНОЙ ПРИВЯЗАННОСТЬЮ В РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВЗРОСЛЫХ

В статье рассматривается феномен деструктивной привязанности в романтических отношениях взрослых. Предлагаются критерии, определяющие деструктивную привязанность, описываются ее типичные эмоциональные и поведенческие проявления. Приводятся данные, свидетельствующие о наличии стресса, испытываемого субъектами данной привязанности в романтических отношениях. Анализируются стратегии, применяемые взрослыми субъектами деструктивной привязанности в романтических отношениях для совладания с трудностями. Авторы статьи отмечают, что взрослому, находящемуся в романтических отношениях и испытывающему деструктивную привязанность к романтическому партнеру, свойственны специфические для данной формы привязанности эмоциональные проявления, выражающиеся преимущественно в негативных эмоциях, чувствах к партнеру, а также поочередное воспроизведение следующих моделей поведения: поведение, направленное на сближение с партнером и поведение, направленное на избегание близости с партнером. Совладание взрослых с эмоциональными и поведенческими проявлениями деструктивной привязанности непродуктивно, «цена» совладания чрезвычайно высока, частично можно констатировать несовладание с остротой переживаний подобного стресса, признаками которого являются высокая тревожность, эмоциональное напряжение; невозможность сосредоточиться, чувство опустошения; трудность контроля ситуации и эмоций; растерянность; тяжелые переживания; желание изменить свое состояние и отношения; субъективное чувство одиночества.

Ключевые слова: привязанность; деструктивная привязанность; эмоциональные и поведенческие проявления; стресс; стратегии совладания.

Каждому человеку с самого раннего детства важно знать, что его любят. Желание быть любимым – одна из важнейших человеческих потребностей, являющаяся существенным и базовым фактором развития и формирования личности в теориях психологии развития (Дж. Боулби, М. Эйнсворт, Дж. Робертсон), гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс), а также в психоанализе и клинической психологии (К. Хорни, М. Клейн, З. Фрейд). Потребность в безопасности, психологическом комфорте, близости

с другим человеком способствуют возникновению феномена привязанности, изучение которого является одним из фундаментальных направлений в современной психологии.

Как известно, привязанность (англ. – *attachment*) является необходимым компонентом любых близких межличностных отношений, начиная с раннего детства [1]. Глубокие эмоциональные связи со значимыми людьми служат основой и источником жизненных сил каждого человека. Поэтому особую проблему в области межличност-

ных отношений составляют нарушения привязанности, последствия которых способны оказывать негативное воздействие на личность, препятствовать возникновению полноценных, гармоничных отношений с партнером, в том числе, романтических отношений.

К. Хазан и Ф. Шейвер были первыми, кто в конце 80-х годов применили теорию привязанности к взрослым романтическим отношениям [7]. Идея, что романтические отношения могут быть отношениями привязанности, оказала глубокое влияние на современные исследования близких отношений. Есть как минимум три важных последствия этой идеи.

Во-первых, при изучении взрослых романтических отношений привязанности принято учитывать те же виды индивидуальных различий в типах привязанности, которые наблюдались М. Эйнсворт у младенцев. Во-вторых, те формы поведения, которые являются желательными в привязанности младенцев (например, открытость, доступность), являются наиболее ценными, ожидаемыми и во взрослом возрасте. В-третьих, «рабочие модели» привязанности, сформированные в раннем детстве (то есть, ожидания, убеждения, «правила» или «сценарии» для себя и мышления) определяют отношения к себе и к окружающим, паттерны привязанности во взрослом возрасте. Таким образом, сформированная у ребенка в детстве надежная привязанность к первичному объекту дает ему больше шансов создать во взрослом возрасте отношения, также основанные на надежной привязанности к партнеру.

В настоящее время в социальной психологии проблема изучения привязанности взрослых ограничена выявлением стилей привязанности во взрослом возрасте. Помимо этого, в психоаналитическом направлении, клинической психологии и медицине широко освещается такой феномен, как зависимое расстройство личности, характеризующее привязчивостью и покорностью человека, страдающего данным расстройством, страхом разлуки и стойкой, избыточной потребностью в том, чтобы о нем заботились. При зависимом расстройстве личности причиной трудности является разлука. Такой индивидуум чувствует себя совершенно беспомощным и брошенным, когда прекращаются его близкие отношения с кем-то, и он старается завязать новые отношения, чтобы заполнить пустоту. Многие продолжают поддерживать отношения с партнерами, которые подвергают их физическим или психологическим страданиям. Кроме того, они склонны чувствовать одиночество и печаль, а некоторые из них — и отвращение к себе. Они полагаются на других настолько, что не способны принять самостоятельно никаких решений, проявляя тем самым чрезмерную привязанность к человеку, с которым состоят в межличностных отношениях [4].

Каждому человеку могут быть время от времени и в небольшом количестве присущи некоторые из описанных выше качеств и характеристик поведения, но лишь изредка они бывают столь ригидными, деструктивными и долговременными, что их можно отнести к расстройствам. Но мы также предполагаем, что некоторым субъектам романтических отношений могут быть более свойственны проявления данных симптомов ЗРЛ, чем иным субъектам, но, тем не менее, их личность остается нормально функционирующей или относительно здоровой. Таким образом, мы видим необходимость исследования подобных романтических отношений относительно здоровых личностей с точки зрения нарушений привязанности, проявляющихся в данных отношениях.

Объектом нашего исследования является деструктивная привязанность к романтическому партнеру во взрослом возрасте. Несмотря на отсутствие в научной литературе данного термина, на основании фактов, данных наблюдений за реальными романтическими отношениями и проведенного нами теоретического анализа научного материала по данной проблеме, мы предполагаем, что существует целый пласт специфических явлений и особенностей привязанности в романтических отношениях взрослых, который нельзя отнести ни к одному из ранее нам известных стилей привязанности взрослых, ни к личностным расстройствам. В связи с этим фактом, понятие деструктивной привязанности к романтическому партнеру во взрослом возрасте мы относим к категории «нарушения привязанности».

Под *деструктивной привязанностью* к романтическому партнеру во взрослом возрасте мы понимаем, в первую очередь, дезадаптивную, слабо поддающуюся сознательному контролю, модель поведения субъекта, способствующую сохранению его связи с партнером в романтических отношениях, не удовлетворяющих его потребностей в любви, принятии, безопасности; создающая угрозу для его психологического, психического, физического благополучия [3].

Представление нами феномена привязанности, в первую очередь, как поведенческой характеристики личности, соответственно, включающей в себя специфическую основу, паттерны, действия, заимствовано нами из психологии развития [2].

По нашему мнению, данный тип привязанности может также проявляться в виде тяжелых, амбивалентных эмоциональных переживаний, страданий, которые могут порождать агрессивные чувства по отношению к самому себе и партнеру по тому же механизму, что и возникновение базальной ненависти у ребенка к фрустрирующей матери. Причиной этого является, согласно психоаналитической интерпретации, фиксация на травматических отношениях с фундаментально необходимым объ-

ектом, переживаемым как абсолютно «плохой» или как абсолютно «хороший» [6]. Возникающие в близких отношениях с объектом привязанности переживания вызывают боль, бессилие, чувство парализованности. Обостренный страх остаться одному, прервать отношения с объектом способствует еще большему укреплению связи с ним. Кроме того, неудовлетворенность потребностей субъекта привязанности в любви, принятии со стороны романтического партнера, способна еще более усугублять страх потери близких отношений и субъективное чувство одиночества в данных отношениях. Иными словами, субъект испытывает постоянный стресс, находясь в неудовлетворяющих его отношениях с партнером. Такой подход в пониманию объекта исследования кажется нам обоснованным и может быть подвергнут эмпирической проверке.

Проблема нашего исследования заключается в следующем: каким образом субъект деструктивной привязанности совладает со стрессом, вызванным проявлениями данного типа привязанности.

В нашем исследовании принимало участие 48 человек, в возрасте от 23 до 48 лет, состоящих в романтических отношениях от 0,5 до 12 лет. Из них 24 мужчины, средний возраст которых 28 лет; и 24 женщины, средний возраст – 31 год. В законном браке состоят 12 человек, 21 человек проживает со своим партнером в гражданском браке. Одного ребенка имеют 10 испытуемых, двоих детей – 5 испытуемых. Все испытуемые имеют или получали в период проведения исследования высшее или средне-специальное образование.

В ходе исследования нами были использованы следующие методики:

1. 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (Форма С), (адаптация А.Н. Капустиной, Л.В. Мургулец и Н.Г. Чумаковой, 1972).

2. Авторское полу-структурированное интервью на тему «Стресс в романтических отношениях».

3. Мульти-опросник измерения романтической привязанности у взрослых (адаптирована Т.Л.Крюковой, О.А. Екимчик, 2009).

4. «Опросник способов совладания» (адаптация Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтык, 2004).

5. Опросник «Опыт близких отношений» (адаптация Т.В. Казанцевой, В.Н. Куницыной, 2008).

Полученные нами данные позволили разделить испытуемых на две группы по критерию наличия/отсутствия проявлений деструктивной привязанности к романтическому партнеру. Таким образом, выборку испытуемых, проявляющих деструктивную привязанность к романтическому партнеру, составили 22 человека (из них 12 женщин (55%) и 10 мужчин (45%)). У остальной части выборки была диагностирована надежная форма привязанности.

Для изучения специфического комплекса эмоциональных и поведенческих проявлений де-

структивной привязанности в романтических отношениях взрослых, присущих субъекту данной привязанности, нами было проведено авторское полуструктурированное интервью и контент-анализ полученных результатов. Было выявлено, что субъекту деструктивной привязанности свойственно испытывать тревогу в романтических отношениях: 22 испытуемых (100% выборки), проявляющих деструктивную привязанность к романтическому партнеру, говорили о повышенном чувстве *тревоги*, которое они испытывают в романтических отношениях. Пытаясь определить источник данного чувства, они отмечали:

1. Тревога связана с опасениями, что романтический партнер «не любит» испытуемого (13 человек – 60%, 9 женщин, 5 мужчин).

По нашему мнению, подобные опасения могут быть связаны с неудовлетворенностью потребностей в любви и принятии со стороны романтического партнера, чувством субъективного одиночества в отношениях, завышенными ожиданиями относительно партнера. По поводу своей тревоги, испытуемые говорили следующее:

«Возможно, он меня не любит, ему просто удобно со мной, потому что я все ему прощаю. Другая девушка на моем месте давно бы от него ушла. Но я его люблю, и поэтому прощаю»;

«Может быть, он со мной просто хочет забыть свою несчастную любовь»;

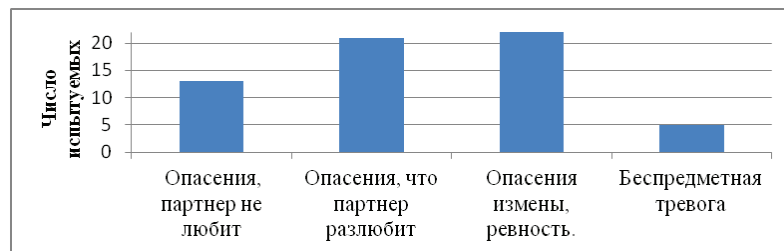
«Наверно, она меня не любит. Если бы она любила, то старалась бы измениться ради меня; она знает, что меня многое в ней не устраивает».

2. Тревога, связанная с опасениями, что романтический партнер «разлюбит, уйдет, разочаруется» (21 человек – 95%, 16 женщин и 5 мужчин).

Данные опасения, по нашему мнению связаны с тем, что чувства другого человека – область, практически неподконтрольная для других. А если и поддается контролю – то, скорее, опосредованному. Отсутствие контроля за тем, что, по сути, служит источником безопасности (любовь партнера), вызывает беспокойство, тревогу. С другой стороны, несмотря на то, что угроза того, что партнер может однажды перестать отвечать взаимностью на наши к нему чувства существует практически в любых межличностных отношениях. Но наши испытуемые, по-видимому, склонны ощущать данную угрозу особенно остро в силу низкой удовлетворенности потребности в безопасности, характерной для деструктивной привязанности.

3. Тревога, связанная с опасениями измены партнера, ревностью (22 человека или 100% испытуемых).

Возникновение данной тревоги, по нашему мнению, также связано с чувством небезопасности, испытываемой в отношениях; с недоверием к партнеру. Несмотря на то, что наличие подобной тревоги отмечали и испытуемые с надежной

Рис. 1. Наиболее частые опасения испытуемых с деструктивной привязанностью (n=22), выделенные с помощью контент-анализа ответов в интервью

привязанностью, именно у субъектов деструктивной привязанности переживание данного чувства особенно острое и менее поддается контролю, как было ими отмечено.

4. Тревога, связанная с общим недоверием партнера, без точного определения предмета (5 человек – женщины, около 20%).

С нашей точки зрения, именно данный тип тревоги, источник которой практически не осознается, наиболее тяжело переживается испытуемыми. Возможно, это связано с активной деятельностью психологических защит, высокой личностной тревожностью. Но, тем не менее, все 5 женщин отмечали трудность в совладании и контроле над данным чувством, а также его негативное влияние на их общий эмоциональный фон.

Таким образом, основные опасения, лежащие в основе высокой тревожности в романтических отношениях испытуемых, испытывающих деструктивную привязанность, выглядят следующим образом (см. рис. 1).

Также были выявлены наиболее часто испытываемые субъектами деструктивной привязанности эмоции и чувства в отношениях с романтическим партнером, представленные на следующей таблице (см. табл. 1).

1. Страсть. Испытуемые сообщали о страсти, как о особо сильном чувстве, испытываемой к партнеру, заключающемся в желании полностью обладать им; а также о страсти как аффекте, возникающем у них в связи с различными событиями в отношениях. Событиями, при которых испытуемые оценивают, что переживают наибольшую страсть, они считают ссоры с партнером, а также

периоды разлуки с ним. Несмотря на то, что данное чувство характерно для такого типа любви, как «эрос» [5], нельзя утверждать, что испытуемым, участвовавшим в исследовании присущ именно этот стиль любви, поскольку страсть в их переживаниях неотделима от других чувств, часто противоположных.

2. Раздражительность, которую отмечали и описывали испытуемые, проявлялась ими: по отношению к партнеру: к его словам, поступкам, достижениям, успехам, неудачам; по отношению к себе: к собственному поведению, трудностям в контроле над ними и своими эмоциями. Также испытуемые отмечали трудности в контроле над данным переживанием и негативные последствия, вызванные им и заключающиеся в ухудшении отношений с близкими людьми, а также чувстве истощенности, усталости, испытываемом ими самими.

3. Гнев испытуемые описывали как кратковременные сильные негативные чувства, направленные преимущественно на романтического партнера. Особенностью в переживании данного чувства была отмечена его, на первый взгляд, беспричинность, или в ответ на незначительный раздражающий стимул.

4. Опустошение. Чаще всего чувство опустошения связывалось испытуемыми с усталостью от частых ссор с романтическим партнером; невозможностью изменить партнера; невозможностью улучшить отношения с партнером; невозможностью выйти из отношений; трудностями в совладании с негативными эмоциональными переживаниями в отношениях; ощущение бессилия. Для испытуемых, отмечавших переживание подобных проявлений во многом характерны также признаки снижения эмоционального тонуса, меланхолического состояния.

5. Внутренняя напряженность. Чувство внутренней напряженности, о которой говорили испытуемые, в небольшой степени способно осознанию и проработки для них. Вот что говорили они об этом чувстве:

«Я постоянно думаю о том, почему он так изменился. Ни на чем другом не могу сосредоточиться, и это выводит меня из себя»;

«Даже когда у нас все хорошо, я чувствую, что-то все равно что-то не так, и не могу по настоящему расслабиться»;

Таблица 1

Эмоции, чувства и состояния испытуемых с деструктивной привязанностью (выделены с помощью контент-анализа ответов в интервью, где n=22)

Страсть	21 человек
Раздражительность	18 человек
Гнев	14 человек
Опустошение	12 человек
Внутренняя напряженность	11 человек
Ненависть	11 человек
Наслаждение	5 человек
Любовь	4 человека

«Рядом с ней я все время напряжен, не знаю почему. Я чувствую, что она во всем лучше меня и злюсь».

6. Ненависть. 11 испытуемых (50%) признавали, что временами они испытывают чувство ненависти к партнеру. Несмотря на то, что в любых романтических отношениях возможно возникновение агрессивных чувств по отношению к партнеру, в отношениях субъектов деструктивной привязанности они часто проявляются в более искаженной форме. Яркий пример:

«Зачем мы только познакомились? Он испортил мне всю жизнь, я жалею, что вообще стала с ним разговаривать». Женщина продолжает отношения со своим партнером уже 6 лет. На вопрос, почему бы ей в таком случае не прекратить их, отвечает, что раз он, по мнению испытуемой, своим отношением к ней «помешал» ей построить те отношения, о которых она мечтала, то и она теперь не хочет, чтобы он встретил другую женщину и был с ней счастлив. Таким образом, ненависть чаще представляет собой кратковременное чувство, возникающее в результате различных неоправданных ожиданий от партнера.

В связи с этим особо важно подчеркнуть, что наличие стойких, выраженных агрессивных чувств по отношению к себе и партнеру отличает субъектов деструктивной привязанности как от субъектов надежной привязанности, так и от страдающих зависимыми расстройками личности, для которых переживание гнева, ненависти по отношению к партнеру как здоровой адекватной реакции на его соответствующее поведение крайне затруднено.

7. Наслаждение. Партнеры, говорящие об испытываемом в отношениях чувстве наслаждения, отмечали, что без ссор, конфликтов с партнером их жизнь была бы скучной, не интересной. Они отводят положительную роль тому накалу страстей, которые присутствуют в их отношениях.

8. Любовь. Всего четверо испытуемых на вопросы о том, какие чувства они чаще всего испытывают в романтических отношениях со своим партнером, одним из первых называли чувство любви. Возможно, это связано с тем, что для остальных испытуемых наиболее актуально было переживание иных чувств. 12 испытуемых, говоря о любви, сообщали, что не хотели бы любить своего партнера, хотели бы избавиться от чувств к нему, поскольку считают, что именно они причина их переживаний. Но говоря об этих чувствах, они не называли их «любовью». Характерны были фразы: «Я зависла на нем»; «Я привязался к ней»; «Это (моя) судьба»; «Я сгораю по ней». Возможно, это связано с избеганием, непринятием собственных чувств; искаженным их восприятием. Тем не менее, только 4 испытуемых уверенно заявили, что они именно «любят» своих партнеров.

Особенно стоит отметить то факт, что испытуемые довольно редко говорили и положительных

эмоциях и чувствах, испытываемых в романтических отношениях. Чаще всего, они отмечали их кратковременность, нестабильность и прямую связь с поведением партнера.

Таким образом, мы видим, что субъекту деструктивной привязанности присуще испытывать разнообразные чувства и аффекты, большинство из которых они оценивают как отрицательные. Все испытуемые отмечали их силу и тяжесть, что в некоторой степени характеризует их восприятие своих отношений с романтическим партнером как уникальных, мистических. С одной стороны, они склонны оправдывать наличие столь сильных переживаний именно уникальностью своего опыта, что схоже с работой такого защитного механизма как рационализация; с другой стороны, ими отмечается «ненормальность», деструктивность данных переживаний. Особенно это проявляется в желании испытуемых избавиться от чувств, которые доставляют им дискомфорт, а иногда и от самих романтических отношений.

Кроме того, нами были выделены следующие паттерны поведения, присущие субъектам деструктивной привязанности:

1. *Поведение, направленное на сближение с партнером.* Оно выражается в действиях, направленных на осуществления контроля над партнером (частые звонки домой, на работу; проверки мобильного телефона партнера; расспросы о состоянии его дел; оказание ему помощи без его согласия и др.); поведении «жертвы» (уступки партнеру вопреки своим интересам; пренебрежение личными делами; прощение партнера вне зависимости от тяжести обиды и др.); демонстративном поведении. Сюда мы отнесли действия, направленные на попытки обратить на себя внимание партнера (плач; обида; демонстрация беспомощности; угрозы; попытки вызвать чувство ревности у партнера и др.).

2. *Поведение, направленное на избегание близости с партнером.*

Чаще всего, подобное поведение выражается в действиях, направленных на то, чтобы сделать центром своего внимания другой объект (увлечение хобби; друзья; поиск второго партнера; измена). Особенностью реализации данных моделей поведения в романтических отношениях является их поочередное воспроизведение. Испытуемым оказалось не свойственно полное осознание мотивов, целей своего поведения, слабый контроль над ним. Часто они сами отмечали, что страдают от неэффективности собственных действий.

Данные, полученные нами в интервью, свидетельствуют о том, что проявления деструктивной привязанности в романтических отношениях взрослых является **стрессом** для субъекта данной привязанности: из 22 человек 16 (64%) признают у себя наличие стресса и желания изменить ситуацию. Среди признаков стресса они называют:

высокую тревожность, эмоциональное напряжение; невозможность сосредоточиться, чувство опустошения; трудность контролирования ситуации и эмоций; растерянность; тяжелые переживания; желание изменить свое состояние и отношения. 7 человек – считают, что не испытывают стресса. Одной из особенностей, присущей партнерам, испытывающим деструктивную привязанность в романтических отношениях, является сложность в конкретизации источников своего напряжения и стресса в романтических отношениях. Это выражается в обобщенности их ответов на вопросы о том, чем именно они неудовлетворенны в отношениях с партнером, закрытостью, слабой рефлексии источников стресса.

Сравнительный анализ испытуемых с деструктивной и надежной привязанностями, проведенный по результатам методики «Мульти-опросник измерения романтической привязанности у взрослых» показал, что испытуемые с деструктивной привязанностью испытывают больший уровень *фрустрации* ($U=48$, при $p=0$); *самоподдержки* ($U=75,5$, при $p=0$); *ревности* ($U=46$, при $p=0$); *«срастания» с партнером* ($U=68,5$, при $p=0$); чем партнеры с надежной привязанностью.

Также нами было выявлено, что партнеры с деструктивной привязанностью больше склонны к использованию копинг-стратегий «*дистанцирования*» ($U=133$ при $p=0,002$); «*самоконтроль*» ($U=157$; при $p=0,008$); «*принятие ответственности*» ($U=169$; при $p=0,154$); «*бегство-избегание*» ($U=1,5$; при $p=0,001$) при совладании с негативными эмоциональными переживаниями и поведением, чем партнеры с надежной привязанностью.

Использование копинг-стратегии «*дистанцирование*» связано с когнитивными усилиями, направленными на уход от проблемы, желанием уменьшить ее значимость. Вероятно, большее использование данной копинг-стратегии у испытуемых с деструктивной привязанностью, по сравнению с испытуемыми с надежной привязанностью к партнеру, связано с большей тяжестью

испытываемых ими переживаний. Невозможность избавиться от источника данных переживаний, которым чаще всего воспринимается партнер, приводят к желанию отгородиться от них. Вероятно, негативные переживания также обуславливают высокую напряженность таких копинг-стратегий как «*самоконтроль*» и «*бегство-избегание*» у испытуемых с деструктивной привязанностью. Более высокая напряженность копинг-стратегии «*Принятие ответственности*», по нашему мнению, связана с возможной интернальной направленностью их личности, склонностью видеть причину стресса в романтических отношениях и негативных переживаний в себе, развитие чувства вины. С другой стороны, возможно, что переживая негативные чувства, данные испытуемые не склонны ожидать поддержки или обращаться за помощью к партнеру, что подталкивает их самим искать пути решения проблемы.

Анализ полученных данных позволяет нам рассмотреть средние значения в напряженности копинг-стратегий, используемых испытуемыми с деструктивной привязанностью для совладания со стрессом в романтических отношениях (см. рис. 2).

Таким образом, мы видим пограничную и высокую напряженность копинга у испытуемых с деструктивной привязанностью к романтическому партнеру, что говорит о значительной силе стресса, переживаемом ими в отношениях, несмотря на активное использование всех копинг-стратегий для совладания с эмоциональными и поведенческими проявлениями деструктивной привязанности. Вероятно, имеет место непродуктивность совладания или частичное несовладание, причины которых могут лежать в недостаточной рефлексии, слабой осознанности источников негативных переживаний, слабости Я и т.д. Партнеры подобных отношений продолжают испытывать стресс и страдать в отношениях и от этих отношений, то есть сила затраченных ими усилий на совладание с эмоциональными и поведенческими проявлениями деструктивной привязанности («цена копинга») не соответствует

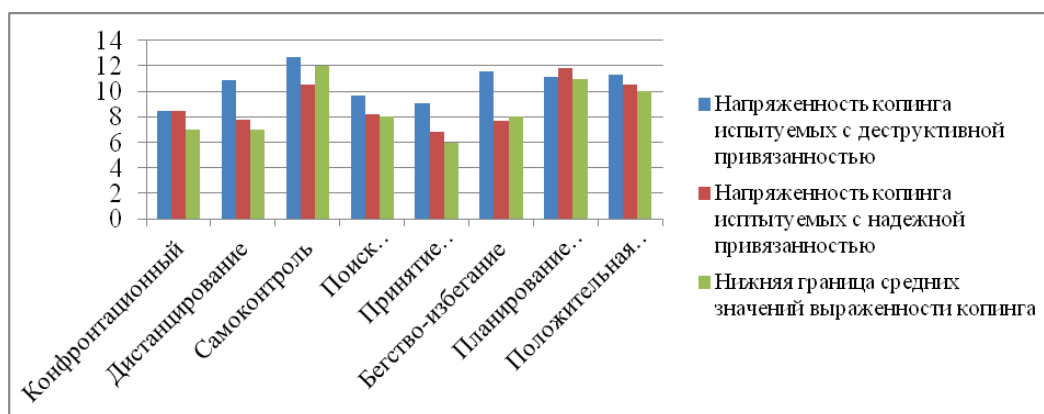

Рис. 2. Сравнение напряженности копинг-стратегий у испытуемых с деструктивным и надежным типами привязанности по методике ОСС

достигнутому эффекту, поскольку неудовлетворенность, напряженность, стресс в романтических отношениях остаются на высоком уровне.

Выводы

1. Под деструктивной привязанностью к романтическому партнеру во взрослом возрасте мы понимаем, прежде всего, дезадаптивную, слабо поддающуюся сознательному контролю, модель поведения субъекта, способствующую сохранению его связи с партнером в романтических отношениях, не удовлетворяющих его потребностей в любви, принятии, безопасности; создающая угрозу для его психологического, психического, физического благополучия.

2. Взрослому, находящемуся в романтических отношениях и испытывающему деструктивную привязанность к романтическому партнеру, свойственны специфические для данной формы привязанности эмоциональные проявления, выражающиеся в испытываемых преимущественно негативных эмоциях, чувствах к партнеру. Они могут проявляться как внезапно и мощно, так и протекать в хронической форме. Положительные чувства у субъектов возникают реже, также они не акцентируют их переживание. Субъектам деструктивной привязанности свойственно восприятие своих переживаний как «ненормальных», деструктивных. Особенно это проявляется в желании испытуемых избавиться от чувств, которые доставляют им дискомфорт, в непринятии собственных переживаний.

3. Взрослому, находящемуся в романтических отношениях и испытывающему деструктивную привязанность к романтическому партнеру, свойственны следующие модели поведения: *поведение, направленное на сближение с партнером; поведение, направленное на избегание близости с партнером*. Особенностью реализации данных моделей поведения в романтических отношениях является их поочередное воспроизведение.

4. Для большинства взрослых, испытывающих деструктивную привязанность к романтическому партнеру, характерно восприятие ее эмоциональных и поведенческих проявлений как **стресса**. Признаками стресса они называют: высокую тревожность, эмоциональное напряжение; невозможность сосредоточиться, чувство опустошения; трудность контролирования ситуации и эмоций; растерянность; тяжелые переживания; желание из-

менить свое состояние и отношения; субъективное чувство одиночества.

5. Взрослым, испытывающим деструктивную привязанность в романтических отношениях, более свойственны такие компоненты привязанности как «фрустрация», «самоподдержка», «ревность»; «срастание границ» и тревожность в отношениях по сравнению с взрослыми – субъектами надежной привязанности.

6. Взрослые, испытывающие деструктивную привязанность к романтическому партнеру, для совладания с негативными эмоциональными и поведенческими проявлениями данной привязанности склонны значимо чаще использовать такие копинг-стратегии как «дистанцирование»; «принятие ответственности»; «бегство-избегание» и «самоконтроль» по сравнению с взрослыми, испытывающими надежную привязанность. Также, им свойственна пограничная и высокая напряженность копинга, что говорит о значительной силе переживаемого стресса. Их совладание с эмоциональными и поведенческими проявлениями деструктивной привязанности непродуктивно, «цена» совладания чрезвычайно высока, частично можно констатировать несовладание с остротой переживаний подобного стресса.

Библиографический список

1. Боулби Дж. Привязанность. – М.: «Гардарики», 2003. – 462 с.
2. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М.: Академический проект, 2004. – 232 с.
3. Григорова Т.П. Деструктивная привязанность и совладание с ее проявлениями в романтических отношениях взрослых: Квалификационная работа. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012.
4. Комер Р. Патопсихология поведения: Нарушения и патологии психики. – СПб.: «Прайм-Еврознак», 2005. – 640 с.
5. Крукс Р., Бауэр К. Сексуальность. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. – 480 с.
6. Куттер П. Любовь, ненависть, зависть, ревность: Психоанализ страстей. – М. Изд. Дом «София», 2004. – 256 с.
7. Fraley R.C. A Brief Overview of Adult Attachment Theory and Research. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://internal.psychology.illinois.edu/~rcfraley/attachment.htm> (дата обращения: 10.03. 2012).

Екимчик Ольга Александровна

кандидат психологических наук

Григорова Татьяна Петровна

Смирнова Наталья Сергеевна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

olga-ekimchik@rambler.ru

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЛИЗКИХ (РОМАНТИЧЕСКИХ) ОТНОШЕНИЙ И СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ПАРТНЕРОВ

В статье рассмотрена проблема взаимосвязи и взаимовлияния динамических аспектов близких (романтических) отношений и совладающего поведения партнеров. Проанализированы функциональный аспект динамики романтических отношений и совладания в ситуации ревности, измены. Рассматривается проблема деструктивной привязанности в романтических отношениях и динамика совладания с ней.

По мнению авторов статьи, динамику романтических отношений определяют индивидуально-личностные особенности партнеров, их связанность в паре, качество отношений и их умение совладать негативными проявлениями ситуационного контекста отношений. Причина несовладания кроется в изначальной неудовлетворенности взаимоотношениями, их трансформации в деструктивные отношения, также не удовлетворяющие базовых потребностей личности.

Ситуация измены является сильнейшим стрессором для развивающихся романтических отношений, так как указывает на появление третьего лица в них. Переживание и совладание с ситуацией измены обладает своей спецификой и динамичностью, которые определяют сохранность и дальнейшее развитие отношений либо, что случается значительно чаще – их распад.

Ключевые слова: динамика романтических отношений, совладающее поведение, динамика совладающего поведения, деструктивная привязанность, измена, ревность.

Потребность в любви и принятии универсальна и присуща каждому человеку. В качестве одной из форм реализации этой потребности могут выступать близкие (романтические) отношения. Ряд авторов отмечает, что близкие диадические, в том числе и романтические, отношения качественно отличаются от других видов человеческих отношений тем, что прогрессивно влияют на развитие человека (A.L. Vangelisti; H.T. Reis; M.A. Fitzpatrick, 2002; M. Mikulincer и G.S. Goodman, 2006; Л.Я. Гозман, 1987; Э. Бершид, 2000; Д. Маефрс, 2005). В тоже время романтические отношения могут служить источником психологической травматизации личности (К.-Г. Юнг; R. Burney; К.А. Бочавер, Т.Е. Карташева). В связи с этим возникает вполне логичный вопрос: почему в одном случае романтические отношения способствуют развитию человека, а в другом наносят ему психологическую травму?

Анализируя проблему романтических отношений, мы столкнулись с противоречием: с одной стороны, это распространенность и обыденность романтических отношений в нашем обществе, с другой – крайне скудная и неоднозначная феноменологическая представленность и разработанность их в отечественной психологии (W.A. Collins; B. Laursen, 1999; А.А. Кроник, Н.Н. Обозов, О.А. Екимчик, К.А. Бочавер, Н.С. Смирнова, Т.Е. Карташева). В зарубежной науке тема представлена широко: интенсивно обсуждаются вопросы доверия в отношениях, обязательств и близости, ситуационные риски – поиск партнером связи или избегание/страх отвержения (R. Burney, M. Mikulincer, G.S. Goodman, S.L. Murray, J.G. Holmes) [8; 9; 10].

На наш взгляд, сложившаяся ситуация в психологической науке относительно феномена «романтических отношений» обусловлена рядом объективных факторов: 1) отсутствие весомой методологической основы для его исследований; 2) затруднения в операционализации понятия «романтические отношения» с помощью эмпирических референтов и его верификации; 3) трудности в дифференциации романтических отношений и близких диадических партнерских отношений.

Несмотря на перечисленные сложности в исследовании романтических отношений, мы попытаемся проанализировать их динамические аспекты и совладающее поведение партнеров с трудностями, возникающими в их контексте.

Вслед за Э. Бершид и А.А. Кроником, под романтическими отношениями, мы понимаем частный случай диадических отношений между мужчиной и женщиной, характеризующихся высокой избирательностью и относительной устойчивостью, основанных на сильных положительных или амбивалентных эмоциях, физиологически обусловленных сексуальными потребностями и выражающихся в стремлении каждого из партнеров быть уверенным во взаимности чувств [4].

Как и любые межличностные отношения – романтические обладают своей динамикой. Динамику романтических отношений можно рассматривать в онтогенетическом аспекте (возникновение и развитие их в течение жизни человека) и в функциональном (развитие романтических отношений с одним партнером в диаде). Для нас более интересны функциональные динамические аспекты романтических отношений с конкретным партнером,

в частности, такие вопросы – как человек, пара или контекст (ситуация) способствует или разрушает отношения?

Вслед за К. Левиным, под динамическими процессами (динамикой романтических отношений) мы будем понимать интенсивно разворачивающиеся внутренние диадические процессы социального взаимодействия и взаимовлияния, которые либо интегрируют романтическую пару, сохраняя ее целостность и согласие, либо приводят к разобщенности и распаду романтических отношений [6].

В более поздних исследованиях отмечается, что романтические отношения как форма взаимодействия развиваются интенсивно (углубление чувства между партнерами, увеличение продолжительности романа, усиление установок на верность, заботу, взаимную поддержку) и экстенсивно (увеличение количественного опыта отношений и числа партнеров). Он, изучая романтические отношения в юношеском возрасте, приходит к выводу, что они динамичны и развиваются при прохождении партнерами трудных жизненных ситуаций. При этом автор выделяет три группы психологических трудностей: 1) вызванные личными особенностями одного из партнеров; 2) определяются конфликтом между партнерами либо связанные с их сензитивностью, ценностями, компетентностью; 3) давлением извне [1].

На наш взгляд, динамику романтических отношений можно проследить в стадиях развития взрослой романтической привязанности к партнеру: 1) предпривязанность – привлекательность и флирт; 2) становление привязанности – влюбленность; 3) ясная, четкая привязанность; 4) целекорректируемое партнерство – постромантическая фаза (обычная жизнь) [3]. Анализируя развитие романтических отношений в рамках стадияльной теории привязанности, необходимо отметить, что последняя стадия привязанности «Целекорректируемое партнерство» наступает уже после трансформации романтических отношений в близкие партнерские отношения. В рамках данной теории акцент делается на привязанности как механизме развития близких отношений между мужчиной и женщиной, что является альтернативой для концепции фильтров Л.Я. Гозмана 1987 года. В тоже время рамках данной теории неясно, благодаря чему осуществляется переход от одной стадии привязанности к другой?

Ряд исследователей рассматривает необходимые условия динамики отношений. К примеру, К.А. Бочавер, анализируя развитие романтических отношений в юношеском возрасте, выделяет три группы факторов их обуславливающих, к которым относит: 1) индивидуальные включают тенденцию к периферизации, поиск значимых референтных персон и поддержки за пределами семьи, 2) сформированность гетерогендерных установок,

нормальное физиологическое и половое развитие, 3) существование потребностей в признании, в аффилиации, в сексе, в общении, в заботе [1]. Э. Бершид, Э. Аронсон (1976) указывают на негативный фактор развития отношений – привыкание и снижение сензитивности друг к другу. Р. Скиннер и Дж. Клииз (1995) формулируют необходимые условия положительной динамики отношений: внутренняя схожесть партнеров, доверие и стремление к самораскрытию. В исследованиях А.А. Кроника и Е.А. Кроник (1989) в качестве условий развития близких отношений названы одинаковая степень значимости партнеров друг для друга, открытость взаимовлиянию, взаимопринятие. Кроме того, в качестве фактора определяющего развитие близких (брачных) отношений выделяют совладающее поведение партнеров (Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк, Е.Л. Калугина) [5].

Таким образом, в ходе анализа проблемы динамики близких (романтических) отношений мы выявили, что существуют группы факторов, определяющие динамику близких (романтических) отношений. С нашей точки зрения, необходимо уделить внимание ситуационному аспекту в динамике романтических отношений. Немаловажную роль играет ситуационное проявление индивидуальности каждого из партнеров. Наличие деструктивной привязанности у одного из партнеров, несомненно, наложит отпечаток на развитие отношений и степень их комфортности в целом. В связи с этим мы провели серию исследований, посвященных изучению динамики романтических отношений в контексте ситуаций ревности и измены или развития деструктивной привязанности у одного из партнеров и совладание с ними.

В первом исследовании мы попытались проанализировать, каким образом субъекты деструктивной привязанности совладают с ее проявлениями и стрессом, вызванным ими, в контексте динамики романтических отношений?

Под деструктивной привязанностью к партнеру во взрослом возрасте мы понимаем дезадаптивную, слабо поддающуюся сознательному контролю, модель поведения субъекта, способствующую активному сохранению его связи с партнером в отношениях, не удовлетворяющих потребностей субъекта в любви, принятии, безопасности; создающую угрозу для его психологического, психического, физического благополучия [2]. Такие отношения не приносят включенным в них партнерам удовлетворения, вызывают у них страдания, тяжелые негативные эмоциональные переживания, но, тем не менее, активно поддерживаются субъектами деструктивной привязанности в течение длительного времени.

В исследовании принимало участие 32 человека (20 женщин и 12 мужчин), в возрасте от 23 до 48 лет, испытывающих деструктивную привязан-

ность к партнеру в близких отношениях. Основные методы: Опросник способов совладания (Р. Лазарус и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой и др.) [5], феноменологическое интервью.

Результаты показали, что респонденты с деструктивной привязанностью, начинают переживать стресс с самого начала близких отношений. Первая встреча с партнером воспринимается большинством (69%) как некий переломный, ключевой момент в их судьбе, в который им суждено было испытать целый комплекс сильных чувств и переживаний. Возникает ощущение «судьбоносности» встречи, начинающимся отношениям приписывают мистические характеристики.

Однако, как и в период становления отношений, так и в периоды их развития, характерными источниками стресса в них, по словам испытуемых, являются тревога, страх одиночества, а также множество плохо осознаваемых переживаний и страхов, связанных с недостаточной удовлетворенностью потребностей в любви, безопасности и принятии партнером. По субъективным оценкам таких людей, их партнеры часто не догадываются о силе переживаемого ими стресса, стараются его не замечать, не оказывая достаточной необходимой поддержки. Мы предполагаем, что в таких парах диадический копинг развит недостаточно, каждый из партнеров оказывается «один на один» со своими переживаниями.

Мы выявили, что партнеры с деструктивной привязанностью наиболее склонны к использованию таких копинг-стратегий как «дистанцирование» ($p=0,002$); «самоконтроль» ($p=0,008$); «принятие ответственности» ($p=0,154$); «бегство-избегание» ($p=0$), чем партнеры с безопасной привязанностью.

Использование копинг-стратегии «дистанцирование» связано с когнитивными усилиями, направленными на уход от проблемы, желанием уменьшить ее значимость; тяжестью испытываемых переживаний. Невозможность избавиться от их источника, которым чаще всего воспринимается партнер, приводят к желанию отгородиться от них. Вероятно, сильные негативные переживания также обуславливают высокую напряженность таких копинг-стратегий, как: «самоконтроль» и «бегство-избегание» у испытуемых с деструктивной привязанностью. Высокая напряженность копинг-стратегии «принятие ответственности», на наш взгляд, связана с тем, что переживая негативные чувства, респонденты не склонны ожидать или обращаться за помощью к партнеру, что подталкивает их самим искать пути решения проблемы, что также подтверждается результатами интервью.

Индивидуальный копинг субъектов деструктивной привязанности в длительных отношениях, согласно результатам интервью, представляет собой цикличную смену фаз напряженности и ослабле-

ния копинга. В относительно «спокойные» периоды отношений отмечается значительное улучшение психо-эмоционального состояния субъектов, повышение их активности в иных сферах жизнедеятельности (работа, учеба, социальные контакты и др.). В периоды «обострения» отношений, наоборот, их активность и энергия перенаправляются на то, чтобы стабилизировать и сохранить связь с партнером, напряженность копинга повышается. 56% испытуемых также сообщают, что в данный период у них ухудшается общее самочувствие (устойчиво повышается температура; возникает чувство тошноты; появляются головные боли; снижается работоспособность, быстро наступает утомление). 53% увеличивают употребление спиртных напитков, 100% курящих испытуемых начинают курить значительно чаще, чем обычно.

Кроме того, данные интервью позволяют нам предполагать, что с длительностью отношений у испытуемых происходят изменения ценностных ориентаций, одни потребности заменяются другими, что с течением времени позволяет снизить стрессогенность негативных фактов и ситуаций, наполняющих отношения, что способствует снижению напряженности копинга. Отношения начинают восприниматься свободными от общепринятых норм морали, возрастает восприятие их как «исключительных», не понятных для остальных людей. Особенно это актуально для партнеров, находящихся в деструктивных отношениях более 5 лет.

Также нами было выявлено, что испытуемые склонны к контролирующему поведению в близких отношениях, обычно проявляющемуся в контроле над партнером. С этим мы связываем желание испытуемых сблизиться со своими партнерами, что может объясняться отсутствием между ними истинной близости, что также подтверждается результатами интервью. Данное поведение мы также можем назвать совладающим, поскольку оно направлено на снижение стресса и тревоги в отношениях. Стремление контролировать партнера, по словам самих испытуемых, впервые возникло и получило развитие именно в данных конкретных отношениях. С длительностью отношений усиливается потребность субъектов деструктивной привязанности в полном контроле над партнером и отношениями в целом, по их собственным оценкам, они становятся более подозрительными, подверженными навязчивым идеям, снижается их толерантность в ситуациях неопределенности в отношениях.

Таким образом, в партнерских отношениях с деструктивной привязанностью существует специфическая динамика копинга, проявляющаяся в смене фаз его напряженности/ослабления; усиление толерантности к негативным переживаниям за счет изменения ценностей в отношениях; усиление контроля в отношениях; стремление найти субъек-

тивный баланс между безопасной близостью к партнеру и безопасной удаленностью от него. В том случае, если у одного из партнеров деструктивная привязанность, присутствует дисфункциональная динамика отношений, требующая не только индивидуального, но и диадического копинга для их сохранения.

Во втором исследовании, проведенном О.А. Екимчик, мы попытались проанализировать динамический аспект романтических отношений в ситуации ревности партнера, а именно комплекс эмоциональных и физиологических реакций в ситуации ревности и динамики совладания с ней в романтических отношениях.

Под ревностью мы понимаем ситуационное поведение человека на реальную или воображаемую угрозу потери значимых отношений. Оно находит свое выражение в комплексе эмоциональных, физиологических, когнитивных и непосредственно поведенческих реакциях.

В нашем исследовании приняли участие 164 человека: 102 женщины и 62 мужчины в возрасте от 20 до 40 лет, средний возраст 25, 6 года. Все респонденты состоят в романтических отношениях. Переживание ревности у испытуемых нами изучалось в ретроспективном аспекте.

Комплекс методов: опросник «Реакции на ревность» (Маслач и Пайнс, 2003); Шкала эмоциональных ассоциаций с ревностью (разработанные в Калифорнийском университете под руководством Р. Хупки, 1997).

Результаты, полученные с помощью факторного анализа, позволяют нам утверждать, что эмоциональные переживания ситуаций ревности весьма разнообразны, но у большей части негативны и стрессогенны. Факторизация эмоциональных ассоциаций в ситуации ревности, на наш взгляд, подтверждает концепцию Р. Хупки о том, что ревность – это ситуационное поведение, демонстрируемое человеком при наличии реальной или воображаемой угрозы утраты отношения или наличия соперника (Нурка, 1990). Среди факторов эмоциональных ассоциаций с ревностью особое внимание нам хотелось бы уделить следующим: 1) переживание ситуации ревности как стрессовой, трудной, с преобладанием подавляющих активность негативных эмоций; 2) негативные, но активизирующие человека эмоции в ситуации ревности, которые могут выступать одним из способов совладания; 3) противоположный предыдущему способ совладания через доверие, оправдание и прощение, по отношению к партнеру; 4) эмоции, характеризующие первичную оценку ситуаций ревности, результатом которой и является решение угрожает она утратой партнера и отношений или нет.

Эмоции, ассоциирующиеся с ситуацией ревности, образуют своего рода комплексные переживания разнообразные по интенсивности и окрашен-

ности, способствующие либо совладанию, либо несовладанию с реальной или воображаемой угрозой утраты партнера и развивающихся романтических отношениях.

Кроме того, в ситуации ревности интенсивно выражены следующие физиологические реакции: нервный срыв, учащение сердцебиения. Остальные реакции в целом по выборке выражены гораздо слабее.

Таким образом, мы рассмотрели эмоциональные и физиологические реакции человека на ситуацию ревности партнера и совладание с ней в динамике романтических отношений. В качестве копинга в ситуации ревности романтические партнеры склонны либо к отреагированию своих отрицательных эмоций и негативных переживаний, либо к прощению и оправданию партнера. Изменение психического состояния ревнующего партнера и выбор стратегии совладания или несовладания осуществляется после вторичной оценки собственных ресурсов и ситуации.

Еще более стрессогенной, чем ситуация ревности, для романтических партнеров является ситуация измены, также характерная для динамики романтических отношений. В связи с этим третье исследование было посвящено изучению совладания с изменой в динамике романтических отношениях. Измена рассматривается нами как субъективно понимаемый, отрицательно оцениваемый поведенческий акт партнера, нарушающий обязательство верности, вызывающий сильные, преимущественно негативные, эмоциональные переживания и разрушающий доверие партнеров друг к другу, при котором один из партнеров переносит характеристики актуальных отношений и способы поведения в них на отношения с другим романтическим партнером [7]. Последствия измены неоднозначны: она может привести как к улучшению отношений, так и к их ухудшению. В нашем исследовании мы предположили, что переживание измены в романтических отношениях и совладание с ней обладает определенной спецификой и динамикой.

Основные методы сходны: Опросник способов совладания (Р. Лазарус и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой и др., 2003); Шкала оценки влияния травмирующих ситуаций (Н.В. Тарабрина, 2001); феноменологическое интервью.

Нашими респондентами были мужчины (22 человека) и женщины (25 человек) в возрасте 19–45 лет (средний возраст 32 года). С партнером наших испытуемых связывали чувства привязанности, присутствовали сексуальные отношения. Не более двух лет назад в их отношениях произошла измена партнера.

Нами было проведено феноменологическое полуструктурированное интервью с респондентами, пережившими измену партнера. Все 100% испыты-

емых рассматривают измену как стресс, ее переживание как трудный период в своей жизни. Респонденты заявляют о длительных переживаниях (более двух лет) в 38% случаев, от года до двух – в 19%, и 43% испытывает острый стресс менее года. На основе обобщения полученных с помощью интервью данных в динамике переживания измены можно выделить три блока: 1) блок получения информации и реакции на нее (удивление, непонимание); 2) блок эмоций, связанных с партнером (разочарование, обида, гнев); 3) блок эмоций, связанных с отношениями (отчаяние, страх потери). Уже на первом этапе получения информации переживание может осложняться включением психологических защитных механизмов. В соответствии с полученными ранее данными (Смирнова, 2011) механизм отрицания выражен на 72% по обобщенным результатам всех испытуемых. Такая высокая выраженность механизма объясняется особенностями ситуации: субъект, не готовый к конструктивным действиям и не способный эффективно действовать, будет отрицать сам факт наличия проблемной ситуации и сильного эмоционального ее переживания.

При измерении стрессогенности ситуации измены с помощью Шкалы оценки влияния травмирующих ситуаций обнаружено, что 11% испытуемых считает ее стрессом низкого уровня, большинство (78%) придает ей среднее значение, а 11% респондентов даже заявляют об измене партнера как о психотравмирующей ситуации. По результатам интервью выделено несколько особо травмирующих факторов в ситуации измены: ситуация соперничества, снижение самооценки, угроза разрыва значимых отношений и потери близкого человека, необходимость перестройки собственной жизни, разрушение диады и появление триады.

Показателем сильного стресса также выступает изменившееся поведение испытуемых, его отмечают у себя 63% опрошенных: поменялся режим сна и приема пищи, появились вредные привычки (курение, алкоголь), обострение соматических заболеваний, изменился стиль общения, появилось стремление к рефлексии и самокритике, стали уделять больше времени себе, появилось желание выразить себя в творчестве. В перечисленных изменениях поведения нам видится переоценка ценностей испытуемыми и предпосылки будущих стратегий совладания.

Большую роль в совладании, это признается 73% выборки, играет социальная поддержка. Основная поддержка заключалась в нахождении рядом, выслушивании и попытках изменить оценку ситуации, дать совет. Наши испытуемые говорят о сложности самостоятельного преодоления ситуации. По результатам интервью мы можем видеть, что в описаниях присутствуют в основном избегающие стратегии (старание переключиться на другие дела; уход в работу, религию; общение; употребление алкоголя; лишение себя свободного времени; отвлечение на детей; применение антидепрессантов). Стратегии проблемно-ориентированного (посещение консультаций психолога, анализ ситуации) и эмоционально-ориентированного копинг-стиля (выяснение отношений, погружение в переживания) применяются значимо реже.

Измена влияет не только на психологический комфорт участников отношений, но и на характеристики самих отношений. Проведенный регрессионный анализ выявил отрицательное влияние переменных, выражающих переживание ситуации измены партнера на стабильность романтических отношений ($R^2=0,96$, $\beta=-0,34$ при $p \leq 0,01$). Таким образом, субъект, переживающий измену партнера, испытывает преимущественно негативные чувства, что способствует снижению значимости отношений для него и приводит к возможности их разрушения. Тем самым подтверждается стрессогенность измены через выраженность «угрозы разрушения значимых отношений».

Связь между степенью тяжести переживания измены партнера и применяемыми в данном случае копинг-стратегиями оказалась значимой по нескольким шкалам (табл. 1).

На наш взгляд, это свидетельствует о том, что чем сильнее стресс, вызываемый ситуацией измены, тем больше субъект ищет поддержки у близких людей, но в то же время вступает в противоречие и конфликты с неверным партнером. Чем сильнее ситуация измены партнера волнует человека, «вторгается в его жизнь», тем больше возникает конфликтов и противостояния между партнерами. При этом, чем выше физиологическое возбуждение субъекта, тем меньше он стремится отделяться, дистанцироваться от своего партнера. Тем самым подтверждается амбивалентность эмоциональных состояний при переживании измены (по О.А. Екимчик).

Таблица 1

Значимые корреляции (по Спирмену) между стратегиями совладания (по ОСС) и аспектами переживания измены (по ШОВТС) n=40 чел.

Шкалы ШОВТС	Вторжение	Физиологическое возбуждение
Копинг-стратегии		
Конфронтативный копинг	0,73*	
Дистанцирование		-0,54*
Поиск социальной поддержки	0,66*	

Примечание: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,001$; *** - $p < 0,0001$.

Полагаем, одним из показателей эффективности совладания может выступать прощение неверного партнера и чувства, на данный момент испытываемые к нему. 12% выборки заявляют о полном прощении партнера и спокойствии, равнодушии по отношению к нему. 47% выборки говорят о невозможности его простить. После произошедшей измены отношения партнеров могут претерпевать различные трансформации: стать дружескими или враждебными вместо романтических. Полагаем, это также будет зависеть от репрезентации социальной реальности, оценке перспектив отношений в сознании субъекта.

Таким образом, измена воспринимается всеми испытуемыми как трудная жизненная ситуация: переживание измены обладает определенной динамикой, результатом усилий субъекта может стать более или менее успешное совладание, которое повлечет за собой изменение характеристик романтических отношений. Зачастую измена и несовладание с ней играют негативную роль в динамике романтических отношений и приводит к их разрыву, так как по результатам исследования большинство пар все-таки распадается.

Выводы

1. Динамика близких (романтических) отношений отражается как в развитии и трансформации самих отношений, так и в совладании с трудностями, возникающими в их контексте (деструктивной привязанностью, ситуациями ревности и измены). Динамику романтических отношений определяют индивидуально-личностные особенности партнеров, их связность в паре, качество отношений и их умение совладать негативными проявлениями ситуационного контекста отношений.

2. Несмотря на активное совладание со стрессом в отношениях с деструктивной привязанностью и динамику копинга, мы можем говорить о неконструктивности совладания с высоким уровнем напряжения, стресса в отношениях, ригидности и непродуктивности используемых копинг-стратегий. Причина несовладания в изначальной неудовлетворенности взаимоотношениями, их трансформации в деструктивные отношения, также не удовлетворяющие базовых потребностей личности. Все это вызывает фрустрацию, тревогу и стресс, в тоже время ослабляет и снижает ресурсы и способности субъекта к продуктивному копингу.

3. Ситуации ревности, возникающие в романтических отношениях, также требуют совладания либо через отреагирование негативных эмоций, либо через прощение партнера, принятие ситуации. Несовладание с ситуацией ревности может грозить распадом отношений. Совладание с ревностью определяется положительной оценкой собственных ресурсов и значимостью отношений для партнеров.

4. Ситуация измены является сильнейшим стрессором для развивающихся романтических отношений, так как указывает на появление третьего лица в них. Переживание и совладание с ситуацией измены обладает своей спецификой и динамичностью, которые определяют сохранность и дальнейшее развитие отношений либо, что случается значительно чаще – их распад.

В контексте данной работы мы сделали акцент на дисфункциональной динамике романтических отношений и совладанию с ней. Необходимо отметить, что есть и положительная динамика романтических отношений, которая способствует, как их укреплению в целом, так и развитию личности в этих отношениях, но это должно стать темой нового исследования.

Библиографический список

1. Бочавер К.А. Романтические отношения в юношеском возрасте: представления о преодолении трудностей: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2012. – 26 с.
2. Григорова Т.П. Совладание с деструктивной привязанностью в романтических отношениях взрослых // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2013. – Т. 19. – № 1. – С. 110–116.
3. Екимчик О.А. Когнитивный и эмоциональный компоненты любви у людей разного возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2009. – 27 с.
4. Кроник А.А., Кроник Е.А. Психология человеческих отношений. – Дубна: Когито-Центр, 1998. – 224 с.
5. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения. – Кострома: Авантитул, 2004. – 473.
6. Психология малой группы: структура, динамика, организация: Сб. науч. тр. / сост. и ред. И.Г. Самойлова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011.
7. Смирнова Н.С. Совладание с изменой как трудной жизненной ситуацией в романтических отношениях диады // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2011. – Т. 17. – № 4. – С. 226–230.
8. Burney R. The emotional dynamics of dysfunctional romantic relationships [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.healthyromanticrelationships.com>. (Дата обращения: 7.10.2013).
9. Dynamics of Romantic Love: Attachment, Caregiving, and Sex / M. Mikulincer & G. S. Goodman (Eds.). – New York: Guilford Press, 2006.
10. Murray S.L., Holmes J.G. Interdependent minds: the dynamics of close relationships. – New York: Guilford Press, 2011.

Попова Ирина Викторовна

доктор социологических наук, профессор
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
pivik@list.ru

Котлярова Любовь Дмитриевна

кандидат экономических наук, доцент
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
kotlyarova-lyubov@mail.ru

Котлярова Ольга Алексеевна

Костромская государственная сельскохозяйственная академия
koshechka21041992@mail.ru

ЗДОРОВЬЕ РАБОТНИКОВ КАК ФАКТОР ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА. ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ

Проблеме качества рабочей силы уделяется большое внимание в экономической теории. Однако уровень здоровья как фактор производительности труда в отечественной экономической теории чаще только упоминается, но мало исследован. В России не стоит вопрос использования тех факторов повышения производительности труда, которые принято считать второстепенными, так как не исчерпаны другие возможности, такие как модернизация производства, материальное стимулирование. В то время как западные специалисты не только в теории, но и на практике используют состояние здоровья людей как механизм, влияющий на результативность деятельности компании. В условиях развитого индустриального общества качество рабочей силы из второстепенного фактора переходит в группу основных факторов управления производительностью труда. Изучение влияния качества рабочей силы на производительность труда является сложной исследовательской задачей, прежде всего, с точки зрения измерения этого влияния.

В статье представлена методика исследования влияния состояния здоровья рабочих на производительность труда. Представлены результаты исследования качества рабочей силы на конкретном предприятии. С помощью полученных результатов показано, что на предприятии есть возможность повышения производительности труда за счет улучшения состояния здоровья рабочих, за счет пропаганды и стимулирования здорового образа жизни.

Ключевые слова: качество рабочей силы, состояние здоровья рабочих, измерение качества рабочей силы, управление состоянием здоровья.

Здоровье работников является основополагающим элементом качества рабочей силы. Проблеме качества рабочей силы уделяется большое внимание в экономической теории. Однако уровень здоровья как фактор производительности труда в отечественной экономической теории чаще только упоминается, но мало исследован. Это объясняется тем, что в России не стоит еще так остро вопрос повышения производительности труда, так как не исчерпаны другие возможности, такие как модернизация производства, материальное стимулирование и т.д. А западные специалисты не только в теории, но и на практике используют состояние здоровья людей как механизм, влияющий на результативность деятельности компании. В условиях развитого индустриального общества качество рабочей силы из второстепенного фактора переходит в группу основных факторов управления производительностью труда.

Все факторы, влияющие на производительность труда, можно разделить на две группы. Первая включает факторы, способствующие повышению производительности труда, улучшению организации труда и социальных условий жизни трудящихся. Вторую группу представляют факторы, негативно отражающиеся на производительности труда: неблагоприятные природные условия,

плохая организация производства и труда, напряженная социальная обстановка.

Для измерения влияния каждого фактора на результаты хозяйственной деятельности их разделяют на количественные и качественные, простые и сложные, измеряемые и не измеряемые. Количественными считаются факторы, которые выражают количественную определенность явлений. Качественные определяют внутренние качества, признаки и особенности изучаемых объектов. Большинство изучаемых факторов по своему составу являются сложными, состоят из нескольких элементов. Однако есть и такие, которые не раскладываются на элементы. В зависимости от состава факторы делятся на сложные (комплексные) и простые (элементарные). Примером сложного фактора является качество рабочей силы, а простого – количество рабочих дней в отчетном периоде [2].

Анализ экономической литературы показывает, что существует множество факторов, влияющих на уровень производительности труда. К их числу относится и качество рабочей силы. Оценивая данное понятие, мы будем исходить из того, что качество рабочей силы – это совокупность человеческих характеристик, которые проявляются в процессе работы и включают в себя квалификацию и личные качества работника: состояние здоровья, интеллектуальные способности,

способность адаптироваться, мобильность, мотивированность, профессиональную пригодность, рассматриваемых в единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности, позволяющих ему выполнять конкретные виды труда определенной сложности и интенсивности в условиях характерного для данного общества технологического способа производства [3].

В теорию и практику экономической жизни входят конкретные качественные характеристики рабочей силы: образование, квалификация, накопленный опыт, личные качества, состояние здоровья, которые получают качественную и количественную народнохозяйственную оценку. Мы считаем, что именно это направление следует считать наиболее перспективным в процессе повышения производительности труда, однако его развитие наталкивается на ряд трудностей, прежде всего – недостаточную изученность влияния показателей качества рабочей силы на эффективность производства.

Перевести физические свойства людей в эмпирические показатели через самооценку нельзя, а получить самооценку состояния здоровья человека можно и нужно, так как в основе всех рассмотренных характеристик качества рабочей силы основополагающим элементом, безусловно, является здоровье человека. Без физического и духовного благополучия невозможно полноценное и конкурентоспособное развитие рабочего в рамках рыночной экономики. Как правило, под здоровьем принято понимать интегральный показатель полного физиологического, психического и социального состояния человека. По мнению ВОЗ, в медико-санитарной статистике под здоровьем на индивидуальном уровне понимают отсутствие выявленных расстройств и заболеваний, а на популяционном – процесс снижения уровня смертности, заболеваемости, инвалидности.

Классическим определением понятия здоровья принято считать следующую формулировку: «Здоровье – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» [1].

Экономическую оценку здоровья можно рассматривать на различных уровнях. Так, если рассматривать ее на уровне общества (макроуровень), то можно, например, говорить о недопроизводстве ВВП вследствие сокращения продолжительности трудовой жизни. На уровне предприятия (микроуровень) следует отметить потери рабочего времени из-за болезней и травм, дополнительные издержки, связанные с выплатой по больничным листам, издержки, связанные с поиском замены заболевшего работника, что, в свою очередь, сказывается на экономических результатах деятельности предприятия. Именно на основе определенного самочувствия, физического и эмоционального

благополучия работник может развивать свои знания, умения и навыки в том направлении, которое считает для себя приоритетным. В том же случае, если существуют определенные отклонения в сторону ухудшения состояния человека, например, инвалидность, то в силу возможной физической или психической недееспособности человеку будет трудно, а порой и невозможно приспособиться к требуемым темпам производства.

В данной статье представлена методика определения влияния состояния здоровья рабочих на производительность труда на основе самооценки на одном из предприятий г. Костромы. Учитывая, что исследование было проведено по заказу предприятия и существует необходимость сохранения конфиденциальности полученных результатов, название предприятия указано не будет. Наша задача – показать, как с помощью созданной методики можно исследовать качество рабочей силы через изучение его основного компонента – состояния здоровья рабочих.

Проблема эмпирического исследования была сформулирована следующим образом: «Качество рабочей силы как фактор повышения эффективности использования ресурсов на микроуровне хозяйствования экономического субъекта».

Проведенная операционализация понятий позволяет нам определиться с показателями, которые могут быть использованы для исследования влияния здоровья работников на производительность труда:

1. Самооценка собственного здоровья.
2. Наличие профессиональной заболеваемости.
3. Наличие хронических заболеваний.
4. Частота плохого самочувствия.
5. Самооценка своего обычного настроения.
6. Вредные привычки. Образ жизни (табакокурение, употребление спиртных напитков, занятия спортом, поддержание здорового образа жизни).
7. Качество питания.
8. Использование медицинского обслуживания, посещение врачей.
9. Самооценка производительности труда.
10. Оценка влияния самочувствия на производительность труда.

Для комплексной оценки состояния здоровья рабочих на предприятии был использован как анализ статистических данных для подсчета потерь, связанных с уходом персонала на больничные листы, так и опрос, позволяющий выявить и самооценку состояния здоровья, и взаимосвязь здоровья с производительностью труда.

Анализ имеющихся статистических данных позволил проследить динамику пропусков рабочих дней по больничным листам, а также уровня заболеваемости рабочих предприятия за четыре года.

Проанализировав полученные данные можно увидеть, что общее количество пропущенных дней

Количество пропущенных дней работниками по больничным листам за 2009–2013 года

	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2013 г. к 2009 г., %
Количество пропущенных дней за год всеми сотрудниками	517	613	764	845	1091	211,03
В том числе:						
По беременности и родам	14	42	28	70	98	700
По уходу за ребенком	63	119	168	181	190	301,59
По болезни	440	452	568	594	803	182,5

по больничному листу за пять лет увеличилось на 574 дня или 211,03%. Безусловно, это связано и с ростом численности работников на предприятии. Однако если сравнить темпы роста численности персонала и заболеваемости людей, то можно проследить, что число пропущенных по болезни дней увеличивается быстрее, чем численность персонала.

По итогам медицинского осмотра 2009 года было осмотрено 48 человек. В результате проведенного осмотра все обследуемые по состоянию здоровья распределились на следующие группы: здоровые (91,6%); практически здоровые (8,4%); требующие динамического наблюдения и лечения (8,4%).

В 2010 году медицинский осмотр прошли 63 человека. В результате осмотра выявлено количество лиц с общим заболеванием – 23.

В 2011 году медицинский осмотр 1 июля прошли 55 человек. В заключительных актах не прописано, кто именно прошел данный осмотр и какие хронические заболевания имеются у работников.

В 2012 году осмотр не проводился, а в 2013 его прошли 69 человек. В результате данного осмотра были выявлены количество лиц с общим заболеванием – 25 человек, также были выявлены 4 работника, имеющие постоянные медицинские противопоказания к работе.

Таким образом, сравнив результаты 2010 года и 2013 года, можно увидеть динамику состояния здоровья рабочих предприятия.

Можно видеть, что увеличилось число людей с такими заболеваниями как: доброкачественные новообразования, болезни эндокринной системы, болезни глаза, органов дыхания, болезни костно-мышечной системы. Уменьшилось количество сотрудников с болезнью крови и кроветворных органов, болезни системы кровообращения и органов пищеварения. Это те данные, которые можно получить, используя метод анализа документов, вторичную информацию. Но эта информация не дает возможности установить взаимосвязь между здоровьем работников и производительностью их труда. Данная задача может решаться только с помощью первичных данных, являющихся результатом собственной оценки этих показателей работниками.

Для получения самооценки состояния здоровья и установления взаимосвязи состояния здоровья с производительностью труда на предприятии было проведено анкетирование, в котором участвовали рабочие завода. Объем выборки составил 200 человек, в возрасте от 18 до 65 лет, в основном женатые (замужние) – 60,5%. Общий стаж работы опрошенных – от года до 45 лет, а стаж работы на данном предприятии – от года до 26 лет.

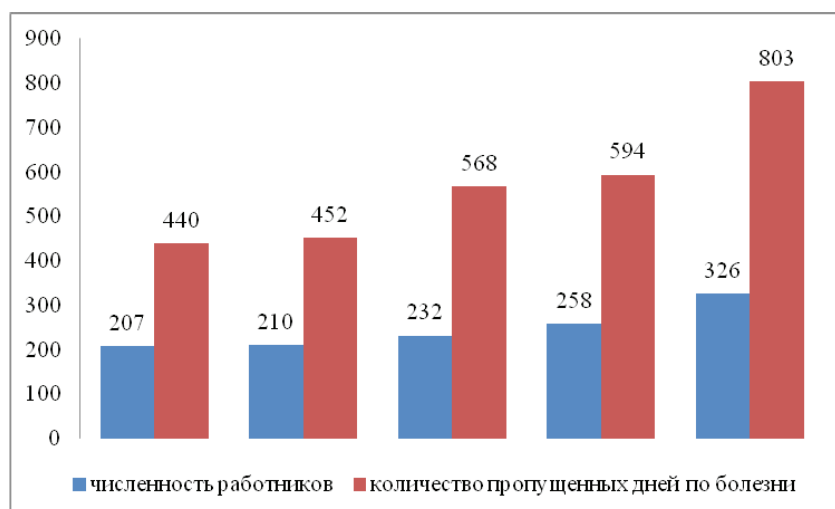

Рис. 1. Темпы роста численности персонала и пропущенных дней по болезни

Таблица 2

Сравнительная характеристика выявленных отклонений в состоянии здоровья рабочих на предприятии в 2009 и 2013 годах

Общие заболевания	2010 г.	2013 г.
Доброкачественные новообразования	0	3
Болезни крови и кроветворных органов	2	1
Болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ	0	4
Болезни глаза	0	3
Болезни уха и сосцевидного отростка	0	0
Болезни системы кровообращения	18	5
Болезни органов дыхания	1	5
Болезни органов пищеварения	2	1
Болезни костно-мышечной системы	0	6
Болезни мочеполовой системы	0	1
Всего человек с общими заболеваниями	23	29
всего человек прошедших осмотр	63	69

Прежде всего, необходимо было получить самооценку состояния здоровья. Для этого ставился вопрос: «Как бы Вы оценили свое здоровье?», полученный результат показал, что 60% оценивают его как хорошее, болеют только сезонными простудными заболеваниями; 37,5% – как среднее, имеют одно хроническое заболевание; 2,5% – как плохое, имеют несколько хронических заболеваний.

Следующий вопрос касался наличия профессиональных заболеваний. В целом 95% указали на отсутствие профзаболеваний, а 5% – на их наличие. Среди профзаболеваний были названы хондроз, варикоз, гипертония и плохое зрение.

На производительность труда влияет общее самочувствие работника во время рабочего дня. Поэтому в исследовании задавался ряд вопросов, дающих представление о том, как чувствуют себя рабочие на рабочем месте. На вопрос: «Как Вы оцениваете свое самочувствие?» получили следующее распределение:

Самочувствие всегда хорошее, ничего не болит и не беспокоит – 55%.

Бывает плохое самочувствие – 45%.

Второй вопрос был направлен на выявление частоты плохого самочувствия. Среди респондентов, констатировавших плохое самочувствие, 34% сказали, что такое состояние бывает редко, всего раз в месяц, 20% отметили, что оно бывает примерно раз в неделю, 3% пожаловались на ежедневные недомогания.

Рабочие чаще всего жалуются на головную боль (32%), повышенное давление (18%), боль в области сердца (8%) и головокружения (4%). Реже указывались: старые травмы, боль в желудке, суставах и ногах и ОРЗ.

Причину этих недомоганий респонденты видят преимущественно в плохом сне (32%) – как правило, это женщины в возрасте от 40 до 50 лет. 12% среди причин указали табакокурение, столько же – хронические заболевания. В этом же ряду стоит и вопрос о своем обычном настроении. Результаты исследования показали следующее распределение: обычно у меня прекрасное настроение – 24%; обычно у меня хорошее, ровное настроение – 54%; обычно у меня плохое настроение – 2%; обычно у меня тревожное настроение – 1%; настроение часто меняется – 12%; затрудняюсь ответить – 8%.

Таким образом, полученная самооценка показывает, что 40% рабочих на предприятии имеют хронические заболевания, 5% – профзаболевание, у 20% раз в неделю, а у 3% каждый день бывает плохое самочувствие, 4% находятся в плохом настроении. Все это говорит о низком качестве рабочей силы на предприятии, связанном с состоянием их здоровья. В исследовании ставилась задача выявления причин снижения качества рабочей силы. Для этого были разработаны показатели, дающие представление об образе жизни работающих.

Прежде всего, это вопросы, касающиеся вредных привычек и качества питания. Оказалось, что

Таблица 3

Самооценка состояния здоровья различными возрастными группами рабочих (% от числа опрошенных n=200)

Возрастная группа	Имею одно хроническое заболевание	Имею несколько хронических заболеваний
18-30 лет	32	1
31-40 лет	43	5
41-50 лет	43	3
51-60	57	0
Старше 60	20	20

только 32% опрошенных не курят. Остальные выкуривают в день от 3 до 40 сигарет.

Данные показали, что 18 человек выкуривают 10 сигарет в день; 15 человек – 15 сигарет; 20 – 9 сигарет. Есть и такие, кто курит постоянно, то есть по 30 и 40 сигарет. Причем, самой курящей оказалась возрастная группа от 31 до 40 лет. Курят не только мужчины, но и женщины.

Также был задан вопрос относительно употребления спиртных напитков. Оказалось, что не пьют вообще 36% опрошенных, а каждый день употребляют алкоголь 3% респондентов. Приведем ответы на вопрос: «Сколько раз Вы употребляли спиртное в течение последней недели?» Число тех, кто выпивает в течение недели 1 раз, велико – 43 человека, число людей, употребляющих спиртные напитки от двух раз в неделю, медленно снижается с 15 до 1 человека. Следующий вопрос был сформулирован так же, как и предыдущий, но относился к употреблению пива. Здесь люди отвечали следующим образом: 36% не пьют пиво, из них 70% женщин и 32% мужчин, а 2% употребляют данный напиток каждый день, причем это исключительно представители мужского пола в возрасте от 41 до 60 лет. Как и в ситуации с алкогольными напитками, велика доля тех, кто употребляет пиво раз в неделю (47 человек или 24%). Однако частота употребления пива доходит до 5 раз в неделю.

На вопрос о качестве питания 59% опрошенных ответили, что питаются хорошо, каждый день едят что-то мясное и 40% – в целом неплохо, несколько раз в неделю едят что-то мясное или рыбное. Учитывая, что на заводе есть собственная столовая, мы спросили людей, питаются ли они в ней, и если нет, а если нет, то по какой причине. Здесь ответы распределились следующим образом: 60% обедают в столовой; 25% иногда носят обед с собой, а иногда ходят в столовую; по 7% – носят обед из дома, поскольку им не нравится еда из столовой, либо вообще не обедают во время работы; 1% опрошенных считает, что в столовой завышенные цены.

Таким образом, оценивая образ жизни рабочих с точки зрения состояния качества рабочей силы, можно сказать, что этот фактор не способствует повышению качества рабочей силы на предприятии, так 68% респондентов – курильщики, 3% каждый день употребляют алкогольные напитки, 2% ежедневно пьют пиво, 7% не обедают во время работы.

Для определения возможных действий по повышению качества рабочей силы на предприятии, в исследовании задавался ряд вопросов, касающихся оценки принимаемых самими рабочими мер по повышению состояния собственного здоровья. С этой целью мы спросили у рабочих, что конкретно они делают для улучшения своего здоровья. Оказалось, что 24% занимаются спортом, по 17% не курят и принимают витамины, 14% не пьют алкогольных напитков, некоторые пользуются на-

родной медициной и регулярно посещают врача. Причем врачам доверяют всего 3% рабочих, а народной медицине – 12%. Поскольку вопрос был полуоткрытым, то некоторые написали свои варианты: «пью таблетки, бываю в санатории, занимаюсь физическим трудом, употребляю натуральные продукты и занимаюсь йогой». 38% работников ничего не делают для укрепления своего здоровья.

На вопрос: «В каких случаях Вы посещаете врача?» были получены следующие ответы: по 30% – только когда нужен больничный лист, когда что-то беспокоит или только в крайнем случае, 8% лечатся своими средствами и только 2% ходят к специалистам каждые полгода для профилактики, не дожидаясь осложнений.

Из полученных результатов видно, что за квалифицированной помощью рабочие обращаются только по необходимости. Интересно, что с целью профилактики в поликлинику чаще идут женщины в пенсионном возрасте, а лечатся своими силами исключительно мужчины всех возрастов, но особенно те, кому за 60. На предприятии организован медицинский пункт, в котором принимает приглашенный врач. Но, выяснилось, что не все рабочие знают о его существовании (84%), а те, кто знают, бывают там или раз в месяц или реже.

Исследование влияния качества рабочей силы на производительность труда представляет собой особую сложность в плане ее измерения. Эту возможность дает нам социологический опрос. Мы можем получить самооценку производительности труда через вопрос: «Какая оценка производительности труда соответствует тому, как Вы работаете?» полученный результат: я делаю примерно столько же, сколько и другие – 84%; я делаю в течение рабочего дня больше, чем другие – 9%; я делаю меньше других – 7%.

Данный результат показывает, что возможности у рабочих разные, что может быть связано с различными причинами, но в нашем исследовании мы будем выяснять, каким образом это связано с самочувствием.

Кроме того, опрос дает возможность выяснить, работают ли люди при фактически имеющихся темпах на пределе своих возможностей или нет. Оказалось, что 72% опрошенных могли бы делать больше, а 28% считают, что это невозможно. Среди причин своих недоработок респонденты указали: отсутствие опыта, неблагоприятные условия труда, возраст, плохое образование, сложившуюся дисциплину, межличностные отношения с начальником, головные боли, недосыпание, усталость, боли в пояснице, суставах, ногах, головокружения и проблемы с давлением. Очевидно, что чаще всего проблемы, связанные с производительностью труда, возникают из-за плохого самочувствия рабочих. На уточняющий вопрос: «Можете ли Вы сказать, что плохое самочувствие бывает причиной

невыполнения Вами дневной нормы производительности труда?» мы получили следующие ответы: да, такое иногда бывает – 52%; нет, это никак не сказывается на выполнении нормы – 26%; да, такое бывает довольно часто – 12%; нет, норму я выполняю, но через силу – 10%.

Полученный результат по самооценке взаимосвязи самочувствия с производительностью труда подтвердил нашу гипотезу о том, что состояние здоровья является фактором, влияющим на производительность труда.

Таким образом, проведенное исследование показало, что с помощью социологического опроса можно решать задачи, которые представляют сложность в процессе управления, но для этого необходим правильный анализ и отбор показателей. С точки зрения использования результатов эмпирического исследования в процессе управления следует сформулировать проект управленческого решения, который может выглядеть следующим образом: чтобы изменить сложившуюся ситуацию и повысить производительность труда на предприятии, необходимо, основываясь на полученных данных, разработать конкретную программу мероприятий по управлению качеством рабочей силы

через улучшение состояния здоровья работников. Исследование показало, что здоровье рабочих – это ключевой компонент качества их рабочей силы. Здоровье сотрудников – важный ресурс компании. На данном предприятии есть возможность повышения производительности труда за счет улучшения состояния здоровья рабочих, за счет пропаганды и стимулирования здорового образа жизни. Работодатель может минимизировать издержки предприятия, управляя здоровьем персонала.

Библиографический список

1. Рост требований к работникам. Специальные уклоны рабочей силы и Компетентность. Психологическая адаптация и Профессиональная подготовка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://trudimsya.net/kach_rab.html (дата обращения 12.07.2014)
2. Товар «рабочая сила». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://laboureconomics.ru/glava2/p21> (дата обращения 20.06.2014)
3. Устав (Конституция) всемирной организации здравоохранения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf> (дата обращения 18.06.2014).

Караткевич Александр Григорьевич

доктор политических наук
Академия труда и социальных отношений (г. Москва)
karatkevich1@mail.ru

Головин Юрий Алексеевич

доктор политических наук
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
yagolovin@rambler.ru

ПРОЦЕСС ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются состояние и перспективы развития интеграционных процессов в рамках Союзного государства России и Белоруссии. Авторы статьи полагают, что в рамках союзного строительства в последнее время проведена большая работа. Однако судить о коренных изменениях в экономической и социальной сферах России и Беларуси пока что еще преждевременно. В российско-белорусской интеграции еще много недостатков, так как большинство организационно-распорядительных документов Союзного государства практически не работает. Поэтому и эффект мероприятий по интеграции в политической сфере неоправданно низок.

В статье показаны основные этапы союзного строительства, развитие политико-правовых основ Союзного государства. Предложены рекомендации для совершенствования интеграционного процесса союзных государств. Опыт минувших лет убедительно показал, что наряду с совершенствованием интеграционных механизмов не следует рассматривать Союз России и Белоруссии как единственную форму объединения. Развитие внутреннего потенциала каждой страны Содружества возможно только при экономической интеграции стран постсоветского пространства на новой политической основе. К тому же следует иметь в виду, что любое межгосударственное объединение проходит различные этапы своего развития, дополняясь и обогащаясь новыми, более эффективными формами многопланового сотрудничества.

Авторы полагают, что Евразийский Союз – это одна из эффективных форм интеграции суверенных государств с целью укрепления стабильности и безопасности на постсоветском пространстве и осуществления экономической и политической трансформации.

Ключевые слова: интеграция, реинтеграция, мировые интеграционные процессы, этапы союзного строительства, механизм политической интеграции России и Белоруссии.

На переломе XX и XXI веков происходит грандиозная трансформация системы международных отношений [3, с. 63]. В результате в мире сложилась новая геополитическая ситуация, коренным образом отличающаяся не только от сложившейся после Второй мировой войны и державшейся десятилетиями политической картины мира, но и от мировой политической панорамы двадцатилетней давности. Стратегическое превосходство Запада стало ярко выраженным [4, с. 36]. **На формирование этой ситуации решающее воздействие оказали два события:** произошел развал Советского Союза – двухполюсное мироустройство превратилось, в принципе, в однополярную мировую систему, хотя и неоднородную, многоплановую по уровню экономической и социально-политической развитости; в полную силу заявила о себе глобализация, вступив в интенсивную фазу развития, мировые интеграционные процессы обрели бурный и всеохватывающий характер.

Если первое событие коренным образом меняло *структуру, соотношение и конфигурацию* мировых геополитических сил, то второе стало одной из самых новых и модных тенденций развития и новым фактором бытия человечества, его отношений и связей. Факт совпадения этих двух событий во времени (1990-е годы) с геометрической прогрессией повысил их взаимный кумулятивный

эффект. В результате этого и произошла небывалая, уникальная в истории человечества (по характеру, своеобразию и сложности) реактивная смена расстановки мировых политических сил, приведшая к крушению биполярности.

В это время для постсоветских государств ярко обозначились два противоречивых политических вектора развития: 1) прозападный – глобализационный; 2) интеграционный – СНГ, Союзное государство Беларуси и России, ЕврАзЭС, ОДКБ и др.

Первый – прозападный политических курс трансформации государства и общества – исходил из общей геополитической идеи, что постсоветские государства являются частью Запада, поэтому неизбежно должны ориентироваться на его модель развития. Как удачно отметил Е.М. Кожокин, «Россия в 1990-е гг. не определяла тип политического развития других стран СНГ, тем не менее векторная направленность движения, конституционные параметры, политические институты во многих постсоветских государствах формировались не без российского идейного влияния» [13].

Второй вариант реформ в своей геополитической составляющей ориентировался на так называемое «ближнее зарубежье». Речь шла о восстановлении прежних не только экономических, но и политических связей. Однако этот вариант при реализации столкнулся с рядом сложностей: вспле-

ски сепаратизма и открытое противодействие Западу восстановлению интеграционной роли России над трансформирующимся пространством. С середины 1990-х годов геополитическая конкуренция за влияние на постсоветские государства между США и Россией стремительно возрастала [7, с. 118]. Довольно быстро подобные геополитические установки были восприняты прибалтийскими республиками, Украиной, Грузией. Поэтому, чтобы понять сущность обозначенных противоречий, необходимо рассматривать некоторые теоретические положения и составляющие **противоположностей – глобализацию и интеграцию**. Любое из них в определенной мере связано с озабоченностью постсоветских государств своим геополитическим статусом в международных отношениях.

Действительно, как считает ряд исследователей, в XXI веке четко обозначились три мировые системы – США, Китай и объединенная Европа [1, с. 158]. Сегодня вырисовываются три глобальных полюса-региона, причем не только экономических, но и политических:

1. Западноевропейский, охватывающий своими границами почти 400 млн. человек.

2. Североамериканский (США, Канада) – 400 млн. человек.

3. Тихоокеанский, со стремительно развивающимся Китаем, – конечно, значительно более многонаселенный.

Государства Центральной и Восточной Европы насчитывают также почти 400 млн. человек. Поэтому наилучшим выходом для постсоциалистических государств является **создание четвертого собственного рынка** – рынка общей сферы не только экономического, но и политического сотрудничества. В этом случае интеграция в какой-то мере выступит противовесом глобализации.

Поэтому сегодня можно уверенно говорить о необходимости поиска механизмов реинтеграции. Следует не путать понятия – реинтеграция и дезинтеграция, так как это две противоположности, два полюса, как уже было отмечено. В этом контексте для реинтеграции России, Беларуси и других постсоветских государств принципиальное значение имеет то, что становление, совершенствование регионального интеграционного объединения на постсоветском пространстве осложнено развитием и взаимодействием в нем двух глобальных процессов: **дезинтеграционного и реинтеграционного**.

Факторы дезинтеграции и реинтеграции накладываются на двустороннюю межгосударственную политику, в первую очередь России и Беларуси. В этих условиях основная проблема российско-белорусской интеграции – нахождение типа Союзного государства: имеющего федеративные в сочетании с конфедеративными признаки при сохранении политической независимости, суверенитета и госу-

дарственности каждого из государств – участников Союза, или что-то иное. (Об этом подробнее будет сказано позже.)

Проследим этапы союзного строительства, которыми стали:

– **Соглашение** от 20 июля 1992 г. о формировании межгосударственных хозяйственных структур как основы рационализации хозяйственных связей и стабилизации крупномасштабного производства;

– создание 6 января 1995 г. **Тамозженного союза** двух государств;

– заключение 21 февраля 1995 г. **Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве**;

– подписание в 1996 г. **Договора об образовании Сообщества Беларуси и России**;

– заключение 2 апреля 1997 г. **Договора о Союзе Беларуси и России с более высоким уровнем интеграции** и утверждение 23 мая 1997 г. **Устава Союза Беларуси и России**;

– **Декларация о дальнейшем единении России и Беларуси** от 25 декабря 1998 г.;

– заключение **Договора о создании Союзного государства**, подписанного 8 декабря 1999 г. вместе с Программой действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений этого Договора [21, с. 4–7].

В рамках союзного строительства в последнее время проведена большая работа. Однако судить о коренных изменениях в экономической и социальной сферах России и Беларуси пока преждевременно. Сравнительные данные по некоторым социально-экономическим показателям двух стран в условиях постсоветской трансформации таковы: уровень падения промышленного производства в России – 54%, в Беларуси – 31,7% (по мировым стандартам уровень падения промышленного производства в мирное время не может быть ниже 30%); доля импортных продуктов в России – 40%, в Беларуси – 29,5% (в соответствии с мировой практикой этот показатель не должен превышать 30%); доля в экспорте продукции обрабатывающей промышленности в России – 12%, в Беларуси – 3% (в мире обычно не ниже 45%); доля от ВВП государственных ассигнований на науку в России – 0,42%, в Беларуси – 0,85% (в развитых странах – не менее 2%); соотношение богатых и бедных групп населения в России – 14:1, в Беларуси – 5,3:1.

В российско-белорусской интеграции много недоработок, так как большинство организационно-распорядительных документов Союзного государства практически не работает. Эффект мероприятий по интеграции в политической сфере неоправданно низок. Серьезным является противоречие между принципиальным согласием сторон на интеграцию и определением конкретных механизмов, этапов, процедур и форм объединения. Дело в том, что интегрирующиеся российская и белорусская экономики сегодня – это различные

типы экономики, прошедшие разные пути постсоветской трансформации: либеральный (Россия) и тип государственного регулирования (Беларусь), экономики фактически без частной собственности и определенным образом адаптированной к рыночным отношениям. Вместе с тем следует отметить, что на постсоветском пространстве фактически проявляются те черты, которые характерны для раннего этапа процесса становления национальной государственности на Евразийском континенте.

Особую значимость имеет проблема «интеграция и военная сфера». Общими стратегическими интересами России и Беларуси в военной сфере являются стратегическая стабильность в мире, стратегическое военное равновесие, ядерная безопасность государств-участников СНГ, углубление процесса разоружения, нераспространение оружия массового поражения и технологий его изготовления; поддержание международного мира и безопасности – расширение возможностей и усиление роли ООН и ОБСЕ в миротворческой деятельности, равноправное партнерство и сотрудничество с региональными структурами безопасности. Вместе с тем ряд исследователей ошибочно утверждает, что подлинная военная интеграция между Россией и Белоруссией отсутствует [22, с. 65].

В систему договоров, заключенных Россией и Беларусью с другими государствами-участниками СНГ, входят: соглашение о средствах систем предупреждения о ракетном нападении и контроле космического пространства; соглашение о создании объединенной системы противовоздушной обороны; концепция охраны воздушного пространства; документы двустороннего сотрудничества государств – участников Договора о коллективной безопасности.

Следует отметить, что от темпов и глубины российско-белорусской интеграции и рамках Союзного государства, Евразийского Экономического Союза и СНГ во многом зависит участие двух стран в общеевропейской интеграции. В этой сфере как России, так и Беларуси предстоит решить немало сложных проблем, зависящих как от них самих, так и от Запада, например осуществляющего по отношению к Беларуси политику «избирательного участия», «на уровне соответствия целям США».

Социально-политическая ситуация в Беларуси постоянно находится в центре внимания международного сообщества. Одной из причин столь пристального внимания является то, что Запад и оппозиция пытались изобразить Беларусь как очередное доказательство «авторитаризма и нелегитимности режима», «нарушения прав и свобод человека».

Госдепартамент США, а вслед за ним и так называемая европейская «тройка» применяют к Беларуси двойные стандарты. Многие исследователи российско-белорусской проблемы отмечают, что

спецслужбы США пытались дестабилизировать политическую ситуацию в Беларуси. «Как это ни прискорбно. К этой подрывной работе была подключена специально созданная миссия ОБСЕ в Минске ... возглавлял ее многолетний руководитель германской разведки (БНД) – Ханс-Георгий Вик» [11, с. 54].

Анализируя определенный интерес политических сил как на Западе, так и внутри республики к ситуации в Беларуси, необходимо отметить, что негативное отношение США и других западных политических структур обусловлено общей политической линией Беларуси, нацеленной на восстановление Союзного государства, на создание многополюсного мира на принципах справедливости и равенства. Подобные установки Запад применяет и в отношении России. Например, в 2008 году МИД Великобритании представил ежегодный доклад о положении с соблюдением прав человека в мире. В нем упоминается и Россия, где соблюдение прав человека вызывает небольшую тревогу [8, с. 3]. Из событий на Кавказе в 2008 году Запад также пытался развернуть показательный процесс. Таким образом, следует констатировать, что в мире есть политические силы, заинтересованные в ослаблении интеграционных процессов бывших республик СССР и даже международной изоляции, например, Беларуси.

Трагические события на Украине в 2014 году, происходящие при активном вмешательстве США и ЕС, наглядно показали необходимость совместных усилий России и Беларуси в обеспечении национальной безопасности.

Необходимо отметить сбалансированность и многовекторность внешней политики Республики Беларусь, которая ищет и находит партнеров, желающих сотрудничать, на всех континентах. При этом преследуются две цели: с одной стороны, Беларусь не хочет быть зависимой от какого-либо государства или группы государств, а с другой – у государства, развивающего обширные и взаимовыгодные связи, всегда есть много вариантов для того, чтобы умножить свои силы, укрепить свои позиции на международной арене, дать более достойную жизнь своим гражданам, быть полноправным членом мирового сообщества. Однако приоритет интересов политического, экономического, военного сотрудничества – Россия. «Наша позиция в отношении интеграции с Россией неизбежна: Беларусь всегда будет верна союзу братских народов» [16, с. 2].

Ратификация российско-белорусского Договора о создании Союзного государства заставила другие страны СНГ взглянуть на «Союз двух» с позитивной стороны. Следует отметить, что определенные проблемы в рамках Содружества существуют. В ряде стран СНГ начали разрушаться условия сбалансированности во взаимной торговле

ле. В результате хозяйственные взаимоотношения для государств Содружества стали иметь меньшую значимость, чем взаимосвязь со странами дальнего зарубежья. Экономический рост практически во всех странах СНГ сопровождается увеличением инфляции [18, с. 17–20].

Вместе с тем объем взаимной торговли между государствами – участниками Союзного государства за период с 1996 по 2010 год вырос более чем в пять раз – с 6,5 до 34,2 млрд. долларов. Эти обстоятельства побуждают лидеров государств Содружества искать пути для консолидации и совместного решения назревших вопросов. О существующих проблемах в рамках СНГ, поисках путей их решения говорят многие исследователи [22, с. 89–93].

Трансформационные преобразования в Беларуси, как и в ряде других постсоветских государств, сегодня нацелены не на «передовые реформы», а на рационализацию деятельности чиновничества и совершенствование формальных процедур управления. Очевидно, что с развитием институтов гражданского общества и укреплением институционально-правовых основ государственной службы, более актуальными станут задачи, связанные с формированием менеджериальной модели государственной службы [15, с. 31–35]. Следует заметить, что социально-политические преобразования, проводимые в Беларуси, в последние годы влияют на интеграционные процессы, и это влияние позитивное: опыт эффективных преобразований в Беларуси – пример для подражания стран-участниц СНГ.

Таким образом, подчеркивая необходимость интеграции и в рамках Союзного государства, других интеграционных структур, хотелось бы заметить, что интеграция – это не самоцель, главная цель, к которой подталкивали наши национальные экономические системы – это создание крупного рынка для экспорта наших товаров и обеспечения на этой основе устойчивого политического развития.

При объединении государств политики должны исходить из интересов наших братских народов. К сожалению, не всегда удается преодолеть стереотип удельных княжеств. Во многом процессу дезинтеграции способствовало стремление к этому некоторых политиков. Однако их мнение не совпадало с волей народов республик Союза в марте 1991 г. Тенденция сепаратизма и сейчас не поддерживается большинством населения не только Беларуси и России, но и стран СНГ. В душах граждан еще сохранилось чувство общего Отечества, остающееся реальным фактором политики.

Для примера, по данным ВЦИОМ, мнение опрошенных делится почти поровну – одни выступают за полное объединение двух государств, другие за сохранение независимости и глубокое партнерство. Тем не менее имеется тенденция к снижению интеграционных настроений. Со-

гласно опросу, проведенному ВЦИОМ в августе 2002 г., 74% россиян выступали за полное объединение с Беларусью. При этом 41% высказывались за единство с сохранением государственного суверенитета обеих стран по типу Европейского союза. 48% опрошенных россиян желали присоединиться к Европейскому Союзу [24, с. 77].

Социологические опросы населения, проведенные в 2009 году Институтом социологии НАН Беларуси и Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), показывают созвучность взглядов белорусов и россиян на возможные формы взаимоотношений России и Беларуси. Среди жителей Беларуси преобладает мнение о строительстве отношений с Россией на основе международных договоров с сохранением независимости государства – это отмечают 51% опрошенных. За равноправный союз двух государств с созданием наднациональных органов управления высказывается 41% респондентов. Вхождение в состав Российской Федерации в качестве субъектов федерации поддерживают лишь 4% опрошенных.

Однако данные других источников, например Белорусского Независимого института социально-экономических и политических исследований, противоположны. Если лет десять назад в ходе аналогичного опроса за объединение Беларуси и России в единое государство высказывалось подавляющее большинство – 80%, то сейчас за эту идею выступают только 31,4% белорусов, против – 47,8%. А если бы пришлось выбирать между Россией и ЕС, за ЕС проголосовали бы 44,5%, за Россию – 35,3% [6].

Поэтому следует отметить, что процесс создания Союзного государства затормозился, понимают это и лидеры наших государств. Они пытаются реанимировать объединительные процессы на постсоветском пространстве, ищут новые формы и точки соприкосновения во всех сферах. Подтверждением тому является создание Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации в соответствии с планом действий, утвержденным на уровне глав государств Решением Межгоссовета ЕврАзЭС № 1 от 6 октября 2006 года. В развитие этого плана Решением Межгоссовета ЕврАзЭС № 9 от 9 июня 2009 года были установлены этапы и сроки формирования единой таможенной территории. К концу 2011 года были реализованы решения Межгоссовета ЕврАзЭС, проведены реализующие их мероприятия по формированию правовой базы и институциональной структуры таможенного союза. Уже в первом полугодии 2011 г. объем торговли между союзными государствами составил 58,1 млрд долл. и увеличился в сравнении с первым полугодием 2010 г. на 40,7%, со вторым полугодием – на 15,7%.

Взаимная торговля со странами – членами ТС занимает 44,7% объема внешней торговли Респуб-

лики Беларусь, 18,2% – Республики Казахстан и 7,4% объема внешней торговли Российской Федерации. Доля третьих стран составляет соответственно: в РБ – 55,3%, в РК – 81,8%, в РФ – 92,6% всего объема внешней торговли [9, с. 56–81].

Важным событием для развития экономической интеграции на постсоветском пространстве стало подписание 29 мая 2014 года Договора об Евразийском Экономическом Союзе, который вступает в силу с 1 января 2015 года.

Рассматривая механизм политической интеграции Беларуси и России и других государств в этих условиях необходимо подчеркнуть следующее. В договоре о создании Союзного государства предусмотрено, что по инициативе Высшего Государственного Совета парламент Союзного государства имеет право рассматривать проект Конституционного акта. Возможно, Конституционный акт будет временным Основным законом Союзного государства. В последующем в него могут быть внесены изменения и дополнения. Конституционный акт должен определить государственное устройство Союзного государства, порядок проведения выборов в парламент и другую правовую основу.

В последнее время проводятся дискуссии об объединительных схемах Союзного государства. Предлагается схема создания федеративного государства на основе равенства регионов России и Беларуси по примеру ФРГ-ГДР, то есть своеобразное поглощение Беларуси Россией. Второй вариант объединительной схемы – по принципу Евросоюза. «На фоне развития современной геополитической обстановки в Европе и в мире особенно понятным становится ...скорейшее заключение союза между Россией и Белоруссией. Он должен оформиться и функционировать примерно на тех же принципах, которые были исторически опробованы и узаконены в Европейском Союзе» [11, с. 57].

Оценивая социально-экономическую и политическую ситуацию в Республике Беларусь и Российской Федерации, которая сложилась в современных условиях, вряд ли следует делать поспешные выводы. Эти схемы создания Союзного государства слабо понятны даже профессионалам. Необходимо взглянуть на них реально, спросить мнение у народов. И начинать нужно с проведения выборов в парламент Союзного государства. Чтобы проводить выборы в парламент Союзного государства, важно принять соответствующий закон.

Поэтому целесообразно было бы поддержать тех политиков, которые предлагают **применить следующую схему первого этапа политической интеграции Беларуси и России: принятие закона о выборах парламента Союзного государства; избрание Союзного парламента; подготовка Союзным парламентом проекта Конституционного акта; рассмотрение проекта Конституцион-**

ного акта Национальным собранием Республики Беларусь и Федеральным собранием Российской Федерации; вынесение Конституционного акта на всенародное обсуждение в Российской Федерации и Республике Беларусь; проведение и в России и в Беларуси референдумов по внесению соответствующих изменений в конституции.

Следует отметить необходимость определения сроков реализации этих мероприятий. Проведение референдумов по Конституционному акту и внесению изменений в конституции Союзных государств является необходимым условием, так как только в этом случае под создание Союзного государства будет заложен прочный фундамент. Многие исследователи проблем интеграции России и Беларуси отмечают, что без задержки нужно назначить и провести выборы Союзного парламента [2, с. 1]. Действительно, данные меры позволили бы всерьез сформировать союзные органы власти. Подобная точка зрения актуальна и сегодня. Юридически Союзное государство будет существовать только после внесения изменений в конституции обоих государств. Два последних мероприятия можно совместить.

Референдумы в России и Беларуси должны дать ответы на вопросы, на каких принципах объединяться:

- обеспечения равенства прав и свобод граждан объединенного государства;
- равенства регионов России и Беларуси как субъектов единого государства;
- создания единых органов власти единого государства в соответствии с Конституцией Российской Федерации;
- создания единого государства по принципу Евросоюза; и др.

Именно на этой реинтеграционной основе необходимо развивать трансформационные процессы, наполняя их предметным, идущим от жизни содержанием. Разноформатная и разноскоростная реинтеграция станет реальностью. Она позволит полнее реализовывать интересы граждан обеих стран. Вместе с тем процесс создания реального Союзного государства Беларуси и России еще будет довольно продолжительным по времени. В связи с этим возникают вопросы, которые требуют специального осмысления, научной проработки и прогнозирования:

- как народы России и Беларуси проголосуют на референдуме через год-два?
- не увеличится ли количество противников Союзного государства?
- во всех ли идеологических структурах у нас имеются кадры, способные убеждать граждан в правильности политической линии?
- достаточно ли закреплён принцип союзности идеологической практикой на всех государственных уровнях как в Беларуси, так и в России?

– насколько единообразна линия освещения проблем интеграции средствами массовой информации в наших странах?

Это далеко не полный перечень вопросов и проблем, которые потребуют своего разрешения и которыми нельзя пренебрегать. Все это, несомненно, будет способствовать успешному завершению первого этапа интеграции, решению задач создания Союзного государства. Еще в начале 2000-х гг. многие аналитики подчеркивали, что объединение с Беларусью – это, по существу, движение России на Запад. «Это шаг навстречу к Европе. В экономическом плане это объединение не будет обременительно для России. Даже при отсутствии богатых природных запасов ВВП на душу населения в Беларуси примерно такой же, как в России» [24, с. 53].

Второй этап политической интеграции должен заключаться в создании условий для присоединения к Союзному государству других государств. Двери должны быть открыты для всех! Но это станет возможным, если нам удастся стабилизировать социально-экономическое положение. Последнее же будет зависеть от того, станет ли Союзное государство реальностью.

Поэтому многие исследователи констатируют: «Следует признать: новая Россия так и не смогла взять на себя роль главного интегратора постсоветского мира» [10, с. 90]. В этом контексте оправдывается прогноз белорусских аналитиков: «В целом перспективы белорусско-российской интеграции будут зависеть, во-первых, от степени согласованности различных интересов в реализуемых интеграционных проектах. Во-вторых, от масштабов и скорости создания системы преимуществ, ожидаемых от реализации интеграционных проектов. В-третьих, от партийной принадлежности и идеологических ориентаций лидеров, с именами которых будет ассоциироваться продвижение интеграционных процессов. В-четвертых, от восприятия белорусско-российского сближения другими постсоветскими странами и мировым сообществом» [19, с. 53].

Стратегическая и конечная цель реинтеграции – создание светского, демократического, правового, социального государства с единым политическим и экономическим пространством, единой денежной единицей, единой таможенной территорией, общим бюджетом, единой транспортной системой и объединенной электроэнергетической системой. В последующем именно такую задачу может решить, например, Евразийский Союз государств. На начальном этапе это может быть союз независимых и равноправных государств, служащий наиболее полной реализации национально-государственных интересов каждой страны-участницы и имеющий совокупный интеграционный потенциал всего общества.

Опыт прошлых лет убедительно показал, что наряду с совершенствованием интеграционных механизмов не следует рассматривать Союз России и Белоруссии как единственную форму объединения. Развитие внутреннего потенциала каждой страны Содружества возможно только при экономической интеграции стран постсоветского пространства на новой политической основе. К тому же следует иметь в виду, что любое межгосударственное объединение проходит различные этапы своего развития, дополняясь и обогащаясь новыми, более эффективными формами многопланового сотрудничества.

Переход же на новый уровень интеграции может гарантировать соблюдение принятых обязательств всеми государствами-участниками. Нам представляется, что Евразийский Союз – это одна из эффективных форм интеграции суверенных государств с целью укрепления стабильности и безопасности на постсоветском пространстве и осуществления экономической, политической и другой трансформации. Наша точка зрения совпадает с выводом В.И. Жукова: «Пути возвышения России пролегают через интеграцию и усиление взаимодействия со странами, заинтересованными в создании Евразийского Союза» [12, с. 19].

Как удачно отмечено авторами Ежегодного прогноза «Россия и мир: 2012. Экономика и внешняя политика», залогом прогресса евразийской интеграции является политика России, ее способность в полной мере использовать для реализации евразийской инициативы «преимущества текущего момента». России необходимо усилить лоббирование евразийского проекта, в максимальной степени способствующего повышению конкурентоспособности национальных экономик [20, с. 157]. Однако авторы проекта опасаются, как доказать Западу, что евразийское сотрудничество не приведет к восстановлению СССР.

По нашему мнению, главным фактором, определяющим необходимость реальной интеграции на постсоветском пространстве, следует считать фактор геополитический, так как оценка ситуации в мире показывает – потенциал для выполнения роли субъекта мировой политики может образоваться лишь в случае интеграции государств постсоветского пространства.

Однако значительные проблемы существуют в координации совместных проектов, поскольку правительства многих стран СНГ заинтересованы в интеграции с Россией, а не между собой [14, с. 13]. В связи с чем возникает необходимость поиска источников реанимации реинтеграционных процессов, которые обнаруживаются в структурах гражданского общества постсоветских государств. Гражданская дипломатия (неофициальная деятельность неправительственных организаций – НПО) становится субъектом не только внутригосудар-

ственного, но и мирового политического процесса [17, с. 71]. Таким образом, определенную роль в реинтеграционных процессах могут сыграть структуры гражданского общества.

Данное утверждение подтверждается тем, что интеграция экологического, материального и оборонного потенциала является лишь базовым условием процесса. Как утверждает В.И. Жуков (и с ним можно согласиться), решающую роль при интеграции играют не материальные составляющие, а иные факторы, например создание социокультурного пространства, единой системы образования, научных учреждений, развития спорта и туризма [12, с. 23].

Библиографический список

1. Альтернативы российской модернизации, или реставрация мэйджи по-русски // Полис. – 2009. – № 5. – С. 158–169.
2. Бабурин С. // Союзное вече. – 2006. – № 32. – 11–15 октября.
3. Барановский В.Г. Основные параметры современной системы международных отношений // Полис. – 2012. – № 3.
4. Батсайхан А. Внешнеполитическая стратегия государств постсоциалистической периферии // Власть. – 2008. – № 1. – С. 63–67.
5. Бирюкова О. Содружество независимых государств: поиск оптимальной модели интеграции // Власть. – 2008. – № 8.
6. Беларусь отделилась от России. – Новая Европа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.n-europe.eu/topics/2011/06/29/belarusy_otdelilis_ot_rossii (дата обращения: 12.11.2012 г.).
7. Беспалов С.В. Перспективы реализации интересов России на постсоветском пространстве // Полис. – 2011. – № 2.
8. Британия критикует Россию // Независимая газета. – 2008. – 27 марта. – С. 3.
9. Глазьев С.Ю. Реальное ядро постсоветской экономической интеграции: итоги создания и перспективы развития таможенного союза Беларуси, Казахстана и России // Российский экономический журнал. – 2011. – № 6.
10. Годин Ю.Ф. Россия и СНГ: геополитические вызовы // МЭиМО. – 2009. – № 4.
11. Дашицев В. Россия и Беларусь в новых геополитических реалиях // Власть. – 2003. – № 11.
12. Жуков В.И. Потенциал Евразийского Союза: политико-социологическая компаративистика // Социс. – 2012. – № 7.
13. Кожокин Е.М. Политическая культура и трансформация государственных институтов на постсоветском пространстве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.viperson.ru/prnt.php?prnt=1&ID=277294> (дата обращения: 15.01.2013 г.).
14. Лебедев А., Крук М. К вопросу о стратегии реформирования содружества независимых государств // Проблемы теории и практики управления. – 2007. – № 1.
15. Лугвин С. Становление новой модели государственного управления и госслужбы в Республике Беларусь // Власть. – 2007. – № 8.
16. Лукашенко А.Г. Союзное государство. Развитие и перспективы / под ред. О.В. Пролесковского, А.Н. Куличкова. – Мн., 2008.
17. Медведева Т.И. Основные методы и формы гражданской дипломатии в современном политическом процессе // Власть. – 2007. – № 4.
18. О социально-экономическом развитии государств СНГ в 2007 году // Вестник профсоюзов. – 2008. – № 5.
19. Решетников С.В. Теоретико-методологические предпосылки анализа интеграционных процессов в СНГ // К 10-летию образования СНГ: итоги и перспективы. – Мн., 2002.
20. Россия и мир: 2012. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. – М., 2011. – 157 с.
21. Союзное государство. Развитие и перспективы / под ред. О.В. Пролесковского, А.Н. Куличкова. – М., 2008.
22. Суздальцев А.И. Формирование российской политики в отношении Белоруссии // МЭиМО. – 2009. – № 3.
23. Ткаченко С., Гуляева К. Реформирование СНГ и перспективы его развития // Власть. – 2009. – № 7.
24. Шилов В. Россия, Европейское сообщество и СНГ: приоритеты интеграции // Власть. – 2003. – № 10.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ФОРМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

В статье анализируются возможности исследования специфики политической власти через анализ основных форм ее осуществления. На основе платоновской и аристотелевской методологии политическая власть рассматривается в статичной понятийной форме. Высказывается мысль о том, что анализ основных форм осуществления политической власти позволяет выделить их сущностные особенности, образующие понятие.

Кроме того, в статье рассматривается проблема достижения эффективности политической власти и условия ее повышения, а также проблема отношения власти к основным социальным процессам в государстве. Приводятся примеры ситуаций, когда политическая власть распространяется на территории за пределами государства и, наоборот, когда политическая власть в силу тех или иных причин охватывает территорию меньшую, чем территория государства. В первом случае речь идет о могуществе государства, тогда как во втором (если это не связано с географией страны) о его упадке и кризисе. Отмечается, что стремление политической власти сохранить гегемонию в статичном обществе сталкивается с противоречием, олицетворение которого выступает сама история. Политическая власть в процессе реакции на динамичные изменения приспосабливается к движению времени, приобретает ряд защитных механизмов и становится естественным социальным процессом. Такая политическая власть не может впрямь оставаться статичной формой, она отражает тенденции изменения общества во времени и переходит в категорию политического режима.

Анализируется ряд подходов к определению и типологизации политических режимов в контексте социально-философского исследования. Наибольшую ценность, по мнению автора, представляет подход, выделяющий сущностную характеристику политического режима.

Ключевые слова: методология, политическая власть, государство, форма власти, политическое пространство, общество.

В предметном поле исследования сущности политической власти помимо известных и часто анализируемых существует еще один тип отношений – «власть-пространство». Часто представления о категории политического пространства формируются посредством анализа его проявлений в статике. Когда же в системе координат появляется время, свойство пространства меняется. Оно требует к себе значительных затрат энергии, необходимых для повышения интенсивности регулирования социальных процессов. В этом смысле небольшая территория государства может иметь не только отрицательное значение, но и положительное: выше концентрация политических, экономических и социальных ресурсов. При этом государство с большой территорией должно ориентироваться на снижение затрат энергии политической власти за счет улучшения инфраструктуры, систематизации и унификации госаппарата и совершенствования средств коммуникации.

Примером того, как государству, при его большой величине, не хватило интенсивности политической власти, может служить империя Александра Македонского. Огромная территория государства, объединенная личностью правителя и его военными амбициями, испытывала недостаток систематического регулирования деятельности основных социальных институтов. Эта проблема, сопряженная с недостатком коммуникации и проблемами инфраструктуры, привела к тому, что государство, объединенное Александром Македонским, перестало существовать после его смерти.

Ввиду того что пространство осуществления политической власти подразделяется на две качественные разновидности (материальное и социальное), необходимо различать отношение к нему властной структуры. Это качественно-количественная определенность государства, которая требует управления и организации.

К материальной специфике, определяющей особенности государства, относятся территория, особенности климата, наличие природных ресурсов, плодородность почвы и т.д. Значимость этого компонента в формировании государства выделил в своих исследованиях еще Монтескье [4], говоря о том, что морфология государства во многом определяет его содержание: стабильность, образ жизни его жителей, основные занятия, экономическое благосостояние и т.д. Имеет значимость также и площадь, уровень коммуникации. На большой территории должна быть развита инфраструктура, чтобы данное пространство определялось как единая система. Примеров того, как социальная реальность определяется внешними условиями, масса (например, род занятий и обычаи жителей Крайнего Севера связаны с климатическими условиями, равно как и особенности экономической ситуации в ОАЭ определяются наличием природных ресурсов и благоприятного географического расположения).

Вместе с тем не только территория определяет особенности государства, но и социум подстраивает под себя территорию. Так, С.П. Капица указывает на то, что с течением времени, с развитием науки и культуры человек все более подстраивает под себя природу. Физическое (природное) про-

странство, тем самым, все больше замещается пространством социальным, приспособляющим окружающую среду под интересы общества [2]. В качестве примера можно привести не только модель искусственной урбанистической природы в крупных городах, но и имеющее стратегическое значение освоение Арктики и Антарктики. Также справедливо отметить, что именно социальное пространство развито и «освоено» в таком государстве, как Япония, тогда как, если говорить о территориальном определении, концентрация социальных ресурсов значительно превышает природное пространство.

Эффективность отношения политической власти и пространства фактически определяется способностью власти «осознавать» и контролировать это пространство. При этом, когда пространство слишком велико, власть ослабевает и теряет контроль. В то же время, когда проявляется недостаток пространства, имеет место наличие двух тенденций: интенсивное и экстенсивное развитие. В первом случае политическая власть стремится расширить сферу своего влияния за счет приобретения новых территорий, народов, ресурсов. Во втором – изменение качественное, смысл которого в социальном, научном и культурном развитии.

Следует отметить также, что политическая власть в рамках государства определяется территорией государства. Существуют примеры ситуаций, когда политическая власть распространяется на территории за пределами государства и, наоборот, когда политическая власть в силу тех или иных причин охватывает территорию меньшую, чем территория государства. В первом случае речь идет о могуществе государства, тогда как во втором (если это не связано с географией страны) – о его упадке и кризисе.

Тип отношения «власть – социальные институты» также имеет место быть как сфера, требующая от политической власти определенной реакции. Проблема отношения власти к основным социальным процессам государства как самоочевидна, так и вполне тривиальна: управление и регулирование и есть основная внутригосударственная функция политической власти. Однако в контексте категории времени данный вопрос получает совсем другой смысл. Речь идет о том, что социальные институты с течением времени развиваются и трансформируются. Если политическая система не успевает перестраиваться под ускорение социального развития, она теряет контроль над обществом.

Отсюда возникает феномен цензуры. Первая ее функция – защита существующей идеологии, вторая – подавление ускоренного развития основных социальных институтов. По понятным причинам, подавление развития социальных институтов не самый эффективный способ управления, но для многих тоталитарных типов общества он – един-

ственный способ удержать власть. Ведь в противоречие вступают тенденции изменения общества и сохранение его в статике.

В отношении «власть – социальные институты» существует и другая возможность. Развитие некоторых социальных институтов может отставать по развитию или же просто не соответствовать тем или иным политическим реалиям. В этом случае политическая власть выступает инициатором ускорения развития и реорганизации деятельности социальных институтов. Ярким историческим примером такого переустройства социальной организации могут служить реформы Петра I, для которого идея ускоренного и современного развития России была одной из основных интенций политической деятельности. По оценке П.А. Кротова, «именно при этом крупнейшем в истории Российского государства преобразователе страна на памяти одного поколения совершила качественный рывок из рамок отсталости к положению международно признанной великой державы Европы, от положения архаичной по характеру государственности Московской Руси к могучей Российской империи» [3, с. 57].

Следующий тип отношений, пожалуй, вскрывает действительный вектор противоречия бытия политической власти. Это тип «власть-время». В опосредованной форме об этом уже шла речь в предыдущем элементе типологии. Но в чистом виде необходимость сдерживать движение времени, а следовательно, скорость изменений в масштабах государства, выражается в очень важном и значимом феномене бюрократии.

Сам термин возник в XVIII веке и изначально носил негативную окраску – французский экономист Винсент де Гурнэ употреблял его по отношению к чиновникам, которые, по его мнению, своими действиями отбирали власть у народа и действующих правителей. Уже позже немецкий социолог М. Вебер ввел этот термин в науку, придав ему тем самым нейтральную оценку. Всестороннее исследование, проведенное Вебером, позволило выделить несколько отличительных признаков феномена бюрократии. Именно функционирование этих принципов делает бюрократию рациональной эффективной структурой.

Определяя идеальную бюрократическую систему, Вебер выделял следующие основные признаки:

1. Специализация и разделение труда по функциям. Эффективность данного принципа объясняется тем, что, имея собственные полномочия и обязанности, сотрудник не дублирует работу коллеги, что значительно оптимизирует общую работу всей системы.

2. Иерархическое построение системы, иерархия приказа. Такая структура имеет форму классической пирамиды – внизу большинство, в верхней части – уполномоченное властью меньшинство. Таким образом, находящийся в вертикали человек

подчиняется вышестоящему и контролирует всех нижестоящих. Такая структура при оптимальном функционировании позволяет контролировать деятельность каждого элемента системы.

3. Четкая система правил и процедур. Регламентация деятельности работника необходима для рационализации процесса. Следование правилам делает работу каждого сотрудника предсказуемой, а значит, обеспечивает единообразие всего процесса.

4. Система взаимоотношений, пребывания и продвижения в должностях максимально обесличена, что позволяет отбирать работников не по субъективным личностным причинам, а по стандартизированным умениям и опыту. Тот же принципам верен и для работы с внешними структурами [1, с. 24].

Согласно исследованию Вебера, при соблюдении вышеперечисленных условий бюрократия представляла собой идеальную, наиболее эффективную структуру для решения управленческих задач разнообразных социальных подразделений и отдельных внесистемных элементов. Согласно данной модели бюрократии, становится возможным не столько замедлить социальные процессы, сколько оптимизировать деятельность государственного аппарата и сделать некоторые процессы «обратимыми». Их закреплённость на бумаге позволяла создавать на уровне событий в обществе своего рода точку возврата.

Тем не менее позже сам Вебер начал отделять от позитивной западной рациональной модели бюрократической организации негативную восточную иррациональную систему управления, основным признаком которой стало то, что приказы и инструкции здесь были уже не средством достижения результата, но самоцелью и необходимостью для поддержания громоздкой системы. Эта система основывалась на закостенелой политической системе и ее стремлении замедлить социальные процессы развития государства, как и всякого рода мобильность внутри его.

Американские социологи Р. Мертон и А. Гоулднер отмечали, что основной проблемой, присущей бюрократической системе, является возможность смещения акцента с целей на средства. В таких случаях строго задуманная система становится неповоротливым иррациональным механизмом.

В своих исследованиях Мертон указывает результаты, к которым приводит иррационализация бюрократической системы. Управляющие работники, имея лишь опыт формального следования правилам, в итоге становятся неспособными самостоятельно принимать решения. Тотальное следование четкой системе правил и руководств приводит к тому, что их соблюдение становится не средством, а целью деятельности, а сами правила принимают характер незыблемых и всеобщих. Отсутствие необходимости самостоятельного при-

нятия решения и следование правилам приводит, по словам Мертона, к «обучению неспособности» – отказу от самостоятельного и творческого мышления. В итоге рождается новый профессиональный тип человека – негибкий, неспособный к творчеству и не имеющий воображения бюрократ. В конце концов появляется новая замкнутая бюрократическая прослойка, возвышающаяся над работниками.

Превалирование стандартов, норм и процедур, регламентирующих общение бюрократической структуры с внутренними и внешними сферами, приводит к тому, что подобный механизм начисто лишается ситуативной гибкости и становится нефункциональным и неповоротливым в решении большого ряда поставленных перед ним внешней средой проблем. Принятие решения посредством лишь нормативов и регламентов часто приводит к неадекватности этого самого решения, на что сразу же остро реагирует человек (или общество в целом). Когда же бюрократической системе указывают на излишнее следование стандартам, бюрократ лишь ссылается на соответствующую инструкцию, согласно которой наказание ему не грозит, так как формально правда на его стороне.

Мертон отмечал, что бюрократия как форма управления имеет целый ряд негативных социально-психологических черт: пренебрежение человеческой природой, максимальное отстранение от проблем, сознательная узость взглядов – отрицание того, что не вписано в общепринятые нормы и стандарты, господство приоритета целей организации над личными целями индивида, отсутствие между социальными субъектами неформальных межличностных отношений и прочей личностной деятельности, конформизм.

А. Гоулднер развил идеи М. Вебера, выделив два вида бюрократии, представленные в современном мире: представительная (опора власти – умения и знания) и авторитарная (опора власти – наказание за неповиновение нормативам и стандартам, соответственно самоцелью такого построения системы становится следование регламенту).

Несмотря на неоднозначность рассмотренной нами системы, бюрократия (при условии невырождения в бюрократизм) на настоящее время является наиболее функциональной и работоспособной системой. Американский социолог Э. Тоффлер отмечал, что бюрократическая система обладает тремя ценными чертами – стабильность, иерархия, разделение труда [8]. Изнанкой бюрократии стал не учтенный теорией бюрократизм, в который довольно часто на практике вырождается строгая система.

Итак, мы видим, что стремление политической власти сохранить гегемонию в статичном обществе сталкивается с противоречием, олицетворением которого выступает сама история. Политиче-

ская власть в процессе реакции на темпоральные изменения приспосабливается к движению времени, и, приобретая ряд защитных механизмов, сама становится естественным социальным процессом. Ввиду темпоральной включенности политическая власть не может впредь оставаться статичной формой, она отражает тенденции изменения общества во времени и переходит в категорию политического режима.

Существует ряд подходов к определению и типологизации политических режимов. Однако в контексте социально-философского исследования наибольшую ценность представляет подход, выделяющий сущностную характеристику политического режима. В современной исследовательской практике высокую значимость представляет подход, предложенный Н.В. Нарыковым. При всей прозрачности выделения трех типов политического режима, автор раскрывает смысловое содержание каждого элемента разновидности, что может быть использовано при анализе конкретных политических режимов.

В свете типологии, выявленной Н.В. Нарыковым, справедливо утверждение, что политическая власть, приобретая все характеристики социального процесса, естественным образом реализует функции управления и регулирования общества в трех возможных режимах: устойчиво-демократическом, демократически-авторитарном и устойчиво-авторитарном. Для первого типа политического режима характерны следующие признаки: «признание народа в качестве источника власти; выборность на основе честных и соревновательных выборов основных органов государства и должностных лиц, их подотчетность избирателям; подконтрольность и ответственность органов государства, формируемых путем назначения, перед выборными учреждениями; признание фактического равноправия граждан; провозглашение и гарантирование основных демократических прав и свобод; легальное выражение плюрализма интересов в обществе; построение государственного аппарата по принципу “разделения властей”; равенство всех граждан перед законом, защита прав отдельных личностей и меньшинств» [5, с. 25]. Государства, на территории которых имеет место данный тип политического режима, характеризуются высокой динамикой, стабильностью и жизнеспособностью.

Для демократически-авторитарных политических режимов характерна меньшая динамика. При этом значительная часть усилий политической власти тратится на усиленный контроль внутригосударственных социальных процессов. Данный тип политического режима характеризуется «невысокой степенью легитимности режима; сложностью и масштабностью задач, решаемых обществом на кризисных этапах его развития, требующих значительной концентрации и централизации по-

литической власти; неоднозначным отношением политически активных слоев и групп населения к результатам решения задач политико-управленческими структурами; многосоставностью общества, существенно затрудняющей становление и эффективность применения демократических механизмов и процедур; недостаточностью или низкой эффективностью использования ресурсов (возможностей) режимом для удовлетворения интересов основных социальных страт общества и усилением авторитарных начал в политической власти в связи с этим; усиливающимся конфликтно-конкурентным характером взаимоотношений между различными политическими институтами и субъектами политического процесса по поводу политической власти; усилением “закулисных начал” в организации и проведении фактического распределения позиций власти и влияния в государстве; обострившимся характером конфликтов в политической элите и тенденцией к отходу от консенсусной практики разрешения конфликтов в обществе и к возобладанию силовой практики их разрешения; усилением влияния латентных политических сил на процессы принятия политико-управленческих решений» [5, с. 26]. По мнению Н.В. Нарыкова, в данных типах общества в определенной степени присутствуют демократические начала, которые при объективном устранении авторитарных начал могут привести к ситуации реального гражданского общества.

Последний тип политического режима характеризуется наименьшей динамикой. При этом интересы общества и политической власти приобретают различную векторную направленность, что, в свою очередь, от власти требует затрат максимальных усилий на подавление тенденций социального развития. Так, для тоталитаризма, как разновидности устойчиво-авторитарного режима, характерны следующие признаки: «власть принадлежит массовой партии, организованной демократическим путем вокруг лидера; осуществляется монопольный контроль со стороны государства за экономической, политической и духовной жизнью общества; во всех сферах господствует единая идеология; происходит сосредоточение власти на каждом уровне управления в едином центре; исчезает грань между политической и неполитической сферами жизни; исключаются несанкционированные формы жизнедеятельности; формирование власти на всех уровнях осуществляется через закрытые каналы; общественно-политические организации превращаются в часть органов власти; нет механизма преемственности власти; осуществляется полицейский контроль за людьми, организованный террор против своего народа» [5, с. 28].

В заключение следует сказать, что политическая власть как естественный социальный процесс находится в системе взаимодействия двух тенденций.

С одной стороны, время – как основание изменчивости, и, следовательно, разрушения, – выступает деструктивным фактором. Отсюда политическая власть в процессе социальной эволюции вырабатывает ряд защитных механизмов, благодаря которым возможно противостоять течению времени. Это и бюрократизация общества, и подавление народа, и сдерживание развития основных социальных институтов, и построение системы идеологии.

С другой стороны, стремление остаться в статике возможно лишь в сфере идеализации общества. На практике от политической власти требуется соответствие динамике изменения социальной реальности. Отсюда политическая власть из статичной формы должна перейти в категорию политического режима, обладающего необходимым инструментарием для соответствия движению времени. В этой связи особое значение приобретает вопрос интенсивности политической власти – как осознанного процесса регулирования развития общества и управления им.

УДК 323.25

Библиографический список

1. Вебер М. Политические работы, 1895–1919. – М.: Праксис, 2003. – 421 с.
2. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. – М.: Наука, 1997. – 238 с.
3. Кротов П.А. Опыт государственной реформы Петра Великого и современная Россия // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2013. – №15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/opyt-gosudarstvennoy-reformy-petra-velikogo-i-sovremennaya-rossiya> (дата обращения: 09.05.2014).
4. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Мысль, 1955. – 799 с.
5. Нарыков Н.В. К проблеме типизации политических режимов // Теория и практика общественного развития. – 2009. – №3–4. – С. 22–36.
6. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. – М.: АСТ, 2004. – 672 с.

Соколов Александр Владимирович

кандидат политических наук

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
alex8119@mail.ru

СУБЪЕКТЫ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Публичная политика представляет собой сферу открытого согласования интересов различных субъектов. В исследовании представлены результаты мониторинга субъектов публичной политики в Ярославской области в 2009–2013 гг. Анализ проводился по 13 показателям среди трех целевых групп экспертов: представители власти, бизнеса и НКО. Объем выборки ежегодно составлял 153–186 респондентов. Численность респондентов от каждой из трех опрашиваемых групп экспертов составляла 1/3 выборки. Сравнение основных показателей было осуществлено при помощи расчета среднего арифметического, выводы о различии в оценках разных групп экспертов сделаны на основании однофакторного дисперсионного анализа. Методика исследования была разработана В.Н. Якимцом и Л.И. Никовской.

Выявлена рассогласованность в экспертных оценках власти и бизнеса по подавляющему большинству показателей: сотрудники органов власти во всех случаях ставят более высокие оценки, чем представители бизнеса. Видна консолидированность в оценках бизнеса и НКО. По показателям эти группы близки друг к другу. При этом в 2009 году данные опросов всех трёх групп оказались схожи. Позже произошло расхождение оценок, в основном между бизнесом и госслужащими.

Ключевые слова: публичная политика, субъект, институты, гражданская активность, выборы.

Публичная сфера – это сфера, в которой человек действует как гражданин, открыто взаимодействуя с другими гражданами, организациями, в которых он принимает участие, для реализации своих личных и социальных интересов. В рамках нее осуществляется перевод частных интересов, а также групповых интересов граждан в публичную политическую сферу [1].

Как отмечает немецкий исследователь М. Риттер, понятие «публичная политика» появилось в контексте теории либеральной демократии, продвигавшей ценности гражданского участия в политическом процессе, в частности через политические дебаты, создание добровольных ассоциаций и отстаивание своих интересов [2, с. 243].

Оценивая публичную политику в России, С.В. Патрушев приходит к выводу о том, что ни-

кто из агентов не заинтересован в изменении существующих «правил игры» [3, с. 100]. Как отмечает Ю.А. Головин, в условиях разворачивающегося кризиса для государства и его структур особенно важной становится обратная связь с населением, что позволяет власти своевременно улавливать тенденции развития общественных процессов, производить коррекцию управленческих решений, канализировать накопившееся общественное напряжение [4, с. 46].

В связи с этим представляется важным исследование действующих в публичном пространстве субъектов. В данном исследовании представлены результаты мониторинга состояния развития субъектов публичной политики в Ярославской области в 2009–2012 годах, проведенного в регионе под руководством автора статьи [5, с. 185–191]. Методи-

ка исследования была разработана В.Н. Якимцом и Л.И. Никовской [6].

Для опроса использовалась анкета, характеризующая степень развитости субъектов и механизмов публичной политики в регионе, которые предлагалось оценить по 10-балльной шкале («1» – как самую низкую оценку развитости признака публичной политики в регионе или «10» – как самую высокую). В анкетировании были задействованы три группы активных участников публичной политики в регионе: 1) представители некоммерческих организаций; 2) бизнесмены, наемные работники в коммерческой сфере; 3) государственные и муниципальные служащие.

Исследования проводились в июле-августе 2009 года (выборка 172 респондента), в феврале 2011 года (по оценке состояния в 2010 году выборкой 153 респондентов), в феврале 2012 года (по оценке состояния в 2011 году выборкой 183 респондентов), феврале 2013 года (по оценке состояния в 2012 году выборкой 186 респондентов). Численность респондентов от каждой из трех опрашиваемых групп экспертов составляла 1/3 выборки. Сравнение основных показателей было осуществлено при помощи расчета среднего арифметического, выводы о различии в оценках разных групп экспертов сделаны на основании однофакторного дисперсионного анализа.

На протяжении всего исследуемого периода оценки участия населения в обсуждении значимых вопросов на основе открытого диалога с властью в регионе существенно не меняются и находятся на уровне 4 баллов. Уровень оценок, данных представителями власти, выше, чем представителей бизнес-сообщества – около 4,5 баллов и чуть выше 3-х баллов соответственно. Оценки представителей НКО приближены к обобщенным средним показателям.

Участие населения в обсуждении значимых вопросов на основе открытого диалога с властью в регионе – один из самых низких параметров публичной политики в Ярославской области. Эта тенденция характерна для оценок всех экспертных групп. С одной стороны, низкие оценки могут быть обусловлены невысоким уровнем вовлечения граждан в целом во взаимодействие с властью в регионе. С другой стороны, речь идет о том, насколько эффективны и доступны существующие площадки для диалога.

Оценка данного показателя на уровне ниже среднего показывает наличие потенциала к более активному вовлечению населения к участию в обсуждении значимых вопросов. Но то, что данные за рассматриваемый период времени остаются примерно на одном уровне, говорит о неиспользовании этого потенциала. Примечательно, что представители власти также оценивают эффективность диалога с населением как невысокую, при-

том что в опросе сделан акцент на взаимоотношениях именно с органами власти. Таким образом, проблему видят все представленные экспертные группы. Наличие диалога общества и власти менее всего очевидно для представителей бизнеса. В его категориях это может означать недостаточное количество конкретных результатов или достижений, а также низкий уровень их качества.

Немногим выше оказалось мнение представителей НКО по данному вопросу. В этом можно увидеть оценку своей работы, так как НКО часто являются связующим звеном между властью и гражданами.

Показателю «Бизнес социально ответственен и вносит вклад (качество продукции и услуг, рабочие места, выплата налогов и пр.) в развитие территории» наблюдается небольшая динамика роста средних экспертных оценок за исследуемый период с 4,2 баллов до 4,7. Прежде всего, это связано с повышением самооценки бизнеса: с 2010 г. средние оценки данного параметра представителями бизнеса выросли с 3,9 до 5,4 балла. Оценки представителей власти за исследуемый период практически не изменились. Наименьшие оценки бизнесу в 2012 г. дают представители НКО – 3,9 (демонстрируется незначительное снижение).

Экспертные оценки по показателю «Представительная власть создает законы, защищающие права и интересы избирателей и региона в целом» – ниже среднего уровня (около 4,7 балла). Значение данного показателя по региону за последние четыре года фактически не изменилось. Нужно отметить, что наиболее высокие оценки работы представительной власти ставят сотрудники органов власти, наиболее низкие – представители бизнеса (5,6 и 4,0 соответственно). Нет различий в оценках членов НКО за исследуемый период – средние оценки на уровне 4,3 балла.

Данные показывают, что среди опрошенных нет единства по данному вопросу. Бизнес и НКО дают более сдержанные оценки улучшения законодательной базы, чем представители власти. Разница в оценке, особенно с бизнесом, за 2012 год увеличилась практически вдвое, а это говорит о том, что органам власти необходимо, с одной стороны, прислушиваться к мнению общественности, а с другой, более четко излагать мотивы своих действий в процессе принятия решений.

Стоит отметить отсутствие значительных изменений в оценке параметра с 2009 г., что характеризует работу Ярославской областной Думы пятого созыва на стабильно среднем уровне. По мнению бизнеса, в 2010–2011 гг. качество работы представительной власти выросло (на 0,6 балла), однако в 2012 г. снова упало – на 0,2 балла. Возможно, это обусловлено некоторой активизацией социально-политической жизни региона. Оценки, данные представителями НКО, также поднялись

на 0,4 балла в 2011 г. и упали на 0,3 балла в 2012 г. Властные структуры отметили иную тенденцию, которая заключается в снижении оценки параметра на 0,2 балла в 2011 г., а затем – небольшой подъем.

Существенной динамики не отмечается и по показателю «Исполнительная власть эффективно реализует функции управления регионом»: оценки ниже среднего значения в течение всего исследуемого периода ($\approx 4,7$ балла). Наиболее высокие оценки данного параметра характерны для сотрудников органов власти. При этом существенное повышение этих оценок мы наблюдаем в 2012 г. (+0,7 балла). Наиболее низкие оценки ставят представители бизнеса: здесь мы не наблюдаем каких-либо изменений в их восприятии данного параметра за последние 4 года. Оценки членов НКО соответствуют средним показателям. Стоит также обратить внимание, что представители органов власти самые высокие оценки среди всех субъектов публичной политики ставят исполнительной власти (6,3 балла).

Как и в предыдущем вопросе, оценка властью своей деятельности разнится с мнением бизнеса и, в меньшей степени, – с мнением НКО. Причём довольно резкий рост самооценки представителей власти в 2012 г. никак не отразился на ответах других экспертных групп. Можно предположить, что изменения во мнении со стороны власти связаны с её сменой в регионе и городе. Но пока изменения в своей работе видит только она. Таким образом, изменения в реализации функций власти либо не касаются НКО и бизнеса, либо несущественны.

Экспертные оценки показателя «Местное самоуправление – власть, имеющая полномочия и средства для их обеспечения, действует в интересах местного сообщества» также чуть ниже среднего уровня. При этом не выявлено значимых изменений в обобщенных средних значениях трех экспертных групп на протяжении всего исследуемого периода. Выше среднего уровня оценивают данный показатель представители власти. Среднее значение оценок данного параметра сотрудниками органов власти в 2012 г. – 5,7, что на 0,6 балла выше, чем в 2011 г. Твердую четверку на протяжении всего периода ставят данному параметру представители бизнеса. Позиции членов НКО вполне соответствуют среднему показателю – около 4,5 балла.

В оценке работы органов местного самоуправления за 2009 г. наблюдается небольшой рост среди трех экспертных групп. Опять же мнение властей более позитивно. Возможно, разница в позициях относительно работы властных органов связана с различными критериями оценки, которыми руководствуются опрошенные группы.

Представители НКО оценивают работу местного самоуправления выше, чем в предыдущий год. Таким образом, с 2010 по 2012 гг. оценка выросла на 0,5 балла, что демонстрирует небольшое продвижение. В целом, НКО относится к органам

власти, местным, представительным, исполнительным, практически одинаково. Такая позиция связана с тем, что основной сферой пересечения этих двух структур является поддержка проектов и деятельности некоммерческого сектора.

Похожие отношения выстраиваются между бизнесом и властью. Заметна тенденция наиболее низкой оценки институтов власти бизнесом.

По сравнению с 2009 г. значения показателя «Партии – реальный инструмент формирования власти и лоббирования общественных интересов» снизились с 5,4 балла до 4,4. При этом экспертные оценки за последние три года были стабильны – ниже 5 баллов, то есть ниже среднего значения. Значимого отличия между экспертными группами в оценке данного параметра не выявлено. Это позволяет говорить о том, что демонстрируемое восприятие деятельности партий показывает неудовлетворенность их работой.

Обобщенная экспертная оценка показателя «Профсоюзы бескомпромиссно отстаивают интересы наемных работников, защищают их права» за весь период ниже среднего уровня (около 4 баллов). Мнения различных экспертных групп по данному параметру совпадают. Мнение о профсоюзах как о проводнике интересов наемных работников сегодня находится на низком уровне. При соответствующих условиях этот инструмент мог бы быть источником уверенности в защите своих прав для работников, а значит, одним из составляющих доверия к общественно-политической системе в целом. Динамика оценок несущественна, однако характеризуется снижением.

По показателю «Общественные и некоммерческие организации реально предоставляют социальные услуги населению и проводят общественную экспертизу и контроль» наблюдается небольшой рост средних оценок: с 4,3 в 2009 г. до 5,0 в 2012 г. Оценки разных экспертных групп существенно не отличаются. Анализируя средние обобщенные оценки институтов публичной политики, можно добавить, что данный показатель в 2012 г. вошел в тройку лидеров роста.

Самыми низкими оказались оценки со стороны бизнеса. Это обусловлено редким пересечением деятельности НКО и бизнеса. Более того, НКО часто обращаются к бизнесу за помощью, что может способствовать формированию отношения к ним, как к иждивенцам. Власть стабильно оценивает деятельность некоммерческого сектора на 5 баллов. При этом следует отметить снижение самооценки НКО.

Оценка показателя «Экспертные организации и СМИ формируют общественное мнение, оценивают деятельность органов власти и продвигают публичные интересы» находится в 2011 и 2012 гг. на уровне 5,5 балла. Оценки каждой из экспертных групп – на уровне среднего значения, значимых отличий между экспертами не выявлено. Наивыс-

шую оценку дали представители власти – 5,7. Члены НКО оценили данный параметр на 5,5 балла, бизнес-сообщество – на 5,1.

Анализируя средние обобщенные оценки институтов публичной политики, можно добавить, что экспертные организации и СМИ вошли в тройку лидеров, получив наивысшие оценки среди субъектов публичной политики. Единство во мнении экспертных групп, а также уровень оценки выше среднего говорит о достаточно устойчивых позициях экспертных организаций и СМИ в формировании общественного мнения, оценке деятельности органов власти и продвижении публичных интересов.

Таким образом, СМИ и экспертные организации оценены несколько выше, чем деятельность органов власти, НКО и бизнеса. В 2012 г. в сравнении с 2011 г. власть и НКО отметили повышение эффективности работы экспертных организаций и СМИ, однако бизнес подчеркивает противоположную тенденцию.

Опросы экспертов, проведенные в Ярославской области в 2009–2012 гг., позволяют выявить динамику оценок состояния субъектов публичной политики Ярославской области. Средние обобщенные оценки качества субъектов публичной политики Ярославской области – 4,7 балла. Большая часть обобщенных экспертных оценок в 2012 г. соответствует среднему уровню (≈ 5 баллов). При этом не выявлено значимой динамики по основным показателям за 4 года, что свидетельствует о стабильности основных показателей публичной политики в регионе. Необходимо отметить, что наблюдается снижение оценок партий как реального инструмента формирования власти и лоббирования общественных интересов.

Выявлена рассогласованность в экспертных оценках власти и бизнеса по подавляющему большинству показателей: сотрудники органов власти во всех случаях ставят более высокие оценки, чем представители бизнеса. Оценки НКО – на уровне обобщенных средних. Наибольшая рассогласованность наблюдается в показателе «исполнительная власть эффективно реализует функции управления регионом» (2,6 балла).

Важно отметить, что мнение представителей третьего сектора изменяется ежегодно. Данные по субъектам публичной политики в 2013 г. скорректировались незначительно, хотя по сравнению с 2009 г. наблюдается рост. Видна консолидированность в оценках бизнеса и НКО. По показателям эти группы близки друг к другу. Причём в 2009 г. данные опросов всех трёх групп оказались схожи. Позже произошло расхождение оценок, в основном между бизнесом и госслужащими. Также необходимо обратить внимание на разброс оценок внутри обобщенных параметров. К примеру, более высокие значения были даны таким показателям,

как «экспертные организации и СМИ» (5,5 балла), а наиболее низкие оценки были даны эффективности профсоюзных организаций (3,8 балла) и активности населения (3,9 балла).

Мы наблюдаем значимый рост показателей самооценки представительной, исполнительной власти, а также местного самоуправления. После 2009 г. бизнес ухудшил свои оценки субъектов публичной политики, но в 2013 г. – незначительно скорректировал, однако не привёл к возвращению к позициям 2009 г. Представители власти, за исключением 2013 г., демонстрируют повышение оценок активности и эффективности институтов публичной политики.

Однако в 2013 г. заметна смена настроения в отношении субъектов и инструментов публичной политики представителей власти. Их оценки стремятся вниз по всем критериям. Причём критика видна даже в отношении профильных для власти тем, а именно: эффективной реализации функций исполнительной власти по управлению регионом (-0,8 балла), создания ими законов, защищающих интересы избирателей и региона, деятельности органов местного самоуправления, соблюдения правил и условий работы оппозиции (-0,9 балла). Также снижена оценка партий на 0,8 балла, механизмов противодействия коррупции – на 0,5 пункта, выборов как честных и свободных (-0,7), механизмов освещения проблем и здравоохранения.

Бизнес, который традиционно критичнее, чем власть и НКО, продемонстрировал в 2013 г. лёгкий оптимизм или небольшой спад настроений по большинству из предложенных критериев, в целом оставшись на уровне оценок прошлых лет.

Обобщенные оценки практически по всем субъектам публичной политики ниже среднего значения. Исключение составляют экспертные организации и СМИ – показатели по данным субъектам на уровне среднего. Общественные и некоммерческие организации занимают вторую позицию в рейтинге субъектов публичной политики. Стоит обратить внимание, что во многом данная позиция обусловлена высоким уровнем самооценки членов НКО (среднее – 6,0).

Срединное положение в рейтинге занимают органы представительной власти и местного самоуправления, бизнес, органы исполнительной власти.

Наиболее слабая позиция в рейтинге субъектов публичной политики принадлежит профсоюзам: эксперты из всех групп оценили данный параметр крайне низко. Население и партии эксперты оценили одинаково: показатель по данным субъектам также ниже среднего значения.

Таким образом, многолетнее исследование демонстрирует существенные диспропорции в оценке основных субъектов публичной политики представителями основных секторов общества – представителями органов управления, бизнеса

и некоммерческого сектора. Это позволяет говорить о существовании сложностей коммуникации между ними: различия оценок предполагают различные «картины мира».

Примечание

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-2972.2013.6.

Библиографический список

1. Евстифеев Р. Семинар Публичный политик в публичной сфере региона. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vibor33.ru/bezkupir/publicnyi-politik-v-publichnoi-sfere-regiona> (дата обращения: 05.12.2013).

2. Руттер М. Публичная сфера как идеал политической культуры // Граждане и власть: проблемы и подходы. – М.: Летний сад, 2001. – 176 с.

3. Орлова Е.В. «Публичная политика» в современной России: теоретическое осмысление отсутствующей практики // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – 2011. – № 1. – С. 99–105.

4. Головин Ю.А. Публичная политика и политическая безопасность // Вестник социально-политических наук. – 2011. – № 10. – С. 45–48.

5. Соколов А.В., Якимец В.Н. Состояние публичной политики в Ярославской области // Труды института системного анализа РАН. – 2010. – Т. 57. – С. 185–191.

6. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика в регионах России // ПОЛИС: политические исследования. – 2011. – № 1. – С. 42–66.

ФЕНОМЕН СЛОВА:

ФИЛОСОФСКИЙ, ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ, КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье представлен онтологический подход к пониманию сущности слова как предмета лингвокультурологической рефлексии. Этот подход осуществляется на основе работ свящ. П.А. Флоренского, С.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн, ключевыми словами в которых являются «любовь», «мудрость», «logos» в его историческом развитии. В результате слово понимается как акт сознания. Слово рассматривается в трех аспектах своего бытийствования: звуковом (междометие, звуковая оболочка), буквенном (историософия алфавита, представленная в древних языках и С.А. Есениным), целостном (словарные и контекстные смыслы). В языке (следовательно, и в слове) передается процесс познания мира, его телесность. В грамматических формах слов, их семантических полях отражается история развития человеческого общества. И это развитие маркировано стремлением к упрощению. Так, латинским словом «amor» поглощаются греческие «philia», «eros», «agape», «storge». Слово уплощается, низводится до сугубо коммуникативной функции. Этому процессу противостоит классическая литература, что поясняется на примере анализа эпизода из романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Особое место в этом процессе занимают поэтические тексты. На основе анализа стихов С. Есенина, Н. Гумилева раскрывается энергичная сущность слова. Специальное внимание уделено слову как мифу и мифологическому сознанию. На основе анализа эпизода из Библии рассматривается сущность сакрального слова и формы его бытийствования. В итоге выявляется энергичная природа слова, которая сохраняется во всех его формах. Наиболее явственно – в именовании. В пространстве Логоса мир оказывается равным самому себе и онтологически укреплен в Слове.

Ключевые слова: слово, логос, миф, значение, сущность, энергия, форма, существование.

В философском подходе к слову соединяются философия и слово. Оба – греческого происхождения. Философия состоит из двух корневых основ: philia ‘любовь’, отглагольное существительное, от глагола philein, в значении которого содержится оттенок ‘внутренней склонности и удовлетворения тем, что есть’; sophia есть ‘осуществленная мудрость’. Значение этих слов замечательно раскрыл отец Павел Флоренский в «Одиннадцатом письме: Дружба» и «Десятом письме: София» в книге «Столп и утверждение Истины» (1914). Замечу, у отца Павла «софия» предшествует «любви», ибо она есть Мудрость Божия. Но слово «философия» составлено людьми, и корни поменялись местами. А началась философия с удивления, то есть с личностного (моего, человеческого) отношения к миру. Теперь обратимся ко второй части словосочетания «философия слова» – к собственно слову: logos – ‘мысль и упорядочение’, у греческих философов – свойство чувственного Космоса, заключающееся в упорядочивании Хаоса. В «Библии» отражено именно это значение во фразе «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн, 1: 1). Слово есть замысел мироустроения, Бог создает мир по сказанному Слову: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Бытие, 1: 3). Подробно исследовал историю Логоса С.Н. Трубецкой в работе «Учение о Логосе и его истории» (1900), а также В.Ф. Эрн в работе «Борьба за Логос» (1911). Таким образом, философское понимание слова полагает развитие мудрой склонности к постижению мысли. Как заметил А.А. Потебня, «в слове совершается акт познания» [9, с. 5].

Древнейшей основой слова является звук, позаимствованный человеком, по мысли Вильгельма фон Гумбольдта, у птиц. Далее человек наполнил звук смыслом. В частности, Гумбольдт писал: «Как мысль, подобно молнии или удару грома, сосредоточивает всю силу представления в одном мгновении своей вспышки, так и звук возникает как четко выраженное единство. Как мысль завладевает всей душой, так и звук своей внезапной силой потрясает всего человека. Эта особенность звука, отличающая его от любых других чувственных восприятий, покоится явно на том, что ухо (в отличие от других органов чувств) через посредство звучащего голоса получает впечатление настоящего действия, возникающего в глубине живого существа, причем в членораздельном звуке проявляет себя мыслящая сущность, а в нечленораздельном – чувствующая» [2, с. 75–76].

Начнем с последнего, когда в нечленораздельном звуке передаются чувства, ощущения. Этот нечленораздельный звук в грамматике именуется междометием. Для уяснения сущности междометия необходимо сделать небольшой экскурс в область истории грамматики. Статус самостоятельной части речи междометия приобрели в латинском языке. Римляне переняли у греков восьмичленную морфологическую классификацию словарного состава языка. Но в грамматику древнегреческого языка наряду с другими частями речи входит артикль, которого нет в латинском языке. И тогда, чтобы уравнивать количество частей речи с греческой грамматикой, римляне ввели новую часть речи – междометие, передающее эмоции посред-

ством неоформленных слов. Для отличия междометий от других неизменяемых слов указывается их формальный признак – *suspiratio*, то есть произношение с придыханием (опять же взято у греков). Это свойство междометий позднее ушло на второй план, акцент перенесен на функциональный признак – выражение эмоций. Русский термин «междометие» происходит от латинского «*interjectio*», то есть ‘брошенное между’.

Вот несколько примеров чисто звуковых междометий, в которых передается, по определению Гумбольдта, «чувствующая сущность».

Междометие передает стон от боли.

«М-м», – стонал тот лежа, уткнувшись в подушку (В. Маканин. Неадекватен).

Междометие передает возглас разочарования.

«Ммм... – проговорила барышня, разочарованно опуская руки. – Начали хорошо, а кончили Бог знает как...» (А. Чехов. То была она).

Междометие в речевой ситуации. Например, «она уехала».

- О! (это интересно).

- А! (понятно).

- Э... (разочарованно).

Но слово обладает способностью проявлять себя как «мыслящая сущность» даже в звуке. В поэзии звук преобразуется, организует словесную ткань. В поэтическом тексте слово выходит за пределы словарной семантики, поэтому звучание слова насыщается смыслом. Обратимся к тексту А.С. Пушкина.

Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила;

К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал.

Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,

И улыбалась ему, тихие слезы лия.

(1835)

Звук «р» передает чувство ревности, нестройности, дисгармонии, вокруг этого звука выстраивается мир первых двух строк. А далее звук «л» как образ любви гармонизирует ситуацию, делая слезы тихими, светлыми.

В поэзии XX века звукопись станет приемом, когда звук словно прорастает сквозь ткань слова. У Велимира Хлебникова читаем:

Крылышкуя золотиписьмом

Тончайших жил,

Кузнечик в кузов пуза уложил

Прибрежных много трав и вер.

«Пинь, пинь, пинь!» – тарарахнул зинзивер.

О, лебедиво!

О, озари!

(1908–1909)

Особую пластику звука описал Андрей Белый в «Глоссолалии. Поэме о звуке» (1922): «Все движение языка в нашей полости рта – жест безрукавой танцовщицы, завивающей воздух, как газовый, пляшущий шарф; разлетаясь в стороны, концы шарфа щекочут гортань; и – раздается сухое, воздушное, быстрое “h”, произносимое, как русское “ха”; жест раскинутых рук (вверх и в сторону) –

“h”. ...звуки ведают тайны древнейших душевных движений; так, как мы произносим звучащие смыслы словес, так творили нас некогда: произносили со смыслом; наши звуки – слова – станут миром: творим человека из слов; и слова суть поступки. Звуки – древние жесты в тысячелетях смысла» [1, с. 9, 10]. Звук в восприятии Белого оживает и словно возвращается к своим древним корням, потому и весь текст оставляет впечатление заклинания. Звучание древнее письменности, древнее буквы.

А теперь перейдем к букве. Все буквы языка собраны в алфавит, истоки которого уводят нас в глубокую древность. Письменность восходит к удивительной культуре шумеров, «все видавших и все слыжавших». Письменность возникает в конце IV тысячелетия до Р.Х., изобрели ее шумеры. Это были выполненные на глине пиктограммы – знаки рисуночного письма. Они разделили письменный знак на знак, обозначающий образ понятия, и знак, обозначающий его звучание. Так возникло словесно-слоговое письмо. Звуки стали тесно ассоциироваться с образами. В языке шумеров «разум» и «ухо» – одно слово. На основании шумерской письменности был создан финикийский язык и появился первый алфавит, где каждой букве соответствовал образ. Так, по Каббале (трактат Сефер Ецира), алфавит – творение Бога, предшествующее миротворению. Двадцатью двумя буквами еврейского алфавита и был создан мир. Каждая буква еврейского алфавита не только не условна, а, наоборот, безусловна, она закономерно воплощает мировую энергетическую сущность и связана с одной из ипостасей Бога.

Начинался алфавит с буквы, начертание которой напоминало голову быка как символа начала жизни. В древнееврейском языке первая буква алфавита так и называется «алеф» – ‘бык’. Угадывается сходство и с греческой «альфой». Замечу, что все языки Европы начинаются с этой буквы, словно напоминая о древнем языковом единстве народов. Именование же букв алфавиты сохраняли долгое время. Напомню: азъ, буки, глаголь, добро, веде и т.д. И назывался алфавит на Руси азбукой, по именованию первых двух букв. По аналогии с греческим языком, где латинизированное слово «алфавит» изначально тоже обозначало первые две буквы – альфу и бету. Напомню, в греческом языке нет буквы «в».

Древнейший (мистический) смысл букв заново открыл С.А. Есенин в «Ключах Марии» (1918). Мария в данном случае, как указывает Есенин, обозначает душу. «Начальная буква в алфавите а есть не что иное, как образ человека, ошупывающего на коленях землю. Опершись на руки и устремив на землю глаза, он как бы читает знаки ее существа. (Следует рисунок. – И.Е.) Буква б представляет из себя ошупывание этим человеком воздуха. Движение его уже идет от а обратно. (Ибо воздух и земля

по отношению друг к другу опрокинутость.) Знак сидения на коленях означает то, что между землей и небом он почувствовал мир пространства. Поднятые руки рисуют как бы небесный свод, а согнутые колени, на которые он присел, – землю. (Следует рисунок. – И.Е.) Прочитав сущность земли и почувствовав над нею прикрытое синим сводом пространство, человек протянул руки и к своей сущности. *Пуп* (курсив Есенина. – И.Е.) есть узел человеческого существа, и поэтому, определяя себя или осяпывая, человек как-то невольно опустил свои руки на эту завязь, и получилась буква **в** (следует рисунок. – И.Е.) ...дальнейшее следование букв идет с светом мысли от осознания в мире сущности. Почувствовав себя, человек поднимается с колен и, выпрямившись, протягивает руки снова в воздух. Здесь его движения через символы знаков, тех знаков, которыми он ищет своего примирения с воздухом и землею, рожают весь дальнейший порядок алфавита, который так мудро заканчивается фигурой буквы **я**. Эта буква рисует человека, опустившего руки на пуп (знак самопознания), шагающим по земле. Линии, идущие от середины туловища буквы, есть не что иное, как занесенная для шага правая нога и подпирающая корпус левая (следует рисунок. – И.Е.). Через этот мудро занесенный шаг, шаг, который оканчивает обретение знаков нашей грамоты, мы видим, что человек еще окончательно себя не нашел. Он мудро благословил себя, с скарбом открытых ему сущностей, на вечную дорогу, которая означает движение, движение и только движение вперед» [3, с. 199–200].

Есенин связывает напрямую буквы с постижением человеком мира и Космоса, цель которого – постижение самим себя самого себя. Таким образом, мир стягивается к человеку, который не становится, тем не менее, мерой миру. Человек связан с миром через пуп (сравни: Пуп земли, понимаемый как место соединения первочеловека и вселенной).

И, наконец, собственно слово. Слово входит в повседневный обиход человека с самого детства, когда идет процесс *узнавания* слов, а через них – постижение предметного мира, этими словами называемого. Телесность мира пробуетеся на язык, осяпывается, разбирается на части, обнюхивается, чтобы в итоге обрести обобщенный образ в слове. В этой связи замечу, что язык отражает историю человеческого развития не как прогресс (от простого к более сложному), а как систему утрат, то есть прямо противоположный процесс. Примеры. У римлян для обозначения любви есть только одно слово – *amor*. У греков: *philia* ‘любовь-дружба’, сущ. ж.р.; *eros* ‘любовь нежная’, сущ. м.р.; *agape* ‘любовь братская’, сущ. ж.р.; *storge* ‘любовь родительская’, сущ. ж.р. Обратим внимание: только слово *eros* является существительным мужского пола, что отражает его функцию, свя-

занную с оплодотворением. В русском языке утрачено давнопрошедшее время, свидетельствующее о случившемся как настоящем, вечном: и тьма абие бысть ‘и пала тьма, которая есть’, та самая тьма крошечная – ад. Ушли из алфавита большой и малый юсы, ер и ерь, ять и т.д. Поэтому, например, мы неправильно понимаем название романа Л.Н. Толстого «Война и мир», где слово «мир» писалось через «и восьмеричную», то есть «и с точкой», что обозначало ‘мир как сообщество’, в отличие от написания через «и десятиричную» – ‘мир как состояние без войны’.

Как видим, в процессе жизни человек забывает истинный смысл слов, их энергичную сущность. Слова превращаются в некую обыденную реальность, уплощаются, низводятся до сугубо коммуникативной функции, которая, в свою очередь, неизменно приводит слова к предельной простоте, что и наблюдается сегодня повсеместно. Кто сегодня способен рассказать на трех листах, что он почувствовал, увидев любимого человека, как это делал, например, герой Руссо – простой бедный учитель Сен Пре? Кто сегодня чувствует слово как живой организм, как это чувствовали и описывали отец Павел Флоренский, отец Сергей Булгаков, А.Ф. Лосев? Все вопросы риторические, понятно, что редкие единицы.

Между тем, например, в романе Франсуа Рабле «Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля, некогда сочиненное магистром Алькофрибасом Назье, извлекателем квинтэссенции. Книга, полная пантагрюэлизма» (полный вариант – 1564, книгу Рабле писал двадцать лет, но так и не успел завершить пятую книгу) есть удивительные для наших размышлений эпизоды. В тридцать второй главе («Нрав и обычай Постника») четвертой книги читаем: «...А не тот алый шелк, из которого Парисатида изъяснила в свое время желание **выткать слова**, обращенные к ее сыну, царю персидскому Киру». А этот эпизод находится в пятой книге. В главе двадцатой «О том, как Квинтэссенция лечила болезни музыкой» в своем королевстве Энтелехия. В частности, Квинтэссенция «обратилась ... **с шелковыми словами**, с такими, с какими, по мнению Парисатиды, надлежало обращаться к сыну Парисатиды – Киру, или уж во всяком случае **со словами из алой тафты**: “Благородство, излучаемое циркумференцией наших особ, дают мне полное представление о добродетели, сокрытой у вас в душе; ощущая же медоточивую сладость ваших смиренных изъяснений преданности, я легко убеждаюсь в том, что сердца ваши свободны от зловредного и напыщенного суетумудрия и вольнодумства, что они впитали в себя редкостные иноземные учения... да не так-то легко к ним пробиться”» [10, с. 313, 643].

Прокомментирую приведенные эпизоды. Постник в русском представлении – аскет, тот, кто от-

казался от благ земных во имя спасения человечества, погрязшего в грехах. Аскет пребывает в непрестанной молитве, не имеет никакого имущества. Рабле в традиции Ренессанса дает изображение Постника в ироническом облике, хотя сам в довольно молодом возрасте принял постриг, жил в монастыре, но в итоге расстался с иноческой жизнью, стал врачом. Отсюда – ирония в адрес Церкви, представителем которой является Постник. Потому он не может соткать слов из алого шелка. Далее следует ссылка на историю персидского царя Кира. Рабле называет мать Кира на греческий лад Парисатидой, то есть «устойчивой». Ее слова предрекут блестящее будущее сыну, хотя ему и придется пройти через многие превратности судьбы. В другом случае речь идет о словах из алой тафты. В отличие от шелка тафта тяжелый материал, обременительный. Так, определяется тяжесть ношения звания главы государства. Если, конечно, он таковым является по сути своих образа мыслей и поступков. Слово *Энтелехия* составлено было еще Аристотелем для определения органичности развития чего-либо. Бабочка есть энтелехия гусеницы. В таком случае перед нами идеальное государство, органичное, устроенное в полной гармонии всех слоев населения между собой и властью. Имя правительницы – Парисатида («устойчивая»), стиль ее речи выдает человека образованного, блестяще владеющего словом, почему оно и соприродно алой тафте. Фрагмент из романа Рабле дает блестящий образец высокого стиля словесной ткани в блестящем переводе Николая Любимова. Двадцать лет жизни ушло на перевод романа, написанного на нескольких диалектах, поскольку процесс становления литературного языка еще только шел. Внимательное отношение к слову, тончайшая работа с ним отличают роман Рабле, что старался сохранить переводчик.

Современное человечество есть людская масса, где поиски личности вполне сопоставимы с поиском иголки в стоге сена. Хотите стать личностью, постигайте язык, его мудрость, его систему устройства, и вам откроется такой богатый мир, что, окунувшись в него, вы выйдете преображенными, как герои русских сказок. Пока народ не утратил говоры, поговорки, присказки, байки, сказки, он имел лицо. Утрата языкового мира в его богатстве неизбежно ведет к утрате и самого народа.

Потому, как заметил Гёльдерлин, «опаснейшее благо – язык дан человеку... чтоб показал он, что он есть такое» (*Darum ist der Güter Gefährlichstes, die Sprache dem Menschen gegeben... damit er zeuge, was er ist*) [цит. по: 11, с. 64–65]. Однако в результате овладения словом человек познал не только мир, но и самого себя. Высшим итогом владения словом, по Хайдеггеру, является поэзия: «Поэт не только именует богов, но именованьем возводит все вещи в то, что они суть. Это именование

состоит не в том, что нечто, уже и перед тем известное, просто снабжается каким-то именем, нет, когда поэт произносит существенное слово, существующее этим именованьем впервые слово полагается в то, что оно есть. Так оно становится известным в к а ч е с т в е сущего. Поэзия есть словесное учреждение бытия» [11, с. 81].

Обратимся к стихотворению Сергея Есенина «Край ты мой заброшенный...» (1914):

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь.
Сенокос некошенный,
Лес да монастырь.

Избы забоченились,
А и всех-то пять.
Крыши их запенились
В заревую гать.

Под соломой-ризую
Выструги стропил,
Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.

В окна бьют без промаха
Вороны крылом,
Как метель, черемуха
Машет рукавом.

Уж не сказ ли в прутнике
Жисть твоя и быть,
Что под вечер путнику
Нашептал ковыль?

К.В. Мочульский, размышляя над пейзажными зарисовками в поэзии Есенина, замечает: «Русский пейзаж становится храмом... крестьянский быт – богослужением в нем. Подмена живописи иконописью, растворение крестьянского быта в “литургии” определяют собой всю систему образов. Контуры Христовы Лица слагаются из линий полей, оврагов, лесов... Поэт считает себя обязанным каждую березу, каждую поросшую мхом кочку интерпретировать мистически. Приемы чисто словесные: кропотливо записывается “земной” вид: деревня, гумно, поле, но он весь сквозной: через метафоры просвечивает небо» [7, с. 7].

В контексте наших размышлений следует обратить внимание на финальную строфу, а в ней на две лексемы: «сказ» и «нашептал». В пространство лексемы «сказ» стянуты «жисть» и «быль», которые *нашептаны* природой. Креативная природа слова открывается не всякому, но никогда не утрачивает своей бытийственности.

И еще пример, но уже из Николая Гумилева:

Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец;
Создав, навсегда уступил меня року Создатель;
Я продан! Я больше не божий! Ушел продавец,
И с явной насмешкой глядит на меня покупатель.

Летящей горою за мною несется Вчера,
А Завтра меня впереди ожидает, как бездна,

Иду... Но когда-нибудь в бездну сорвется Гора.
Я знаю, я знаю, дорога моя бесполезна.

И если я волей себе покоряю людей,
И если слетает ко мне по ночам вдохновенье,
И если я ведаю тайны – поэт, чародей,
Властитель вселенной, – тем будет страшнее паденье.

И вот мне приснилось, что сердце мое не болит,
Оно – колокольчик фарфоровый в желтом Китае
На пагоде пестрой... Висит и приветно звенит,
В эмаливом небе дразня журавлиные стаи.

А тихая девушка в платье из красных шелков,
Где золотом вышиты осы, цветы и драконы,
С поджатыми ножками смотрит без мыслей и снов,
Внимательно слушая легкие, легкие звоны.

(1912)

В поэтическом слове возникает образ человеческой судьбы, оставленной Богом и оказавшейся во власти рока. Гумилев, «поэт, чародей», словно предчувствует свое будущее, до которого оставалось менее десяти лет: «тем будет страшнее паденье». Словесной вязью создается пронзительной чистоты и грусти бестелесный образ поэта, от которого осталось только сердце, превратившееся в «колокольчик фарфоровый в желтом Китае на пагоде пестрой». И слова заменили звоны. Но тронь колокольчик – и звон его обернется словом. Двойное посвящение к этому стихотворению – Ахматовой и Маковскому – амбивалентно развернуто к неразрывному единству жизнотворчества.

Эта глубинная, сущностная связь мира со словом была известна людям еще в древнейшие времена и воспринималась ими как великое таинство мира, о чем свидетельствует слово «миф». Слово греческого происхождения: *muthos* – речь, слово; разговор, беседа; совет, указание; предмет, обсуждение, вопрос; замысел план; изречение, поговорка; толки, слухи; весть, известие; сказание, предание, миф; сказка, басня; сюжет, фабула.

Миф – одна из форм освоения мира. Миф призван одушевить весь мир, создавая целое, единое, живое тело Космоса. В этом проявляется одна из характерных сторон доисторического сознания – **анимизм**. Потому животворящее слово предстает таинственным и всемогущим. Миф объясняет и санкционирует устройство мира и место человека в нем. Главная черта мифа – сведение сущности вещи к ее генезису (происхождению, возникновению, но одновременно и развитию). Описать что-либо означает рассказать историю его создания, появления.

Рождение мифа связано с другой чертой доисторического сознания – **ритуалом**, миф вырос из ритуала и первоначально был бессловесен. Ритуал строился на движении, жесте, ритме, но не на слове. Через ритуал человек вписывался в общее устройство мира. Наконец, третья характеристика доисторического сознания – **тотемизм**. Каждое племя имело свой тотем, к которому приобщалось

через поедание образа тотема, персонифицированного в животном, птице, растении. Далее, чтобы душа убитого не страдала, делали их изображения-копии, в которые и поселялась душа. Самое радостное событие в жизни, полной бед и несчастий, – смерть. Потому во всех мифологиях цвет смерти – белый. В. Хлебников сумел удивительным образом передать (реконструировать) это состояние:

Когда умирают кони – дышат,
Когда умирают травы – сохнут,
Когда умирают солнца – они гаснут,
Когда умирают люди – поют песни.

Анимизм, ритуал, тотемизм сформировали **синкретическое** сознание доисторического человека: отсутствие деления на левое и правое полушарие, человек не выделял себя из природы. Лес, поле, собака, змея, цветок, человек, камень, река. Человек вписан в этот ряд. Потому так важно найти родственников в природе, которая всегда старше человека. Ведь найти родню – значит объяснить себя и мир.

В познании мира доисторический человек опирался на **зрительное (визуальное)** восприятие мира, в который он внимательно вглядывался, всматривался. Он не знал опыта, который всегда есть насилие над природой. Чтобы узнать, сколько лет дереву, его надо спилить. Сколько лет – узнаете, но этого дерева уже не будет никогда. Чтобы узнать, как выглядит кровообращение у лягушки, ее живой кладут на спину, прикалывают лапки и делают разрез. Вы узнаете о ее кровообращении, но лягушка умрет. Не случайно Ф. Бэкон определял опытное познание природы как ее распятие.

Наконец, на основании указанных характеристик рождался **образ**. Доисторический мир соткан из образов, на мир словно наброшена сеть из образов. Вот эти образы затем получают именованья и будут вербализованы. Но позднее. А пока доисторический человек знал, что у дерева есть душа, эта душа предстала в образе нимфы, которая рождалась и умирала вместе с деревом. Позднее она получит именование гамадриада (*gama* – «вместе», *drus* – «дуб»). Когда мифы воплотятся в сюжеты, родится понятие *eros* – звучащее слово, и это «Илиада» Гомера.

Все древнейшие мифы начинаются с космогонии, с того, как возник мир.

В египетской мифологии, в мемфисском варианте сказания о сотворении мира, читаем: «Зародилась в сердце мысль в образе Атума, возникла она на языке в этом образе. Велик и огромен также Пта, унаследовавший свою силу от всех богов и их духов через это сердце, через этот язык. И стало так, что сердце и язык получили власть над всеми членами, ибо познали они, что Пта в каждом теле, во рту каждого из богов, всех людей, всех зверей, всех червей и всего живущего, ибо он мыслит и повелевает всеми вещами, какими хочет» [8, с. 77]. Атум –

Солнце, возникшее из вод Нуна; Пта – бог Мемфиса, греки отождествляли с Гефестом, покровителем ремесел. В египетском варианте мысль отождествляется с Солнцем, следовательно, с теплом и светом. Эта свето-тепловая природа мысли является основанием ее креативных возможностей, которые могут быть реализованы (и реализуются) через соединение языка с сердцем. Именно такого рода синтез и воплощает Пта. В результате мысль обретает реальную возможность осуществить самоё себя в творении через персонификацию, которая, в свою очередь, через сердце делает язык-слово живым, могущим сопереживать, вообще чувствовать, в силу чего и наполняется энергичностью.

В ассирио-вавилонской поэме «Энума элиш» («Когда вверху...»), созданной в третьем тысячелетии до Р.Х., читаем: «Когда вверху *еще не было названо* небо и внизу *не было дано имя* земле, тогда не было никаких богов, никого не существовало вообще, *не было мира*» [6, с. 7]. Креативная функция слова, представленная в этом фрагменте, не требует никаких комментариев, ясно указывая на небытие того, что не получило вербализации.

Если мы обратимся, например, к истории творения мира в греческой мифологии, то увидим, что мир создается из недифференцированного Хаоса – зияющей бездны, которую пронзает мощная стихийная сила страсти – Эрос. В результате появляются не охватываемые человеческим глазом первосущности, но помещаемые в оболочку слова, которая придает этим сущностям некий облик: Гея (Земля), Тартар (Великое пространство, залегающее в недрах земли, обладающее шеей, которую в три ряда окружает ночь, и одновременно живое существо), Нюкта (Ночь) и Эреб (Мрак). Здесь еще нет имен, только именованья отдельных частей будущего Космоса. Мир словно опирается на Слово, и Слово выдерживает этот натиск, активно участвуя в гармонизации мира.

В эпоху греческой классики (V в. до Р.Х.) слово «logos» будет восприниматься в его дифференцирующей и энергичной сущности.

Думается, что эта древняя традиция уже в христианские времена была усвоена Новым Заветом, в котором Евангелие от Иоанна начинается с утверждения: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ни что не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светил, и тьма не объяла его» (Ин. 1: 1–5). Попробуем прочесть (понять) этот текст.

Слово напрямую связано с происхождением – началом мира, которому Слово предшествует. Однако это Слово ничего общего со словом в нашем обыденном понимании не имеет, ибо Слово принадлежит Богу и воплощает одну из Его ипостасей. По отношению к Слово Бог первоначален.

Как замечает Иоанн Златоуст, «имея намерение вразумить (людей), что это Слово есть Единородный Сын Божий, евангелист, чтобы кто-нибудь не предположил здесь страстного рождения, предварительно наименованием Сына Словом уничтожает всякое злое подозрение, показывая и то, что Он есть от Отца сын, и то, что Он (рожден) безстрастно» [4, с. 17]. Далее Слово как бы растворяется в Боге, который, как указывает Иоанн Златоуст, является не в качестве сущности (явления), но в действии: «Так видим, что это Слово немного после называется у него светом, и опять свет этот именуется жизнью... Называет же его вместе и светом и жизнью потому, что Он даровал нам свет ведения, а отсюда – жизнь. Вообще же нет ни одного такого имени, нет таких ни двух, ни трех и более имен, которые были бы достаточны для выражения того, что касается Божества» [4, с. 17–18]. Оставляя за пределами наших размышлений проблему именования Бога, обратим внимание на предложение: «Все чрез Него начало быть, и без Него ни что не начало быть, что начало быть». Здесь указывается, что Бог через Слово («В начале было Слово») творит мир, рождение которого полностью определяется Словом. Отсюда трижды повторяется сказуемое «начало быть», которое есть живое свидетельство креативной функции Слова. Жизнь и свет, побеждающие тьму, – наглядный пример воплощенной энергии Слова.

В христианской традиции Слово часто обозначается как Логос и обозначает *устное* (произносимое, звучащее, действующее) Слово – речь, изречение, беседа, рассказ, учение, послание, молитва, вопрос и т.д. [5, с.78] Иными словами, в Слове актуализируется энергичное начало Бога, творящее и провоцирующее мир к действию, становлению. Через Слово и Словом творится жизнь. По Филону Александрийскому (Филон Иудей), все соматические образы (антропоморфные в том числе) относятся к силам Божества. Высшей формой этих сил является Слово – Логос. Отсюда Слово есть бессамостная энергия Божества, душа и связь мира (стоический Логос), а также тварно-личный посредник между Богом и миром. Слово есть разум Божий, идея всех идей, образ Божества, первородный Сын Божий, своеобразный *второй* бог. Слово есть первообраз вселенной, мирозидательная сила, душа, облакающая телом мира. Слово – посредник, верховный ангел, наместник Бога, царственный первосвященник [13, с. 121–122]. Слово является элементом познания мира, обладая в то же время реальной силой. Обратим внимание на то, что Христос проповедует (говорит) о сущности бытия, то есть действует Словом.

Евангелие от Луки, глава 5, стихи 1–11:

Однажды, когда народ теснился к Нему, чтобы слышать слово Божие, а Он стоял у озера Генисаретского, увидел Он две лодки, стоящие на озере;

а рыбаки, вышедши из них, вымывали сети. Вошел в одну лодку, которая была Симонова, Он просил его отплыть несколько от берега, и сев учил народ из лодки. Когда же перестал учить, сказал Симону: отплыви на глубину, и закиньте сети свои для лова. Симон сказал Ему в ответ. Наставник! мы трудились всю ночь, и ничего не поймали; но по слову Твоему закину сеть. Сделавши это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них порывалась. И дали знак товарищам, находящимся на другой лодке, чтобы пришли помочь им; и пришли, и наполнили обе лодки, так что они начинали тонуть. Увидев это, Симон Петр припал к коленам Иисуса и сказал: выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный. Ибо ужас объял его и всех, бывших с ним, от этого лова рыб, ими пойманных; также и Иакова и Иоанна, сыновей Зеведеевых, бывших товарищами Симону. И сказал Симону Иисус: не бойся; отныне будешь ловить человеков. И вытащивши обе лодки на берег, оставили все и последовали за Ним.

Событийный уровень (исторический уровень, который можно назвать еще и преданием) этой притчи заключается в следующем: множество людей собралось вокруг Христа, который стоял у Геннисаретского озера. Чтобы всем Его было видно и слышно, Он просит Симона отвезти Его от берега на лодке и оттуда начал учить.

Обратим внимание: говорить, произносить слова, которые из Его уст получали особый смысл, в чем мы и пытаемся сейчас разобраться.

Перестав учить, Христос предлагает Симону забросить сети в озеро. Сомневающийся в надобности этого действия, Симон все-таки – по Слову Божьему – забрасывает сети. При этом сам-то он заранее уверен в бесполезности предприятия. Но рыбы оказалось такое множество, что и лодка Симона, и призванная на помощь вторая лодка начали тонуть. Ужас охватывает Симона Петра, Иакова и Иоанна, сыновей Зеведеевых. Симон раскаивается, называет себя грешником и недостойным находиться рядом с Христом. Но Христос успокаивает Симона, предсказывая ему судьбу ловца «человеков», то есть проповедника христианства.

Обратим внимание: ключевым словом в этой притче является глагол «сказал», который четырежды появляется в тексте, всякий раз акцентируя новые нюансы в сюжете. Таким образом, через Слово Божие выстраиваются события земные.

Тропологический уровень (образный) этой притчи заключается в следующем: центральным образом притчи являются образы сетей и рыб. Последние из реальных морских обитателей превращаются в символы душ человеческих. Напомним, что в те времена знаком приобщения к христианству было изображение именно рыбы.

Обратим внимание: рыба – символ Христа, возникший из криптограммы *ithus* – ‘рыба’. Эта крип-

тограмма расшифровывалась как *Иисус Христос Сын Божий Спаситель* в соответствии с начальными буквами в древнегреческом написании.

Крест как символ страданий Христа и крепости веры появился позже, когда христианство уже обрело черты повсеместной ортодоксии.

Анагогический уровень (мистический) этой притчи обращен к религиозному опыту человека: вера не предполагает сомнений, поскольку вся сила веры исходит из самого Христа. Любое колебание веры есть свидетельство отпадения от Христа.

Таким образом, приведенная притча через произнесенное, то есть получившее реальное бытие Слово утверждает его сущность в человеческих душах, а через них – в мире.

В Библии Слово (*Logos*) есть Живое Слово Бога, которое обладает энергийной силой, способной к творческой деятельности. Слово существует до момента творения мира, представляя его замысел, его идею. Потому Слово Божие равно Слову как элементу познания. В силу своей ипостасной природы Слово обладает реальной экзистенцией при всей кажущейся эфемерности своего бытия. Подобное понимание сути природы Слова неизбежно выводит к Миру-в-Боге, что является основанием для выделения особого типа онтологии, по определению С.С. Хоружего, «энергийно-эссенциального дискурса» [12, с. 290]. Смысл обозначенного типа онтологии заключается в том, что мир как Идея и мир как Энергия соединяются в именовании. Такое именование в своей исходной точке располагается в Имени Божием, а кроме того, в актах его произнесения в молитвах и внемолитвенного пространства.

Если Бог творит мир через Слово, следовательно, Слово обладает креативной энергией, сохраняя ее во всех формах бытия (в том числе и за пределами сакрального локуса). В пространстве Логоса мир равен самому себе и онтологически укреплен в Слове.

Библиографический список

1. *Белый А.* Глоссолалия. Поэма о звуке / послесл. К. Свасьяна. – М.: Evidentis, 2002. – 143 с.
2. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред. и с предисл. проф. Г.В. Рамишвили. 2-е изд. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2001. – 400 с.
3. *Есенин С.А.* Ключи Марии // *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. – Т. 5 / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. – М.: Наука – Логос, 1995. – С. 186–213.
4. *Иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Константинопольского Златоустого.* Избранные творения. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова: в 2 т. – Т. 1. – М.: Издательский отдел Московского патриархата, 1993. – 387 с.
5. Краткий греческо-русский словарь Нового Завета. – СПб.: Христианский университет, 1995. – 139 с.

6. Мифы древнего мира / сост. М.Б. Бурдыкина. – СПб.: Каравелла, 1995. – 496 с.

7. Мочульский К. О поэзии Сергея Есенина // Звено. – Париж, 1923. – № 31 (3 сентября). – С. 7–8.

8. Немировский А.И. Мифы и легенды Древнего Востока. – М.: Просвещение, 1994. – 368 с.

9. Потебня А.А. Слово и предложение: введение в теорию. – М.: КРАСАНД, 2010. – 128 с.

10. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / пер. с франц. Н. Любимова. – М.: Художественная литература, 1966. – 803 с.

11. Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина / пер. с нем. Г.Б. Ноткина. – СПб.: Академический проект, 2003. – 320 с.

12. Хоружий С.С. Опыты из русской духовной традиции. – М.: Издательский дом «Парад», 2005. – 340 с.

13. Христианство. Энциклопедический словарь: в 3 т. – Т. 3 / ред. кол.: С.С. Аверинцев, А.Н. Мешков, Ю.Н. Попов. – М.: Большая российская энциклопедия, 1995. – 782 с.

УДК 1(470)

Громова Анастасия Евгеньевна

кандидат культурологии

Костромской государственный технологический университет

Gromova130176@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ХРОНОТОПА В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ (П.А. ФЛОРЕНСКИЙ)

В статье раскрывается проблема соотношения двух ключевых философских и культурологических понятий: времени и пространства – и их осмысления в наследии рубежа XIX – XX вв. Анализируя проблему соотношения времени и пространства, автор усматривает ее истоки в наследии античной и средневековой мысли и, ссылаясь на работы С.С. Аверинцева, проводит параллели в понимании данных категорий в культуре Античности и Средневековья. Особо выделяется средневековая культура как наиболее близкая к культуре Серебряного века.

Анализируя средневековые представления, автор обращается к двум источникам: «Исповеди» Бл. Августина, «О таинственном Богословии» Псевдо-Дионисия Ареопагита. Подчеркивается разная направленность двух философских текстов в отношении времени и пространства. Блаженный Августин выделяет временную координату, а Псевдо-Дионисий Ареопагит – пространственную. Автором статьи выделяется мысль о том, что именно в философском слиянии двух линий богословия: восточного и западного, представленного текстами Августина и Дионисия, – и следует искать истоки соотношения времени и пространства в философском дискурсе рубежа XIX–XX вв., в частности на примере текстов П.А. Флоренского.

В процессе анализа текстов Флоренского в контексте идеи хронотопа выделяются следующие смысловые моменты: телесность/духовность, внешнее/внутреннее, движение/покой, множественность/единство. Автор пытается подойти к обозначенным темам с точки зрения категорий времени и пространства и выявить новые аспекты в их отношении. Подчеркивается значимость слияния категорий времени и пространства, что обеспечивает целостный образ мира в интерпретации П.А. Флоренского.

Ключевые слова: хронотоп, время, пространство, Средневековье, Античность, протяженность, иерархия, строение.

Впервые понятие «время-пространство», или «хронотоп», было введено А.А. Ухтомским в 1925 году в докладе, в котором были затронуты вопросы хронотопа в биологии. В культурологическом аспекте термин «хронотоп» актуализирует М.М. Бахтин в работе «Формы времени и хронотопа в романе». «Хронотоп» означает «взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе», в дословном переводе – «времяпространство» [5, с. 121]. Бахтин подчеркивает, что «термин этот употребляется в математическом естествознании и был введен и обоснован на почве теории относительности (Эйнштейна)» [5, с. 121].

Время, приобретая пространственные характеристики, является основополагающей категорией в культурном наследии рубежа XIX–XX вв. Флоренский и многие мыслители того периода обращались к проблеме соотношения времени и пространства. Причем новое осмысление временных и пространственных категорий и возможность

их слияния в термине «хронотоп» определялись онтологическим толкованием мира, актуальным в культурном пространстве Серебряного века. Относительно художественного пространства стоит отметить превалирование внутреннего содержания образа над его внешней формой. Так, по замечанию И.А. Едошиной, именно в онтологическом понимании кроется интерес художественного пространства как западного, так и русского искусства к «древнейшим формам общения человека с богами – ритуалу и ритуальным предметам» [7, с. 13]. Что важно, художники древние формы искусства не просто реконструировали, а пытались с их помощью создать новую реальность. Едошина, анализируя творчество П. Пикассо, отмечает, что «в картине формы разрушаются для того, чтобы сочетание прямоугольников и наклонных плоскостей создавало художественный мир, принципиально противостоящий натурализму. Вовлеченные в “сферу сознания” древние формы осмысливались художником в качестве основы современного

искусства...» [7, с. 13]. В этом смысле показательным является не только творчество Пикассо: через увлечение древним искусством «прошли многие крупные художники XX века (Н. Гончарова, М. Ларионов, И. Стравинский, П. Гоген, К. Малевич, Дж. Джойс, Н. Гумилев, У. Йейтс, Ю. О'Нил, Ж. Кокто, К. Шимановски, П. Хиндемит, Т. Элиот и другие)» [7, с. 13]. Интерес к древним формам был продиктован прежде всего поиском в них глубокого смысла, исходящего «из онтологического понимания бытия» [7, с. 13].

Обращение к истокам сознания в культуре Серебряного века было особенно характерным для философской мысли. Так, наиболее значимыми в этом вопросе являются идеи Античности и Средневековья. Исследуя данную проблему, С.С. Аверинцев отмечает, что в Античности время мыслится в аспекте цикличности и обратимости. Тогда мир – «космос», гармонично устроенный порядок. В Средневековье время обретает линейные характеристики, имеет начало и конец. Но, по замечанию Аверинцева, динамический историзм средневекового представления о времени нейтрализуется статическими мыслительными схемами античности. Происходит это вследствие появления текстов иудейских авторов – апокалиптиков, по мысли которых история превращается в антиисторию, в так называемый мистический историзм, что позволяет говорить об определенном слиянии античной и средневековой мысли.

Обращаясь к античной мысли о мире, Аверинцев отмечает, что греческий космос – «законосообразная и симметричная пространственная структура», тогда как мир Библии – это «олам» [6, с. 55-56], то есть мир «временного свершения, несущий в себе все вещи», определяемый Аверинцевым в контексте историчности [2, с. 492]. По определению учёного, термин «олам» древнееврейского происхождения и переводится как «век». Исходное значение слова «олам» означает ««сокрытое», «завешенное», отсюда – «древность», начальное пра-время, но также «будущность»; две темные бездны времени позади и впереди человека» [2, с. 492]. Аверинцев также отмечает, что это слово означает вечность, с той оговоркой, что эта вечность мыслится не «в смысле неподвижной изъятости из времени, а в смысле совокупности и полноты времени» [2, с. 492]. Образно можно резюмировать, что ««олам» – мир как время и время как мир» [2, с. 492].

Анализируя две модели как первичные интуиции восприятия времени, Аверинцев в научной статье «Порядок космоса и порядок истории» определяет закон космоса следующим образом: космос «был свойством самозамкнутого, самодовлеющего, «сферически» завершенного в себе и равного себе мира» [2, с. 487]. В средневековой мысли порядок устанавливается не самим видимым миром,

а исходит от воли Творца, стоящего за пределами космоса. Таким образом, космос средневекового представления находится в состоянии покорности Творцу. Если в Античности преобладает круговое, циклическое движение времени, то в Средневековье совмещается время линейное и циклическое, а также сущностной составляющей становится вертикаль, соединяющая мир Божественный и земной. Поэтому можно утверждать, что временная координата в мировоззрении Средневековья не является определяющей и мир, мыслимый как «олам», обладает в большей степени пространственными характеристиками. Следовательно, само время в контексте пространственности является циклическим, дискретным и обратимым, что и нашло отражение в понятии «хронотоп».

С целью более детального выявления термина «хронотоп» в контексте идей средневековых мыслителей представляется возможным обратиться к личности отца латинской Церкви – Аврелию Августину. В «Исповеди» Августин ставит проблему времени достаточно четко, исследуя психологию человеческой души, роли памяти и сознания человека. Анализируя в «Исповеди» моменты времени: прошлого, настоящего, будущего, – Августин приходит к выводу, что человек нигде по-настоящему не пребывает. Прошлого уже нет, момент настоящего неуловим, а будущего еще нет. Задаваясь вопросом «что же такое время?», Августин отвечает: «не знаю». Человек знает только то, что Бог выше времени, над временем и время появляется в момент сотворения мира, появляется как вечная текучесть мира, его движение и протяженность. По словам современного исследователя П.П. Гайдено, Августин противопоставляет время вечности, «ибо оно есть непрерывное изменение и прехождение, тогда как вечность неизменна и постоянна» [6, с. 60]. Значит, времени свойственна текучесть, непрерывное движение. Рассматривая проблему времени в подобном модусе, Августин отмечает: «...Если бы ничто не проходило, не было бы прошлого времени; если бы ничто не приходило, не было бы будущего времени; если бы ничего не было, не было бы и настоящего времени» [1, с. 294]. Анализируя далее природу трех времен, Августин пишет, что нет прошлого, нет будущего, а есть только один короткий миг настоящего. Но в душе человека есть образы прошлого, будущего и настоящего, заложенные Богом. Тогда он приходит к выводу, что есть «настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего» [1, с. 300]. Раскрывая далее их природу, Августин констатирует, что «настоящее прошедшего – память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание» [1, с. 300].

В концепции времени Августина важным является аспект времени как протяженности, но протяженности чего? Августин отвечает – души

человека, так как время измеряется не движением небесных светил, как это принято было думать, а душой человека [1, с. 307]. Время, измеряемое душой, обретает пространственные характеристики и определенную симметрию, так как такое время одинаково будет обращено как в будущее, так и в прошлое. Именно в контексте подобного представления о времени как о части сознания человека идеи Августина являются определяющими для культуры Серебряного века.

Влияние учения Августина на эпоху Серебряного века отмечается как представителями самой эпохи, так и современными авторами (А. Гацарева «Св. Августин и Флоренский: знак и символ в языке и в искусстве»; С.Н. Булгаков «О влиянии триадологии Августина на русское богословие»; иерей С. Соколов «Космология и Хрономия»; Л.П. Карсавин «Святой Августин и наша эпоха»; В.Н. Лосский «Августин учитель. Элементы отрицательного богословия в мышлении блаженного Августина»). Обращаясь к текстам С.Н. Булгакова, Л.П. Карсавина, С.Н. Трубецкого, П.А. Флоренского, В.Н. Лосского и многих других мыслителей рубежа XIX–XX вв., мы находим одну из центральных философских проблем – проблему человеческого сознания, которую впервые так остро поставил именно Августин. По замечанию Карсавина, «Августин, исследуя собственное сознание, взирает на его таинственное дно, где исчезает индивидуальность и рождается душа каждого существа. “Не выходи, вернись в себя! Истина живет внутри человека”, – восклицает он, присваивая величайшую идею платонизма и тем самым возвещая о начале нашего с вами века. Поэтому он нам близок» [8, с. 391].

Если идеи Августина во многом определили понимание симметричности и протяженности времени, то идея скорлуповатого, иерархически выстроенного пространства, актуальная в философской мысли рубежа XIX–XX вв., была заложена другим средневековым автором, известным нам под псевдонимом Дионисия Ареопагита. По справедливому замечанию Аверинцева, V век дал миру две книги, каждая из которых явилась основанием огромной эпохи. Одна книга написана на латыни – «О Граде Божием» Августина, другая на греческом – «Ареопагитики». Аверинцев отмечает, что темой трактата «О Граде Божием» является история, понимаемая как «острый спор противоположностей и как путь, ведущий от одной диалектической ступени к другой»; для Августина временное начало является главным [2, с. 506]. Напротив, темой корпуса «Ареопагитик» (сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита) является пространственная структура мира как космоса, причем космос понимается «как законосообразное соподчинение чувственного и сверхчувственного, как иерархия, неизменно пребывающая во вневременной вечности» [2, с. 506].

Два мыслителя – Бл. Августин, Псевдо-Дионисий Ареопагит, по мнению Аверинцева, идут от идеи Церкви, но одним она решается в контексте «страннического “града”», находящегося в противоречии с «земным градом» и во временном горизонтальном срезе, другим – выделяется вертикальная доминанта, и Церковь воспринимается как иерархия «ангелов и непосредственно продолжающая ее иерархия людей» [2, с. 506]. Таким образом, один мыслитель выделяет временную координату, другой – пространственную. Более того, один является представителем латинского богословия, другой – восточного. В соединении философских идей данных мыслителей кроется метафизическое соединение времени и пространства и западной и восточной мысли, движения и покоя, деятельности и созерцания. Именно эти аспекты были определяющими для философской мысли Серебряного века, актуализируя идеи всеединства, Троицы, Софии. В контексте подобных вопросов представляется возможным проанализировать идею Софии как четвертого ипостасного элемента или как временной координаты пространства в наследии П.А. Флоренского.

Идеи Флоренского относительно пространства формировались в контексте научных достижений современных ему мыслителей: его учителя, известного математика, отца Андрея Белого – Н.В. Бугаева и известного физика А. Эйнштейна. С данными именами связаны две определяющие идеи – идея аритмологии и теория вероятностей. Именно в свете теории относительности Эйнштейна актуализируется временная категория как четвертая координата пространства (толщина во времени), дающая начало системе отсчета. Эйнштейн отмечает, что каждый процесс протекает по меркам своего времени. Подобную систему многоаспектности времени создает Флоренский, подчеркивая, что каждый предмет развивается во времени и у каждого есть свое особое время, причем время может быть как внутренним, так и внешним.

Внешнее время – это время, в котором развивается организм, наблюдаемый со стороны, внутреннее – время внутренних биоритмов организма, обеспечивающих его жизненное развитие. Реально время всегда присутствует в образе, составляя, как отмечает Флоренский, «какую-то толщину, глубину действительности», или «четвертую координату действительности» [12, с. 373]. Сливаясь с пространством и являясь четвертой координатой, дополняющей целостный пространственный образ, время, как и пространство, мыслится Флоренским в едином континууме, где действительность «временно-пространственна» [12, с. 377].

Флоренского как религиозного мыслителя более интересует не физическая сторона времени и пространства, а их онтологическое толкование. В свете подобного подхода Флоренский актуализи-

рует понятия времени и пространства в контексте защитительных функций, необходимых в жизненном опыте человека. В подобной трактовке вопрос ставится относительно положительного или отрицательного отношения к телесной природе мира, потому что время и пространство эту телесность и материальность миру как раз и обеспечивают.

Принципиальным моментом в философии Флоренского является признание за телесным миром его изначальной святости. Мир материальный, по Флоренскому, является благом, так как в человеке изначально нет ничего греховного. Человек в основе своей – это образ Божий. Время и пространство как защитительные функции выполняют свою роль в жизни человека, и отрицательное к ним отношение может привести к гибели сознания. По этому поводу Флоренский писал в работе «Философия культа» в разделе «Страх Божий»: постижение Божества в его чистом виде невозможно, опасно и страшно [11]. Только через чувство страха, через жертву, которая сопряжена со страхом, человек способен осознать другую реальность. «Чтобы иметь познание – надо коснуться предмета познания, признаком, что это прикосновение достигнуто, служит потрясение души, страх. Да, этот страх возбуждается прикосновением к н о в о м у, всецело новому, – против нашей повседневной жизни. В череду впечатлений мира вклинивается не-отмирное, ни с чем не сравнимое, ни на что не похожее, и н о е. И, вклинившись, разрывает ткань обычного, а тем – и наше, приросшее к обычному, сознание, проникает, как меч обоюдоострый, до разделения души и духа, до той спайки, где собственно и соприкасается наше ноуменальное недро с областью феноменов, обнаружений и мирских проникновений. Проникши же – ожогом ожигает наше Я: из времени мы узрели вечность» [11, с. 29]. Человеческая личность, жертвуя собой ради любви, отмечает Флоренский, «всецело отдает себя» и получает «себя же, но обоснованным, утвержденным, углубленным в другом, т. е. удваивает свое бытие» [10, с. 215].

При сопоставлении проблемы телесности мира и его необходимой временно-пространственной структуры представляется возможным обратиться к проблеме телесности в свете современных исследований. Так, отец Серафим (Роуз) вместо противопоставления дилеммы материи и духа предлагает противопоставление зла и добра, или падших духов и духов Божиих. В самом теле нет ничего греховного – греховным его делают душевные желания, ведущие к чувственным наслаждениям. Более того, отец Серафим подчеркивает, что определенной материей обладает и ангельский мир, и душа. Разница в тонкости этой материи. Данный концепт святости телесной привлекал внимание и другого современного исследователя – Аверинцева. Он указывал на то, что само историческое христиан-

ство защищало телесную природу, вступая в споры с множеством ересей, идущих от установок неоплатонической философии: «энкратитские» ереси, гностицизм, монтизм, манихейская ересь [3, с. 23]. Проблема аскетизма христианства – это не проблема в отношении к плоти. По замечанию того же автора, «христианская аскетика в конечном счете исходит из противоположности “послушания” и “своеволия”, неоплатоническая аскетика – из противоположности духа и материи» [3, с. 23]. По церковному учению, телом человек облачается после грехопадения. Тело именуется «одеждами кожаными», которые «означают нашу грубую плоть, которая при падении изменилась: утратила свою тонкость и духовность» [9, с. 52]. И Аверинцев, и о. Серафим (Роуз) сходятся в том, что тело дано человеку во благо в качестве защиты или ограждения от мира злых духов, дано временно, чтобы человек, находясь в теле, научился христианским истинам и был готов к встрече с «падшими духами». Тело дается человеку в качестве испытания, учения, послушания, подготовки к жизни вечной.

По замечанию современного исследователя К.М. Антонова, в святоотеческом наследии тело по отношению к душе «выступает как ее необходимая природная, хотя и подчиненная, составляющая», таким образом, «жизнь души выражается в теле. Тело удовлетворяет потребность человека воздействовать на окружающий мир, преобразовывать его, общаться с другими людьми. Тело соучаствует в Богообщении, молитве, таинствах, просвещается и освящается благодатью, соучаствует в воскресении из мертвых» [4, с. 83]. По замечанию Антонова, Авва Дорофей (аскетический мыслитель) сравнивал «бытие души по исходе из тела с пребыванием в темной келье», переворачивая тем самым «известную платоническую максиму $\sigma\beta\eta\mu\alpha$ – $\sigma\tau\eta\mu\alpha$ » [4, с. 83]. Усматривая корень «дискурса тела» в учении о воплощении и в апофатическом богословии, Антонов отмечает, что тело и душа в христианском наследии мыслятся не по отдельности, а в совокупности, потому что даже объектом аскетического действия является «не тело и не душа сама по себе, а именно их совокупность», тогда главной задачей аскетике следует считать «установление должного отношения между душой и телом, а не освобождение от последнего» [4, с. 83–84].

Поэтому попытки постичь мир и Божественную природу вне связи со временем и пространством являются, по мнению христианских мыслителей, опасными. Понимаемые в контексте телесности время и пространство мыслятся Флоренским в символическом образе Софии. В человеческом теле соединяется природа тварная и духовная, что воплощается в образе Креста. Крест Флоренским мыслится как соединение вертикали и горизонтали, неба и земли, времени и пространства и, наконец, как графическое раскрытие четы-

рехмерности пространства. Флоренский соотносит идею Троицы с образом трехмерного пространственного строения действительности, а Софию – с «четвертым ипостасным лицом», составляющим четвертую координату мира – время. София-время мыслится включенной в пространственное строение мира в средневековом типе культуры, в таком аспекте она метафизически допускается в «жизнь» Троицы «по неизреченному, непостижимому, недомыслимому смирению Божественному» [10, с. 349]. Через раскрытие этой четвертой ипостаси во всей полноте пресуществляется идея Троицы, актуализируя пространственную полноту религиозной культуры.

София является составляющей пространства в концепции Флоренского, обеспечивая воплощаемость и осуществленность земного бытия. Флоренский подчеркивает в Софии ее тварную природу, отмечая ее связанность с Божественным миром, так как именно в Боге она получает творческую силу и мощь.

Культура религиозная получает онтологическую полноту, так как именно в ней реализуется образ четырехмерного пространства, соединение неба и земли, прошлого и настоящего, телесного и духовного. София, как тварная природа мира, являясь любовью Божией, обеспечивает целостность земного бытия и саму его возможность.

Библиографический список

1. *Августин А.* Исповедь / пер. с лат. М.Е. Сергеевко. – СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2011. – 400 с.
2. *Аверинцев С.С.* Порядок космоса и порядок истории // *Августин: pro et contra* / сост., примеч. Р.В. Светлова; сост., вступ. ст., примеч. В.Л. Селиверстова. – СПб.: РХГИ, 2002. – С. 487–514.
3. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы / АН СССР, Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1977. – 320 с.
4. *Антонов К.М.* Философия И.В. Киреевского: антропологический аспект. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. – 235 с.
5. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infoliolib.info> (дата обращения: 14.07.2014).
6. *Гайденко П.П.* Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 464 с.
7. *Едошина И.А.* Художественное сознание модернизма: истоки и мифологемы. – М.: Кострома, 2002. – 241 с.
8. *Карсавин Л.П.* Святой Августин и наша эпоха // *Августин: pro et contra* / сост., примеч. Р.В. Светлова; сост., вступ. ст., примеч. В.Л. Селиверстова. – СПб.: РХГИ, 2002. – С. 389–399.
9. *Платинский С., иеромонах (Роуз).* Душа после смерти. Современные “посмертные” опыты в свете учения Православной Церкви. – М.: ООО «Изд. дом “Русский Паломник”», 1996. – 208 с.
10. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение Истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. – М.: Лепта, 2003. – 814 с.
11. *Флоренский П.А., свящ.* Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии) / сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева). – М.: Мысль, 2004. – 685 с.
12. *Флоренский П.А., свящ.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева). – М.: Мысль, 2000. – 446 с.

РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В ПАРАМЕТРАХ СОВРЕМЕННОЙ ДИНАМИКИ РОССИИ

Статья посвящена осмыслению современной культурной политики в параметрах динамики регионального развития России. Исходя из понимания общественной миссии культуры и роли культурной политики в укреплении единства страны, анализу подвергаются имеющиеся тренды в культурной жизни региональной субъектности. Отмечается, что социальная и культурная асимметрия подвергает отдельные регионы в «культурное капсулирование», пребывание в формате культурной бедности. На материалах Смоленской области прослеживается сопряженность приоритетной линии региональной культурной политики с позицией местной элиты, вскрывается ряд социокультурных коллизий. Привлекаются данные авторского прикладного социологического исследования в восьми субъектах Федерации. Анализ детализирует взаимосвязь экономики со сложившимся типом культурного взаимодействия в субъектах Федерации, на данном поле отслеживается профессиональное становление специалистов культуры. На основе единства методов анализа и синтеза, социометрии, группировки данных отмечен сдвиг занятости населения в социальной сфере; выявлен становящийся вектор субъективной гедонизации образования, требующий корректировки со стороны государственной и региональной культурной политики. Установлена ориентация выпускников вузов культуры и искусства на миграционную жизненную стратегию, обусловленную степенью привлекательности территории, пониманием культуры как драйвера регионального развития. Обсуждаются основные «проблемные точки» культурной политики на федеральном уровне: декларативность понимания культуры как ресурса общественного развития и ее «узковедомственная трактовка»; редуцирование образования в сфере культуры и искусства художественным образованием; демпферность духовной составляющей отраслевого образования для противодействия антигуманизму, пошлости и цинизму постмодернистских изысков, защиты российского социума от невежества. Новый виток развития современной культурной политики страны призван усилить ресурсный потенциал культуры.

Ключевые слова: культура, культурная политика, культурная динамика, современная Россия, регион.

В современных культурологических, культурфилософских и других исследованиях с непрекращающейся интенсивностью ведется поиск «титула», названия, глобальной характеристики той цивилизационной стадии, очевидцами которой мы являемся. Действительно, в разнонаправленности траекторий движения мировых держав можно обнаружить нечто общее: «культурный сдвиг» (С.Н. Иконникова), «переходность времени и культуры» (В.М. Розин), «начало пост-постиндустриальной культуры» (А.В. Костина, А.Я. Флиер). При всей правомерности таких характеристик мировое сообщество рассматривает нынешние реалии как «эпоху культуры», в России 2014 год объявлен Годом культуры, а уже 2015 год – Годом литературы. Вполне очевидно, что **культура, реализуясь в надбиологической, созидательной деятельности человека**, становится ресурсом развития стран и локальных территорий.

Неисчерпаемость ресурсов культуры ярко проявляется в переходные фазы развития, когда общество уповает не только на политические и экономические силы. Действительно, исторический опыт доказывает, что культура с ее коммуникационными, духовно-просветительскими возможностями способна обеспечивать ценностно-смысловые основания бытия людей, выступать имманентным признаком пространства общественных систем. Но ее редуцирование сугубо развлекательной сферой генерирует определенные риски боязни «рыночного общества»

с философией потребительства и ортодоксальными взаимоотношениями культуры и рынка [3]. Формируются риски и для духовности личности – риски «запаздывания» культурного развития, утраты этнокультурной идентичности, превышения объема и роли информационных потоков [13, с. 79]. Государство как субъект управления способно снизить обозначенные риски, выравнивать имеющуюся рассогласованность культурной и социальной динамики, инвестируя средства и в приобщение россиян к разным формам культуры, и в «производство» самого человека. Сказанное прямо или латентно выходит на культурную политику как «систему научных принципов и технологий, направленных на организацию духовной жизни» [2, с. 25].

Сегодня культурная политика вбирает самые разные параметры: усвоение культурного наследия; воспроизводство культурных ценностей; сохранение единого культурного пространства; организацию культурной жизни; развитие и защиту русского языка; поощрение культурного многообразия; обеспечение системы образования в сфере культуры и искусства; развитие культурного туризма; расширение Интернет-пространства и культурных индустрий досуга и др. «Сценарии» культурной политики определяют национальные особенности, темп и уровень глобализационных процессов [5, с. 21–24].

Если проследить «крупными штрихами» динамику культурной политики России в границах

последней четверти века, то можно обнаружить смену периодов ее трансформации («административно-технологического», «гласности», «утилитарно-прагматического»), а также акцентирование интегративности, целостности культурного пространства при обеспечении направленности на сохранение культуры. Основная концептуальная позиция раскрывает ответственность государства за возможность реализации каждым человеком прав в культуре – и одновременно обязательства государства за формирование культурного пространства [3, с. 70]. Очевидна и актуализация «нового профиля» культурной политики, проектирование ее модели на основе взаимопонимания между участниками социальной деятельности – организаторами-производителями услуг, потребителями, внешней средой; на осознании взаимозависимости всех субъектов культурной политики. Главным представляется полноценное объединение всех ресурсов культуры и образования для создания благоприятного образа страны, наращивания ее авторитета, что вполне по силам России, обладающей богатым культурным наследием.

Возрастающая роль государственной культурной политики в укреплении единства страны и российской идентичности была обозначена в выступлении президента России В.В. Путина на заседании Совета по культуре и искусству (2013 г.). Президент подчеркнул необходимость формирования современных культурных стандартов, создания условий, при которых всесторонняя образованность, способность свободно ориентироваться в классической и современной живописи, музыке, литературе станут для подрастающего поколения нормой, образом жизни, насущной потребностью [4].

Фактически в эпицентре внимания культурной политики оказывается личность, сущностным признаком культуры которой служит целостность природных, психологических и социокультурных характеристик, а стержнем выступают: мера включенности в творческую созидательную деятельность; уровень ее гуманистичности и нравственно-регулирующей рефлексии; степень социализированности, инкультурированности, образованности и воспитанности [14, с. 140]. Отсюда возникает актуальность регуляции культурных процессов на всех социальных уровнях: местном, республиканском, региональном.

Следует признать, что «страна регионов» извечно разнилась своими историко-культурными и географическими территориями по многим «осям», а также видимой фрагментацией финансирования. Согласно официальным данным 2012 года, величина этого бюджета при среднегодовом показателе по стране в 1792,12 руб. на душу населения, в Смоленском регионе, например, была 1600,69 руб., а в Республике Башкортостан – 38202,20 руб. [9]. Пожалуй, это единственный регион страны, ко-

торый отвечает социальным стандартам минимальных услуг на общекультурные потребности. Определяемая стандартом сумма (30646 руб. на человека) предусматривает разовое посещение в году театра и кинотеатра, дважды – музеев и выставок, обучение детей в художественных школах и кружках, а также приобретение минимума книг и периодики [1]. Учитывая, что в сфере культуры минимальные государственные социальные стандарты определены лишь в формате библиотечного обслуживания, такая сумма недоступна для многих россиян. В результате, катастрофически снижается уровень культурных потребностей, отмечается «биологизация» культуры быта, подмена духовных ценностей материальными. Эти и другие диспропорции, порождая деструктивные процессы в регионах, повергают отдельные из них в «культурное капсулирование», пребывание в формате культурной бедности, что в конечном итоге приводит к оттоку рабочей силы и снижению налоговых поступлений в бюджет.

В современной динамике России все еще сохраняется тенденция стереотипного восприятия сферы культуры как «сферы обслуживания», в том числе у власти. Это подтверждает структура расходов консолидированных бюджетов регионов (2013 г.), где на социальную политику израсходовано 16,0%, на здравоохранение – 15,3%, на образование – 29,3%, на культуру – 3,1%. Имеющиеся данные по Смоленскому региону (3,04% консолидированного бюджета) обнаруживают некоторое отклонение от общероссийской картины, ее снижение, несмотря на празднование 1150-летия города.

Как показывает опыт регионов, местные элиты в проведении культурной политики руководствуются в основном потребительским, конъюнктурным отношением, а не стратегическим, ориентацией на обслуживание «знаковых» мероприятий, а не просветительских. Учитывая, что в своих управленческих решениях региональная элита способна видоизменять ситуацию в ту или другую сторону, необходимо превратить культуру в критерий ответственности, ибо, по справедливому замечанию профессора Ю.В. Китова, «власть, не продуцирующая культуру в любой из ее форм: предметных, ценностных, отношенческих, будет рассматриваться как безответственная» [8, с. 42]. На этой основе определяющим параметром в законотворческой деятельности, при планировании бюджетов и составлении госпрограмм может и должна стать эффективность культуры. Аналитики увязывают ее с особым режимом финансирования духовной сферы: доступностью совокупного объема реализуемых и нереализуемых культурных ценностей, удовлетворяющих потребности граждан.

Смоленский регион относится к числу 50 субъектов Федерации, где отношения в сфере культуры регулируются областным Законом о культу-

ре (2004). Его стратегическими целями выступают: расширение доступа к культурному наследию и рост потребления культурных благ; сохранение музейных, библиотечных и архивных фондов, памятников истории и культуры; популяризация объектов культурного наследия как мест туристской привлекательности. При этом региональная система образования в сфере культуры и искусства остается за правовыми рамками закона. Уполномоченный орган исполнительной власти, в соответствии с законодательством, организует профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации работников областных учреждений культуры и искусства. При имеющейся спецификации культурного наследия развитие отрасли демонстрирует отставание по основным параметрам функционирования от других регионов Центрального федерального округа [12, с. 154–225].

Разбалансированность социальных функций Смоленского региона как основной ограничитель его стратегического развития сказывается и на ранжировании студентами вуза искусств факторов, влияющих на профессиональное становление специалиста [7, с. 223–235]. Авторское исследование показало, что доминирование социально-экономического фактора, как регионообразующего, для смолян вполне объяснимо значительным снижением уровня жизни в постсоветский период, и соответственно – индекса социального самочувствия населения по сравнению с общероссийским. Равноценность значений социально-экономического и культурно-регионального факторов подчеркивает взаимосвязь экономики со сложившимся типом культурного взаимодействия в данном субъекте Федерации, их определенное единство.

Предложенная возможность студентам вузов культуры и искусств заново спроектировать свою профессиональную траекторию выявила приверженность уже сделанному выбору, поскольку 65,52% ничего бы не изменили, 27,59% выбрали бы вуз другого профиля, а 6,9% – другую специальность. Однако выраженные интенции студентов трудоустроиться после окончания вуза не только по специальности (50,0%) или только не по специальности (3,4%) подтверждают остроту кадрового обеспечения на Смоленщине. Эти данные, присущие и другим обследованным нами регионам Центральной России и Урала, свидетельствуют о становящемся векторе субъективной гедонизации образования, обусловленном отношением к искусству с позиции его приятности, наслаждения и ощущения удовольствия. Такой взгляд, во многом поддерживаемый СМИ и засильем массовой культуры, требует корректировки со стороны государственной, и в том числе региональной культурной политики, ибо профессиональное обучение ради развлечения приводит к духовно-нравственному опустошению молодежи.

Очевидно и другое: современная социокультурная среда региона предоставляет студентам не только потенции для любимого дела, но и шанс дополнительного заработка. По всей видимости, здесь «срабатывают» законы рынка, который востребует репетиторство, занятия с домашним учителем музыки, организацию детских праздников и корпоративных вечеров. Расширяется и ареал массовой культуры в виде индустрии развлечений и ресторанного бизнеса, позволяющий улучшить свои финансовые возможности хореографам, эстрадным певцам, исполнителям на духовых и ударных инструментах. Развитие дополнительного профессионального образования в области культуры и искусства в вузовский период позволит выпускникам гибче адаптироваться к запросам рынка труда, «найти себя» в смежных отраслях: СМИ и информационных службах, молодежной политике, шоу-бизнесе, рекламных агентствах и др. Отмеченное явление в большей степени отвечает глобализационному тренду, согласно которому занятость населения сдвигается на социальную сферу.

Взаимосвязь дальнейших жизненных планов с регионом может служить маркером благополучности территории, ее привлекательности для молодых специалистов культуры. В экономически благополучных и самостоятельных субъектах Федерации, с высоким «индексом развития человеческого потенциала» (по данным ПРООН), молодежь стремится выстраивать свои жизненные стратегии в региональном контексте. Это присуще москвичам (1-е место региона по ИРЧП в 2013 г.), белгородцам (9-е место), челябинцам (17-е место) и пермякам (26-е место). В «депрессивных регионах», таких как Смоленская область (57-е место по ИРЧП), подобных оказывается меньше. К примеру, лишь 39,6% выпускников вуза искусств Смоленска связывают с данным регионом свои жизненные планы. При этом мощный миграционный отток смолян отмечается в наиболее развитые в социально-экономическом отношении регионы ЦФО, прежде всего в Московскую область. Поиск высокооплачиваемой работы приводит к вымыванию из области наиболее мобильных и квалифицированных кадров. Наше исследование в восьми субъектах Федерации подтверждает, что в целом каждый третий выпускник образовательных организаций культуры и искусства ориентирован на миграционную жизненную стратегию. В реалиях нарастающей глобализации это оборачивается внутренней миграцией молодых кадров в мегаполисы.

Безусловно, региональная культурная политика призвана повысить инвестиционную привлекательность и культурный имидж территории. В условиях расширяющихся рыночных отношений накопленный потенциал культуры требует, с одной стороны, последовательного укрепления и развития, с другой – преобразований. Поэтому

конструктивной представляется последовательно проводимая линия реализации единой культурной политики на всей территории Смоленской области, целенаправленная поддержка сферы культуры со стороны государственных органов.

Складывающаяся ситуация в региональной культурной политике, в том числе на Смоленщине, пока неоднозначна, в силу полисубъектности, широкого диапазона направлений [6, с. 152]. Однако при всех идеологических обсуждениях невозможно обойтись без предметной рефлексии. В условиях развития институтов гражданского общества руководителям муниципальных образований необходимо четче определиться в объемах культуры в своем районе.

Принятая областная государственная программа развития культуры и туризма до 2020 г., акцентируя роль культуры как духовно-нравственного основания развития личности, делает ставку на повышение конкурентоспособности туризма Смоленщины. Анализ Программы позволяет выделить наиболее значимые приоритеты региональной культурной политики в параметрах общероссийской динамики [11]. Это – укрепление единого культурного пространства на территории области; сохранение культурного наследия Смоленщины; создание условий для творческой самореализации граждан, организации внешкольного художественного образования и культурного досуга; продвижение в культурном пространстве нравственных ценностей и образцов, способствующих культурному и гражданскому воспитанию личности; обеспечение инновационного развития отраслей культуры и туризма. Однако при устойчивой общероссийской тенденции людей к внеинституциональной самоорганизации в Программе не фиксируется инициативная деятельность смолян, их культурные практики, поскольку целевые показатели подпрограммы «Культурно-досуговая деятельность» сведены не к смысловым параметрам, а к сугубо количественному увеличению культурно-массовых мероприятий, их посещаемости.

Между тем в современной культурной политике можно отчетливо проследить акцентирование моделей культурных практик и формирование творческих индустрий в городах и странах мира. Представляя относительно новое явление для российских реалий, культурные практики соединены со специфической деятельностью отдельных людей или известных деятелей в области культуры. Аналитиками используется подразделение культурных практик на собственно творческую деятельность в искусстве, досуговую деятельность, историко-культурную деятельность по изучению наследия региона, непосредственную деятельность учреждений культуры и СМИ. Учитывая, что основой культурных практик могут стать и сугубо коммерческие установки, и ценность самого

творческого процесса, стремление человека к самоидентификации в обоих случаях ведет к осмыслению художественного наследия прошлого. При этом обращенность «вовнутрь» или «вовне» локального пространства обеспечивает жизнедеятельность местного сообщества, наращивание горизонтальных взаимодействий с иными территориями.

Безусловно, в развитии культурных практик регионов первостепенна роль государственных и муниципальных органов власти, творческих союзов и бизнесменов. Однако неотъемлемой составляющей культурных практик можно считать образовательную систему в сфере культуры и искусства. Исторический опыт показывает, что ее разные звенья (от дополнительного художественного образования детей до колледжей и вузов) были и остаются системообразующим фактором региона, средоточением его культурного потенциала. Для студентов творческого вуза «проживание себя» в культурных практиках (например, в военно-историческом фестивале «Реконструкция Смоленского сражения 1812 г.», в театрализованном представлении «Из варяг в греки», в театрализованном празднике памяти св. воина Меркурия Смоленского, в культурной акции «Живая стена») впоследствии окажется той субъективной ценностью, которая «запускает» механизм внутренних позитивных личностно-профессиональных изменений.

При наличии объективного кризиса традиционной библиотечной системы осмысление культурной политики Смоленщины высвечивает оптимизацию деятельности библиотек как информационных, культурных и образовательных центров для различных категорий населения и синхронно рождает вопросы: как, в каком ключе ведется наращивание экзemplарности библиотечных фондов для детей младшего и среднего школьного возраста? соответствует ли этот фонд списку 100 книг для внеклассного чтения? В этой связи усиление потенциала художественно-просветительской деятельности, использование Интернета и мультимедийных технологий в муниципальных библиотеках способно скорректировать данную проблему, превратить их в дискуссионные площадки для детей и подростков, в информационно-консультативные центры для старшего поколения.

Анализ показывает и другие коллизии региональной культурной политики. Так, при запланированной до 2020 г. подпрограмме развития киносети учреждение культуры «Смоленское кинообъединение» ликвидировано, что фактически означает исчезновение кинопроката как массового явления из культурной жизни малых городов и сельских поселений при отсутствии технологий просмотров фильмов в онлайн-режиме. С просчетами в региональной культурной политике связана и система повышения квалификации кадров организаций

в сфере культуры, утратившая должную регулярность и систематичность ввиду ограниченного финансирования.

«Проблемные точки» культурной политики можно обнаружить не только на региональном, но и на федеральном уровне. Речь идет об опубликованном и представленном для широкого обсуждения проекте «Основы государственной культурной политики» [10], анализ которого позволяет коснуться некоторых из «проблемных точек».

Во-первых, произошедший поворот к культуре как безусловной ценности определил сущность нового взгляда на культуру: от модели «государства-мецената» к «государству-инвестору», вкладывающему средства в будущее страны. Между тем данная позиция остается декларативной и по-прежнему сводит культуру к наращиванию «сферы услуг» в рамках рыночной экономики.

Во-вторых, стратегическая задача государственной культурной политики относительно развития образования в сфере культуры и искусства при заявленной «необходимости подготовки высокопрофессиональных кадров для всех видов культурной деятельности» [10], редуцируется художественным образованием. Мы не можем согласиться с таким суждением, ибо последнее в культурологии выступает относительно самостоятельным социокультурным феноменом (Е.Я. Александрова, И.И. Горлова, Е.Б. Миловзорова и др.), имплицитно включающим в себя образование в области культуры и искусства [7]. Природная амбивалентность образования в сфере культуры и искусства в двух его измерениях – собственно образовательном и культурном – предопределяет субъективность и сложность аналитических оценок, даваемых вариативным явлениям представителями различных отраслей социально-гуманитарного знания. При этом культурологическую сущность образования в сфере культуры и искусства определяет целостность его антропо-социо-культурных характеристик – в единстве гносеологического, онтологического, нормативно-регулятивного, функционального, деятельностного признаков, где стержнем выступают «становление образа» человека в ходе эстетического освоения действительности; его включенность в созидательную, ценностно-смысловую деятельность (инкультурация); направленность на формирование «человека культуры»; степень социализированности, воспитанности, образованности; а также масштабность личности педагога как «посредника» при усвоении и воспроизводстве культуры, – обеспечивающих осуществление межкультурного диалога в многомерном пространстве культуры и искусства [7, с. 55]. Определяя динамику культурных процессов, образование в сфере культуры и искусства развивает художественно-творческий потенциал социума и воспроизводит субъекта культуры. Сказанное

инициирует необходимость более четкой и содержательной постановки стратегической задачи культурной политики.

В-третьих, необходимость противодействия антигуманизму, феноменам массового искусства, потребительскому духовному гедонизму, пошлости и цинизму постмодернистских изысков в культуре в глобализирующемся мире актуализирует вопросы защиты российского социума от невежества, которые остаются за рамками данного документа. В таком контексте духовная составляющая оптимизации отраслевого образования согласуется с установлением определенных норм содержания продукции массовой культуры; с наращиванием гуманитарных культурных практик и творческих индустрий в регионах; с активизацией деятельности СМИ в продвижении универсальных человеческих ценностей.

Таким образом, можно утверждать, что современная культурная политика страны находится на новом витке своего развития. Обобщающая рефлексия над региональной культурной политикой в параметрах общероссийской динамики высвечивает, с одной стороны, содержательный поворот в понимании культуры как безусловной ценности, ресурсной составляющей территорий, с другой – не менее важной, оказывается сопряженность с позицией местной элиты. В условиях Смоленского региона наметился сходный сдвиг, но его кодификация в нормативных документах представлена неотчетливо. В реалиях развивающихся рыночных отношений использование ресурсного потенциала культуры все еще носит декларативный характер, культурные «вложения» в человека пока не очевидны. Неслучайно региональная культурная политика Смоленщины, во многом определяемая консервативной позицией местной элиты, представлена статичной моделью.

Воплощая диалектику «глобального» и «национального», региональная культурная политика предусматривает оптимизацию взаимодействий личности и локального сообщества, обеспечение их эффективного развития с учетом местных традиций, реальных материальных и духовных ресурсов. Сопровождение экономических и социальных управленческих решений развитием современного культурного процесса, с его опорой на самобытность проживающих этносов, способно обеспечить включение их представителей в профессиональную жизнедеятельность конкретного региона. Однако ресурс единого культурного пространства при этом остается недостаточно задействованным, и привязанность региональных культурных практик нередко не согласуется с общесоциальными установками. Отсюда следует вывод о пока еще слабой, но наличествующей тенденции «местечковости» в культурной политике регионального уровня. Думается, что данная проблема действи-

тельно заслуживает внимания и разрешения противоречий, порождаемых в результате подобной культурной практики. Это представляется особенно важным в условиях выделения западными фондами больших средств на генерацию региональных, этнических противоречий и их автономность по отношению к единству российского социума, что в свою очередь порождает ситуацию возможных рисков и критических точек во взаимоотношениях этнических групп, социальных образований, народностей.

Библиографический список

1. *Абдулатипов Р.Г.* Перспективы человека и культуры. – М.; Махачкала: Дагестанский писатель, 2014. – 384 с.
2. *Арнольд А.И.* Культурная политика: реалии и тенденции. – М.: МГУКИ, 2002. – 64 с.
3. *Астафьева О.Н.* Культурная политика России: теория – реальность – перспектива // Государственная служба. – 2010. – № 1. – С. 68–73.
4. Выступление Владимира Путина на заседании Совета по культуре и искусству (Москва, 2 окт. 2013 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/19353/> (дата обращения: 08.10.2013).
5. *Иконникова С.Н.* Сценарии культурной политики в условиях глобализации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 3. – С. 21–29.
6. *Ирхен И.И.* Векторные процессы культурной политики и художественное образование в современной России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 5. – С. 152–156.
7. *Ирхен И.И.* Российское образование в сфере культуры и искусства: глобальные и региональные измерения: дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. – М., 2012. – 435 с.
8. *Китов Ю.В.* Ответственность власти как проблема культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 3. – С. 39–42.
9. Консолидированный бюджет по России и регионам за 2012 г. (без ЗАТО по данным Федерального казначейства) / Минкультуры Рос. Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mkrf.ru/activite/statistics/budget> (дата обращения: 10.01.2014).
10. Основы государственной культурной политики: проект // Российская газета. – 2014. – 16 мая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rg.ru/2014/05/15/osnovi-dok.html> (дата обращения: 19.05.2014).
11. Развитие культуры и туризма в Смоленской области на 2014–2020 гг.: областная государственная программа: [утв. постановлением администрации Смол. обл. от 29 нояб. 2013 г. №988]. – Смоленск, 2013. – 75 с.
12. Регионы России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой; РАН, Ин-т философии. – М.: Academia, 2009. – 808 с.
13. *Ремизов В.А.* Возможность духовных рисков личности в современном культурном пространстве: синергетический анализ // Технологии гражданской безопасности. – 2007. – Т. 4. – № 4. – С. 78–80.
14. *Remizov V.A., Irkhen I.I.* Culture of Personality in the Discourse of the Resource of Social Development // Наука и человечество. – 2014. – № 4-1. – С. 138–146.

**ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ КОНЦЕПЦИИ ФОНОВЫХ ПРАКТИК:
К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА**

В статье обсуждается эвристический потенциал концепции фоновых практик в области культурологических исследований современного российского общества. Автор анализирует различные методологические подходы к теории практик и предлагает рассмотреть российский тип культурной памяти, которая выражается в идеализированных образах советского прошлого. Предпринимается попытка сформулировать собственное определение фоновых практик на основе объединения концептов культурной памяти и культурной травмы в условиях современных буржуазных тенденций в постсоветском обществе. Фоновые практики рассматриваются автором в аспектах дискурса потребления и дисциплины в ситуации современной российской культуры. Например, известные всем россиянам практики покупки мандаринов, шампанского, приготовление «Зимнего» салата, лепка пельменей всей семьей на Новый год обозначаются автором как практики фоновые, апеллирующие к светлому образу советского прошлого. Автор дает условное обозначение фоновых практик в широком смысле слова и фоновых практик в узком смысле (специфические фоновые практики). По мнению автора, собственно фоновые практики в типологии М. Вебера могут быть представлены как ценностно-рациональные, где ценностью обладает прошлый социальный порядок – своего рода симулякр, созданный коллективным воображением. Автор задается вопросом о причинах такого устойчивого воспроизведения ценностно-смыслового содержания советского социального порядка.

Ключевые слова: социальный порядок, фоновые практики, культурная память, культурная травма, советское, постсоветское, специфические фоновые практики, ценностно-рациональные практики, симулякр.

М. Вебер первым говорит о вариативности форм установления социального порядка [1]. Это значит, что социальные порядки могут быть разными, поэтому их можно типологизировать. Для нашего исследования данная мысль приобретает существенное значение, поскольку мы будем рассматривать два типа социального порядка: советский и постсоветский.

Нам предстоит иметь дело с российским видом культурной памяти. Именно в ней запечатлен советский социальный порядок. Он выражается в идеализированной картинке прошлого, сочиненной сегодня. Такого рода коллективная память поддерживается масс-медиа, воспроизводится в сети [12, с. 210–223]. Именно эта память является тем фоном, к которому апеллируют люди в своих поступках. Фон самый настоящий – он обладает реальностью, определяет и направляет наши действия. Но его наполнение совершенно пустое, прозрачное. Зададимся вопросом: как такое возможно? Можно предположить, что речь идет о ситуации очень сильной **коллективной культурной травмы** в результате стремительного распада тех институтов, к которым люди адаптировались, привыкли, сумели «одомашнить». Так, советские люди сделали официальные праздники (8 Марта, 7 ноября, 1 Мая) своими родными, наполнив их личными символами и практиками. В результате разрыва исторической преемственности возникла ситуация частичной амнезии.

Повседневные действия, ориентированные на реализацию прежних ценностей в новой культурной ситуации, я буду называть **фоновыми практиками**.

Обозначим исток формирования теории практик как таковой. Далее интерпретируем категорию фона, общую для повседневных практик.

По нашему мнению, импульсом к изучению повседневных практик послужило формирование в научном сообществе концепции повседневности. Эта философская категория была разработана А. Шюцем для социологической концептуализации понятия «жизненный мир», введенного в научный оборот Э. Гуссерлем. Согласно Шюцу, социальная реальность – это «совокупность всех объектов и явлений социокультурного мира, каким он представляется обыденному сознанию людей, живущих среди других людей и связанных с ними многообразными отношениями взаимодействия». Основа социальной реальности – «жизненный мир», то есть мир донаучной, естественной установки, та интуитивная среда, где мы как человеческие существа среди себе подобных переживаем культуру и общество, определенным образом относимся к окружающим нас объектам, воздействуем на них и сами находимся под их воздействием» [13, р. 10].

По мнению авторов монографии «Теория практик», «сегодня слово “практики” широко используется в социальных науках и даже успело стать модным» [2, с. 7]. С точки зрения американского антрополога Шерри Ортнер, начиная с 1980-х годов, понятие «практика» стало центральным ориентиром антропологических исследований [14, р. 126–166]. Категория «практики» все чаще фигурирует в качестве основной в антропологии, философии, истории, социологии, политической теории, теории языка, литературной теории, – и, в этом смысле, формируется некая общая для социальных дисциплин парадигма. С другой стороны, для каждой дисциплины характерен свой, отличный от других способ включения этого понятия в исследовательскую традицию, свой способ концептуализации. «Теория практик – собирательное название для целого ряда исследовательских

концептов, представленных широким спектром имён: от Пьера Бурдьё и Клиффорда Гирца до Джона Сёрля и Теодора Шацки» [8, с. 55].

Первоначально философская категория практики, восходящая к Гегелю и раннему Марксу, отражала деятельное начало человеческого бытия. Впоследствии в западной социологической теории, по мнению В. Волкова и О. Хархордина, термин «практика» символизировал поиски компромисса «между объективизмом системно-структуралистского подхода и субъективизмом феноменологии». Они видели в нем попытки предложить «третий курс»: либо посредством категориального синтеза, как, например, в теории «структуризации» Энтони Гидденса, либо указанием на воплощённость социально-классовых структур в самом деятеле, как это попытался сделать Бурдьё с помощью концепции «габитуса» [2, с. 14].

Практика – человеческая деятельность, осмысленная, творческая, преобразующая. Но на языке концепции жизненного мира она не более чем сумма поведенческих актов.

Опираясь на концепцию жизненного мира, попытаемся понять статус практик в их отношении к общим условиям человеческого бытия, отражающихся в коллективном сознании участников этих практик. Повторимся, что эти условия, описанные как жизненный мир человеческих сообществ, выступает фоном для социальных практик. В этом жизненном мире присутствуют и неартикулированные представления, и смутные образы, и суммы практических знаний, и т. д. Можно говорить о существовании некоего фона, стоящего за действиями людей. И. Гофман описывает этот фон при помощи «рамки» повседневной интерпретации [4]. Фон – это жизненный мир, представленный в нашем коллективном сознании. Фон не мыслим без коллективного сознания и практик.

Фон присутствует в разных видах, в том числе в виде дискурса. Так, Д. Сёрль соединяет слова с речевыми актами [15]. Он определяет вербальный речевой акт как некоторый набор непроговариваемых представлений об обычном обращении со словами и их референтами, разделяемых членами данной культуры. Фон может состоять из слов, а практики, им инициированные, – из предметных действий. Так, на этой основе выстроены принципы агитации и пропаганды. О советском дискурсе пишет О. Лейбович: «...Идеи, продуцированные властью и распространяемые средствами пропаганды и агитации в обществе, создавали высший слой повседневности, ее организующее начало. Они наделяли смыслом все социальные практики человека, придавая его жизненному пространству космическую замкнутость, упорядоченность и завершенность. За его пределами начиналось царство тьмы, буржуазного хаоса и небытия» [7, с. 258–259].

В современной исследовательской ситуации существует устойчивое представление о фоне как контексте социальных практик. По мнению современных социологов, «практики – это действия, осуществляемые не вследствие тщательного обдумывания или применения рационального расчёта; они основаны на неосознаваемом или неявном знании. Они таковы как есть, их форма поддерживается материальными и идеальными артефактами, актуальными в определенном локусе и времени» [8, с. 57].

«Самое простое понимание фоновой практики – просто деятельностный контекст, в котором интерпретируется высказывание или поведение» [2, с. 8]. Иными словами, фон – это контекст, в рамках которого действует индивид. Например, человек разбил лампу. Даже в этом случае существует как минимум несколько интерпретаций фона, находящегося за поступком. В первом случае фоном может выступать раздраженное эмоциональное состояние субъекта действия в результате какой-нибудь ссоры. Во втором – фоном может являться романтическое настроение индивида: желание создать интимную обстановку подобным жестом. В ином случае фоном может явиться стремление к самопрезентации подобным образом перед определенной публикой. Фон выражает смысл действия.

Г. Гарфинкель также пишет о «практических-действиях-в-контексте», имея в виду практики, контекстуализированные другими практиками (например, практиками интерпретации): «тот факт, что каждый человек ощущает этот фон, вполне очевиден, и в то же время всякий испытывает большие затруднения, если его попросят рассказать точно, в чём эти ожидания состоят. Когда человека спрашивают об этом, он может рассказать очень немного или не может рассказать вообще ничего» [3, с. 43].

Итак, главная общая мысль, которую можно подчеркнуть из взглядов различных исследователей: **фон – это контекст, в том числе дискурсивный.**

Подведем итоги. Остановимся на том, что идея фоновых практик в широком смысле возможна только в рамках концепции феноменологии, в частности, жизненного мира. Эти фоновые практики не оторефлексированы, спонтанны, где-то традиционны, разворачиваются в разных плоскостях, прежде всего в приватном мире. Следует различать два типа фоновых практик. Условно обозначим их так: фоновые практики в широком смысле слова (общие фоновые практики – ОФП) и фоновые практики в узком смысле, или собственно фоновые практики (специфические фоновые практики – СФП). Собственно фоновые практики (в типологии М. Вебера) могут быть представлены как ценностно-рациональные, где ценностью обладает прошлый социальный порядок – своего рода симулякр, созданный коллективным воображением.

Собственно фоновые практики реализуются во множестве форм, из которых нас интересуют,

прежде всего, практики дискурсивные, потребительские и дисциплинарные. Предположим, что именно в этих практиках наиболее явственно проявляется ориентация на прежний социальный порядок, на затвердевшие старые практики. Именно в этих практиках культурная память становится фоном и конструирует поступки людей в большей степени, чем регулирующие поведение современные социальные институты.

Попробуем описать дискурсивные практики. Они проявляются в говорении, нарративе. Можно говорить о целом пласте советского дискурса, выражающегося в назывании вещей особыми именами, использовании готовых штампов, стандартных речевых оборотов. Например, значение слова «авоська» будет хорошо понятно тем, в чьем жизненном мире оно занимало весомое место. По материалам исторического сайта «СССР. Под знаком качества», авоська – «плетеная сумка для продуктов. Разработанная в 30-х годах XX века авоська очень по-советски исключала приватность совершенной покупки – все, что ты нёс, сразу же становилось объектом наблюдений всей улицы. Так что среди достоинств авоськи – быстрое реагирование народа на стихийный “выброс” товара, будь то апельсины или туалетная бумага. Ага, сосед что-то несёт, значит надо и мне бежать в магазин...» [10]. Всем известные сегодня слова из советского дискурса: блат, брак, бич – имеют историческое основание.

Устойчивые выражения, связанные с особенностями социального порядка: «буржуй недорезанный» – «ругательство, которое частенько можно было слышать по отношению к зажиточным гражданам Страны Советов» [10]; «кто не работает, тот не ест» – по материалам сайта «За городом», «этот мем прочно поселился в “разговорнике” советского гражданина: отцы журили с помощью его своих сыновей, мастера цеха – ленивых рабочих, участковые милиционеры – тунеядцев. Кроме того, фраза тиражировалась миллионами советских плакатов. За основу была взята цитата из одной работы Ленина, где вождь СССР писал: “Кто не работает, тот да не ест” – это понятно всякому трудящемуся» [6].

Для советского дискурса характерно большое количество абстрактных выражений с пустым содержанием: «социальная справедливость», «социальные гарантии», «временные трудности», «вперед планеты всей» и т. д. Можно выделить выражения позднесоветского времени, отражающие реалии потребительской ситуации: получка, выбросили, достать. Интересно, что советский дискурс продолжает бытовать в несколько измененном виде в нарративе современного российского общества. Это может говорить о фоновом характере дискурсивных практик. В современном дискурсе сохранились далеко не все слова из со-

ветского словаря. Авоська – уже исторический термин, ушедший из живого языка. Но лексемы, оставшиеся в обороте, ясно отсылают к системе взглядов усвоенной советской идеологии и выражают убеждения, близкие к тем, которые конструировались в течение десятилетий советскими идеологическими институтами.

Обратимся к потреблению. Потребительские практики советского периода отличались большой изобретательностью людей, поставленных в специфические экономические условия. Слово «дефицит» вбирает в себя множество советских смыслов и потребительских практик, с ним связанных. По мнению современных российских исследователей, «контекст постсоветского общества задает специфический “угол зрения” на то, каким образом формируется общество потребления в современной России. Структурные условия советского общества (прежде всего, ограниченный ассортимент товаров и планирование потребления “сверху”), способствовали тому, что потребление в России развивалось и развивается по “особому сценарию”: значения вещей, отношение к вещам, выбор товаров, планирование покупок сейчас зачастую реализуется “относительно советского времени” и опыт “советского потребителя” отчасти структурирует современное российское потребление» [9, с. 4–5].

Таковыми структурированными практиками можно считать демонстративное потребление, шопинг, в определенных социальных группах становящиеся самоценностью. Современные дамские журналы, Интернет-форумы, сайты насыщены информацией с советами и описанием того, как и что необходимо потреблять, дабы выглядеть в глазах публики «светской львицей», «успешной женщиной» и т. д. Например, журналы «Лиза», «Cosmopolitan», «Cosmopolitan Shopping», «Cosmopolitan Beauty», «Добрые советы», «Домашний очаг» и т. д.

В нашем понимании, фоновой практикой потребления можно назвать приготовление на Новый год большого количества «стандартных» салатов («Зимний», «Сельдь под шубой» и т. д.). Не менее фоновая практика – поедание этих салатов и другой праздничной еды «впрок», «за прошедший год и за будущий». К «новогоднему циклу» фоновых практик можно отнести покупку мандаринов, лепку пельменей всей семьей. Подобные практики носят ценностно-рациональный характер, поскольку осуществляются ради поддержания и воспроизведения неартикулированного жизненного пространства. В противовес таким ценностно-рациональным практикам можно привести пример практики целерациональной – соблюдение диеты перед Новым годом и после.

Наконец, дисциплинарные практики. Очередной сайт, посвященный советскому прошлому, описывает советскую дисциплину следующим образом:

«Режим дня советского человека был очень строгим и ненарушимым. Каждый будний день, ориентировочно в шесть утра, старенький будильник звенел о том, что пора вставать. Быстро съедлся завтрак, приготовленный супругой, — как правило, утром ели кашу или то, что до этого было приготовлено на ужин. Советский гражданин отправлялся на работу. Добраться на неё можно было на общественном транспорте. Автобусы, как правило, ходили по расписанию, к семи утра как раз прибывали к рабочему месту: на завод. Заводской график также отличался особой строгостью: пропускная система, охрана — ничего не должно быть вынесено наружу. В час дня звенел звонок: настала пора идти на обед. Кто-то брал с собой еду из дома, кто-то шел в местную столовую, где, строго по меню, выдавали первое, второе и третье. Час выделялся на обеденный перерыв, а затем человек шел снова за станок для нарезания резьбы, делать детали, которые позже применялись в военной промышленности и во многих других отраслях. Рабочий день на заводе кончался в семь часов, также по звонку, и работники расходились по домам, чтобы завтра снова быть здесь в семь утра и продолжить трудиться» [11].

В этом тексте можно выделить конкретные практики, ныне носящие фоновый характер. А именно: представление о режиме, куда входят практики раннего вставания, соблюдения временного регламента, контроля рабочего места и т. д. Информационный контент социальных сетей в Интернете по вопросам труда насыщен подобно-го рода инструкциями: **«Как отучить сотрудников опаздывать. 1. Штрафом по голове.** Денежный вычет, или депремирование, остается самым популярным у начальства и самым нелюбимым работниками видом наказания. С одной стороны, наказание рублем — мера эффективная: когда каждая минута опоздания стоит 500 рублей, все начинают приходить в офис как штык, а чаще всего — за 10–15 минут до начала рабочего дня. Но, с другой стороны, здесь будет действовать жесткое правило: ваши подчиненные будут делать ровно то, за что вы им платите. То есть если хорошим работником в вашей компании считается тот, кто приходит вовремя, если вы премируете или лишаете премий именно за это, то работники, безусловно, не будут опаздывать. Но и результата показывать не будут. Так что прежде чем штрафовать, определитесь: что вы вкладываете в понятие «хороший работник» — тот, кто добивается результатов, или тот, кто сидит в офисе с 9.00 и до отбоя» [5].

Можно говорить о том, что собственно фоновые практики являются результатом конструирования культурной памяти о «светлом советском прошлом». Исполнение таких ценностно-рациональных практик отсылает индивида в желаемый для него образный мир социального порядка, су-

ществующего только в коллективном сознании современных российских граждан.

Нас интересуют причины такого устойчивого воспроизведения ценностно-смыслового содержания советского социального порядка, точнее представления о нём. Можно предположить, что в коллективном сознании наших современников существует некий детонатор, ментальный толчок, заставляющий людей в своей повседневности воспроизводить образ советского прошлого. Представляется целесообразным для дальнейшего исследования этой проблемы обратиться к концепции культурной травмы.

Полевое исследование, проведенное в 2012–2014 годах диссертантом в г. Перми, даст возможность проверить эти гипотезы.

Библиографический список

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Западноевропейская социология XIX — начала XX веков. — М., 1996. — С. 455–491.
2. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. — СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. — 298 с.
3. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. — СПб.: Питер, 2007. — 334 с.
4. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. — М.: Институт Социологии РАН. 2004. — 752 с.
5. Как отучить сотрудников опаздывать. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vk.com/wall-25549357> (дата обращения: 15.04.2014).
6. Самые знаменитые советские афоризмы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ribalych.ru/2013/11/05/samye-znamenitye-sovetskie-aforizmy/> (дата обращения: 15.04.2014).
7. Лейбович О. Дом о трех этажах, или Как изучать повседневность поздней сталинской эпохи // Астафьевские чтения (ноябрь 2008). Время «веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России. — Пермь, 2009. — С. 250–264.
8. Лейбович О.Л., Шушкова Н.В., Кабацков А.Н. Этническое и экономическое: этюд о фоновых практиках // Вестник ПГИИК. — Пермь, 2012. — № 13–14. — С. 55–64.
9. Люди и вещи в советской и постсоветской культуре: сб. статей. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. — 130 с.
10. Разговорник советской эпохи. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://copypast.ru/2014/01/15/razgovornik_sovetskojj_jepokhi_19_foto.html (дата обращения: 15.04.2014).
11. Режим дня обычного советского рабочего. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://komsomol-museum.ru/tag/zavody/> (дата обращения: 15.04.2014).
12. Фокин А. СССР, созданный пользователями: Интернет-рецепция советского прошлого // «Рабо-

та над прошлым»: XX век в коммуникации и памяти послевоенных поколений Германии и России: сб. статей / редкол.: О.С. Нагорная и др. – Челябинск: Каменный пояс, 2014. – С. 210–223.

13. *Shutz A. Constructs of thought objects in common sense thinking // Shutz A. Collected Papers. The Hague, 1962. – Vol. 1. – P. 10–85.*

14. *Ortner Sh. Theory in Anthropology since the Sixties // Comparative Studies in Society and History, 1984. – P. 126–166.*

15. *Searle John. The Background of Meaning // Speech Act Theory and Pragmatics / ed. J. Searle et al. Dordrecht, 1980. – 227 p.*

УДК 78

Волкова Полина Станиславовна

доктор философских наук, доктор искусствоведения
Ростовская государственная консерватория (академия) им. С.В. Рахманинова
Polina7-7@yandex.ru

Горбатова Олеся Васильевна

учитель музыки, Московская прогимназия «Гармония»
Olesia.Gorbatova@yandex.ru

МУЗЫКА В КОНТЕКСТЕ РИТОРИЧЕСКОГО КАНОНА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье представлен опыт рассмотрения музыки с позиции риторического канона в рамках концепции диалогической природы гуманитарного знания М.М. Бахтина. В данной концепции субъект восприятия, вступая в диалог с художественным текстом, выступает как создатель личностного смысла. Авторами анализируется процесс овладения этическим моментом содержания музыкального произведения, который осуществляется методами эстетического анализа: сопереживание, вчувствование, соощение. В работе предложен вариант актуализации этического момента музыкального произведения, связанный с созданием новой художественной формы, в которой музыка является составной частью другого вида искусства: кино, балет.

По мнению авторов статьи, процесс общения выступает аналогичным диалогическому процессу с той лишь оговоркой, что собственно диалог является собой диалог сознаний, в рамках которого происходит взаимодействие рационального и эмоционального, внешнего и внутреннего, познавательного и этического, текста и контекста. Другими словами, если общение является собой опыт взаимодействия двух субъектов, то диалог в контексте научной концепции М.М. Бахтина – опыт взаимодействия субъекта речи и предмета речи, в котором второй субъект представлен лишь опосредованно.

Ключевые слова: риторический канон, Этос, Логос, Пафос, диалог, общение, коммуникация.

Принимая во внимание обстоятельство, согласно которому всякий художественный текст является собой риторически организованную речь, основанную на триединстве Этоса, Логоса и Пафоса, где Этос позиционируется в качестве внутреннего мотива речи, Логос – внешнего или, что то же – опредмеченного в том или ином языке высказывании творца, а Пафос – как развернутое во времени единство внутреннего и внешнего [см.: 5], нельзя не признать следующего. Среди самых разных видов искусства именно музыка оказывается наиболее сложным для эстетического анализа типом речи, что обусловлено посреднической ролью исполнителя. Действительно, если изначально запечатленное в нотах невербальное высказывание опознается музыкантом-исполнителем на уровне Логоса, подобно тому как опознается читателем книга либо зрителем – картина, то собственно исполнение музыкального произведения является собой процесс развертывания речи на уровне Пафоса, что ставит слушателя перед необходимостью восполнить ущербность последнего собственными Логосом и Этосом. Причем актуализация этической составляющей музыкального содержания выступает здесь самым уязвимым моментом в деятельности воспринимающего музыкальное искусство субъекта. Почему? Для

ответа на этот вопрос обратимся к проблеме содержания словесного художественного творчества, разработанной М.М. Бахтиным в контексте диалогической природы гуманитарного знания [1]. Специально оговорим, что актуальность поставленной отечественным мыслителем в 20-е годы XX века проблемы обусловлена отчасти несовпадением терминологического аппарата, характерного для гуманитарной науки начала прошлого века, и современной научной парадигмы.

Так, одним из камней преткновения становится несовпадение такого базового для М.М. Бахтина понятия, как «диалог», с распространенным в современной гуманитарной науке понятием «коммуникация», которое, в свою очередь, теснейшим образом связано с понятием «общение». Удивительно, но, появившись в научной литературе лишь в начале XX века, термин «коммуникация» весьма быстро завоевывает авторитет в среде ученых-гуманитариев. Например, в 60-е годы только в американской научной литературе существовало более пятидесяти различных описаний процессов коммуникации. Знаменательно, что и отечественная научная литература предлагает широкий спектр различных толкований содержания данных понятий. Весьма распространенной является точка зрения, согласно которой понятия «диалог», «ком-

муникация» и «общение» рассматриваются в качестве синонимичных.

В частности, в словаре иностранных слов коммуникация определяется как «акт общения, связь между двумя или более индивидами, основанная на взаимопонимании; сообщение информации одним лицом другому или ряду лиц» [13, с. 240]. Аналогичным образом в «Философском энциклопедическом словаре» под коммуникацией (от лат. *communicatio* – связь, сообщение) рассматриваются процессы социального взаимодействия, при этом данный термин трактуется как синонимичный общению [15, с. 237]. Точно так же и в «Большом энциклопедическом словаре» коммуникация квалифицируется как «специфическая форма взаимодействия», «общение, передача информации от человека к человеку» [4, с. 609]. В своих исследованиях такие авторы, как А.С. Золотнякова, Б.Д. Парыгин, В.М. Соковнин, доказывают, что и общение, и коммуникация – это процесс взаимодействия индивидов, в котором происходит обмен информацией, осуществляется личностное взаимодействие и контакт, реализуется нравственное отношение и происходит передача ценностных установок [7; 11; 14].

Напротив, отказываясь от точек зрения, в которых акцентируется внимание на синонимичности интересующих нас понятий, М.С. Каган считает недопустимым ставить знак равенства между «общением» и «коммуникацией», поскольку последнее исключает какое бы то ни было личностное начало в силу односторонности коммуникативного процесса: в отличие от отправителя информации ее получатель всегда пассивен. Подобное неравенство приводит к обособленности участников обозначенного процесса, и только совместное общение порождает общность партнеров [8, с. 145–150]. В свою очередь, отрицая ценность *homo communicans*, И.В. Пешков также настаивает на том, что в ситуации, когда входящая или исходящая информация обладает самодовлеющей ценностью, ее массовое усвоение приводит человечество к «миру, лежащему в честно распространяемой лжи» [12, с. 8]. Очевидно, что в данном контексте термин «коммуникация» выступает синонимом понятия «воздействие», тогда как термин «общение» в большей степени отвечает понятию «взаимодействие».

Солидаризируясь с М.С. Каганом и И.В. Пешковым, выскажем предположение о том, что именно таким образом трактуемый процесс общения выступает аналогичным диалогическому процессу с той лишь оговоркой, что собственно диалог являет собой диалог *сознаний*, в рамках которого происходит взаимодействие рационального и эмоционального, внешнего и внутреннего, познавательного и этического, текста и контекста. Другими словами, если общение являет собой опыт

взаимодействия двух субъектов, то диалог в контексте научной концепции М. М. Бахтина – опыт взаимодействия *субъекта речи и предмета речи*, в котором второй субъект представлен лишь опосредованно. Более того, именно реальное отсутствие собеседника и ставит читателя, зрителя или слушателя перед необходимостью восполнять его отсутствие через единство или, как это называет М.М. Бахтин, – со-бытие текста и контекста, познавательного и этического, внешнего и внутреннего.

Потому, размышляя о задачах и методах эстетического анализа, М.М. Бахтин настаивает на строгом разграничении (различении) «познавательно-этического момента, действительно являющегося содержанием, то есть конститутивным моментом данного эстетического объекта, и теми суждениями и этическими оценками, которые можно построить и высказать по поводу содержания, но которые в эстетический объект не входят» [1, с. 287]. При этом ученый неоднократно подчеркивает, что содержание как таковое «не может быть чисто познавательным, совершенно лишенным этического момента», поскольку «этическому принадлежит существенный примат в содержании» [1, с. 287]. Подобное положение дел обусловлено, согласно позиции мыслителя, тем, что «по отношению к чистому понятию и чистому суждению художественная форма не может осуществить себя: чисто познавательный момент неизбежно останется изолированным в художественном произведении как неразтворенный прозаизм. Все познанное должно быть соотнесено с миром свершения человеческого поступка, должно быть существенно связано с поступающим сознанием, и только таким путем оно может войти в художественное произведение» [1, с. 287]. И далее: «...Самым неправильным было бы представить себе содержание как познавательное теоретическое целое, как мысль, как идею» [1, с. 287].

При этом овладение этическим моментом содержания осуществляется только и исключительно «*путем сопереживания или вчувствования и со-оценки*, но отнюдь не путем теоретического понимания и истолкования. Непосредственно этично лишь самое *событие поступка* (поступка – мысли, поступка – дела, поступка – чувства, поступка – желания и пр.) *в его живом свершении изнутри самого поступающего сознания*; именно это событие и завершается извне художественной формой, но отнюдь не его теоретическая транскрипция в виде суждения этики, нравственных норм, сентенций, судебных оценок и т. п.» [1, с. 287]. Обратим внимание на тот факт, что процесс «овладения этическим моментом» во многом коррелирует с процессом понимания, который являет собой исходный феномен мышления. Для аргументации представленной позиции достаточно вспомнить, что, во-первых, понимание возникает только и ис-

ключительно в ситуации непонимания, ибо мыслить человек начинает лишь тогда, когда у него появляется потребность что-либо понять. Другими словами, в данном случае речь идет о поступающем сознании, суть поступка которого заключается в преодолении ситуации непонимания. Потому понять – не значит усвоить «готовое» знание, но выступить его непосредственным создателем.

Во-вторых, мысль М.М. Бахтина, согласно которой осуществляющий эстетический анализ исследователь должен а) «вскрыть имманентный эстетическому объекту состав содержания, ни в чем не выходя за пределы этого объекта, – как он осуществляется творчеством и созерцанием» [1, с. 288] и, далее, «выделив в пределах возможного и нужного теоретический момент содержания в его чисто познавательной весомости»; б) понять связь этого теоретического момента содержания с «этическим моментом и его значение в единстве содержания» [1, с. 290], – наталкивает нас на следующие размышления. По сути, единство познавательного и этического моментов содержания полностью отвечает ситуации, в рамках которой необходимо различать «два противоположных способа перехода результатов мыследеятельности в организованности рефлексивной реальности», то есть сознания. «Одно дело, когда отпечатывается склеенное, сращенное с предметностью представление, и другое – когда отпечатывается сам путь движения, “взятия” данной предметности. Объективируясь в сознании, эти два отпечатка будут играть весьма различные роли, обслуживать различные функции»: первый – строит базу для ассоциирования, второй – строит приспособленную к интенциональным актам рефлексивную реальность [2, с. 23]. «Сращенное с предметностью представление» – это, по сути, знание как итог познавательной деятельности сознания, осуществляющейся трансцендентальной логикой мышления, в то время как рефлексивная реальность представлена феноменом понимания, для которого онтологическая функция выражена одновременно состоянием «быть» и интенциональными актами «являть себя» [см.: 9].

В контексте диалогической природы гуманитарного знания М.М. Бахтина первый способ перехода результатов мыследеятельности в организованное сознание мы связываем с овладением познавательным моментом содержания, второй – с этическим. Как пишет Г.И. Богин, «вторичные объекты принципиально рефлексивны: они суть знание о знании, переживание переживания, оценка оценки» [2, с. 44]. Обратим внимание, что указание в цитируемом фрагменте на переживание и оценку позволяет нам сформулировать третий аргумент в пользу идентичности процессов «овладения этическим моментом» и понимания, поскольку аналогично тому, как этический момент содержания актуализируется посредством «сопереживания

волящему, чувствующему и действующему сознанию» [1, с. 287], так и процесс понимания актуализируется через переживание. Как свидетельствует Г.И. Богин, «все понимаемое переживается», более того, все то, что не переживается, при определенных условиях не может быть и понято [2, с. 28].

Четвертый аргумент мы связываем с положением, согласно которому и художник, и созерцатель сопереживают «отнодь не психологическому сознанию (да ему и нельзя сопереживать в строгом смысле слова), но этически направленному, поступающему сознанию» [1, с. 288]. Действительно, словно вторя М.М. Бахтину, Г.И. Богин подчеркивает, что «если переживание является лишь компонентом “настроения”, не направленного ни на что, то мы имеем не смысл, а ... эмотивное состояние» [2, с. 29].

В данном контексте указание на смысл в противоположность эмоции как сугубо психологическому феномену позволяет нам перейти к последнему, пятому аргументу, позволяющему нам поставить знак равенства между процессом «овладения этическим моментом» и процессом понимания. Для этого нам необходимо возвратиться к риторическому канону, в рамках которого Этос позиционируется в качестве внутреннего мотива речи, Логос – овнешненного или, что то же – опредмеченного в том или ином языке высказывании творца, а Пафос – как развернутое во времени единство внутреннего и внешнего. Дело в том, что в данном контексте собственно этический момент содержания являет собой сугубо смысловой момент авторского высказывания, который лишь потенциально присутствует в художественной речи, будучи отмечен имплицитным характером. Напомним: понять – не значит усвоить «готовое» знание, но выступить его непосредственным создателем.

Специально заметим, что прежде не подвергаемая сомнению верность этого положения на данном этапе нашего исследования требует существенной корректировки. Имеется в виду обстоятельство, согласно которому вступающий в диалог с текстом субъект в действительности является создателем не столько нового знания, сколько того, что в терминологии А.Н. Леонтьева получило название личностного смысла. Размышляя над тем, каким образом предупредить его возможную утрату в процессе жизнедеятельности субъекта, что с неизбежностью влечет за собой и устранение сознания как подлинного регулятора жизни, А.Н. Леонтьев ставит перед сознанием ряд задач. Первая связана с необходимостью осуществлять себя как познающее сознание. Процесс этот, по мысли отечественного психолога, может протекать либо в сторону развития значения, либо в сторону усвоения и использования прежних значений, где собственно «значение – представитель и носитель культуры» [10, с. 75]. Далее, по мысли

А.Н. Леонтьева, сознанию необходимо осуществлять себя как смыслообразующее сознание. Эту задачу ученый называет «задачей на смысл», предлагая решать ее в два действия: открытие личностного смысла и выражение открытого [10].

Вне всяких сомнений, в рамках рассматриваемой нами диалогической концепции гуманитарного знания М.М. Бахтина первая задача отвечает «выделению в пределах возможного и нужного теоретического момента содержания в его чисто познавательной весомости», вторая, точнее первое действие второй задачи, – «понять связь этого теоретического момента содержания с «этическим моментом и его значение в единстве содержания» [1, с. 290]. Что же касается второго действия «задачи на смысл», то мы связываем его с ситуацией, когда исследователь «должен как-то транскрибировать этический момент, которым созерцание овладевает путем сопереживания (вчувствования) и соощенки». Как поясняет М.М. Бахтин, «совершая эту транскрипцию, приходится отвлекаться от художественной формы, и прежде всего от эстетической индивидуации: необходимо отделить чисто этическую личность от ее художественного воплощения и индивидуальную эстетически значимую душу, и тело, необходимо отвлечься и от всех моментов завершения; задача такой транскрипции трудная и в иных случаях – например, в музыке – совершенно невыполнимая» [1, с. 290]. На наш взгляд, представленная М.М. Бахтиным позиция относительно музыкального вида искусства не вполне убедительна по той простой причине, что как «в искусстве слова смысл не понятен и не словесен» [6, с. 47], так и «в изобразительном искусстве... безобразное впечатление является конечной целью изображения» [там же], аналогично тому, как в музыке «интонационный образ, резонирующий с человеческим мировосприятием, высоко парит над звуковым, динамическим, зримым пространственным материалом» [16, с. 139]. Более того, сам М.М. Бахтин считает необходимым после процитированного нами фрагмента сделать следующее уточнение: «...В некоторых случаях – например, при восприятии музыкального произведения – методически совершенно допустимо интенсивное углубление этического момента, в то время как экстенсивное его расширение разрушило бы данную художественную форму; этический момент вглубь не имеет границ, которые могли бы быть неравномерно нарушены: произведение не предопределяет и не может предопределить степени глубины этического момента» [1, с. 292].

Другими словами, во всех без исключения видах искусства актуализация смысла оказывается главной целью как читателя и зрителя, так и слушателя с той лишь оговоркой, что если первые два в качестве «подсобного значения средства» [1, с. 287] имеют Логос творца, который оказывается

синонимичным познавательному моменту содержания, то слушатель вынужден работать исключительно с Пафосом исполнителя, в котором Логос и Этос слиты нераздельно на уровне со-бытия данного (нотный текст) и созданного (звучащая ткань произведения). Причем, в отличие от читателя и зрителя, которые, пусть и не вполне профессионально, но в состоянии самостоятельно разобраться с тем, что написано в книге или изображено на картине, слушатель зачастую не владеет языком музыки, посредством которого оформляется художественная речь композитора. Точно так же у слушателя нет возможности длительно, не торопясь вчитываться в книгу или же вглядываться в картину. Музыка – искусство временное, а потому требует особой концентрации мысли от вступающего в диалог с композитором субъекта.

Принимая во внимание тот факт, что «теоретическая транскрипция, формула этического поступка есть уже перевод его в познавательный план, то есть момент вторичный, между тем как художественная форма – например, форма, осуществляемая рассказом о поступке или форма его эпической героизации в поэме, или форма лирического воплощения и т. п. – имеет дело с самим поступком в его первичной этической природе, овладевая ею путем сопереживания волящему, чувствующему и действующему сознанию...» [1, с. 287], один из возможных вариантов актуализации этического момента какого-либо музыкального произведения мы связываем со следующей ситуацией. Имеется в виду создание такой новой художественной формы, в которой отмеченная нами актуализация осуществляется уже в другом, не собственно музыкальном виде искусства. Например, когда конкретное музыкальное произведение является частью кинофильма, в рамках которого зрительный ряд может рассматриваться в качестве опыта перевыражения музыкальной речи в речь изобразительную, или же музыка оказывается неотъемлемой составляющей балетного спектакля и т. п.

Во всех подобных случаях смысл музыки становится доступным за счет возможностей другого вида искусства. На наш взгляд, именно такой опыт и может рассматриваться как «интенсивное углубление этического момента» [1, с. 292]. В то же время обозначенный нами опыт никоим образом не исключает возможности транскрибирования этического момента музыкальной художественной речи как таковой. Независимо от того, посредством какого языка будет осуществляться такая транскрипция – вербального, языка жестов и пластики человеческого тела и т. п., – при любых обстоятельствах «готовность к перевыражению есть лингвистический коррелят рефлексивной способности человека [3, с. 9–10].

Подытоживая все вышеизложенное, заметим, что проекция риторического канона на разрабаты-

ваемую М.М. Бахтиным диалогическую концепцию гуманитарного знания позволяет не только выявить проблемные места данной концепции, но и задать новое направление пути их преодоления в рамках музыкального вида искусства.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблема материала, содержания и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Работы 1920-х годов. – Киев: Next, 1996. – С. 258–318.
2. Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста. – Тверь: ТГУ, 1993. – 137 с.
3. Богин Г.И. Типология понимания текста. – Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1986. – 86 с.
4. Большой энциклопедический словарь: в 2 т. – Т. 1 / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – 863 с.
5. Волкова П.С. Реинтерпретация современного искусства: опыт осмысления. – Saarbrücken: LAP, 2012. – 312 с.
6. Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Педагогика, 1984. – 437 с.
7. Золотнякова А.С. Проблемы психологии общения: социальный и личностный типы общения, их профессиональные, познавательные и генетические аспекты. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1976. – 146 с.
8. Каган М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.
9. Ковалева С.В. Структура сознания: философско-онтологический аспект. – Saarbrücken: LAP, 2011. – 388 с.
10. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. – М.: Педагогика, 1983. – 320 с.
11. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. – М.: Мысль, 1971. – 351 с.
12. Пешков И. Человек общающийся // Пешков И.В. Введение в риторику поступка. – М.: Лабиринт, 1998. – 297 с.
13. Словарь иностранных слов. – 10-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1983. – 608 с.
14. Соковнин В.М. О природе человеческого общения (опыт философского анализа). – Фрунзе: Мектеп, 1974. – 146 с.
15. Философский энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
16. Холопова В.В. Музыка как вид искусства: учеб. пособие; 4-е изд. – М.: Лань, 2014. – 320 с.

SUMMARY

NATURAL SCIENCE

Kirill Ye. Shiryayev

*Nekrasov Kostroma State University
shiryaev@yandex.ru*

Nataliya L'. Margolina

*Nekrasov Kostroma State University
nmargolina@mail.ru*

Tat'yana N. Matytsina

*Nekrasov Kostroma State University
tatumja@yandex.ru*

Aleksey M. Chernikov

*Nekrasov Kostroma State University
algebra.kgu@yandex.ru*

Oleg V. Kopyl

*Nekrasov Kostroma State University
algebra.kgu@yandex.ru*

Yekaterina V. Isakova

*Nekrasov Kostroma State University
algebra.kgu@yandex.ru*

Viktoriya A. Rozova

*Nekrasov Kostroma State University
algebra.kgu@yandex.ru*

The chronicle of ordinary differential expressions' qualitative theory workshop at Nekrasov Kostroma State University

The work consists of heads of reports over the winter-spring term of 2014 of the members of the ordinary differential expressions' qualitative theory workshop at Nekrasov Kostroma State University.

The reports contain quite a lot of unsettled scientific problems of different levels of complexity, and fundamental scientific facts as well as little-known theorems. Not only the publication of new results, setting new and old search for unsolved problems, but mainly stimulation of interest to ordinary differential expressions' qualitative theory is the aim of the seminar. The differential expressions' qualitative theory is used where computational approaches are powerless due to infeasibility of calculating infinite solution set or arriving at solution on infinite horizon, of ascertaining its behaviour in the neighbourhood of critical point.

The workshop was created on the model of a similar one, conducted by Lomonosov Moscow State University at the department of differential equations. The outstanding mathematicians Nikolay Rozov, Vladimir Kondrat'yev and of course Vladimir Millionshchikov were once organizers of this workshop. Vladimir Mikhaylovich Millionshchikov was the mastermind behind the creation of Kostroma school of qualitative theory thoughts, the postgraduate course in this area was opened at Nekrasov Kostroma State University with his active participation.

The chronicles of the workshop might be useful both for specialists in the field of differential expressions 'qualitative theory and for beginners of studying this interesting field of differential expressions' theory. We desire, that everyone will find the field and the task he or she is equal to, in the chronicles.

Keywords: differential equation, matrix function, matrix exponential, Lyapunov indices, general index, Boyle index, conditional stability.

Boris M. Moiseyev

*Nekrasov Kostroma State University
ipmbm@yandex.ru*

On special relativity theory second postulate's corroboration

An article in which light / light source velocity independence verification experiment has been described, was published in the journal «Advances in Physical Sciences». Such a statement is a fragment of Einstein's special relativity theory second postulate. The authors of the experiment tested the aforementioned relationship, using modern technical capabilities. The experimental results strongly support the light / source velocity independence.

However, in the above-cited article, in the conclusion, the authors assert that the second postulate has been corroborated. We can assume that the postulate has been corroborated on the whole: this conclusion goes beyond the obtained results. The modern formulation of the special relativity theory second postulate is wider than the one given in Einstein's first article on relativity.

In view of the extremely high importance of the special relativity theory second postulate for the formation of the foundations of modern physics, interpretation of the experiments in this section of physics is required to be extremely correct. Beyond the conclusions of the results of the experiment are inadmissible in the way of methodology. This rule applies to all physical science, but concerning relativistic physics, in which discussions have not ceased within a century, the requirement of correct conclusions based on results of experiments acquires special significance.

The special relativity theory second postulate content has been analyzed in this paper, and it is shown, that drawing the conclusion of second postulate's experimental verification is only partially true. All ever conducted experiments only confirm a light / light source velocity independence. Light / light detector velocity dependence was investigated by nobody. Numerical parity of light speed for any observer at light unidirectional propagation was confirmed by nobody.

Keywords: relativity theory, second postulate, experimental verification.

Andrey K. Sukhov

*Nekrasov Kostroma State University
suhov_andrei@mail.ru*

In-argon glow discharge formation two-dimensional modeling. Part 1. The model and design diagram

Gas-discharge plasma model in plane Cartesian coordinates was used for in-argon glow discharge plasma bivariate parametrization data modeling. Two-fluid hydrodynamics combined equations included two continuity equations for electrons' and ions' plasma components and an electrostatics equation by way of Poisson's equation for the electric vector E .

Initial and boundary conditions have been specified taking nonideal discharges' parameters into ac-

count. Electron and ion densities at zero time at rated operating conditions were considered being constant and equal to background density. Potential gradient axially was considered being constant at zero time, and radially vanishing. Cathodic potential was considered being vanishing and the anodic one being equal to applied voltage. Electrode boundary conditions were specified on the assumption of electrons emission by the cathode under the influence of incident flux with the ion-electron emission coefficient γ , while the anode doesn't emit ions. Charge density was considered being axially-continuous, and being background at the wall.

Discretization was conducted with the help of two-dimensional uniform Cartesian computational mesh, with representation of members which enter an equation by finite-difference relations of derivatives. A computational algorithm scheme in which it has been proposed to use overrelaxation method for Poisson's equation solution, has been worked out. It has been shown that cutting elapsed time hundreds of times is possible by means of matching the accelerating parameter ω .

Keywords: plasma, glow discharge, numerical simulation, charged particles' continuity equation, bivariate parametrization.

Yevgeniya B. Moroshkina
Saint Petersburg State University
evmorosh@mail.ru

Ol'ga B. Sedova
Nekrasov Kostroma State University
sedova_olga_fm@mail.ru

Interaction of DNA with actinocin derivative containing benzo-15-crown-5 radical into amide groups, with K^+ ions in solution

Interaction of actinocin derivative containing benzo-15-crown-5 radical into amide groups with the DNA molecule, in water-salt KCl solutions, has been investigated by methods of spectrophotometric and spectropolarimetric titration. The investigated compound generates three spectrally discernible aggregation forms: dimers and aggregates of types H and J. The latter ones are possessed of opacity. Generation of aggregational forms of the investigated actinocin derivative does not take place in KCl solutions with the DNA irrespective of concentration and ionic strength. Forms H and J are not generated if the DNA is present, but are also destructed in case of their preliminary generation. The given compound interacts with the DNA in the form of dimers or monomers depending on ligand / DNA molar concentration ratio which testifies to the effect that the DNA compound in KCl solutions show significant affinity.

Keywords: spectrophotometry, spectropolarimetry, actinocin derivatives, crown group, DNA.

Vera G. Artyomenko
Nekrasov Kostroma State University
veraartemenko2012@yandex.ru

Action of acid concentration on the process of sulphuric decomposition of phosphorites of Kineshma occurrence

Findings of the investigations on determining chemical composition and selecting optimal condi-

tions of decomposition of phosphorites of Kineshma occurrence with sulphuric have been adduced. High phosphorus content (near 19%) give evidence of workability of this phosphate raw material for obtaining ground phosphate rock, fertilizers and phosphoric acid.

The process of phosphorites decomposition was conducted with 50%, 60%, 75% and 80% H_2SO_4 and with 100% of stoichiometric amount for determining the impact of sulphuric acid concentration. The experimental data gives evidence of the fact that content of P_2O_5 in solution increases more than by 2,5% as the acid concentration increases of 50 to 75%, though just by 0,1% in case of subsequent concentration increase to 80%.

The process' key indicators which include phosphorite's resolution ratio, recovery ratio (P_2O_5 solution transition), phosphogypsum washing off efficiency and technological yield – have been calculated by virtue of the obtained results. Maximum output of the product and and maximum extraction is reached by using 75–80% H_2SO_4 solution.

The decomposition process was conducted under the following conditions: 75% acid concentration; 80°C temperature; acid stoichiometric amount 100, 110 and 120% for studying the action of sulphuric acid stoichiometric amount on phosphorus out-of-ore extraction. The process' key indicators have been calculated by the experiment's results and optimum – 110% – H_2SO_4 stoichiometric amount has been determined.

To sum up, optimum sulphuric acid's concentration (75%) and stoichiometric amount (110%) for decomposition of phosphorites of Kineshma occurrence have been determined and the conclusion of appropriateness of further using them have been drawn.

Keywords: natural phosphorites, sulphuric decomposition, phosphogypsum, single superphosphate, phosphorites' chemical composition.

Vasiliy V. Kuz'michyov
Nekrasov Kostroma State University
kvlab@list.ru

Andrey F. Kuz'min
Nekrasov Kostroma State University
kuzminmedico@yandex.ru

Natal'ya V. Mihina
Kostroma regional veterinary laboratory
kvlab@list.ru

Epizootological peculiarities of invasion diseases of agricultural animals in Kostroma Region

Research issues of epizootological situation of parasitic diseases of Kostroma Region from the point of view of the administrative districts over the period of the 2011–2013 are examined in the article. Prevalence of livestock and swine helminthiasms and protozoan infections over the specified period is appraised.

Significant advances in invasion diseases therapy and prophylaxis have been achieved in the Russian Federation for the recent years. However, helminthiasms and protozoan infections interfere with animals and that keeps remaining the significant problem as they often cause associative invasion diseases in the

animal organisms. Facts of the following helminthisms and protozoan infections of livestock and swines on the City of Kostroma and Kostroma Region territory have been established in the course of the investigations.

Nematodoses – dictyocaulosis, strongilatoses, nematodirosis, neoascariasis; distomiasis – fasciolosis, paramphistomatosis, dicrocoeliasis; cestodiasis – monieziosis, of protozoan infections – sarcocystosis occurs in livestock. Only nematodoses – trichuriasis, ascariasis and a protozoan infection – sarcocystosis – is registered in pigs.

Hence, it has been ascertained that helminthisms and protozoan infections are registered among animals on the territory of Kostroma Region's districts. On the whole, over the research period (2011–2013) a minor decrease in the infected animals' number has been ascertained: from 20 down to 17,7 %. Such helminthisms as fasciolosis (5,8–9,8 %), monieziosis (3,6–6,1 %) and dictyocaulosis (4,8–7,6%), of protozoan infections – livestock sarcocystosis (52,7 %), primarily in Kostroma and Soligalich districts (55,3 and 40,9 % correspondently), are the most widespread. Parasitic diseases occur in Kostroma Region's pigs extremely rarely.

Keywords: fasciolosis, monieziosis, dictyocaulosis, livestock helminthisms, protozoan infections, sarcocystosis.

Irina A. Prokhorova

*Nekrasov Kostroma State University
prokhorova@rosvet.ru
Ol'ga V. Ostapchuk
Nekrasov Kostroma State University
rosvet80@mail.ru*

Fleas', lice's, and biting lice's epidemiological significance on Kostroma Region's territory

Data on Kostroma Region territory fleas', lice's and biting lice's morphology, biology peculiarities, epidemiological significance has been presented in the given article. Ectoparasites are not lethal parasites normally. However, irritation causing anxiety and scratches bring into the state of general viability decrement.

Fleas which are plague agent (*Yersinia pestis*) carrier represent the greatest danger among ectoparasites. As far as it is known, there are permanently active plague natural hot spots on Russia's territory. Nowadays, the land's antiplague system is active. Rats', house mice's, cats', dogs' fleas are also agents of Rickettsia – murine typhus' agents, Bartonella; bacteria of tularemia, of Far East scarlet-like fever, and of brucellosis. Cats' and dogs' fleas serve as helminths' bridging hosts. Fleas' bites cause allergic reactions and dermatites.

Lice and biting lice are also carriers of agents of dangerous diseases for their hosts. Bacteria, threadworms, flatworms and fungi belong to them.

Despite the fact that decrease in dogs population has been recorded on Kostroma Region's territory for the last three years, number of animals infected with ectoparasites is still that great. Hence, fleas' amplification in settlement and towns and climate global warm-

ing will forward fleas' activization at natural plague hot spots, which requires special attention to ectoparasites, their abundance oversight and working out new means of fight against them with no resistance.

Keywords: ectoparasites, plague hot spots, epidemiological significance.

Vladimir A. Isayev

*Ivanovo State University
viam_e@mail.ru*

Biology and ecology of punkies of genus Culicoides and their potential significance in transmitting Schmallenberg virus in the eastern Upper Volga region

Issues of biology and ecology of biting midges of the genus Culicoides in the eastern Upper Volga region and their involvement in Schmallenberg virus potential transmitting are analyzed in the article by various methods.

Abundance, seasonal activity, imago trophic specialization as well as landscape fidelity and distribution of pre-imago and imago stages within the region have been researched in populations of punkies of certain subgenera of the genus Culicoides.

It has been ascertained that there are unlike tendencies in punkies' single species and biocenotic ecological changes. The attention is paid on the reaction of the species complexes obsoletus, pulicaris and nubeculosus (which are the potential vectors) on anthropogenic impacts.

Degree of relationship of potential vectors with different landscapes and settlements varied. On the average within the region, ratio of C.obsoletus in sweep net gathering mixture was low: out of settlements – 5,1%, within settlements – 3,4%, the same tended to be in C.nubeculosus as well (4,5% и 2,0%). In C.punctatus, on the contrary, rise of this index's from 30,5% to 62,9% occurred.

The ascertained fidelity of the three mass species complexes under study (C.obsoletus, C.punctatus и C.nubeculosus) to landscapes which have been anthropogenously transformed to unequal degree allows supposing that their epizootological significance may differ. Some populations of these species complexes might more often be the disease's potential carriers in forest landscape and on pastures, while the other ones might sustain the disease's circulation within the settlement among household animals as well as, potentially, between the side of household animals, and the side of pets.

Keywords: biting midges, Culicoides, seasonal activity, trophic specialization, ecosystems, carriers, Schmallenberg virus (SBV).

Yelena N. Kryuchkova

*Belyayev Ivanovo State Agricultural Academy
krjuchkova@mail.ru*

Boris G. Abalihin

*Belyayev Ivanovo State Agricultural Academy
abalihinBG@yvgsha.ru*

Sergey V. Yegorov

*Belyayev Ivanovo State Agricultural Academy
yegorovs@list.ru*

Yevgeniy A. Sokolov

*Belyayev Ivanovo State Agricultural Academy
e.sokolov@bk.ru*

Valentina N. Balandina

*Belyayev Ivanovo State Agricultural Academy
valentina_90@bk.ru*

Dmitriy S. Yegorov

*Belyayev Ivanovo State Agricultural Academy
yegorov.91@mail.ru*

Parasitiases of carnivorous pets of Ivanovo Region's urban populations

Species composition of ecto- and endoparasites of stray domestic animals as well as of those which have never been outdoors within urban landscapes of Ivanovo Region has been determined in the work. In the investigation's results, dogs' and cats' infection rate referring to parasites belonging to the classes Trematoda, Cestoda, Nematoda, Piroplasma, Conoidasida, Insecta has been ascertained.

Flat dogs are infected with 13 parasites species: of the Trematoda, *Alaria alata* was found; of the Cestoda – *Dipylidium caninum* and *Diphyllbothrium latum*; Nematoda are represented by *Toxocara canis*, *Toxascaris leonina*, *Uncinaria stenocephala*, *Ancylostoma caninum*, *Crenosoma vulpis*, *Thominx aerophilus*, *Dirofilaria repens*, *Strongyloides vulpis*; Piroplasma – by *Babesia canis*; Insecta are represented by *Ctenocephalides felis*. 4 classes parasitize in cats kept indoors: Cestoda are represented by *Dipylidium caninum* and *Taenia* spp.; Nematoda – by *Toxocara mystax*, *Toxascaris leonina*, *Uncinaria stenocephala*, *Strongyloides vulpis*; Conoidasida – by *Cystoisospora felis*; Insecta – by *Ctenocephalides felis*. Parasitofauna in stray dogs is represented by 13 species. Of the Trematoda, *Alaria alata* was found; Cestoda – *Mesocostoides lineatus*, *Dipylidium caninum*, *Taenia hydatigena* and *Taenia pisiformis*; Nematoda are represented by *Toxocara canis*, *Toxascaris leonina*, *Uncinaria stenocephala*, *Ancylostoma caninum*, *Crenosoma vulpis*, *Thominx aerophilus*, *Dirofilaria repens*, *Strongyloides vulpis*, *Trichinella spiralis*; Piroplasma – by *Babesia canis*; Insecta – by *Ctenocephalides felis*.

Cats accustomed to living outdoors are infected with 9 parasites' species. Of the Trematoda – *Alaria alata*; of the Cestoda – *Dipylidium caninum* and *Taenia* spp. Of the class Nematoda – *Toxocara mystax*, *Toxascaris leonina*, *Uncinaria stenocephala*, *Strongyloides vulpis*. Of the class Conoidasida – *Cystoisospora felis*. The class Insecta is represented by *Ctenocephalides felis*.

Keywords: ectoparasites, endoparasites, pets, pauper animals, dogs, cats.

Vasily I. Ashcheulov

*Belyayev Ivanovo State Agricultural Academy
vasiliy2011@yandex.ru*

Vsevolod A. Ponomaryov

*Belyayev Ivanovo State Agricultural Academy
corvus-37@yandex.ru*

Bumblebees' invasion diseases, inquilines, predators and nest-destroyers under conditions of greenhouses

Bumblebee colonies' invasion diseases under conditions of greenhouses research results have been adduced in the article. Data of many years on bumblebee invasion diseases and deleterious inquilines have been generalized. An overview on bumblebee colonies parasites', predators' and pests' has been adduced. Bumblebee colonies' invasion diseases are the most fearful. *Nosema apis* causes nosematosis in *Apinae*. Nosematosis in bumblebees is cacatory; it makes the queen infecund, the workers – unable to pollinate flowers, the drones – sterile. *Sphaerularia bombi* is a bumblebee cavitary parasitic nematode. Under natural conditions, in spring, *Sphaerularia bombi* brings about death of large amount of progenitor queens. *Locustarus bucheneri* parasitize inside certain bumblebee species' imago and pre-imago aerostats. Under conditions of bumblebees artificial propagation, mortality rate in queens and hatching from the non-localized disease approaches 100%. Conopid myiasis is the disease caused by larvae of flies from the family Conopidae. Conopids are Apocrita imago parasites. Senotainia myiasis Сенотайниоз – is lesion of bumblebee imagines caused by flies of the genus Senotainia. Melittobia parasitoid invasion. Melittobia acasta is a small parasitoid wasp the larva of which consumes bumblebee larvae and pupae as hosts. Amongst the insects which are harmful to bumblebee colonies, representatives of the following families, genera and species have been recorded: Psithyrus, Formicidae, Vespidae, Plodia interpunctella, Galleria mellonella, Achroea grisella, Blattella germanica. Under natural conditions, bumblebees can be attacked by insectivorous birds and mouse-like rodents. If bumblebee mass mortality occurs, dead insects are to be collected and autopsied, subjected to bacteriological and parasitological research.

Keywords: invasion diseases, *Bombus terrestris* bumblebees, bumblebee colonies protection, parasitology.

Rita M. Levit

*Yaroslavl Children's Clinical Hospital #1
rlevit@mail.ru*

Yevgeniy M. Spivak

*Yaroslavl State Medical Academy
spivak58@mail.ru*

Irina S. Akkuratova

*Yaroslavl State Medical Academy
akkiren@gmail.com*

Vera P. Davydova

*Yaroslavl State Medical Academy
akkiren@gmail.com*

Duodenum mucosa changes at giardiasis in children and adolescents

233 chronic gastroduodenitis patients aged from 6 to 17 whose diagnosis has been verified by endoscopic and morphologic examination have been examined.

Dejection, duodenal content and duodenum mucosa biotates microscopic research as well as determination of overall titer of lamblia serum antibodies of the A, G and M classes, based on immunoenzyme analysis, was conducted for the purpose of giardiasis detection. Mild or evident chronic gastroduodenitis with mild or high inflammatory activity has been detected in all patients. The process came to nothing more than duodenum only in single examinations (6,4 %), being combined in the rest patients with gastritis of varying degree of manifestation. Giardiasis diagnosis has been ascertained in 68 % of cases; no cases of asymptomatic lamblia carriage have been recorded. Onset of follicular duodenitis which macroscopically represents mucosa bulgings shaped as hemispheres with dimensions from 3 to 5 mm, which do not differ from the surrounding parts in colour, is this parasitosis' most salient feature, by the results of endoscopy. Microscopically, lymphocytic infiltration with eosinophile admixture is revealed in these zones. This symptom has 89% sensitivity, and 95% specificity. Other giardiasis' onsets, as folds' height lowering, their circularity derangement with widening of spacing between them occur rarer.

Keywords: giardiasis, duodenum, children and adolescents.

Minkhanaf V. Bekmansurov
Mari State University, City of Yoyshkar-Ola,
Mari El autonomy, Russia
m.mahach@mail.ru

Biodiversity of forest phytocoenoses in the vicinity of the Sura river, Mari El autonomy, Russia

The assessment of a biodiversity of the woods in the lower reaches of the Sura River, where one of the largest broad-leaved forests of Mari El is allocated, has been carried out. In the course of the researches, 3 groups (clusters) have been allocated: broad-leaved forests and their derivatives, artificial plantings of oak (*Quercus robur* L.), alder woods (*Alnus glutinosa* L., *Alnus incana* (L.) Moench).

The studied territory is characterized by high level of biodiversity: 202 species of vascular plants of 59 families have been revealed. 6 of them are included into the Red Data List of Mari El. *Tilia cordata* Mill., *Acer platanoides* L., *Fraxinus excelsior* L., *Quercus robur* L., *Betula pendula* Roth are the dominants of canopy layer of the broad-leaved forests in decreasing order. *Acer platanoides*, *Ulmus glabra* Huds prevail in the understorey. *Fraxinus excelsior*, growing in these woods, is included into the Red Data List of Mari El where the northeast border of the continuous area of distribution of this species passes.

The biodiversity of communities of this group is formed by 125 species of vascular plants at an average density of 20 species per 400 m². In oak plantations there are 68 species at an average density 33 per 400 m². In alder forests, 130 species have been revealed. An average species density is low – 16 per

400 m². Species of nemoral group prevail in the communities of the first and the third clusters, nitrophilic and meadow species follow them. Percentages of nemoral and nitrophilic species are quite the same in the second cluster communities.

Keywords: biodiversity, broad-leaved forests, alder forests, taxonomic biodiversity, structural biodiversity, ecological phytocoenotic groups.

SYSTEM ENGINEERING

Georgiy M. Travin
Nekrasov Kostroma State University
ops@ksu.edu.ru

Yuriy V. Kulyomkin
Nekrasov Kostroma State University
ops@ksu.edu.ru

Aleksandr V. Privalov
Moscow experimental plant N.1
ops@ksu.edu.ru

Forecasting and reliability modeling of needle-bladed tacking for combing industrial hemp fibre

At hemp fibre preparation for spinning, it is sufficient to use adapted flax spinning equipment. Comb slots modernization with using the special needle-bladed tacking is the main method for adaptation. Due to lack of experience of exploitation of such tacking with regard to hemp fibre, forecasting its failures, reliability properties' assessment is possible when corrected to analogues which are used as tacking for combing scutched common flax. Modern constructions of such tacking include an aluminic profile in combination with a bit, a polymeric needle, which provides maintainability of the tacking. Statistical observations of such tacking working with a round needle on the terminal steps of combing show that its mean lifetime at tightness 80 needles per 10 cm of length is 930 hours, with appearing to be 2550 hours at 64-needles tightness. The bars' failure occurs due to needles' basal fracture as well as break close to the tip, due to folding, due to breakage of joint with the insert, due to misalignment and loosening. At needle-bladed tacking for combing hemp it is necessary to achieving its longevity level no less than the one for flax processing. At that, minimizing cost of tacking fix is needed at the expense of its labour content minimization and increase in elasticity of demand for its construction's elements. Since that, constructions with bit-slice insert, which are affixed with detachable tapered wedge block, are the most promising. Tacking failures possible forms are forecasted with taking into account its constructions complexification and using new materials. On the basis of diagnostic matrix, stochastic models of bars' failures as well as their diagnosis models have been worked out in logic algebra perfect conjunctive normal form.

Keywords: hemp comb, comber bar, failures, service life, diagnosis models.

Andrey L. Galinovskiy

*Bauman Moscow State Technical University
galcomputer@yandex.ru*

Matvey V. Zosimov

*Nekrasov Kostroma State University
zosimov@inbox.ru*

Valeriy A. Moiseyev

*Bauman Moscow State Technical University
moiseev56@mail.ru*

Maksim V. Khafizov

*Bauman Moscow State Technical University
m-khafizov@mail.ru*

Improving the efficiency of waterjet cutting tools acoustic emission method

The article considers the issues of efficiency of waterjet cutting through quality control processing using the method of acoustic emission, which has proven itself to be a rational mode of turning and ultrasonic processing of materials. It has been empirically established that power of acoustic emission reflects the variation of performance of waterjet cutting. Experiments have been conducted by varying the angle of interaction with the surface of the material ultrastream and distance from the edge of the focusing tube to the sample surface. The influence of spray formation on acoustic radiation intensity increases proportionately with increasing distance from the edge of the focusing nozzle to the surface of the sample. It has been established that the use of this method may be advantageous from a practical point of view in selecting the operational mode of rational hydroprocessing, especially when transition to cutting new materials occurs. We show the need for further research to clarify the influence of spray ultrastream on acoustic power in order to increase the accuracy of determining the optimal regimes of ultrajet processing. It is argued that similar results can be obtained by addressing the optimization of waterjet cutting materials.

Keywords: ultrajet processing, waterjet cutting, technological regimes, acoustic radiation.

HISTORY

Ol'ga B. Pankratova

*Nekrasov State University, Kostroma
godunova_olga@mail.ru*

Aleksandr A. Turygin

*Nekrasov State University, Kostroma
aturigin@mail.ru*

Theoretical and methodological aspects of the theory of modernization in scientific research

There is a speech about specifics of modernization approach to studying historical reality in the article. The essence and the content of modernization is analyzed, and also the main approaches opening its specifics at research of different spheres of public life are analyzed: economy, policy, social structure and culture. The accent is put on traditions and heritage of Russian historians and philosophers in modernization studying. The main phases of discussions on this subject in Russian historiography has been analyzed. Besides, attempt to analyzing experience of studying modernization in the context of the approaches developed by

the western humanities is made. Ideas of the western philosophers Max Weber and Karl Marx, and also the analysis of aspirations of modern scientists to their revision are presented. The accent is put on discussions around problems of the theory of modernization at the present stage. Though most of historians agree in opinion that modernization of society is the process which still proceeds, the theory of modernization has been exposed to numerous criticism. The criticism of modernization by post-structuralists and representatives of post-modernist philosophy is especially strong. They reject idea of "progress", or the idea of further development which is the cornerstone of modernization. Criticism for an excessive structural reductionism and a narrative is exposed not only to the general theory of modernization development, but also to its private manifestations – to the theory of modernization. The article is also about compromises in interpretation of modernization which managed to be reached in Russian historiography, as well as its modern (specific) consideration in the western humanity.

Keywords: modernization, theories of modernization, history, evolutionism, historical research.

Aleksandr D. Shipilov

*Nekrasov Kostroma State University
istclass@rambler.ru*

Problems of regional studies in Russian historiography

The article analyzes the complex of works on regional studies in Russian pre-revolutionary, Soviet and modern historiography. Russian scientists examined the works of 18th—20th centuries on the history of science in Russia: history of Russian culture in general, the history of the Academy of Sciences, the history of science in general, the history of individual scientific disciplines, the history of societies and institutions, biographies of researchers, the study of Kostroma Region in the scientific sense. We characterize the development of individual scientific disciplines with special attention to the works of local historians on history and geography, the history of historical science, history, statistics, history, economics, history, ethnography, history, local history, and others. Special attention is paid to works dealing with specific social groups of the Russian Empire, which took an active part in regional studies research, primarily intellectuals. Work on the formation and development in the 18th—20th centuries is reviewed. Provincial historiography in Russia works on scientific and historical activity of individual amateur historians, provincial statistical committees, provincial archival commissions scientists, scientific and historical societies, editors of provincial newspapers, etc. The focus is on regional studies, analysis of Kostroma historiography by highlighting it with the most significant figures of local historians.

Keywords: regional studies, historiography, province, history of science, culture.

Irina V. Golubeva
Nekrasov Kostroma State University
 may11599@mail.ru

Formation of the liberal bureaucracy as a subjective factor of Russian modernization (in example of the peasant reform of 1861)

In Soviet historical literature in the interpretation of the causes of the peasant reform dominated the so-called concept of “revolutionary situation”, launched by Lenin. In accordance with this concept reforms implemented by tsarist government could not be anything other than a “side” product of the class struggle. The role of the subjective factor was ignored. It was unclear where the reformers originated from if they managed to take over a grand transformation of Russia and work in the short term to create a complex and balanced legislation that required a deep, economic, legal and politic knowledge. First of all, it has become possible as a result of a qualitative shift in the formation of the bureaucracy as a special layer in the senior government officials - the emergence of liberal officials, acting for the transformation of social relations and administrative staff by Russian reforms undertaken by autocratic power.

The article attempts to reveal the factors of the liberal bureaucracy, including the importance of higher education reforms based on the statute of 1835, a huge impact personally of Professor Timofey Granovsky on the “people of the forties” - that part of the “knowledge society”, which was characterized by the rejection of serfdom, of suppression of the individual, by the desire to see their country great and prosperous. It is shown that the liberal bureaucracy fully embodies these traits in itself. The article explores the role of the Ministry of State Property and the Ministry of the Interior as a centre of bureaucracy, revealed the scope of their representatives, that played a major role in the preparation of the peasants’ releasing reform, gives their portrait characteristics. The importance of the Russian Geographical Society in rallying liberal bureaucrats and intellectuals, in mastering the necessary theoretical potential and practical experience of working together has been shown. The article reveals features of the social and politic position of the liberal bureaucracy, the essence of a liberal alternative to the solution of the peasant question in the country.

Keywords: liberal bureaucracy, abolition of serfdom, Nikolay Milyutin, Konstantin Kavelin, Russian Geographical Society.

Aleksey V. Novikov
Nekrasov Kostroma State University
 anovikov111@mail.ru

Labour history of the period of industrial modernization of pre-revolutionary Russia in a modern Russian historiography

In 1990s—2000s, the new stage in studying of workers of pre-revolutionary Russia began. Researchers concentrated attention on the following problems: drawing up an extensive database by creation “Chron-

icles of labour movement in Russia in 1895—1917” and on its basis studying all variety of forms of the labour conflicts. The integrated studying of various indicators of a working protest, factors of social, politic, economic development of Russia with application of quantitative methods of research. Studying structural, high-quality shifts as a part of working class. Return of attention to questions of material and household position of workers. The analysis of variety of operating conditions through a prism of creation of incentives to work. Fixed studying of legislative regulation of the labor relations in pre-revolutionary Russia. Analysis of psychology, mass consciousness of workers, research of difficult system of their relationship with businessmen. Workers began to be considered as the subject of multi-party politic and public life in pre-revolutionary Russia.

Keywords: workers, chronicle of labour movement, working conditions, position of workers, legislation of factories and plant, factory inspection, paternalism policy, shape of workers.

Andrey M. Belov
Nekrasov Kostroma State University
 istclass@ksu.edu.ru

The manifestation of revolutionary and anti-revolutionary sentiment under conditions of modernization of Russia in the early 20th century

The modernization of Russia on the European model, commitment to democracy, politic freedom, break into the early 20th century with the first Russian revolution. Revolutionary demonstrations, rallies, strikes, terrorist attacks, preceded by the appropriate mood, active dissemination of liberal and revolutionary press. Carriers of these ideas – liberal and revolutionary intelligentsia, students of higher and secondary educational institutions – were active in their attempt to convey them to workers of factories and plants, peasants, numerous population of poor strata of towns and settlements. Strikes, demonstrations were accompanied by numerous acts of violence committed by the revolutionaries. Certain support in Russia in 1905, revolutionaries got from liberals, some of which calculated on overthrowing the monarchy and establishing republican system. But the destruction of the familiar world, of the relations set going, deprivation, which have been brought by the strike movement, created a fertile ground for anti-revolutionary sentiment that would get mass distribution in the province at the end of 1905. That encircled into the habitual, often non-peaceful, form of sympathy to the reigning monarch. Under the anti-revolutionary sentiments, victims of forms of mass struggle – numerous representatives of the urban poverty, workers, peasants of suburbs – would fall. As a result, patriotic, conservative sentiment would spill over into riots, “Black Hundred” massacres.

Keywords: sentiment, society, modernization, social groups.

Ivan N. Suloyev
Kostroma museum-preserve
iwdoroga@mail.ru

Russian historiography of the activities of politic parties among the peasants in 1905—1907

In the late 1990s—early 2000s, sources previously closed for researchers have become available, that allowed further exploring the non-proletarian parties. In this regard, analysis of research by local historians, devoted to the activities of politic parties among the rural population in 1905—1907, has become topical. The relevance of the article enhances also by the anniversary of the first Russian revolution in 2015. Russian historiography on the influence of politic parties on peasants in 1905—1907, can be divided into three periods. politic and socioeconomic conditions that shape a particular historical situation are the basis of periodization.

I period: 1905—1917 prerevolutionary. Researchers have dealt with some of the problems of socio-politic activity of the peasants: participation in the elections to the State Duma, “judgment movement”.

II period: 1917—1991 – Soviet. During the entire period historians have collected considerable material, have continued the study of socio-politic activity of the peasants, have made possible the study of peasants’ sociopolitic organizations, as well as the psychology of the rural population.

III period: 1991—modernity. Historians have approached to the review of the activities of the all-Russian Peasant Union and Labour groups. A comprehensive study of the judgments and orders of the peasants has begun. Researchers have begun to explore the participation of peasants in the elections into the I and the II State Duma. In the context of this problem, the strategy and tactics of politic parties during election campaigns were considered.

This problem in Russian historiography has not ever been a subject of special study. During all three periods, separate issues of activity of politic parties among the rural population have arisen.

Keywords: politic party, peasants, articles, monographs.

Aleksey Ye. Kidyarov
Nekrasov Kostroma State University
19a85@mail.ru

The everyday life of Kostroma and Yaroslavl provinces during the Russian Civil War in historiography

The article presents an overview of the historiography of everyday life Kostroma and Yaroslavl provinces in the Russian Civil War. Analysis of the historiography allows concluding that the theme of everyday life during the Russian Civil War in Kostroma and Yaroslavl regions was repeatedly raised by researchers, but has not received full coverage. In Soviet historiography, the history of everyday life during the Civil war

was rarely the subject of self-study. However, the issues of food, housing, social services rose in the works devoted to economic history, the establishment of Soviet power in the Upper Volga region, the history of the labour movement, and the anti-Bolshevik movement in the region (such as Yaroslavl rebellion of 1918). Only in the 1990s, in Kostroma and Yaroslavl publications specifically devoted to the history of the revolution of everyday life began to appear. The researchers turned to the study of the positions of Kostroma and Yaroslavl peasantry and proletariat, socio-politic attitudes of the population during the Civil war, new phenomena in the culture of post-revolutionary years. However, the first comprehensive studies of everyday life prepared recently focus mainly on material in Yaroslavl province. In Kostroma regional studies, issues of everyday life, as a rule, were considered along with the study of politic and military conflicts in the region during the Civil war. Changes in the working conditions of citizens, income, health status and mortality, changes in the outlook and mentality of people during the Civil war. remain poorly studied. All this indicates directions for future research.

Keywords: historiography, everyday life, Russian Civil War.

Dmitriy A. Volkov
Nekrasov Kostroma State University
nmargolina@mail.ru

Road of a provincial worker or peasant to power during the Russian Civil War (on the material of the Upper Povolzhye provinces)

Problems of involving the workers and peasants into the system of governance of local and central authorities during the Russian Civil War have been discussed in the article on the basis of a wide range of sources, of statistical data and of research literature. It has been shown that in this period, the additional staff on senior positions in the Communist Party, Soviet and economic institutions as represented by the worker-peasant masses went primarily through their direct nomination. Both positive and negative consequences of this phenomenon have been analyzed in the article. However, appointees without even primary education, as experience has shown, were practically useless. Therefore, various short courses of their preparation and, certainly, the Soviet-Party schools, in which the process of preparation of promoted workers, compared with courses, was carried out more consistently, would be immediately formed. Complicated and contradictory processes of preparation of this option promoted workers for their implementation of government functions have been revealed in the article.

Keywords: Russian Civil War, province, power and society, promoting new Soviet managers, Russian Communist Party (Bolsheviks), Soviet Communist Party schools.

Natal'ya V. Milovidova
Nekrasov Kostroma State University
 istclass@rambler.ru

**NEP Model of Russian modernization of 1920s,
 the so-called New economic policy:
 historiographical aspect**

The article provides a brief historiographical overview of the Soviet, modern, including regional ones, studies on the history of Soviet Russia of the 1920s, the period of the so-called New Economic Policy. The author identifies the main problems in the study of the NEP in 1920s—1980s, in particular, the reasons for the introduction of the NEP, its essential features, the village before mass implementation of collective farming, peasants' transition to the NEP, the role of the working class in the recovery of Russian economy, the forms and methods of cultural enlightening work, which were considered even by contemporaries of the NEP – Communist Party and Russian state leaders Lenin, Nikolai Bukharin, Trotsky, Stalin; scientists-economists Yuri Larin (Luria), Yevgeni Preobrazhensky, Nikolai Kondratiev, Alexander Chayanov; emigrants Nikolay Ustryalov, Peter Struve and others.

Particular attention is paid to research of 1950s—1970s. (Esfir' Genkina, Aleksandra Molchanova, Stanislav Strumilin, Tat'yana Remizova, Yuri Polyakov, Viktor Danilov, who really contributed, despite all ideological barriers of the Soviet era.

Of interest are also the works of contemporary authors of the 1990s—2000s. (Vladimir Dmitrenko, Nikolay Simonov, Natal'ya Leбина, Andrey Sokolov, Aleksey Balashov, Sergey Danil'chenko, Vladimir Buldakov and others), through which "traditional" NEP issues expanded, approaches to the study were updated. The survey lists the most relevant topics: market component of the NEP and its contradictions, the deformation of the Soviet politic system, demographic history, everyday life, labour disputes, strikes, alternative, lessons, the regional dimension of the NEP.

The author describes and regional studies, some tutorials for students on the history of the NEP, including those prepared on regional materials.

Keywords: Soviet Russia of the 1920s, modernization, so-called new economic policy (NEP), Soviet and modern Russian studies on NEP.

ECONOMY

Galina G. Generalova
The Stoletovs Vladimir State University
 galina.generalova@list.ru

Il'ya V. Pan'shin
The Stoletovs Vladimir State University
 panshin@vlsu.ru

Vasiliy V. Chekmарyov
Nekrasov Kostroma State University
 tcheckmar@ksu.edu.ru

Supply of resources for regional economic upturn

The results of the research carried out in the network of the scientific project # 13-12-33004 with the moneyed assistance of Russian State Scientific Foundation have been presented. The approach according to which the supply of resources for regional economic

upturn to the greater extent depends on the economic policy of the state than on the availability of natural resources, has been justified. It has been revealed that the economic upturn is not only an indicator of the dynamics of the region, but also qualitative characteristics of long Kondratiev waves. New realization of the content of the economic upturn concept has been proposed. The authors believe that the provision of regional economic upturn can be carried out with resources' qualitative heterogeneity theory by Yuriy Yaryomenko. Differentiation of economic resources for high-quality (high-yield) and mass (low-productivity) is introduced in the interpretation of economic upturn on the basis of determining the properties of the technological structure of the economy has been offered, the evidence in favour of the position that the upturn is not limitless, are provided. Consequences for the economy, finance will be much stronger than the effects of the Industrial Revolution, for decades to come. The transition from consumption to the quality of life is a challenge for our generation, sometimes fearful, but only indirectly related to the economic upturn. The authors introduce an understanding of the beginning of new age of progress without upturn. This understanding is based on the scanty resources, on the impact on the environment, on fatigue strengths of the environment. The emphasis on the evolution of the concept of "economic upturn" and the substitution of the term concept of "economic development" is done. At the same time, in terms of "economic upturn" as an established concept of economic science (because of the need to be understood by readers), the authors reinforce their arguments with assessment of supply of resources for regional economic upturn.

Keywords: economic upturn, regional development, resources' qualitative heterogeneity theory.

Svetlana V. Dadalko
Belarusian National Technical University, Minsk
 antikrizis1@bk.ru

**Evaluation of innovative policy of Belarus using
 international indicators**

The analysis of the level of innovative development of the Republic of Belarus with the Global Innovation Index is adduced. Some of the features have been highlighted and the strengths and weaknesses of the national innovation system of the country have been analyzed.

It has been determined that the place and role of Belarus in world's economy in the 21st century will be largely determined by the level of its scientific and technological development, the ability to create and use its own import and high technologies, the degree of presence on the world market of high and new technologies.

One of the priorities of the state science and technology policy is to create an effective model of domestic science, which in the short term, should be a coherent network sufficiently large and financially

sustainable, organized so that basic research can be performed, creating a world-class application development on priority directions of science and technology.

Development of national science and innovation system of Belarus passes quite difficultly, one might say about the reduction of its role in the development of the leading sectors of the national economy. The subjects of research is largely aimed at improving the existing technologies, rather than creating new ones. However, it is the development and introduction of new technologies and high-tech products which are key factors in achieving and maintaining a competitive advantage.

Arguments in favour of the position that the indicators, according to the Global Innovation Index, of Belarus have maintained a high personnel potential of scientific and technological innovation and development, the country has certain achievements in creation and diffusion of knowledge. However, the problems of innovative development of the country do occur and they are connected, as studies show, with a number of key methodological and strategic mistakes in regulating the development of the national economy in the conditions of formation of the knowledge economy.

Keywords: innovation, innovation development, national innovation system, Global Innovation Index.

Ol'ga A. Smirnova
Nekrasov Kostroma State University
100lga@mail.ru

Denis A. Baryshev
Nekrasov Kostroma State University
barnetru@rambler.ru

An alternative model of taxation of business entities

Taxes in the Russian Federation have two functions: fiscal and regulatory. To a large extent, to date, implemented fiscal function. To improve the regulatory function that appears to change the terms of taxation, through differentiation of tax rates and the establishment of incentives, encouraging the development of sectors of the economy, we propose an alternative model of taxation for certain businesses. The main ways to minimize tax payments in tax planning include: accounting policies; the use of exemptions from payment of taxes; the use of special tax regimes; choice of the form of the contract and the validity of tax benefits for each transaction; control over the timing of payment of taxes. We can distinguish the following types of tax optimization: optimization by type of tax; tax optimization in organizations based on their membership in a particular sphere of financial and economic activity; optimization of taxation categories of taxpayers. You can also select passive and active forms of optimization. To optimize the passive mind include alternative optimization when in the tax law, there are two or more rules, and the question of whether to use more of one of them is the responsibility of the com-

petent expert organization or individual - the taxpayer. By optimizing the active mind include specific methods of planning of the organization, consisting of the active, volitional actions of its officials to minimize taxes. Examined and compared the effectiveness of the simplified tax system at work under the agency agreement as well as a comparative analysis of tax regimes.

Keywords: minimization of tax payments, tax planning, tax optimization, general taxation, simplified taxation system, agency contract.

Vasiliy A. Dadalko
Finance University under the Government
of the Russian Federation, City of Moscow
antikrizis1@bk.ru

Konstantin A. Protasov
Finance University under the Government
of the Russian Federation, City of Moscow
antikrizis1@bk.ru

Vladimir V. Chekmarev
Nekrasov Kostroma State University
vladimir.chekmarev@yandex.ru

Economic crime and its influence on state economic security

Assessment of economic crime influence on state economic security has been made in the article. It has been shown that due to the development of productive forces, complicating economic systems is accompanied by growth of crimes committed in the economic sphere. To the extent of globalization, economic crime has come to the international level, has become transnational, representing a global problem of the global economy. The «economic crime» concept has been widely scientifically introduced, but so far, there is no clear and complete understanding of the nature, characteristics, features and classifications of the phenomenon, which reduces capacity to fight economic crime, hinders the improvement of legislation in this area. The authors note that the original definition of economic crime was identified only with property crime. But in process of development of economic systems, the entry of new transactors (such as corporations), events (informatization and introduction of the Internet) and the impact of new factors, this concept has become more complicated and multifaceted. The authors carry out classification of a variety of different approaches to the definition of economic crime. The paper shows that several aspects are at the basis of the definition of economic crime: the consequences – causing material damage; the object encroached upon; selfish motivation and personal interest, and others. The authors deeply analyze the «economic crime» category essence, which includes: capitalizing, anonymity of the victim (the victim is unaware of economic crimes committed against oneself), the presence of two subjects (artificial and (or) natural person), substantial damage, multiple nature, material benefits redistribution, continued systematic nature.

Keywords: economic security, black market, economic crime.

Vasiliy V. Chekmaryov
Nekrasov Kostroma State University
tcheckmar@ksu.edu.ru

Industrial policy harmonization and re-industrialization processes

Directions of adjustments of the country state industrial policy providing re-industrialization processes institutional legitimacy based on the analysis of the state of equipment in the industry are justified in the article. Statistical data on the age structure of equipment and on state of wear on equipment in industry are provided. Technological platforms' role in cluster approach realization in the development of innovative activity is considered.

Arguments in favour of the thesis that its re-industrialization should become a basic paradigm of developing, rather than of stagnating, Russian economy, and the restoration of the role and place of industry in the national economy as its basic components and the priority development of material production and, more generally, – of real sector, by means of solving complex of associated economic, organizational and other problems in the framework of the modernization of Russia should be the main goal of re-industrialization, or “new industrialization” as representing a set of specific measures economic policy, which is the economy based on new and advanced technological system is given by the author.

The question of finding the resources in a very large scale has been defined as essential to address issue of a new industrialization. When deciding on the basic starting resources, the author points to: funds, released as a result of “institutional revolution”: 10–20% of GDP; funds resulting from the full mobilization of natural resource rents, and intellectual rent created in the social and public sector: 10–20% of GDP; exclusively in the sectors of breakthrough with the gradual spiral expansion of their range of concentration of social and public resources; tax reform including a radical reduction in income taxes.

Keywords: industry, industry policy, re-industrialization, cluster approach, technological platforms, condition of equipment.

Mikhail Yu. Ivanov
The Povolzhye State Social-Humanitarian Academy,
City of Samara
i500@rambler.ru

Yekaterina G. Gureyeva
The Povolzhye State Social-Humanitarian Academy,
City of Samara
katyagur@bk.ru

Practices of monitoring performance efficiency of the regional executive authorities

The article presents the results of a study of mechanisms for assessing the effectiveness of the executive authorities of the region of the Russian Federation – Samara Region organization engaged in the provision of social services, includes the study of normative documents, which contain methodological and guidelines for monitoring. The authors carried out the arguments in favour of the thesis that the tradition of most civi-

lized countries is the presence of a large public sector. It exists to compensate for the externalities that are necessary and inevitable feature of any economy. Public services such as education, health, culture, social security are provided by state or municipal institutions or private organizations for the means of public funds.

In view of of Russian traditions, the majority of educational, medical and other socially significant benefits are provided by state or municipal institutions from public funds. Territorial bodies of public administration are involved in the distribution of these funds. In this case, the main purpose of these bodies is to ensure access to quality services for the residents of the territories, with the effective use of resources.

The authors argue that the agenda faces the task of assessing the degree of achievement of these goals. The first aspect of this assessment is evaluation of the results and effects of public goods.

Another aspect of the evaluation is to assess the effectiveness of public administration, assessment of the immediate results of their activities. It is not always clear what should be the object of evaluation, as it must be held. This often leads to the fact that the evaluation of the activities of public administration using the same indicators as for the evaluation of territorial systems of production of public goods in general.

Keywords: state and municipal administration, evaluating performance efficiency, performance efficiency monitoring.

Anna Yu. Rodnina
Ivanovo State University
anna.rodnina@mail.ru

Bronislav D. Babayev
Ivanovo State University
politeconom@rambler.ru

Credit: theory and practice relationship

A range of issues related to credit and banks which needs a further development is presented in the article. A number of conceptual judgments of the authors is exercised: interrelation of politic economy and institutional economics as a methodological basis of study of credit relations, the trend of jointing of finance and non-financial economy, the special role of the scheme of credit resources circulation, a turn of theory into practice. It has been noted that the economic policy in the field of finance is of no complexity (of lack of coordination of different departments's activities) of no alignment of the interests of participants, of lack of ensuring long, there is no proper attention to the theoretical and methodological and theoretical development of financial problems, to financial policy. Arguments in favour of the thesis that an objective process – this is is certainly a manifestation of the need, but there are alternatives to the socio-economic development and in the implementation of this theme, the role of subjective factors non-volunteerist type is high, have been shown.

The authors emerge approaches to the new paradigm, the essence of which is termed “financomics”.

Consideration of the interaction of finances (in their broad interpretation with the inclusion of credit relationships) with the economy is usually carried out in favour of finances (priorities in what funding in the first place, in what in the second place, etc., are allocated). The authors prove parity of finance and economy.

Keywords: credit, politic economy, institutional economics, credit resource circulation, credit system.

PHILOSOPHY

Sergey F. Samoylov

*Krasnodar University of Russian Interior Ministry
samojlov@inbox.ru*

Postmodern as paradigm of social knowledge

The annotation: the contents of article are devoted to the analysis of a postmodern as paradigms of social knowledge. Specifics of author's approach in consideration of this subject consist in establishment of communication between methodology of classical rationality and methodological procedures of a postmodernism. Unlike most of the researchers emphasizing specificity of methodology of philosophy of postmodern, the author insists on its genetic and theoretical linkage with the previous stages of development of scientific and philosophical thought. The main hypothesis of the scientific article consists of that all paradigms of scientific knowledge use the methodology which differs only with interpretation of general-theoretical and empirical methods of knowledge, and also models of the organization of their interaction from the formal point of view. By the most important methods of theoretical knowledge finding application in all main paradigms of social knowledge: metaphysics, a modernist style and of postmodern: idealization, theoretical modeling and formalization. The structure of post-modernist paradigm of social knowledge assumes domination of a method of ideal types. It means that the post-modernist thinking is interested, first of all, in single, if experiments – then, over it, and already on the basis of such “experimentation”, theoretical models of concrete social processes are created. Extremely general regularities of development of society following from supervision over functioning of theoretical models are expressed by means of ideal types, such as “tree”, “rhizome”, “nomad” etc, that proves secondary formalization for this paradigm of social knowledge. At the same time, it is necessary to recognize an attempt of postmodern to overcome classical and non-classical ways of theoretical thinking unfortunate, as it, despite specific language of expression of the ideas, is within three main general-theoretical methods: idealization, theoretical modeling and formalization. Independence of postmodern in the social relation is expressed in its attempt to create special option of post-industrial society.

Keywords: social knowledge paradigms, ideal types method, theoretical modeling, formalization, deconstruction, transcendental signified, nomadology, knowledge archeology.

Tat'yana Yu. Rudnitskaya
*Nekrasov Kostroma State University
kaf_filosof@ksu.edu.ru*

The family question: historical and philosophical discourse

The article deals with the analysis of the views of representatives of various philosophical trends to family, also determines their methodological and theoretical significance for solving modern family problems of the, as well as for research purposes. The problems associated with the crisis in the functioning of families do not have any positive solution for today. The depth of the interest of the society in family as an important social institution updates the theoretical research and rely on real and practical measures in the sphere of the problems of the modern family. Breaking of legal, social, moral and civilizational grounds requires deep understanding of the rational historical, cultural, spiritual and moral value, including religious traditions and values of family life of the Russian people and the historical and philosophical heritage. The analysis of the concept of family of Russian and foreign thinkers allows concluding that such positions as the birth of children are: a socially significant and important process, sanctioned by the state (Plato); justification of marriage and procreation of the instinct of self-preservation (Aristotle); Bacon's idea that the wife and children are a kind of school of humanity; Hegel's idea of understanding family as the only foundation of natural obedience; interpretation of marriage as the moral law of love needs updating. Modern life's pragmatism of erotics of marriage requires philosophical purport, as it is presented in the concept of Fichte, for whom there is no marriage without love.

The philosophical construct of Vasily Rozanov, Vladimir Solovyov, Pavel Florensky, who agree that the family is the basic social institution and moral basis of society, in which all the best human beginnings, are born and develop, are particularly important in the context of contemporary family.

Keywords: family, marriage, historical and philosophical discourse, divorce, love, social institution, society, upbringing, social nature.

SCIENCE OF LITERATURE

Yuriy V. Lebedev
*Nekrasov Kostroma State University
y.v.lebedev@yandex.ru*

Russian literature of writer's labour sacredness

Organic connection of Russian classical literature of the 19th century with the literature of old Rus' of and with spiritual foundations of Orthodoxy is revealed in the article. Russian religious writing was for seven centuries. Church Slavonic was the soul of Old Russian written language. Brothers Cyril (Constantine) and Methodius from Thessalonica invented the Slavonic alphabet in mid 9th century. They created it specifically for translation God-inspired texts from Greek language. Acquisition of writing was a sacred event for the Russians, and attitudes towards written

word in Rus' had a religious character. "Secular", or "new" literature appeared in Russia much later than in Western Europe, but Russian classics kept faith in the divine nature of word. Russian people as late as in the 19th century gave the sacred meaning to literary work. A poet was realized in the role of the true faith bearer. His poetic word received value bestowed from above, overhung by Divine authority of the Word. Since the reforms of Peter I, a special spiritual burden fell to a writer's personality, because these reforms undermined the foundations of the Orthodox Church. Russian people chose their writers as spiritual authorities in these conditions. As an ancient scribe of Rus', a Russian writer considered oneself to be a conductor of godsent truth. Inspiration led one in awe. One saw in poetry not "self-expression" but "service" imposing on poet highest spiritual and moral obligation.

Keywords: language and literature, scribe of ancient Rus' and Russian classic writer, poetic word, gift of contemplation.

Alyona N. Romanova
Nekrasov Kostroma State University
romanovaal@mail.ru

Constructive contradictions in Tatyana Larina's image

Some of the aspects of artistic world of the novel in verse "Eugene Onegin", insufficiently enlightened in Pushkin studies, are analyzed in this article. Constructive meaning of several semantic gaps and contradictions, provided by the author, activating the reader's reflections on the fate of the characters as well as on Russian reality on the whole, is revealed. The approaches to Tatyana Larina's image analysis, including the heroine's name choice author's explanation, prevailing in Pushkin studies, are indicated. Understanding the importance of Tatyana Larina's image interpretation in the literary context is complemented. Sentimental story by Vladimir Izmaylov "Fine Tatyana living at the foot of Sparrow Hills" is proposed for inclusion into the scope of analysis. Linkage of this work with sentimentalism literature and, in particular, with the story "Poor Liza" by Nikolay Karamzin has been shown. Vladimir Izmaylov's story motifs consonances with separate Alexander Pushkin's creative work motifs, determining probable Pushkin's interest to this work's plot and characters, have been disclosed. In addition, a vote of researchers' insufficient attention to historical and psychological aspects of normal household and to some of the novel's plot conflicts, that impoverishes the characters' characteristics, is called for. Not only literary associations, but also socio-psychological motives, details of family history of the Larins, which determined the heroine's name choice by her family, are encouraged to be taken into account when studying the novel's images system. Part of the paper is devoted to Praskovya Larina's image analysis. Meaning of details characterizing Tatyana's mother is revealed on the basis of the rough draft of

the text and variants of the 2nd and the 3rd chapters of the novel, an important place of Praskovya Larina's story in the artistic world of Pushkin's novel has been shown.

Keywords: Alexander Pushkin's creative work, poetics of novel "Eugene Onegin", Tatyana Larina's image.

Nataliya G. Koptelova
Nekrasov Kostroma State University
kaf_lit@ksu.edu.ru

Apocalyptic motifs in Dmitry Merezhkovsky's book "L. Tolstoy and Dostoyevsky"

The role of apocalyptic motifs in Dmitry Merezhkovsky's book "L. Tolstoy and Dostoyevsky" is considered in the article. It is shown that the contours of the individual-author of the myth of "the devil", "the imp", that would become the core of a number literary critic (especially, "Gogol and the Devil") and publicistic ("The Ham of the Future") works by Merezhkovsky are already outlined in this basic research. It is also proved in the article that the author's myth of Merezhkovsky about "the imp" is largely explained by philosophy of Apocalypse, pervading all creative work of the critic symbolist and culture of the Fin de siècle as a whole.

It is alleged that concerning Merezhkovsky, global impact of Apocalypse also on informative, and on the formal aspects of his creative thinking (up to set up in emigration book "Atlantis – Europe") is observed. It is alleged that concerning Merezhkovsky, global impact of Apocalypse also on informative, as well as on the formal aspects of his creative thinking (up to set up in emigration book "Atlantis – Europe") is observed. It is emphasized that special maximalism of judgments and demands of Merezhkovsky as a critic, who always prefers metaphysical, historical, aesthetic, psychological "ends" and "starts", "peaks" and "abysses", come largely from reliance on Apocalypse.

The article reveals that the word "last" is one of the most frequent components in the lexical structure of the book "L. Tolstoy and Dostoyevsky". "Diabolical", according to the ideas of Merezhkovsky, is just manifested in the absence of a clear religious and moral position, in fear of the "last" limits and extremes. It is embodied in the spiritual "warmth" that is rejected in "Revelation of Saint John the Apostle" (chapter 3, verses 15 and 16). "The imp" in the author's myth of Merezhkovsky is not by accident the personification of "median of vulgarity", "philistine satisfaction", attachment to the property. Leo Tolstoy exactly falls into the trap of such "devil", in terms of Merezhkovsky.

It is revealed in the article that Merezhkovsky finds the key to the interpretation of the biography and creative work of both Tolstoy and Dostoyevsky in "Revelation of Saint John the Apostle". In particular, the desire of Dostoyevsky to "shoot the works" in the knowledge of the depths of the human spirit for the critic is also motivated by an apocalyptic vision of the world of the writer.

The work can be traced as Merezhkovsky's "shift" to identified by him apocalyptic of Tolstoy and Dostoyevsky towards his subjective spiritual quest, subordinating to the ideas of building a "new Christianity". The conclusion, that the history of Russian literature of the 19th century in the reception of Merezhkovsky, appears as a change of "apocalypses", is made.

Keywords: motif, Apocalypse, Russian literature, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

Yelena N. Belyakova
Nekrasov Kostroma State University
helenbel31@yandex.ru

**The novel "The Idiot" by Fyodor Dostoyevsky
in the criticism of the Fin de siècle
(Vasily Rozanov, Innokentiy Annensky, Lev Shestov)**

The novel 'The Idiot', almost never being the subject of a special study, has often been cited to argue one way or another of author's position and, therefore, was interpreted in the criticism of the Fin de siècle (we understand the time period of the turn of 19th—20th centuries in the development of Russian literature rather than culture of modernism which emerged in the early decades of the 20th century and has created a new aesthetic model of reality by the phrase "Fin de siècle"). Reflections on this interesting phenomenon have hardly been analyzed in Russian literary criticism. We base our research on the judgment that the novel as a literary genre was consistent not only with the poetics of myth and, as a consequence – with basis of complex musical forms genetically related to myth, but also with the structure of drama in the context of aesthetics of the turn of the 19th—20th centuries. At the same time, readers of the Fin de siècle were particularly prone to obey the tragic pathos of works by Dostoyevsky. This fact, in our view, is crucial for understanding the readers' expectations and for some disappointments related to the novel 'The Idiot' and the image of its protagonist. In artistic terms, 'The Idiot' noticeably sank in estimation by the worshipers of the more popular novels "Crime and Punishment" and "The Brothers Karamazov", because, according to Innokentiy Annensky's, was cluttered with "intercalary scenes in which the drama so often in Dostoyevsky's plot was not even something that got a comic shade, but really mingled with vaudeville". This fact, in our view, coupled with insufficiently pronounced dramatic image of the protagonist made the to be overtaken "favourite brainchild" of Dostoyevsky from the zone of active perception of critics. We can with certainty assert that the impossibility for the hero of the novel to tragically feel reality makes him vulnerable to criticism of the Fin de siècle, whereas the involvement in the tragedy put him on a pedestal. The image of Prince Myshkin, in opinion of quite a number of critics, poorly harmonized with the image of the tragic hero, and therefore was estimated in a negative way.

Keywords: perception and interpretation, poetics of genre, tragic pathos, tragic character.

Natal'ya A. Molchanova
Voronezh State University
molchanova47@mail.ru

**Alexander Blok on the pages of "Siren"
of the city of Voronezh: textological aspects**

Textual issues of lyrics by Alexander Blok on the material of the five poems sent by him to Vladimir Narbut for journal "Siren" of the city of Voronezh in October 1918 are addressed in the article. History and literature and biographical context of this publication is revealed, textual analysis of the poems from "Siren" is held. The idea that, repeatedly returning at the last years of his life to his youthful lyrics, Alexander Blok again reinterpreted many of the texts created at the turn of the 1890s—1900s, amending and supplementing them, is proved. This happened with the poems published in "Siren". The author of the article seeks to reveal the meaning of changes made by the poet in the early texts of the poems. In particular, the assumption that the new edition by Blok of the poem "Loneliness" dated 1899, significantly increased in volume; it, being quite complicated, absorbed the bitter experience of the path of the lyrical hero of the poet, and Blok's vision of the image of the "20th century's daemon" – "Father" from the poem "Retribution", work on which he repeatedly tried to complete in the post-revolutionary years, is expressed. Transverse images of this poem: "night", "darkness" "howling wind" – are the nodes in the tragedy of Franz Grillparzer's drama "The Ancestress", to translation of which Blok returned again in 1918. The adjustments the poet made also to other texts of the poems sent to Vladimir Narbut by him ("To Actress", "Over there, beyond unlimited expanse", "The Spell", "Over the blue of spacious expanse") are marked. The conclusion that the publication of five poems in "Siren" of the city of Voronezh was for Alexander Blok not only a "kind gesture" and not just a way to earn in the time difficult for him, is done at the end of the article. It was a kind of "creative laboratory", the first stage of preparation for publication of the book "Beyond the Border of Past Days" (1919).

Keywords: poetry, edition, textual criticism.

Zinaida Ya. Kholodova
Ivanovo State University
kholodova_z@rambler.ru

**The Russian revolution in Mikhail Prishvin's
artistic outlook**

The article investigates Prishvin's views of the Russian Revolution as the world catastrophe which promoted separation of the people and the intelligentsia, belittled the personality basis, and turned humans into ape-men and the society into legion. The author's analysis is based on the materials of Prishvin's secret diaries and fiction. In the short story "The Eagle" the author of the article finds Prishvin's opinion that the Bolsheviks had violently "tamed" the people and the intelligentsia and deprived them of freedom. The short story "The Blue Banner", based on the writer's im-

pressions of himself being imprisoned in the beginning of 1918, reveals his world perception and rejection of the existing world order. The overview of Prishvin's polemics with Alexander Blok revealed the former's firm position of inability of agreement with the Bolsheviks in 1917—1922. The analysis of "The Worldly Chalice", the story which reflects the writer's concentrated artistic philosophy, uncovers the problems of a personality and the state, of the people and of the intelligentsia. It also deals with hard life conditions of people and intelligentsia humiliation during the first years of the Soviet period. Prishvin's historiosophic concept is viewed in the context of Pushkin's ideas of a personality and the state and Dostoyevsky's thoughts of Christianity and socialism. Prominent attention is paid to Prishvin's artistic position which reflected in his polemics with Boris Pilnyak concerning depicting revolutionary reality and the Bolsheviks in literature. The article reveals reflection of the Russian Revolution in Prishvin's artistic outlook in the years 1917—1922.

Keywords: artistic outlook, historiosophy, Christianity, socialism, secret diaries, fictional creative work, world catastrophe, personality, legion, apeman.

SCIENCE OF LANGUAGE

Grigoriy V. Tokarev

*Leo Tolstoy Tula State Pedagogic University
grig72@mail.ru*

Questions of a categorization of knowledge

One of concepts of categorization of knowledge is stated in the article. Types of mental "packings" have been enlightened. The categorization is understood as a complicated process of cognitive activity of the person. Processes of categorization are in the nature of cultural causation. Various approaches to categorization of knowledge are considered. Specifics of categorization are specified in scientific and naive pictures of the world. The essence of traditional approach is that all units entering this or that category have to possess an identical set of essential signs. Prototypical approach is focused on typical representatives of this or that category. Prototypes represent a basis of culturally significant conceptual structure of this category. Prototypes reflect the stereotypes functioning in this or that linguocultural community. The meanings entering a concept are structured in the form of a gestalt, a frame, a scenario. Definition of this or that gestalt is connected with identification of a basic image which is the general for a number of internal forms of the language units representing the same concept. This packings type is usually topical at the initial stages of knowledge as is a result of, first of all, the passive, emotional sensory perception of a phenomenon. The frame organizes understanding and categorizes experience, describes, what is typical in the given society. Linguistic relevance vs non-relevance of a slot or of a frame tells about the degree of its relevance for consciousness of the speakers. Scripts and scenarios reflect national specifics of conceptualization of these

or those categories. The set and a sequence of scenes in different cultures not always agree. Reproducibility of this or that scenario tells about its compliance to the stereotypes, to the cultural installations, to values, which have developed in society.

Keywords: categorization, world picture, prototype, gestalt, scenario, frame.

Yevgeniya N. Laguzova

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
laguzova.e@mail.ru*

About the descriptive verbal-nominal phrase term

The specifics of descriptive verbal-nominal phrase as the special unit of the nomination is considered in the article. Universal properties of descriptive verbal-nominal phrases have been marked: the transitive use of the verb component, the desamentization of the verb. Particular attention is paid to the different elements of the descriptive phrase paradigm that participate in the formation of the semantic structure of sentences. The semantic role of the participial form of verbal-nominal combinations depends on the communicative function of the noun. Characterizing descriptive verbal-nominal phrases are included into the semantic structure of the sentence as facultative attributes. Attributive-limiting phrases form obligatory semantic components of the sentence – semantic object or semantic subject attributes. The semantic role of the participial form of descriptive verbal-nominal phrases in the sentence depends on semantics of the defined word, syntactic position, syntactic environment, the order of basic semantic components. Adverbial-characterizing phrases are part of the semantic predicate or form facultative semantic concretizer. Predicative-characterizing descriptive phrases are minor semantic predicates. The broad functionality of the infinitive form of the descriptive phrase has been marked. The variety of semantic functions of analytic constructions that formed on the basis of the subordination connection, allow us taking into account the fact that the descriptive verbal-nominal phrases are considered to be the special semantic-syntactic category in the sentence.

Keywords: descriptive verbal-nominal phrase, semantic predicate, sentence semantic structure, paradigm.

Lyudmila A. Klimkova

*Arzamas branch of Lobachevsky Nizhny Novgorod State University,
City of Arzamas, Nizhny Novgorod Region
dialekt_arz@mail.ru*

Work of lingual local history: status, dynamics, perspectives

The author presents the information on work of lingual local history in Arzamas land in two ways of practice – the collecting one, which is concentrated in Nizhny Novgorod interstream area (the Oka, the Volga and the Sura), – and the interpreting one; on the background of dialects' research in Russia, at that.

Specific types of the work which has been carried out for 60 years, have been named: fixation of material on varying levels for «Dialectological atlas of

the Russian language», «Dialect dictionary of Nizhny Novgorod Region», «Lexical atlas of the Russian folk patois» and others; as a result, cathedral card files of appellative and onymical vocabulary have been formed and are replenished as well; texts' bank, which have been revealed during dialectological expeditions and practice, part of which had been published in the form of chrestomathy, has been created. Scientific researches are performed by the faculty staff, by doctoral, graduate and postgraduate students on the basis of the empirical material. It is spoken of research methods of dialect microsystems and of their associations, as well as of urban language, the methods both traditional and new at that, within the framework of anthropocentrism, in particular through the prism of lingual picture of the world, of the language person. The particular attention is paid to the educational function of work of lingual local history not only at a higher education institution, but also at school; specific research topics and some lingual local history connoisseurs personally have been named at that. Idea of perspectiveness, the one of importance of studying regional microsystems and the one concerning identifying patterns of development of components Russian language of the nation of the Russian Federation is adopted.

Keywords: collecting activity, interpretation, private dialect system, empirical base, comparative approach, poly-paradigmality, linguistic identity.

Yelena R. Guseva

*Petrozavodsk State University, Karelia autonomy
rafhatovna@mail.ru*

The conjunctions with *l*-, *n*-particles in the Russian northern patois (initial *a*)

In contrast to the standard Russian language, in which, in the past two centuries, the number of conjunctions with differentiated meanings (в том случае если (in the event that), по той причине что (for the reason that), до тех пор пока (until), etc) has been increased, in dialect speech, the conjunctions which have simple structure have been stored and formed. Some of them – the so-called particularal conjunctions – Russian regional dictionaries record. Particularal lexemes are developed as a result of agglutination of the ancient elements – particles *a, *le, *li, *no, *ni and others – under the influence of the fonetic law of Jacob Wackernagel.

The work, from the standpoint of synchronous diachronic approach, considers the structural and semantic characteristics of conjunctions, 2—4-component clusters (tokens consisting of 2—4 particles), reveals their genetic relationships, as well as areal distribution in the Slavic languages.

The research shows that in the northern Russian and other dialects continue to operate two-component clusters али, али', але, але ал. Ancient lexemes have parallels in the Slavic languages, але (ale) – only in West Slavic. The lexemes were used in the ancient Russian language. Multifunctional али continues to

be used in the northern and western dialects. With the disjunctive meaning, али works in the vernacular and folk-poetic speech. Але is not used in modern literary language.

In Russian patois, ternary clusters ально, альни and others are used. In written records, only a combination of али нь (all the more) is mentioned, the 13th century. As a result of the accession of the third component, *n*-particle, in the conjunction a secondary meaning of the consequence develops. In non-northern patois, quaternary clusters, that function with the meaning of the investigation, appear. Changing the semantics of the accession of the fourth component is not observed.

Keywords: particle, conjunction, Russian northern patois, syntax.

Irina Yu. Tret'yakova

*Nekrasov Kostroma State University
trirfr@mail.ru*

Cultural meaning of the phraseological zoomorphism components *bear and wolf* (touching the cultural features of the Russian phraseological units).

This research work is devoted to establishing the semantic differences and functionality of the phraseological units, which include zoonyms, naming animals. The conditioning of the semantic phraseological elements with external and internal animalistic characteristics could be demonstrated with such zoomorphisms as bear and wolf. The linguocultural individuality of these zoonyms brings understanding of the specific role of these animals in Russian ethnic phenomenon. Lexemes bear and wolf, used as part of phraseological units, characterize people and the world surrounding them. These animal images emphasize both internal and external sides of humanity and animals. Occasional transformations of the units show peculiarities of the cultural meaning appearing in zoomorphic meta-forms. According to the author's intention, phraseologisms with the component bear and wolf can be changed in wide range. Transforming the zoonym components allows eliciting actuals characterized by phraseologisms and a range of meanings represented by these components. Active occasional modifications of phraseological units are carried out by means of substitution of words from the lexical set for the animalistic components. The description of transforming activity, the analysis of phraseological semantics allow defining transformational regularities, that are connected with the key role of the animalistic components; and to determine changeability of expressional phraseological modus. The study of bear and wolf images in a word, an idiom, phraseological transformations stimulates deep understanding of national and cultural peculiarities of the Russian ethnos.

Keywords: occasional phraseologisms, phraseological transformations, animalistic image, cultural meanings, zoonym components.

Yekaterina N. Bogatyryova

*Marshal of the Soviet Union Timoshenko Military Academy
of Chemical, Biological and Radiological Defence
(City of Kostroma, Russia)
Nekrasov Kostroma State University
katiabogatyreva@mail.ru*

Occasional transformations of structural-semantic models of phraseological units with water-component in modern Russian

This article is in the tideway of the systematic approach of research on the phraseological fund in modern Russian. The linguistic material under consideration is connected with such issues of the Russian phraseology as structural-semantic modeling and phraseological occasionality. The impossibility of phraseological semantics research out of contextual semantic features of phraseological units determines the acuity of studying phraseological units (FUs) in dynamics. Occasional transformations of phraseological units occur as a result of native speakers' need of verbal realization of language FUs in accordance with various tasks of communication while speakers can demonstrate the capability of linguistically creative mentality. The phraseological models speech functioning give a chance to trace the similarity of fixed units and paroemias of one structural-semantic scheme in specific transformations. Occasional transformations of FUs based on the same model are studied by the example of phraseological units with water-component in modern Russian. The analogy of the FUs of one model in grammar and semantics determines common transformations of these units in speech. The determiners of transformational potential of FUs are also specific features such as imagery, producibility, unified semantics and separability of fixed expressions. A vivid imagery can motivate the actualization of an FU's image. Due to the phraseological separability, it is possible to manipulate separate components of FUs through the components' lexical feature within the substitution and extension of component composition of phraseological units. The analogy in FUs' transformations is determined by the national mentality and linguistic competence of native speakers.

Keywords: phraseological unit (FU), water-component, structural-semantic model, occasional transformations, transformation potential, study of FUs in dynamics.

Galina S. Ivanenko

*Chelyabinsk State Pedagogic University
gala.april@mail.ru*

Linguistic expertise: specificity of the expert study of at artistic text for signs of extremism

The article deals with linguistic examination of the text under consideration for signs of extremism. It describes the specifics of the study of the text, which is built on the model of artistic representation of reality. Allocated significant for expert practice with artistic text search system organization: artistic generalization, fictionality, conceptuality. In practical terms, the expert analysis becomes of significant difference in the nature of the implementation of conceptual texts mod-

eled on the journalistic and artistic model. In journalistic model, the concept is expressed in the text of the open position of the author, who at the same time is the narrator. The text is built on rhythmic patterns, the concept is expressed throughout its complex system organization. Furthermore, the statements contained in the text, can be expressed by the author with diametrically opposite positions and accordingly, the information received by the recipient. The text fictionality built on rhythmic patterns, does not allow identifying the position of the authors and narrators and leads to transformation of directional text connotations at the conceptual level. Art generalized image, as opposed to journalistic, impede the implementation of certain aspects of specificity of meaning and reference them with the legislative texts containing the specific features of injunctive relief. The decision in the target of forensic analysis of the discussion is the issue of the aesthetic value of the text and seems counterproductive. The material proves the importance for the expert approach to the text of its discourse specifics defining aspects of interpretation.

Keywords: linguistic expertise, extremism, artistic text.

Tat'yana B. Kolyshkina

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
k.d.ktb-10@mail.ru*

Irina V. Shustina

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
shustina-irina@rambler.ru*

Language tools for the implementation of positive underlying motivation of consumers in the advertising text

The research deals with forming attitude towards goods with the help of stative words. The categorical meaning of the words from this class reflects the ability of linguistic units to name emotional, intellectual and volitional states of a person. The article describes functioning of the statives belonging to different lexical-semantic groups, which are used to realize the most frequent positive motives of customers in advertising communication. These motives include sensory pleasure, intellectual or professional stimulation, social approval and emotional pleasure. They are used by copywriters to influence the customer and stimulate purchase.

The type of advertised goods determines the choice of the statives which enables advertisers to choose the best way to influence the consumer. The research reveals the following pattern: such positive motives as social approval and intellectual or professional stimulation are often used while advertising household and digital appliances. Emotional and sensory pleasure are positive motives of a much wider range and are therefore found in advertising both consumer goods and preselected goods. As the text analysis shows, positive underlying motivation conveyed through stative words is rather rare in advertising. At the same time, it is important for copywriters that the emotional state caused

by an advertisement should meet the expectations of the target group. The researchers make the conclusion that studying consumers' feelings and emotions enables advertisers to choose the best way to influence consumer's choice and using stative words in the text helps implement this effect.

Keywords: advertising, emotional attitude, motive, state category words, language means, means of influence.

JURISPRUDENCE

Anna N. Kondrat'yeva

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
annaalyakina@yandex.ru*

Correspondence of the notions «sin» and «crime» in medieval canon law of Western Europe

The process of evolution of concepts «sin», «crime», «ransom» and «punishment» in canon law of Roman Catholic Church of Western Europe in the epoch of the Early and the High Middle Ages is considered in the article. Particular attention is paid to the question of the correspondence of the notions «sin» and «crime». The author argues that the officially demarcated concepts were studied in the «Decretum Gratiani» text in the epoch of the High Middle Ages, after the break of communion between what are now the Eastern Orthodox Church and the Roman Catholic Church. In general, since the late 11th century, the concept of «requital» has disappeared from the religious texts and the concept of «redemption» has been formulated, expiation of sins itself would increasingly often take place with the help of «buying absolution», rather than by the actual remorse and correcting one's behavior. By the end of the 1st half of the 12th century, theologians and jurists in Western Europe have already demarked sins and crimes. Distinction, according to which the criminal sins and the rest sins were distinguished, appeared. Not merely doctrinal but official distinction between sin and crime has been observed since the introduction of the «Decretum Gratiani». The satisfaction of honour, reconciliation and restoration of peace, rather than punishment, was the purpose of the sanctions of both spiritual and lay court in the epoch of the Early Middle Ages, which in our opinion, demonstrates the continuity of religion, morality and law.

Keywords: «Decretum Gratiani», Ivo of Chartres, sin, ransom, dispensation, canon law.

Tat'yana G. Mineyeva

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
t.mineeva@yandex.ru*

Vera B. Romanovskaya

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
tigpnngu@yandex.ru*

*Viktor I. Tsyganov
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
tigpnngu@yandex.ru*

Imposture phenomenon in the Russian state history

The article reveals the features of the imposture phenomenon in terms of Russian history of the 17th—18th centuries. As the authors note, imposture is not

only a Russian phenomenon: it flourished in England, Spain, Scandinavian countries in the Middle Ages. Peculiarities of Russian religious awareness and attitude of the people to the monarch are underlined in the work, differences of the imposture phenomenon in Russia from similar phenomenon in other countries are listed.

Imposture was the most important factor of struggle with the central government in the Time of Troubles. And the imposture of False Dmitry I was the first that had serious social significance in Russia's manifestation of the phenomenon. Most researchers believe that the discontent of Moscow upper nobility and disappointment in the new Tsar of the active part of Russian population, including Cossacks, were the causes of downfall of False Dmitry I, however, according to the authors, emphasis should be placed exactly on the religious and moral aspect of this discontent rather than on political or social one. In Russia, monarchist sentiment was the foundation of Tsar's strong power, and this feeling was expressed in the trust and love for their sovereigns, personifying Russia, perceived as the major guardians of the Orthodox faith, of belief of the Russian people.

Keywords: impostors, pretenders to throne, impostors' legitimization, monarchical power.

Boris Ye. Roshchin

*Nekrasov Kostroma State University
pravoborise@mail.ru*

Legal education in Soviet Russia (October 1917 — March 1921): organizational legal aspect

The article is devoted to an initial stage of process of formation of the Soviet system of legal education, in the conditions of the radical revolutionary reforms in Russia which were carried out by the Bolsheviks in the period since October 1917 – the moment of capture of the Provisional government – till March 1921 – before the declaration of the so-called new economic policy. The key standard-legal acts adopted by the Bolshevik power in the specified period – have been considered and analyzed by the author of this work. The most important legal standards, according to the author of the article, the relevant decrees, resolutions, provisions of the new power are: “On enrollment in higher educational institutions of the Russian Socialist Federative Soviet Republic”; “On preferential right of enrollment in higher educational institutions of representatives of the proletariat and the poorest peasantry”; “On the all-Russia competitions to fill chairs of higher educational institutions of the Russian Republic”; “On socialist academy of social sciences”; “On faculties of social sciences”; “On establishment of institutes on preparation of “red” professorate”; “On establishment of the general scientific minimum obligatory for teaching at all higher schools of the Russian Socialist Federative Soviet Republic”. As a result of the analysis of the above-stated standard-legal acts, the author comes to conclusion that the considered historical period laid

the foundation to genesis of the Soviet higher legal education. The relevant legal acts of this period, adopted according to the new ideological paradigm, have defined the main vectors of future development of all the system of the Soviet higher education in general, as well as of the higher legal education – in particular. They gave legal shapes to the important class ideological principles of the organization and functioning of the Soviet higher school, such as: availability of higher education to the persons “from the circle of the proletariat and the poorest peasantry”, free rendering of educational services and others.

Keywords: legal education, abolition of Tsarist school, Soviet higher school, ideological paradigm, management of higher school, availability of higher education, Socialist academy of social sciences.

Yuriy G. Arzamasov

*Bauman Moscow State Technical University
arzam.ruk@mail.ru*

Legal appraisal peculiarities under conditions of convergence

The concept of legal convergence has been discussed in the article, examples for its manifestations have been given, factors of actualization of legal convergence under modern conditions have been revealed. Processes related to the legal appraisal of deeds and bills of legal convergence have been discussed in detail. The author notes that in each country, in spite of the convergence process, legal appraisal has its own characteristics. The most common legal appraisal methods both in Russia (legal monitoring, anti-corruption monitoring) and abroad (experimental laws, law-making evaluation, regulatory control assessment) have been analyzed. A circle of necessary measures aimed at creating a system of legal monitoring in Russia has been indicated. The author believes that state policy of law must be real, that it is necessary not to declare, but really implement course for creating a system of legal monitoring, that it is necessary to create not just a federal centre for legal monitoring, but a full-fledged institution. In order to have legal monitoring carried out on all legal regulation mechanism stages, one needs carrying out official interpretative acts' monitoring. This requires in turn improving the legal monitoring instrumental apparatus for detecting unconstitutional enactments, preventing illegal actions and corruption.

Keywords: convergence, legal convergence, legal appraisal, legal monitoring, anti-corruption monitoring, legal monitoring system, experimental laws, regulatory control assessment.

Yuliya A. Mamonova

*Higher School for Economy, City of Moscow
13dunaevajulya@mail.ru*

Criminal threat as an element of mechanism of crime against privacy

The concept of “criminal threat” has been disclosed in the article, its role and importance in the mechanism of crime against privacy have been determined. Crimi-

nal threat is, within the presented concept, understood as objectively existing possibility of socially dangerous unlawful and punishable criminal infringement upon privacy. A natural person, one's personal qualities should primarily be considered to be the main source of threat. Attention in the study to the importance of socio-legal and criminological aspects of the formation of a threat is paid to the source of criminal threat as criminal law element. Person plays the key generating role in this mechanism. In order to determine the source for criminal threat itself and to apply the most effective measures for reducing the degree of social danger of the threat or to completely neutralizing it, it is necessary to identify all causal relationships.

Classification of privacy criminal threats have also been presented in the article. They allow one identifying the essential features of the relationships that develop between, on the one hand, private life losing property of protection and, on the other hand, the source of criminal threat to private life receiving more and more real nature.

The conclusion that the criminal threat is a significant element of the mechanism of infringement upon privacy, is formulated. Its full and comprehensive study allows developing a set of effective measures in order to produce preventive effects on privacy criminal threat factors.

Keywords: private life, privacy, criminal threat, security, preventive treatment, crime mechanism.

Anatoliy I. Tulenev

*Russian Customs Academy, City of Lyubertsy, Moscow Region
tyulenev64@mail.ru*

About forensic accounting in customs affairs

The article is devoted to forensic registration in the customs bodies of the Russian Federation. The author has investigated different perspective of the scientific community on this topic. The author has considered the information processing system of the Federal Customs Service of Russia and its role in the activities of the customs customs agencies in the implementation of law enforcement functions.

The issue of conducting forensic records, and databases in real time has been raised. So, before 01.01.2012, in accordance with the order of the Federal Customs Service of Russia from 11.07.2007 # 1370 «On measures on improvement of forensic activity of the customs bodies of the Russian Federation» they included forensic accounting control of the customs investigations and inquiries, of the Main Department for combating smuggling, of Regional operational search management, and of information systems of other divisions: the Central information technology administration of customs, General Directorate of customs clearance and customs control of the commodity nomenclature.

In forensic customs, informational funds for the accumulation and exchange of information, information required information theories about the events of

offenses and about suspected persons were created, search direction of the offender determine, the production of studies and examinations, maintenance of records, files, collections. These included filing characteristics (forensic, operational) of the offenses on the properties of identity and so on. However, with the introduction of the order of the Federal Customs Service of Russia from 09.26.2011 # 1929 «On improving organizational staff structure of customs authorities», the order # 1370 was abolished and the functions of the units of control of the customs investigations and inquiries were transferred to the Central forensic science administration of customs. Therefore, one of the functions of the Central forensic science administration of customs is conducted by forensic accounting, but till today, the function of forensic accounting in the Central forensic science administration of customs has not implemented yet.

Keywords: customs crimes, criminalistic registration, criminal records, data system, inquiry activity, supplemental information, databases, criminalistic registration in customs authorities.

Vladimir G. Makarenko
Moscow Institute for Jurisprudence
vladimir.makarenko@icloud.com

Customs offenses investigation processes forensic tracking features implementation

Activities of customs authorities of the Russian Federation in the identification and investigation of customs offenses issues, relating to the implementation of the expert and forensic maintenance of law enforcement, have been discussed by the author of the article. The author explores the features of participation of professionals in the performance of urgent investigative actions, carried out by law enforcement units of the customs authorities, and operational search activities, based on the theory and practice of criminal procedure and forensic technology in the fight against customs offenses. A brief overview of the interaction of the Central Forensic Expertise Administration of Customs, in the person of its specialists (experts), with operatives and interrogators of General Administration of Anti-Smuggling and Customs Investigation Office and of inquiry of the Federal Customs Service of Russia has also been made by the author of the article. In practice, such an interaction is not always sufficiently effective and efficient, which requires that both officials at all levels continuously improve their skills, and regulatory framework, regulating this scope of customs, ought to be improved. Settlement of problematic aspects in the field of criminal expertise ensuring is aimed at countering criminal attacks on customs regulation, which, in turn, aims to enhance the economic security of the state. The measures offered by the author, if implemented, will improve forensic expert activity of the customs authorities of the Russian Federation, and of Eurasian Customs Union member states as well.

Keywords: customs crime, specialized expert, smuggling, urgent investigatory actions, expert advice, firearm, operational search measures, expert's security, task force panel, economic security, ordinance.

Tanya Nikolova Yosifova
University of Household – Worldwide
and within Bulgarian Nation, City of Sophia, Bulgaria
tiosifova@gmail.com

Contractual reasonableness principle

The author examines in detail the contractual reasonableness principle in modern contractual law, starting with the reasoning on «reasonableness» concept definition. Talking about contract conclusion freedom and its modifications, as well as about the directions in which it undergoes adjustment (priority protection of interests of the economically notoriously weaker party in jural relations, the fact of existence of negotiations as a necessary preparatory stage for contract conclusion, transparent subject-matter of treaties), is in the article. The author regards contractual reasonableness' two aspects (procedural justice and material reasonableness) understanding, evaluates Russian and Bulgarian legislation in terms of availability of contractual reasonableness in it.

According to the author, contract conclusion freedom principle can not be successfully substituted, and there is no need to replace it with contractual reasonableness principle. These principles should be complementary rather than opposed. Naming and analyzing individual legislative terms, the author proves, that contractual reasonableness principle does exist in the Bulgarian law. However, it is necessary to determine its content, taking into account the the goal set by the legislator, and only within the framework of those necessary to achieve this goal. Contractual reasonableness should not be understood as an objective equivalence of commitments at commutative contracts.

Keywords: contractual reasonableness, contract conclusion freedom principle, maxim, legislation, Bulgarian contractual law.

PEDAGOGIC SCIENCES

Sergey P. Koryakovtsev
Yaroslavl branch of Moscow Institute
of Rail Transportation Engineers
youth1@mail.ru

Distant education role in activation of free work in students of a technical higher education institution

Role of remote instructional technologies in teaching process of a higher education institution is defined in the article, and the possibility using them are described. Particular attention is paid to the question of students' free work activation, of meta-competences formation in them. Modern educational standards are analyzed by the author, a growing gap between the rapidly developing information and communication technology and pedagogic training concept is stated. According to the author of the work, high rates of technical and technological progress in developed

countries require both professionally trained young professionals, and systemic training and retraining of existing staff for a variety of industries. Brief definitions Web 2.0 services in teaching process which are of interest to use, have been presented in the article.

In addition, the author refers to the distant education peculiarities and subtleties in its organization. Using remote instructional technologies for students' free work organizing creates a number of fundamentally new features (ensures rapid transfer of tasks to the trained ones, develops technical skillsteaches to analyze and synthesize knowledge into a coherent whole, provides a variety of different sources of information, etc.)

Keywords: remote instructional technologies, informative-communicative technologies, students' free work.

Marina A. Ostrenkova
Demidov Yaroslavl State University
ostrenkovamarina@bk.ru

Development module of lingual culture competence as a unit of culture-oriented teaching Russian language among schoolchildren

The author examines in the article the question of the organization of interconnected studying Russian language and national culture at school with the help of development module of lingual culture competence (DMLCC) and offers one of the options to develop a module that was used in the experimental studies. DMLCC is understood by the author as providing skills formation of culture-oriented research of schoolchildren, ethnocultural obtaining information in the course of the study of language material in the aspect of culture competence and understanding of ethnic and cultural information in a variety of design forms of didactic system. Being correlated with program themes in the Russian language, DMLCC allows organic integration into the educational process that allows the teacher solving particular problems, along with the module associated with the search for cultural information common to the lessons of the Russian language educational and training objectives. In methodological substantiation of the module goals, objectives and conditions that optimize carrying out of design of research activity of schoolchildren, as well as the principles underlying the development of lessons of research: scientific principle, the principle of linking theory to practice, the principle of systematic and consistent principle of the anthropocentric understanding of linguistic material and the principle of axiological orientation are included. The author refers to the important issues related to technology development of DMLCC, as methodological criteria for the selection of didactic material and methods of its methodological adaptation to the goals and objectives of DMLCC. Motivating the selection of language material for didactic bases of research, the author identifies three components: inform-

ative, aimed at mastering extralinguistic knowledge of national culture; axiological, related to the necessity of mastering value-semantic content of the studied fragments of culture and communicative stylistic ones, focused on understanding figurative, emotive and expressive qualities of the Russian language.

The authors conclude that DMLCC allows creating a complete image of a specific context and culture to perceive its value meanings.

Keywords: development module of lingual culture competence working out aims, tasks and principles; traditional culture language learning; paradigm of lingual culture competence.

Yuliya R. Guro-Frolova
The Volga State Water Transport Academy,
City of Nizhny Novgorod
business_box_2@mail.ru

Ol'ga B. Solov'yova
The Volga State Water Transport Academy,
City of Nizhny Novgorod
solov2809@mail.ru

Foreign language educational handbook for non-linguistic higher educative institution students under conditions of passing on new educational standards

Some peculiarities of compiling foreign language educational handbook for non-linguistic higher educative institutions' students under conditions of passing on new educational standards have been presented in the article; the basic principles of its construction have been reflected. When compiling foreign language educational handbook for non-linguistic higher educative institutions' students one should be guided by a number of approaches to the educational process: competence-based, contextual, personal-activational, communicative, modular, grammar-translational ones.

A modern foreign language educational handbook for non-linguistic higher educative institutions' students are necessary to compile in accordance with the headlines of writings of scholars - modern scientific approaches, the manual should reflect the requirements of educational standards for a new generation.

The authors propose an integrated modular scheme of compiling focused on the formation of the major socio-cultural and professional competences in students teaching aid. Scheme of compiling English language educational handbook for students of 1—2 courses of economics direction "bachelor" has been offered as an example. This scheme, according to the authors, can be successfully adapted for other disciplines, in order to improve the productivity of teaching the subject in terms of requirements of modern standards of higher education.

Keywords: foreign language, non-linguistic higher educative institution, tutorial, new educational standards, module, sociocultural and professional competences, approaches, principle, project technology, teaching productivity.

Natal'ya S. Mayorova
Nekrasov Kostroma State University
 istclass@ksu.edu.ru

Anna N. Shigareva
Nekrasov Kostroma State University
 istclass@ksu.edu.ru

Teaching Modern History higher school course: problems and perspectives

Modern History course is part of the series of disciplines «Modern and Contemporary History», refers to professional cycle and serves as one of the foundations of higher professional education at Bachelor's degree in the field of "History" in order of importance. To study covering 16th—early 20th centuries. and focuses on Western civilization Modern History course, is to develop in students the modern concept of historical development, the development of skills formation and civilization approaches to the study and teaching of the period of World History. Modern History course studying runs across a number of specific features of the "infrastructure" of the object (textbooks, anthologies, collections of documents), on the one hand, and today's students, on the other hand. According to the authors work, teaching Modern History course can be based on two principles: narrative-informative and problematic-chronological.

Theoretical and practical bases of teaching the subject were formed in an atmosphere of acute scientific debate in the 1990s—2000s. Attempt to meet modern scientific achievements and experience of lectures and practical exercises to analyze teaching Modern History course achievements and problems and determine its future prospects has been undertaken in the article.

Keywords: modern history, higher education, methods of teaching.

Ol'ga R. Lagutina
Murmansk State University for the Humanities
 kafizo@mspu.edu.ru

Doing justice to volume of objects in drawing with a plot

The article describes the basic means of doing justice to volume of the depicted objects in drawing with a plot. The concept of "composition", "topic", "plot", "story" are considered and compared. The author believes that disclosing the relevant context of the work of art, the recipient reaches the level of the psychology of personality, embodied in the work of certain social and historical outlook.

The author sets the task to form a generalized representation in children, which would act as a definite system of knowledge about the means of doing justice to volume of depicted objects. In this task, the success of the technique of preparation for image-dimensional objects in drawing with a plot has been laid. Experimental study was designed to study the genesis of drawings with a plot. Artistic activity at lessons of drawing with a plot develops, above all, imagination – the ability to perceive, think and feel images.

As is known, visual perception in ontogenesis goes from external, manual, subject actions to appropriate to child's imagination perceptive ones and ones of motor function. During training ways of doing justice to volume of objects are formed processes of perception: perception and analysis of elements of the three-dimensional object as an indivisible three-dimensional object. Certain actions of generalization and replacement at combining organization of pupil's activities – the basis of the pupil's imagination – correspond to each of the following methods.

Keywords: plot drawing, plot elements, little pupils, notions formation process, composition, theme, plot.

Yekaterina A. Sedova
The Volga State Academy of Water Transport,
City of Nizhny Novgorod
 ekaterin-sedov@yandex.ru

The complex of communicative exercises with an authentic song as a way of forming male and female technical higher educational establishment students' sociocultural competence in the process of learning a foreign language

An authentic song is analyzed in this article as one of the most interesting kinds of work at the foreign classes in a non-linguistic (technical) higher educational establishment. Besides, some methodological advantages of an authentic song in comparison with the other kinds of work are considered. An important task in the process of working with an authentic song is stimulating students' interests towards the subject. The traditional methods of teaching a foreign language, especially the grammar-translation method, are aimed at the forming of lexical and grammatical skills, and also the skills of oral speech and reading, based on authentic specialized texts and very often lead to the decrease of the students' interests towards learning a foreign language. An authentic song is offered to the students as an additional, fascinating material at the foreign language classes. We have worked out a series of communicative exercises, oriented not only to the development and further improvement of different kinds of the speaking activity, but also to the stimulation of students' interests towards the subject they learn. An authentic song reflects the country's specificity especially the peculiarities of the every day life, lifestyles and people's characters. Thus, the students have opportunities to feel the country's culture and become its part. That makes possible developing the students' sociocultural competence. We also considered the gender specificity of the students' interests so that boys and girls could equally reveal themselves at the foreign language classes.

Keywords: learning foreign language, sociocultural competence, authentic song, male and female students' interests specificity, communicative exercises.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Shin Khyan Ri

*Sakhalin State University, City of Yuzhno-Sakhalinsk
enrapture777@yandex.ru***Particularities of happiness understanding
in people with different levels of psychological
well-being**

This article is of current interest as it touches upon the problem of psychological well-being of the personality. It is an important factor in healthy personality formation, in its good results achievements and positive functioning in the society which are expressed in experiencing positive emotions. Also, the article speaks about particularities of happiness understanding in people with different levels of psychological well-being. There were two directions in early research of psychological well-being – hedonistic and eudemonistic ones.

Hedonistic theoretical phenomena basis was done by American psychologists Norman Bradburn and Edward Diener. Here, well-being is a balance of positive and negative effects. Eudemonistic approach was developed by representatives of humanistic psychology Carl Rogers, Erik Erikson, Abraham Maslow and others where well-being is a self-actualization and many other social, psychological, physical factors. The objective of this research is to discover the relation of both the psychological well-being level and positive happiness estimation. The research results confirmed the hypothesis which says that the more psychological well-being level is the happier the person feels oneself and more positively one perceives the surroundings. The methods used in the research are «Ryff's Psychological well-being scale» and «Bradburn's measurement of happiness». The obtained results give an opportunity to predict about either successful or unsuccessful functioning of the person in the society expressed in experiencing positive emotions; to use these results in practical counseling of the person who needs psychological help; to use the results in teaching «Personality psychology» course to students of Sakhalin State University.

Keywords: humanistic psychology, psychological well-being, personality, happiness, self-acceptance, positive attitude.

Nail' V. Gibadullin

*Tobolsk branch of Tyumen State University
gibadullin_nail@mail.ru***The problems of family values organization of the
orphans left without parents supervision
in a foster family surrounding**

The article discusses the formation of family values in children orphaned in terms of education in the substitute family. Patterns and conditions of effective education: personal orientation, humanistic, practical orientation; account of individual circumstances; reasonable ratio of reward and punishment, as well as the formation of family values are isolated. The components of the parent-child relationship includes parental or family and their corresponding behaviours; parental position; types of parental attitudes; types of false pos-

itive and parental authority; types (styles) of parenting; features of pathogenic types of education; parameters of the educational process; family roles of the child; communication styles offered by adults in the family and at school. The original concept of "value", "value orientation" for exploring the concept of "family values" that represents the most important human values (maternity, paternity, childhood, positive image of the family, and others.), are considered. That is due to the very human nature - the ability to think about procreation and their future. The article also presents the author's vision of the concept "family values." Family values are a system of socially significant values, worldviews and moral attitudes, perceptions about family relationships, based on understanding the institution of family, relationships of people in the family, marriage and family responsible individual behaviour. The basic components of family values are based on fundamental values such as love; respect (reverence) for seniors; taking care of the younger; ideas about gender roles, family and respect for them; culture of life; respect for parents.

Keywords: value, family values, family values' organization, orphans, foster family.

Tat'yana P. Grigorova

*Nekrasov Kostroma State University
grigorova.t90@mail.ru***Coping with destructive attachment in adult
romantic relationships**

The phenomenon of destructive attachment in adult romantic relationships is considered in the article. Criteria, defining destructive attachment, are proposed, its typical emotional and behavioural displays are described. Data, indicating the presence of stress, experienced by subjects of the attachment in a romantic relationship, are presented. Strategies used by adult subjects of destructive attachment in romantic relationships for coping with challenges are analyzed. The authors note that, while in a romantic relationship and experiencing destructive attachment to romantic partners, an adult is peculiarly specified by such a form of attachment, which is expressed mainly in negative emotions, feelings for partner, as such emotional displays, as well as alternate reproduction of the following behaviours which is aimed at rapprochement with the partner and at the avoidance of intimacy with the partner. Coping with emotional and behavioural display of destructive attachment in adults is unproductive, "price" of coping is extremely high, inability of coping with the severity of such experienced stress, symptoms of which are – high anxiety, emotional tension, inability to concentrate, sense of desolation, difficulty of controlling the situation and emotions, confusion, heavy emotions, desire to change own status and relationship, subjective feeling of loneliness, – can be partially stated.

Keywords: attachment, destructive attachment, emotional and behavioural displays, stress, coping strategies.

**Ol'ga A. Yekimchik,
Tat'yana P. Grigorova,
Natal'ya S. Smirnova**
*Nekrasov Kostroma State University
olga-ekimchik@rambler.ru*

Close (romantic) relations dynamic aspects and partners' coping behaviour

Close (romantic) relations dynamic aspects and partners' coping behaviour interconnection and interdependence problem have been examined in the article. The functional aspect of the dynamics of romantic relationships and coping with the situation of jealousy, adultery have been analyzed. The problem of destructive attachment in romantic relationships and the dynamics of coping with it is considered.

According to the authors, individual personal features of partners, their connection in the couple, relationship quality and the ability of coping with the negative manifestations of the situational context of relations determine the dynamics of romantic relationships. The reason of inability to cope with the negative manifestations of the situational context of relations is the initial dissatisfaction with relationships, their transformation into destructive relations, which do not satisfy the basic needs of the individual either.

Adultery situation is an extremely strong stressor for developing romantic relations, as it indicates the appearance of a third party in them. Experiencing adultery situation and coping with it have their own characteristics and dynamics that define the preservation and further development of relations, or, what appears to be significantly more likely, their disintegration.

Keywords: romantic relations dynamics, coping behaviour, coping behaviour dynamics, destructive attachment, adultery, jealousy.

SOCIOLOGY

Irina V. Popova
*Kostroma State Agricultural Academy
pivik@list.ru*
Lyubov' D. Kotlyarova
*Kostroma State Agricultural Academy
kotlyarova-lyubov@mail.ru*
Ol'ga A. Kotlyarova
*Kostroma State Agricultural Academy
koshechka21041992@mail.ru*

Health of labourers as the factor of the labour efficiency. Problems of measuring

The problem of quality of the workforce is paid great attention to in economic theory. However, the level of health as a factor in the productivity of labour in Russian economic theory is often only mentioned, but little studied. In Russia, there is no issue of using those factors increasing labour productivity, which is considered to be of secondary importance since other possibilities, such as the modernization of production, material incentives, are still not of much topicality. Unlike the Russian ones, Western experts not only in theory but also in practice use state of health as a mechanism for influencing the productivity of the company. In developed industrial society, quality of the workforce becomes a secondary factor in the con-

trol group of the main factors of productivity. Study of the influence of labor quality on productivity is a complex research problem, especially in terms of the measurement of this influence.

The article presents the methods of the study how the labourers' state of health influences the labour efficiency. There are the results of the study of the quality of the labour force at a concrete enterprise. The results help to see that the increase of the labour efficiency is possible by means of the improvement of labourers' health, of the propaganda and stimulation of healthy mode of life.

Keywords: labour force quality, labourers' state of health, measurement of labour force quality, control of state of health.

POLITIC SCIENCE

Aleksandr G. Karatkevich
*Academy of Labour and Social Relations, City of Moscow
karatkevich1@mail.ru*
Yuriy A. Golovin
*Demidov Yaroslavl State University
yagolovin@rambler.ru*

The integration process of the Russian Federation and the Republic of Belarus within the Union State

The article examines the state and prospects of development of integration processes within the Union State of Russia and Belarus. The authors believe that in the framework of the union construction in recent years, much has been done. However, to judge the fundamental changes in the economic and social spheres of Russia and Belarus, it was still premature. In the Russia's-Belarus' integration there are still many deficiencies, as most of the organizational and administrative documents of the Union State practically do not work. Therefore, the effect of integration activities in the politic sphere is unreasonably low.

The article shows the main stages of union construction, the development of politic and legal foundations of the Union State. Recommendations for improving the integration process of the allied states have been given. The experience of the past years has convincingly shown that, along with the improvement of integration mechanisms, the Union of Russia and Belarus should not be considered as the only form of association. Development of domestic capacity in each country of the Commonwealth is possible only in case of the economic integration of the former Soviet Union on a new politic basis. It should also be borne in mind that any interstate association goes through various stages of development, enriching with new, more effective forms of multifaceted cooperation.

The authors suggest that the Eurasian Union is one of the most effective forms of integration of sovereign states in order to strengthen stability and security in the former Soviet Union and the implement economic and politic transformation.

Keywords: integration, reintegration, world integrative processes, union construction stages, Russia-Belarus politic integration mechanism.

Svetlana P. Narykova

*Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
nikkuban@mail.ru*

On the question of typology of politic power accomplishment forms

The article analyzes some opportunities of politic power specific investigation through basic forms of its accomplishment. Politic power rates to static notional form on basis of Platonic and Aristotelian methodology.

The author comes up to the idea, that analysis of politic power basic forms accomplishment allows defining its essential features which form notion.

Besides, the problem of achievement of efficiency of the politic power and a condition of its increase, and also a problem of the relation of the power and the main social processes in the state is considered in the article. Examples of situations when the politic power extends in the territory outside the state and vice versa, when the politic power owing to these or those reasons covers the territory, smaller, than the state territory, are given. In the first case, it is about power of the state, whereas in the second (if it isn't connected with country geography), about its decline and crisis. It is noted that the aspiration of the politic power to keep hegemony in static society faces a contradiction in which history itself acts as embodiment. The politic power, in the course of reaction to dynamic changes adapts to the movement of time, gets a number of protective mechanisms and becomes a natural social process. Such politic power can't remain a static form from now on; it reflects tendencies of change of society in time and passes into category of a politic regime.

A number of approaches to definition and typologization of politic regimes in the context of social and philosophic research is analyzed. The approach, allocating the intrinsic characteristics of a politic regime, has the greatest value, according to the author.

Keywords: methodology, politic power, state, form of government, politic space, society.

Aleksandr V. Sokolov

*Demidov Yaroslavl State University
alex8119@mail.ru*

Actors of public policy in Yaroslavl Region

Public policy is a sphere of the open coordination of interests of different actors. The paper presents the results of the research of mechanisms of public policy in Yaroslavl Region in the period of 2009—2013. The analysis was conducted on 13 indicators by survey of experts of the three target groups of respondents: representatives of government, business and non-profit sector.

Size of the sample was 153—186 respondents annually. The number of respondents from each of the three groups of experts interviewed is 1/3 of the sample. Comparison of the main indicators was carried out by calculating the arithmetic mean, the conclusions of the difference in the estimates of the different groups

of experts were drawn from a one-way ANOVA. Research technique was developed by V.N. Yakimets and L.I. Nikovskaya.

The author revealed a mismatch in the expert assessments of government and business for the vast majority of indicators: the staff of the authorities in all cases posed higher scores than those in the business. Consolidation of assessments of business and NGOs were visible according to the survey. Estimated parameters of these groups are close to each other. Moreover, in 2009, the survey data of all three groups were similar. Later, there was a discrepancy of estimates, mainly between business and civil servants.

Keywords: public policy, actor, institutions, civic engagement, elections.

SCIENCE OF CULTURE. SCIENCE OF ART

Irina A. Yedoshina

*Nekrasov Kostroma State University
entelehia@ksu.edu.ru*

Phenomenon of word: philosophical, linguistic, culturological aspects

An ontological approach to understanding the essence of the word as linguoculturological reflection subject has been presented in the article. This approach is based on the work of priest Pavel Florensky, Sergei Trubetskoy, Vladimir Ern, keywords in which are "love", "wisdom", "logos" in its historical development. As a result, the word is understood as an act of consciousness. The word is considered in three aspects of its entitateness: sound (interjection, phonetic envelope), alphabetical (alphabet historiography, represented in ancient languages and by Sergei Yesenin), holistic (lexical and contextual meaning). In language (and hence the word) the process of learning about the world, its physicality is transmitted. The history of development of human society is reflected in the grammatical forms of words, in their semantic fields. And this development has been marked by desire for simplification. Thus, the Latin word "amor" is absorbed by the Greek "philia", "eros", "agape", "storge". Word is flattened, reduced to a purely communicative function. This process is opposed by classical literature, as explained on the example of the episode of pentalogy of novels "The Life of Gargantua and of Pantagruel" by François Rabelais. A special place in this processes take poetic texts. Word *energeia* essence is disclosed on basis of the analysis of poems by Sergei Yesenin, Nikolay Gumilyov. Special attention is paid to word as a myth and mythological consciousness. Essence of the sacred words and forms of its entitateness are considered based on the analysis of the episode from the Bible. As a result, word *energeia* essence, which is preserved in all its forms, is revealed. Most clearly – in identity. In Logos space world appears to be self-equal and ontologically confirmed in Word.

Keywords: word, logos, myth, meaning, essence, energy, form, existence.

Anastasiya Ye. Gromova

*Kostroma State Technological University
gromowa130176@yandex.ru*

Chronotope problem in philosophic thought of the turn of 19th and 20th centuries (Pavel Florensky)

The problem of correlation of two key philosophical and cultural concepts - space and time - and their understanding of the inheritance of the turn of 19th and 20th centuries is revealed in the article. Analyzing the problem of the relation of time and space, the author sees its origins in the heritage of the ancient and medieval thought and with reference to Sergey Averintsev's work draws parallels in the understanding of these categories in the culture of Antiquity and the Middle Ages. Medieval culture as closest to the *Fin de siècle* culture is especially allocated.

Analyzing medieval representations, the author refers to two sources: «The Confessions of St. Augustine», «Mystical Theology» by Pseudo-Dionysius the Areopagite. Two different directions of philosophical texts in terms of time and space is emphasized. Augustine of Hippo allocates time coordinate, while Pseudo-Dionysius the Areopagite – the spatial one. The idea that this is the philosophical merger of two lines of theology – eastern and western, presented by the texts by Augustine and Dionysius, – in which one should look for the origins of the relation of time and space in the philosophical discourse of the turn of 19th and 20th centuries, in particular on the example of Pavel Florensky's texts, is distinguished by the article's author.

The following semantic points: corporality Vs. spirituality, external Vs. internal, motion Vs. rest, plurality Vs. unity are highlighted in the analysis of Pavel Florensky's texts in the context of the idea of chronotope. The author tries to approach the designated topics in terms of the categories of time and space and to reveal new aspects in their relationship. The importance of merging the categories of time and space is emphasized, that provides a holistic image of the world in Pavel Florensky's interpretation.

Keywords: chronotope, time, space, Middle Ages, Antiquity, longevity, hierarchy, structure.

Irina I. Irkhen

*Smolensk State Institute of Arts,
Smolensk Regional Institute of the Development of Education
yulianairk@mail.ru*

Regional cultural policy in the parameters of the contemporary dynamics of Russia

The article is devoted to the comprehension of the contemporary cultural policy in the dynamic parameters of the regional development of Russia. Ensuing from the understanding of the public mission of culture and the role of cultural policy in strengthening of the country's unity; we have analyzed the existing trends in the cultural life of a regional subject. The article also notes that the social and cultural asymmetry leads certain regions to the state of "cultural encapsulation", i.e. existence in the format of "cultural poverty". On the materials of the Smolensk Region we trace congruity of the priority line of the regional cultural policy, the

position of the local elite whereas a number of socio-cultural collisions become evident. Also included in the article are the data of the author's applied socio-cultural research in eight subjects of the Russian Federation. The analysis details the interconnection of the economy with the existent type of cultural interaction the RF subjects together with the training of professionals in the field of culture. On the basis of the unity of methods of synthesis and analysis, sociometry, as well as grouping of the data, a shift in the employment of the population has been marked; a growing vector of a subjective hedonization of education has been singled out which needs correction on the part of the state and regional cultural policy. We also determined an orientation of higher schools of culture and arts' graduates on the migration life strategy conditioned by the attractiveness of the territory and realization of culture as the driver of the regional policy. The article also discusses the basic "problem points" of the cultural policy at the federal level: declarative character of understanding of culture as a resource of social development and its "narrow-sectoral treatment"; reduction of education in the sphere of culture and art by artistic education: the damper character of the spiritual component of the sectoral (branch) education to counteract the anti-human, cynical and post-modernist extremes to defend the Russian *societas* from ignorance. A new spiral of the contemporary cultural policy of the country is able to strengthen the resource potential of culture.

Keywords: culture, culture policy, culture dynamics, modern Russia, region.

Mariya M. Dudoladova

*Perm State Academy of Art and Culture
mari-marchi@rambler.ru*

Heuristic capability of the concept background practices: to the question

The article discusses the heuristic potential of the concept of background practices in the field of cultural studies of modern Russian society. The author analyzes the different methodological approaches to the theory and practice proposes to consider the type of Russian cultural memory, which is expressed in idealized images of the Soviet past. An attempt is made to formulate original definition of background practices by combining the concepts of cultural memory and cultural trauma in contemporary bourgeois tendencies in the post-Soviet society. Background practices considered by the author in the aspects of discourse, consumption and discipline in the situation of contemporary Russian culture. For example, a well-known practice of all Russians for buying mandarins, champagne, of cooking what is now known as Olivier salad, modeling dumplings with the hands of a whole family on the New Year the author indicates by the background practices that appeal to a brighter image of the Soviet past. The author gives the symbolic background practices in a broad sense and in a narrow sense (spe-

cific background practice). According to the author, the actual practice of the background in the typology by Max Weber can be represented as a value-rational, which has value of past social order – a sort of simulacrum, created by the collective imagination. The author asks the reasons for the sustainable reproduction of value-semantic content of the Soviet social order.

Keywords: social order, background practices, cultural memory, cultural trauma, Soviet, post-Soviet, specific background practices, value-rational practices, simulacrum.

Polina S. Volkova

Rachmaninoff Rostov-on-Don State Conservatory (Academy)
polina7-7@yandex.ru

Olesya V. Gorbatoва

Moscow progymnasium "Harmony"
olesia.gorbatova@yandex.ru

**Music in the context of rhetorical canon:
on the problem statement**

Viewing experience of music from the perspective of the rhetorical canon within the concept of the dialogic nature of human knowledge of Mikhail Bakhtin has been presented in the article. In this concept, the subject of perception, entering into dialogue with the

artistic text appears as a creator of personal meaning. The process of mastering the ethical point of detention of a musical work that is carried out by methods of aesthetic analysis – empathy, imbuing with sense, joint appraisal – is analyzed by the authors. Associated with the creation of a new art form version of actualization of ethical moment of a musical work in which music is an integral part of another art form – cinema, ballet – has been proposed in the work.

According to the authors, the communication process acts as the analogous one to dialogical process with the only reserve, that the actual dialogue is a dialogue of consciousnesses, in which the interaction of rational and emotional, external and internal, cognitive and ethical, text and context occurs. In other words, if the communication is an experience of cooperation between the two entities, the dialogue in the context of the scientific concept of Mikhail Bakhtin is the experience of interaction between subject and object of speech in which the second entity is represented only indirectly.

Keywords: rhetorical canon, Ethos, Logos, Pathos, dialogue, personal contact, communication.

**СПИСОК МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА» В 2014 ГОДУ**

Автор	Название статьи	№
Естествознание		
Акаева Т.К., Родин О.Н., Гунин В.В., Акаев О.П.	Оптимизация режимов фосфатирования составами на основе фосфорной кислоты	5
Анциферов А.Л., Баукина Е.В.	Лесная фауна герпетобионтов и ее трансформация при вторичной сукцессии на вырубках	3
Анциферов А.Л., Ефимова А.А., Криницын И.Г., Мальцева О.В., Ситников К.С.	Энтомофауна лесного разнотравья Мантуровского участка заповедника «Кологривский лес» на первоначальном этапе ее изучения	2
Анциферов А.Л., Полежаева А.Ю.	Структура населения почвенных жесткокрылых (Coleoptera) в поймах малых рек Костромской области	3
Артёменко В.Г.	Влияние концентрации кислоты на процесс сернокислотного разложения фосфоритов кинешемского месторождения	6
Ащеулов В.И., Пономарёв В.А.	Инвазионные болезни, вредители запасов, хищники и разрушители гнезд шмелей в условиях теплиц	6
Бекмансуров М.В.	Биоразнообразие лесных фитоценозов Марийского Присурья	6
Белихов А.Б., Леготин Д.Л., Сухов А.К.	Моделирование распространения атмосферных загрязнений с помощью системы Silam	1
Галанцева М.Л.	Влияние процессов старения на фотоэлектрические свойства полупроводниковых приёмников излучения	3
Грозовский С.А.	Лесное сообщество с высоким участием пихты сибирской на западной границе ее ареала	5
Исаев В.А.	Биология и экология мокрецов рода Culicoides и их потенциальное значение в передаче вируса Шмалленберга в восточном Верхневолжье	6
Исаев П.П., Исаева Г.А.	Энтальпии образования х-замещенных пиридина	5
Исаева Г.А., Исаев П.П.	Химическая топология в прогнозировании биологической активности местных анестетиков	4
Кирпичников А.П., Титовцев А.С.	Открытые системы дифференцированного обслуживания поликомпонентных потоков	4
Коваленко И.Н.	Биоразнообразие растений нижних ярусов лесных экосистем как предпосылка их устойчивости	4
Козырев С.Б.	Методическая программная поддержка динамической системы Ферхюльста	5
Крючкова Е.Н., Абалихин Б.Г., Егоров С.В., Соколов Е.А., Баландина В.Н., Егоров Д.С.	Паразитозы домашних хищников городских популяций Ивановской области	6
Кудрявцев Б.Ю.	Оптимизация распределения толщины пластины в задаче панельного флаттера	1
Кузьмичёв В.В., Кузьмин А.Ф., Михина Н.В.	Эпизоотологические особенности паразитарных заболеваний сельскохозяйственных животных в Костромской области	6

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2014 ГОДУ

Автор	Название статьи	№
Кузьмичёв В.В., Кузьмин А.Ф., Стрелец Б.М., Пучков В.В., Вакорина А.В.	Влияние малых доз ионизирующего излучения на физиологические изменения в органах и тканях лабораторных животных	3
Кузьмичёв В.В., Кузьмин А.Ф., Стрелец Б.М., Стакина М.Н.	Динамика физиологических показателей поджелудочной железы в норме и патологии	4
Кузьмичёв В.В., Стрелец Б.М., Кузьмин Ф.А., Гарнцева Н.В., Остапчук О.В.	Динамика физиолого-морфологических нарушений при воспалительных процессах у животных	3
Кузьмичёв В.В., Стрелец Б.М., Кузьмин Ф.А., Михина Н.В., Остапчук О.В.	Динамика патоморфологических изменений при токсокарозе	2
Лапко Е.Ю., Лапко И.В.	Особенности методических подходов к разработке способов пробоподготовки объектов окружающей среды	1
Лебедев В.П., Криницын И.Г., Зонтиков Д.Н., Губарева Н.И., Лебедев С.В.	Влияние эколого-ценотических факторов на экобиоморфологию и структуру ценопопуляций некоторых корнеотпрысковых видов растений	2
Левит Р.М., Спивак Е.М., Аккуратова И.С., Надёжин А.С.	Функциональная характеристика клеток желез слизистой оболочки желудка при ее хроническом воспалении у детей	5
Левит Р.М., Спивак Е.М., Аккуратова И.С., Давыдова В.П.	Изменения слизистой оболочки двенадцатиперстной кишки при лямблиозе у детей и подростков	6
Марголина Н.Л.	О формулах показателей равномерной устойчивости линейных систем дифференциальных уравнений	4
Моисеев Б.М.	О подтверждении второго постулата специальной теории относительности	6
Морошкина Е.Б., Седова О.Б.	Взаимодействие ДНК с производным актиноина, содержащим в амидных группах радикал – (бензо-15-краун-5), в присутствии ионов K ⁺ в растворе	6
Мурадова Л.В.	Видовой состав ихтиофауны озера Каменик	2
Немчинова А.В., Криницын И.Г., Смирнова Л.А.	Биометрические особенности биоморф плауна булавовидного (<i>Lycopodium clavatum</i> L.) в онтогенезе	4
Олейникова Е.М.	Особенности пространственной организации ценопопуляций стержнекорневых трав	5
Позднякова В.Ф., Куклина Т.С., Поздняков И.А.	Морфологическое строение волосяного покрова коров лимузинской породы при содержании на открытых площадках в зимний и летний периоды	3
Потапова А.В., Баранов А.В., Ситникова О.Н.	Влияние уровня загрязнённости основных кормовых растений на качество лосиного молока	5
Прохорова И.А., Остапчук О.В.	Эпидемиологическое значение блох, вшей и власоедов на территории Костромской области	6
Ройтенберг В.Ш.	О рождении предельных циклов из контура, образованного сепаратрисами седла и сшитого седло-узла кусочно-гладкого векторного поля	2

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2014 ГОДУ

Автор	Название статьи	№
Сальников Е.В., Михайлюк И.Г., Спирин Н.Н., Кузьмин Ф.А.	Особенности механорецепции у людей и животных в зависимости от возраста, пола и наличия патологии	1
Свиридов А.В., Акаев О.П.	Получение из торфа жидкого комплексного нитрогуминового удобрения	4
Секованов В.С.	Преобразование Эно	3
Секованов В.С.	О модифицированных преобразованиях Эно	4
Сиротина М.В., Синяева А.О., Петрова К.А.	Оценка состояния популяции полёвки рыжей в бассейне реки Сехи на территории государственного заповедника «Кологривский лес» имени М.Г. Синицына»	3
Сиротина М.В., Субботина О.В.	Биоиндикация экологического состояния озера Каменик по показателям зоопланктона	2
Ситников К.С.	Особенности возрастной структуры ценопопуляций и встречаемость жизненных форм <i>Alnus incana</i> (L.) Moench в условиях пойм и надпойменных террас	5
Сухов А.К.	Двумерное моделирование формирования тлеющего разряда в аргоне. Часть 1. Модель и расчетная схема	6
Тощакowa Г.Г.	Многолетняя динамика количества осадков на территории Костромской области	1
Чудецкий А.И., Лебедев В.П., Рыжова Н.В.	Состояние и рекреационный потенциал насаждений парка «Берендеевка» города Костромы	5
Шабунев А.А., Филиппов Д.А.	Находки редких видов сосудистых растений и позвоночных животных в южной части Грязовецкого района: дополнения к Красной Книге Вологодской области	3
Ширина Н.Ю., Сидоров В.Н., Мурашов А.А.	Моделирование процесса диффузии твердых частиц в циркуляционном потоке жидкости	5
Ширяев К.Е.	Об интегральной разделенности функций	4
Ширяев К.Е., Марголина Н.Л., Матыцина Т.Н., Черников А.М., Копыл О.В., Исакова Е.В., Розова В.А.	Хроника семинара по качественной теории обыкновенных дифференциальных уравнений в Костромском государственном университете имени Н. А. Некрасова	6
Шульгина Т.А., Нечаева О.В.	Анализ эффективности действия нанопрепаратов в составе водных растворов на биологическую активность грамотрицательных и грамположительных микроорганизмов	4
Ющенко Ю.А., Мовчан Э.А., Колонцов А.А., Егорова Г.В., Дедекина Т.Е., Юров М.А.	Редкие птицы шатурского района Московской области	3
Системотехника		
Башир Али аль-Таяр, Марголис Б.И., Матвеев Ю.Н.	Оптимизация структуры сети доставки контента на основе балансировки нагрузки по критерию средней задержки	5
Бойков А.А.	Проектирование САПР-интерфейса для устройств с сенсорным вводом	5
Брут-Бруляко А.Б., Старинец Е.Ю.	Натяжение хлопчатобумажных основных нитей на бесчелночных ткацких станках	3
Галиновский А.Л., Зосимов М.В., Моисеев В.А., Хафизов М.В.	Повышение эффективности гидрорезания средствами акустической эмиссии	6

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2014 ГОДУ

Автор	Название статьи	№
Калашник Е.Н., Романов В.В., Травин Г.М., Травин М.М.	Поддержка принятия решения по выбору стратегии технической эксплуатации технологического оборудования	3
Марголис Б.И., Мешков И.С.	Синтез настроек регуляторов в системах автоматического управления методом расширенных частотных характеристик	2
Привалов А.В., Коврижных А.А., Травин Г.М.	Методы и модели адаптации льноперерабатывающего оборудования под производство тканей из конопли	1
Толщина Е.Ю.	Оценка величины теплового потока от инфракрасных излучателей в рабочей зоне производственного помещения	5
Травин Г.М., Кулёмкин Ю.В., Привалов А.В.	Прогнозирование и моделирование надежности игольно-планочной гарнитуры для чесания волокон технической конопли	6
История		
Абанин А.В.	Фактор личности в восстании И.И. Болотникова: князь Григорий Петрович Шаховской	4
Абдусаламов М.-П.Б.	Кумыкские феодальные владения в русско-иранских и русско-крымских отношениях во второй половине XVII века	5
Абовян Е.Н.	Партизанская борьба с оккупантами на Брянщине в период с ноября 1941 по май 1942 года	4
Белов А.М.	Партийное самоопределение интеллигенции провинции как отражение процессов политической модернизации России в 1905—1907 годах	3
Белов А.М.	Проявление революционных и антиреволюционных настроений в условиях модернизации России в начале XX века	6
Белова Н.А.	Трансформация свадебных традиций и обычаев в Туркменистане	2
Борщук Е.Д.	Русская религиозно-философская мысль о характере и вероятных последствиях Первой Мировой войны	5
Бушуев И.А.	Транспортная система Костромы и Ярославля на рубеже XIX—XX веков в повседневной жизни губернских центров	4
Бушуев И.А.	«городские неудобства» как фактор повседневной жизни Костромы и Ярославля в начале XX века	5
Волков Д.А.	Деятельность военных комиссариатов в первые месяцы Гражданской войны	2
Волков Д.А.	Взаимоотношения власти и общества в гражданскую войну через призму повседневной истории (историографический аспект новейшей литературы)	3
Волков Д.А.	Путь провинциального рабочего и крестьянина во власть в годы Гражданской войны (на материалах губерний Верхнего Поволжья)	6
Гагиева Л.Л.	Полемические вопросы финансирования эвакуации детей из Ленинграда в 1941—1942 гг. (к статье А. В. Зотовой «О взимании платы за эвакуацию детей из блокадного Ленинграда»)	2
Голубева И.В.	Формирование либеральной бюрократии как субъективный фактор российской модернизации (на примере крестьянской реформы 1861 г.)	6
Гулин А.О.	Организация медицинской и социальной помощи больным и раненым воинам в начале Первой Мировой войны (на материалах Костромской и Ярославской губерний). Часть 1	1
Гулин А.О.	Организация медицинской и социальной помощи больным и раненым воинам в первые месяцы Мировой войны 1914—1918 годов (на материалах Костромской и Ярославской губерний)	2
Гулин А.О.	Организация медицинской и социальной помощи больным и раненым воинам в начале Первой Мировой войны (на материалах Костромской и Ярославской губерний). Часть 2	5
Данилов А.В.	Проекты строительства трамвая в Ессентуках в начале XX века	4
Данильченко И.В.	Причины и процесс создания музеев-заповедников в СССР (на материалах Костромской и Ярославской областей)	5
Ерёмин А.В.	Эволюция взаимоотношений государства и Русской Православной Церкви в постсоветской России в контексте бинарной оппозиции «вызов-ответ»	2
Жукова Д.Д.	Система взаимодействия владимирских губернаторов с органами полиции во второй половине XIX века	4

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2014 ГОДУ

Автор	Название статьи	№
Зверев К.А.	Православная церковь в независимой Эстонии	1
Кабатов С.А.	Зооморфные украшения Костромского Поволжья	1
Кабатов С.А.	Семантика зооморфных украшений сельского населения Костромского Поволжья	4
Кидяров А.Е.	Участие крестьян в Ярославском восстании 1918 года	3
Кидяров А.Е.	Повседневная жизнь костромской и ярославской губерний в годы Гражданской войны в историографии	6
Коршунова О.Н., Поливанов Я.М.	Исторические образы: к проблеме исторической памяти об участии России в мировых войнах	5
Кочешков Г.Н.	Марксистская концепция русского исторического процесса в трудах М.Н. Покровского	4
Курочкина С.А.	Истоки и традиции в керамическом производстве нижеволжских столиц Улуса Джучи	2
Лапин Д.Л.	Деятельность костромского отделения РСМ по патриотическому воспитанию и изучению истории костромской области на рубеже XX—XXI веков	4
Леонов Д.Е.	Православное духовенство на страницах сатирических журналов периода Первой российской революции (по материалам Ярославской губернии)	4
Миловидова Н.В.	Нэповская модель российской модернизации 1920-х гг.: источниковый аспект	3
Миловидова Н.В.	Нэповская модель российской модернизации 1920-х гг.: историографический аспект	6
Мухачёв Н.В.	Регулирование виноторговли в верхневолжских губерниях в середине XIX — начале XX века	1
Наградов И.С.	Григорий Клементьевич Горбунов – промышленник, благотворитель, старовер	1
Назария С.М.	Борьба за власть в Бессарабии в конце 1917 года и призывание в край румынских интервентов	1
Новиков А.В.	Источники изучения социально-трудовых конфликтов периода промышленной модернизации в дореволюционной России	3
Новиков А.В.	Рабочая история периода промышленной модернизации дореволюционной России в современной отечественной историографии	6
Новичкова Н.Ю.	Основные факторы пожарной опасности в российских городах во второй половине XIX века	4
Новичкова Н.Ю.	Условия функционирования пожарных частей в провинциальных городах России в конце XIX века	5
Околотин В.С.	Деятельность наркомфина СССР по «перестройке» налогообложения промышленности в 1937—1941 гг.	2
Околотин В.С.	Практика самообложения сельского населения в 1927—1928 годах (на материалах Владимирской, Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний)	5
Панкратова О.Б.	Теоретико-методологические аспекты теории модернизации в научном исследовании	6
Перескоков Л.В.	«Он такой легковёрный...»: Штрихи к портрету Великого Князя Михаила Александровича	1
Почивалова Е.И.	Создание первого высшего учебного заведения в ивановском крае и значимость рижского политехнического института в его становлении	2
Почивалова Е.И., Балдин К.Е.	Предпосылки создания высшей школы на территории Владимирской губернии	1
Сазонов Д.И.	Реформа приходского управления Русской Православной Церкви, принятая на Поместном соборе 1961 года, и ее последствия	1
Сазонов Д.И.	Проведение Поместного собора 1988 года Русской Православной Церкви как изменение вектора церковно-государственных отношений	2
Серый Н.И.	Роль Российской Федерации в создании и деятельности смешанной контрольной комиссии как основного института урегулирования грузино-осетинского конфликта	2
Серый Н.И.	Анализ нормативно-правовой базы сотрудничества Российской Федерации и Республики Южная Осетия в военно-политическом направлении (2008—2010 гг.)	4
Сулоев И.Н.	Верхневолжское крестьянство в условиях модернизационных изменений 1905—первой половины 1906 годов	3
Сулоев И.Н.	Отечественная историография деятельности политических партий среди крестьян в 1905—1907 гг.	6
Флейман Е.А., Шипилов А.Д.	Костромское научное общество по изучению местного края (1912—1930)	1

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2014 ГОДУ

Автор	Название статьи	№
Чернецова С.Б.	Редкие типы деревенских часовен в верхнем Поволжье	4
Шипилов А.Д.	Теоретические подходы к изучению костромского регионоведения (XVII — начало XX веков)	3
Шипилов А.Д.	Проблемы регионоведения в отечественной историографии	6
Экономика		
Агапова Т.Н., Ильенкова Н.Д.	Сравнительный анализ источников информационного обеспечения оценки бизнеса	2
Александрова Н.А., Смирнова А.А.	Управление качеством жизни зрелой семьи с помощью пенсионных накоплений	3
Алхасова И.В.	Роль информации в подготовке управленческих кадров	5
Безденежных А.В., Безденежных В.М., Нуждин Э.Г.	Управление рисками при интеграции правовой и нормативной форм обслуживания международных депозитариев	5
Бобошко В.И., Бобошко Н.М.	Роль государственного регулирования экономической безопасности малого и среднего бизнеса на современном этапе развития экономики	2
Брагина З.В., Пономаренко Е.В.	Экономический патриотизм как управленческий ресурс	4
Генералова Г.Г., Паньшин И.В., Чекмарёв В.В.	Ресурсное обеспечение экономического роста в регионах	6
Гиляровская С.В.	Оценка конкурентоспособности российского бизнеса в рамках ВТО	3
Гладких М.О.	Анализ программ социально-экономического развития моногородов Воронежской области	3
Дадалко В.А., Протасов К.А., Чекмарёв В.В.	Экономическая преступность и ее влияние на экономическую безопасность государства	6
Дадалко С.В.	Оценка эффективности инновационной политики республики Беларусь с использованием международных индикаторов	6
Дмитриев И.В., Брагина З.В.	Ресурсы управления защитой населения и объектов экономики от пожаров	1
Дубков С.В.	Об интеграции рыночной и сетевой моделей управления в иерархическую систему государственного управления	5
Завьялов Ф.Н., Козырева А.М.	Сельское хозяйство в условиях членства России в ВТО: проблемы и решения	4
Залетный А.А.	Детерминирующее влияние глобального фиктивного финансового капитала на различные сектора российской экономики	2
Иванов М.Ю., Гуреева Е.Г.	Практика построения мониторинга эффективности органов исполнительной власти региона	6
Иванова М.М., Родинова Н.П.	Возможности ERP-систем для целей автоматизированного управления персоналом	2
Караваева В.А.	Социально-экономические аспекты мотивации труда персонала в современных организациях	3
Козырева А.М.	Оценка конкурентных преимуществ льняной подотрасли зарубежных стран	4
Кузьмина Т.И., Мандрик Н.В.	Креативность – основа разработки и принятия уникальных управленческих решений	3
Курова Г.М.	Взаимосвязь конкурентоспособности и показателей развития партнерства	1
Логвин Н.В.	Институциональное обеспечение управления развитием региональных систем образования	2
Логвин Н.В.	Теория и практика организации управления региональной системой образования: проблемы и тренды решения	5
Магруппова З.М., Кубко В.В.	Роль прогнозирования в предупреждении и управлении социально-трудовыми протестами	3
Маньковский В.А.	Агропромышленный комплекс и пространственное распределение экономических ресурсов	1
Новиков В.А., Маслов Д.Н.	Факторы, влияющие на формирование качества трудовой жизни	3

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2014 ГОДУ

Автор	Название статьи	№
Панфилов Ф.А.	Государственная программа РФ «Развитие образования» на 2013—2020 годы	2
Пищулин О.В.	Основные проблемные аспекты современной теории управления	3
Пищулин О.В.	Цели, объекты и субъекты общественного контроля	4
Пономаренко Е.В., Брагина З.В.	Единая информационная среда ДОСААФ России как резерв эффективного управления	1
Роднина А.Ю., Бабаев Б.Д., Чекмарёв В.В.	О теоретико-прикладных аспектах кругооборота кредитного ресурса	2
Роднина А.Ю., Бабаев Б.Д.	Кредит: взаимосвязь теории и практики	6
Сацук Т.П.	Финансовые цели и ключевые показатели в системе стратегического управления предприятием	3
Свиридов Н.Н., Грабова О.Н., Храмина А.В.	Аграрная кооперация в многоукладной экономике	2
Синявский Н.Г., Дадалко А.В., Нуждин Э.Г.	Модель «отрасль-территории» для ЛПК	5
Скаржинская Е.М., Смирнова Т.С.	Проектный метод обучения: «виртуальная фирма»	5
Смирнова О.А., Барышев Д.А.	Альтернативная модель налогообложения хозяйствующих субъектов	6
Субетто А.И., Чекмарёв В.В.	Экономическая наука: день завтрашний, или раздетая до крови	1
Татаринцева С.Г., Епрынцева Е.С.	Анализ показателей оценки эффективности формирования и реализации инвестиционной политики компаний нефтегазового сектора экономики РФ	3
Травин Г.М., Кашин И.Л.	Инфраструктурное обеспечение бизнес-процессов социальных услуг (на примере элитных технических видов спорта)	3
Чекмарёв В.В.	Синергия экономики и культуры в контексте рыночной конкуренции	1
Чекмарёв В.В.	Синергетический аспект экономики нововведений в процессах обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов	4
Чекмарёв В.В.	Гармонизация промышленной политики и процессов реиндустриализации	6
Философия		
Арутюнян К.С.	Социальная интеграция как путь преодоления социального кризиса современности	1
Букин Д.Н.	К вопросу о существовании объектов математики	1
Калустьянц Ж.С.	Формирование основных аспектов идентичности в современном мире: личностных и социальных	1
Козырев М.С.	Историческое развитие идеологии	1
Рыбина Л.Б.	Проблема общественного идеала в философии С.Л. Франка и В.С. Соловьёва	1
Артамонова А.В.	Феминистский проект семьи: тренды и реальность	2
Булдаков С.К.	Социально-философский анализ основных тенденций в образовании в XX веке	2
Макарова О.А.	Сравнительный анализ отношения к смерти и посмертному состоянию в мировых религиях и иудаизме	2
Равочкин Н.Н.	Аномия как глобальный фактор дезорганизации современного общества: философский аспект	2
Терешёв Е.О.	Глобализация как предмет социально-философского анализа	2
Булдаков С.К.	Философские основания образовательных идей и теорий на рубеже XIX—XX веков	3
Латышева Ж.В.	Трансцендирование и его социальные аспекты в свете теоретической философии и Канта	3
Нуриев Б.Д.	Основы лингвофилософии аль-Фараби	3
Равочкин Н.Н.	Структура и содержание глобальной идеологической доктрины	3
Харсеева Н.В.	Трансформация духовно-нравственных основ современного предпринимательства	3
Голубева С.В.	Антиномия «внешнего» и «внутреннего» человека в повести Гоголя «Нос»	3

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2014 ГОДУ

Автор	Название статьи	№
Ерахтин А.В.	Онтология и трансцендентальная метафизика Иммануила Канта	4
Сизова Н.Е.	Церковь и государство у С.Н. Булгакова	4
Семенюк А.П.	Гносеологическая проблематика в трактате «о понимании» В.В. Розанова	4
Павлюченков Н.Н.	К вопросу о единстве религиозно-философского наследия П.А. Флоренского	4
Равочкин Н.Н.	Философские взгляды на идеологию в социально-исторической ретроспективе XX столетия	4
Рудницкая Т.Ю.	Спиритуальная модель семьи: ее обоснование в «священных книгах» и богословии	5
Шульгина Л.А.	О Н.Я. Данилевском и славянофильстве в истории русской философской мысли XIX века	5
Мякиниников С.П.	Экологическое и эколого-ориентированное мировоззрение как философская проблема	5
Кирдяшкин И.В.	Личность как ведущий диапазон политической социализации современной молодежи	5
Рудницкая Т.Ю.	Проблема семьи: историко-философский дискурс	6
Самойлов С.Ф.	Посмодерн как парадигма социального познания	6
Литературоведение		
Андреева В.Г.	Роман М. Криницкого «Узкий путь» и романы Л.Н. Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина»: художественные переключки	2
Андреева В.Г.	Второе поколение русских нигилистов в восприятии Н.С. Лескова и В.Г. Авсеенко	5
Баталова Т.П.	Мотивы деспотизма и жертвенности в поэзии Н.А. Некрасова 1840-х годов	1
Белопухова О.В.	Мотивы баллады Ф. Шиллера «Путь в плавильню» в романе «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева	1
Белякова Е.Н.	«Печоринский элемент» в характерах героев ранних драматических опытов А.Н. Островского (этиод «Неожиданный случай» и первые варианты комедии «Бедная невеста»)	3
Белякова Е.Н.	Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» в критике «Серебряного века» (В. Розанов, И. Анненский, Л. Шестов)	6
Данг Тхи Тху Хьонг	Природа и «пейзаж души» в романе Льва Толстого «Воскресение»	5
Денисова О.Н.	Эрос и пол в дневниковых книгах М.М. Пришвина	2
Дмитриенко О.А.	Сюжет крестной мистерии в интермедийной интерпретации (на материале романа Набокова «Приглашение на казнь»)	4
Дреева Д.М., Мильдзихова А.К.	Свободные ритмы XX—начала XXI века как адекватная форма отражения изменившегося образа мира в сознании художника слова (на примере анализа стихотворений Х.М. Энценсбергера «Wortbildungslehre» и «Sommergedicht»)	1
Дубинская М.В.	«Духовный календарь» романа Алена-Фурнье «Большой Мольн» и поэтика художественного времени Ф.М. Достоевского	3
Дубинская М.В.	Полифонический принцип в симфонической структуре повести Андре Жида «Пасторальная симфония»: к теории жанра романа	5
Ибрагимов Л.Г.	Традиционные и индивидуально-авторские символы в татарской литературе первой трети XX века	2
Коптелова Н.Г.	«Святая кровь» З.Н. Гиппиус и «Снегурочка» А.Н. Островского	1
Коптелова Н.Г.	Апокалиптические мотивы в книге Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский»	6
Котлов А.К.	«Карагандинские девятины, или Повесть последних дней» Олега Павлова: метафизика художественного пространства (статья первая)	1
Котлов А.К.	«Карагандинские девятины, или Повесть последних дней» Олега Павлова: метафизика художественного пространства (статья вторая)	2
Лебедев А.А.	Антитеза в поэтическом творчестве П.А. Вяземского	4
Лебедев Ю.В.	Религиозно-художественный космизм йенских романтиков	2
Лебедев Ю.В.	Творческий диалог А.Н. Островского с И.С. Тургеневым в комедии «Бедная невеста»	5
Лебедев Ю.В.	Русская литература о святости труда писателя	6
Лучинина П.Ю.	Поэтика «готического» в английских ориентальных эссе XVIII века	3
Мартиросян А.А.	Связь топикального ритма с содержанием произведения	5
Мешалкин А.Н.	«След на земле...» (творчество костромского писателя Вячеслава Арсентьева)	5
Молчанова Н.А.	А. Блок на страницах воронежской «Сирены»: текстологические аспекты	6

Автор	Название статьи	№
Морозов Н.Г.	Мотивы сочинения св. Тихона Задонского «Горний Иерусалим» в романе И.А. Гончарова «Обломов»	3
Морозов Н.Г.	Сюжетный след «Жития» Серафима Саровского в рассказе Б.К. Зайцева «Священник Кронид»	4
Морозова М.Х.	Стихия огня в романе М. Пришвина «Осударева дорога»	4
Мураткина Е.Л.	«Лес» А.Н. Островского и «вишневый сад» А.П. Чехова: художественные переключки и композиционные соответствия	4
Налётова Т.Б.	Традиции древнерусской литературы и христианские мотивы в раннем творчестве Н.В. Гоголя	4
Нгуен Тхи Тхыонг	Имя и портрет в рассказе И.А. Бунина «Таня» (из цикла «Темные аллеи»)	5
Павлов А.В.	Об одном источнике комедии А.Н. Островского «Доходное место»	2
Патроева Н.В.	Лермонтовские зачины: строфика, метрика и синтаксис	4
Позднякова Е.А.	О жанровом своеобразии пьес А.П. Чехова	1
Рашевская Е.П.	«Сквозящий реализм» Даниила Андреева: традиции и новаторство	1
Ромаданов М.С.	Цитатный стиль романа М. Брэбери «В эрмитаж!»	3
Романова А.Н.	Конструктивные противоречия в образе Татьяны Лариной	6
Рыжакова Т.И.	Жанровое своеобразие малой прозы Ивана Бунина 1917—1953 гг	4
Самолдина С.Р.	Концепция счастья в лирике В.В. Капниста	5
Склизкова А.П.	Античные реминисценции в драме Г. Гауптмана «Роза Бернд»	3
Степура С.Н.	Шестой эпизод романа Дж. Джойса «Улисс» в русском переводе 1934 г	3
Сухих О.С.	«Бегство к свободе»: проблема свободы в повести Л.И. Бородина «Правила игры»	2
Тезина В.А.	У истоков формирования драматургического таланта Ф.М. Достоевского и А.Н. Островского	1
Тезина В.А.	Образ преподобного Сергия Радонежского в творчестве А.Н. Островского и Ф.М. Достоевского	2
Тихомиров В.В.	«Петербургский сборник», изданный Н.А. Некрасовым (1846), в контексте русской критики и журналистики 1840-х годов	1
Тихомиров В.В.	Структура драматического произведения (опыт прочтения драмы А.Н. Островского «Гроза»)	2
Толстоброва Л.В.	Мотив дороги в лирике Ивана Елагина	5
Устинов А.В.	Творчество Д.Л. Мордовцева в русской критике 1850-х—1900-х годов	1
Холодова З.Я.	Русская революция в художественном сознании М. Пришвина	6
Хриптулова Т.Н.	Концепт «дурак» в поэзии Н.И. Тряпкина	1
Хриптулова Т.Н.	А.Т. Твардовский в художественном мире Н.И. Тряпкина	5
Шаваринская С.Р.	Достоевский и Лев Толстой: сопоставления мировоззрения и творчества писателей в русской религиозно-философской критике конца XIX — начала XX вв	3
Яценко М.В.	О некоторых библейских параллелях легенды о поэте Кэдоме	3
Лингвистика. Языкознание		
Адаева О.Б.	Стратегия самопрезентации адресанта как компетентного ученого в лингводидактическом дискурсе	2
Ачаева М.С.	Словообразовательная и семантическая структура отаггективных дериватов в русском и английском языках (на материале словообразовательного гнезда с вершиной «высокий»)	1
Богатырёва Е.Н.	Окказиональные преобразования структурно-семантических моделей с компонентом вода в современном русском языке	6
Волкова Е.Б.	Структурно-семантические качества местоименно-союзных соотносительных конструкций в математических текстах	4
Гаврилова В.Г.	Иноязычные вкрапления в устных высказываниях на марийском языке	5
Галкина Н.П.	Функционально-семантические разновидности целевых сложноподчинённых предложений в произведениях естественнонаучного цикла	2

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2014 ГОДУ

Автор	Название статьи	№
Ганичева С.А.	Семантическая специфика диалектных глаголов-зоофонов в контексте составления лингвистических карт	2
Григорьева Т.В.	Оценочно-символическая насыщенность оппозиции 'горячий-холодный'	5
Гусева Е.Р.	Союзы с <i>l</i> - и <i>n</i> -партикулами в севернорусских говорах (инициаль <i>a</i>)	6
Гусева Н.А.	Эксплицитные и имплицитные идентификаторы лексико-фразеологического поля «трудовая деятельность человека» (на материале английского, немецкого и русского языков)	3
Дмитриева А.А.	Семантическое поле «семья» в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской	1
Дубова М.Е.	К проблеме компаративного изучения семантических полей (на материале фразеологии русского и английского языков)	3
Ермакова Л.А.	Изучение поэтического языка М. Цветаевой в гендерном аспекте: проблемы и перспективы	5
Ибрагимов М.О.	Особенности оформления и функционирования комитатива в ареальных единицах рутульского языка	2
Иваненко Г.С.	Судебная лингвистическая экспертиза: специфика анализа художественного текста в аспекте законодательства об экстремизме	6
Иванова Н.К.	Некоторые лингвистические итоги 2013 года: «самые-самые» слова английского языка	2
Калабекова Л.Т.	Функционально-семантическое поле аспектуальности в языках разной структурной модели (опыт сопоставительного анализа)	2
Клиенкова И.Б.	Особенности грамматического оформления субстантивных групп (на материале швейцарского варианта немецкого языка)	5
Климова Л.А.	Лингвокраеведческая работа: состояние, динамика, перспективы	6
Колышкина Т.Б., Шустина И.В.	Слова категории состояния как средство отражения негативной базовой мотивации потребителей в рекламном тексте	4
Колышкина Т.Б., Шустина И.В.	Языковые средства реализации позитивной базовой мотивации потребителей в рекламном тексте	6
Красикова Е.Н., Соцкая Е.В.	Функции вокатива в коммуникации	3
Лагузова Е.Н.	О термине описательный глагольно-именной оборот	6
Лесных Е.В.	К проблеме классификации устаревшей лексики русского языка	2
Мартынова Е.М.	Вегетативные реакции как показатель аномальной коммуникации	3
Мелерович А.М., Дубова М.Е.	Основные виды словарной семантизации языковой картины мира в двуязычных фразеологических словарях	3
Михайлова Л.П.	Обудоха (поиск этимологии загадочного русского слова в лингвистическом пространстве Карелии)	4
Назари Фатеме Тораб	К вопросу о сохранении национального своеобразия текста при переводе	5
Никора Е.В.	О грамматическом статусе ядерных средств выражения повторности действия в английском языке	1
Новосёлова М.А.	Особенности употребления эмотивно окрашенных фразеологических оборотов в детской литературе	1
Первухина С.В.	Категория адресата в адаптированном тексте	3
Токарев Г.В.	Вопросы категоризации знаний	6
Третьякова И.Ю.	Культурные смыслы фразеологических компонентов зооморфизмов медведь и волк (к вопросу о национально-культурных особенностях русских фразеологизмов)	6
Уразметова А.В.	История США, зафиксированная в топонимических прозвищах штатов	2
Уразметова А.В.	Метафора как способ создания вторичных номинаций (на материале топонимических прозвищ штатов США)	5
Фокина М.А.	Язык и стиль застольных речей А.Н. Островского	4
Хохлова И.В.	Метафоры в миграционном дискурсе Германии (на примере сообщений о беженцах в период «Арабской Весны»)	1
Чельшев С.А.	Речевое воздействие заголовков печатных изданий (на примере прессы Костромской области)	1
Шляхтина Е.В.	Особенности перевода политкорректной терминологии с английского на русский язык	5

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2014 ГОДУ

Автор	Название статьи	№
Юдина Т.М.	Вариативность языковых средств в горнозаводской терминологии конца XVII – начала XVIII веков	2
Юдина Т.М.	О способах номинации некоторых терминов кузнечного дела (на материале горнозаводской деловой письменности начала XVIII века)	4
Якимов А.Е.	Особенности лексико-фразеологической репрезентации значения «предать гласности» в современной русской речи	3
Якубова Н.М.	Причины реализации прямого речевого акта экспликации сомнения (на материале английского языка)	5
Юриспруденция		
Арзамасов Ю.Г.	Особенности оценки законов в условиях конвергенции	6
Бухарев А.В.	Формирование системы мер по профилактике коррупции в районных судах	3
Ивкова А.В.	Проблемы взаимодействия органов прокуратуры с контрольно-надзорными органами при осуществлении надзора за исполнением законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в банковской сфере	3
Ивкова А.В.	Анализ прокурором состояния законности при противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в банковской сфере	4
Кондратьева А.Н.	Соотношение понятий «грех» и «преступление» в средневековом каноническом праве Западной Европы	6
Ландышев С.В., Скородумов Н.А.	Корыстно-насильственные преступления: криминологическая характеристика и предупреждение органами внутренних дел	5
Макаренко В.Г.	Особенности осуществления экспертно-криминалистического сопровождения процессов расследования таможенных преступлений	6
Минеева Т.Г.	Великая хартия вольностей и законодательство английского парламента позднего средневековья	5
Минеева Т.Г., Романовская В.Б., Цыганов В.И.	Феномен самозванства в истории Российского государства	6
Романовская В.Б., Пужаев В.В.	Правовой режим как общетеоретическая категория: проблемные аспекты понимания	4
Романовская В.Б., Романовская Л.Р.	Религия и право в политической жизни средневековой Европы	4
Рошин Б.Е.	Конституция СССР 1924 года: основные положения и особенности (к 90-летию принятия первой конституции Советского Союза)	2
Рошин Б.Е.	Первая международная конференция труда: основные результаты нормотворчества (к 95-летию создания международной организации труда)	4
Рошин Б.Е.	Советская трудовая книжка в эпоху военного коммунизма: юридический аспект	5
Рошин Б.Е.	Юридическое образование в советской России (октябрь 1917—март 1921 гг.): организационно-правовой аспект	6
Саакян Д.О.	Единый следственный комитет России: взгляды за и против	3
Сосенков Ф.С.	Идеи государственного единства в политико-правовых воззрениях А.С. Пушкина	6
Тетерина О.А.	О некоторых особенностях организации работы прокуратуры субъекта российской федерации по надзору за исполнением законов в сфере учета преступлений	2
Туленив А.И.	О криминалистических учетах в таможенном деле	6
Шацкая А.В.	Внедрение системы видеоконференц-связи в районных судах в свете организационных вопросов обеспечения разумных сроков судопроизводства	3
Социология		
Марков А.А.	Некоторые вопросы современного развития постиндустриального общества	1
Попова И.В., Котлярова Л.Д., Котлярова О.А.	Здоровье работников как фактор производительности труда. Проблемы измерения	6
Попова И.В., Котлярова Л.Д., Котлярова О.А.	Оценка качества рабочей силы методом экспертного опроса. Региональный аспект	5

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2014 ГОДУ

Автор	Название статьи	№
Политология		
Апольский Е.А.	Западноевропейская толерантность и мультикультурализм: опыт и перспективы правового регулирования в России	5
Баранов А.Н.	Педагогическое обеспечение интеграции процессов воспитания и самовоспитания студентов технического вуза	4
Выприцкий А.С.	Политическая мотивация воссоздания института «общественного контроля» в России	5
Зайцев А.В.	Костромские «зеленые» VS Костромская АЭС: хроника конфликта регионального масштаба	1
Зайцев А.В.	Диалог государства и гражданского общества в контексте региональной публичной политики (на примере Костромской, Курской и Ярославской областей)	2
Зайцев А.В.	От институционализации диалога государства и гражданского общества к диалогической модели демократии (теоретико-методологический аспект)	4
Зайцев А.В.	Принципы диалога государства и гражданского общества: теоретико-праксеологический аспект	5
Караткевич А.Г., Головин Ю.А.	Процесс интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках Союзного государства	6
Ковалёва С.В., Степанищенко О.В.	Совершенствование конституции РФ: к постановке проблемы	4
Ковалёва С.В., Степанищенко О.В.	Социальный анализ политического инфантилизма (на примере Краснодарского края)	5
Нарыкова С.П.	К вопросу о воздействии динамики политической власти на социальные процессы и политико-управленческую практику	5
Нарыкова С.П.	К вопросу о типологии форм осуществления политической власти	6
Поляков Е.А., Сучков Е.А.	Практические аспекты создания и применения дистанционных технологий при обучении госслужащих	4
Соколов А.В.	Субъекты публичной политики в Ярославской области	6
Чепиль В.В.	Обращение к зарубежному опыту как необходимое условие построения эффективной системы местного самоуправления в России	1
Чепиль В.Т.	К вопросу о методологии изучения межнациональных отношений в курсе политологии	1
Педагогика и психология. Педагогические науки. Психологические науки		
Айбатыров К.С., Айбатырова М.А.	Сущность, содержание и направленность профессионально-ориентированной креативности специалистов технического профиля	3
Бабенко А.С.	Реализация принципа фундирования при изучении непрерывных динамических систем	3
Ваулина Л.Н., Коношенко Н.А.	Межкультурная адаптация иностранных студентов	3
Гибадуллин Н.В.	Проблемы формирования семейных ценностей у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях замещающей семьи	6
Григорова Т.П.	Совладание с деструктивной привязанностью в романтических отношениях взрослых	6
Гуро-Фролова Ю.Р., Соловьёва О.Б.	Учебно-методическое пособие по иностранному языку для студентов нелингвистических высших учебных заведений в условиях перехода на новые образовательные стандарты	6
Екимчик О.А., Григорова Т.П., Смирнова Н.С.	Динамические аспекты близких (романтических) отношений и совладающее поведение партнеров	6
Заболотная Л.И.	Педагогические пути реализации герменевтического подхода к интерпретации музыкального текста	5
Зникина Л.С., Стрельников П.А.	Междисциплинарное взаимодействие как основа формирования интегративных компетенций студентов вуза	2
Коряковцев С.П.	Роль дистанционного образования в активизации самостоятельной работы студентов технического вуза	6
Кукушкина Л.А.	Социально-педагогическое сопровождение учащихся профильных юридических классов в социальном самоопределении	2
Лагутина О.Р.	Передача объема предметов в сюжетном рисовании	6

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2014 ГОДУ

Автор	Название статьи	№
Майорова Н.С., Шигарева А.Н.	Преподавание вузовского курса «История Нового времени»: проблемы и перспективы	6
Остренкова М.А.	Лингвокультуроведческий проектно-исследовательский модуль как единица культуроориентированного обучения школьников русскому языку	6
Попов В.Д., Хвесюк Н.Г.	Психоаналитическая и информационно-психофизическая сущность отношений собственности: резервы управления	3
Протасова С.В.	Формирование культурно-просветительских компетенций магистров	4
Ри Шин Хян	Особенности понимания счастья у людей с разным уровнем психологического благополучия	6
Роганова Л.А.	Обучение студентов химико-технологических специальностей профессиональной лексики на уроке английского языка	5
Сидакова Н.В.	Качество иноязычного обучения – важнейший системообразующий фактор высшего образования	4
Сидакова Н.В.	Характерные черты модернизированного содержания обучения иностранному языку	5
Старшинов В.Н.	Проблемные вопросы организации научно-исследовательской деятельности студентов вуза	5
Суглобов А.Е.	Методические аспекты организации дистанционного обучения иностранных студентов в вузах РФ	2
Ферцер В.Ю., Кутякова Н.К.	Формирование национального мировоззрения как ценность образования на современном этапе	2
Шепелева Н.Ю.	Использование комм уникативной методики в преподавании английского языка (на примере международной программы Full Bright с носителями языка)	5
Культурология. Искусствоведение		
Артёмова Е.Г.	Николай Компанейский – критик духовной музыки	3
Волкова П.С., Горбатова О.В.	Музыка в контексте риторического канона: к постановке проблемы	6
Головань Е.В.	Научно-популярная литература для детей и юношества второй половины XIX – начала XX веков как отражение «духа времени» (по материалам каталогов библиотеки Н.А. Сунгурова (бывшей Е.Ф. Олоховой) в Костроме (1898—1904))	4
Горбенко Н.В.	К вопросу о социально-философском анализе категории «корпоративная культура современного университета»	2
Громова А.Е.	Укорененность пространства в фильме А.А. Тарковского «Зеркало» и философских идеях П.А. Флоренского	1
Громова А.Е.	Проблема соборности в контексте пространственных образов времени-памяти П.А. Флоренского	2
Громова А.Е.	Проблема хронотопа в философской мысли рубежа XIX—XX вв. (П.А. Флоренский)	6
Домахина Н.М.	Понятие музыкальной картины мира в контексте изучения синтетической языковой личности	2
Домахина Н.М.	Детство и юношеские годы Г.А. Ладыженского	3
Дудолодова М.М.	Эвристические возможности концепции фоновых практик: к постановке вопроса	6
Едошина И.А.	Философия искусства В. Стерлигова в контексте понимания творчества в XX веке	3
Едошина И.А.	Культурфилософия понятия «эпоха»: к характеристике Fin de siècle	5
Едошина И.А.	Феномен слова: философский, лингвистический, культурологический аспекты	6
Зорина В.В.	К вопросу о жанровых и интонационных истоках протестантского хора	3
Иванов Д.И.	Воспринимающее сознание слушателя-зрителя как конститутивный компонент структуры синтетической языковой личности	1
Иванов Д.И.	Понятие музыкальной картины мира в контексте изучения синтетической языковой личности	2
Иванов Д.И.	Инструментальная база рок-композиции как способ активизации системы русских национальных концептуальных кодов в структуре синтетической языковой личности	4
Ирхен И.И.	Региональная культурная политика в параметрах современной динамики России	6
Полосин Н.Н.	Культурная антропология и теория межкультурных коммуникаций	1
Портнова И.В.	Анималистика в отечественном искусстве XVIII—XX веков: проблема границ жанра	4
Пылаев М.Е.	Вопросы музыкальной логики в работах Карла Дальхауза	3

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2014 ГОДУ

Автор	Название статьи	№
Равочкин Н.Н.	Коммуникативный потенциал национальной культуры в контексте формирования позитивного имиджа организации на международном рынке	5
Челышев П.В.	Человек античной мифологии: природа героя и личный выбор судьбы	4
Шигабетдинова Г.М.	Культура рефлексивного партнерства в контексте срединной культуры	4
Шикина А.Н.	Культурфилософия романтизма	1
Шикина А.Н.	Об интерпретации понятия «художественный стиль»	2
Персоналии		
Сморчков В.К.	«...Путь учительства – делать счастливыми своих учеников». Николаю Михайловичу Рассадину – 65 лет	3
Чекмарёв В.В.	«Как жил, кого любил, кому руки не подавал...» (памяти Сергея Викторовича Матвеева)	3

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде**. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют **отсканированный вариант рецензии** на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью (рецензии не требуются для докторов наук)

2. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется в формате, **полностью совместимом с Word 97–2003**. Если в статье присутствует большое количество символов, иностранные слова, надстрочные и подстрочные знаки, помимо электронного варианта статьи в текстовом редакторе **Microsoft Word**, в редакцию необходимо предоставить электронный вариант статьи, сохраненный в формате **PDF**. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 14 страниц машинописного текста.

5. Аннотация к статье должна быть объемом 150–200 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Рисунки, схемы, диаграммы.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

11. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

12. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0, 087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.

8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (150–200 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09

Коптелова Наталия Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы

kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов...

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova

Nekrasov Kostroma State University

kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908...

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

**Костромского государственного
университета имени Н.А. Некрасова**

2014 – Т. 20 – № 6

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ им. Н.А. Некрасова

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-56159 от 15 ноября 2013 г.

Подписано в печать 17.12.2014.
Дата выхода в свет 02.2015.
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 40,2 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 104.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна